Oil

MAHTEOHTS

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

RETAILED HOSBOARETCH,

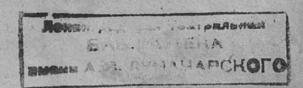
Осдором Кони.

48244 8224

TOM'S II.

МАРТЪ — КНИЖКА ТРЕТЬЯ. 1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

dHOHTHAM

West Harris

ARREST ESPANSES OF THE REPORT OF THE

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тъмъ, чтобы по напечатаніи представлено было узаконенное число экземиляровъ въ Ценсурный Комитетъ. Марта 22-го дня 1852 года. Ценсоръ *Н. Пейкеръ*.

ACPTACH SHEET CHAPTER OF THE TERMS

типографія эдуарда веймара.

Оглавление второго тома.

Книжка третья, март.

I. Изящная словесность.

Домашнее уложение. Комедия в одном действии, графини Е. П. Ростопчиной. (С. 3-42).

Майорша. Рассказ соседа П. М. Ковалевского. (С. 1-20). Брат и сестра. Эпизод их романа М. М. Достоевского. (С. 1-36). Бонакино. Повесть из воспоминаний о Сицилии Поля Мюссе. (С. 1-32).

II. История и теория искусства.

Макреди, как актер и толкователь Шекспира. П. П. Каменского. (С. 1-14). Письма о музыке. 1. По случаю оратории Гайдна. А. Н. Серова. (С. 15-26). Художественные силуэты живых артистов. Екатерина Николаевна Жулева, артистка русской оперы. Статья Ф. А. Кони. (С. 27-34).

III. Мемуары.

Записки Августа Вильгельма Ифланда. (С. 1-26).

IV. Театральная летопись.

Итальянская опера в Петербурге.

«Роберт» Мейербера. – «Нино» Верди. – «Сонамбула», «Пуритане» Беллини. – «Лукреция Борджия», «Линда ди-Шамуни» Доницетти. – «Свадьба Фигаро» Моцарта. – «Сарданапал» Джулио Алари. (С. 1-24).

V. Обозрение иностранных театров.

Франция. (Письмо из Парижа, от 1/13 марта 1852).

Большая Опера: Возобновление «Вильгельма Телля» Россини. Хор в двести человек. Тщеславие Дюпре. Новый тенор Геймар.

Итальянская опера: «Фиделио» Бетховена. Комическая опера «Звонарь города Брюгге», либретто Сен-Жоржа, музыка Альбера Гризара. Дебют новой певицы Вертембер.

Национальная опера: «Свадьба роз», слова Севеста и Дели, музыка Вильблаша. «Нюрнбергская кукла»: опера Левена и Боплана, музыка Адольфа Адана.

Французский театр: «Диана»: драма Эмиля Ожье. «За и против»: комедия Лафита и Ниона.

Театр Одеона: «Первая картина Пуссена»: драма Артюра Тальеня. «Бал у адвоката»: комедия Кармуша и Мельвиля. «Оригинал и копия»: комедия в стихах, гг. Нюма и Жотяра и Гармана.

Театр Драматической гимназии: «Страстно любимый муж»: комедия г. Розье. «Мадам Шлик»: водевиль Варнера. «Брак по зеркалу»: водевиль Гюстава Лемоана.

Театр Водевиля: «Блумеристки, или Реформа юбок»: водевиль гг. Клервиля и Леру. «Дама с камелиями»: драма А. Дюма-сына. Театр Разнообразия: «Красная коса»: водевиль гг. Дювера и Лозанна. «Общий колодезь»: водевиль тех-же авторов. «Любовные похождения трех пожарных»: водевиль гг. Моро, Сиродена и Делакура. «Спящий Париж»: сцены гг. Делакруа и Ламбера Тибу.

Театр Сен-Мартенских ворот: «Пуассарка»: драма гг. Дюпети, Деланда и Буржа.

Полерояльный театр: «Жакелева вода»: водевиль гг. Габиэля и Дюпеси. «Испанские танцоры»: водевиль гг. Баяра и Бьевиля. «Князь Аякс»: комедия Леона Лайя. «Молодость Блаво»: водевиль гг. Гюстана и Жюли де-Вальи. «Питомцы сцены»: водевиль гг. Баяра и Бьевиля.

Театр Драматических шуток: «Лакей негра»: водевиль гг. Бризбарра и Ниона. «Жизнь полишинеля»: водевиль гг. Моро, Гене и Делакруа. «Одна спичка между двух огней»: водевиль г. Оноре.

Театр Комической смеси: «Рыночная торговка»: драма гг. Анисе Буржуа и мишеля Массона. (С. 1-30).

VI. Смесь.

Быт современного Востока. Е. С. Македонского.

Статья первая. Вид городов, деревенские дома, отопление домов, мангалы, тандур, сады, препровождение времени, пляски, танцовщицы, лутисы, бой зверей, птиц и насекомых, импровизаторы, сказочники, джериды, фехтование, иллюминации.

Быт семейный: восточные женщины, мнения о положении женщин на Востоке, попечение о детях, омовение и бани, украшения, окрашивание тела, татуировка, прическа, бороды, одежда, трубки, кальян, опиум, винные погреба, щербет, лед, кофе, кофейни, цирюльни, пища, пилав, еще замечания о характере восточных людей.

Земледелие: земледельческие орудия, мануфактурные изделия, кашемировые шали, горноделие и обработка металлов, дамасские клинки, лошади, охота, рыбная и жемчужная ловля.

Пути сообщения: колодцы и постоялые дворы, ханы, караваны, судоходство, почтовые сообщения. (С. 1-51).

Рука и сердце. Повесть Иосифа Корженевского. (С. 52-60).

Грузинский театр. (С. 60-65).

Итальянская опера в Тифлисе. (С. 65-69).

Музыкальные воспоминания об Америке. П. П. Каменского. (С. 70-78).

VII, Московский вестник.

Необходимая оговорка.

Литература: Московские ведомости, Москвитянин. — О выходе «Бедной невесты» г. Островского. — Г. Писемский и его «Комик». — «Адам Адамыч»: повесть г. Михайлова.

Другие статьи литературного отдела: «Вильма»: рассказ г. Герца. – «Последний день Помпеи»: повесть г. Кулжинского. – «Счастливая женщина» гр. Ростопчиной и отрывок из ее стихотворения. – «Воспоминание» г. Стурдзы. – Стихотворения Щербины и стихотворения г. Михайлова.

Переводная часть «Москвитянина: общий ее характер. – Перевод из дантова «Ада», г. Мина. – стихотворные переводы со многих мудреных языков. – «Гаррик во Франции» г-жи Павловой. – «Муж-эгоист»: драматическая шутка г. Сумарокова.

Ученый отдел: обилие и странный выбор статей переводных. — Оригинальные статьи. — Материалы, их общий интерес и относительная на них скупость.

Современные известия: характер трех подразделений. – Летопись московских театров г. Григорьева. – Благотворения п. В. Голубкова. Смесь.

Критика и библиография: общие черты этого отдела. – Журналистика и ее характер. – Особенная строгость к «Современнику». – г. Эраст Благонравов и несправедливость к нему редакций. – Причины настоящего положения «Москвитянина». Как нужно смотреть на него? Надежды в будущем.

Замечательные явления непериодической печати: «Племянница» г-жи Тур. — «История России» г. профессора Соловьева. — Кончина Гоголя. — Тетры: новости русской сцены, некоторые самые интересные черты выполения. — Французский театр: общее замечание, новые сюжеты. — «Севильский цирюльник». — Новые балеты. — Память о г-же Андреяновой. Два слова о публике в отношении к театру. — Музыка, зрелища, общественные интересы. (С. 1-36).

VIII. Петербургский вестник. Несколько слов о Гоголе. — Русская литература за первую треть 1852 года: «Отечественные записки». — «Проселочные дороги»: роман г. Григоровича. — «Турист»: повесть г. Вонлярского. — «Чужая душа — потемки»: поговорка г-жи Тур. — «Преферанс»: повесть Т-ва. — «История Пенденниса»: сочинение Теккерея. — «Шхеры» и статья о лондонской выставке. — «Зооморфические божества у древних славян» г. Афанасьева. — Ученые и мелкие статьи. — Критика. — Общий вывод.

«Библиотека для чтения», ее характер. — «Регистратор» Кукольника. — «Драматическая пословица» Тальцевой. — «Капеллия». — «Женщина с бархатной кокеткой» А. Дюма. — «Джонсон и Боссевель» Дружинина. — Литературная летопись и Смесь. — «Амур-игрок» Долина. — Письма иногороднего подписчика. — Музыка в Петербурге. - Концерты Серве и Вьетана. — «Stahat Mater» Россини. — Сестры Дулькен. — Цирк. — Г. Карон,

воспитатель лошадней. О новой методе выездки и дрессировании Боше. — Новые музыкальные издания. — Фокусники и акробаты: Раппо и Герман. — Некролог: К. В. Третьяков. — Антонио Тамбурини. — Моды. (С. 1-40).

ХІ. Репертуар русской сцены. № 3. «Комедия без названия»: в одном действии. Соч. князя Г. В. Кугушева. (С. 1-22).

Оглавление второго тома. В главной конторе журнала Пантеон. Музыкальные новости. В магазинах В. Деноткина.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I. amount man

4.455 E + 18 A

AOMAWHEE YAOMEHIE.

комедія въ одномъ дъйствін,

Графини Е. П. Ростопенной.

посвящается

ВФРФ ВАСИЛЬЕВНЮ САМОЙЛОВОЙ.

представлена въ первый разъ

въ С. петербургъ императорскими, придворными актерами,

21-го января 1852 года.

REMINIAN CHORECINOCTS.

дъйствующі е:

АКТЕРЫ:

графиня ольгина, молодая вдова. Въ утрениемъ чепчикъ; на ней лътній неглиже, отдъланный кокетливо, но не
богато, по деревенски
КНЯЗЬ СВЪТОЗЕРСКІЙ, ея сосёдь
полковникъ пушкаревъ, помъщикъ (подагрикъ, но храбрый, добрый и весельчакъ)
МАРЬЯ СЕРГЪВНА , его жена, 25 лътъ, очень бойкая, съ претензіями на тонъ, разряжена безъ вкуса <i>Г-эка Самойлова</i> 1.
АЛЕША, ея двоюродный брать, убздный юноша, хорошенькій собою, 18-ти лёть

Дъйствіе происходить въ нижегородской деревит графини.

nex crange an inseres han

вы с. петервургы императорскими, придоривмы антерамы

опред ставорного до достой на продости ставор в в ставор ставор ставова и подата об ставова и подата ставор ставова и подата ставор ставова и подата ставор ставова и подата ставор ставова ставова и подата и подата

Гостиная, довольно обыкновенная: съ одной стороны диванъ, кресла, столикъ; съ другой — большой письменный столъ и другія кресла. Графиня у стола, пишетъ; князь сидитъ на диванъ, на противуположной сторонъ.

the tipedity of account with a submitted the contraction of the consequence

графиня (держить въ рукахъ листь бумаги и перечитываетъ вслухъ написанное). «Статья вторая. Мужъ любитъ свою жену болье всего на свъть и клянется составить ея счастіе». — Ужъ это въдь ръшено, подписано, утверждено!... Да, впрочемъ, такъ и быть должно въ благоустроенномъ супружествъ! Статья третья. — Вы ее знаете, — въ ней говорится о неприкосновенности и взаимномъ уважени всъхъ тайнъ того и другаго. — Слушайте теперь внимательно дальше! Статья четвертая: «Мужъ обязывается отнюдь не ревновать своей жены, — давать ей полную свободу, не стъснять ни выъздовъ ея, ни пріема гостей въ домъ». — Такъ-ли, князь?...

князь. Совершенно такъ, милая графиня! Это точное выраженіе моей воли и моихъ' желаній!

графиня (продолжая читать): Статья пятая. «Мужъ обязывается имъть къ своей женъ неизмънную, ненарушаемую ничъмъ до въренность. Онъ не требуетъ отъ нея ни отчетовъ, ни объясненій; онъ въритъ слъпо каждому ея слову, въ чемъ бы то ни было! »— Вы согласны?

князь. Согласенъ, конечно согласенъ! Вы только выразили то, что уже напечатлъно въ моемъ сердцъ!

графиня (кокетливо усмъхаясь). Вотъ видите, какъ вы хорошо сдълали, что поручили мнъ редакцію нашего Домашняго Уложенія Чегоже желать болье, когда палата единогласно одобряєть свою коммиссію?

князь (шутливо). Графиня, я надёюсь, что у насъ законодательная власть всегда будетъ въ тоже время и исполнительной?

графиня. Да, я надъюсь, наше уложение будетъ соблюдено?...

князь. О! вы въ томъ не должны сомнъваться, графина!... Наше домашнее уложение будетъ уважаемо и выполняемо въ точности. По крайней мъръ, съ моей стороны!... Если я такъ счастливъ, что вы дарите меня своею рукою, то жизни моей мнъ покажется слишкомъ ма ло, чтобъ наградить васъ за то всею моею любовью, всъмъ моимъ уважениемъ, всею моею преданностию.

графиня. Я върю вамъ, князь! Я върю вашему честному слову, а потому и соглашаюсь быть вашей женою, вопреки всъмъ моимъ прежнимъ убъжденіямъ Да! моя опытность и другіе примъры доказали мнѣ, какъ рѣдко встрѣчается истинное супружеское счастіе. Гдѣ найти женъ и мужей обоюдно довольныхъ своею судьбою?... Однако, что намъ до другихъ? Возвратимся къ нашему дѣлу! Оно такъ важно, что требуетъ всего нашего вниманія. Не оно ли должно упрочить всю нашу будущность? Не такъ ли?... Я продолжаю: Статья шестая. «Мужъ обязывается»...

князь (всканивая и подходя къ ней). Графиня, — ужъ не слишкомъ-ли много мы надавали обязанностей одному только мужу?... Не пора ли подумать и объ обязанностяхъ жены?

графиня. О! конечно, конечно! Послъ!... Въдь надоже сперва позаботиться о слабъйшемъ, оградить его права, выговорить ему привилегіи ...

князь. Какой-же вы искусный политикъ, графиня! Подумаешь, что вы только и занимались уложеніями! И такъ, графиня, чтожъ скажетъ намъ статья шестая?

графиня. Вы меня перебили, и я забыла, что хотъла предложить. Не припомню вдругъ. Скажите сами!

князь. Позвольте! Первою, второю, третью и слъдующими статьями опредълнотся полная независимость жены, права ея, и отношенія къ ней мужа; теперь, не сназать-ли намъ чего-нибудь и о домашнемъ устройствъ, о житъъ обоихъ вообще?...

графиня. Да вы же сами сейчаст хотъли приступить къ обозначенію личныхъ право и привиллегій вашей милости! Ужъ такъ и быть, займемся прежде ими, чтобы покончить съ ними заразъ и поскоръй!...

князь. Какъ вамъ угодно, — будемъ сочинять!...

графиня (вставая и подавая ему перо) Довольно я стенографировала, когда ръчь шла обо мнъ; теперь, дъло объ васъ — иншите сами!

князь (садиться на ен мњето; она облокачивается на спинку его кресла). И въ этомъ вамъ повинуюсь!... «Статья шестая.

Мужъ долженъ»... Нътъ не такъ! « — «Мужъ обязанъ»!... Не годится! Графиня, помогите мнъ; моя редакція не удается!...

графиня (не обращая на него вниманія). Ахъ, Боже мой, какъ несносно! Вотъ я себъ чернилами руку запачкала.. Охота-же мнъ была такимъ дъломъ заниматься!... Совсъмъ оно не женское! .. Въдъ правду говоритъ Баратынскій, что женщинамъ никогда писать ненадо и неслъдуетъ: «На пальчикахъ чернила остаются!»

князь. Покажите, графиня! (*Цвыуетъ ея руку*). Это пятнышко мнъ дорого, оно печать нашего договора!

графиня. О! до печати и подписи дѣло еще далеко!... Когда пройдеть лѣто ... когда станеть дорога ... когда мы оба отсюда уѣдемъ ... когда будемъ въ моемъ миломъ Петербургѣ ... посовѣтуемся съ родными ... посмотримъ ... разсудимъ!... Зачѣмъ намъ торопиться? Пусть время себѣ уходитъ, что намъ за бѣда, если мы не разстаемся!...

князь (встаеть). Какъ вы немилосерды, графиня! Все отлагательства!... Охота-же вамъ меня томить!...

графиня (кокетливо): Надо вамъ дать время надуматься ... и одуматься!... Кто знаетъ, какую перемъну въ вашихъ мысляхъ произведетъ Петербургъ?...

князь (съ упрекомъ). Графиня! Какая мысль, какое сомнъніе!... я этого совсъмъ не заслужилъ!

графиня (лукаво). Послушайте: я не хочу употреблять во зло наше пребывание въ пустынъ Да и мнъ самой отрадно будетъ убъдиться, что не минута и не случай привели васъ къ ногамъ моимъ... Я хочу быть увъренной въ томъ, что вы точно меня выбрали между всъми, а не нотому полюбили, что долго не встръчали никого другаго, кромъ меня!

князь. Я бы обидълся, еслибы не былъ увъренъ, что вы шутите!.. Но сжальтесь, скажите, долго-ли мнъ еще остается ожидать?..

графиня. Я совстмъ не тороплюсь проститься съ моею независимостью, разстаться съ моею свободою...

князь. Но кстати о свободѣ вашей: развѣ вы забыли, что это уложеніе ее — то именно и упрочить навсегда за вами!

графиня. Не мою одну, но и вашу, и вашу также!.. Въдь мы ищемъ и хотимъ общаго благополучія, для обоихъ равнаго спокойствія? Терпъть не могу, чтобы въ супружествъ кто-нибудь изъ двухъ стъсняль другаго, мъшалъ ему, надоъдалъ. Не могу видъть одного изъ двухъ жертвою другаго, какъ это слишкомъ часто попадается намъ въ свътъ. Однимъ словомъ, и мужъ, и жена, оба должны быть счастливы, любимы

нестъсняемы, и вотъ для чего мы и составляемъ теперь свое уложение!

князь. Да! вы хотите, и я также хочу, чтобъ между мужемъ и женой любовь была только звъномъ, соединяющимъ ихъ, а не цъцью, ихъ оковывающей; чтобъ она услаждала ихъ жизнь, а не тяготъла бы надъ ними, какъ ярмо. Мы хотимъ, не въ примъръ другимъ, чтобъ наше супружество было свободнымъ договоромъ, упрочивающимъ счастіе двухъ супруговъ, а не предлогомъ въчной войны.

графиня. Мы хотимъ доказать возможность прочнаго, ненарушимаго согласія. Намъ будетъ отрадно оправдать супружество передъ его порицателями, показавъ супруговъ уважающихъ другъ друга, супруговъ любящихся и вполнъ благополучныхъ. Это будетъ нашею цълью, нашимъ награжденіемъ, нашею гордостью... Такая благополучная чета не будетъ-ли для всъхъ отрадною, утъщительною картиною?...

князь. Особенно, если этими единственными, счастливъйшими супругами, этою образцовою четою будемъ мы съ вами! По для того
нужно сначала понять и узнать другъ друга; все предусмотръть, во
всемъ условиться. А этого передъ свадьбою обыкновенио никто пе дъластъ!... За то, какъ-же и живутъ на свътъ люди!... Что мы видимъ
большею частію?.. И подлинно, не скучно-ли, не глуно-ли любить другъ
друга по неволъ, быть согласными — по принужденію, угождать другъ
другу—изъ приличій!... Нътъ, между пами пичего подобнаго не будетъ!
Мы избираемъ другъ друга добровольно, одумавшись; мы должны, мы
хотимъ бытъ и оставаться счастливыми вполнъ, и какъ можно дольше, а
потому, между нами прочь ревность, прочь взыскательность, недоразумънья, капризы! — Наше прекрасное, премудрое уложеніе отстранитъ
отъ насъ все тому подобное; опирансь на его власть и силу, мы защитимъ себя отъ всъхъ слабостей; мы зарапъе утвердимъ, какъ умные
люди, уминій договоръ, и будемъ подчиняться только ему.

графиня. Вы не будете мѣшать мнѣ выѣзжать, когда и куда захочу?

князь. Вы не станете спрашивать меня, гдъ я былъ?

графиня. Если я до утра пропляшу на балѣ, или опоздаю къ обѣду, вы не будете меня бранить?

князь. Если я заиграюсь въ клубъ, или засижусь на пріятельской вечерникъ, вы не станете сердиться?

графиня. Я могу принимать, кого и когда вздумаю?

князь. Я свободенъ знакомиться, съ къмъ заблагоразсужу?

графиня. Наконецъ, миъ дозволяется танцовать, съ къмъ уголно, и сколько угодно?...

князь. А мит объдать у St. Georges и Дюссо, отлучаться на охоту, твадить въ Циркъ?...

графиня. О! всегда! всегда! Сколько угодно!.. Вы будете воз вращаться къ привычкамъ вашей холостой жизни, когда вамъ вздумается; будете проводить время съ товарищами, сколько вамъ угодно; я не стану вамъ докучать ни упреками, ни замъчаніями.

князь. А вы, — вы останетесь свътскою лучезарною звъздою, украшеніемъ и душею баловъ. Я никогда не буду вамъ въ этомъ мъщать!...

оба вмъстъ. Какъ вы милы! (Подають другь другу руки).

князь. О! мы составимъ примърную чету!

графиня. Намъ станутъ удивлятся и завидовать!

князь. И подражать даже, безъ сомивнія.

графиня. Да, мы введемъ въ обычай домашнія уложенія!

князь. А это прогрессъ, графиня!

графиня. Мы упрочимь покой всёхъ женъ и мужей на свётв! Это изобрётеніе, находка! Весь челов'єческій родъ будетъ намъ за это благодаренъ!

оба вивств. Намъ воздвигнутъ статуи.

графиня. Объ насъ разскажутъ потомству!

КНЯЗЬ. Λ что еще лучше, мы будемъ всегда счастливы, спокойны и согласны.

графиня. Будемъ любить другъ друга, безъ всякаго лицемърія, по влеченью!... отъ души!..

князь. Ахъ! скоро-ли начнется для насъ это благополучіе?

графиня. Сперва надо кончить наше уложение!

князь. А потому я продолжаю; слушайте. (Опять садится за столь). «Статья шестая. Мужъ и жена остаются вполнъ свободны, — свободны, въ полномъ смыслъ слова, избирать свои знакомства, развлеченія, отношенія ... даже ... (останавливается и смотрить на графиню).

ГРАФИНЯ (съ усмъшкою). Даже ... какъ бы это выразить?.... Ну, да слово развлеченіе, по моему, все выражаеть!...

князь (перебивая). Или нозволяеть все подразумъвать!...

графиня. Да! Это многозначительное, эластическое слово! Развлеченіе — въдь мы хорошо другь друга понимаемъ? — развлеченіе будеть значить и маленькое кокетство съ моей стороны, — и маленькую вътреность съ вашей ... Разумъется, дъло никогда не дойдетъ до измъны, о, нътъ! Боже упаси!.. Но почему-же намъ обоимъ отказаться отъ удовольствія нравиться также и другимъ, когда мы увърены, что въчно будемъ нравиться другь другу?... Изъ этого еще не слъдуетъ, чтобы

мы не признавали правъ и обязанностей нашихъ. Но мы только хотимъ навсегда истребить, уничтожить между нами ревность, эту несносную, глупую, неприличную ревность!... Ахъ! не даромъ мы оба отъ нея такъ пострадали! ...

князь. Да! И вы, и я, мы оба не даромъ были въ такой жестокой школъ!

графиня. Главное, вы меня не станете ни ревновать, ни запирать! князь. А потому мы и пишемъ тотчасъ: «Статья седьмая. Ревность уничтожается, какъ чувство лишнее, вредное, даже обидное. Въ бракъ по сердцу не ревнуютъ. Мужъ и жена клятвенно условливаются и обязуются никогда, ни въ какомъ случаъ, не ревновать одинъ другаго!..»

графиня. Ръшено!...

князь. Теперь, обозначивши наши обоюдныя права и утвердивъ наше взаимное спокойствіе, чтожъ еще остается намъ опредълить въ нашемъ уложеніи?..

графиня. Право, не придумаю! Ахъ, да!.. Не положить-ли чтонибудь въ случат ссоръ?

князь. Ссоръ, графиня?!! Помилуйте, да развъ между нами могутъ быть ссоры?..

графиня. Если вы полагаете, что ихъ не должно ожидать, то ... князь (спожватившись). А впрочемъ, пожалуй! Какъ знать? (Всторону). Покойная жена моя, бывало, придиралась ко всякимъ пустякамъ, чтобъ заводить ссоры. Доктора говорили, что это происходило отъ ея нервовъ ... а такъ какъ очень многія женщины слабонервны и стало быть капризны, то не худо принять заранѣе свои мѣры. Все-таки это будетъ безопаснѣе ... (Вслухъ). Конечно, графиня, вы всегда правы; вашъ свѣтлый разумъ все предвидитъ и вездѣ умѣетъ найти выходъ!... Я согласенъ; положимъ дружелюбно, какъ намъ вести себя въ случаѣ ссоръ ...

ТРАФИНЯ. Разумъется, виноватый обязывается всегда дълать первый шагъ къ примиренію ... Онъ долженъ стараться загладить свою вину ... просить прощенья!..

князь. Прекрасно, графиня! Это доказываетъ ваше доброе сердце!.. Я написалъ нашу осьмую статью. Теперь приступимъ къ девятой! графиня. Къ девятой?.. (Думаетъ.) Что бы еще?..

князь. Не договориться-ли заранве, въ случав, напримвръ, долговъ? графиня. Долговъ?! Помилуйте! Да развъ о долгахъ можетъ когданибудь быть рвчь между нами? Вы богаты, я тоже; — вы, разумвется, будете всъмъ управлять, а я стану только завъдывать своими булавками, — и конечно, васъ не разорю!

князь. Какъ прикажете! Если вамъ эта статья не нравится, такъ мы ее исключимъ.

графиня (тоже спожвативтись). А вирочемъ ... бъсъ лукавъ! можетъ случиться ... (всторону.) Ну, если мнъ вздумается заказать новую карету, — если приглянутся вдругъ дорогіе брилліянты ... или случатся какіе-пибудь необыкновенные расходы? Надо обо всемъ подумать!.. (Громко.) Князь, вы правы, вы благоразумны и идете въ ногу съ въкомъ; вы, какъ говорятъ, практичны!.. Я вамъ новинуюсь, оапишите статью о долгахъ.

князь. Ужъ она написана, посмотрите!... (Показываеть ей бумагу.) Теперь, кажется, наши условія полны и ясны; такія, какими вы хотьли ихъ видьть!...

графиня. О, да! да ... я теперь спокойна за свою будущность! .. Признаюсь, иначе, я никогда и ни за что не ръшилась бы на вторичный бракъ!... Вы сами знаете, какъ я была напугана первой несчастной моей попыткой.

князь. Да, я знаю, что вы было поклялись никогда опять не выходить замужь; знаю, что вы оставались для всёхъ недоступны и неумолимы. Мы знакомы уже три года, встрёчались чуть не всякій Божій день, а вы до-сихъ-поръ не только не подавали мнё никакой надежды, но и не хотёли даже принять, или просто одобрить моихъ исканій... Правда, вамъ тогда было не до меня: вы тогда блистали въ модномъ свётъ, плёняли всёхъ мужчинъ, уничтожали всёхъ соперницъ... гдъ вамъ было меня замътить?

графиня. Признайтесь, что и вамъ тогда было не до меня. Вы сами были такъ заняты, такъ поглощены шумными удовольствіями свъта!... Вамъ было некогда любить!

князь. Скажите лучше, что вамъ бы наскучило быть любимой мною! Надо было для моего счастія, чтобъ случай свелъ насъ здѣсь, въ глуши, въ деревнѣ, куда вы пріѣхали взглянуть на свое огромное хозяйство ...

графийя. И гдъ неожиданно нашла себъ хозяина!... Да, судьба, именно судьба все сама устроила, сблизила насъ, познакомила!... Я и теперь еще подъ часъ не върю, что ...

князь (ньэкно цълуето ел руку). Что вы ръшились сдълать меня столь счастливымь?...

графиня. Не то, но что я рѣшилась измѣнить слову, которое я сама себѣ давала столько разъ, — остаться навсегда вдовою.

князь. А я-то? Развъ я тоже не хвасталъ самъ предъ собою, что буду жить и умру неисправимымъ вдовцемъ?

графиня. Но не равняйте себя со мною! Если вы и были не совствить счастливы съ вашей первой женою, такъ это потому, что она была слишкомъ молода, избалована; быть можетъ, взыскательна отъ неопытности, отъ излишней любви! Но въдь вы сами были много, много виноваты! (Грозитъ ему.) Это всъмъ извъстно! Но я!... Я и тенерь дивлюсь, какъ вспомню мое терпънье.

князь. Вы шли замужъ по принужденью?

графиня. Какъ вамъ сказать? Я была почти ребенокъ, мнѣ было шестнадцать лѣтъ ... Я, какъ теперь вижу, сидѣла за нѣмецкимъ урокомъ (и мнѣ было очень скучно:), вдругъ, меня зовутъ къ матушкѣ,— иду такъ, какъ была, въ своемъ классномъ передникѣ,—въ гостиной сидитъ какой-то важный старичекъ, въ лентѣ; я присѣла, а матушка взяла меня за руку и говоритъ: «Вотъ твой женихъ».

князь. И вы согласились?

графиня. Развъ я знала, что можно было не согласиться?... Мнъ и въ голову не приходило такое неслыханное непослушаніе!... На другой день, мнъ завили букли; женихъ мой привезъ мнъ букетъ, потомъ брилліянты, — и недъли черезъ три отпраздновали мою свадьбу!

князь. И мужъ вашъ увезъ васъ тотчасъ въ деревню?

ГРАФИНЯ. На цълый годъ!!. Потомъ мы возвратились въ городъ. Но это было для меня почти все равно, что не выбажать изъ деревни: я никуда не показывалась! Дома мужъ мой никого не принималъ моложе пятидесяти лътъ! Я была окружена цълыми въками, это очень почтенно, но скучно очень. Правда, для меня отделали роскошный будуаръ, гостиную на славу, но какъ все это мит казалось пусто! Правда, мит выписали чудесную карету изъ Лондона, подобрали сърую четверню рысаковъ. — но въ этомъ блестящемъ зкинажѣ я каталась только съ графомъ, для его здоровья, по Невскому, почти шагомъ, мимо другихъ, гуляющихъ для удовольствія. Правда, у насъ были абонированныя ложи и во Французскомъ театръ и въ Итальянской оперъ, — но графъ послъ объда имълъ привычку спать, а когда бывало мы и соберемся въ театръ, то у него отъ музыки и освъщенія дълалась мигрень съ зъвотою, и онъ тотчасъ увозиль меня домой ... Наконецъ, позовуть насъ на балъ къ какому-нибудь посланнику, сошьють мив самое нарядное бальное платье, придетъ коаферъ, наколетъ мнъ цвъты, -я уберусь, одънусь,но у графа откроется подагра, и мит надо раздъваться и оставаться дома!... Вотъ каково было мое житье! Судите - же сами, — могла ли я не бояться втораго брака?

князь. Графиня, я васъ не увезу въ деревню, кататься будете вы со мною тогда только, когда удостоите меня чести вамъ сопутствовать, а въ оперу и на балъ я буду провожать васъ, хоть каждый вечеръ, если вамъ только будетъ угодно! Видите, что вамъ нечего меня бояться!... Такъ подпишите-же за одно наши условія и утвержденіе моего счастья. (Подаетъ ей бумагу и ведетъ ее къ столу.)

ГРАФИНЯ. Дайте еще подумать!... Но ... я слышу стукъ экипажа... (Бъжсить къ окну.) Кто-бы это могъ быть? А, это моя сосъдка, Марья Сергъевна . . я узнала ее допотопную коляску, по стуку всъхъ ея рессоръ!... Боже мой! я и забыла, что звала ее сегодня объдать!...

КНЯЗЬ. Какая скука!.. Самая пустая женщина!... Болтунья!... И какъ нарочно, нынче!... въ такой день!... Вдеоемъ, намъ было такъ хорошо!... Намъ еще такъ много оставалось досказать другъ другу, намъ нужно было поговорить и о дълъ ... Ахъ, это несносно!

графиня. Что-же дълать?... Сосъдка! нельзя-же было ея не пригласить?

князь. Что добраго, заберется съ утра и останется на цълый день!

графиня. Имъйте немного теривнья!... Впрочемъ, вы знаете, она довольно смъшна, и ни чуть не въ тягость, потому-что съ нею можно не церемониться.

КНЯЗЬ (поглядиет въ окно). Да она не одна!... Кто съ нею?...

графиня. Върно мужъ ея ... этотъ толстый полковникъ въ отставкъ, что всегда разказываетъ про свои сраженья, такой добрый человъкъ.

князь. Нътъ, это не онъ ... это ихъ родственникъ, Алеша! Ахъ, какъ скучно!

ГРАФИНЯ. Алеша, просто, мальчикъ, дитя, на него и вниманья нечего обращать.

князь. Но они будуть намъ мѣшать говорить чистосердечно, заниматься нашею будущностію, нашимъ счастіемъ ... Анда 1932 годам

ГРАФИНЯ (ласково). Полноте, развъ счастью можно мъшать?... Будьте милы, вооружитесь терпъньемъ и любезностью, примите благосклонно моихъ гостей! Но и я не ждала ихъ такъ рано, я еще не одъта; пойду скоръе кончить свой туалетъ, а вы похозяйничайте здъсь за меня, встрътьте пріъзжихъ. Въдь надо-же вамъ привыкать распоряжаться вмъсто меня!

князь. За это слово, — я готовъ на все!... (Пълуето ея руку).

графиня (идеть и возвращается). Я и забыла ... Ради Бога, князь, никому ни слова объ нашемъ намъреніи! Чтобъ все это покуда оставалось между нами!

князь. Это почему?... Развъ вы боитесь показать имъ, какъ я счастливъ?

графиня. О нътъ, — но знаете, это тотчасъ разнесется, наъдутъ съ поздравленіями ... Мнъ будетъ неловко!.. Не лучше-ли намъ однимъ, намъ двоимъ только знать о нашей тайнъ?..

КНЯЗЬ. Приказывайте! мой долгъ и мое удовольствіе вамъ во всемъ повиноваться. (Она уходить, онъ ее провожаеть и цълуеть еще разъ у нея руку.)

II.

внязь и марья сергъвна, которая входить съ алешей.

марья сергъвна (она говорить громко, рызко; смыется безпрестанно, дылаеть жесты, одита изысканно, манерится, однимь словомь, провинціальная франтиха и тонерка, впрочемь миловидная собою) Chère comtesse, bonjour! Мы немножко рано, я ... я была такъ нетериълива ... J'ai eu envie de vous voir!.. Мнъ надо вамъ разсказать ... (Оглядывается.) Но ея нътъ?... Гдъ-же графиня?

КНЯЗЬ (выступая). Графиня сейчасъ придетъ, Марья Сергъвна; она еще одъвается и поручила мнъ пріятную обязанность васъ принять.

марья сергъвна. Скажите! А я совсъмъ не ожидала васъ здѣсь встрътить. Я думала, что вы уже уѣхали въ Петербургъ?

АЛЕША (съ недовольнымъ видомъ). Какъ же вы могли это думать, кузина, когда вы еще вчера вечеромъ встрътили князева охотника и распросили его обо всемъ, что его баринъ дълаетъ; узнали, что князь здъсь, и не думаетъ никуда собираться?

марья сергъвна. Молчи, повъса! ты всегда болтаешь, Богъ въсть какой вздоръ. Vous radotez, petit garçon!

АЛЕША. Petit garçon — это вы теперь такъ говорите; но вы вы очень хорошо знаете, что мит скоро будетъ девятнадцать лътъ.

марья сергъвна. Девятнадцать! (Смњется)! Восьмнадцать только-что минуло, тому назадъ двѣ недѣли!.. И хоть-бы я знала, что князь еще въ своемъ помѣстьѣ, какъ-же мнѣ было надѣяться встрѣтить его здѣсь, у графини?

АЛЕША (вполголоса, но такъ, что встыт слышно). Не знали!.. а для кого-же выписывали новую шлянку изъ губернскаго города?... А для кого же торопились такъ, что мы дорогой чуть голову себъ не

сломали?.. (Hodxodumz κz $o\kappa uy$). Вотъ, лошади и теперь еще не отдохнутъ!.. всѣ въ мылѣ!

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА (зажимает ему роть). Молчать, говорю вамъ, Monsieur Lolo! (Киязю.) Вы, пожалуйста, его не слушайте и не върьте ему!

князь. Помилуйте, я не такъ глупъ и не такъ самолюбивъ!

МАРЬЯ СЕРГЪВНА (жеманно). Помилуйте... вы слишкомъ горды, напротивъ!

князь. Гордъ! Марья Сергъевна ... это почему? Когда и съ къмъ я гордился? скажите, прошу васъ покорно!

марья сергъвна. Боже мой!.. Да со всъми, кажется! Весь уъздъ зато на васъ въ претензіи, вы ни на кого вниманья не обращаете, вамъ ни до кого нътъ дъла!

князь (учтиво, по уклончиво). Потому-что никому во мнв нвтъ надобности! Я здвсь чужой, прівзжій, на время...

МАРЬЯ СЕРГЪВНА. Вы все лъто здъсь, и не заглянули ни къ кому изъ сосъдей ...

князь. Я такъ занятъ своими делами!

МАРЬЯ СЕРГЪВНА. Вотъ это подлинно прекрасно!... Дълами!.. (Смъется.) Занимаетесь своими дълами, когда вы безвътъздно у графини!..

князь. Мы съ нею сосъди, черезполосные владъльцы, — у насъ теперь идетъ размежеванье!

марья сергъвна. Полюбовное, конечно?..

князь. Какъ я вамъ благодаренъ, Марья Сергъвна, за это милостивое вниманіе! За заботу вашу о дълахъ моихъ!

МАРЬЯ. СЕРГЪВНА. Вниманье, вы сказали? Мое вниманье къ вамъ?.. Да кто-же вамъ сказалъ, что я вами занимаюсь, что я забочусь о дълахъ вашихъ?.. Не все-ли мнъ равно?

князь. Извините, Марья Сергівна, я такъ думаль, по вашимъ распросамъ!

МАРЬЯ СЕРГЪВНА. Это все виновать этотъ несносный болтушка, мой двоюродный братецъ; это его глупыя шутки!..

алеша. Вотъ цълый часъ, какъ я молчу!.. Но когда дамы сами такъ неосторожны, что не могутъ скрыть своихъ чувствъ, что ... что ...

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА (живо его перебиваеть и переоразниваеть). Что...что...Пожалуйста, не слушайте его, князь! Алеша ребенокъ... повъса ...

князь. Но, быть можеть, онъ намекаеть на кого-нибудь, — на котораго вы не стали бы сердиться?.. марья сергъвна (менво). Какъ? кто? Что вы хотите сказать?. князь. А то, что, въроятно, у васъ есть много другихъ поклонниковъ, и можетъ быть, одниъ изъ нихъ вами предпочтенъ?...

марья сергъвна (съ недовольным видомъ). А ... только-то!.. Вы думаете?.. И! возможно-ли здъсь, въ глуши, какіе здъсь поклонники? Провинціалы!!.. Да я бы ни на кого изъ нихъ и не по-смотръла!..

князь. А вы, Марья Сергъвпа, конечно не здъшнія? Вы изъ Москвы?..

марья сергъвна. Нътъ-съ!.. То есть ... бабушка моя родилась въ Москвъ, а маменька проъзжала черезъ Одессу; это правда, что я сама ... никогда не выъзжала отсюда ... но все-таки, знаете ... Ну, бабушка изъ Москвы, а маменька моя проъзжала черезъ Одессу ... Словомъ, мнъ здъшніе всъ страхъ какъ не правятся, и даже просто противны!

АЛЕША (злобио). Давно-ли? развѣ вы забыли, кузина, послѣднюю ярмарку, гдѣ вы такъ любезничали съ отставнымъ уланомъ?..

марья сергъвна. Вздоръ! вздоръ! я надъ нимъ только смъялась!...

алеша. А балы въ губернскомъ собраньъ, гдъ ...

марья сергъвна (сердито). Да перестанешь-ли ты?.. Я никогда не стану брать тебя съ собою въ гости! Ты мнт надотълъ! (Киязю.) Ахъ, кстати! васъ не удивляетъ, что мы прітхали съ нимъ вдвоемъ? Что меня мужъ такъ отпустилъ?..

князь. Нътъ! А почему бы мнъ удивляться?..

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Да развъ вы забыли, что мой мужъ никогда не отпускаетъ меня одну? что онъ таскается за мною вездъ, какъ

князь (улыбаясь). Ну, эта тінь, признаться, довольно здоровая, — полковникъ настоящій богатырь!.. А въ самомъ діль, какимъ образомъ ність его съ вами?

марья сергъвна. О! не бойтесь, онъ сейчасъ отыщется! Впрочемъ, это цълая исторія! Надо вамъ сказать, что мой мужъ ужасно какъ любить всъ свои старыя военныя привычки, и воображаетъ, что онъ все такой-же, какимъ былъ назадъ тому двадцать лътъ. Онъ все еще пробуетъ иногда надъвать свой старый военный сюртукъ, который ему не сходится, и все ъздитъ верхомъ на прежней своей лошади, которая подъ нимъ ужъ едва двигается. Онъ даже забываетъ, что у него нога прострълена, и разыгрываетъ молодца. Вотъ на-примъръ сегодня, когда я объявила, что сбираюсь сюда, онъ, какъ

всегда у насъ водится, сталъ прежде меня отговаривать, увърялъ, что жарко, что далеко ... Но когда я ужъ чего нибудь захочу, то быть по моему!.. Я настояла и велъла заложить нашу вънскую коляску ...

КНЯЗЬ (стараясь удержаться от смьха). А! она вънская?
МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Да, ее купилъ мой дъдушка, отъ какого-то очень знатнаго барина, который ее нарочно выписывалъ изъ Въны!
Ужъ конечно, такой другой не сыщется въ цълой губерніи!

князь (съ усмъшкою). Я'и самъ того-же мнѣнія, Марья Сергъвна! Но продолжайте исторію вашихъ походовъ.

МАРЬЯ СЕРГЪВНА. Да вы сами все перебиваете! Ну вотъ, я и велѣла заложить коляску, — а мужъ мой, (смпется) вообразите! кричитъ, чтобъ осѣдлали его парадера ... Я говорю: какъ можно, иятнадцать верстъ ѣхать на такой лошади, которая безпрестанно спотыкается и отъ старости едва таскаетъ ноги ... А онъ увѣряетъ, что она еще очень свѣжа и даже иногда горячится. Такъ и отправился, не смотря ни на какія отговорки! А знаете-ли, сколько лѣтъ этой лошади? вѣдь она ему сослуживецъ, онъ на ней былъ при этомъ сраженьи ... какъ бишь его зовутъ?.. Куликовскомъ, что-ли, онъ все о немъ говоритъ?..

КНЯЗЬ (смпьется). На Куликовской битвѣ!.. Нѣтъ, ужъ извините, Марья Сергѣвна, — этому слишкомъ давно, — ни лошадь, ни всадникъ не были бы живы до-сихъ-поръ!

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Ахъ! вы все смъетесь! какіе и вы тоже несносные! Вотъ лучше бы мнъ помогли припомнить ... сраженье подъ ... на ... Причемъ-же? Какъ бишь его?.. Мужъ мой все объ немъ толкуетъ всякому встръчному!.. Какъ бишь?.. Мудреное такое имя!.. я знаю, что на а начинается!..

Алеша (смъясь). Аустерлицъ?!..

марья сергъвна. Ну, да, именно, Аустерлицъ!

князь. Опять прошу извинить меня, Марья Сергъвна! Сраженіе это происходило тому гораздо болье двадцати льть, а выдь вашему мужу всего только сорокь!

марья сергъвна. Ахъ, какъ вы мнѣ надоѣли съ вашими разсчетами!.. Да не все-ли мнѣ равно? и вамъ тоже?.. Я вамъ говорю, какое-то сраженіе на а ... Вотъ Алеша знаетъ, да сказать не хочетъ! Всѣ только меня сердить хотятъ!.. (Топаетъ ногою).

АЛЕША. При взятіи Ахульго, на Кавказъ!

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. Ну да, да! Ахульго! я такъ и хотъла сказать ...

SHELL TEHA

SMONN A. B. JYMAHAPCHOLO

Machine Machine

князь. Вотъ это другое дъло! Ну, что-же мужъ вашъ и его лошадь?

марья сергвевна. Да то, что они и повхали себв шагомъ, а мы съ Алешей свли въ коляску, да, съвхавши съ горы, и велвли пустить рысью; вотъ мой мужъ и сталъ отставать. Однако все кричитъ намъ: «Ступайте, догоню! ступайте!» Наконецъ я велвла вхать во всю прыть, тогда онъ закричалъ было намъ: «стой, потише!..» Но мив ввдь все равно; ужъ какъ я разъ чего захочу, то пусть опъ тамъ кричитъ себв! Мы поскакали, онъ остался, и скоро мы его совсъмъ потеряли изъ виду (смпется). Онъ и теперь, я думаю, плетется все шагомъ! умора, просто умора!..

князь. Бъдный полковникъ! да онъ очень устанетъ ... мнъ жаль его!

марья сергъвна. И, ничего! онъ привыкъ!..

князь. А вамъ его не жалко, въ такой жаръ?... Онъ для васъ такъ добръ, такъ васъ любитъ ...

というなまするかい

марья сергъвна (жеманно). Еще бы!!.. такъ и должно!.. Мнъ что его жалъть?.. Охота ему щеголять на скакунъ! Я думаю. онъ и къ объду не дотащится! тъмъ лучше для насъ, тъмъ хуже для него! (Слышенъ топотъ лошади, Алеша идетъ къ окну).

АЛЕША. Совсемъ нетъ, вотъ онъ!

марья сергъвна. Какъ-же это такъ скоро? не можетъ быть!

АЛЕША. Да онъ не на своемъ парадерѣ ... тотъ върно сталъ на дорогѣ. Онъ на почтовой!.. Върно взялъ проъздомъ на станціи у смотрителя! Онъ ъдетъ къ крыльцу и очень усталъ.

МАРЬЯ СЕРГЪВНА. Ахъ, какъ нестериимо!.. Будетъ теперь разсказывать намъ свои приключенія. Князь, хотите—ли меня избавить отъ его жалобъ? Уйдемте куда—нибудь!.. пожалуйста, уйдемте!.. Спасите меня!..

князь. Охотно, да куда-же намъ уйти?..

марья сергъвна. Въ садъ!.. въ паркъ .. куда-нибудь! Пойдемте, я ни за что въ мірѣ не останусь здѣсь теперь ... побѣжимъ скорѣе!.. Алеша, а ты, если онъ спроситъ, скажи, что мы на фермѣ; онъ отправится туда, — а оттуда ужъ выберется не скоро. У него страсть разсматривать чужое хозяйство! Князь, бѣжимъ! (Беретъ князя подъруку, и бъжитъ съ нимъ въ садъ).

Land one lemest direct pull . Augus

- AREALA - Mire, sond tradement consensus and or and or and by the att and annument derive an entitlemental descention of all many and the

АЛЕША и ПОЛКОВНИКЪ ПУШКАРЕВЪ.

полковникъ (очень толстый, въ военномъ сюртукъ, безъ эполеть, съ ногайкой въ рукъ, говорить густымь басомь, смъется очень громко, вообще веселый малый и добрякь, входить съ шумомь, запыхавшись и кряхтя. Онь прихрамываеть на одну ногу). Уфъ, прахъ возьми!.. я насилу ... ахъ! что за пыль! (Кашляетъ, сморкаеть, чихается).

АЛЕША (подходя ко нему). Полковникъ, что вы? не случилось ли съ вами чего?

полковникъ. Вотъ люблю! — не случилось-ли чего?.. а ты ду. маешь, брать, это шутка, въ такой жарь, и съ такою пылью проъхать десять верстъ маршъ-маршъ?..

Алеша. Да зачёмъ-же вы торопились?

полковникъ. Зачемъ торопился? Какъ зачемъ? затемъ ... ну, чтобъ прівхать!.. Да въдь ты не знаешь, братъ, что со мною случилось? Въдь Мустафа подо мной сталъ ... я долженъ былъ оставить его на дорогъ.

Да, я видель, что вы на какой-то разгонной ... Но какъ АЛЕША. вамъ было поспъвать за нами на старомъ Мустафъ?.

полковникъ. Эхъ, братецъ, ты въ этомъ дълъ ничего не разумъешь! Мустафа совсъмъ не старъ, напротивъ, развъ слишкомъ горячъ! Мустафа конь славный, бывалый; онъ знаетъ меня, а я его; три похода вмъсть сдълали, весь Дагестанъ прошли насквозь, на всей линіи перебывали, Ахульго взяли, — и мало-ли еще чего? Свыклись, брать, съ нимъ и не то бы еще сдълали, если бы не нога моя проклятая, да не пуля этого чеченца некрещенаго! Да вотъ бъда, нынче день такой жаркой выдался, солнце, пыль, да и я-то въ семь лътъ отставки немного потяжельть. Сначала мы за вами поспъвали, но...

АЛЕША. Да, покуда мы шагомъ вхали, а потомъ вы и стали отre for lentury mon thempor an only by an appropria

полковникъ. Въдь я кричалъ, махалъ; нътъ, и не оглянулись! Вы намъ кричали ъхать живъе.

полковникъ. Пустяки, я хотълъ васъ остановить!.. А гдъ-же Маша? T. S. T. KORK-BORKS & TOO

Алеша. Она въ саду.

полковникъ. Съ графинею?

АЛЕША. Нътъ, мы графини еще не видали, она одъвается. Кузина пошла съ княземъ Свътозерскимъ, съ этимъ франтомъ изъ Петербурга!..

полковникъ. Вотъ какъ! съ княземъ, да!.. ну, а ты-то чтожъ съ ними? алеща. Меня не пригласили.

полковникъ. Не пригласили ... вотъ что ... молодъ-молодъ ... а ты и надулся?.. Ребенокъ, ребенокъ! (Смњется).

АЛЕША. Я?.. нисколько!.. Я остался ... потому ... потому-что я жду хозяйку дома и нахожу, что очень неприлично уйти гулять, не видавшись съ нею.

" полковникъ. Хмъ!.. это значитъ, ты очень сердитъ!.. Или, можетъ страстишка? А? хозяйка-то молоденькая, хорошенькая, такая тонная ... что, угадалъ?

АЛЕША. Нисколько! Я не влюбленъ и не сержусь ... Всякій воленъ забавляться — гдѣ и какъ ему угодно!.. Мнѣ-то что?

полковникъ. Что ни говори, а ты сердитъ ... взоѣшенъ!.. Впрочемъ, точно, есть за что̀!.. Взрослаго человѣка ститаютъ мальчикомъ... Это и я-бы не вынесъ! Когда ты одинъ, тобою занимаются. А теперь, пріѣхалъ франтъ изъ Петербурга, знатный князь, молодецъ — такъ вотъ тебя и въ сторону, молодъ-молъ! — и забраковали!..

АЛЕША. Полковникъ! я никому не позволю себя забраковать, а еще меньше шутить съ собою!

полковникъ. Да ты и на меня нападаешь! на защитника и союзника своего?.. Что ты это?.. Развъ не я всегда стою за тебя, и держу твою сторону, когда вы съ Машей спорите? Полно, братъ! Это не хорошо, это противъ всякихъ правилъ!.. Нътъ! ты лучше послушай-ко меня! Я тебя научу, какъ заставить считать себя за настоящаго мужчину. Знаешь-ли что? — приволокнись къ графинъ!

АЛЕША. Да я никогда не посмъю ... Это невозможно!.. Графиня такая свътская, блистательная дама ... а я?.. что я передъ ней?..

полковникъ. Смълость городаберетъ! Стоитъ только съ духомъ собраться! И тебъ тоже будетъ честь и слава, если ты усивешь хоть сколько-нибудь обратить на себя вниманіе модной, знатной дамы. Что станутъ говорить въ увздномъ городъ! подумай-ко!.. А съ какимъ уваженіемъ будутъ на тебя глядъть твои сослуживцы!.. Ухъ! я воображаю! Скажутъ, что ты ея женихъ!

АЛЕЩА. Да развъ они узнаютъ?.. Но мнъ въдь все равно! я не фатъ какой-нибудь...

полковникъ. Узнаютъ-ли? Да постарайся только, чтобъ тебя графиня пригласила погостить къ себъ на недълю, или повезла-бы те-

Print the short own or victors.

бя хоть разъ въ своемъ экипажъ кататься по селу, такъ я нарочно съвзжу въ городъ, и самъ всемъ разскажу! Да, всемъ!...

Алеша (первышительно). Вы думаете?... Впрочемъ, мнъ и это

полковникъ. Молчи, вотъ идетъ графиня! Смотри-же, я твой помощникъ! Живо, не робъй!... Можетъ, и въ самомъ дълъ въ женихи попадешь.

- Antimode Committee of the contracting of IV. in both appear to the contraction of the c

ar limit made track temper to me our ТВ ЖЕ и ГРАФИНЯ.

графиня (она въ прежнемъ изящномъ утреннемъ платыв, голова ея причесана изысканно, но безъ чепчика. а къ волосамъ приколоть свъжій цвътокъ, и такой-же у пояса). Здравствуйте, милая Марья Сергъвна!.. Да гдъ-же она?... а! полковникъ, добро пожаловать, вы здъсь ръдкій, но пріятный гость! Monsieur Alexis! очень рада васъ видъть! Но развъ вы одни? (Оглядывается). Гдъ же Марья Сергввна?

полковникъ. Убъжала, говорятъ, въ садъ; ей не сидится на мъстъ, ужъ она у меня такая походная жена.

графиня. Какъ убъжала ... одна?... И вы ее не проводили, господа?... Это не по-рыцарски! Mr. Alexis, развъ такъ съ дамами поступаютъ?

АЛЕША (съ намъреніемъ). О, не безпокойтесь, графиня! съ нею есть рыцарь ... она успѣла имъ запастись!

графиня. А ктожъ бы это?...

SOFT TREE STREET, STREET, CONTROL

алеша. Вашъ петербургскій гость, князь Свътозерскій!

графиня. Такъ чтожъ? одинъ другому не мъшаетъ, и вы пошли бы съ своею прекрасною кузиною! Въдь вы обыкновенно при ней неотлучно: что-же такое сегодня случилось?

полковникъ. Ахъ, какъ я радъ, графиня, что вы одного мивнія со мною! Я только что говорилъ Алешъ, что онъ, върно, въ ссоръ съ моею женою, но онъ не хотълъ признаться.

(обиженный, всторону, полковнику). Полковникъ, я ужъ замъчаль вамъ, что такія шутки неумъстны ... что онъ мнъ не нравятся ... въдь я, однакожъ, не ребенокъ, чтобъ меня дразнили! (Громко). Графиня, я оттого не пошель съ моей кузиною, что, право, прібхавши съ нею вдвоемъ въ коляскѣ, успѣлъ съ нею наговориться, и къ тому-же ... (Останавливается).

полковникъ. Къ тому-же, графиня, или, лучше сказать, не къ тому-же, а главною, единственною причиною его удержавшею, которую онъ сказать теперь передь вами не смъетъ, то, что онъ выжидалъ ва шего выхода, чтобъ первый имъть честь вамъ поклониться.

трафиня. Въ самомъ дълъ?... Это очень мило съ вашей стороны, Mr. Alexis!

АЛЕША. Точно такъ, графиня; кромъ того .. (опять останавливается).

полковникъ. Кромъ того, что онъ, уважая въ особъ вашей хозяйку дома, гдъ имъетъ честь быть принять, хотъль доказать вамъ свое усердіе, — онъ еще съ особеннымъ нетеривніемъ ожидаль удовольствія васъ видъть, потому что ... (Алеша дергаетъ сго сзади за рукавъ, чтобъ онъ замолчалъ).

графиня. Нетерпънье меня видъть?... Нътъ, полковникъ, это ужъ слишкомъ! Позвольте вамъ сказать, что вы преувеличиваете выраженіе мыслей вашего родственника!

полковникъ. Клянусь честію, ваше сіятельство. Да разгромитъ меня опять чеченская пуля, какъ подъ Ахульго, если это не сущая правда! Я только передаю то, что онъ говорилъ мнъ сейчасъ самъ, а передъ вами выразить не смъетъ. (Алеша дълаетъ знаки нетерпънія)

ГРАФИНЯ (см. ясь). А!... вы уполномоченный?... Но если и такъ, то вы, кажется, перешли за черту вашей довъренности ... Я вижу, что вашъ довъритель дълаетъ вамъ знаки, которыхъ вы не хотите замътить, и которые останавливаютъ мое самолюбіе, еслибы оно и вздумало слишкомъ занестись!

полковникъ. Какъ, графиня, что такое?...

АЛЕША (выступаеть отчаяние). Графиня! я точно ... хочу остановить полковника, потому- что я знаю, какъ онъ ... какъ его шутки ...

АЛЕША (въ величайшемъ смущеніи). Ради Бога, графиня, позвольте мнѣ вамъ объяснить!. Это не то!... я хотѣлъ сказать, что полковникъ привыкъ надо мною вѣчно шутить, но что онъ ни мало не знаетъ, не понимаетъ, не можетъ понять, почему ... почему я хотѣлъ имѣть честь остаться здѣсь ... Я, по приказанію вашему, занялся тѣмъ романсомъ, который вамъ нравился и къ которому вы намедни хотѣли

подобрать музыку... Вотъ онъ, я его привезъ ... (Вынимаетъ изъ кармана свертокъ, завязанный ленточкой, и подаетъ ей).

графиня. Какой романсъ?.. Ахъ, да, тотъ, что былъ въ журналъ (разсматриваетъ его). Чья-же это музыка? Гдъ вы ее отыскали?

АЛЕША. Я ея не отыскалъ, графиня ... я...

графиня. Такъ кто-же вамъ ее сочинилъ-здъсь, въ деревиъ?..

алеша. Я самъ, графиня ... желая учодить вамъ ... вчера вечеромъ задумался, фантазируя на фортеньяно, и нашелъ нечаянно мотивъ...

графиня. Вы сами? Я и не знала, что вы маэстро, сочиняете романсы!

АЛЕША (невольно). Я и самъ не зналъ!.. Это такъ случилось... Я... я думалъ о...

графиня. О комъ-же? Признавайтесь... (*Тихо*, показывая на полковника). Я вамъ не измѣню. *Мить* вы можете повѣрить вашу тайну!.. Для кого?..

АЛЕША. О совству не для кузины!

графиня. Какъ! не для нея? для кого-же?

АЛЕША (умоляющимъ голосомъ). Ахъ, умоляю васъ, графиня, не требуйте, чтобъ ...

de la care de la chime de la compania de sobre en reche cardidad, carren

programmika Camadan ca anguan Ser area tarah, andartan medana

Двери растворяются съ шумомъ, Марья Сергьвна вбъгаетъ, не обращая ни на кого вниманія, и, громко хохоча, бросается въ кресла, потомъ снимаетъ быстро свою шляпку и бросаетъ ее въ уголъ; немного погодя, входитъ князь, также поспъшно и со смъхомъ.

ТЪЖЕ, МАРЬЯ СЕРГЪВНА, КНЯЗЬ.

Secretariors of Commissions and Annie of the Commission of the Com

марья сергъвна (громко и домго хохочеть). Ну, ужъ князь! вздумалъ меня бъгомъ догонять!.. Нътъ, извините! со мной не легко спорить въ прыткости! Я въ горълки всегда всъхъ опережаю и меня никто не поймаетъ.

князь (входя, запыхавшись). Ну, Марья Сергъвна! Замучили вы меня, можете похвастать, — я не помню, съ какихъ поръ ужъ я такъ не бъгалъ! (Оборачивается, видить полковника и жметь ему руку; оба раскланиваются).

марья сергъвна (поспышно вставая). Ахъ, chère comtesse,

извините, я васъ не видала. Какая я дура, вътренница!.. Простите-ли вы меня?..

графиня (идеть ко ней и ласково обнимаеть). Полноте, милая Марья Сергъвна, между сосъдями, что за церемоніи. Мнъ бы слъдовало передъ вами извиняться въ моей неисправности; я не была еще готова, когда вы пріъхали, и не могла выдти въ гостиную, чтобъ васъ принять!.

марья сергъвна (обмахиваясь платкомъ). Это мы виноваты: забрались къ вамъ слишкомъ рано... Алеша говоритъ, что еще я наканунъ, съ вечера, велъла заложить экипажъ, чтобъ не опоздать... Но я ушла въ садъ, не дождавшись васъ, и...

графиня (ласково). Вы знаете, что меня нельзя ничёмъ такъ утёшить, какъ обращаясь у меня безъ всякаго принужденія; вы прекрасно сдёлали, что прошлись по саду, вы теперь такія свёженькія, хорошенькія. Это къ вамъ такъ пристало!

князь. Прошлись, говорите, вы графиня?.. Нътъ, не такъ! скажите лучше, что меня Марья Сергъвна заставила весь садъ пробъжать, да еще какъ — во весь духъ! я насилу добрался до дому!

полковникъ. Это она всегда такъ... Она страхъ какъ любитъ бъгать... Она дома цълый день бъгаетъ!..

марья сергъвна. Ахъ! это вы? какими судьбами? Я васъ не ожидала такъ скоро

полковникъ. Нечего дълать, перемънилъ лошадь; въдь за тобой не поспъешь.

марья сергъвна. Кто-же васъ просилъ поспъвать? (Киязю). Ну, князь, пари мое я выиграла.

князь (дълаеть ей знакь). Да ... вы побъдили!.

графиня. Какое пари?.. Вы спорили, кто кого перебъжитъ?

князь (принуждено). Да, — мы спорили...

марья сергъвна (живо перебивая). Нътъ, это не такъ! Надо разсказать, какъ было. Во-первыхъ, мы ушли отсюда...

князь. То есть, вы меня увели, Марья Сергъвна!

марья сергъвна. Это все равно!.. Мы ушли, потому-что Алеша видълъ, какъ подъбзжалъ мой мужъ, и я не хотъла слушать неизбъжные разсказы...

полковникъ. Ахъ ты шалунья! такъ это ты нарочно...

марья сергъвна. Разумъется, нарочно! Довольно съ меня и дома васъ слышать и видъть, а то еще, въ гостяхъ, и ... (взглядывая знаиительно на князя) и когда есть съ къмъ пріятнъе провести время!.. И такъ, мы убъжали въ садъ, тамъ князь предложилъ мнъ по-

князь (которому все время было неловко). Опять не совсёмъ такъ, Марья Сергевна; вамъ самимъ вздумалось покачаться!

МАРЬЯ СЕРГЪВНА. Ахъ! да не все—ли равно, кому прежде въ голову пришло! Коли не это, такъ много кой-чего вамъ приходило въ голову!.

князь (стараясь ее перебивать). Какія вы спорщицы, Марья Сергъвна! Ну, положимъ, что это я предложилъ.

МАРЬЯ СЕРГЪЕВНА. НЪТЪ, не положимъ, а такъ было. Ну, вотъ, мы и стали качаться, князь подымалъ доску все выше и выше, я испугалась...

князь. И стали кричать такъ, что меня самого перепугали...

полковникъ. Да, она у меня ужъ такая! всегда шумитъ и кричитъ, такъ что весь домъ всполошитъ.

АЛЕША. Помилуйте, кузина такъ неустрашима на качеляхъ и такъ отчаянно высоко качается, что никто не успъваетъ раскачивать! Для меня это ново, что она боится!..

МАРЬЯ СЕРГЪВНА. Для меня такъ-же ново, что Алеша смъетъ со мной спорить за каждое слово!.. Это сегодня только онъ такъ отъ рукъ отбился.

АЛЕША (ст неудовольствіемт). Сегодня ужъ такой день, что вст не въ своей тарелкъ...

графиня (желая ихъ примирить). Чтожъ дальше, Марья Сергъвна? Чъмъ кончилось ваше качанье?

марья сергъвна. Князь вздумалъ меня постращать, что уронитъ... князь. Марьъ Сергъевнъ вздумалось соскочить съ доски, чтобъ въ свою очередь перепугать меня нарочно!..

полковникъ. Ахъ, она въдь у меня шалунья, она всегда такова! графиня. Но вы не ушибдись, я надъюсь?...

марья сергъвна. О, нисколько, мы пошли къ пруду...

князь. То есть, Марьт Сергтвит угодно было туда побъжать!

МАРЬЯ СЕРГЪВНА. (передразнивая его). Да, мнѣ угодно было прибѣжать къ пруду, угодно было сѣсть въ лодку, угодно было покататься по водѣ!

князь. И угодно было отчалить отъ берега, покуда я еще стоялъ на серединъ лъстницы, такъ что мнъ пришлось скоръй соскочить въ лодку, чтобъ Марья Сергъвна не опрокинулась съ нею въ прудъ.

марья сергъвна (лукаво). Хорошо, извольте разсказывать дальше! . князь (въ большемъ замъшательствъ). Дальше, да! дальше, мы добхали до китайскаго мостика... (Марья Сергъвна глядить на него значительно и побъдоносно).

графиня (которая за ними примьчала). Что-же потомъ?.. Мы слышали ваши путевыя записки о сухопутныхъ похожденіяхъ, теперь ждемъ вашей Одиссеи.

маръя сергъвна (про себя, тихо). Одиссеи?.. Что это такое?.. Кажется, ни Дюма, ни Сю ничего такого не писали?

АЛЕЩА. Кажется, никто не расположенъ ее памъ сообщить!.. Графиня, а въдь должно быть любопытно; попробуйте разспросить кого-нибудь изъ путешественниковъ, Улисса или Минерву!

марья сергъвна (съ досадой). Минерву!.. что за вздоръ, Алеша? Какая я Минерва?..

графиня (сухо, поглядьет на князя и на Марью Сергьвну). Я насильно никого не разспрашиваю!.. Надо уважать чужія тайны!.. (Она отходить немного всторону).

князь (побываеть къ ней встревожанный). Тайны, сказали вы, графиня? Развъ у меня могуть быть тайны отъ васъ?..

графиня (очень тихо, но съ неудовольствиемъ). Почему-же нътъ? Развъ вы забыли третью статью? «О взаимномъ соблюдении п уважении всъхъ тайнъ того и другаго?»

князь. Но у меня, графиня, одна только тайна ... завътная, дорогая!.. Это та, которую вы мнъ никому не позволяете сообщить!..

графиня (ласково). Я тоже не уклоняюсь отъ уложенія, я не разспрашиваю ... я не упрекаю ... хотя мив кажется немного ... странно...

марья сергъвна (живо подбъгаеть къ нимь). Князь, посмотрите сюда... воть ... Ахъ! извините, у васъ секреты, я вамъ помъшала..

графиня (принужденно). Нисколько!.. напротивъ... У меня, право, нътъ никакихъ секретовъ!..

КНЯЗЬ (умоляющим голосом тихо графинь). Вы будто отъ меня отрекаетесь!

ГРАФИНЯ (тоже тихо ему одному, но ласково и съ улыбкою). Недовърчивость?.. а что говоритъ статья четвертая?

МАРЬЯ СЕРГЪВНА (какъ прежде). Князь! князь, да посмотрите же, вотъ цвътокъ: давайте гадать!.. Я хочу знать, какъ меня любятъ!.. помогите мнъ.

(Она береть князя за руку и отводить его на друмент строй сторону; князь сяждуеть за ней неохотно, оборачиваясь къ графинь, которая слегка пожимаеть нлечами; между-тъмъ, Алеша съ недовольнымъ видомъ смотритъ на свою кузину; одинъ полковникъ ничего не примъчаетъ и разсматриваетъ картины на стънахъ).

МАРЬЯ СЕРГЪВНА. Смотрите, — вотъ первый листочекъ .. люблю тебя, это всегда такъ начинается! Потомъ всюмъ сердцемъ ... далъе всею душею ... а немножко погодя, глядь, и такъ и сякъ, — а наконецъ иютъ ничего!.. совсюмъ нютъ!..

(Говоря это, она отрывала листочки одинь за другимь, и бросала ихь, коварно и вкрадчиво посматривая на князя, которому очень неловко. Графиня смотрить издали на эту сцену, потомы береть рукодылье и садится кы столу. Ея руки немного дрожать, но она сохраняеть наружное спокойствие).

КНЯЗЬ (отвычая Мары Сергывны, но глядя на графиню). Да, это бываеть ... въ маргариткахъ ... но на-дълъ ...

МАРЬЯ СЕРГЪВНА (переставая щипать листочки). Маргаритки не лгутъ; онъ знаютъ, что бываетъ на дълъ, и скажутъ мнъ!..

графиня (ст улыбкою, но голосомт измънившимся). На дълъ иногда говорятъ и повторяютъ люблю тебя ... встыт сердцемъ ... а поступками доказываютъ совсъмъ противное!.. На дълъ...

полковникъ (живо оборачиваясь). О какомъ это дълъ у васъ разговоръ, графиня?.. Не о взятіи—ли Ахульго?.. Вамъ, въроятно, угодно знать о немъ?.. Если прикажете, я разскажу подробно!

графиня, князь и алеша (въ одинъ голосъ, въ разныя стороны). Ну, пошель, опять!..

марья сергъевна. Ахъ! вы опять за свое въчное Ахульго?!.. Это невыносимо! Ужъ всъ сто разъ о немъ слышали!.. Графиня, прикажите ему молчать!

графиня (съ значительною улыбкою). Напротивъ, Марья Сергъна, я думаю, всъмъ очень пріятно слышать, какъ храбрый воинъ передаетъ такое замъчательное событіе, гдъ самъ не только былъ очевидцомъ, но даже принималъ участіе, отличился, былъ раненъ. Вотъ, князь Свътозерскій, върно, еще не слыхалъ подробно этого разсказа... Онъ его заинтересуетъ!..

но, я вамъ...

марья сергъвна (становясь быстро между ними). Ш. Нъть, нъть! отвяжитесь! Князю это наскучить!.. Ужъ я знаю!.. я по себъ могу судить!.. Князь, мои загадки интереснъе!.. (Мужу). Другъ

мой, знаешь-ли, ты мнѣ говориль вчера, что хочешь разспросить графинина управляющаго о какихъ-то сѣменахъ и о новой сохѣ, откуда-то выписанной... Вотъ, тебѣ-бы хорошо поговорить съ нимъ до обѣда ... да ты притомъ и прогуляешься; а какъ ты усталъ отъ верховой ѣзды, то прогулка пѣшкомъ тебя поправитъ!

полковникъ. Въ самомъ дѣлѣ, душа моя! Спасибо, что ты напомнила. (Другимъ). Вѣдь она у меня всегда такая! Всегда напомнитъ, гдѣ мнѣ дѣло есть!.. Безъ нея иногда-бы я и забылъ, но она такая умница!.. Графиня, позволите-ли мнѣ оставить васъ, и отправиться къ вашему управляющему?.. Любопытно получить отъ него кой-какія свѣдѣнія относительно агрономіи.

ГРАФИНЯ. Сдълайте милость, полковникъ, сдълайте милость! будьте у меня, какъ дома! Вы меня очень одолжите!

полковникъ (раскланиваясь). Такъ я пойду!.. До свиданія, ваше сіятельство! (Женть). Прости, дружокъ мой! не скучай безъ меня!.. Право, очень жарко теперь, боюсь устать, да въдь надо-же!..

марья сергъвна. Ничего, ничего! тебъ походить здорово! аппетить лучше будеть!.. Богь съ тобой! (Подаеть ему фуражку, и хлыстикь, и провожаеть его).

полковникъ (уходя). Спасибо, дружокъ мой! Въдь вотъ она у меня какая!..

view . VI.

тъже, безъ полковника.

АЛЕША (всторону). Его спровадила, но меня не проведеть!

графиня. Марья Сергъвна, князь, — не заняться ли намъ чъмъ нибудь покуда?.. Не хотите ли играть въ карты? Я знаю, Марья Сергъвна, у васъ въ городъ играютъ въ преферансъ? Это, можетъ быть, васъ позабавитъ?

марья сергъвна. О нътъ, графиня, благодарю васъ: я никогда не играю и картъ терпъть не могу!

князь (*тихо графинь*). Я говориль вамь, что она намь весь день испортить!.. Она неотвязчива и неугомонна!

графиня (также тихо). Вы находите? (Качаеть головою).

князь. Сомнѣніе, графиня?.. Вотъ и вы провинились противъ статьи четвертой.

АЛЕША. Моя кузина терпъть не можетъ картъ!.. Давно-ли?.. Обыкновенно, когда она въ городъ или у нея въ деревнъ гости, она такъ распоряжается, чтобъ отъ самого завтрака садились играть вплоть до объда, а потомъ съ объда, партіи и робоеры возобновляются до самаго ужина! Какъ, однако, характеры и наклонности скоро измъняются!

МАРЬЯ СЕРГЪВНА. Алеша, что съ тобой сдълалось? ты меня просто преслъдуешь?.. Будетъ-ли мнъ отъ тебя покой? Кончится тъмъ, что я или тебя за уши выдеру или возненавижу!

АЛЕША. На счеть перваго, милая кузина, — я ужъ не мальчикъ! а что до ненависти вашей, то, право, я ея не боюсь!..

марья сергъвна. Что я слышу? Онъ мнъ вздумалъ мнъ грозить?.. Что это значитъ?

АЛЕША, Я и самъ не знаю, какъ это случилось! Прежде я васъ боялся, мнъ какъ-то страшно было, а теперь!..

марья сергъвна. Такъ чтожъ теперь?

АЛЕША. Ну, больше не боюсь, вотъ и все!

(Во все это время князь и графиня тихо рсэговаривають между собою).

графиня (становясь между ними). Вы, кажется, ссоритесь? По звольте васъ помирить!.. Mr. Alexis, за что это васъ бранять?..

АЛЕША. Кузина удивляется, что я ея теперь не боюсь, какъ прежде боялся...

МАРЬЯ СЕРГЪВНА. Да, онъ прежде ... вы себъ представить не можете, какой былъ робкій! глядъть на меня не смълъ, не смълъ подать мнъ руку, чтобъ вести меня за столъ, или на прогулку; не смотря на всъ мои убъжденія и просьбы быть со мною какъ родной братъ.

графиня. Это доказываеть, въ его лъта истинную привязанность За это вамъ не слъдуеть его бранить!..

марья сергъвна. Такъ отчего-же онъ вдругъ пересталъ меня бояться?

АЛЕЩА (живо). Въроятно потому, что пересталь любить!..

князь (смотря на него съ удивленіемъ). А! вы перестали?.. Да развъ вдругъ можно перестать?

марья сергъвна (вытрено). Да не вы-ли сами, князь, сейчась въ саду мнъ толковали, что можно вдругъ перестать, и должно вдругъ начинать любить?

КНЯЗЬ (*пеловко*). Я?.. Нътъ!.. я не то хотълъ сказать... вы меня худо поняли... Вы, можетъ быть, не разслышали...

графиня (отходя поспышно, всторону). А!.. а!

марья сергъвна. Я очень хорошо слышала и поняла... Вы именно сказали ...

КНЯЗЬ. Вы ужасно болтливы! Вамъ ничего нельзя сказать, нельзя пошутить...

марья сергъевна (*также вполюлоса*). Да вы совсъмъ не шутили! Вы говорили очень сорьезно, даже ... въдь я, кажется своими ушами слышала!..

графиня (которая опять принялась за свою работу, но не вышивала, а смотрила на князя и Марью Сергивну съ возрастающимъ неудовольствиемъ). Мг. Alexis, подите сюда, вы мит не дали равсмотръть давича вашъ романсъ, я хочу взглянуть на него... подайте!

АЛЕЩА (почтительно идеть на ея сторону). Графиня, право, онъ не стоить вашего вниманія! Мнѣ совѣстно... (Въ это время Марья Сергьвна усаживаеть князя близь себя на дивань).

графиня (продолжая смотрыть на ту группу). Отчего-жъ совъстно?.. Въдь вы не настоящій маэстро, отъ васъ и не требують, чтобы вы перещеголяли вдругъ Глинку или графа Віельгорскаго!

АЛЕША. Вы такъ ничего не увидите, графиня, надо-бы спъть, или сыграть его! Кузина пъла его вчера — да я вижу, ей некогда!..

графиня. Некогда?!.. Чемъ же она занята?..

АЛЕША. Ужъ не знаю, чемъ или кемъ ... но только мне кажется, что не мною ... и тоже не вами, графиня! Извините!

ГРАФИНЯ (громко и съ особеннымъ выражениемъ). Почему-же-бы и мною? развъ только и дъла на свътъ, что заниматься мною?.. Нътъ, я не довольно взыскательна, не довольно глупа, чтобы этого требовать... (Она ожидаетъ, итобъ князь обернулся, но онъ не оборачивается и не перестаетъ говорить тихо съ Марьей Сергъвной). Знаете-ли что, Мг. Alexis?.. Пойдемте ко мнъ въ кабинетъ; тамъ есть какія-то дрянныя, деревенскія клавиры моей бабушки; мы на нихъ можемъ попробовать разыграть вашъ романсъ! Это всетаки дастъ объ немъ понятіе...

АЛЕША. Очень радъ, ваше сіятельство! Съ акомпаниментомъ я не такъ буду бояться!. (Они уходять; графиня останавливается еще разъ у дверей, смотрить на князя, и дълаеть знакъ неудовольствія и досады).

Ma . Tresses Santrox of our aVII.

князь и марья сергъвна.

КНЯЗЬ (съ безпокойствомъ оглядываясь при шумь отворенной двери). Ахъ! насъ оставили ... графиня ушла!..

МАРЬЯ СЕРГЪВНА (съ досадою). А вы безъ нея и минуточки посидъть не можете? квязь (уклончиво). Помилуйте, Марья Сергввна, кто-же вамъ это сказалъ?.. Я нимало... мнъ съ вами очень весело!

марья сергъвна (она въ продолжение всей этой сцены очень манерится). Вы это говорите мнъ такъ только... изъ учтивости! Я очень хорошо понимаю, что я вамъ нравиться не могу! Гдъ мнъ?.. Вотъ графиня, такъ это разница!

КНЯЗЬ. Графиня ... она ... конечно ... но не отнимая у нея всего ея достоинства, и даже, красоты ея, — почему-же полагать, Марья Сергъвна, что я ... что вы ...

марья сергъвна. Да, какъ-же? развъ я дура какая? развъ я не замъчаю, что вы при ней какъ-будто не хотите меня знать... будто боитесь мною заниматься... Вотъ давича, въ саду, когда мы съ вами были одни... такъ было другое дъло!

князь (учтиво). Мы и теперь одни, Марыя Сергъвна (оно оглядывается).

МАРЬЯ СЕРГЪВНА. Такъ за чѣмъ-же вы оглядываетесь?.. Вы точно кого-то боитесь?..

князь (живо). Боюсь!! Кого-же мнв бояться?.. развъ мнв есть за что бояться?..

марья сергъвна. Вы разсъяны ... развлечены!.. А вотъ давича, на качеляхъ ... вы были совсъмъ не такіе ... Вы ...

князь. Я хотёль передъ вами извиниться, хотёль поцёловать вашу ручку! Ну, чтожь! я отъ этого не отопрусь!.. Это еще не большой грёхъ!.. А вы зачёмъ этой ручкой хотёли сорвать у меня шляпу съ головы, когда я' васъ качалъ?..`

марья сергъвна. Вотъ видите, я-же вышла виновата!.. А потомъ, въ лодкъ, — кто тогда былъ виноватъ?.. Что-съ?..

князь (смъясь). Опять-таки не я!. Вы вырвали у меня изъ петлицы чудесную розу, которую, впрочемъ, я для васъ было и сорвалъ, но вы ея не захотъли отъ меня принять и я ее оставилъ себъ, какъ вдругъ она вамъ понадобилась, и вы ...

МАРЬЯ СЕРГЪВНА (съ хохотомъ). И я ее у васъ вытащила, по куда вы гребли и не могли бросить весла?.. Изъ этого не слъдовало еще, чтобъ ...

КНЯЗЬ (тоже смыясь). Чтобъ я захотъль отомстить вамъ. Но тогда вы мнъ предложили пари на discrétion, кто кого перебъжитъ?.. А кстати, вотъ вы сами мнъ напомнили, — въдь я выигралъ, Марья Сергъвна, а вы просто сплутовали!..

марья сергъевна. Вотъ прекрасно! въдь я первая сюда прибъжала!.. князь. Но въдь уговоръ былъ, бъжать прямо по липовымъ аллеямъ, а вы на перекресткъ повернули къ оранжереъ, и тъмъ на половину сократили дистанцію. Это фальшъ! несправедливость!.. По правиламъ всъхъ возможныхъ скачекъ и бъговъ, я жалуюсь на васъ!

марья сергъвна (очень эксеманно). Вольно-же вамъ было не догадаться!.. Стало быть ...

князь. Стало быть, что?...

Hime team, and I think the

МАРЬЯ СЕРГЪВНА (потупивши глазки). Стало быть ... вамь не очень хотълось выиграть!

князь (живо). А если такъ, если вы меня вздумали еще дразнить, то берегитесь! Я не хочу, чтобъ вы долже надо мной смъялись, меня дурачили ... Вы должны исполнить давишнее объщаніе, вы должны дать мнъ вашу ручку ... Я требую ... я выиграль discrétion ... Я ...

марья сергъвна Нътъ! этому не бывать ... никогда! Вы не выиграли... Ни за что на свътъ!.. Ни за что!..

князь (какт прежде). Но это несправедливо, Марья Сергвевна!. Это чисто обмань; дайте-же мнв ручку вашу!.. Не дадите? въ-самомъ-дълв не дадите?.. Я возьму ее насильно!.. (Онт беретт у ней руку; вт это время дверь отворяется, входить графиня, которая останавливается у входа, ст изумленнымт и недовольнымт видомт).

VIII.

графиня, князь, марья сергъвна.

князь (вскочива са дивана): Графиня... Вы ... вы видите споръ, который вы должны решить ... и...

марья сергъвна (почти вт одно время ст нимт). Это не споръ, а пари... Я... князь... (она путается и молчитт).

графиня (сухо и строго). Я, князь, какъ вы знаете, въ чужія дъла мъшаться не люблю!.. Извините, что я вошла невпопадъ ... я, право, не знала, не предполагала. Я пришла за моей работой, которую здъсь забыла...

князь. Графиня ... можете-ли вы подумать?.. ради Бога!.. Графиня...

(Она очень недовольна, дълаетъ шагъ впередъ, подходитъ къ столу и подъ работой находитъ уложеніе, которое они пэредъ-тъмъ сочиняли; она бросаетъ его на полъ, будто не нарочно, Князь поднимаетъ).

князь. Графиня, вы что-то уронили...

графиня (съ презръніемъ). Нътъ, — бросила... Это ненужное!... князь (Графинъ, умоляющимъ голосомъ). Какъ! Ненужное, вы сказали; взгляните, что это?!.

графиня (взглядывая будто неохотно). Только-то!.. Можете бросить!.. На что мнѣ этотъ вздоръ?.. Я повторяю вамъ, — это больше ненужно!

князь (тихо) Ради Бога, выслушайте меня!. Я не такъ виновать, какъ вамъ кажется... Эта увздная кокетка сама, какъ нарочно, меня вызвала на глупое пари... Я не зналъ, какъ отъ нея отдълаться... Право, все это такъ глупо, такъ просто!.. Разсудите сами!.. Графиня, — нътъ, вы шутите? Вы не можете сердиться?.. Вы...

графиня (съ досадой и твердо, хотя голосъ ея дрожить). Я не сержусь, князь, и не имъю права сердиться... Но я вижу, чего мнъ должно ожидать... Глаза мои открылись!..

князь (убъдительно). Да не вы-ли сами смѣялись надъ ревностію; хотѣли, чтобъ мы оба оставались при своей неограниченной свободоѣ... Наконецъ, не вы-ли предложили написать домашнее уложеніе?..

графиня (строго и важно). Довольно, прошу васъ! Вспомните, что мы не одни! (Презрительно показываето на Марью Сергьвну).

князь (страстно). Графиня, выслушайте только!.... Умоляю васъ, позвольте объяснить вамъ ...

марья сергъвна. (которая охорашивалась передъ зеркаломъ, подходить къ нпма). Что это мой герой такъ долго занимается вашимъ хозяйствомъ, графиня? Я пойду его отыскивать ...

графиня. Я бы пошла съ вами, но ... у меня голова что-то облитъ. Вотъ, князь васъ проводитъ.

князь (въ отчаяніи и досадь). Графиня, прошу васъ меня уво-

графиня (повелительно). Нельзя-же Марыв Сергввив идти одной!... Я васъ прошу, подайте ей руку и проводите ее ...

князь. Вы приказываете, графиня, я .. повинуюсь! (Неохотно подаеть руку Марыь Сергывны и уводить ее).

марья сергъвна. (yxods). Ахъ! что за несносный человъкъ мой мужъ!... въчно уйдетъ и запропастится невпопадъ!

IX.

графиня одна.

Она садится на диванъ, гдъ прежде сидъли уходящіе и закрываетъ лицо руками. Молчаніе, потомъ она говоритъ взволнованнымъ голосомъ.

Нътъ, — этого я не ожидала!... Такъ скоро!... И для кого?!. Тому часъ только, — онъ не могъ существовать безъ меня. . дышать не могъ иначе какъ при мнъ и для меня, а теперь!... Что съ нимъ сдълалось? чъмъ онъ увлекся?... Кто его прельстилъ? Не самъ ли онъ лавича смъялся надъ нею, говорилъ о ней съ пренебрежениемъ, какъ о самой жалкой ничтожности, - даже досадовалъ на ея прівздъ ... а теперь?!. (Она утирает глаза платкомо). Да и я хороша!... (Встаеть). Чему я удивляюсь?... Развъ я не знаю давно, что всъ мужчины таковы... вст, вст, вст до одного, безъ исключенья!... вътренники ... волокиты самые пустые ... словомъ, ровно ничего не стоятъ, ръшительно ничего!... И чего мнъ огорчаться?... О чемъ тужить?... О томъ, что его сіятельству угодно было вскружить голову увздной кокеткъ, поцъловать, можетъ быть, ея не совсъмъ аристократическую ручку, загоръвшую и... (глядить на свою руку, улыбаясь) Ну, мнъто что?... (Смњется). Нътъ, право, огорчаться тутъ нечъмъ! Вотъ посердиться — такъ это другое дъло!... А, ваше сіятельство вы такъто?... хорошо!... Я вамъ за это отплачу ... даже съ процентами ... Мы поквитаемся!! Вспомните, да и не разъ, ваши деревенскія продълки съ сосъдками!... Вотъ вы какъ?... Берегитесь, я лишь только дождусь случая и тогда посмотримъ, съумъю ли я вамъ отомстить!... Вотъ только-бы случай!... Больше ничего не желаю!... Остальное ужъ мое дъло!...

X.

АЛЕША входить, что-то напъвая, но увидя графиню, вдругь останавливается и принимаеть робкій видъ.

графиня (всторону, весело всплеснувъ руками). Ахъ! вотъ онъ, вотъ мой случай!... не заставилъ себя долго ждать! (Громко). Это вы, Алеша! Что вы такъ крадетесь? Подите сюда!...

АЛЕША (не смъло). Я не зналъ, графиня ...

графиня. Чего вы не знали?

АЛЕША. Что вы здёсь ... однё!...

графиня. Ну, такъ чтожъ?... Развъ вамъ непріятно, что я одна?.. Вы какъ будто испугались!... Ахъ! какіе вы все еще церемонные! какъ это смѣшно! Знаете, и мнѣ, пожалуй, съ вами сдѣлается неловко, когда вы меня будете такъ дичиться!... Да, увѣряю васъ, я себя знаю!.. Ко мнѣ пристанетъ ваша робость! Ахъ, ... да я, кажется, назвала васъ просто Алешей? Это, можетъ быть, вамъ непріятно?... Изините! я у васъ прошу прощенья, Мг. Alexis!

АЛЕША (nodxods). О, помилуйте, графиня, какъ вамъ можно извиняться?... я, напротивъ, за счастье почитаю ... я ...

графиня. Такъ вы не сердитесь?... Очень рада!... Если такъ, то я буду продолжать, буду всегда васъ такъ называть теперь!... Алеша! это какъ-то скоръе говорится, чъмъ Monsieur Alexis, и ловчъе ... Подите сюда, Алеша, сядьте, поговоримте! .. (Она показываетъ ему мъсто возлъ себя на диванъ).

АЛДША (подходить неръшительно). Графиня, право я не знаю, какъ васъ благодарить за честь ...

графиня (весело усмъхаясь). За честь?... Какая же туть честь?... вы у меня гость, я хозяйка, и какъ слъдуетъ, приглашаю васъ състь, а вы благодарите!... Нътъ, это очень смъшно!... Да сядете-ли вы, наконецъ?...

алеша (садится на край дивана). Вы такъ снисходительны!...

графиня Снисходительна?... Опять фразы!.. и какія длинныя!.. Пожалуйста; оставьте ихъ! Безъ нихъ гораздо лучше; говорите со мной просто ... Слышите-ли? я такъ хочу!... Говорите со мною ... ну вотъ, хоть какъ съ вашей кузиной, Марьей Сергъвной!

АЛЕША (живо). Съ вами, графиня, чтобъ я говориль какъ съ моей кузиной?... О! это невозможно!... Это совсъмъ не то!...

графиня (притворяясь обиженной). А, это совсёмъ не то?... Вотъ какъ!... Да, понимаю ... Mr. Alexis не находить меня достойною равняться съ его кузиной!

АЛАША (испугавшись). Помилуйте, графиня!... вы не такъ поняли, я совсъмъ не то хотълъ сказать!... Я думалъ, какъ вамъ себя сравнивать съ моей кузиной ... Что она передъ вами? Только я не умълъ выразить моей мысли ... я ... право, простите меня, графиня, я не знаю, что говорю!...

графиня (ласково) Бъдненькій!.. Отчего-же это?.. Что съ вами дълается?.. Вы разсъяны ... грустны?..

АЛЕША. Нисколько!... О чемъ мнѣ грустить?.. Но ... мнѣ чтото страшно!..

графиня Страшно!.. Отчего-же? или кого это вамъ страшно?... Неужели вы меня такъ боитесь?... (Смъется). Знаете-ли, что это совсъмъ для меня не лестно?.. Я васъ пугаю!... Да почему-же вы меня боитесь?.. что во мнъ страшнаго или грознаго?.. И очень боитесь?.. признавайтесь!

АЛЕША. Я !.. Вотъ видите-ли, графиня, чтобы объяснить вамъ, что со мной дълается, надо-бы вамъ разсказать слишкомъ многое !..

графиня. Такъ разскажите!.. я слушаю!

АЛЕША (ободряясь мало-по-малу). О! это васъ не можеть занимать!.. Что вамь до меня?.. Вы такъ далеки отъ меня по своему положению въ свътъ, по призванию, по всему ... Сегодня, вамъ нечего дълать, сегодня вы здъсь, однъ, въ деревнъ, вдали отъ вашего большаго свъта, вамъ покорнаго, — и вотъ, вы отъ скуки, можетъ-быть, даже просто по разсъянности, занимаетесь мною, распрашиваете меня... завтра? Завтра вы уъдете и никогда въ жизнь свою не вспомните обо мнъ! А я ... (останавливается).

графиня. А вы?.. что вы? Ну, продолжайте ...

АЛЕША. А я, графиня, я никогда не забуду, чёмъ вы были для меня!..

графиня. Чёмъ-же я была для васъ?... До-сихъ-поръ еще, кажется, ровно пичёмъ; пи даже вашей повъренной... Мы въ первый разъ какъ-то сегодня разговорились немножко... (Улыбаясь.) Вы меня всегда такъ боялись!...

АЛЕША. И теперь еще боюсь, графиня!.. Но я вижу, какъ вы добры, снисходительны, я понимаю васъ, и потому, начинаю привыкать, быть съ вами откровеннъе...

грфиня (ударяя его выеромо по плечу.) О! да вы и льстит умфете?.. Гдв научились?.. Ну, теперь, разскажите то, что было вызвались мнъ разсказывать!

АЛЕША. Это для того только, чтобъ вы могли понять меня, и ... и мив простить!.. Я, графиня, хотя и здвшній, такой-же поміщикъ, какъ всв наши сосіди, но я жиль здісь не всегда, не безвыйздно, и хотя не бываль въ большемъ світь, но видаль его издали, и могу судить о томъ, чего недостаеть въ моей жизни, и чего просять, чего требують всв силы моей души, моего сердца!.. Я воспитывался въ Петербузгь, въ школь, — но опасно занемогь, и какъ быль одинь сынь

у родителей, то меня взяли назадъ, кое-какъ дома довоспитали, съ помощію учителей, — и записали въ службу, въ увздномъ городъ, чтобъ со мной не разставаться. Судите-же о положеніи мальчика, видъвшаго, понявшаго многое, успѣвшаго пожелать всего лучшаго, блестящаго, — и осужденнаго проводить жизнь въ убійственной тиши, въ удушливой скукъ маленькаго городка, гдъ пътъ блестящаго общества, нътъ столичной жизни, нътъ прелестныхъ женщинъ!

ГРАФИНЯ (улыбаясь). Ужъ будто и женщинъ нътъ!.. А кузина? АЛЕША (махнувъ рукой). И ... и ... кузина!.. Да! это правда, она прежде казалась мнъ женщиной, покуда ...

графиня Покуда что?

АЛЕША. Покуда я не увидаль настоящей женщины!.. Женщины не только по красоть, но и по душь, по блестящему уму, по этой упоительной, чудной атмосферь, которая ее поэтически окружаеть!.. Женщина!.. Какъ много въ этомъ словъ!.. Какой міръ оно въ себъ вмъщаеть!...

графиня. Что съ вами сегодня дълается, Алеша?.. Давича открылось вдругъ, что вы музыкантъ, сочиняете романсы. Теперь выходитъ, что вы поэтъ, импровизируете!..

АЛЕША (ст. эксаромт). О! какъ мнт не сдълаться и музыкантомъ, и поэтомъ, всёмъ, чтмъ только вамъ угодно, когда вы ...

графиня. Когда я?.. Что-же дальше?.. Когда я...

АЛЕЩА Такъ ко мив снисходительны и такъ меня зовете!..

графиня Если это вамъ пріятно, я пожалуй, васъ опять такъ назову ... Алеша ... Такъ вы меня теперь больше не боитесь? ..

АЛЕША (съ увлеченіемъ, вставая). Я васъ обожаю, ... и ... больше ничего знать не хочу!.. Ахъ! какъ давно, какъ часто, какъ пламенно ждалъ я васъ!.. Какъ звалъ васъ еще невъдомую, но пред чувствуемую моимъ сердцемъ!.. Представьте себъ, каково носить въ душъ идеальный образъ существа высшаго, лучшаго, и знаться только съ тъснымъ міромъ помъщицъ и обывательницъ уъзднаго городка!... Поутру читать Шиллера, Пушкина, Жоржъ – Занда, восхищаться Теклой и Луизой, влюбляться въ Таню и Марину, мечтать о Женевье въ, объ Эльвиръ; а вечеромъ сидъть у карточнаго стола, слушать разговоры о хозяйствъ и присутствовать при борьбъ уъздныхъ самолюбій!.. Вотъ она, моя судьба, грустная, скучная, въчно однообразная!... И какъ еще я уцълълъ?... Но, я номню, какой-то голосъ сердца говорилъ мнъ: «надъйся! она пріъдетъ!» И вдругъ, графиня, вы яви—

лись, вы припесли съ собою и въ себъ всъ очарованія, о которыхъ мечталь я, — бредиль, и ... и ... (Онъ ходить въ волненіи взадъ и впередъ по комнать).

ГРАФИНЯ (ласково и шутливо, итобъ его успокоить). И вы теперь еще бредите, милое дитя мое!.. Но это простительно въ ваши лъта!.. Скажите мнъ...

АЛЕЩА (подходя уже безъ боязии). Такъ вы не сердитесь на меня?.. Вы меня не гоните?..

графиня. Напротивъ, зову васъ! за что мнъ на васъ сердиться?..

АЛЕЩА (съвъ опять на диванъ). О, графиня! я не знаю, какъ васъ благодарить!.. (Опъ съ жаромъ цълуетъ руку графини).

XI.

Тъже и князь.

князь (входить, говоря громко). Ахъ! насилу-то я отъ нея избавился!.. Что за неотвязчивая, эта Марья Сергъвна! (Вдругь останавливается, замьтя присутствующихь; его лицо мьняется, онь подходить холодно и принужденно. Алеша, увидя его, вскакиваеть съ мьста. Графиня остается въ своей позъ, и смотрить на князя безъ всякаго замьшательства). Я, кажется, испугалъ васъ, . . неожиданнымъ приходомъ?.. Вы говорили такъ жар-ко?.. я вамъ помъщаль ...

графиня (холодно). Да! правда, князь, мы васъ совстмъ не ожидали.

князь. Я насилу избавился отъ моей дамы, то-есть отъ той, которую вы мнъ навязали, графиня!..

графиня (*пронически*). Какъ это мило и обязательно для нея!.. Но какъ-же она не съ вами?.. Гдв вы ее оставили?..

князь. Мы отыскали ея мужа, — и она осталась съ нимъ, а я объясь, какъ съумасщедшій ... надъясь васъ застать одну, (значительно) горя нетерпъніемъ объяснить вамъ давишнее недоразумъніе ... Но ... я напрасно, кажется, торопился!.. (Горько). Я лишній, кажется!.

трафиня (вставая, съ особеннымъ выражениемъ). Да, и вы тоже, князь!.. (Молчание; встыть какъ будто неловко).

графиня. Mr. Alexis, ... (спожватившись) Алеша, — сдълайте мнъ одолженіе, — подите въ оранжерею, прикажите наръзать цвътовъ... побольше... да выберите ихъ сами!.. и велите при себъ связать два букета, — для кузины вашей и для меня. Вы принесете ихъ въ столовую: мы васъ тамъ будемъ ждать!

АЛЕЩА (кланяясь почтительно). Черезъ четверть часа, графиня, ваше приказаніе будеть исполнено! (Уходить).

графиня (кричить ему всльдь). Нътъ, не торопитесь!.. Теперь такъ жарко! Вы устанете, если все будете такъ бъгать!.. Слышите, Алеша, я не хочу, чтобъ вы бъжали!..

XII.

князь и графиня.

(Князь стоить задумавшись, быть хлыстикомь по сапогу; графиня ходить, играя вперомь).

князь (посли нькотораго молчанія). Такъ-то, графиня?..

графиня (тъмъ же голосомъ). Такъ-то, князь?... (Молчаніе).

князь. И вы ръшительно не хотите меня выслушать?.. Не позволяете мнъ оправдаться?..

графиня (насмышливо). Помилуйте! кто-жъ вамъ мъщаетъ?.. (Она отворативается).

князь. Да, вы теперь не помѣшаете мнѣ, потому-что стали не такъ строги, и ... потому что сами ... (неръшительно глядить на нее).

графиня (сухо и гордо). Потому-что сама ... что сама?.. князь (ръшившись). Ну, да! Сами также виноваты!

графиня. Виновата!.. Вотъ любопытная новость!.. Въ чемъ и какъ?..

князь (робко). То есть ... я хохъль сказать ... не совсѣмъ правы !..

графиня. Вы стали выражаться загадками!.. Терпъть ихъ не могу, и разгадывать не берусь!..

князь. Вотъ, вы опять разсердились !.. Я не буду смъть ...

графиня (съ притворнымъ хладнокровіемъ). Я вамъ, кажется, сказала, князь, однажды и на всегда, что я никогда не сержусь! Чтожъ далъе!..

князь. О! далье, надъюсь, не будеть ничего! и такъ довольно!.. графиня. О чемъ-же вы говорите? Я опять васъ не понимаю!

князь. Не притворяйтесь, вы слишкомъ умны, чтобъ меня не понимать!.. И слишкомъ добры, слишкомъ откровенны также, чтобъ долье мною забавляться! Вы меня хотъли наказать? . Я наказанъ!.. Вамъ угодно было дать урокъ?.. Этотъ урокъ я получилъ, и повърьте моему честному слову—никогда его не забуду!.. Теперь, — чего-же вамъ болье?.. (Приближаясь). Графиня, будьте великодушны — и простите меня!

графиня (все еще холодно). Простить васъ, князь?.. Но за за что ?.. Развъ вы виноваты ?..

князь. Виновать, слишкомъ виновать!. И приношу къ ногамъ вашимъ свою повинную голову. Но въдь вы знаете, что раскаяніе и признаніе называются каждое отдъльно полу-исправленіемъ; а такъ какъ я вмъстъ и каюсь, и признаюсь, то значить, я совершенно исправился! Вотъ вы, такъ дъло другое, вы ...

графиня (простодушно). Ахъ! какъ я старалась быть виноватой!...

князь. И не удалось?.. Не върю, графиня, вамъ все должно удаваться!.. Вотъ вы теперь вскружили голову этому несчастному мальчику: что изъ этого выйдеть?..

графиня. А вы върно боитесь Марыи Сергъвны?

князь. Она не стоить того !.. А развъ вы ее очень ненавидите?..

графиня. Теперь, — нътъ! но, давича ...

князь. Берегитесь, графиня, вы меня заставите гордиться!... Мало-ли что я могу себъ вообразить?... А знаете-ли, кто всему причиной?... Все ваше премудрое уложеніе!.. На бъду вы его затъвали... безъ него ничего-бы этого не было!

графиня. Какъ такъ?

князь. Да, выговаривая и себѣ и мнѣ полную свободу, нападая такъ рѣшительно на ревность, на супружескія ссоры за ... за развлеченья, — вы меня совсѣмъ сбили съ толку. Вы и меня, и себя ввели въ искушенье!... Вотъ почему всё и случилось!...

графиня. Вы думаете?... Такъ неужели наше уложеніе никуда не годится?... (Береть со стола бумагу). Если такъ (рветь бумагу на мелкіе куски, и бросая ихъ, дуеть на нихъ), взгляните, князь, пусть вътеръ уносить нашъ договоръ; я сдуваю вмъсть съ его клочками и самый слъдъ маленькой тучки, которая затмила было наше согласіе. Прочь уложеніе!... Вотъ вамъ моя рука на примиреніе! Мы уничтожимъ всякій поводъ къ недоразумъніямъ! Мы впередъ, безъ всякаго уложенія, будемъ спрашиваться только своего сердца, — и не огорчать одинъ другаго!...

КННЯЗЬ (береть ел руку и съ восторгомъ цълуеть). Такъ віч меня простили?.. Я вамъ также прощаю, такъ и быть!... Но вы меня, порядкомъ сегодня помучили!

графиня. Чемъ-же?

князь. Вы были слишкомъ разсудительны, слишкомъ хладнокровны говоря о ревности ...

графиня. Это потому, что я ее тогда еще не испытала!... А теперь ...

в **КНЯЗЬ.** Теперь вы понимаете, что любя, нельзя не ревновать. И отому, значить что ...

графиня (со сміжомъ, ласково и нъжено). Вы слишкомъ любошітны!.. Насъ ждуть къ объду! пойдемте за столъ. Подайте букеть Марьъ Сергъвнъ и будьте съ нею учтивы; но вспомните, что теперь между нами нътъ ни уложенія, ни условій, и впредь ужъ подобныя развлеченія вамъ не дозволяются.

князь. Одно слово, графиня! Я заступаюсь за статью вторую: «Мужъ любитъ свою жену болъе всего на свътъ, и клянется составить ея счастіе!...»

графиня. Это пусть будеть не статья!...

князь. А что-жъ такое?...

графиня. Пусть это будеть лучше, — истина и правда!. . (Она подаеть ему руку, занавысь опускается).

TRANSFORM THE RESIDENCE THE THE PROPERTY OF THE PARTY . REMORTE

are's side. Agreement of the companies o

spenegaty data perstate yeometra, avera valendaries relative concern

Trest demand average of the converge of the second of the contract of

H taregons of the guardine, represent the transfer of the control of the control

wood a from the file for the property of the form of the contract of the contr

Tata tiano de la composição de la como de la

and the same and t

Alleren drost . Thansamyasa kara maan

Charles Visite Anno Agg

THE STATE OF STREET, STRUCTURE

MAIOP III A.

PARCEARS GOCBHA.

П. М. Ковалевскаго.

Ученье — вотъ чума; ученость — вотъ причина! Горе отъ ума.

Вмисто предисловія.

- А всему вина, я вамъ доложу, воспитаніе! Въ старые годы, люди жили счастливъе, и дольше жили въ старые годы! Ужъ того не случалось, что теперь.
- Будто бы ужъ въ старые годы и отъ чахотки умирать не случалось?
- Умирали; кто вамъ говоритъ, что не умирали? Такъ за то въдь не было такихъ ... какъ бы вамъ сказать ... феноменовъ: ну, хоть бы вотъ, напримъръ, и этотъ случай! Умирали естественно и какъ приходится добродътельному человъку на лонъ семейства значитъ ... мужъ оплакивалъ, дъти, или тамъ кто другой изъ родныхъ, а не чужіе оплакивали люди, къ общему соблазну ... Все воспитаніе модное: чужіе, видите, лучше родныхъ. Да гдъ это слыхано?
 - Такъ въ старые годы, Андрей Андреичъ, чужой и любить не

смѣлъ, по-вашему? И по-вашему хорошо было въ старые годы? Всъ должны были чувствовать по стрункъ — не правда ли?

— «По стрункъ! хмъ! что вы называете по стрункъ? чувствовать по стрункъ? Экое выдумали слово! Досадно, право; даже доказывать не стоитъ ... А все воспитаніе!

Тутъ я увидълъ, что Андрей Андреичъ разсердился. Ему приходи лось сердиться всякій разъ, когда не върили его постоянно-недоказательнымъ аргументамъ. Но такимъ образомъ ускользалъ отъ меня разсказъ о чахоточной сосъдкъ, — а разсказъ, по объщанію самого Андрея Андреича, долженъ былъ казнить лучше остраго ножа, модное воспитаніе. Я поспъшилъ заискать въ Андреъ Андреичъ.

- Да, впрочемъ, къ чему ведутъ споры? замътилъ я, поддаваясь: — въдь можно доказать фактами ...
- Фактами! Ну вотъ то-то же фактами! Такъ вы-же мнъ дайте ихъ фактовъ! Только гдъ вы ихъ возьмете, я желаю васъ спросить, вашихъ фактовъ?

Тактика моя удалась. Я поскоръе призналъ себя несостоятельнымъ въ томъ, чего отъ меня требовалъ Андрей Андреичъ, и онъ, съ сознаніемъ побъды, принялся разсказывать.

1

Вы знаете, кажется, — довольно Близневку (говорилъ Андрей Андреичъ), — помѣщиковъ Близневыхъ? Ну, вѣдь знаете ... Всего-то отъ ихъ деревни до меня врядъ-ли четыре версты наберется ... Да нѣтъ, правда, не будетъ четырехъ верстъ до меня отъ Близневки: три версты съ половиною будетъ. Ну-съ, такъ этакимъ-ли, посудите сами, близкимъ сосѣдямъ да не жить было душа въ душу? Вотъ мы со старикомъ съ Близневымъ и жили себѣ по-старинному, согласно: ни вздоровъ, ни загона скота другъ у дружки — рѣшительно ничего! Жили, стало быть, по-сосѣдки, какъ честь повелѣваетъ жить столбовымъ дворянамъ.

Сосъдъ былъ человъкъ задорный, крутой! На затъи на всякія тратился по хозяйству — все затъвалъ! А какъ затъетъ что, не отступится; гнетъ — лучше надломитъ, а ужъ поставитъ на своемъ. Также все равно и въ домъ: барыня только знай наливки цъдить, да мотки собирать по бабамъ на деревнъ; а въ дъла ни въ какія не вмъшивай-

ся: ужъ такого быль нрава человъкъ! Зато въдь всъми ръшительно помъщиками быль уважаемъ! Въ предводители два раза выбирали; самъ отказался; — ужъ такого свойства человъкъ былъ.

Жили старики Близневы по закону по старинному — другъ другу въ пособіе. Жена свое счастье знала и мужу въ глаза смотръла. За то и онъ ей иной разъ ласку окажетъ; и понъжничаетъ съ нею бывало, — подчасъ даже при чужомъ человъкъ, позабывшись, мамунечкой назоветь и по щекъ потреплеть ... Ну, словомъ сказать, счастье тутъ было. А домъ — какъ полная чаша! И семьи-то всей — что ихъ двое, да дочка — однимъ-одинёшенька, дъвочка. А ужъ что за красавица была дъвочка — ихъ дочка! Будто теперь гляжу: въ бъленькомъ платьицъ, бъгаетъ по дорожкамъ въ саду; волосики черные, какъ смоль, такъ и подпрыгиваютъ сзади. А глазки — точно уголья черные! и вся такая смугляночка, — да хороша, что никакая бъленькая не поравияется съ нею. Помню еще, пристанешь, бывало, дразнить ее: что молъ не вымоете глазочковъ, — видите какіе черные! — А она и ну плакать: «Я, говорить, ихъ мыла, — да чтожъ, коли не отмываются. » — Такое, право, дитя было славное! съ роду не случалось мит такого видъть дитяти!

И росъ себъ ребенокъ, и уже выравниваться началъ. Такъ нътъ! мало показалось, учить начали. А учили таки не мало: учителя изъ города приставили уроки давать, — за сто рублей подговорили, на всемъ на готовомъ; и за столъ съ ними кушать садился ... Чего бы говорю, такъ нътъ! пріъхала изъ Петербурга тетушка, модница да воспитанная: надо говоритъ, ее воспитать по нынъшнему; опа, говоритъ, ни на что не похожа; выдержки, говоритъ, нъту ... Выдержки! будто ребенокъ лошадь, что ему выдержка нужна! Воспитаніе, видите, нынъшнее! что станете дълать! ... И взяла ребенка, и отвезла въ городъ, въ пансіонъ; а сама уъхала въ Петербургъ, — сбила съ толку честныхъ людей, да и уъхала! ... Старику-то было все одно: дочь — дъло женино. А жена — извъстно, женщина!.. ну и соблазнилась.

И пошли ребенка учить да мудрить по своему. И на первую же каникулу, какъ прівхало дитя въ Близневку, такъ узнать нельзя его было: и худа-то, и носъ повъсила; только знай, руки сложить одна подъ другую, будто выученная, да книксенъ сдълаетъ. Нътъ, чтобы уцъпиться тебъ за ноги, какъ бывало прежде, да ухватиться за шею! Куда! «Машенька! скажещь ей бывало: а ну, Машенька! на колънки; я покатаю тебя, какъ на лошадкъ!»... Куда! Машенька и глазки

опустить, и закраснъется ... словно барышня. А въдь всего-то пятнадцатый годъ ребенку! что туть!

Вижу я тогда, говорю: воспитаніе началось! и махнуль рукою на Машу. Думаю: не будеть изъ тебя проку, Машенька! Загубить тебя твое воспитаніе...

Чтожъ? въдь жалко вспомнить, а угадаль, словно впередъ забъжаль: запропастили-точно Машеньку!

II.

Такъ я и не видълъ Машеньки до самаго ея дъвичества: то не привезутъ, бывало, въ Близневку, говорятъ: мадама пансіонская учить отказывается послѣ Близневки; возвращается, дескать, мужичкою загорълою, набирается дурнаго обращенія. А она, сердечная, только и обращается, что гуляеть по стрункт съ матерью, да развт когда-когда забъжитъ посмотръть, гдъ коровъ доятъ, или тамъ солять что такое; гдъ пухъ, напримъръ, щиплютъ: извъстно, возрастъ дътскій — на все посмотръть хочется. А мадама сердится — говорить: обращение! Охъ, ужъ это мив обращение! На то развв не ребенокъ, чтобъ подурачиться да исцарапаться, лазивши по заборамъ, да загоръть, день-денской на солнцъ бъгаючи. Такъ и не везутъ, бывало, Машу на каникулы. А другой разъ, дъло къ празднику подошло: везти нельзя — простудится; ребенокъ хворать началъ. Видите, ужъ и хворать началъ! а давно-ли ни устали, ни холода не зналъ ребенокъ? То-то-же! все вотъ обращение! Законопатили ребенка въ горницу, да и ну воспитывать. Туть-бы только овгать еще, а его воспитывають: нарядили въ платье и руки складываютъ-ни дать, ни взять собачкъ ученой ... Эхъ, ужъ!

Такъ-то я и не видалъ Маши до самаго ея дъвичества.

А какъ прівхала она уже совсьмъ барышней ... Ну, теперь не гръшно и признаться, — какъ увидълъ ее, хотълъ подойти да поцъловать, какъ бывало прежде, — не могъ: руки опустились — струсилъ! просто таки струсилъ, какъ мальчишка — испугался, оробълъ! Такой красавицы и сниться не можетъ, какою прівхала Марья Никаноровна. (Старика-то Никаноромъ Степанычемъ звали, покойника, я и не сказалъ вамъ). Худощава, правда, была маленько, да румянцу куда противу прежняго меньше. Ну, ужъ за то какая рослая, да стройненькая ... ну, просто сказать, какъ ёлочка стройная. И глаза еще

ярче сдёлались; а волосы густые, прегустые; коса, словно змёя черная, извилася и опустилася на затылокъ. Эхъ, хороша пріёхала Машенька! Не будь я старъ, влюбился-бы ... непремённо влюбился-бы въ Марью Никаноровну, — что тамъ ни говори себё Никаноръ Степанычъ, — влюбился-бы! Ну, да ужъ видно не того ... А право, какъ вспомнишь только ... Ну, да что вспоминать! Шутитъ, бывало, после Марья Никаноровна, разсказываетъ, какъ я полагалъ, что будто пансіонскія барышни всё кусаются. Она, видите, знала, что я, то есть, не благоволю къ воспитанію.

Вотъ и стало у сосъдей по-иному. А ужъ тутъ-ли чего не доставало, кажется! И красавица дочка въ домъ, и довольство, и все такое, - ну, словомъ сказать, все ръшительно, чего человъку надобно. Кажется, гдв-бы и жить веселью, какъ не у нихъ только? Такъ нътъ-же; все пошло по иному: папенькъ-бы въ шестомъ часу подняться да на сънокосъ, накушавшись чаю ... Жена ужъ и знаетъ вставъ часомъ раньше, изготовитъ, заваритъ сама чай; поставитъ чайникъ на самоваръ и сливки сама сниметъ ... А дочка воспитанная почивать изволить! У нихъ, вишь, на что въ пансіонъ, да и то въ восьмомъ часу уроки начинались. — «Почему Маша не пьетъ чаю съ нами?» спросить, бывало, Никаноръ Степанычъ. — Голова у ней, Никаноръ Степанычъ, болитъ; встать не можетъ, - выдумаетъ бывало мать; а сама вся дрожить, знаеть, что муженёкь-то расходится... И ношли сердца да сердца: старикъ кричитъ, да хмурится, дочка день денской въ сдезахъ. Тоска одолъвала глядъть на нихъ. Прежде въ Близневку вдешь отвести душу; не нахохочешься луньею съ Машенькой, и домой бывало не хочется: тамъ и ночевать останешься; даромъ-что четыре версты всего. А тутъ, прівдешь: старики другъ съ дружкою ни слова, видно только, что оба разстроены; Марья Никаноровна, съ красными да подпухнувшими глазами, на тебя глядить не глядить, будто и прівзду твоему не рада. А ужъ я-ли, кажется, не добрый сосъдъ былъ, не самый искреннъйшій! Ну, да и то правда, въдь не худа-же они себъ хотъли! Такъ ужъ, значить, надо было тому быть ... и не миновали! А то смотришь: за книжкою Марья Никаноровна, и въ саду даже и то за книжкою! Иной разъ, совствъ темно, смеркается, а она все-таки отъ книжки не оторвется, да такъ себъ торопится, листочекъ за другимъ переворачиваеть, словно голодная хлъбъ ъстъ. Скажешь ей бывало: Марья Никаноровна! бросьте, голубчикъ мой, книжечку; дочитаете ужо, успъете, — день-то великъ; душечка! что въ ней, въ книжкъ-то, чтобъ вамъ себъ глазки дорогіе ею портить ... Такъ куда! махнетъ рукою только, словно отъ комара отмахивается, и слова не скажетъ; знай только читаетъ свое! Да еще какъ-бы вы думали, что и читала-то! Понасылала ей ... тамъ какая-то городская барышня, ея по пансіону товарка, значитъ, — книжекъ ей понасылала изъ города — да и книжекъ-то не русскихъ, научатъ въдь по всякому читать въ пансіонъ! Были между книжками сочиненія какой-то, сказывали, женщины — посудите сами, безпутная должно быть. Я-то, признаться, и не върю, чтобъ это была правда, только говорю вамъ, потому-что такъ слышалъ. Вамъ, можетъ, не приходилось? чего?

Я удостовърилъ Андрея Андреича, что мнъ не приходилось.

— Ну, вотъ видите! а вотъ-же всъ говорили, да еще и именемъ мужскимъ называли сочинительницу-то. Должно быть, что вздоръ! Мужчина и писалъ, върно, да только такъ на женщину — для пущаго, значитъ, соблазна выдумали... Ну, да ужъ кто-бы тамъ ни писалъ, а только книги были не путныя; и она ихъ читала. Смотръть-то было некому, — книги-же были французскія: ну, кто ихъ разберетъ, что въ нихъ написано! читала, читала, да и пошла задумываться. Бродитъ, бывало, около пруда, а ужъ солнышко куда — давнымъ давно съло, и на плотинъ тебя холодомъ обхватываетъ; а она все ходитъ, да все про себя что-то выдумываетъ! Товарки – то близко нъту, чтобъ съ къмъ побалагурить, да поразшевелиться нъсколько ... Съ отцомъ съ матерью ... ну, да Богъ ихъ знаетъ, — только не много имъ балагурить приходилось вмъстъ. Простудится, бывало, горло захватитъ — и пошла кашлять: кашляетъ бывало, кашляетъ! даже слушать больно! а тамъ и грудью жаловаться стала ...

Прошло всего четыре года такой жизни. Помѣщиковъ сосѣдей не было такихъ, чтобъ барышни ей сыскалися подъ пару; молодые, правда, были сыновья, ей-бы и партія хорошая, — ну, да она-то съ ними и разговаривать много не хотѣла, не то, что слушать отъ нихъ про какіе-нибудь амуры. Такъ-то и прошло четыре года! И куда стала другая Марья Никаноровна въ четыре-то года!

Какъ вотъ случись намъ вдругъ услышать, что полкъ придетъ въ ближнее селеніе, — полку кавалерійскому, значитъ конницѣ, прійтить доводилось. Пошли сборы да уборы въ селеніи. Пришелъ и квартиргеръ, и все, что по такому случаю бываетъ. На третій день и полкъ вступилъ. Повели лошадей на водопой, къ близневскому пруду; — самый, значитъ, къ селенію сосѣдній былъ прудъ близневскій. Да и село близко; даже къ нимъ все видно изъ села: солдаты то и дѣло

одинъ изъ избы выскочитъ, а за нимъ и другой себъ изъ своей, и третій изъ своей-же бъжитъ... И пошла потъха на селъ. Вечеромъ пъсни хоровыя затянули передъ маіорскою квартирою. А маіоръ холостой, изъ себя молодецъ; усищи длинные; ростомъ три аршина безъ малаго самъ; плеча... ну, просто, заглядънье мужчина! Въ церковь, бывало, прійдетъ, станетъ впереди; мундиръ на немъ такой — съ иголочки, ну, чудо! Всъ любуются да и полно! А ужъ матушки пуще всъхъ не наглядятся. Женихъ въдь — не сыскать такого! уйдетъ, пожалуй — а тамъ жди другаго.

Познакомился; отрекомендовался; сталъ бывать у Близневыхъ. Какъ сталъ бывать у Близневыхъ, да какъ увидълъ Марью Никаноровну — ну, просто прилинъ къ дому, какъ муха къ меду прилинъ. Чего-бы, кажется, надо? Старики ужъ земли подъ собой не щупаютъ; видятъ — рыба клюетъ! отъ дочки на шагъ не отступаются: была-бы только она помилъй съ суженымъ, да попріятнъе! А она — куда! словно съ помъщиками съ сосъдями, и съ нимъ такая-же: слова не выпъдитъ черезъ губы, надуетъ ихъ себъ подъ носомъ, — только знай твердитъ да да ньто, что тотъ ей ни причитывай, а своего ничего не скажетъ, хоть ты что! А все отчего, я вамъ доложу? все отъ книгъ, что поначиталась небывальщины! ей Богу-ну все оттого! Да вотъ, дайте я вамъ лучше поразскажу — по норядку разскажу все, какъ что было: сами тогда увидите.

III.

Скажу вамъ, напримъръ, хотъ-бы о маіоръ. Мнъ-то покрывать не для чего маіора! Быль онъ командиръ такой, что не нахвалятся имъ, бывало, офицеры и солдаты: и команду всякую, какъ свои пять пальцевъ, знаетъ, и лошадей ... ужъ что, то есть, до лошадей коснется, такъ другаго и не слушайте лучше, — такого мастера въ лошадяхъ мнъ и повстръчать другаго во всю жизиь не случалось! Ужъ такъ распишетъ вамъ коня, по жилкамъ всякую лошадь разложитъ, — просто красноръчіе! ничего не упустить — замътитъ и откроетъ все, хоть не повъряйте послъ. Былъ тоже онъ солидный и аккуратный человъкъ: и хозяйство у него всякое, и все, — даромъ что холостой — все это у него водилось. Словомъ сказать, офицеръ отличнъйшій. Не фразистъ былъ только передъ Машенькой: вотъ и помъха ему! Передъ Марьей

Никаноровной бывало слова путнаго не скажеть — несеть околесную такую, что, по чести, и со стороны-то за него приходилось больно. По этой части, не востерь быль. При другихь тамъ обстоятельствахъ, и говорить и судить такъ прилично, резонабельно судить. А какъ къ Марьѣ Никаноровнѣ достанется обратить рѣчь, тутъ-то и спѣшится! Я-бы, кажется, лучше за него говорить сталъ! Хочетъ, знаете, всякія деликатности, а выходитъ какъ-бы шутилъ, съ позволенія вашего, съ Маланьей какой-нибудь. Иной разъ Марья Никаноровна встанетъ да и уйдетъ — такъ-таки просто уйдетъ, не дослушаетъ. И бывали-же тутъ сцены! Отецъ разсердчаетъ, бывало, послѣ — и Боже мой!..

А тутъ еще разомъ подскочи на-бъду и другое обстоятельство. Село-то, какъ я вамъ докладывалъ, гдъ стояла кавалерія было смѣжное, и прудъ даже былъ одинъ — общій прудъ, значитъ, былъ для обочихъ, то есть, для селеній. Прудъ же преобширный такой! Вотъ Марья Никаноровна, по привычкъ-то, знаете, по своей прогуливаться, ходитъ бывало около пруда вечеромъ — тамъ же за прудомъ трубачи передъ маіорскою квартирою играютъ; а опа до музыки преохотница была: сама музыкантша, на фортепьянахъ бывало и чего-чего не разыграетъ, — всякія варьяціи и трудные вальсы тамъ, — я бывало слушаю, слушаю, да иной разъ такъ и засну подъ музыку. Лѣтомъ же, знаете, жарко, ко сну-то клонитъ, я и засну.

Такъ вотъ я зачалъ разсказывать вамъ, что какъ она все около пруда прогуливалась, то и сама не видъла того, что по другому берегу и еще кто-то прогуливается. Да это бы, пожалуй, и ничего, что прогуливается по другому берегу: прогуливайся себъ, голубчикъ, на то прогулка существуетъ! Такъ нътъ же! съ него видно мало этого было: такъ вотъ за нею глазами и водитъ — не отцъпится! Марья-то Никаноровна сперва и сама ничего: видитъ, юнкеръ какой-то ходитъ, что ей до этого? только бы ей не мѣшалъ! А однако-же, отъ вечера до вечера, какъ пошло, - глядь, ужъ она только что выйдеть бывало на плотину, а уже глазенки такъ туда и поворачивають: тутъ ли молъ онъ, часовой, не сбъжалъ ли какъ-нибудь съ караула? И привыкла: какъ тутъ онъ, ей будто и поспокойнъе, и будто все какъ тому и быть следуеть; нету - она и оглядывается, и воротится, и дальше зайдеть, чемь зайти следовало, — за плотину зайдеть бывало... Такъ-то разъ забрела она до самой до скамейки, что на томъ берегу ноставили — трубки курить передъ вечеромъ поставили скамейку офицеры. Не было никого; вст собрались на маіорскую квартиру; у маіора трубачи трубять. Никого нъту, и вблизости около скамейки никого.

Подошла. Смотритъ, а на скамейкъ книга перевернутая лежитъ; пагнулась, смотритъ дальше, - книжка французская и позабудься: схватила книгу въ руки, да ну ее разсматривать, да листочки переворачивать. Чья, думаетъ себъ, книжка? Ужъ не мајорская же!.. Право, сама и разсказывала мив: не маіорская, говорить! - смілая такая відь была Марья Никаноровна! Ну, какъ таки чужую книжку разсматривать, да еще и книжку-то офицерскую! Бъда да и полно съ нею! Смотритъ ее, смотритъ, въ рукахъ вертитъ; а за нею - откуда ни возьмись — юнкеръ! и фуражка на-бекрень. Заглядываетъ ей черезъ плечо и улыбнуться собирается. Она какъ оглянулась: ахъ-ти ужасти! тотъ самый, что за нею подсматриваетъ! Въдь струсила сама призналась: уронила книжку; а онъ ее такъ проворно поднялъ, да еще благодарить за что-то. Она было извиняться, что дескать замъшала страницу, гдъ читалъ. Такъ куды! и не уймется, такъ и разсыпается! Даже разговорились — подумайте! Она идетъ домой; а онъ себъ за нею — до самыхъ до воротъ проводилъ, — такой въдь отчаянный. И все это на французскомъ діалектъ, — ну, то есть, словно самъ учитель — такъ и заливается, не заикнется! Еще и надъ ма іоромъ подшутилъ, — что тотъ, вотъ видите ли, не ученый, никакой не читаетъ книжки. А книжка-то ему на что, маіору? То тебъ, дъло другое, — какъ лучшаго дълать не умъешь — такъ и читай себъ, пожалуй ... А онъ — начальникъ! У него другія заботы, поважите тамъ книжекъ какихъ.

И сбилъ, сударь мой, съ-толку, — до конца нашу барышню сбилъ, повъса! Какъ ужъ они тамъ сдълали: онъ ли навязался самъ, она ли черезъ маіора какъ нибудь что-ли смастерила, — а въдъ нознакомился, мальчишка, въ домъ, — самъ же маіоръ и привезъ. Умный, говоритъ, молодой человъкъ, мой дальній родственникъ, прекрасно образованный, и музыкантъ — (самъ же рекомендуетъ) — музыкантъ, говоритъ, любитъ чтеніе: съвами будетъ книжки пополамъ читать, — шутитъ маіоръ Марьъ Никаноровнъ; и смъется, радъ, что шутливость выдумалъ. А шутливость-то, выходитъ, себъ-же на голову выдумалъ, — съ своимъ съ образованнымъ!

Сталь бывать юмкерь. А ужъ какъ сталь бывать юмкерь — и пошла у нихъ музыка въ четыре руки! Цълый день, бывало, музыканять, индо въ ушахъ трещить отъ музыки. А тамъ, какъ пойдутъ, да говорятъ, говорятъ вдвоемъ — и все не на отечественномъ — на французскомъ языкъ! откуда что берется! А то вдругъ заспорятъ: и онъ споритъ, и она споритъ. Ну, она-то бы еще ничего — спорь себъ, на то твоя добрая воля; а въдь онъ-то, невъжа, съ нею, точно и не съ

барышнею — спорить, словно съ своимъ братомъ съ кавалеристомъ! безъ церемоніи такъ-таки вотъ и спорить, не соглашается! Иной разъ и за книжку схватятся; откроютъ, показываютъ, да и пошли читать: онъ свое, а она свое ему читаетъ ... Потъха! а вмъстъ-же и неприлично, согласитесь! Все же она девушка; а онъ что такое? юнкеръ — только что рожица причесаная да умильная, у мальчишки! Заикнулся было я разъ замътить ему, такъ; по-родительски, знаете, замътить, — что такъ моль и такъ: старикамъ, молъ, братецъ, обращение твое не нравится съ дъвушкой ... ну, и дъвушка тоже на возрастъ: женихи, говорю, смотрятъ ... и на мајора намекнулъ ему — думалъ иснугается ... такъ, знаете — стороною намекнулъ. Чтожъ вы думаете? въдь расхохотался шутъ, — прямо подъ носъ мнъ расхохотался. Вы, говорить, забавникъ! А? каково вамъ покажется: забавникъ! Нътъ, вы мнъ скажите: какъ вамъ это покажется?.. Я ему, видите, забавникомъ сталъ — мальчишкъ! А? — Такой быль пренахальный мальчикъ — просто ужасъ!

А Марья Никаноровна — такъ та опять будто-бы и повесельй сдълалась, и со мною добръе стала. Другой разъ даже такъ подскочить передо мной, да объими ручками мнъ на плеча упрется — просто, какъ бы въ тъ поры скачетъ около меня ... А то въ глаза мнъ посмотритъвоть, кажется, сказать что-то собирается...да послъ вдругъ засмъется, и ношла вертъться по комнатъ — и припъваетъ, и танцуетъ сама вертится, и ничего не скажеть! Весело ей — всѣ мы видимъ, что весело, — а никому ничего не скажетъ. Только ужъ точно что посчастливъе стала Маша, — какъ будто ей счастье кто принесъ недавно . . . Четыре года жила дома, а такой ее дома не видъли. Что за диво? думать зачали. И я себъ пошель думать туда же за другими: любиль ее, значить, близко — Машеньку, нужды нъть, что не приходился съ-родни, — а любилъ все равно, какъ родной! Вотъ и думалъ я: ужъ не слюбился-ли маіоръ, думаю; какъ поприсмотрѣлась, да увидѣла, выбрала, думаю себъ, — по вкусу, значить, выбрала, понравился: воть и повесельла; сама свое видить счастье, думаю ... Такъ нътъ же! какъ вамъ покажется? въдь не оттого! совстмъ не оттого повеселъла!.. повертывалась и подскакивать стала, да не оттого только: отъ другаго совстмъ! вотъ увидите, какъ все вамъ разскажу!

Какъ ръшился посвататься маіоръ, — (его подтолкнули, значитъ, говорятъ: ръшись!) — какъ посватался, такъ тутъ ужъ и я догадался, что не оттого Намъсто радости, дъвка вдругъ раскричалась — до того плакала! — какъ отецъ приступилъ, сталъ приказывать: — «Не

могу, говорить; лучше въ прудъ утону, а не пойду за мајора. Онъ, говорить, не по сердцу; подлъ него мнъ и сидъть тяжко! »— Подлъ него? а? — Такъ кто жъ тебъ по сердцу? Ужъ не съ юнкеромъ-ли, пожалуй, не тяжко сидъть? — громко заговорилъ старикъ, вошелъ, значитъ, въ азартъ Никаноръ Степанычъ — опъ же всегда былъ преазартный! А она ему вдругъ: «Да, говоритъ, папенька, юнкеръ! онъ, говоритъ, одинъ на человъка похожъ между ими»... Ну, тутъ ужъ посудите сами, — тутъ ужъ и Никаноръ Степанычъ не нашелся! ничего не сказалъ, покойникъ: толкнулъ ее только отъ себя. Извъстно, отецъ: отцовскому сердцу больно, коли дитя на погибель само напрашивается. ну, и потерялся! Да какъ же, вы посудите только: юнкеръ, говоритъ похожъ на человъка! а мајоръ ей ни-по-чемъ! Ну,слыханое-ли дъло такое? вы сами посудите.

Однакожъ, старикъ-то юнкера спровадилъ. Какъ онъ тамъ и съ къмъ смастерилъ, — а только спровадилъ. Такъ юнкера и не видъли больше въ Близневкъ

which required by the artiful of the property of the artiful and the second of

IV.

tasan (1946) a estr servi amendar e consessioni displato

Что жъ вы думаете? какъ не стало юнкера, сама же, — мъсяца не прошло, — какъ сама стала говорить да проситься: отдайте ее за маіора! — «Да ты лжешь, говорить, бывало, Никаноръ Степанычь, — ты только насъ обманываешь, говорить, — видишь, что покою тебъ черезъ маіора нъту въ домъ — такъ ты и обманываешь. » — Нътъ, говорить, правду говорю: истинно, говорить, за маіора иду! Онъ хотя такой тамъ, говоритъ, и сякой, да онъ добрый — онъ меня обижать не станетъ, — ужъ я, говоритъ, за это отвъчаю. И пошла въдь за маіора: видитъ, плетью не перешибить обуха — и вышла за него!

Вотъ и ношли собираться. Мигомъ собралися къ свадьбъ. И то правда, все было справлено давно — дочка еще изъ нансіона не взята; а о приданомъ уже думали, да шили приданое: благо было изъ чего пошить, да выдумать! Только такъ — для порядку больше значитъ — собрали дъвокъ въ дъвичью: съ пъснями, видите, для невъсты бълье шить. А какое тамъ! бълье пошитое въ сундукахъ лежитъ. Это ужъ такъ, знаете, ради обычая больше, — чтобъ не отстуниться, — все-жъ не хорошо! А черезъ мъсяцъ и гостей позвали ... Въ томъ же селъ,

гдъ стояли офицеры, и вънчанье было въ церкви: полковые пъвчіе пъли; избу почти-что не до трубы всю стаканчиками освътили ... фейверокъ жгли послъ того; а по дорогъ съ горы смоляныя бочки горъли. Всю ночь музыканты трубачи трубили въ саду ... Ну, веселье было да и только! А какъ стали подъ вънцомъ парочкою женихъ да молодая невъста — такъ просто этакой красоты никто и во снъ своемъ никогда не видълъ! Онъ хорошъ, а она себъ и того лучше! На немъ этакой мундиръ блестящій, эполеты такъ и горять; а она тоже вся въ бъломъ — ну, просто лебедушка бълая и полно! Только волосы, какъ На головъ бълые цвътки — глазамъ смотръть больно. Пошли обходить налой; обходять: онъ молодцомъ себъ, смотрить прямо; она — блъдная ... вотъ какъ теперь вижу — идетъ, спотыкается; да все будто вздрагиваетъ, — такъ-таки вотъ и поведетъ ее всю разомъ ... А то вдругъ, словно невзначай, оглянется такъ скоро, подниметъ голову — и опять голову опустить ... Стояла однакожъ, не плакала, до самаго почти-что до конца не плакала; только что бледная вся какъ платокъ вотъ бледная. Какъ обвели ихъ, да какъ поставили на мъсто, — какъ зарыдаетъ на взрыдъ! плакала, плакала ... а потомъ уже и пошла кашлять ... Отвезли молодыхъ, а у ней слезы текутъ ну, просто, льются себъ, такъ-таки, какъ вода льются: я съ роду этакого не видълъ! и все на вънчальное платье! Дурной знакъ, я тогда же сказалъ, что дурной знакъ ... Дома пошла и легла въ постель: нездорова, говорить; да уже послъ вышла, и протанцовала, и такъ какъ-будто оправилась немного ... и улыбаться стала. улыбнулась, какъ увидъла меня. Ну, да все таки оно не то: все не похоже на настояшую, на веселую свадьбу! Махнулъ я рукою, помню, да и потхалъ себъ домой, — даже и ночевать не остался, — дома и ночеваль въ ту почь.

Такъ вотъ-съ какая была у нихъ свадьба! И дочь единственную кажется выдавали — ужъ и красавицу-то, и все, — а свадьба-то вонъ какая вышла ... Ну, кто бы подумалъ? А все книжки!

V

Вскоръ послъ свадьбы, снялся полкъ со стоянки, и пошелъ себъ въ другія губерніи, на новое хозяйство опять, до другаго значить новаго хозяйства. Такая ужъ ихъ жизнь! — извъстно, жизнь походная,

военная жизль стало быть. И Марья Никаноровна тоже ушла. Уходила-не радовалась и ни плакала, а такъ, просто, какъ сказать бы, ей будто все одно было, что тамъ, что здъсь, - а не то пожалуй, что и гав хочешь! Опять савлалась, какъ прежде: за книжкою, бывало сидитъ опять! Медоваго мъсяца, почитай, никто и не видълъ у нихъ. Мужу-то, я думаю, и передъ другими меньше довелось медовой свой мысяць видыть. Пріндешь бывало къ нимь: она сидить да читаеть, а онъ знай себъ шагаетъ по комнатъ, только усы крутитъ. И молчаливъ-то сталъ еще пуще прежняго: слова изъ него празднаго не выбьешь; похудёль даже ... право!.. и все ластится около нея ... А она будто и не видитъ; а не то такое лицо сдълаетъ, какъ равно ее кто ножичкомъ бы по кожъ пронялъ. Онъ и отстанеть: отойдетъ въ сторону, да и сядетъ: Сядетъ; сидитъ день-деньской, усы себъ крутитъ — и глазъ съ нея не сведетъ. Она возьметъ книжку — смотритъ въ книжку, и не читаетъ, а такъ вотъ! Только бы на него не глядъть! Поглядель я, — думаю: Богь же съ вами со всеми! загубили вы свое счастье, оба загубили, поженившись!

Съ отцомъ поцъловалась, — въ руку его поцъловала, — съ матерью... у ушла съ полкомъ Марья Никаноровна. Плакать она — не то, чтобы плакала, а все какъ будто ей жалко чего — то было: мъста — ли ей, на которомъ родилась и жила, было жалко, или можетъ матери, — что убивалась бъдная старуха, отпуская отъ себя дочку Богъ въсть на сколько, Богъ въсть куда! кто ее знаетъ, чего ей жаль — то было? только она отирала слезы, уъзжая; — и не хотълось ей, чтобы слезы ея видъли, да сами собою текли слезы ... Бхали по плотинъ; посмотръла она на прудъ — головою покачала, какъ – будто попрощалась и съ прудомъ. Я больше, говоритъ, ничего этого не увижу! Такое, значитъ, было ея предчувствіе! Я самъ все слышалъ, — до ближняго постоялаго ихъ и провожаль — маіора то есть съ маіоршею ... Марью — то Никаноровну маіоршею мы между собою прозвали: такое ея званіе было по мужу.

Вотъ и убхали. Какъ убхали, такъ и слуху о нихъ долго не было. Да откуда и быть слуху? Полкъ ушелъ далеко. Извъстно, иной разъ письмо прійдетъ. Ну, да что письмо? письмо развъ то, какъ кто прівдетъ да поразскажетъ самъ? въ письмъ всего не напишешь! И пришлетъ, бывало, Марья Никаноровна письмо; пожалуй, и онъ припишетъ на кончикъ. Ну, да что въ этомъ! Живемъ, говоритъ, благодареніе Богу; по служов исправенъ и начальствомъ отличенъ. А про домашнее, то есть, про свое житье-бытье и не заикнется! Она тоже са-

мое пишеть, говорить-общество согласное и развлечение есть; толь ко, говорить, грудью страдаю и слаба стала. Раза по два на годъ такъ уже и знаешь, что вотъ прійдеть письмо: больна, моль, Марья Никано. ровна, въ постелъ лежитъ, простудилась; супругъ-то пишетъ-съ бала ъхамши, пишетъ, простудилась. — Такъ по всему, по всъмъ этимъ примътамъ, увидъли мы, что житье ихъ на новомъ поселении не лучше стало стараго, — да чудь-ли и не похуже еще! И дътьми не благословилъ Господь! Посмотришь: гдъ хорошо живутъ люди, надъ ними и благодать Божія: и дітей Богь посылаеть, и все; а туть ... ніть, вижу тогда-же я — худо! А тутъ вдругъ пишутъ, будто и квартиру имъ мънять очередь, - что за пропасть, думаю себъ! Бдемъ, пишутъ, на новую квартиру; только мужъ тдетъ напередъ-заготовить, видите, помъщеніе для Марьи Никаноровны: она, видите, слабая — нельзя ей куда ни есть перебхать. Да и время было такое — распутица: весна не пришла, а зимы нъту. Весны дожидаться останется на старой квартирѣ ... (старая-то квартира была въ городѣ); и докторъ, пишутъ, хорошій, знающій... ее-же пользоваль сколько времени! Осталась; дожидается весны.

А мит оно между тъмъ и странно: какъ-бы это, - сталъ-таки и самъ про себя этакъ думать: какъ-же однако она этакъ, безъ мужа, одна, то есть, женщина одинокая, и дожидается весны въ городъ — въ чужомъ, то есть, городъ весны дожидается? Да кто жъ ее оборонитъ, охранитъ, значитъ, кто? въдь одна-одинокая совершенно женщина, притомъ больная! Старуха тоже спохватилась — матушка, то есть, ихняя. Анна Семеновна, — говоритъ: нельзя ей такъ одной остаться! да къ Никанору Степанычу: «пустите, просится, Никаноръ Степанычъ, къ Машенькъ! У меня, говоритъ, душа не на мъстъ, только вспомню да подумаю, что однимъ-одинёшенька осталась въ городъ чужомъ, въ далекомъ городъ, единственная дочка наша, Никаноръ Степанычъ! что некому ни пріютить, ни приголубить ее, бѣдняжечку... что можетъ даже — какого гръха не случается на свътъ? что — можетъ и мужъто ее покинуль, гръховодникъ, чтобъ развязаться, а только такъ говоритъ, что помъщение ей прибрать увхалъ. Пустите, говоритъ, Никаноръ Степанычъ, голубчикъ! Я, говоритъ, ни разу... вотъ уже сколько годовъ живемъ вмѣстѣ, — ни разу васъ за себя ни о чемъ не просила. Послушайтесь меня хоть теперь-то (плачеть, въдь, просится); пустите, говорить, къ Машенькв! Для нея-же, говорить, вду для вашей-же дочери, Никаноръ Степанычъ! ... » И много еще всякаго такого жалостнаго да нъжнаго говорила Анна Семеновна; а сама плачетъ, и Боже мой какъ плачетъ — заливается! ...

Сжалился, однакожъ, Никаноръ Степанычъ. — Съ къмъ-же ты, говоритъ, поъдешь? съ пастухомъ, говоритъ, на запяткахъ поъдешь, что-ли? — Онъ уже такъ всегда бывало: ласково ничего не сдълаетъ! А однакожъ согласился — сдълалъ: отпустилъ жену; только меня попросилъ съ нею такть. Я, извъстное дъло, поъхалъ. Машеньку же — Марью Никаноровну значитъ, я малюткой еще на колънкахъ качивалъ, — да и Анны Семеновны таки жалко стало: не пуститъ, думаю себъ, Никаноръ Степанычъ Анну Семеновну, когда не поъду, — ну и поъхали.

Бхали мы долго: на своихъ въдь жхали. Ну, извъстно, по два раза кормили; много не уъдешь! Шестьдесять, бывало, уъдемъ въ сутки— и то много. А отъ Близневки до города, гдъ полкъ-то ихъ стоялъ, — всего верстъ сотень до четырехъ наберется. Извъстно, не близкій свъть — такъ вдругъ и не доъдешь!

Покуда собрались, покуда вхали,—а той порой и весна началась. Время такое восхитительное, знаете: зеленая трава вездь по дорогь; куда ни загляни — зелень: и льсъ даже зеленьть зачаль; а черемухи, такъ ть уже и цвътуть — и духъ, то есть, отъ нихъ такой идетъ по дорогь! а ужъ особенно къ вечеру. Стали подъбзжать мы ближе къ самому къ городу, — а тамъ даже и яблоки разцвътають: иной садикъ ну просто-таки какъ молокомъ стоитъ облитый ... И воробьи кричатъ; ночью соловьи свищуть — бывало кругомъ раздается, какъ засвищутъ соловьи ночью ... И тепло; только къ ночи посвъжее сдълается... Ну, думаемъ: ужъ коли теперь да не быть здоровью, такъ когда-же и выздоровъть нашей Маръъ Никаноровнъ! Ужъ теперь и она, чай, совсъмъ ноправилась, голубушка, — чего добраго, еще и насъ не дожидается; поскоръе за мужемъ бросилась, думаемъ.

Такъ-то думаючи, мы и прівхали въ тотъ городъ. Какъ прівхали, стали распрашивать: кто, моль, намъ квартиру маіоршину укажеть? Въ первомъ же домв люди указали квартиру: тамъ говорять, за соборомъ! отсюда—видно! да только маіорша, говорять они, больна, слышно; съ постели не встаеть; и лекаря ужъ на что—и тѣ, сказывали, сумнъваются. — Вотъ тебъ, думаю, радостью повстръчали! Да ну поспъшать за соборъ, на квартиру, что указали люди.

Стали подбираться къ квартиръ: ставни всъ закрыты; ворота не то заперты, не то вътромъ ихъ приперло. За воротами на прилавкъ— никого! Думаемъ, можетъ соврали люди: она можетъ уъхала, а они врутъ только, что больна. Да тутъ-же и начали говорить, что лучше

ужъ пускай увхала, чвмъ больную ее видвть, да еще какъ, Боже сохрани, и съ постели будто не встаетъ вовсе! Такъ думаючи, приказали слъзть мальчишкъ съ козелъ; послали его; говоримъ: узнай, молъ, хорошенько—какъ и что? ... тотъ-ли, моль, домъ-то еще указали? Можетъ, и въ домъ-то она совсъмъ не въ здъшнемъ, а въ какомъ другомъ квартируетъ; все можетъ статься...

Какъ только вошелъ мальчишка въ сънцы, не прошло пяти минутъ, какъ, смотримъ, выбъгаетъ на крыльцо офицеръ, не то знакомый, не то чужой, —а лицо какъ будто знакомое... Посмотрълъ, да прямо къ намъ. «Милости просимъ, говоритъ; ваша дочь, говоритъ (оборотился, значитъ, къ Аннъ Семеновнъ): дочка, говоритъ, Анна Семеновна (и по-имени ее назвалъ!) дочка ваша опасно, говоритъ, нездорова; не пугайтесь. Не входите къ ней вдругъ — она потревожится. «Какъ заговорилъ, да какъ назвалъ Анну Семеновну именемъ и отчествомъ, — я тутъ-же сейчасъ и узналъ: давнишній юнкеръ, говорю! онъ самый и есть! Тутъ же и узналъ его сейчасъ, — по голосу и узналъ сраву!

Какъ и узналъ все послъ, по разысканіи, маіоръ, уъзжая оставилъ больную Марью Никаноровну на его попеченіе ... Неравно, говоритъ, что приключится, нуженъ-же человъкъ ... Такъ ты, братъ, ужъ по родственному — позаботься... Жена-же къ тебъ привыкла.

Маіоръ-то самъ нослѣ сказывалъ: онъ такой балагуръ, умѣетъ больную разсѣять ... росказни, знаете, разныя, ну, и книжки достаетъ, читаетъ ей — вздоры все, говоритъ маіоръ, да ей-то нравится, при немъ-таки она весела, и все, — разговариваетъ; музыку затѣетъ.

Ну, вотъ, какъ пришлось тать мајору, она и стала его упрашивать «останься, да останься!» ужъ, видно, знаете, чувствовала худо. А какъ ему остаться — служба не свой братъ. Уталъ. Она принялась плакать, тосковать, мучиться, ужъ о чемъ, кто ее знаетъ... Офицера не принимала: какъ придетъ, все почивать изволятъ, или не здоровы, никого не принимаютъ. Вотъ-съ, тосковала, тосковала, не пила, не такъ и слегла въ постель...

Тутъ пошло таять, — снътъ, значитъ, сходить началъ; стало тепло. Трава показалась, только бы собираться да ъхать къ мужу, а она и съ постели встать не можетъ — больна! Да какъ пошло: день изо дня все хуже да хуже; день изо дня слабъе. Весна что дальше теплъетъ — все зацвъло около нея, а она что день, то опаснъе ... и дышать даже становится трудно. А кругомъ никого, — чтобъ присмотръть, то есть, за нею, да приберечь ее — нъту никого. Только что свои люди, прислуга

значить. А какая ужъ отъ прислуги помощь! — Чтожъ вы ду маете? пришлосъ послать попросить офицера-то ... онъприбъжаль какъ угорълый, все устроиль и доктора приговориль, чтобъ по три раза въ день навъдывался! Ночью самъ прибъжить, бывало, — смотрить: дается-ли лекарство какъ предписано? не спять-ли, смотрить, — ходять-ли, какъ слъдуеть за больною?

vi.

THE REPORT OF THE PROPERTY OF THE PROPERTY OF THE PARTY O

Real of the lightest manager of this land the fit will prink a light

Помню будто теперь: вошли мы въ горницу на цыночкахъ. Шторы вев позавъшиваны и ставни даже закрыты. Сразу и не отыскать, гдв лежить на кровати Марья Никаноровна. Вошли, помню; пока осмотрълись, а уже сердце чуетъ недоброе. Какъ осмотрълись со свъту-то, видимъ: въ углу на постелъ сидитъ — подушки подъ спину подмощены высоко: лечь нельзя, мокрота душить, — сидить, видимъ, Машенька... и на насъ глазами смотритъ впалыми — да такими глазами, что лучше-бы не видать мив ихъ отъ роду! Большіе стали — большущіе, и черные, будто даже чернъе прежняго; бълки только свътятся, да все лицо, какъ воскъ ... и тъла нъту - кожа одна сухая; и кости видать вст на лицт; глаза ввалилися — какт сказать бы вт гробу легли раньше ея, бъдняжечки — и смотрятъ на насъ такъ жалобно! а ей и улыбнуться-то хотелось-бы, показать, что намъ, видите, обрадовалась, да мочи не хватаетъ ... губы сухіе запеклися и слипаются. Шея-тонкая стала шея такая, — жилы одни видно! Зачала было говорить Машенька; наклонилась къ ней Анна Семеновна. Шепчетъ что-то, голубушка, слышу шепчетъ, потихоньку спрашиваетъ: что, молъ, такое мать думаеть, — скоро-ли ей выздоровъть?

Какъ услышаль я — не смогъ, — ръшительно скажу — не выдержаль: такъ-таки кинулся изъ комнаты, да упавши на диванъ въ гостиной, заплакаль, просто, какъ ребенокъ маленькій, заплакаль — слезами залился... Нельзя было выдержать — не вынесъ такого зрълища! Вышла Анна Семеновна, говоритъ: полноте! слышно тамъ, Андрей Андреичъ, какъ плачете; испугаете только Машеньку. Она уже и то спрашиваетъ, кто плачетъ?

Скажу вамъ, удивила меня Анна Семеновна! Дорогой надрывалась, придумываючи только: чтобы такое случиться могло съ дочерью? А

туть — у кого заняла она мужества! То есть, я вамъ скажу: слезинки я отъ нея не видълъ за все время, пока за больною ходила. А ужъ и ходила-же она за Машенькою! Что сонъ, или что пища, покой тамъ для себя что-ли, ничего этаго и слышать не хотъла Анна Семеновна. Сама около дочери ходитъ; все сама сдълаетъ: лекарство-ли подать, по часамъ смотритъ, глазъ не отведетъ; подушку подмостить— сама подмоститъ, никому не позволитъ ... день-ли на дворъ, ночь— она и того не знаетъ. Знаетъ только уголокъ, гдъ постелька стоитъ ея Машеньки. Оттуда, если и выйдетъ, то выйдетъ развъ, чтобъ взять лекарство какое, или за супомъ въ кухню сама побъжитъ. Лекаря проводитъ, бывало, спрашиваетъ его, — всякій разъ бывало спрашиваетъ: что и какъ? какая дескать надежда?

— Нъту, сударыня, надежды! — помню, сказалъ одинъ день лекарь; вышелъ отъ больной и говоритъ, что надежды никакой, надо приготовиться...

Ну, тутъ уже Анна Семеновна обыкновенно — не перемоглася: упала, какъ снопъ, — измучилась же бъдная, — недълю не спала, не вла ... упала, и насилу отвели ее въ гостиную, да оттирать стали. Тогда только опамятовалась — и пошла уже плакать! Плакала она — рыдала ... ну, просто сказать, сердце разрывалось, на нея глядючи! Тутъ, кажется, и слезы всъ свои выплакала — столько вылила тутъ слезъ! Я ее было утъщать: «Марья Никаноровна не умерла еще, говорю; еще можетъ, дастъ Богъ, и выздоровъетъ ... доктора воли Божіей не знаютъ», говорю... Такъ куда! — Нътъ, говоритъ, — пропала моя Машенька! мое единственное дътище, — къмъ, говоритъ, мнъ жизнь была красна! не для кого, говоритъ, мнъ беречь себя больше! Умереть слаще, говоритъ, чъмъ видъть, какъ она, мое сокровище, умираетъ во цвътъ...

Жутко и мнѣ стало. Сердце заболѣло, на все глядючи. Самъ пошелъ къ лекарю. Пошелъ; думаю, разскажу ему все; пускай его по
крайности все узнаетъ: онъ докторъ, надо ему все знать. Можетъ, оттого и отчаявается, что ея натуру не угадалъ ... а она еще, можетъ,
и не того ... можетъ, она и не совсѣмъ еще того ... Иду, помню, къ
нему; самого себя утѣшаю, — а слезы такъ и затемняютъ зрѣніе ...
даже дороги не вижу, — вытирать платкомъ не успѣваю ... Пришелъ;
разговорились ... Чахотка, говоритъ, — въ послѣднемъ градусѣ чахотка!
мокрота, говоритъ, задушитъ ... — «Да отъ кого у нея взялась чахоткато? » спрашиваю : «ни отецъ, говорю, ни мать, благодареніе Богу, чахотными не были » — Такъ нервы, говоритъ, у нея видите слабые;

притомъ разстройство, говоритъ ... и сказалъ даже, какое разстройство, только я теперь названія не припомню ... такъ, говоритъ разстройство... да и всегда расположена была. А какое тамъ расположена! Сталъ я ему разсказывать, какая была Маша — та Маша, что на колѣнкахъ у меня скакала маленькая; хотѣлъ я ему пересказать все — все, то есть, отъ самаго отъ начала — съ воспитанія хотѣлъ начать съ самаго; думаю, надо-же вѣдь знать медику, когда онъ лечитъ! Ну, да онъ-то, видите, былъ такой занятой, — и слушать меня не дослушалъ! «Мнъ, говоритъ, тутъ нечего дълать! Противу смерти, говоритъ, медицина ничего не значитъ. Приготовьтесь, говоритъ, лучше, — гробъ закажите. » И говорить ему это несовъстно было!

Такъ-то я и вышель отъ него. Повъсилъ голову; иду себъ; нечего ужъ тутъ, думаю. Пришелъ домой, словно меня самого на смерть приговорили; и свътъ Божій противенъ кажется; день не улыбается тебь: еще горче на душь, какъ на небь свъть такой!.. Вошель къ Машенькъ; на цыпочкахъ, тихохонько вошелъ; а самъ держуся за сердце; боюсь: думаю, жива-ли то еще Машенька? Ужъ, можетъ, не умерла-ли? напуганъ, знаете. Вошелъ. Анны Семеновны нъту. Слышу, на варыдъ заливается въдругой комнатъ — рыдаетъ. Машенька сидитъ все такая-же — какъ воскъ бълая, даже свътятся по краюшкамъ уши, ни кровинки въ нихънъту больше! Сидитъ. А въ уголку, лицо спрятавъ въ руки, сидитъ давишній юнкеръ ... офицеръ, то есть, тогда уже ... Сидить; жутко и ему ... вижу, что жутко ... смотръть на нее не властенъ ... Вспоминаетъ, можетъ: не такая была она прежде, какъ онъ ее — красавицу писанную увидълъ ... Не знаю, что тутъ емувершилось, только вижу, помню, не легко и ему! Провалился бы онъ сквозь землю, какъ бы на то его воля была. Ну съ нимъ!

Тутъ вошла въ горницу и Анна Семеновна, — лекарство подать подоспъло время. Налила воды въ рюмку, отсчитала капли ... двънадцать капель, кажется; подноситъ, говоритъ: выкушай, Машенька! тебъ полегчъетъ отъ капель. А Машенька уже и не слышитъ! окоченъла. Какъ сидъла, такъ и застыла... Тутъ всъ мы въ голосъ закричали.

Что тутъ вамъ разсказывать про то, что было въ домѣ послѣ! Сами знаете: ужъ бываетъ-ли тамъ хорошо въ домѣ, гдѣ умерло первое, что всѣхъ веселило?.. сами ужъ знаете.

Солнышко пригрѣвало почти-что какъ лѣтомъ. Цвѣты пахнутъ... въ саду и хоронили ее. Какъ запѣли понахиду, соловьи просто пѣніе глушили — кричатъ: такъ вотъ и заливаются! Рано по утру и хоронили: несли между деревьями гробъ, даже роса еще капала съ дерева, толь-

ко плечомъ за вътку невзначай задънешь. Похоронили. Плачу-то было, плачу!.. Всъми любима, значитъ, была покойница: да чего? — весь городъ тутъ присутствовалъ!.. всъ плакали.

А знаете однакожъ, кто на похоронахъ не плакалъ? Офицеръ! На канунъ, сказывали, на почтовыхъ уѣхалъ. Представьте, даже не былъ вовсе на похоронахъ. Въ дъйствующіе полки, говорятъ, еще раньше прошеніе подалъ, приходилъ попрощаться съ нею ... ужъ точно что кстати проститься пришелъ ... Какъ-то про него и слышать не приходилось. Да сказать правду, и разспрашивать про него много не разспрашивали... Можетъ, умеръ гдъ; а можетъ, и убили: дѣло-то военное — никакъ не угадаешь! Такъ вотъ, сударь мой, вамъ исторія на счетъ книжекъ-то вашихъ, да моднаго воспитанія! Вотъ оно къ чему ведетъ — подите!

entre de l'estrateur Le response de l'estrateur de l'estrateur de l'estrateur de l'estrateur de l'estrateur de l'estrateur de l'est L'estrateur de l'est

- the committee of the contract of the contrac

References and the second seco

the control of the co

THE SUITE STRONG RESOLUTE CONTROL BEST AND THE STRONG OF THE SERVICE.

grove threshold as marma that they below they are as for given and the

The state of the s

parameter produced by the contraction of the contra

TRUBER DER GERENDE GERREN ARRESTEREN DE LORGERARIEN EN METERALE CONTRACTOR DE MANAGEMENT DE MANAGEMENT DE L'ARRESTERE D

musoration of Remark of

The macron with the contract of the contract o

БРАТЪ И СЕСТРА.

эпизодъ изъ романа,

M. M. Docmoebckaro.

group attention our store union marketin and antifficial ansocial expension may

timester in a for an a despite assertat arranging on the case on

На страстной недълъ, въ субботу, часу въ пятомъ по полудни, шелъ по Гостиному-Двору Дмитрій Өедоровичъ Нерадовъ, молодой человъкъ, лътъ двадцати пяти, невидной наружности, значительно впрочемъ выигрывавшей отъ длинныхъ волосъ, усовъ и небольшой бороды, по которымъ одни принимали его за иностранца, а другіе за художника. Въ Гостиномъ въ этотъ день движеніе было необыкновенное, и Нерадовъ, то подталкиваемый толиою, а то и самъ расталкивая толиу, медленно пробирался впередъ, любуясь пестротою и бъготнею и прислушиваясь къ говору и шуму. По походкъ его и по беззаботному виду можно было сейчасъ замътить, что покупать ему нечего и не для кого и что онъ только такъ себъ, прогуливается и наслаждается теплою, весеннею погодою. Но вдругъ онъ остановился и оглянулся, какъ будто чей знакомый голосъ долетълъ до его слуха.

— Ишь старый, подумаль онъ про себя, — и онъ туда же, покупаетъ!

И остановившись, онъ сталъ приглядываться и прислушиваться къ происходившей въ нъсколькихъ шагахъ отъ него сценъ.

Около одного изъ столовъ, тянувшихся длиннымъ рядомъ вдоль арка-

3/41

ды и уставленныхъ разнаго рода галантереей, стоялъ пожилой господинъ небольшаго роста и въ длинной, предлинной бекешъ, во многихъ мъстахъ уже потертой и усъяннной тъми многозначительными ласами, которыя каждую минуту объщають обратиться въ проръху. На головъ у него съ трудомъ лѣпилась круглая шляценка, совершенно соотвѣтствовавшая бекешъ. Поля ея спереди были надорваны, въроятно, отъ часта го употребленія: такъ что пожилой господинъ, если случалось ему свидътельствовать кому - нибудь свое нижайшее, давно уже побаявался дотрогиваться до полей своей шляпы, а браль ее объими руками за верхушку, отчего и верхушка начинала уже приходить въ одинаковое состояніе съ полями. Вообще, за недостаткомъ лоска новизны, въ одеждъ пожилаго господина была самая строгая гармонія: всъ части ея были одинаково ветхи. Только лицо и движенія его были въ разладъ съ этою гармоніей. Лицо было худощавое, но не утратившее отъ лътъ ни своего румянца, ни своей подвижности; движенія живыя, бъглыя. Румянецъ сосредоточивался не на однъхъ только ръзко-выдавшихся скулахъ, но какъ будто огненными пятнами горълъ и на лбу и на кончикъ носа и на выбъгавшемъ нъсколько впередъ подбородкъ. Небольшіе сърые глаза, около которыхъ накопилось безчисленное множество морщинокъ и надъ которыми, двумя правильными дугами, поднимались вздернутыя къ верху брови, горъли, какъ молодые, вовсе еще не старые глаза. Такъ и видно было, что природа, создавая пожилаго господина, влила въ него много жизненной силы, много крови, и что, не смотря на лъта и на бъдность одежды, онъ не успълъ истратить всего богатства, дарованнаго ему судьбою при рожденіи. Чтобы вполнѣ очертить фигуру пожилаго господина, не мъщаетъ прибавить, что изъ обоихъ кармановъ его длинной, очевидно не по его росту сшитой бекеши, - торчало по огромному свертку, а въ рукахъ онъ вертълъ небольшую шкатулочку, оклеенную золотою бумажкой. Видно было, что онъ торговалъ ее, нотому-что и такъ и сякъ повертывалъ, отпиралъ и запиралъ ее, прислушивался къ щелканію замка и даже нъсколько разъ отдаляль ее отъ себя и любовался ею на свътъ, какъ будто бы она была прозрачная.

[—] Ты у меня, любезный другъ, не запрашивай, говорилъ онъ отрывисто и строгимъ голосомъ торговцу; ты, любезный другъ, говори у меня настоящую цъну. Полтора рубля? Полтинникъ, говорю я тебъ, полтинникъ!

[—] Купите за полтинникъ, я вамъ ее даромъ отдамъ.

[—] Что, ты думаешь, я ценъ не знаю? продолжаль онъ, входя въ

азартъ; десять лътъ, братецъ ты мой, самъ я торговалъ этимъ товаромъ; вонъ тамъ и лавка моя стояла. Слыхалъ о Похлебкинъ?

- Слыхалъ.
- То то же! протянулъ старикъ, пріосанясь и выпрямившись съ гордымъ видомъ; то то же! Кто изъ торговцевъ не слыхалъ о Похлебкинъ? Я самъ, братецъ ты мой, стариковъ то здъшнихъ знаю. Товарищи, братецъ, товарищи! Вонъ Лука Лукичъ высовываетъ изъ за дверей съдую бороду, вонъ Савва Пантелеичъ потягиваетъ чаекъ у дверей своей лавки.

И старикъ, котораго я буду называть теперь Похлебкинымъ, въ порывъ какого-то восторга и гордости, бросилъ шкатулку, схватился объими руками за верхушку своей шляпы, снялъ ее и низко, пренизко кланяясь, сталъ направо и налъво свидътельствовать свое нижайшее прежнимъ своимъ товарищамъ.

- Лукъ Лукичу наше нижайшее-съ, какъ Богъ милуетъ? кричалъ онъ нъсколько на распъвъ; Саввъ Пантелеичу много лътъ здравствовать!
- Здравствуй, здравствуй, Алексъй Миронычь, ласково отвъчали ему купцы, какъ Богъ милуетъ?
- Вашими молитвами существуемъ! отвъчалъ имъ Похлебкинъ, продолжая низко кланяться.

Послѣ этого, онъ бережно надѣлъ на себя шляпу и обратившись къ торговцу, произнесъ самоувѣреннымъ и даже нѣсколько повелительнымъ голосомъ:

— Слышаль? такъ полтинникъ, безъ лишнихъ разговоровъ!

Въ эту самую минуту подошелъ къ нему Нерадовъ и сказалъ, улыбаясь:

— Здравствуйте, Алексъй Миронычъ! Что вы это такъ разшумълись?

Похлебкинъ сконфузился, потерялся. Какъ будто неудовольствіе, досада мелькнули на мигъ въ глазахъ у него; однако онъ посившилъ схватиться объими руками за верхушку своей шляпы и съ новымъ усердіемъ началъ свидътельствовать свое нижайшее.

- Дмитрій Оедорычъ? Мое вамъ глубочайшее. Все-ли по добру, по здорову? Прогуливаться изволите?
- Да, отъ нечего дълать. Васъ вотъ увидълъ. Смотрю, на что это онъ шкатулку покупаетъ...

Намекъ на шкатулку, повидимому, сильно не понравился Похлебкину; онъ быстро оборотился къ торговцу и въ намъреніи поскоръе кончить торгъ съ нимъ, самъ сталъ надбавлять ему цъну.

- Шесть гривенокъ и по рукамъ, произнесъ онъ отрывисто; не хочешь? такъ семь и ни копъйки больше!
- Ай да Алексви Миронычъ, замвтилъ Нерадовъ, треиля его по плечу съ тою фамильярностію, кто что, а онъ шкатулочки себв покупаетъ.

Старика какъ-будто за живое задъди: онъ вспыхнулъ и съ особеннымъ удареніемъ произнесъ одну изъ тъхъ фразъ, которыя простыми людьми считаются особенно-колкими и ъдкими:

— Денежки только трачу, Дмитрій Оедорычь, а они трудно достаются, денежки-то. Посему буду вѣчно молить Бога за вашего братца во-первыхъ, Матвѣя Оедорыча, а во-вторыхъ за васъ собственно и за вашу добродѣтель.

Молодой человъкъ понялъ намекъ и сконфузился. Не смотря на врожденную доброту свою, онъ былъ крайне-опрометчивъ въ своихъ первыхъ движеніяхъ и никакъ не умѣлъ найтись, когда попадался въ просакъ изъ-за нихъ. Онъ, молча, стоялъ передъ Похлебкинымъ и не зналъ, что отвъчать ему на его благодаренія и низкіе поклоны, которые тотъ продолжалъ дѣлать, снявъ шляпенку и оставивъ свои длинные, сѣдые волосы на произволъ вѣтра. Наконецъ старикъ покрылся и какъ будто вдругъ почувствовавъ, что ни бекешь его, ни шляпа съ разодранными полями, ни самъ онъ не въ правѣ выходить изъ извъстныхъ границъ и на ласки должны отвъчать какъ слъдуетъ съ достодолжнымъ смиреніемъ, сказалъ, потупившись, тихимъ и особенно-таинственнымъ голосомъ.

- Для дочки-съ. В глядо предостава dl. Гуний.
- Что-съ!
- Для дочки-съ, подарочекъ къ празднику-съ; потъшить, знаете, хочу дъвчонку-съ.
 - Но у васъ, если не ошибаюсь, три дочери, Алексъй Миронычъ?

- Kyra-me cosmon-top. Hecensin posers

- Такъ-съ, три-съ, отвъчалъ онъ по прежнему тихо; я для всъхъ кой-чего пакупилъ (и онъ съ особеннымъ смъхомъ ударилъ объими руками себя по карманамъ), а это особенно-съ, для младшей-съ.
 - Для младшей? Понимаемъ! Любимица? Батюшкина дочка? а?
- Есть гръшокъ, есть, отвъчалъ Похлебкинъ съ улыбкою и потупившись.
 - А вы-бы для нея лучше на платыще купили!
 - Думаль-съ, думаль-съ...
 - За чемъ-же дело стало?

Похлебкинъ махнулъ рукою и не отвъчалъ.

- Какъ-такъ?

- Дорого?
- Дорогонько-съ; да-съ, продолжалъ онъ съ своимъ таинственнымъ видомъ и почти-шопотомъ давича, вотъ, получилъ отъ братца десять цълковыхъ и то, благодаря вашему заступничеству, Дмитрій Өедорычъ

A THE STREET STREET, IN STREET, I

- Э! полноте, ради Бога, Алексъй Миронычъ...
- Нътъ ужъ, что! надо отдать вамъ справедливость—золото-человъкъ... и вотъ почитай, всъ ужь вышли. Вотъ оно какъ-съ!

Послѣ этого, онъ снова принялся торговать шкатулку и купиль—таки ее за трехъ-рублевикъ, объявилъ еще разъ во всеуслышаніе, что самъ онъ лѣтъ десять тому назадъ торговалъ этимъ товаромъ, и что лавка его была вонъ тамъ, на углу, вонъ-вонъ, гдѣ стоитъ еще офицеръ и торгуетъ себѣ замшевыя перчатки.

- Ну? куда-же вы теперь? спросилъ его Нерадовъ.
- Теперь домой-съ! Все искупилъ, что пужно было. Прощенья просимъ.

И онъ, держа въ одной рукъ шкатулку, поднесъ уже было другую чъ верхушкъ своей шляпы, чтобъ начать непремънные поклоны, безъ которыхъ онъ никакъ не могъ ни съ къмъ проститься, какъ былъ остановленъ за руку Нерадовымъ.

— Знаете что, Алексъй Миронычъ, зайдемте-ка лучше въ трактирецъ и выпьемъ чайку.

Предложение весьма понравилось Похлебкину: онъ любилъ попить чайку въ трактирит — и потому произнесъ съ особенною улыбкою:

- Чайку? Не поздно-ли будетъ?
- Куда-же спъшить-то? Весенній воздухъ, знаете, какъ-то располагаетъ...
 - Такъ-съ, такъ-съ, располагаетъ; справедливо замътили.
- Что-жъ долго толковать-то? Пойдемте.
- Покорнъйше благодаримъ-съ; не отстанемъ-съ.

Когда они проходили по Гостиному, многіе изъ купцовъ ласково кивали на поклоны Похлебкина, другіе даже заговаривали съ нимъ, что, повидимому, чрезвычайно льстило его самолюбію. Вообще онъ былъ здѣсь, какъ говорится, въ своей землѣ, и съ нѣкоторою гордостью посматривалъ на своего спутника, какъ будто желая обратить его вниманіе на то уваженіе, какимъ онъ здѣсь пользовался.

— Старые товарищи съ, Дмитрій Оедорычь, старые товарищи! замътиль онъ Нерадову и сталь разсказывать ему, кто изъ нихъ чъмъ торгуетъ, сколько лавокъ имъетъ, какъ дъла свои ведетъ, какимъ капиталомъ ворочаетъ, и чъмъ богаче былъ купецъ, тъмъ съ большимъ жаромъ онъ распространялся объ его богатствъ, изворотливости, умъньи вести дъла свои. И не одно только тщеславіе заставляло его превозносить людей, бывшихъ прежде его товарищами: скоръе можно было предположить, что онъ напалъ на свою любимую тему и развиваль ее, въ самомъ дълъ, съ большимъ одушевленіемъ и искусствомъ. Анекдоты пересыпались въ его ръчи съ разсужденіями о торговлъ, и Нерадова не разъ поражали въ нихъ и върность взгляда и оригинальность сужденій и грубость формы, въ какой онъ ихъ высказывалъ.

- Какъ-же вы-то, Алексъй Миронычъ, не удержались и принуждены были оставить торговлю?
- Обстоятельства-съ, отвъчалъ онъ; что дълать? самъ виноватъ. Раненько съ горшками спознался.
 - Какъ съ горшками?
- Да женился-съ. Торговля была маленькая; торговать-бы да расторговываться, а тутъ барыши шли на хозяйство, скоро и ихъ хватать не стало, пришлось должишки дълать, а ужъ такъ трудно дъла вести. Вотъ я, судырь мой, и запутался, а какъ запутался, такъ и пришлось запереть лавчонку. Да, слава Творцу Небесному, никому не остался долженъ! прибавилъ онъ съ смиреніемъ, весьма походившимъ на гордость.
- Тутъ онъ съ прежнею любовью и одушевленіемъ принялся разсказывать, какъ описывали его лавку, какъ продавали ее съ аукціона, какъ ему совътывали помощію извъстныхъ операцій заплатить только часть долга и потомъ снова начать торговать на женнино имя, и какъ онъ не согласился и заплатилъ всъ долги свои.
- За то вотъ и почетъ теперь, сказалъ онъ, окончивъ разсказъ свой. Бекешь-то у меня хоть и старая, талія-то чуть до щиколокъ не хватаетъ, да и шляпенка грозитъ разрушеніемъ, а вотъ всѣ кланяются, лица-то небось не воротятъ на сторону. Вотъ оно что-съ!
 - Чъмъ-же вы посль этого занимались?
- Когда самому стало торговать нечемъ, сталъ по сидъльцамъ ходить и все шло хорошо. Семейство содержалъ, дочекъ взростилъ; нужды большой не было, сводили концы съ концами. Да вотъ, въ іюнъ годъ тому будетъ, умри мой хозяинъ, я й остался безъ мъста, а жилъ-то я тогда у вашего братца въ домъ...

Старикъ замялся и замолчалъ.

- Ну-съ?
- Ну-съ, такъ я и остался жить у вашего братца... дъла, знаете, нашлись... такъ я у него и остался.

Нерадовъ понялъ, отчего онъ замялся.

- И послъ этого вы ничего не предпринимали для поправленія своихъ обстоятельствъ? спросилъ Нерадовъ, чтобъ дать разговору другой оборотъ.
 - Послъ чего-съ?
 - Да послъ того, какъ вы объявили себя... оставили торговлю?
 - Гдъ-же-съ? отвъчалъ Похлебкинъ съ горькою улыбкой.
 - И не жалъете?
- Жалѣньемъ не поможешь. И безъ того сѣдыхъ волосъ не оберешься.
 - Такъ какъ-же быть-то? Что-жъ вы станете теперь дълать?
 - А что Богъ дастъ! отвъчалъ онъ равнодушно.

Нерадовъ только поглядълъ на него. Онъ никакъ не могъ понять, чтобъ человъкъ, такъ хорошо знающій свое дъло, говорившій о немъ съ такою страстью, могъ такъ легко покориться обстоятельствамъ. Такое самоотверженіе изумляло его въ этомъ человъкъ.

Они вошли въ трактиръ и заняли особую комнату. Между-тъмъ какъ Нерадовъ заказывалъ чай, Похлебкинъ бережно скидывалъ съ себя бекешь и все какъ-будто боялся, что она въ рукахъ его изъ одной бекеши превратится во множество бекешей. Съ такимъ тщаніемъ и такъ медленно освобождался онъ отъ нея, что глядя на его корчи и гримасы, можно было подумать, будто онъ сдираетъ съ себя собственную кожу ... Послъднее предположение еще болъе оправдывалось тъмъ, что Похлебкинъ безъ бекеши очутился совствъ другимъ человъкомъ. Онъ сдълался какъ будто тоньше, какъ будто меньше и короче. Синій фракъ его, также какъ и бекешь, быль очевидно сшить не по его росту: такъ высока была его талія, такъ длинны фалды Узкія панталоны вилоть обтягивали его тонкія ноги и все заворачивались кверху. Жилетка тоже какт-то странно сидъла на немъ, а галстухъ узломъ своимъ очутился на затылкъ и спереди выказывалъ два жгута, между которыми вовсе не кстати высовывались воротнички толстой рубашки, напоминавшіе ужъ слишкомъ явно о дит субботнемъ. Перемтна была такъ разительна, что Нерадовъ, какъ ни сочувствовалъ своему спутнику, а подошелъ поскоръе къ окну и сталъ смотръть въ него. На окнъ, въ окнъ или за окномъ было, въроятно, нъчто очень смъшное, потому-что онъ все потихоньку смъялся.

Что-же касается до Похлебкина, то онъ сохраняль самое серьёзное выражение на лицѣ своемъ. Замѣтивъ, что Нерадовъ не смотритъ на него, онъ вдругъ засуетился и обернувшись самъ къ нему задомъ, сталъ торопливо обдергиваться, обчищаться, поправлять жилетку, галстухъ; потомъ онъ нагнулся и обтянулъ панталоны, которые, казалось, не хотъли и минуты полежать на сапогахъ, а все зачѣмъ-то уходили въ голенища. Об-

тянувъ панталоны, онъ ужъ кстати, мимоходомъ, вынулъ изъ кармана платокъ и наскоро почистилъ имъ сапоги, которые почему-то показались ему грязными. И все это онъ дълалъ спѣша и безпрестанно оглядыва ясь на Нерадова. Вставалъ, нагибался, ёжился. Вообще во всѣхъ движеніяхъ старика, какъ и въ словахъ его было замѣтно, что онъ дорожитъ общимъ мнѣніемъ, что въ немъ много самолюбія и что онъ, гдѣ только можно, старается поддержать собственное достоинство.

Приведя такимъ-образомъ туалетъ свой въ надлежащій порядокъ, онъ снова оборотился къ Нерадову и сталь какъ ни въ чемъ не бывалъ приглаживать себѣ волосы. Потомъ онъ подошелъ къ бекешѣ, бережно взялъ ее за воротникъ и началъ осторожно вынимать изъ кармановъ свертки. Вынувъ ихъ и осмотрѣвъ самымъ тщательнымъ образомъ, онъ положилъ ихъ на столъ, съ явнымъ намѣреніемъ развязать и посмотрѣть, что въ нихъ было завернуто.

- Вотъ-съ, Дмитрій Оедорычъ, началъ онъ, поглядывая то на сверт-ки, то на Нерадова, хочу взглянуть, чего они мнъ тамъ навязали.
- Гдв это?
- A въ лавкахъ. У знакомаго бралъ, а не посмотри только, пожалуй надуютъ. Тутъ онъ подмигнулъ и прибавилъ серьёзно и отрывисто:
- Подарочки своимъ-съ. Праздникъ, знаете, такъ того... потъшить.

Послѣ этого, Похлебкинъ, развязавъ первый свертокъ, вынулъ изъ него двѣ пары козловыхъ башмаковъ и поставилъ ихъ рядышкомъ на столѣ.

- Хороши подарки! подумаль про себя Нерадовъ и, чтобъ не огорчить старика, сталъ вмъстъ съ нимъ осматривать башмаки и любоваться ими. Вскоръ Похлебкинъ приступилъ ко второму свертку: въ немъ тоже были двъ пары козловыхъ башмаковъ.
- Вы, просто, раскутились, Алексьй Миронычь, замътиль Нерадовъ.
- Я взяль себъ за правило, отвъчаль съ нъкоторою важностью старикъ, для подарковъ покупать вещи полезныя; а то что, эти белендрясы, серьги да бусы, бусы да серьги!... Я человъкъ бъдный.

Послъднюю фразу онъ произнесъ съ неописаннымъ смиреніемъ.

- A шкатулку-то зачёмъ купили?
- Шкатулку-то?

И старикъ, потпрая руки, засмъялся мелкимъ, чуть слышнымъ смъхомъ, такъ что, казалось, онъ скоръй покашливаетъ, чъмъ смъется.

— Шкатулка-то? Хе, хе, хе! Это для меньшенькой-съ. Вотъ-съ для ней и башмачки-то получше будутъ-съ... Да-съ, продолжалъ онъ,

вдругъ переставъ смѣяться, вы вотъ человѣкъ ученый, а какъ рѣшите? Ну, лежитъ къ ней сердце, просто лежитъ. Просто чувствую, что жить не могу безъ нея. Знаю, что не хорошо противъ другихъ дѣтей, да что прикажете дѣлать? Тянетъ-съ, просто тянетъ. Вотъ старшія двѣ—родныя дочери, а нѣтъ-съ! особеннаго чувствія не ощущаешь къ нимъ. Что прикажете дѣлать? Вы вотъ ученый, а подите-ка, разрѣшите!

- Върно она сама васъ больше любить, чъмъ другія?
- Охъ, какъ любитъ-съ! Ужъ такъ любитъ ... Въдь вотъ приду домой усталый, все чувство, кажется, уйдетъ въ желудокъ да въ ноги, а какъ сядетъ она возлѣ меня, да начнетъ болтать, болтать, болтать, такъ и про ъду и про ноги забудешь. Все разкажетъ, все, что въ домѣ-то безъ меня дълалось, про все разскажетъ. Сестры вотъ зовутъ её наушницей, а она вовсе не наушничаетъ; сохрани Богъ, я самъ не терплю этого ... И дъвчоночка-то родилась такая хорошенькая вы, чай, видъли? спросилъ онъ его вдругъ, какъ-то странно поглядъвъ на него.

Такъ, по крайней мъръ, показалось Нерадову: онъ смутился, однакожь отвъчалъ какъ могъ равнодушнъе.

- Нътъ ... гдъ-же? Я такъ еще недавно поселился въ вашемъ сосъдствъ. А можетъ-быть и видълъ. Бълокуренькая?
- Нътъ-съ, то средняя, отвъчалъ грустно потупившись старикъ: у-Кати волосы черные и глаза черные ... ухъ какіе черные. Боюсь я только за нее, Дмитрій Өедоровичъ;—прибавилъ онъ помолчавъ.
 - Э, полноте!
- Дъвчонка она бойкая, шаловливая; мать насилу усмотрить за нею, такъ и наровитъ что-нибудь напроказничать. Нравъ-то у нея буйный, знаете, этакой, сердце любящее...

Нерадову показалось, что старикъ все это говорить ему не спроста, а съ какою-то затаенною мыслію. Онъ почувствоваль нѣкоторую неловкость отъ подобной бесѣды; ему стало жаль старика и онъ хотѣлъ уже дать другой оборотъ разговору, какъ новая выходка Похлебкина совершенно сбила его съ толку. Глаза старика внезапно налились слезами, носъ вдругъ покраснѣлъ и онъ тольто успѣлъ поднести къ лицу своему синій бумажный платокъ, свернутый въ комочекъ, какъ слезы покатились по его морщинамъ. Онъ, однакожъ, не рыдалъ, даже не всхлипывалъ и, казалось, внутренно боролся съ внезапно-поработившимъ его чувствомъ, и ни одного слова не срывалось съ языка его, какъ-будто онъ боялся, чтобъ вмѣстѣ съ словами не прорвались рыданія.

- Что съ вами? Алексъй Миронычъ, что съ вами? спросилъ его удивленный и вмъстъ встревоженный Нерадовъ.
- Такъ-съ, грусть беретъ, отвъчалъ довольно твердымъ голосомъ и глотая слезы Похлебкинъ вспомнишь, что всъ-то онъ, безвинныя, вмъстъ со мною страждутъ, лишенія всякія претерпъваютъ: молодость, знаете; хочется того-сего, и погулять и на людей посмотръть, такъ вотъ и заноетъ сердце и упрекаешь себя во всемъ, а подъ праздникъ-то, знаете, все вотъ такія мысли и лъзутъ въ голову, прибавилъ онъ съ попыткою на улыбку. Вотъ завтра, вмъсто красненькаго яичка, какъ нарочно выходитъ срокъ должку одному—вотъ что съ!
 - Вы это о брать говорите?
- -- О комъ-же, какъ не о братцъ-съ? Я, кромъ его, никому не долженъ. А завтра срокъ.
- Насчетъ этого можете быть, кажется, спокойнымъ. Братъ дастъ вамъ опять отсрочку, какъ и прошлый разъ... Бояться завтрашняго дня, вамъ, стало-быть, нечего.

Старикъ слушалъ и только почесывалъ затылокъ.

— Эхъ! сказалъ онъ наконецъ, самъ я это, Дмитрій Оедорычъ, знаю, что бояться мнъ нечего, да не легче мнъ отъ этого ...

Онъ замолчалъ и сталъ глядъть на какую-то законтъвшую картину, которая висъла на стънъ и изображала нъчто такое, что трудно было разсмотръть съ одного раза.

- Думалъ я все зайти къ сестръ, сказалъ онъ вдругъ, не сводя глазъ съ картины, и попросить у нея денегъ, да такъ, что-то нехочется; чувствую, что проку не будетъ, такъ только даромъ проходишься.
- У васъ есть сестра? и богатая? съ живостію спросиль его Нерадовъ.
 - Богатая-съ. За два-не знаю, а за милліончикъ поручусь.
- И не помогаетъ?
 - Гдъ ей? Дрожитъ сама, чтобъ непрожиться какъ нибудь.
- Что-жъ, деньги у нея въ оборотъ, что-ли? или живетъ въ свое удовольствіе? проживаетъ много?
- А вотъ-съ, изволите видъть. Домикъ у ней пебольшой, деревянненькій; живетъ она одна съ своей стряпухой, да еще дворника нанимаетъ. Вотъ и вся ея прислуга. Деньги всъ въ ломбардъ, стало быть, въ върномъ мъстъ. Никто къ ней не ходитъ и она ни къ кому ни ногой. Старушка лътъ пятидесяти-пяти, вдовъетъ лътъ пять и проживаетъ много, много тысячъ восемь въ годъ Вотъ какъ живетъ она.
 - И родная сестра?
 - Родная сестра.

- Вы съ ней не въ ссоръ?
- Сохрани Богъ! Когда придешь, обрадуется, не знаетъ чъмъ и подчивать ... Нельзя винить-съ! продолжалъ онъ серьёзнъе—она того-съ, какъ будто немножко повреждена-съ.
 - Помъшана?
- Нельзя сказать, чтобъ была помѣшана, а такъ, какъ-будто поврежденіе есть какое-то. Все думаеть, что ее обманывають, покушаются на ея богатство. Никому не въритъ, все боится, что пропадутъ какънибудь ея деньги и она останется безъ куска хлъба. Станешь ее успокоивать, толкуешь ей, что вотъ такъ и такъ это дълается, что процентъ — процентъ, а капиталъ-капиталъ — не въритъ, думаетъ, что не спроста-ума принимаютъ въ ней участіе. Женщина-то она, знаете, темная, стараго покроя. Меня, вотъ, готовили въ купцы, такъ кой-чему и учили, а она даже и грамотъ не знаетъ, а въ житейскихъ дълахъ что твой младенецъ въ неленкахъ; — такъ когда овдовъла-то, ей и страшно стало. Добрые люди, товарищи мужнины стали было совътовать ей то и то дескать, такъ и эдакъ, а ей пришло въ голову, что ее хотятъ обма нуть. Мив, напримвръ, она такъ странно ответила, что я и не совался больше. Ясно видно было, что на меня она ужь смотрить, какъ на своего наследника. Только вотъ по годовымъ праздникамъ и ходимъ къ ней.
- Вотъ вы какъ, Алексъй Миронычъ! пожалуй скоро милліонеромъ станете!
- Намъ-ли быть милліонерами, Дмитрій Оедорычъ! отвъчаль съ скромною улыбкой и потупившись Похлебкинъ.

Тъмъ разговоръ и кончился. Подали чай. Нерадовъ принялся разливать, а Похлебкинъ продолжалъ разсматривать картины, до тъхъ поръ пока молодой человъкъ не позвалъ его кушать. Сълъ онъ церемонно на краешкъ стула, подобралъ подъ него свои ноги и объявилъ, что пьетъ обыкновенно въ прикусочку. Нерадовъ налилъ ему въ прикусочку, но не успълъ опъ выпить и одного стакана, какъ быстро вскочилъ съ своего мъста, взялъ шляпу и сталъ, къ великому удивленію Нерадова, свидътельствовать ему свое нижайшее.

- Куда-же вы?
- А вотъ-съ неподалеку... туда-то-съ.

И для большей ясности онъ качнулъ головою въ одну изъ сторонъ комнаты.

- Домой? спросилъ Нерадовъ.
- Нѣтъ-съ, къ сестрѣ здѣсь вотъ, рукой подать, живетъ въ переулочкѣ — авось деньжонокъ-то и достану. Оно завтра праздникъ великій,

такъ сердца-то наши помягче какъ-то становятся, прибавилъ онъ со смъ-хомъ.

- Вы бы сперва чаю напились.
- Поздно будетъ-съ. Она, пожалуй, передъ заутреней спать ляжетъ, такъ время то и упустишь.
 - Э, полноте, останьтесь!
 - Радъ-бы, да нельзя-съ.
- Вы-бы ужъ лучше завтра, Алексъй Миронычъ право завтра.
- Нътъ, ужь завтра нельзя-съ.
- Ну, какъ знаете; а я здѣсь почитаю что-нибудь. Если недолго пробудете у нея, такъ на возвратномъ пути загляните сюда можетъбыть, найдете меня еще здѣсь.

Похлебкинъ отвъчаль, что непремънно заглянетъ и сталъ съ прежнею осторожностью надъвать бекешь. Потомъ, увязавъ свои покупки, онъ снова нагрузилъ ими карманы, шкатулку взялъ въ руки и послъ многихъ поклоновъ вышелъ изъ комнаты.

А Нерадовъ сталъ курить, читать газеты, и ръшился дожидаться Похлебкина. Онъ принадлежаль къ числу тъхъ частыхъ молодыхъ людей, которые чрезвычайно радуются, когда встратятся съ камъ-нибудь изъ знакомыхъ на улицъ, непремънно ихъ останавливаютъ, и если знакомый не разговорчивъ, то стоятъ молча другъ передъ другомъ минутъ пять, нъжно пожимая одинъ другому руки и, наконецъ, къ обоюдному удовольствію расходятся въ разныя стороны, страшнійшимъ образомъ надойвъ другъ другу; а не то увяжутся идти вмъстъ подъ предлогомъ одной дороги, хотябы одинъ шелъ къ Адмиралтейской Площади, а другой къ Невской Лавръ, и тоже надоъвъ порядкомъ одинъ другому, не знаютъ потомъ ужъ, какъ и разстаться. Какъ бы ни были хороши и добры эти люди, ихъ удълъ — всегда проигрывать въ общемъ мнъніи, получать щелчки и иногда даже отъ тъхъ, кто ихъ хуже и ниже, и вообще слыть людьми, если не пошлыми, то по крайней мъръ безцвътными. Общество не дорожитъ ими, потому-что они слишкомъ охотно предлагаютъ себя къ его услугамъ и слишкомъ явно, слишкомъ откровенно дорожатъ имъ. частые люди.

Оставивъ Нерадова въ трактиръ, Похлебкинъ отправился прямо къ извъстному ему переулку, узкому и темному, упиравшемуся однимъ концомъ своимъ на набережную Фонтанки, а другимъ на Апраксинъ-Дворъ — и вскоръ подошелъ къ небольшому деревянному, одноэтажному дому. Онъ

o Francis Constitute Cong labore on Charles Demonity Charles

The Properties and authority of the

шель къ родной сестръ своей, быль увърень въ ласковомъ и радушномъ пріемъ, въ любви ея къ себъ и къ своему семейству, а между-тъмъ робость и уныніе овладъли имъ, когда онъ ступиль на крыльцо ея дома; и онъ такъ тихо и такъ бережно дернулъ за ручку колокольчика, какъ будто внутренно желалъ, чтобъ не слыхали его звона и подольше не отпирали ему. Желаніе его, казалось, было услышано, потому-что онъ стоялъ на крыльцъ минутъ съ пять, а отпирать ему никто и не думалъ. Не ръшаясь позвонить еще разъ, онъ сошелъ съ крыльца, отступилъ на середину переулка и сталъ осматривать окна: но въ нихъ онъ никого и ничего не увидълъ. Былъ часъ восьмой вечера; на дворъ темнъло; въ сосъднихъ домахъ зажигались кое-гдъ огоньки; торговцы Апраксина-Двора запирали лавки и спъшили домой; мужики и бабы толпами проходили мимо Похлебкина; кругомъ него кипъла жизпь, раздавался говоръ. Но въ деревянномъ домъ было все тихо и смирно; ворота его были кртпко-на-кртпко заперты; только въ одномъ окнт, сквозь двойныя рамы, виднёлся чуть замётный свёть. «Это оть лампады», подумалъ Похлебкинъ и, подошедъ къ крыльцу, снова дернулъ за колокольчикъ, и сталъ прислушиваться.

Но онъ пичего не услышалъ. «Ужъ не залегли ли они спать», сказалъ онъ про себя, — раненько кажется, развъ передъ заутреней.

Наконецъ, минутъ черезъ пять онъ замѣтилъ нѣкоторое движеніе въ домѣ, какъ будто онъ вдругъ проснулся отъ глубокаго сна; внутри его завозилось какое-то существо, хлопнуло нѣсколько разъ дверьми, тяжелыми шагами сошло съ лѣстницы и подало голосъ.

- Кто тамъ?
- Я, Даниловна. Дома сестрица?
 - Ась?
- Дома сестрица? повторилъ Похлебкинъ громче, вспомнивъ, что Даниловна недослышитъ.
- Ахъ, Батюшки-свъты! Алексъй Миронычъ! А я-то, старая дура, и не узнала васъ, батюшка, по голосу-то. Дома-съ, дома-съ.
 - Такъ отопри-же, Даниловна.
- Сей-часъ, сей-часъ, родимый только вотъ за ключемъ сбъгаю. Ахъ батюшки-свъты!

Шаги удалились, только на этотъ разъ Похлебкинъ ждалъ очень недолго. Дверь вскоръ была отперта и онъ вошелъ въ темныя съни, слабо освъщенныя сальною свъчкою, бывшею въ рукахъ у пожилой, довольно плотной женщины, которая ему отперла двери. Голова ея была повязана платкомъ, рукава засучены по локти; юбка приподнята и заткнута за поясъ ... Это была единственная женская прислуга въ домъ, и теперь, какъ видно было, отправляла должность поломойки.

- У васъ никакъ полы моютъ? замътилъ Похлебкинъ.
- И, батюшка, какое полы! давно вымыты, такъ кое-что подчищаемъ... Войдите, войдите! прибавила она, низко кланяясь.
- Сестрица еще не ложилась?
- Охъ, не ложилась? Войдите батюшка, войдите!

И она снова принялась кланяться.

Похлебинъ сдълалъ нъсколько шаговъ по лъстницъ.

- У нея никого нътъ, Даниловна? спросилъ онъ вдругъ, остановившись.
- Охъ, кому-же быть у нея, батюшка? Войдите, милости просимъ, войдите!

Тучная женщина съ сальнымъ огаркомъ въ рукѣ заграждала всею своею особою узкую лѣстницу и, приглашая поздняго гостя «войдти», продолжала низко ему кланяться. Похлебкинъ хотѣлъ было еще кое о чемъ поразпросить ее и кстати вывѣдать, въ какомъ расположеніи духа теперь его сестрица, по услышавъ голосъ сестры, молча сталъ взбираться по лѣстницѣ и вошелъ въ переднюю. Пока онъ торопливо скидывалъ съ себя бекешь, оправлялся, обдергивался и отдавалъ Даниловнѣ на сохраненіе свои покупки, до слуха его безпрестанно долеталъ слабый, старушечій голосъ.

- Кто тамъ?.. Даниловна!.. раздавалось изъ-далека и такъ слабо, что тучлая женская прислуга и ухомъ не вела.
- Похлебкинъ, войдя въ комнаты, пошелъ прямо по направленію свътящейся вдалекъ лампады. Въ комнатахъ было гораздо темнъе, чъмъ на дворъ, и такъ душно, что, казалось, въ нихъ пахло тепломъ. Мебель въ гостиной была вся въ чехлахъ и среди мрака походила на какіе-то бѣлые призраки, которые чинно усълись вокругъ стънъ и молча смотрятъ другъ на друга. Портретъ, висъвшій надъ диваномъ, былъ тоже обтянутъ бълою кисеею и образуя на стънъ бълое четвероугольное пятно, казался отверстіемъ, изъ котораго налетъли въ темную комнату всъ эти призраки... Но зато-въ последней комнате слабо и какими-то вспышками брезжжилъ свътъ лампады, отражаясь яркими, свътящимися точками на чистомъ стеклъ огромной кіоты и на свътлыхъ, серебряныхъ и золотыхъ ризахъ большихъ старинныхъ образовъ. И потому, передній уголъ былъ залить свътомъ, но только одинъ передній уголь; прочія части комнаты были въ полумракъ, среди котораго неръшительными контурами обрисовывались нъсколько стульевъ, столъ, комодъ ѝ кровать съ какимъ-то вычурнымъ балдахиномъ, убраннымъ разными фестонами и занавъсами.

На порогъ этой комнаты встрътила его сестра.

Это была женщина лътъ пятидесяти-пяти, маленькая, худенькая, съ небольшими морщинками на вискахъ и у глазъ, съ темнымъ шелковымъ платкомъ на головъ и съ въчно-озабоченнымъ видомъ, съ въчно потупленными глазами, какъ будто всякую минуту она ожидала, что вотъ-вотъ разверзнется подъ нею земля да и поглотитъ ее несчастную. Лицомъ она очень походила на своего брата: тъ-же черты, только выраженіе другое, и потому въ минуты грусти и унынія братъ былъ похожъ на сестру свою гораздо болье, чъмъ во всякое другое время. Похлебкинъ не даромъ считалъ ее нъсколько-поврежденною въ умъ: трудно было найти женщину страннъе сестры его.

Замужъ вышла она рано, очень рано — въ томъ счастливомъ возрастъ, когда она была еще «глупа», какъ объявили ея родители жениху своей дочери, кунцу лътъ тридцати-няти, серьёзному, худощавому и рыжеватому. Оставшись вдовою на пятидесятомъ году отъ рожденія, она однакожъ нисколько не ноумнъла. Казалось, тридцать три года супружества безвредно и безплодно пронеслись надъ ея темною головою, не породивъ въ ней ни одного новаго поцатія, и по смерти мужа своего. она осталась такимъ-же младенцемъ въ душъ, какимъ была, когда замужъ. Она перемънила только мъсто жительства: изъ выходила дома родительскаго перешла въ домъ мужнинъ, но жить продолжала она прежнею, затворническою жизнію. Днемъ ждала мужа, а когда приходилъ мужъ, ждала, что онъ ей прикажетъ. Воспитана она была въ смирении, сама заговаривать съ мужемъ не осмъливалась, темъ более, что онъ былъ нрава крутаго и не любилъ переливать изъ пустаго въ порожнее, особенно съ женою. О дъдахъ своихъ онъ съ ней никогда не разговаривалъ — бабье ли это дело? И потому, до нихъ она вовсе не касалась, даже не знала хорошенько, чемъ онъ торгуетъ. Домашняго хозяйства она тоже не вела: кушанье готовила стряпуха, которая до нея еще жила у ея мужа и умъла угодить ему различными лакомыми блюдами. Въ первое время, когда мужъ ея еще не разбогатълъ и не растолстълъ, онъ самъ обыкновенно каждое утро отправлялся съ кулечкомъ на рынокъ и приносилъ все нужное для объда. Потомъ, когда дъла начали цоправляться, за провизіей хаживалъ молодець, а когда мужъ совершенно растолствлъ и сталъ кушать чай не чашками, а самоварами, когда заведены были коляска и пара буланыхъ, провизія стала сама какъ-то доставляться на домъ. По крайней мъръ, Марья Мироновнъ такъ показалось. Она подивилась, помотала головою, но ничего не сказала, а развъ только подумала — да и то еще, Богъ знаетъ, подумала ли? — что дескать за выгода такая людямъ самимъ приносить всякую

провизію и не брать за нее денегь. Дёло въ томъ, что домъ началъ снабжаться всёмъ потребнымъ для существованія обитателей своихъ оптомъ, посредствомъ поставщиковъ, съ которыми покойникъ имѣлъ обы новеніе расплачиваться въ лавкѣ. Такимъ образомъ Марья Мироновна едва—ли видывала когда нибудь рубль въ своихъ рукахъ, постоянно сидѣла дома и, если чёмъ занималась, то ужъ конечно не хозяйствомъ.

И потому, когда умеръ мужъ ея, всего сильнъе поразила ее мысль, что отнынъ она должна жить своимъ собственнымъ умомъ-разумомъ, сама обо всемъ заботиться. Эта мысль испугала ее. Въ первый день послъ похоронъ она выла, во второй плакала, а на третій замътила, что никто ничего не поставляетъ изъ провизіи. Молодцы разбрелись искать себъ мъстъ и она осталась одна съ своею кухаркою. Вскоръ ей однакожъ объявили, что покойникъ велъ дъла свои честно и оставилъ послъ себя чуть-ли не милліонъ, который, за неимъніемъ наслъдниковъ съ мужниной стороны, весь переходилъ теперь въ ея руки. Она только слушала, а хорошенько не понимала. Ей начали было толковать, что значитъ ломбардъ, проценты, предлагали продолжать торговлю на свое имя, предпринять кое-что, но она упорно отказалась.

— Мое дъло бабье, говорила она тихо, какъ будто сама недовъряя словамъ своимъ — я во всемъ томъ мало толку смыслю; было-бы только что всть мнв, и то хорошо... Когда утихъ нвсколько первый испугъ ея и она стала спокойнъе вглядываться въ свое новое положение, ею овладъла недовърчивость ко всъмъ, въ особенности къ людямъ ея званія, прежнимъ друзьямъ и товарищамъ мужнинымъ. Овдовъй она въ первые годы своего замужества, молодость и надежда на будущность спасли-бы ее. Самое незнаніе жизни заставило бы ее взглянуть на жизнь: не испугъ, а любопытство овладъли-бы ея сердцемъ; довърчиво взглянула бы она на свътъ и на людей, потому-что не могла еще имъть понятія о злъ. Старость-же, не принеся ей нисколько опытности, только охладила въ ней кровь, да выростила въ ея сердце несколько темныхъ повърій о злости людей, объ ихъ коварствъ, объ обманъ. Себъ она точно также недовъряла, какъ и другимъ, и можетъ быть потому и не довъряла другимъ, что себъ-то самой недовъряла. Жила она точно въ баснъ какой-то. Не то чтобы она была совсъмъ глупа — нътъ! въ ней было даже нъчто въ родъ здраваго смысла, и если представить ей исно какое нибудь дъло, она сейчасъ бы поняла его и не задумавшись ръшила бы, что справедливо и что нътъ. Но этотъ здравый смыслъ погибалъ, какъ огонь, которому не было пищи, которому не на чемъ было остановиться въ жизни, потому-что самой жизни не существовало для этой странной старухи.

Оставшись при своемъ сиротствъ и бабьемъ дълъ, она удержала при себъ только свою стряпуху и заперлась въ стънахъ своего деревяннаго дома. Люди, которые могли-бы ей быть полезными и совътомъ и дъломъ, перестали не только совътовать, но даже и ходить къ ней, потому-что не видъли отъ этого никакого толку, потому, -что старуха какъ-будто за правило приняла себъ всегда имъ только поддакивать, а дълать все наперекоръ. Мало по малу всъ оставили ее въ покоъ. Даже братъ принужденъ былъ, наконецъ, отстраниться отъ нея, потому-что и его она стала подозръвать въ корыстолюбіи.

При ней остались однъ только ея мысли, нелъпыя, странныя, дикія, да глухая Даниловна, женщина ума весьма недальняго, но замънявшая этотъ недостатокъ привязанностію къ своей хозяйкъ. Впрочемъ, во всемъ она была гораздо свъдущъе Марьи Мироновны и безъ нея Марья Мироновна не знала-бы, что и дълать. Часто, въ длинные зимніе вечера (покойникъ скончался осенью), свътъ теплящейся лампады озарялъ темныя головы объихъ старухъ, которыя, усъвшись одна передъ другою въ спальнъ, безъ соблюденія всякаго чинопочитанія, думали каждая сама про себя и... молчали.

— А я все думаю, Даниловна, прерывала иногда модчаніе Марья Мироновна.

Даниловна вмѣсто всякаго отвѣта придвигала ближе къ ней скамейку, на которой сидѣла и тогда уже рѣшалась вступить въ разговоръ.

- Асинька?
- Я все думаю, Даниловна...
- А что-жъ ты, матушка-хозяюшка, думаешь?
- Да вотъ...

И она останавливалась, какъ будто не ръшаясь высказать своей мысли, какъ будто стыдясь ея.

- Что-жъ такое?
- Да хоть-бы ломбардъ-отъ этотъ ...
- И выдають?
- Хоть бы слово когда сказали. Возьмуть билеть, пропишуть тамъ что-то у себя въ книгахъ и выдадуть деньги. Ужь я только подумываю, Даниловна.
 - А что?
- Чтобъ не облапошили-то меня какъ-нибудь бъдную. Въдь вотъ беру, даютъ, а потомъ какъ скажутъ, что всѣ вышли, такъ что я буду дълать? хоть-бы записывать, право.
- Да въдь записываете, матушка вонъ, кресты-то стоятъ тамъ надъ дверью . . .
 - Что толку-то? вонъ, двънадцутую сотню тратимъ, а давно-ли

покойникъ-то скончался. Охъ, Господи Владыко! хоть бы посовътовалъ кто-нибудь ...

— Что-жъ вы у братца-то, матушка, Алексъя Мироныча не спросите?..

На этотъ вопросъ вдова никогда не отвъчала и послъ него молчаніе уже ръдко нарушалось.

Вотъ какъ жила старуха по смерти своего мужа. Авта утишили нъсколько ея страхи, но норожденныя ими дикія и нельныя мысли не могли уже оставить ее. Слабая и темная голова ея не могла вынести ихъ бремени и еще болье потемньла и ослабъла. Жизнь съ ея горячими интересами, съ ея тревожными напоминаніями съ каждымъ днемъ все далье и далье отходила отъ странной затворницы, а гладкій, чисто на—чисто—вымытый поль начиналь не на шутку колыхаться подь ея ногами. Съ лица ея ръдко сходило уныніе, ръдко улыбалась она и ръдко взоры ея подымались съ земли, гдъ они казалось заранье отыскивали для своей странной обладательницы въчнаго успо-коенія отъ житейскихъ заботь и треволненій.

И вотъ она стоитъ теперь на порогѣ своей спальни, съ повязанною чернымъ платкомъ головою, въ черномъ шелковомъ платъѣ и какъ-то странно, нерѣшительно смотритъ на брата. Даниловна стоитъ поодаль и, опершись щекою на ладонь, тоже смотритъ на него; какъ на какоето чудо и глубоко вздыхаетъ. Одни бѣлые призраки, населившіе гостиную, сохраняютъ свое безстрастное положеніе и ничему не удивляются, да лампада передъ кіотомъ горитъ прежнимъ неровнымъ и трепетнымъ свѣтомъ и какъ-будто боится заглянуть короткими лучами своими сквозь отворенную дверь въ погруженную въ сумерки гостиную.

- Здравствуйте, сестрица! произнесъ Похлёбкинъ съ почтительнымъ поклономъ.
- Ахъ, батюшка братецъ! вы-ли это? воскликнула старуха, видимо обрадовавшись его приходу и двинувшись къ нему всею своею маленькою особою. Похлёбкинъ тоже двинулся къ сестръ и взявъ ее за руку, хотълъ, по обыкновенію, поцеловаться съ ней, но она быстро и съ испугомъ отскочила отъ него.
- Черезъ порогъ-то? сказала она съ волненіемъ что это вы, батюшка братецъ! Какъ меня испужали, право!

И будучи не въ силахъ долѣе стоять на ногахъ, она задыхаясь оперлась о кресло. Но сѣсть не сѣла, а дождалась, пока братъ поздоровался съ нею какъ слѣдуетъ и послѣ нѣсколькихъ приглашеній съ ея стороны, самъ сѣлъ на указанное ему мѣсто. Тогда ужъ и она, кряхтя

и покашливая, помъстилась на мягкомъ старинномъ креслъ. Даниловна между-тъмъ вышла въ кухню.

Только теперь, при свёт в лампады, замётиль Похлёбкинъ истощеніе и усталость на лицё сестры своей. Съ тёхъ поръ какъ онъ въ последній разъ былъ у нея — а это было о масляниць: они виделись другъ съ другомъ только по годовымъ праздникамъ — на его глаза она презвычайно измёнилась.

- А я до сихъ поръ сумерничаю, батюшка братецъ, замътила она улыбнувшись. Но улыбка ея внезапно изчезла, на лицъ отразилось безнокойство и она быстро и съ участіемъ спросила его:
- Дома-то у васъ здоровы-ли всъ? Ужьнътъ-ли несчастія какого?

Всѣ, всѣ здоровы, отвѣчалъ братъ, не переставая смотрѣть на нее—
но вы-то, сестрица, сами-то вы совсѣмъ перемѣнились.

Она потупилась. Лицо ея, на которомъ до сихъ поръ отражались разныя чувства, взволнованныя неожиданнымъ приходомъ Похлёбкина, начинало уже принимать свое обычное безстрастное спокойствіе и она отвъчала ему тихо и покачивая головою:

— Дни такіе, батюшка братецъ ...

Оба замолчали. Старуха, опрокинувъ голову на спинку креселъ тяжело переводила дыханіе.

Похлебкинъ почувствовалъ всю неловкость своего положенія и уже хотёлъ было, оставивъ просьбу до другаго раза, встать и проститься съ сестрою, какъ вдругъ она сама прервала молчапіе.

— Ахъ, Господи Владыко! Совстви изъ ума вонъ; чтиъ же мнт васъ потчивать-то братецъ? Чайку не угодно-ли выкушать?

И она сдълала движеніе, какъ будто хотъла встать съ кресла и пойти распорядиться, но Похлебкинъ остановилъ ее.

— Не безнокойтесь, сестрица, ради Бога не безнокойтесь сказаль онь, вставая — я ьёдь такъ только къ вамъ на минуточку ... поговорить хотёль съ вами объ одномъ дёльцё, да ужъ послё когда—нибудь, въ другое время.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, братецъ, теперь, ради Бога теперь! Оставайтесь, садитесь. Я такъ рада, что вы пришли ко мнѣ; все одна вѣдь

сижу, все одна!

Старуха такъ засуетилась, чтобъ удержать своего брата, послъднія слова произнесла она такимъ грустнымъ голосомъ, что Похлебкинъ снова усълся противъ нея на стулъ, и лицо его въ эту минуту стало чрезвычайно похоже на сестрино.

- Я съ просъбицей къ вамъ, сестрица, началъ онъ, нагнувшись къ ней и понизивъ голосъ ...
 - Съ какою это, братецъ? спросила старуха тоже шопотомъ.
 - Ден-жо-нокъ бы ...
 - Охъ, батюшка братецъ!
 - Такая нужда, сестрица, если бы вы знали...
- Ахъ, Господи Владыко! Ахъ, напасти какія! Ахъ, батюшка братецъ, гдѣ ихъ взять? гдѣ ихъ взять?

Старуха заметалась, разохалась и разахалась. Казалось, послёдняя жилка ея была затронута; въ ней происходила борьба, и плачевный голосъ брата больно раздался въ ея вымершемъ сердцѣ. Она взглянула на Похлебкина и въ первый разъ только бросилась ей въ глаза бѣдность его одежды. Потупившись и съ убитымъ видомъ, сидѣлъ онъ передъ нею на кончикѣ стула, скрестивъ подъ нимъ свои ноги и держа между колѣнъ свою ветхую шляпенку. Она чуть—не заплакала и какъ-будто съ боязнію въ голосѣ спросила его:

- Много?
- Триста серебромъ, отвъчалъ онъ, не поднимая головы своей.
- Батюшки свъты! Что вы, братець? Зачъмъ вамъ столько?
- Выслушайте меня, сестрица, началъ Похлебкинъ, попробовавъ робко взглянуть на нее эту сумму я долженъ по векселю одному господицу, Нерадову по фамиліи. Завтра, вмъсто краснаго яичка, срокъ платежу. Онъ, пожалуй, и не подастъ ко взысканію, я даже увъренъ, что не подастъ, какъ и прошлый разъ не подалъ. Еще нынче далъ мнъ на праздникъ десять серебромъ, и въ домъ его мы живемъ даромъ, да мнъ-то отъ этого не легче, сестрица.
 - Злой человъкъ?
- Нътъ, сестрица; гръхъ сказать. Человъкъ онъ не злой. Да этотъ долгъ закабалилъ меня у него и съ руками и ногами. Онъ мнъ и жалованье даетъ и квартиру, да служба то не мудреная, знаете, такъ и жалованье махонькое. Съ семействомъ-то мнъ его и не хватаетъ ...
 - Кто-жъ онъ такой, батюшка братецъ, этотъ ... какъ бишь его?
- Нерадовъ-то? А онъ спекулянть, сестрица, дѣлецъ, барышникъ, если лучше поймете это слово. Купитъ примѣрно домъ, али землю какую, да и продастъ потомъ съ барышомъ. А то и самъ построитъ, да продастъ. Ловкій человѣкъ. Есть у него и другія дѣла. Только-бы барышъ дали, онъ за всякія возьмется. Такъ вотъ, сестрица, еслибъ мѣт заплатить ему долгъ-отъ, я подумалъ-бы и о своихъ обстоятельствахъ. Свѣтъ не клиномъ сощелся. Могъ бы при помощи добрыхъ людей и

мъстечко найти себъ, на контору что-ли, или опять въ сидъльцы пойдти ... Меня всъ знаютъ.

Старуха, повидимому, слушала его со вниманіемъ. Покрайней мѣрѣ, она неподвижно сидѣла передъ нимъ и медленно перебирала пальцами бахраму своей черной косынки. Братъ въ первый разъ обращался къ ней съ подобною просьбою: до сихъ поръ она не знала ни его дѣлъ, ни обстоятельствъ; кромѣ заботъ о себѣ самой, она ни о комъ въ мірѣ еще не заботилась. Между-тѣмъ, сумерки превратились въ ночь и въ комнатѣ, за исключеніемъ передняго угла, было такъ темно, что Похлебкинъ сколько ни заглядывалъ въ лицо сестрѣ своей, ничего не могъ на немъ увидѣть.

- Такъ вотъ, сестрица, прервалъ онъ наконецъ молчаніе еслибъ вы сдёлали для меня милость, помогли мнъ ...
- Ахъ, братецъ, ахъ, голубчикъ братецъ ... я все думаю ... Похлебкинъ навострилъ уши и чуть переводилъ дыханіе.
- Ахъ, голубчикъ братецъ, продолжала она съ укоромъ въ голосъ—какъ-же вы дошли до этого ...?
- Въдь цълый годъ почти я безъ мъста, сестрица. Въ залежъ у насъ ничего не было, а жить было нужно; вотъ тогда-то я и занялъ у Нерадова. Все надъялся поправиться ...
- Какъ-же быть-то! ахъ, какъ-же быть то! говорила плачевнымъ голосомъ старуха, качая головою. Даниловна! Даниловна! Пововите ее, ради Бога, братецъ, куда это она пропадаетъ, старая? прибавила она съ сердцемъ.

Даниловна явилась на порогѣ; все та-же Даниловна, что и прежде, все въ той-же юбкѣ, заткнутой за цоясъ, съ тѣми-же голыми руками и все также склонивъ голову на бокъ и подцерши щеку рукою.

— Скажи, пожалуйста, куда ты пропадаешь, — накинулась на нее старуха—цълый вечеръ насъ, что-ли, въ потьмахъ оставить хочешь? ахъ Господи! и передъ праздникомъ еще!..

Старуха была въ такомъ волненіи, говорила такимъ слабымъ и плачевнымъ голосомъ, что Похлебкинъ внутренно раскаявался въ неумъстной просьбъ, а Даниловна совершенно потерялась, даже измънила свою обычную позу и пробормотавъ, что въ первый разъ дескать слышитъ такое отъ своей хозяйки и передъ праздникомъ еще, со всъхъ ногъ бросилась въ кухню готовить свъчи.

Не прошло и минуты, какъ она снова явилась съ двумя зажженными свъчками въ рукахъ и, поставивъ ихъ на столъ, медленными шагами, отъ которыхъ, впрочемъ, дребезжали стекла и вздрагивалъ полъ, отправилась въ кухню.

- Даниловна, спросила ее вдругъ старуха, когда я въ послъдній разъ въ ломбардъ-отъ ъздила?
- О-охъ, въ субботу передъ масляной, отвътила на порогъ Даниловна и скрылась.
- Не безпокойтесь, сестрица, посившилъ сказать Похлебкинъ, если вы затрудняетесь, то я ужъ какъ-нибудь своими средствами ...
- Ахъ не то, голубчикъ братецъ, совсѣмъ не то! отвѣчала чуть слышно старуха, денегъ-то у меня теперь нѣтъ! вотъ что! Я помногу-то не беру, знаете, боюсь чтобъ грѣха не случилось какого, такъ они у меня и на исходѣ ...
- Ну, что жъ дълать! замътилъ Похлебкинъ, повертывая въ рукахъ свою шляпенку . . .
- И безъ того ужъ слишкомъ часто ъзжу туда ... въ ломбардъотъ; того и гляжу, что надоъмъ имъ. Вотъ послъ праздниковъ поъду, такъ того ... и для васъ возьму, батюшка братецъ, а теперь, право, нътъ ...

Похлебкинъ поблагодарилъ ее за объщаніе и сталъ прощаться съ нею. Старуха съ трудомъ поднялась съ креселъ, поцъловалась съ нимъ и поплелась за нимъ до самыхъ дверей. Бъдная одежда ея брата, его потертый синій фракъ, панталоны, уходившія въ голенища и галстухъ, обвившійся жгутомъ около шей, снова бросились ей въ глаза, снова кольнули ее въ самое сердце.

— Погодите, братецъ, погодите! сказала она, останавливая его на самомъ порогъ за руку.

Похлебкинъ остановился, а старуха, покачиваясь и переваливаясь съ боку на бокъ, побъжала прямо къ комоду, стоявшему около самой ея постели, отворила верхній ящикъ, вынула изъ него большую шкатулку и подошла къ столу.

— Вотъ, батюшка, братецъ вся казна моя, сказала она, обратившись къ брату и отперъвъ шкатулку.

Похлебкинъ, подошедши къ столу, съ изумленіемъ взглянуль на сестру. Нагнувшись надъ шкатулкой и дрожа отъ волненія, маленькая старуха костлявыми руками рылась въ разныхъ бумагахъ, отворяла разные ящички и все, казалось, не находила чего искала.

— Вотъ ... вотъ! насилу нашла! продолжала она, переминая въ рукахъ нъсколько мелкихъ ассигнацій — чъмъ богата, тъмъ и рада ... Подълимтесь по-братски ... Здъсь всего тридцать рублей серебромъ... возьмите себъ половину, батюшка братецъ.

И она подала ему три синенькія бумажки.

— Я лучше подожду, сестрица ... когда у васъ будетъ больше ...

— Нътъ, нътъ, возьмите, братецъ! возьмите, братецъ, голубчикъ братецъ!

Старуха залилась горькими слезами. Удивленный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дъла, Похлебкинъ сталъ уговаривать ее, утъшать, но старуха только всхлипывала и говорила тихимъ, прерываемымъ рыданіями голосомъ.

— Охъ, виновата я, гръшная, передъ вами!.. Чувствую. что виновата ... Допустила васъ дойти до такого положенія ... Только для себя жила ... отъ избытка своего ничего не удълила родному брату своему. Ох-хо-хо!

Похлебкинъ былъ самъ человѣкъ мягкосердый, но чувство сестры его проявилось такимъ неожиданнымъ, нисколько не подготовленнымъ образомъ, что оно болѣе изумило, чѣмъ растрогало его. Даже вовсе не растрогало и, утѣшая сестру, онъ выбивался изъ силъ, чтобъ настроить сколько-нибудь себя подъ ладъ къ ся ощущеніямъ. Не смотря на это, ему удалось кое-какъ утѣшить разхныкавшуюся старуху, и наконецъ проститься съ нею. Она поплелась за нимъ до самой передней и пока онъ надѣвалъ на себя бекешь, все совѣтывала ему непростудиться и потому, купить себѣ энотовую или лисью шубу, увѣряя, что она будетъ гораздо теилѣе его ваточнаго пальто.

- Безпремънно, безпремънно куплю, сестрица, отвъчалъ ей Похлебкинъ, почувствовавшій, что у него въ это время отъ торопливости открываются гдъ-то двъ новыя проръхи — послъ праздника въ четвергъ и куплю себъ, сестрица — изъ американскихъ медвъдей.
- Ну хоть и медвъжью, оно все лучше, батюшка братецъ, а въ четвергъ-то и лавки, чай, откроютъ
- Какъ-же-съ! Только рты свои накормлю дома, а тамъ себъ и шубу купимъ и домъ трехъэтажный и все... Прощенья просимъ, сестрица!
- Постойте, постойте, батюшка братець! Я сейчасъ ...

И старуха, не сводя глазъ съ пола, будто онъ былъ болѣе чѣмъ когда-либо покрытъ рытвинами и пропастями, потрухивая и ношатываясь побѣжала въ спальню. Даниловна, со свѣчею въ рукѣ, поспѣшила за нею. Черезъ минуту обѣ старухи воротились, неся длинный шерстяный шарфъ и принялись вдвоемъ окутызать имъ шею Похлебкина. Потомъ сестра начала напубѣдительиѣйшимъ обрзомъ просить его не позабыть ее завтра, то есть, придти къ ней разговѣться и хлѣба-соли откушать.

— Да крестницъ-то моихъ не забудьте привести ко мнѣ, братецъ, кричала она вслѣдъ уходившему брату — давно ужъ я ихъ не видала. Тяжело было на сердцѣ у Похлебкина, когда онъ вышелъ отъ

and the control of th

сестры своей. Онъ, однако-же, вынуль изъ кармана полученныя отъ нея деньги и переложиль ихъ въ кошелекъ. «Ахъ, еслибъ она и въ самомъ дълъ помогла мнъ, подумалъ онъ ... Бъдная женщина! видно ей очень скучно одной-то. Плоха она, очень плоха, чуть дышитъ ... » Онъ вспомнилъ о слезахъ ея, перебралъ въ памяти своей все, что она ни говорила съ нимъ въ этотъ вечеръ, и ему, какъ человъку непосредственному и темному, показалось страннымъ внезапно взволновавшее ее чувство. «Это не къ добру, сказалъ онъ про себя, это передъ смертью». Тутъ брови его поднялись еще выше, на лбу образовались крупныя складки и онъ ускорилъ шаги свои, какъ будто силясь убъжать отъ какой-то тяжелой, докучливой мысли.

WHICH STREET AND THE STREET AND LOCALITY AND

Нѣсколько часовъ спустя, старикъ Похлебкинъ лежалъ и потягивался на кровати; въ ногахъ у него сиделъ какой-то мужчина и о чемъ-то думалъ. Наружность этого гостя, освъщенная лампадой, являлась въ полномъ блескъ синяго затасканнаго фрака съ свътлыми пусовицами, сърыхъ нанковыхъ панталонъ, заткнутыхъ за голенища, которыя, повидимому, никогда не видывали ваксы. Это быль человъкъ однихъ лътъ съ Похлебкинымъ, съ огромною головою, съ едва замътною шеей и такимъ просторнымъ лицомъ, что, казалось, для него мало было одного носа, одного рта и двухъ глазъ. Хотя судьба и поспъшила наполнить это лицо рябинами, однако пустаго мъста оставалось еще очень много, тъмъ болъе, что бровей вовсе не было, а глаза чуть виднълись сквозь заплывшія жиромъ віки, которыя вмість съ глазами чрезвычайно походили на грецкіе оръхи, вставленные бокомъ въ глазныя впадины. Только одинъ носъ былъ пропорціоналенъ. Жирный, постоянно лоснившійся, нъсколько загнувшійся книзу, какъ-будто отъ собственной тяжести, онъ имълъ еще то особенное свойство, что при взглядъ на него, непремънно рождалось понятіе о чемъ-то въскомъ, тяжеломъ и все казалось, будто обладатель его долженъ чувствовать, что онъ его носить на лицъ своемъ и что ему не всегда легко носиться съ такимъ тяжелымъ органомъ. Такое впечатлъніе рождалось, можетъ быть, оттого, что человъкъ этотъ, стоялъ-ли онъ, или сидълъ, всегда нурилъ свою голову и всегда ходилъ, какъ говорится, повъся носъ.

Онъ былъ Носковъ, по имени Иванъ Иванычъ, и на житейскомъ поприщѣ занималъ самую скромную ступеньку, которую, вопреки мудрому изреченю, онъ находилъ чрезвычайно скользкою и обильно устланною терніемъ, волчцами и тому подобными эмблематическими растеніями. Онъ содержалъ табачную лавочку далеко гдѣ-то на Петербургской Сторонъ, тамъ, гдѣ она примыкаетъ къ другой сторонъ,

Выборгской, гдъ начинаются длинные заборы и горизонть, деревянные тротуары и простота нравовъ, картофель съ капустой и огородники, однимъ словомъ тамъ, гдъ у него былъ деревянный домишко, заложенный и перезаложенный и потому давно уже покачнувшійся на-бокъ. Сосъдство-ли съ горизонтомъ, деревянными тротуарами и огородниками, мъшало Носкову разширить кругъ своей коммерческой дъятельности, или просто ужъ такъ судьбою было на роду его прописано, только четвертки табаку, помочи, благовонное мыло и всякія другія благовонія, составлявшія фондь его торговли, съ трудомъ разставались съ четырьмя стънами его лавчонки, и почтенный негодіянть сидёль въ ней болье для того, чтобъ оберегать товаръ свой отъ расхищенія своихъ многочисленныхъ потомковъ, нежели съ цълію принимать и отпускать покупателей. При жизни жены своей, женщины бледной и болезненной, принесшей ему въ приданое вышеупомянутый, и тогда еще нигдъ не заложенный домъ, Носковъ сводилъ еще кое-какой балансъ и на проданныя четвертки, помочи и мыло обръталъ возможность жить. Но со смертію жены дъла его пошли все хуже и хуже: въ одинъ прекрасный день онъ увидълъ, что съ своими потомками онъ начинаетъ всть фондъ, въ другой убъдился, что на разживу нужно заложить домишко, а въ третій замътивъ, что и эта мъра не помогаетъ, поручилъ себя волъ провидънія и долгоденствію своего фонда. Еслибъ Носковъ въ большей мъръ быль одаренъ отъ природы здравымъ смысломъ и имълъ хоть какое-нибудь понятіе о логикъ, то онъ давно увидълъ-бы, что въ настоящую пору. когда весь фондъ былъ уже събденъ, а домъ его по старческому упрямству наотръзъ отказывался платить за себя проценты и всякія повинности-онъ давно увидълъ-бы, что ему, Носкову и семерымъ потомкамъ его, жить по-прежнему никакъ не слъдовало. Но къ сожалънію, Носковъ никогда не учился логикъ и за главныя причины разстройства дълъ своихъ выставлялъ такіе факты, что Похлебкинъ только посвистывалъ. Особенно въ послъднее время ръзкость и нелогичность его сужденій стали частенько переходить за предълы всякаго благоразумія, такъ что Анна Ивановна, родная сестра его, проживавшая у него въ домъ, принуждена была усилить свои попеченія объ огуречномъ разсолъ и другихъ прохладительныхъ напиткахъ. И прежде еще Носковъ имълъ странную привычку смотръть на мірскія дела не иначе, какъ изъ покосившихся оконъ своего табачнаго магазина, но теперь глаза его, въроятно отъ напряженнаго зрънія сквозь зеленыя, заржавъвшія стекла табачной лавчонки, совершенно помутились, такъ что всв предметы стали представляться ему въ формъ четвертокъ, полуфунтовъ, фунтовъ, помочей, мыль и прочаго, а люди казались ему фантастическими покупателями, въ которыхъ онъ уже давно пересталъ върить. Впрочемъ, передъ Похлебкинымъ онъ еще удерживался въ своихъ сужденияхъ, потому-что итсколько боялся его безцеремоннаго обращения.

Съ Похлебкинымъ онъ стоялъ на короткой ногъ. Связь ихъ была не вчерашняя, не шапочная, какъ выразился разъ Носковъ, но давно уже существовала и основывалась на благодъяніяхъ со стороны Похлебкина и на благодарности со стороны Носкова. бълнаго человъка сказало Носкову, что Похлебкинъ есть единственный человъкъ въ міръ, сочувствующій его покосившемуся дому и табачной лавочкъ; оно сказало ему также, что Похлебкинъ человъкъ умный, начитанный, что онъ за словомъ въ карманъ не полізеть, и что еслибъ только счастіе, то онъ непременно быль-бы первостатейнымъ. купцомъ. Такъ или этакъ, только Носковъ совершенно созналъ превосходство Похлебкина надъ собою и привязался къ нему какъ существо низшее привязывается иногда къ высшему. Разъ въ недълю онъ непремънно приходиль къ своему другу. Ему очень хотблось бывать у него и чаще, но онъ не смълъ, боясь быть въ тягость, и потому ръдко приходилъ, а по большей части заходиль къ Похлебкину. Сбирался-же къ нему онъ дня за два и хотя приготовленія его сопровождались обыкновенно совершеннымъ молчаніемъ, однако Анна Ивановна и маленькіе Носковы безошибочно угадывали цъль его приготовленій и заранъе ссорились, а иногда прибъгали и къ единоборству за очередь сопровождать отца въ предполагаемой экспедиціи. Дівло въ томъ, что когда мысль объ ней доходила до некоторой зрелости въ голове Носкова и онъ решалъ въ умъ своемъ, что уже, кажется, довольно протекло времени съ его последняго визита — онъ обыкновенно молча вынималъ изъ комода свой синій фракъ съ свътлыми пуговицами и нанковыя панталоны и подвергаль ихъ самому тщательному обзору, какъ будто совътуясь съ ними, точно ли довольно протекло времени, не ошибается-ли онъ и не обманывають-ли его чувства. Дома онь обыкновенно ходиль въ халать. Посоветовавшись такимъ-образомъ съ своимъ гардеробомъ, Носковъ бережно укладываль его на прежнее мъсто и въ раздумы начиналь разхаживать по комнать. Въ это время мальчуганы прекращали свои распри и прятались по угламъ, потому-что на Носкова находилъ вдругъ пароксизмъ строгости и онъ внезапно вспоминалъ, что есть на свътъ азбуки, склады и подзатыльники. На другой день, когда утихала въ немъ страсть къ наукъ, онъ снова вынималъ изъ комода свою неизмънную пару, снова съ ней совътовался и принимался ее чистить, а если замъчалъ въ ней какія-либо неисправности, немедленно вооружался иглою и начиналь штопать, и штопаль молча до техъ поръ, пока Анна Ивановна не вырывала у него изъ рукъ работы. «Мужское-ли это

CORNER DE ENTOCKLED CON THE HARD REPORTATION OFFICER OF TREPORTED TREE

дъло, братецъ, иглою заниматься, говорила она ему, начто-жь я, баба, въ домъ?» Когда все было готово, платье вычищено и какъ следуетъ исправлено, на Носкова находила обыкновенно тоска и какая-то робость. Онъ давалъ часовой стрълкъ сроку еще два раза обернуться вокругъ циферблата, и послъ этого уже окончательно собирался. Тутъ снова возгарались междоусобія у маленькихъ Носковыхъ, но очередь немедленно повърялась отцомъ и распраснъвшійся побъдитель спъшилъ облачиться въ общую шинельку, принадлежавшую всемъ маленькимъ Носковымъ, взятымъ вмъстъ, и надъть на себя картузъ, который тоже состояль у нихъ на общинныхъ началахъ. Такимъ-образомъ отецъ съ сыномъ выходили со двора и бъжали верстъ семь, не переводя духу, вилоть до самой лістницы ихъ благодітеля.

И такъ, Похлебкинъ лежалъ и потягивался на кровати, а Носковъ, понуривъ голову, сидълъ у него въ ногахъ и, по видимому, размышлялъ о чемъ-то. Передъ нимъ, на одноногомъ столикъ, разложены были нъсколько маленькихъ свертковъ, и на нихъ-то были сосредоточены тенерь вст его помышленія. Въ темномъ углу комнаты, какъ автоматъ, сидълъ маленькій Ваня Носковъ, и казалось, только того и боялся, чтобъ какъ-нибудь не чихнуть и кашлянуть. Такъ притихъ бъдный мальчикъ изъ страха, что его вышлютъ изъ комнаты, такъ пристально глядълъ онъ на обоихъ стариковъ, какъ-бы ожидая, что надъ ними вдругъ свершится какое-нибудь чудо, а онъ проглядить его.

- Ну что, Ваня? спросиль его Похлебкинъ.
- Ничего-съ, Алексви Миронычь, отвъчаль оторонъвший Ваня, векочивъ съ своего мъста.
 — Садись, садись, что ты векочилъ?
- Садись, Ваня, счелъ долгомъ вступиться отецъ, садись! Слушай, что тебъ говоритъ Алексъй Миронычъ.

Ваня сълъ и сталъ слушать не телько ушами, но кажется всъмъ своимъ теломъ. Носковъ тоже приготовился слушать,

- Весело тебъ у насъ, Ваня?
 - Очень весело-съ.
- Говори: благодарю покорно, Алексви Миронычъ, снова вмъшался отецъ.
- Да замолчи пожалуйста! Не съ тобой въдь говорять! сказаль съ упрекомъ Похлебкинъ.

Послъ такого вовсе неожиданнаго окрика, онъ снова уткнулъ на минуту поднявшійся носъ въ лежавшіе передъ нимъ свертки, съ твердымъ намъреніемъ не соваться впередъ туда, гдв его не спрашивають. Похлебкинъ перевернулся на другой бокъ, оставивъ Ваню въ неописанномъ волненіи. Ободрить ли вздумалось отцу въ эту минуту своего сынишку, или просто сердце взяло его, только онъ пользуясь тёмъ, что Похлебкинъ оборотился къ стёнё и теперь не можетъ видёть его движеній, показалъ обомлъвшему Ванъ кулакъ.

За что-же ты грозишь ему, Иванъ Иванычъ? кротко спросилъ его Похлебкинъ, что для Носкова было хуже брани.

- Нъгъ, я не грожусь, я почесаться только хотълъ ... отвъчалъ хриплымъ басомъ и съ большими разстановками Носковъ.
- Какъ почесаться, Иванъ Иванычъ? Ну, что ты мнѣ толкуешь, Иванъ Иванычъ, развѣ я не видѣлъ на стѣнѣ тѣнь отъ твоего кулака? а?

На всей фигурѣ Носкова выразилось такое наивное удивленіе; съ раскрытымъ ртомъ и на половину отверстыми глазами, онъ такъ поглядѣлъ на Похлебкина, что казалось, будто онъ думаетъ въ эту минуту: нѣтъ средствъ укрыться отъ этого человѣка — повези ему счастіе и онъ черезъ годъ будетъ засѣдать въ думѣ.

 Охъ ты, ума палата! сказалъ Похлебкинъ, сжалившись надъ его смущениемъ и хлопнувъ его по плечу.

Какъ-будто всъ кости дрогнули въ Носковъ отъ этого дружескаго прикосновенія: онъ снова уткнулъ носъ въ лежавшіе передъ нимъ сверточки и сталъ перебирать ихъ съ замътнымъ волненіемъ.

- Нътъ, по моему разумънію, Алексъй Миронычъ, бобковый на розанъ лучше будетъ, сказалъ онъ, нюхая изъ одной бумажки.
- Нътъ ужъ, братецъ, березинскій того ...
- Оно, конечно, того, Алексъй Миронычъ, продолжалъ Носковъ съ несвойственною ему скоростію, березинскій то и не уступитъ, пожалуй, только жасминчику требуетъ, разбойникъ ...
 - Ну, а торговля какъ?
- Что торговля! въ будущемъ мѣсяцѣ все опишутъ. Если-бъ зналъ, что все такъ кончится, не откупался-бы на волю, а ходилъ-бы себѣ по паспорту. Эхъ, свѣтъ-то нынче какой! За пустой должишко покоя не даютъ.
- Правда, правда, воскликнулъ Похлебкинъ, которому всегда нравились подобные разговоры. На эту тему онъ могъ варьировать свои мысли и фразы вплоть до самой заутрени. И точно, бестда двухъ несостоятельныхъ друзей, напавъ на такую счастливую руду, начала разработывать ее до возможныхъ предъловъ. Досталось тутъ и Нерадовымъ и многимъ другимъ лицамъ, которые, по положенію своему, казалось, никоимъ образомъ не могли быть причастны паденію табачной лавочкъ на Петербургской Сторонъ и усталости въ

ногахъ Похлебкина. Тъмъ не менъе эти лица изъ громкихъ и жаркихъ импровизацій Носкова съ Похлебкинымъ, вышли, какъ-будто изъ какого то адскаго цекла, зачерненныя, зачумленныя и лишенныя всъхъ правъ гражданства. Ваня, забившись въ темный уголъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ всъ эти разсказы и казалось болье, чъмъ когда-либо, боялся чихнуть или кашлянуть.

- Все это оттого происходить ... начиналь уже нъсколько разъ Носковъ.
- Отъ счастія, говорю тебъ, ни отчего болъе, какъ отъ счастія, кричалъ Похлебкинъ...
- Оно, конечно, отъ счастія, Алекстії Миронычъ, но также все это и оттого происходитъ ...
- Дайся оно мив только разъ въ руки, я-ихъ-всвхъ, мо-шен-ни-ковъ!..
- Оттого происходить...
 - Ну, отчего?

Носковъ, казалось, совсёмъ не ожидалъ, чтобъ ему, наконецъ, дано было позволение развить мысль свою. Среди шума и крика онъ еще могь кое-какъ бесъдовать и въ этомъ отношении былъ очень хорошимъ хористомъ, но когда дъло доходило до соло, онъ вдругъ робълъ, мъшался и производилъ такую нелъпость, что самъ долго не могъ понять, какъ умный человъкъ можетъ сказать такую безсмыслицу.

- Ну, отчего? повторилъ Похлебкинъ.
- Оттого, Алексъй Миронычъ ... оттого .. потому-что люди нынче хуже прежняго стали.
 - Почему? Докажи.
- Да вотъ-съ, хоть-бы и табакъ, Алексъй Миронычъ ...
- Ну чтожъ ты сталъ? Хорошо, табакъ ... ну?
 - Меньше покупають противъ прежняго, Алексъй Миронычъ...
 - Нътъ, ты миъ скажи, почему люди хуже стали?

Но Носковъ молчалъ, хотя по взгляду его и по движенію губъ можно было замътить, что у него есть на готовъ какая-то мысль, состоящая въ тъсной связи съ табакомъ и что онъ не даромъ коснулся того обстоятельства, будто его меньше противъ прежняго покупаютъ.

- Ну, что-жъ ты? Почему-же люди хуже прежняго стали? снова спросиль его упрямый Похлебкинь, которому отъ бездълья пріятно было мучить своего друга.
- Я знаю, тятенька! послышался изъ угла робкій дискайть Вани. Похлебкинъ оглянулся и увидъль въ темномъ углу маленькаго Ваню. Онъ, по прежнему, былъ на своемъ старомъ мъсть только теперь;

то и дъло привставалъ и снова садился, готовый по первому мановенію одного изъ друзей подать руку помощи безпамятному тятенькъ и высказать свое мнъне касательно всеобщаго упадка правовъ. Что касается до Носкова, то въ эту минуту онъ смотрълъ на своего сына, какъ на какое-то неожиданное и ужасное чудовище, готовое поглотить его. Ни за-что заръжетъ, подумалъ онъ про себя и зажмурилъ глаза, чтобъ не видать своего посрамленія. А Похлебкипъ только посмъи вался.

- Ну-ка, ну-ка, скажи, Ваня! Послушаемъ, отчего люди хуже стали, произнесъ онъ съ разстановкой.
- Тятенька говорить ... началь мальчикь, вскочивь съ своего мъста и едва переводя дыханіе, тятенька говорить ... говорить ... и онь высказаль такую нельпую мысль, что долго продолжался хохоть По хлебкина, почти до того самого времени, когда въ тяжеломъ умъ смущеннаго Носкова зародилось подозръніе, что онъ сказаль непроходимую нельпость и если онъ погибаеть теперь, то единственно оттого что нъсколько разъ повторяль мысль о всеобщемъ упадкъ нравовъ передъ своими потомками. Что касается до Вани, то онъ быль на самой верхушкъ земнаго благополучія и въ своемъ дътскомъ невъденіи до слезъ смъялся вмъсть съ Похлебкинымъ. Куда и робость дъвалась!

Но наконець и эта тема истощилась и въ полуосвъщенной комнать водворилось молчаніе. Три лица, находившіяся въ ней, оставались все въ прежнемъ положеніи: Похлебкинъ лежаль, Носковъ сидълъ у него въ ногахъ, а Ваня снова притихъ въ углу на сундукъ.

Но вскор'в вся квартира Похлебкиныхъ пришла въ какое-то судорожное движеніе. Въ передней комнатъ поднялось вдругъ хлопанье дверей и страшная бъготня; черезъ спальню стремглавъ пробъжала Катя и бросилась прямо въ кухню къ матери. Не прошло и минуты, какъ она выбъжала изъ кухни вмъстъ съ Марьей Даниловной и объ опрометью кинулись въ залу, обдавъ на всемъ бъгу Похлебкина холодомъ и вътромъ.

- Алексъй Миронычъ! Алексъй Миронычъ! сказала, воъжавъ въ комнату, блъдная и разстроенная Марья Даниловна — Алексъй Миронычъ!
 - Что тебъ?
- Даниловна пришла.
 - Какая Даниловна?
 - Что у сестрицы живеть. Съ сестрицей несчастие сдълалось...
 - Что ты?
 - Сестрица долго жить ириказала.

Похлебкинъ приподнялся на кровати и глядълъ на свою жену такъ, какъ-будто сомнъвался въ возможности такого событія. Но раздавшійся надъ. самымъ его ухомъ вой, прерываемый частыми всхлинываніями, тотчасъ-же разувърилъ его. Оглянувшись, онъ увидълъ передъ собою Даниловну, ту самую Даниловну, которая еще такъ недавно встръчала его съ такимъ радушіемъ и такъ усердно обматывала его шею краснымъ гаруснымъ шарфомъ. Даже костюмъ ея нисколько не измънился: все таже юбка, заткнутая за поясъ, все тъ же засученные по локоть рукава: Уже одно это обстоятельство свидътельствовало о чемъ-то неожиданномъ, ужасномъ, роковомъ.

— Что случилось, Даниловна? спросиль ее Похлебкинь, съ недоумъніемъ поглядывая на ея разстроенное лицо.

Старуха, какъ снопъ, повалилась ему прямо въ ноги и завопила на всю комнату.

- Ой, батюшка родимый, голубчикъ мой, Алексъй Миронычъ! осиротъли мы съ тобой, многогръшные! Умерла кормилица наша, Богу душеньку отдала. Прогнъвали мы съ тобой, миленькой мой, Господа Бога!
- Но какъ-же, какъ-же все это случилось? спросили въ одинъ голосъ и вставшій съ кровати Похлебкинъ и все его семейство, обступившее рыдавшую старуху.

Но кромѣ восклицаній, трудно было добиться какого-нибудь толку отъ Даниловны. Горе ея было сильно и естественно. Она сжилась съ своею хозяйкой; обѣ онѣ по уму стояли почти на одной ступени, а одинокая, затворническая жизнь давно уже сблизила и сроднила ихъ между собою. Насилу могли поднять ее съ пола, гдѣ она валялась, судорожно обнимая колѣна Похлебкина. Послѣ разныхъ распросовъ оказалось, что старушка, по уходѣ брата, прилегла отдохнуть, да такъ и не вставала. За часъ до заутрени, Даниловна, исполняя данное ей приказаніе, хотѣла разбудить свою хозяйку, но замѣтила, что она лежитъ себѣ, сердечная, блѣдная какъ смерть, холодная, какъ смерть и бездыханная, какъ смерть. Такая скоропостижная кончина до того поразила бѣдную женщину, что она, въ чемъ была, стремглавъ бросилась къ Похлебкинымъ, какъ къ единственнымъ родственникамъ покойницы.

Разсказъ старухи былъ безсвязенъ, страненъ и на каждомъ словъ прерывался воемъ и всхлинываніями, но онъ произвелъ такое сильное впечатлъніе на Похлебкина, какого трудно было ожидать отъ человъка серьезнаго, пожилаго и никогда не чувствовавшаго особенной симпатіи къ покойницъ.

Онъ поблёднёлъ и обении руками ухватился за спинку кровати... Но Носковъ мигомъ бросился къ окну, где стоялъ графинчикъ съ водкой, приготовленный для завтрашней закуски, налилъ полную рюмку кръпительной жидкости, не упустивъ, разумъется, удобнаго случая пролить половину на полъ и со свойственною ему ловкостію не только поднесъ рюмку къ губамъ своего друга, но даже насильно влилъ ему нъсколько капель въ ротъ.

- Иснейте, Алексъй Миронычъ, испейте, говориль онъ, это пройдеть; все это пустяки, не стоитъ и толковать объ этомъ; испейте.
- Боже мой, Боже мой! Да я сейчасъ только быль у нея! проговориль наконець Похлебкинь, отводя оть себя руку Носкова. Я сейчась ее видъль она была здорова, она говорила со мною. Какъже это такъ? какъ-же? Господи, что-же дълать?
- Какъ, что дълать? Что это съ тобою, Алексъй Миронычъ, вмъшалась жена идти, бъжать къ покойницъ! Узнать обо всемъ на мъстъ! Какъ, что дълать?

Похлебкинъ, не говоря ни слова, сбросилъ съ себя халатъ и туфли, сълъ на кровать и началъ надъвать саноги. Носковъ уже стоялъ передъ нимъ съ его фракомъ и какъ только другъ его успълъ обуться, сталъ снаряжать его не хуже любаго камердинера. Между-тъмъ Катя, какъ котенокъ, бросилась на отцовскій галстухъ, лежавшій на комодъ и повязавъ его, шмыгнула въ переднюю за бекешью и шляной.

- Ну, ступайте, ступайте, сказала Марья Даниловна, когда на мужа ен натянули длиннополую бекешь и покрыли голову его ветхой шляпенкой. Не теряйте времени, ступайте!
- Пойдемъ, Алексъй Миронычъ, пойдемъ! поддакнулъ ей Носковъ, что, въ самомъ дълъ, время-то терять, пойдемъ!

Говоря это, онъ за спиной своего друга не переставалъ дѣлать знаки Маръѣ Даниловиѣ, чтобъ она не безпокоилась и виолиѣ положилась на него, а онъ ужъ доставитъ муженька ен по добру по здорову въ надлежащее мѣсто.

— Ну, пойдемъ-же, пойдемъ, продолжалъ онъ, схватывая Похлеокина подъ руку. Полно, полно! не горюй, не убивай себя...

И въ припадкъ впезапной чувствительности, Носковъ поцъловалъ своего друга въ плечо и чуть не заплакалъ отъ волненія...

Тутъ онъ потащилъ Похлебкина изъкомнаты, внутренно удивляясь, какъ это у него хватило духу на такую фамильярность сънимъ и чувствуя какое-то сладкое довольство и самимъ собою и своимъ дерзкимъ поступкомъ.

Въ дверяхъ передней онъ, впрочемъ, остановился и по прежнему за спиною своего друга показалъ два кулака разомъ своему сынишкѣ, за то, что тотъ оказывалъ явное покушеніе идти вмѣстѣ съ ними. Ваня,

потряхивая козырькомъ и напяливая на себя шинель, въ самомъ дълъ стоялъ у самыхъ дверей и изъявлялъ непремънное намърение сопровождать обоихъ друзей.

- Онъ хочетъ идти съ нами? спросилъ Похлебкинъ, замѣтивъ всѣ эти движенія и указывая пальцемъ на Ваню— не нужно!
- Не нужно! крикнулъ Носковъ слушай, что говорять старшіе, молокососъ ты эдакой! Жди меня здѣсь!
- А Даниловна? спросилъ Похлебкинъ.
- Впередъ пошла, отвъчалъ съ значительнымъ видомъ Носковъ.

Послѣ такого отвѣта, довольство его самимъ собою еще увеличилось, какъ-будто онъ подалъ важный совѣтъ, или сказалъ нѣчто весьма умное и замѣчательное.

Быстро ебъжали они съ лъстницы и скорымъ шагомъ пустились къ деревянному домику усопшей старухи. Дорогой Похлебкинъ не переставалъ твердить, что онъ сейчасъ только самъ видълъ ее въ добромъ здоровьѣ, что онъ сейчасъ только отъ нея и что она еще ему на праздникъ нятнадцать рублей денегь дала, такъ какъ-же это такъ? А Носковъ, чувствуя въ эту минуту все свое превмущество надъ своимъ потерявшимся другомъ, не переставалъ утъщать его и доказывать, какъ дважды два четыре, что все это пустяки, что все это со временемъ необходимо перемелется, и изо всего этого мука будеть. Но не смотря на такія ўтышительныя объщанія, въ головы Похлебкина продолжали блуждать безпокойныя мысли, а на сердцв ни сколько не становилось легче. Онъ вспомнилъ разговоръ съ Нерадовымъ о сестриномъ милліонъ, вспомниль, какъ еще такъ недавно онъ шель къ сестрѣ съ просьбою о вспоможенін, какъ возвращался онъ изъ ея деревяннаго дома и какая докучливая мысль преследовала его всю дорогу. Онъ обо всемъ этомъ вспомнилъ и скоропостижная смерть сестры казалась ему чёмь-то неестественнымъ. Страхъ напалъ на него. Какъ! одна только мысль, одно мимолетное желаніе, въ которомъ онъ сейчась-же раскаялся — и оно уже исполнено?

- Она была уже очень стара, сказалъ онъ вдругъ послѣ продолжительнаго молчанія. Дай Богъ памяти, мнѣ теперь пятьдесять лѣтъ...
- Сорокъ семь, перебилъ его Носковъ.
- Пятьдесять, говорю я тебь! Зачьть ты меня перебиваень? А до меня еще у матушки покойницы было три сына: Ивань, Лука и Игнатій, да дочь Поликсена— всь они въ разныя времена померли, Въ живыхъ остались она да я. А она намъ всьмъ старшая— видишь-ли ты теперь?

Носковъ молча поглядълъ на него.

Ей лътъ шестьдесять было, произнесъ съ большою разстановкою Похлебкинъ.

Носковъ справедливо замѣтилъ, что пришла пора костямъ на мѣсто, такъ и умерла старуха. А бываетъ, что и но восьмидесяти живутъ.

— Бываетъ, спору нътъ, отвъчалъ Похлебкинъ, да не такой комплексіи. Еслибъ ты только видълъ ее, Иванъ Иванычъ, еслибъ видълъ только. Чуть на ногахъ держалась; исхудала, какъ щенка, а вълицъ хоть бы одна кровинка. Я, знаешь-ли, давно не видалъ ея, съсамой масляницы, такъ лишь взглянулъ на нее теперь, такъ и подумалъ, что не жилица ты, матушка, на бъломъ свътъ. Вотъ что!

Носковъ ничего не отвъчалъ на это и оба друга молча продолжали путь своей. Было уже часовъ двънадцать ночи. Раздался первый благовъстный звонъ съ сосъдней церкви. Похлебкинъ, снявъ шля-пу, сталъ набожно креститься и взглянулъ на Носкова. Тотъ тоже, приподнявъ картузъ, крестился.

Звонъ дѣлался чаще, гуще и громче. Народъ пошелъ по улицамъ и грубая обувь звонко постукивала по тротуарамъ, а мостовая трещала подъ дрожками, колясками, каретами, появлявшимися все болье и болье. Вездѣ былъ шумъ, вездѣ слышался говоръ. Ночь стояла мѣсячная, свѣтлая.

Когда они были уже близко отъ дома покойницы, Похлебкинъ вдругъ остановился и дернулъ за шинель Носкова.

- Что? сиросилъ тотъ, остановившись.
- Въдь такъ намъ нельзя идти, отвъчалъ Похлебкинъ нужно обо всемъ этомъ дать знать надзирателю.

Носковъ, казалось, никакъ не предвидълъ, чтобъ такое препятствіе могло задержать ихъ. Онъ съ удивленіемъ и съ раскрытымъ ртомъ смотрълъ на своего мудраго друга.

- Не догадается-ли Даниловна? спросиль въ раздумы Похлебкинъ.
- Непремънно догадается. Она, кажется, баба дъльная?
- Гдѣ ей, глуной, догадаться! Воетъ, чай, себѣ на весь переулокъ. А такъ намъ нельзя идти. Здѣсь по близости проживаетъ Степанъ Петровичъ, я это знаю. Когда умеръ зять, похороны были на моихъ рукахъ и я тогда еще съ нимъ познакомился, съ Степаномъ Петровичемъ. Пойдемъ къ нему.

И они пошли къ Степану Петровичу, и вмѣстѣ съ нимъ вскорѣ отправились къ дому умершей старухи. Тамъ на крыльцѣ успѣла уже образоваться цѣлая кучка разныхъ лицъ и громко разсуждала о печальномъ событіи. Три какія-то кумушки, стоявшія, по видимому, на очень

короткой ногь съ Даниловной, толковали съ нею о примърной жизни, какую вела покойница. Поодаль отъ нихъ стоялъ мужчина съ рыжеватой бородкой и въ синемъ длиннополомъ сюртукъ: онъ ни о чемъ не толковалъ и очень равнодушно поглядывалъ на старухъ, какъ-будто былъ заранъе увъренъ, что безъ кого другаго, а безъ него ужъ никакъ нельзя обойтись въ настоящемь случаъ.

Даниловна по прежнему разливалась — плакала и не поддавалась ни на какія увъщанія. Когда двое друзей съ Степаномъ Петровичемъ подошли къ крыльцу, старухи, разступившись, дали имъ дорогу, а мужчина съ рыжеватой бородкой снялъ шляпу и поклонился. Даниловна, не ръшавшаяся до прихода Похлебкина входить въ вымершій домъ, поспъшила отпереть двери и всѣ, кто только ни былъ на крыльцѣ, вошли въ сѣни, а оттуда отправились вверхъ по деревянной лѣстницѣ. Впереди всѣхъ, какъ и слѣдовало, шелъ Степанъ Петровичъ, а позади всѣхъ проскользнулъ какъ-то молчаливый мужчина съ рыженькой бородкой.

Въ гостиной по прежнему царствовалъ таинственный полумракъ и чинно сидъли вокругъ стънъ бълые призраки. Лунный свътъ, прокравшись въ окна двумя серебристыми полосами, тянулся вдоль темнаго пола комнаты, изображая на немъ оконные переплеты. Похлебкинъ, двинулся прямо къ спальнъ и первый вошелъ въ маленькую комнату.

Тамъ, на кровати, полуосвъщенная все еще теплившеюся лампадой, лежала усопшая старуха; лицо ея было обращено на вошедшихъ. Все то-же лицо блёдное, худое, покрытое маленькими морщинами, то-же, совершенно то-же лицо, какое нъсколько часовъ назадъ встръчало Похлебкина на порогъ спальни. Старуха лежала, какъ живая. Казалось, что она такъ-только, легла себъ вздремнуть передъ заутреней и немедленно встанетъ, чтобы съ должымъ уважениемъ принять гостей, посътившихъ въ такое необыкновенное время ея скромное жилище. Похлебкинъ, стоя у кровати, молча смотрелъ на покойницу и жалость его сердце. Онъ вспомниль всю ея странную, безцъльную жизнь, ея недавнее сочувствіе къ его положенію, ея последнія слезычеловькъ въ подобныя минуты ужъ какъ-то расположенъ къ такимъ воспоминаніямъ, а за неимѣніемъ ихъ старается хоть чѣмъ-нибудь да разжалобить себя — онъ все вспомниль, что только могь вспомнить хорошаго о сестръ своей и слезы закапали изъ глазъ ловна внесла въ комнату двъ свъчки.

Въ спальнъ были: Похлебкинъ, Носковъ, Степанъ Петровичъ и Даниловна, которая, подобно надгробной статуъ, стояла пригорюнившись въ
дверяхъ, выходившихъ въ кухню; прочія лица, то есть, три старухи,

остановились въ гостиной и то-и-дъло просовывали головы въ двери, чтобъ удостовъриться, что происходитъ у смертнаго одра. Мужчина въ синемъ долгоноломъ сюртукъ и съ бородкой оставался въ передней и терпъливо ждалъ своей очереди.

Вскоръ ночные посътители вышли изъ дому, оставивъ усоншую на рукахъ Даниловны и трехъ ея пріятельницъ. Степанъ Петровичь отправился къ заутрени, а Похлебкинъ съ Носковымъ на свою квартиру. Не успъли сдълать они нъсколько шаговъ, какъ были остановлены молчаливымъ мужчиной съ рыжей бородкой. Онъ стоялъ передъ ними безъ шляпы и доказывалъ свое почтеніе пренизкими поклонами.

- Ужъ не обидьте-съ, говорилъ онъ, кланяясь, не оставьте насъ своей практикой-съ. Наше заведение совсѣмъ близехонько-съ. Всѣ нами остаются довольны съ. Это былъ гробовщикъ.
- Хорошо, хорошо, отвъчаль въ торопяхъ Похлебкинъ; сними мърку, а завтра я зайду къ вамъ.

Оба пріятеля шли мелкимъ, рысистымъ и неровнымъ шагомъ, совершенно соотвѣтствовавшимъ тревожному состоянію ихъ духа. На лицѣ Носкова мелькала по временамъ улыбка и какая-то мысль, которую онъ былъ-бы даже не прочь и высказать; но Похлебкинъ шелъ молча и казалось совсѣмъ позабылъ о томъ, что онъ идетъ въ эту минуту, а не лежитъ у себя на кровати. Разъ только онъ остановился и изъявилъ желаніе нанять извощика, но не нанялъ, а пошелъ еще щибче прежняго. Потомъ ему вдругъ приспичило размѣнять деньги и онъ сильно забезпокоился, но размѣнять было рѣшительно негдѣ и онъ по неволѣ долженъ былъ отложить свое желаніе.

- Нужно будеть поисправить домъ сказаль онъ наконецъ, водосточныя трубы плохи, ой какъ плохи.
- А вотъ, дастъ Богъ, послѣ похоронъ! отвъчалъ Носковъ.
- Бъдная сестра! Бъдная, бъдная! Ты не повъришь, какъ миъ жаль ее. Много могла она для меня сдълать.
- Ну за то и оставила довольно.
- Все это не то! Да! невознаградимая потеря! прибавилъ онъ со вздохомъ.
- Господь Богъ вознаградитъ ее въ будущей жизни! отвъчалъ Носковъ тоже со вздохомъ.

Въ жару разговора они и не замѣтили, какъ подошли къ дому Нерадова. Всходя на крыльцо, Похлебкинъ глубоко вздохнулъ и сказалъ еще разъ съ особеннымъ одущевленіемъ:

the parket, and the court and the test to the court of th

— Бъдная, бъдная женщина!

IV.

ATTOMORY OF THE SERVICE OF THE SERVICE OF SERVICE OF SERVICE OF THE SERVICE OF TH

as the same of the

BOHAKIHO.

повъсть изъ

воспоминаній о сициліи

поля де мюссе.

I

Путешествуя въ южныхъ краяхъ, надо сносить безъ гнѣва маленькія противорѣчія, довольствоваться тѣмъ что есть, смѣяться надъ плутовствомъ, утѣшаться, когда въ неопытности васъ обманываютъ на каждомъ шагу, пока вы подмѣчаете черты характера народа, и вооружаться, какъ только можно, противъ неудобствъ климата, представляющаго столько выгодъ. Въ продолженіе зимы, проведенной мною въ Неаполѣ, я рѣшился ни чѣмъ не раздражаться. Постоянство мое не было потрясено, ни разсѣянностью и лѣностью слугъ, ни мошенничествомъ содержателей гостиницъ, ни грязью улицъ, ни угрожающею здоровью стряпнею кушанья, ни кислымъ виномъ подмѣшаннымъ водою, и когда возвращаясь вечеромъ, я не находилъ въ моихъ карманахъ большаго опустошенія, я поздравлялъ себя съ особеннымъ счастіемъ.

Одно обстоятельство только ослабляло часто тріумфъ моего терпънія: это настойчивость жителей отвергать, по смъшному и неумъ-

IV.

стному самолюбію, даже существованіе тёхъ неудобствъ, которыя я имѣлъ великодушіе презирать. Въ Неаполѣ, это еще не все, что можетъ навлечь на иностранца негодованіе: ему надо, для того, чтобъ никого не обидѣть, восхищаться графиномъ, гдѣ плаваютъ инфузоріи, говорить не иначе какъ съ почтеніемъ о тарантулѣ, скорпіонѣ, и не морщиться даже, находя подобное животное въ саладѣ. Я не могу сказать, какими странными соусами угощали меня въ этой странѣ, гдѣ Лукуллъ имѣлъ нѣкогда превосходный, изящный столъ: сколько разъ мнѣ предлагали завтракъ изъ яицъ, запахъ которыхъ былъ нестерпимъ и кофе съ козьимъ молокомъ; сколько разъ, сидя около четверти часа у оркестра Санъ-Карло, желая вознаградить себя музыкою, я былъ возмущаемъ въ моемъ спокойствіи какимъ-то особеннымъ зудомъ въ икрахъ, и принужденъ былъ бѣжать домой для перемѣны платья и бѣлья.

Разъ утромъ, я дремалъ, уткиувъ носъ въ подошку, какъ вдругъ огромной величины тысяченожка (тарантула), ползшая по стънъ въ двухъ дюймахъ отъ моего лица, заставила меня вскочить съ постели. Ища своихъ туфлей, я примътилъ на полу, посрединъ комнаты, ящерицы съ коротенькимъ хвостомъ, отвратительной формы. Я попалъ изъ огня въ полымя. Это чудовище, котораго я еще не знавалъ, открыло жало съ угрожающимъ видомъ; мы посмотрѣли другъ на друга большими глазами и гадкое животное отправилось въ обратный путь, скользнувъ подъ дверь, безъ поспѣшности и ужаса, подобно всъмъ ядовитымъ гадамъ. Я посившилъ отдернуть занавъсы оконъ и поднять Эта операція возмутила рой черныхъ насъкомыхъ, въ родъ пауковъ, которыя обратились въ бъгство съ фантастическою живостью. Когда я разсказаль моей хозяйкъ объ этихъ непріятныхъ встръчахъ, она мив отвъчала съ граціознъйшею миною: Segno di primavera e di bella giornata, — «это знакъ весны и хорошихъ дней.»

Во Франціи, мы не считаемъ фіалокъ; но какъ въ Неаполѣ этотъ мильій цвѣтокъ ростетъ всю зиму, справедливость требуетъ, чтобъ признаки весны были другіе. Мысль раздѣлить мою комнату съ этимъ ночнымъ сообществомъ, вовсе меня не утѣшала. Я послалъ за моимъ паспортомъ въ полицію, и снарядился въ пять часовъ вечера на пароходъ, отправлявшійся въ Мессину. Привѣтъ Сициліи! Твои насѣкомыя, о Таорминъ, не уступаютъ ни въ чемъ неапольскимъ! Употребивъ мѣсяцъ на путешествіе отъ Этны до берега Мессины, я остановился на нѣкоторое время въ Палермо, гдѣ отдохнулъ и разсѣялся, подобно Аннибалу въ Капуѣ, въ различныхъ удовольствіяхъ. За нол—червонца меня угощали, въ гостинницѣ Европа, пирами Сарданапала и отборными винами. Разъ,

за столомъ, сосъдъ мой по объду, сеньоръ Винченцо, неаполитанецъ, сильно бормоталъ сквозь зубы противъ чрезмърной цъны объда, противу выбора кушаньевъ и качества винъ и безъ конца жаловался на то, что ему не дали чернаго напитка, похожаго на чернила, къ которому желудокъ его привыкъ. Онъ предложилъ свести меня въ piccola locanda (маленькую гостинницу) гдъ кормили гораздо лучше, говорилъ онъ, и дешевле; но я зналъ его слабость къ тавернамъ и отказался.

Вечеромъ того же дня, я прогуливался по улицамъ Палермо съ однимъ Французомъ М. А. В., страстнымъ путещественникомъ. Это было въ мав 1843 года. Въ воздухв было, я не знаю, что-то упонтельное: шумъ моря, плескъ волнъ, шелестъ зелени громадныхъ дубовъ и тренетъ листочковъ тюльнановъ на общественной прогулкъ, по дорожкамъ бульвара; луна всходила позади мыса Цаферано, который походилъ на огромнаго сфинкса, купающаго свои ноги въ Средиземномъ моръ. Колоколъ собора свываль къ молитвъ нъжными и бархатными звуками Мы шли молча, вдыхая зефиръ. Предъ великолъпнымъ фонтаномъ Гароффелло, присоединился къ намъ сосъдъ нашъ неаполитанецъ. По различію ума, столь общему въ Италіи, этотъ оригиналъ думалъ видъть въ нашемъ энтузіазмъ къ прелестямъ Палермо обиду своему родному городу, и обратилъ свою злобу на все то, что насъ восхищало, съ насмѣшливостію и ѣдкостію, раздражавшею насъ. Я омочиль конець трости въ бассейнъ фонтана и сказаль ему: сеньоръ Винченцо! оставимъ каждой странъ ея красоты и преимущества. Не будемъ искать далеко: вотъ удовольствіе, котораго недостатокъ очень чувствителенъ въ Неаполъ: струи воды, подобнойэтой, не были бы лишними на вашей площади Кастелло.

- Что за фонтанъ! сказалъ сеньоръ Винченцо съ презрительнымъ тономъ. Вода нашихъ цитернъ лучшая въ свътъ.
- Она у васъ такъ драгоцънна, возразилъ я, что ее берегутъ, какъ сокровище. Правда, что въ Неаполъ мало моются, не берутъ ваннъ, никогда не орошаютъ улицъ; но я предпочитаю щедрость фонтановъ Палермо мудрой экономіи Неаполя.
- Я протестую противъ этой снисходительной критики, вскричалъ донъ Винченцо, задътый за живое. Вы забываете воду Карминьяно, проведенную въ одномъ кварталъ въ Неаполъ аквадукомъ Казертскимъ. Это касается исторіи страны, съ которою, повидимому, вы не знакомы. Знайте, что послъ смерти Мазаніелло, армія Донъ-Жуана Австрійскаго прошла черезъ городъ этимъ аквадукомъ и такимъ-образомъ подпала владычеству Испаніи.
 - Тише! возразиль я: не выходите изъ себя. Старый кварталь,

принимающій воду Карминьяно— слишкомъ удаленъ отъ новаго города, въ которомъ нѣтъ другихъ фонтановъ; даже ручейка чистой воды нѣтъ на вашихъ знойныхъ улицахъ. Что касается историческаго факта, вами, приведеннаго, не надо его украшать. Когда вы говорите, что испанская армія прошла въ городъ, можно подумать, что это было вслѣдствіе битвы; а на самомъ—то дѣлѣ лазарони—же провели войска Донъ—Жуана на площадь, не только проходомъ, о которомъ вы говорите, но Альбійскими воротами, защита которыхъ была имъ поручена. Вотъ, сеньоръ Винченцо, въ чемъ состоитъ вашъ громкій историческій фактъ.

Небрежно опершись на марморъ фонтана, слушалъ нашъ разговоръ сициліецъ, энергической, прекрасной наружности: спина и ноги этого человъка могли-бы, подобно Атласу, поддерживать шаръ земной. Сверхъ бълой рубашки его былъ зеленый бархатный камзолъ, собранный на плечъ, подобно маленькому испанскому плащу, съ грацією и величіємъ.

Онъ меня поощряль взглядами и, казалось, опасался, что перевъсъ останется на сторонъ моего противника. Разоблачение воинскаго подвига, вовсе не достославнаго, сдълало на него замътно пріятное впечатлъніе.

— Это ты, Доминико! сказалъ ему неаполитанецъ; зачъмъ пришелъ сюда? Ступай въ Борго, къ подобнымъ тебъ.

Сициліець, какъ будто не слышаль, тихо вынуль изъ кармана трубку и сталь насыпать въ нее табакъ.

- Грубіянъ, невѣжа! сказалъ донъ Винченцо: я запрещаю тебѣ здѣсь курить.
- Да гдъ-же, чортъ возьми! хотите вы, чтобъ онъ курилъ, сказалъ я, какъ не въ общественномъ мъстъ? Оставьте этого мальчика въ покоъ, и не будьте такъ грубы съ бъдными людьми. Дай мнъ огня, Доминико, я за одно съ тобою выкурю сигару.
- Отъ всей души къ вашимъ услугамъ, отвъчалъ мнъ сициліецъ, перескакнувъ пространство, раздълявшее его съ нами и высъкая огонь.
- Пошелъ прочь, мошенникъ! снова началъ Винченцо, а не то я обломаю трость объ твою голову.

Сициліецъ не потрудился даже и взглянуть на него.

- Успокойтесь, донъ Винченцо, возразилъ я, а ты, Доминико, поступишь благоразумно, если уйдешь отсюда. Сеньоръ Винченцо, какъ кажется, очень золъ на тебя.
- Онъ не посмъетъ ударить меня, сеньоръ, сказалъ Доминико.
 Ударъ тростью по головъ и все за тъмъ слъдующее есть приклю-

ченіе важное. Я гадаль вчера въ карты, и этого не значилось въчисль будущихъ моихъ приключеній.

- Вотъ это резонъ. Я вижу, предразсудокъ къ картамъ здъсь въ модъ, также какъ и въ Неаполъ.
- Перестаньте философствовать! сказалъ мнъ сеньоръ Винченцо; развъ у васъ не было M-lle Ленорманъ?
- Такъ что-же? отвъчалъ я, что вы думаете этимъ доказать? Развъ во Франціи мало предразсудковъ? Я совершенно согласенъ въ этомъ съ вами. Я даже самъ суевъренъ, особенно когда путешествую.

Я далъ Доминику три монеты, прося его выпить за мое здоровье.

- Исполню по приказанію вашему, сказаль Сициліець, пожавъ мнѣ съ признательностію руку.
- Такъ, такъ, пробормоталъ донъ Винченцо. Давайте деньги этому бонакино, но не встръчайтесь съ нимъ въ пустой улицъ; тамъ онъ возьметъ съ васъ болъе того, что вы ему дали.

Это обидное замъчаніе, повидимому, не произвело никакого дъйствія ни хладнокровнаго Доминико.

- Отчего это спросилъ я моего товарища, когда донъ Винченцо удалился, неаполитанцы, такъ благосклонные у себя, дълаются невыносимыми въ Сициліи?
- Какъ хотите вы, отвъчаль онъ мнъ, чтобъ оин были ласковы съ людьми, которые ихъ не любять, и дають это чувствовать каждую минуту, но никогда не высказываются прямо. Длинный рядъ постоянныхъ непріязненныхъ столкновеній перевернулъ совершенно двѣ Сициліи и корень злобы все болье возрастаеть. Настоящій Сициліець, то есть простой человъкъ, всегда гордъ, ревнивъ и страстенъ, и совершенно непонятенъ, когда онъ считаетъ за необходимое скрывать свои мысли; онъболъе искусенъ въ этомъ, чемъ неаполитанецъ, котораго притязанія на хитрость совершенно неосновательны, и который, по правдъ говоря, тотъ-же сициліецъ, но только сшитый на живую нитку. Здёсь смёются надъ неаполитанцами; къ нимъ постоянная антипатія. Легкость знакомства, веселость, здёсь несправедливо называють навязчивостію и неприличіемъ. Едва неаполитанецъ подходить къ группъ сицилійцевъ, какъ они сговорились уже его обмануть или надъ нимъ посмъяться. Эта постоянная вражда къ нимъ выводитъ неаполитанцевъ изъ границъ ихъ характера, отъ природы добраго. Они дълаются злыми и привязчивыми, сами не Довольно самаго низамъчая этого, подобно нашему др угу Винченцо. чтожнаго предлога, ревности или соперничества въ любви, чтобы

сдълать изъ двухъ людей, едва другъ друга знающихъ, отъявленныхъ враговъ. Таковы донъ Винченцо и Доминпко.

- Ревность, сказалъ я, дикое чувство, которое меня занимаетъ весьма мало; но я люблю слушать исторію соперничества въ любви; разскажите мнъ ее.
- Я представлю вамъ ее съ точки зрѣнія болѣе симпатической, разсказавъ вамъ исторію красотки, черезъ которую у нихъ война возгорѣлась.

Полковая музыка играла у парка, гдв ее слушала толпа прекрасныхъ женщинъ. Мы съли у Флоры, которой ръдкія растенія наполняли воздухъ благоуханіемъ, и слушая концертъ изъ-далека, товарищъ разсказалъ мнъ исторію бонакина Доминико и прекрасной Пепины, которую я теперь передаю читателямъ.

II.

Кто послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ Палермо вникнетъ въ происходящее вокругъ него, убѣдится, что здѣсь и не думаютъ ни о чемъ другомъ, кромѣ любви. Этого требуетъ самый климатъ. Въ двадцати миляхъ отъ Африки, подъ тѣмъ-же самымъ градусомъ, какъ и Андалузія, Палермо по преимуществу можетъ быть названъ велико-душнѣйшею землею въ мірѣ, прелестною страною, гдѣ человѣку для того, чтобъ быть счастливымъ, стоитъ только, какъ говорятъ французы, se laisser vivre. Оттого и пословица: Palermo felice. Исключая два или три дня въ теченіе каждаго мѣсяца, когда вѣтеръ сирокко нзмѣняетъ благорастворенность края, — нѣтъ точки на земномъ шарѣ, гдѣ бы человѣкъ болѣе постоянно чувствовалъ себя въ полномъ расположеніи тѣла и духа.

Легко различить между обитателями Сициліи, — двѣ различныя породсы: древнюю кровь Сициліи и кровь испанскую или мавританскую. Элементь норманскій встрѣчается рѣже, хотя можно его узнать въ нѣкоторыхъ частяхъ острова. Въ самомъ Палермо, эти оттѣнки исключительно, замѣтны только въ мужскомъ полѣ. Женщины остались сициліянками, и порода ихъ сохранилась съ чистотою необыкновенною. Большая часть изъ нихъ — высоки, стройны, благородны въ своихъ движеніяхъ. Черты лицъ ихъ правильны, профиль античная, руки и волосы удивительные, а глаза блестятъ такимъ огнемъ, которымъ не согрѣешься безнаказанно. Физіономія ихъ представляетъ странную

смѣсь ума съ наивностью, страсти съ кокетствомъ, гордости съ кротостью; но чувственность преобладаетъ значительно надъ всѣмъ остальнымъ. Онѣ желаютъ быть вѣрными, но къ сожалѣнію въ нихъ нѣтъ твердости характера и яснаго сознанія своего долга и, если искушеніе имъ представляется, шагъ скоро сдѣланъ и влечетъ за собою другой, ему подобный. Онѣ не хотятъ быть въ подобномъ случаѣ неблагодарными къ старому другу, и еще менѣе несправедливыми къ новому, и рѣшаются такимъ-образомъ раздѣлить свое сердце на двѣ или многія части. Мужчины держатся крайностей во всѣхъ своихъ дѣлахъ: одни, жаждущіе удовольствія, эгоисты безъ совѣсти; другіе, испытанные до крайности неукротимою ревностью, подозрительны и жестоки. То, что во Франціи имѣетъ значеніе ссоры или любовной размолвки, здѣсь дѣлается трагедією, могущею кончиться весьма худо.

Есть, впрочемъ, Палермцы, которые управляють своей любовью съ искусствомъ и методой, и укрощаютъ ревнивыхъ, подобно знаменитому Мартину, укротителю тигровъ и львовъ. Изъ Палермо вилась нѣкогда безсмертная Таиса, предпринявшая битву любви съ Александромъ Великимъ, плънившая его и желавшая видъть, вмъсто зрълища, пожаръ Персеполя. Вы знаете, съ какой живостью веселятся въ Неаполъ, во время народныхъ праздниковъ; въ Палермо къ этой веселости и живости присоединяется еще болъе разнообразія. Праздникъ Св. Розаліи, покровительницы города, въ честь которой бываютъ церемоніи и процессіи, продолжается три дня. Народный праздникъ этотъ исполненъ забавъ; танцы и удовольствія разнаго рода возбуждають въ народонаселеніи наивную веселость. Издалека съвзжаются, чтобъ только посмотръть это любопытное эрълище. Всѣ мѣстечки въ окрестностяхъ имѣютъ также свои патрональные праздники, и жители Палермо не пропускають случая повеселиться въ каждомъ изъ нихъ. Осенью не проходитъ почти ни одного дня, безъ какого-нибудь публичнаго увеселенія, — и все это доставляеть столько случаевъ для любви, которыхъ молодые люди не теряютъ изъ виду.

Между прекрасными обитательницами, которыхъ встръчаешь на каждомъ шагу на улицахъ Палермо, была одна, въ прошедшемъ году, красоты несравненной, настоящая модель Гебы. Когда я ее узналъ, ея умъ и сердце дремали еще въ простотъ дътства. Она была дочь шляпочника въ улицъ Макведа, котораго называли донъ Джузение и которому принадлежалъ маленькій домикъ съ садомъ, возлѣ воротъ Карини. Тутъ-то обитала прелестная Пенина. Ръдко приходила она въ лавку своего отца. Ее можно было видъть послѣ объда на бульваръ, а въ воскресенье — въ церкви, большею частію въ сопровожденіи одной молодой дѣвушки, одного съ нею возраста; за ними слѣдовалъ отецъ

съ толстою сосъдкою, торговавшею сухою рыбою. Донъ Джузение былъ давно уже вдовцомъ и тщательно оказывалъ всъ услуги любезнаго кавалера своей сосъдкъ, доннъ Розаліи. Дочь торговки рыбой, хотя не была такъ прелестна, какъ Пепина, однако имъла своего рода миловидность, нравившуюся мужчинамъ. Глаза ея были полны фосфорическаго свъта, и большой ротъ, украшенный великолъпными зубами, улыбался всякому встръчному. Желаніе нравиться, котораго она не умъла скрывать, выражалось въ движеніяхъ ся головы, въ ся походкъ, жестахъ и ласковомъ разговоръ; — вотъ почему говорили, что она выходитъ изъ породы, — мать ся была изящнъе въ своихъ манерахъ, во время молодости. Пепина, не смотря на свою молодость, подавала своей подругъ, Фаустинъ, примъръ скромности и часто обращала ее къ порядку знаками и словами, въ полголоса сказанными.

Фаустина не извлекла большихъ плодовъ изъ примъра и мивній этого патнадцати-лътняго ментора. Природа, болъе живая и впечатлительная, чемъ въ Пепине, увлекала ее подобно бешеной лошади. Обе молодыя дъвушки, украшенныя только своими прекрасными волосами, накидывали на голову легкія шали изъ мусселинъ-де-лэнъ, когда проходили по солнцу, и спускали на ихъ плеча, войдя въ тънь, по обычаю страны. Въ этомъ движеніи, частомъ и обыкновенномъ у женщинъ Палермо, Фаустина выказывала столько подвижности, что невольно выражала желаніе обратить на себя вниманіе. То она закутывалась въ этотъ капишонъ до самыхъ глазъ, смъясь замътно, то закрывала только одну сторону лица, открыван другую щечку, или дълала себъ маску изъ своего покрывала, прячась отъ однихъ, чтобъ быть дучше видимой другими; но какъ только какой-нибудь молодой кавалеръ подходилъ къ нимъ, бодрствующая Пепина отталкивала врага суровымъ взглядомъ. Эти стычки происходили въ авангардъ, не будучи замъчаемы дономъ Джіузеппо и донной Розалією, которые внимательно разговаривали о самыхъ ничтожныхъ бездълицахъ.

Во время этихъ прогулокъ по берегу морскому, въ восхитительной мъстности, посреди блестящаго общества, экипажей, цвътовъ и концертовъ на открытомъ воздухъ, Пепина съ любопытствомъ изучала маленькіе маневры женщинъ и молодыхъ кавалеровъ; не трудно ей было постигнуть секреты комедіи въ этомъ благосклонномъ свътть, гдъ прячут ся весьма мало и гдъ хроника болъе шумитъ о связи оставленной, чъмъ объ новой интригъ. Зрълище этого всеобщаго упоенія производило въ молодыхъ дъвушкахъ впечатльнія, діаметрально противоположныя. Фаустинъ хотълось, во что-бы то ни стало, слъдовать этому увлекательному вихрю, а Пепина, по совершенно противоположному чувству, со

ставляла проекты благоразумнаго уединенія. Случай не замедлиль представиться, чтобъ испытать гордость ея чувствованій. Четверо или пятеро молодыхъ людей, изъ которыхъ составлялся кругъ обожателей двухъ молодыхъ дъвушекъ, поняли, послѣ нъкоторыхъ наблюденій и приступовъ, что общія мѣста комплиментовъ не поведутъ ихъ ни къ чему, и что сердце этой дъвушки — крѣпость, рѣшившаяся сдаться благородно, послѣ правильной осады, только разъ, въ неизбъжной крайности, для своего же собственнаго благополучія и брачной жизни. Большая часть молодыхъ людей, неохотно предпринимающая подобнаго рода долговременныя и постоянныя осады, искали счастья у ея подруги, отъ которой получили наилучшій пріемъ. Пепина не обижалась этимъ и ни мало не сердилась; она спокойно ожидала своего побѣдителя, съ заранѣе приготовленною капитуляцією, первымъ пунктомъ которой было хорошее замужество.

Въ это время, по поводу возобновленія мозанки въ соборѣ, назначено было празднество. Шляпочникъ не пропустилъ случая повеселиться: онъ панялъ коляску, помъстилъ въ нее дочь и добрыхъ знакомыхъ и отправился съ ними на площадь, въ восемь часовъ утра. Лошади были украшены цвътами и бубенчиками, по случаю праздника. У подошвы горы Мойреаля, знакомые наши остановились, чтобъ осмотръть дома и воксалы, сады и покои которыхъ были открыты гуляющимъ, съ гостепріимствомъ, отличающимъ богатыхъ людей этого края. У воротъ одной такой виллы, гдѣ коляска остановилась, чтобъ высадить своихъ путешественниковъ, опытный взглядъ Фаустины узналъ издалека группу молодыхъ людей, пришедшихъ для нея и для ея подруги. Послъ привътствій и комплиментовъ, донъ Джузеппе, всегда занятый синьорой Розаліей, предложиль руку своей состдет и оставиль молодых в девущемы въ кругу ихъ поклонниковъ Между этими поклонниками былъ прекрасный юноша, съ хорошими манерами, стройнаго стана: его почтительный тонъ разительно противоръчилъ съ шумною веселостью его друзей. Когда какой-нибудь болтунъ дозволяль себъ довольно пошлую любезность, онъ взглядываль на двухъ дъвушекъ, какъ-будто хотълъ судить объ ихъ умъ, по впечатлънію, производимому на нихъ этими глупостями; казалось, онъ быль доволень серьезнымь тономь Пепины, тогда какъ подруга ея хохотала отъ души. Когда начались танцы, молодой человъкъ съ хорошими манерами присвоилъ себъ первому честь начать тарантеллу съ Пепиной. Не смотря на желанія другихъ кавалеровъ, они танцовали цѣлый часъ безъ отдыха, и остановились только тогда, когда Пепина, почти безъ дыханія, стала умолять о пощадъ; зрители, составившіе кружокъ около молодыхъ танцоровъ, аплодировали имъ, какъ-будто на сценъ театра, крича единогласно:

 Они оба одинаково хороши! Вотъ, по истинъ, самая миленькая, самая граціозная пара изъ всего праздника!

Эти знаки удивленія привели молодую дёвушку въ замёшательство, смёшанное съ удовольствіемъ. Въ то время, когда, по скромности, она опустила свои длинныя черныя рёсницы, играя покрываломъ, танцоръ ея сказалъ тихо: Какъ вы думаете объ этомъ, прекрасная Пепина? Правда—ли, что мы созданы другъ для друга, какъ утверждаютъ эти добрые люди?

- Да! отвъчала молодая дъвушка, для тарантеллы.
- Кавалеръ вздохнулъ глубоко, какъ-будто ударъ шпаги пораз илъего въ самое сердце.
- Жестокая! вскричаль онъ трогательнымъ голосомъ, вы смѣетесь надо мной, чтобъ я не говорилъ больше. Ахъ! зачѣмъ я танцовалъ съ вами и пріѣхалъ въ Монъ-Реале!
- Сколько отчаянія изъ одного слова—возразила Пепина,—на что вы жалуетесь? На шутку я отвічала шуткою, и это уже много: я не вся кому такъ отвічаю. Хотите вы говорить серьозно,—такъ слушайте меня: я горда, но не ціню своего сердца ціной необятной; я отдамъ его первому благовоспитанному человіку, который для того чтобы мніз понравиться употребить средства самыя простыя и пойдетъ прямою дорогою. Такой мужчина заслужить всю мою ніжность, а другіе ничего. Я должна была предупредить васъ, чтобъ вы не теряли со мною времени понапрасно.
- Прямая дорога! сказаль кавалерь: я не знаю другой и одного взгляда вашего достаточно будеть, чтобъ указать мнѣ эту прямую дорогу, на которую я брошусь съ нетерпѣніемъ.

Пепина воображала, что этотъ мимоходный обожатель отстанеть, подобно другимъ. Отвътъ кавалера, указывавшій на намъренія чистыя и серьезныя, перевернулъ всѣ ея мысли. Въ одно мгновеніе этотъ молодой человъкъ показался ей достойнъйшимъ ея чувства, лучше созданнымъ и красивъйшимъ изъ всѣхъ, когда-либо ею встрѣченныхъ. Ощущеніе, котораго она еще до-тѣхъ-норъ никогда не испытывала, отняло у ней голосъ; губы ея дрожали, грудь колебалась, глаза увлажались слезой; но это новое потрясеніе, дотолѣ ей невъдомое, казалось ей прелестнымъ и не отняло у нея смълости и воли. Повернувъ голову къ своему какалеру, она взглянула на него съ выраженіемъ; было видно, что нѣжность и сочувствіе сразу преисполнили это юное сердце. Молодой человѣкъ отвѣчалъ взглядомъ, полнымъ страсти и, вставъ, пошелъ безъ отлагательства къ отцу свой любезной, разговаривавшему по-прежнему съ сеньорой Розаліей.

Двъ особы замъчали съ особеннымъ вниманіемъ этотъ нъмой раз-

говоръ: это были нашъ другъ сеньоръ Винченцо и Доминико. Первый злобно улыбался и когда встрътиль взглядъ Пепины, сдълаль ртомъ знакъ, подобный гримасъ человъка, сосущаго сокъ изъ илода; лицо Доминико, напротивъ, выражало удивленіе, почтеніе и желаніе оказать какую-нибудь услугу прекрасной синьоринт. Непонимая жеста неаполитанца, Пепина чувствовала, что это должна быть какая-нибудь грубость. На Доминико она не обратила вниманія и оставила его продолжать свое наблюдение. Тарантеллы между-тъмъ все болъе и болъе оживлялись; шесть танцующихъ паръ отплясывали ихъ какъ изступленные; кастаньеты щелкали, а скрышки выходили изъ такта. Фаустина прыгала, какъ нимфа, округляя свои прекрасные локти, съ головою закинутою назадъ, и раскраснъвшимся лицомъ. Донъ Винченцо хотълъ также танцовать; но по произношению его узнали въ немъ неаполитанца, и когда онъ вступиль въ кругъ танцующихъ, молодыя дъвушки съ злобной насмъшкой отвернулись отъ него къ другимъ танцорамъ. Доминико былъ предпочтенъ ему и отвъчалъ на такую честь, танцуя изо всъхъ силъ. Когда танецъ кончился, весь кружокъ танцующихъ, утомленныхъ и едва ды шащихъ, расположился за столомъ, кто какъ могъ, подъ аркою. Чтобы загладить маленькія оскорбленія, которыя донъ Винченио снисходительно неренесъ, ему дали мъсто; молодыя дъвушки, насмъхаясь надъ нимъ, выводили его изъ теривнія; а мужчины смінлись надъ его петеривніемъ такъ, что онъ провель непріятно этотъ вечеръ. Доминико стояль возлѣ и искаль случая предложить тарелку Пепинъ. Его заставили състь за столъ и предложили ему порцію макаронъ, которая у него скоро изчезла. Вмъсто дессерта, пили калабрское и москателло, за которое донъ Джузеппе хотълъ заплатить, и потирая свой животъ, повторялъ безпрестанно: Per bacco! Вотъ прекрасный вечеръ! какой роскошный столъ! все туть есть: цвъты, сливы, хорошее вино, красивыя личики, музыка и всеобщее удовольствіе.

- И какіе прекрасные кавалеры! сказала сеньора Розалія.
- Благородные и не гордые сеньоры, прибавилъ Доминико.
- Это правда, мой милый, возразиль донь Джузеппе; но если ты удостоень нашей компаніи, ты въ свой чередь дѣлаешь честь пиру хорошимъ аппетитомъ. Подъ бонакко всегда хорошій желудокъ.

Бонаккой называется круглый камзоль изъ зеленаго бархата, который носять рыбаки въ предмъстіяхъ Палермо, называемыхъ Борго; отъ наимеванія ихъ одежды, ихъ прозвали бонаккино. Послъ объда, донъ Джузепие, указывая своей дочери на кавалера съ хорошими манерами, сказаль: этотъ милый господинъ сынъ виноторговца Маресалы, который очень богатъ; онъ быль очень любезенъ во время закуски, и въроятно

пе безъ цъли: молодой, образованный, богатый, онъ върно соскучился бы говорить со старикомъ отцемъ, еслибъ не имълъ видовъ на его дочку. Тебъ надо быть въжливой съ нимъ; прошу тебя, не обходись съ нимъ такъ гордо, какъ съ другими. Надо умъть жить въ свътъ; я не думаю, чтобъ сеньоръ Гаэтано напрасно терялъ время, разговаривая со мною.

Пепина, чтобъ доказать свое благоразуміе и послушаніе, тотчасъ подбъжала къ Гаэтано и сказала ему съ смущеніемъ:

- Ахъ, какъ вы хорошо слълали, стараясь въ одно время понравиться мнъ и родителямъ моимъ! Продолжайте такъ, и вы скоро узнаете, что мое сердце совсъмъ не безчувственно; но я узнала, что ваше семейство богато и это меня пугаетъ.
- Да, это дъйствительно затрудненіе, сказалъ Гаэтано. Отецъ мой строгъ, и съ нимъ надобно уладить дъло постепенно; намъ нужно поговорить другъ съ другомъ на единъ, для того, чтобъ выслушавъ меня, вы могли мнъ помочь предчувствіемъ и предвъденіемъ вашего сердца. Съ помощію секрета и ловкости, мы успъемъ въ этомъ дълъ, если вы только меня любите, такъ-же какъ я васъ.
- О, какъ вы хорошо говорите! вскричала Пепина. Ръшено, состаимъ заговоръ изъ насъ двоихъ, не совъщаясь ни съ къмъ постороннимъ.
 Множество мыслей кружатся въ моей головъ; въ числъ ихъ върно будутъ и хорошія. Приходите завтра въ полдень къ воротамъ
 Карини. Пока весь домъ будетъ спать, я пропущу васъ въ садъ черезъ
 калитку Мы наговоримся вдоволь, и когда мы составимъ нашъ планъ,
 отецъ мой и сеньора Розалія будутъ очень удивлены, узнавъ, что всъ
 обстоятельства, препятствовавшіе намъ, удалены прежде, нежели они помъщали нашему дълу.
- Пойдемте, молодые люди! вскричаль Джузение; какъ ни пріятно наше общество, а ночь заставляеть разстаться. Пойдемте, дъвицы, накиньте шали на ваши головки, роса уже пала на землю; коляска готова, пора ъхать, а завтра можно опять погулять.

Когда наши дамы пошли къ коляскъ, молодые люди окружили ее толною. Фаустина, желавшая имъть возлъ себя своихъ обожателей, чтобы кокетничать съ ними въ продолжение дороги, не оставила мъста сеньору Гаэтано; но Пепина, уъзжая, бросила нъжный взглядъ на своего возлюбленнаго, который помъстился въ другой каретъ. Донъ Винченцо сълъ съ кучеромъ; поъздъ отправился въ галопъ; а Доминико, оставшись одинъ, бросилъ шляпу свою на—земь и вскричалъ:

— Трижды дуракъ я! она и не думаетъ обо мнъ. И своими башма-

ками, подкованными гвоздиками, онъ скоро измърилъ разстояніе отъ Монъ-Реале до Палермо.

. III.

Сицилійцы большіе охотники до отдыха. Отъ полудня до четырехъ часовъ, всв почиваютъ. Лавки заперты и солнце бросаетъ свои лучи на пустыя улицы. Если вы входите къ кунцу въ полдень, хотя-бы то было для покупки вещи въ шесть франковъ, которая у него подъ рукою. вамъ отказываютъ и назначаютъ другое время, изъ опасенія пропустить дорогое время отдыха. Домы Джузение и сеньоры Розаліи были смежны и сады ихъ раздълялись только стъною. Пепина и прежде часто замъчала прогулки tête-á-tête въ саду сосъдки, въ то время когда старики почивали; примъръ Фаустины указалъ ей часъ и мъсто самое удобное для свиданія. Зная благородныя нам'тренія своего возлюбленнаго, она не поколебалась примънить эту методу. На другой день послъ праздника, когда жаръ и сонъ усыпили добраго Джузеппе и когда не было слышно никакого шума, кромъ жужжанія мухъ и журчанья ручей. ка, Пепина тихо сошла съ лъстницы дома, перебъжала садъ и открыла боковую калитку, выходившую въ переулокъ. Въ двадцати шагахъ она примътила сеньора Гаэтано, который прохаживался олколо стъны; она сдълала ему знакъ идти скоръе, взяла его за руку и привела подъ тънь тополя, гдъ на дерновой скамьъ они съли, трепещущіе отъ страха.

Пепина первая пришла въ состояніе начать разговоръ. Она воспользовалась имъ, чтобы подробно высказать все то, о чемъ она мечтала, думала, чувствовала, страдала и чего надъялась со вчерашняго дня. Сердце ея, пустое дотоль, было уже отягощено ощущеніями, посреди которыхъ любовь возрасла въ одну ночь, подобно цвътку кактуса. Она не забыла ничего, не смотря на смъшеніе своихъ мыслей, и Гаэтано слъдовало въ свой чередъ изложить чистосердечно свои чувства. Они говорили много о счастіи любить другъ друга и быть вмъсть, но ни слова не сказали о дълахъ, какъ это предполагали, такъ что четыре часа отдыха прошли незамътно, а они не могли составить никакого плана. Окна раскрывались и черезъ листья акацій двое возлюбленныхъ увидъли толстую фигуру Джузенпе, который теръ себъ щеки салфеткой. Гаэтано успъль только взять слово о свиданіи на завтрашній день и ускользнуть.

— Милосердый Боже! говорила послъ ухода Гаэтано молодая дъ-

вушка, вздыхая; я не такъ благоразумна, какъ себя считала. Я не слъдовала моимъ правиламъ, то есть одному изъ моихъ правилъ, самому первому и самому важному; но я не дозволю себъ нарушенія другихъ. Гаэтано честный человъкъ; онъ женится на мнъ. Я не буду любить никого, кромъ его, и—умру, если онъ меня покинетъ.

При слъдующемъ свиданіи, Гаэтано разсъялъ опасенія своей возлюбленной, касательно своей втрности къ ней, клятвами, въ которыхъ Бъдная дъвушка провела безъ однако о бракъ не было и полслова. сна ночь, готовясь сказать легкій упрекъ своему милому; но она забыла все, увидя его, и удивлялась, какъ она могла сомнъваться въ сердцъ столь нъжномъ. Пятнадцать дней прошло такимъ-образомъ Къ концу этого времени ей казалось, что въ одинъ вечеръ, на прогулкъ, она замътила знаки расположенія между Гаэтано и Фаустиной. Возвращаясь въ городъ, нослъ прогулки, по обыкновенію шли парами, и у вороть Феличе кавалеры предлагали руку дамамъ. На этотъ разъ Гаэтано отсталь отъ другихъ и шелъ сзади съ Фаустиною. Пепина сначала пришла въ отчаяніе, но она думала, что разговоръ съ ея подругою быль необходимъ для того, чтобъ уладить бракъ со стороны Гаэтано. На другой день, въ условленный часъ свиданія, когда она открыла калитку сада, передъ ней стоялъ молодой человъкъ, который предложилъ ей руку на прогулкъ.

- Вы здъсь, Джуліо? сказала она ему: какую вы новость мнѣ принесли? Гаэтано боленъ?
- Непредвидѣнное обстоятельство, отвѣчаль, смѣшавшись, Джуліо письмо отъ отца принудило его уѣхать въ Маресалу.
 - Какимъ образомъ вы знаете, что я его ожидаю?
- Не пугайтесь, прекрасная Пепина. Случайно я узналъ о вашей любви. Я имълъ подобнаго рода дъло по сосъдству и встрътилъ Гаэтано на этомъ мъстъ въ ожиданіи условленнаго часа. Такимъ-образомъ, онъ ничего не могъ скрыть отъ меня; мы разсказали другъ другу наши похожденія: но я скоръе умру, чъмъ открою вашъ секретъ.
- Пепина быстро схватила молодаго человъка за руку и отвела его въ уголъ сада.
- Джуліо, сказала она ему: вы что-то скрываете отъ меня; говорите откровенно. Если мнѣ измѣнили, если я нагло покинута этимъ человѣкомъ, которому отдала свое сердце, говорите, не онасаясь; разите однимъ ударомъ.
- Пусть—перебиль Джуліо—другіе вась обманывають, у меня не хватить на это смълости; я пришель, чтобъ смягчить вашу горесть и приготовить вась ложью къ познанію истины; но я не могу лгать и воть вамъ

истина во всемъ ея ужасъ: Гаэтано и не думалъ уъзжать; никакого письма изъ Марссалы не получалъ; Фаустина похитила у васъ его сердце. Въ эту минуту, онъ у нея.

- Несчастный! вскричала Пепина, закрывъ лицо руками.
- Надо сознаться, что это неблагородно, глупо, возразиль Джуліо. Изъ тщеславія, для перемѣны вкуса, онъ пожертвоваль прекраснѣйшей женщиной въ мірѣ и предпочель ей кокетку! Бѣдный глупець! Онъ тамъ, когда бы могъ быть здѣсь, у вашихъ ногъ. Ахъ, я никакъ не постигалъ, чтобы мужчина могъ быть въ этомъ отношеніи врагомъ самому себѣ! Я его отыщу, я его вразумлю; онъ пойметъ свою ошибку, и я возвращу вамъ его.
- Кого вы мнѣ возвратите? сказала Пепина, губы которой дрожали отъ негодованія; презрѣннаго, который мнѣ жалокъ, который умѣлъ играть моимъ расположеніемъ и довѣрчивостью! Я не хочу этого. Чтобъ не падалъ онъ къ моимъ ногамъ, я оттолкну его съ презрѣніемъ. Измѣнникъ! неблагодарный! я забуду его тотчасъ, какъ только облегчу свое сердце, высказавъ ему мое негодованіе; надо, чтобъ я имѣла но крайней мѣрѣ это слабое отмщеніе.
- Не удовлетворяйте подобнымъ образомъ его тщеславіе, возразилъ молодой человѣкъ. Укоры, мщеніе, все это доказательства любви. Поступите такъ, какъ сдѣлалъ я, Пепина. Я былъ обманутъ ужасно и могъ бы отмстить болѣе положительно, чѣмъ вы, и не смотря на то, я удаляюсь безъ отчаянія, безъ гнѣва.
 - Вы были обмануты, сказала Пепина, къмъ?
- Фаустиной; я любилъ ее и въ одно время потерялъ и друга и возлюбленную. Они сговорились сдълать двухъ несчастныхъ.
- И вы ничего не сказали мнѣ объ этомъ, бѣдный мой Джуліо? Вы думали только о моей печали, тогда какъ сами были поражены не менѣе моего! Это благородно, это прекрасно. Какъ я счастлива, что нахожу въ моемъ горѣ друга, столь благороднаго и сочувствующаго! Оставьте меня: я постараюсь отмстить этой кокеткѣ, надсмѣявшейся надъ нами. А между-тѣмъ, я вамъ обязана и должна васъ также утѣшить Разскажите мнѣ ваши страданія, дружба моя усладитъ ихъ.

Джуліо разсказаль про свою любовь къ коварной Фаустинъ. Воспоминаніе счастья, исчезнувшаго такъ недавно, увлажило его глаза слезою; но онъ очень цѣниль дружбу дѣвушки, находившейся точно въ такомъ же положеніи, какъ и онъ, — и съ первыхъ словъ утѣшенія, сказанныхъ ему Пепиной, онъ показалъ себя столь тронутымъ, такъ веселымъ, что нельзя было и подозрѣвать, что сердце его растерзано. Джуліо былъ милый, красивый молодой человѣкъ, и въ этотъ день на

немъ была фуражка студентовъ Катаны, что шло къ нему чрезвычайно. Намъреваясь весьма похвально помогать другъ другу въ перенесеніи одинакаго горя, двое страждущихъ смотрѣли другъ на друга сначала съ сожальніемъ и участіемъ, а потомъ съ нъжностью и сочувствіемъ, которыя были имъ такъ взаимно необходимы, и наконецъ, сами не зная какимъ-образомъ, замътили, что раны ихъ сердецъ излечились; новые друзья удивительною метаморфозою превратились въ пару влюбленныхъ. Оставшись одна въ саду, Пепина, немного смущенная неожиданнымъ свиданіемъ, сказала самой себъ: воть я опять отступила отъ моей решимости! Вместо того, чтобъ умереть отъ горя, какъ я предполагала, я утъшилась любовью другаго; но когда я говорила, что умру, могла-ли я знать, что встръчу друга такого добраго, милаго, любезнаго, золотоесердце, и прелестнъйшее лицо въ міръ? Теперь измънникъ Гаэтано мнъ кажется ужаснымъ, какъ я подумаю объ немъ. О нъть, я не могла этого предвидъть. Пусть-же Фаустина остается съ этимъ чудовищемъ, я не скажу ей ни слова. Мой Джуліо не измѣнитъ своей Пепинъ. Я сдълала странную ошибку, не обративъ вниманія на его достоинства съ перваго дня, какъ его увидъла. Я буду ему върна до послъдняго вздоха, и этимъ постоянствомъ, всегдашнимъ расположениемъ къ нему, я докажу мое преимущество передъ сосъдкою.

Послѣ четырехъ дней этой новой связи, отворяя калитку сада, Пепина увидѣла на противуположной сторонѣ переулка Доминико, который, прислонясь къ стѣнѣ, неподвижный, скрестивъ руки на груди, стоялъ какъ статуя. Бонакино показалъ ей знакомъ, что имѣетъ сказать ей что-то.

- Сеньорина—сказаль онъ, снимая шляпу, не страшитесь человъка, который готовъ сломать объ руки для вашихъ услугъ. Я рыбакъ изъ Борго: въ нашемь обществъ и занятіяхъ нельзя научиться хорошимъ манерамъ, но я знаю, какъ должно уважать женщинъ и гораздо лучше, чъмъ нъкоторые господа, которые разсказываютъ про свою любовь въ кофейныхъ.
- Что ты говоришь о любви и о кофейныхъ, спросила Пепина— что значить этотъ загадочный тонъ?
- Такъ какъ я началъ, то уже скажу вамъ все: я огорченъ, видя предъ собою дъвушку, которой я хотълъ бы оказать услугу, проучивъ этихъ фатовъ. Вчера, около полуночи, двое молодыхъ сеньоровъ, сидя въ кофейной улицы Кассаро, разговаривали между собою, не замъчая человъка, который пилъ лимонадъ въ трехъ шагахъ отъ нихъ и могъ слышать ихъ разговоръ. Онъ разсказывали другъ другу, какимъ образомъ обманывали своихъ возлюбленныхъ: это, безъ сомнънія, были двъ

молодыя дъвушки, дома и сады которыхъ были смежны, потому-что эти сеньоры, смъясь, говорили, что они ошиблись калиткой, и что хитрость эта удалась имъ, какъ нельзя лучше.

- Одного изъ этихъ молодыхъ людей звали Джуліо? спросила Пепина, блёднёя.
- Да, сеньорина, отвъчаль Доминико; другаго зовуть Гаэтано, а тоть, который подслушиваль ихъ, вашь покорнъйшій слуга.
- Этого довольно, возразила Пепина, для того, чтобы отыскать этихъ людей; надо уличить виновнаго и смутить его въ присутствіи судьи.
 - Я готовъ засвидътельствовать истину передъ къмъ угодно.
- Ты будешь свидътельствовать тотчасъ въ этомъ саду. Засъданіе суда будетъ сію минуту. Обвиненный долженъ явиться черезъ нъсколько минутъ, судья—я сама. Спрячься здъсь, позади этихъ фиговыхъ деревъ, до тъхъ поръ пока я тебя позову.

Милый Джуліо, украшенный новымъ жилетомъ и розовымъ галстукомъ, никакъ не ожидалъ найти строгаго судью въ своей возлюбленной. Увидя взолнованную Пепину, взоры которой были ужасны, онъ понялъ, что гроза готова разразиться.

- Поди сюда, сказала молодая дъвушка, взявъ его за руку и подводя къ знакомымъ кактусамъ. Повтори мнъ все, что ты говорилъ вчера своему другу Гаэтано въ кофейной улицы Кассаро.
- А что я сказалъ ему? возразилъ Джуліо, я говорилъ только, что вы прекраснъйшая и любезнъйшая изъ всъхъ женщинъ?
- Самая глупая—перебила Пепина, осмъянная самымъ неблагороднымъ образомъ; но теперь уже меня никто не обманетъ. О! вы ошиблись въ вашихъ намъреніяхъ, вы хотъли помъняться любимыми женщинами какъ мъняются лошадьми или собаками!
 - Кто осмъливается утверждать это? сказаль Джулю съ достоинствомъ.
- Свидътель, который все слышалъ и повторить сейчасъ елышанное. Его зовутъ Доминико.

Между двумя ракитами коктуса показалась голова бонакино.

— Это я! сказалъ онъ; и что осмъливаюсь утверждать, есть чистая истина.

Джуліо, смущенный, уничтоженный, со страхомъ смотрълъ на свидътеля.

— Презрънный! вскричала Пепина, ты молчишь теперь, потому-что не можешь отказаться отъ своихъ словъ. Если бъ у меня былъ кинжалъ, я бы погрузила его въ твое гадкое сердце.

Доминико вынулъ изъ кармана ножъ, острый и тонкій, на подобіе кинжала; попробовалъ его на пальцъ, и высунувшись впередъ сказалъ: сеньорина, возьмите этотъ ножъ.

— Вы-ли, Пепина, моя дорогая Пепина, сказалъ Джуліо умоляющимъ голосомъ, — вы-ли хотите меня убить за одно неблагоразумное слово... вы, которыя вчера еще клялись любить меня до могилы?

Ножъ выпалъ изъ рукъ молодой дъвушки, огонь гнъва потухъ въ ея глазахъ, голосъ ея смягчился.

- Джуліо, сказала она, голосомъ, отъ котораго трепещетъ, замираетъ сердце, что вы сдълали? Вы убили любовь, которая была бы въчною. Я слишкомъ много васъ любила, чтобы желать вашей смерти. Прощайте! все кончено между нами.
 - Ты простишь меня! сказаль Джуліо, бросаясь на колѣна.
- Никогда!—отвъчала Пепина,—я не хочу болье никого въ свъть любить; удалитесь, я чувствую, что заплачу. Оставьте меня одну.
- Нътъ! вскричалъ молодой человъкъ патетическимъ тономъ, я не могу уйти, не вымоливъ пощады.
 - Оставьте меня! вскричала Пепина, топнувъ ногой.

Бонаккино схватиль Джуліо, взвалиль его себѣ на плеча и вынесь изъсаду такъ просто и безъ усилій, какъ будто бы онъ быль кормилицею, унимающею расплакавшееся дитя.

nesses and some and a contraction of the IV. to be seen a facility of the second sections.

ne islandictus. Tatalitatis spilat is a tatalitatis dadar indias spilatis (penal field) e in Tatalitatis in tatalitatis in territatis in tatalitatis (penal field) in tatalitatis in the extension residua

Приближался конецъ мая, весь городъ готовился къ рыбной ловлѣ, которая представляетъ случай обогащенія и развлеченія для жителей Палермо Необыкновенная дѣятельность царствовала между обитателями Борго. За нѣсколько уже дней длинная цѣпь сѣтей заграждала проходъ рыбъ, которыя обыкновенно каждый годъ въ эту эпоху попадаются во мно жествѣ. Сеньора Розалія вознамѣрилась присутствовать при этомъ зрѣлищѣ, и Пепина, не выходившая изъ своей комнаты послѣ встрѣчи съ Джуліо, согласилась также участвовать въ этой рагіте de plaisir. Донъ Джузепне нанялъ коляску. Вечеромъ рыбаки, сторожившіе у сѣтей, подали сигналъ, означавшій приплытіе рыбъ. Любоцытные и жены рыбаковъ отправились уже съ полночи къ берегу моря. Поѣздъ ихъ освѣщали факелы. До восхода солнца прибыли они къ концу мыса.

Каріолки, наполненные народомъ, устанавливались въ рядъ по берегу моря. Въ баркахъ были рыбаки и бонакины; обнаженныя ихъ руки были вооружены съкирами и трезубцами. Вдругъ вода замътно стала волноваться; на поверхности показались всплески большихъ рыбъ, попашихъ въ засаду; ужасный крикъ рыбаковъ былъ сигналомъ баталіи.

Слышанъ быль шумъ трезубцевъ, просъкавшихъ чешую рыбъ. Кровь брызгала въ лицо рыбаковъ, дико любовавшихся своими жертвами; куски мяса, трепещущая внутренность загрязнили голубой покровъ Средиземнаго моря; множество лодокъ скользили между барокъ, колеблемыя общимъ движеніемъ и всплесками большихъ рыбъ: два или три человъка едва не утонули при всеобщей сумятицъ, что доставило случай знатокамъ сказать, что такой ловли давно не бывало.

Между поразителями рыбъ, зрители замѣтили молодаго рыбака удивительной силы и ловкости; лодка, на которой онъ стоялъ, была ближе всѣхъ къ сѣтямъ и болѣе подвержена онасностямъ. При каждомъ ударѣ трезубца, молодецъ этотъ вытаскивалъ изъ воды большую рыбу, которую бросалъ за бортъ съ удивительною ловкостью. Наконецъ онъ поразилъ одну рыбу, до того большую, что ему нужны были удивительныя усилія, чтобы поднять ее изъ воды. Въ своей агоніи, рыба жестоко билась и хвостомъ ударня въ ноги своего убійцы, казалось, могла свалить его въ воду. Наконецъ, смѣлый рыбакъ успѣлъ поставить побѣдоносную ногу на спину морскаго чудовища, и вырвавъ изъ мяса обагренную сѣкиру, онъ вскочилъ на бортъ барки при рукоплесканіяхъ толиы.

При всей разрушительной своей борьбѣ съ животными, человъкъ не въ состояніи сділать б'єднымъ животнымъ всего зла, какое бы онъ хотъль: многихъ усилій стоить ему, при опасности собственной жизни, убить несколько сотень рыбъ; остаальныя ускользають отъ него тысячами. Цълая армія рыбъ, разъ пораженная, разсъянная и ошеломленная ударами, собирается мало по малу въ недалекомъ разстояніи, и спокойно предпринимаетъ новый путь въ лоно морей, указываемый ей инстинктомъ и таинственнымъ порядкомъ природы. Пока эта рыбья эмиграція совершалась, рыбаки нагружали каріолы жертвами своихъ подвиговъ. Составился цёлый торжественный поёздъ для возвращенія въ городъ. Кареты, украшенныя вътвями лавровыхъ деревъ, расположились въ симетрическій рядъ; самая огромная изъ убитыхъ рыбъ помъщена на почет. ную каріолу, и отважный рыбакъ, завоевавшій ее, получилъ привиллегію стать возлів нея, съ трезубцемъ въ руків и съ давровымъ візнкомъ на головъ. Этотъ счастливый смертный былъ бонакино Доминико. Отвага битвы нисколько не мъшала ему наблюдать зрителей, въ числъ которыхъ онъ замътилъ и друзей своихъ по Монреалу. Въ минуту блестящаго своего усибха, онъ примътилъ издалека прекрасную Пепину, которая, махая платкомъ, поощряла и поздравляла его. Во время приготовленія къ своему торжеству, Доминико подошель къ обществу своихъ друзей, привътствуя ихъ снятіемъ шляпы. Синьора

Розалія, въ порывъ энтузіазма, захлопала въ ладоши, и двъ молодыя дъвушки послъдовали ея примъру. Отблескъ счастія озарилъ энергическое лицо бонакино.

- Для васъ, сеньорина, сказалъ онъ, я постарался изловить самого великанъ рыбу. Если донъ Джузеппе позволитъ, я предложу ему часть этой рыбы, въ благодарность за честь, которую мнъ сдълали, пригласивъ къ объду въ Монреалъ.
- Принимаемъ, любезный другъ, отвъчалъ донъ Джузеппе, съ условіемъ, заплатить тебъ за этотъ подарокъ; надо же, чтобъ ты воспользовался цъною твоей добычи.
- Плата есть дѣло нашихъ хозяевъ, отвѣчалъ Доминико. Вы обращались со мною дружески, не отпимайте же отъ меня удовольствія отплатить вамъ тѣмъ-же. Я предлагаю мою часть въ подарокъ, сеньорамъ вашей фамиліи, донъ Джузеппе.
- Идетъ! отвъчалъ добрякъ Джузеппе; а я приглашаю тебя по дружески отужинать сегодня съ нами.
- Это будетъ прекраснъйшимъ днемъ въ моей жизни, отвъчалъ Доминико, откланиваясь.

Бубны звали тріумфатора. Почетная каріола была готова. Всъ повозки двинулись впередъ и останавливались у воротъ города, чтобъ ожидать остальныхъ, для общаго въъзда. Когда Доминико проходилъ возлъ коляски, гдъ были его друзья и увидълъ маленькія ручки Пепины, ему рукоплескавшія, онъ почувствовалъ въ душъ, быть можетъ, болье гордости и удовольствія, чъмъ самый Траянъ, покорившій Дакію владычеству Римской Имперіи. Прибывъ къ рыбному рынку, онъ сошелъ съ своей каріолы и ускользнулъ въ толпу, чтобъ скрыться отъ любопытныхъ. Кучеръ коляски дона Джузепие ъхалъ шагомъ, опасаясь наъхать на кого-нибудь въ толиъ. Пепина, рука которой была спущена съ боку коляски, вдругъ почувствовала, что кто-то тихо коснулся ея пальцевъ. Опа высунула голову изъ коляски и узнала Доминико, шедшаго рядомъ съ ихъ экипажемъ. Бонакино смотрълъ на нее скромнымъ и умоляющимъ взоромъ.

Пепина въ первый разъ присутсвовала при рыбной ловлъ, и это зръ лище поразило ее глубоко; ей казалось, что она только-что вышла съ турнира, гдъ рыцарь, самый отважный, сражался за нее и просилъ ея шарфа. Въ упоеніи удовольствія, она забыла разстояніе, отдълявшее ее отъ бъднаго рыбака, и, не зная сама, что дълаетъ, бросила платокъ Доминико, который поймалъ его на лету и покрылъ поцелуями.

Побъдитель рыбъ тщательно вычистиль свою бонакку, готовясь къ ужину купца - шляпочника. Безъ принужденія и безъ неловкости, онъ вошелъ къ своимъ друзьямъ, неся большой кусокъ свареной рыбы на блюдъ, украшенномъ лавровыми листьями. Съ свободою свойственною сицилійцамъ, онъ привътсвовалъ дона Джузепие, который восхвалялъ его ловкость; сеньора Розалія хвалила силу его рукъ, Фаустина его энергію. Пепина показалась ему немного серьезною, и Доминико понялъ, что она раздумывала о своемъ платкъ. Въ противоположность неаполитанскимъ лаззарони, которые бы въ подобномъ случаъ, готовы были смъшить своимъ обжорствомъ и неловкостью, Доминико умълъ сохранить приличіе и достоинство. Его угощали доброю порцією, а молодыя дъвушки нодливали ему вино. Послъ ужина, пили кофе въ саду. Въ то время, когда донъ Джузеппе искалъ шаль сеньоры Розаліи, чтобъ предостеречь ее отъ простуды, когда Фаустина убирала чайный сервизъ, Пепина удалилась въ одну изъ ближайщихъ аллей, сдълавъ знакъ Доминико слъдовать за нею.

- A платокъ мой? сказала она шопотомъ.
- Онъ у меня, здъсь на сердцъ.
- Вотъ этого-то я и боялась. Отдайте мив его.
- Ваши повельнія для меня законъ. Возьмите его, отвъчаль Доминико, подавая платокъ. Сегодня утромъ богатый арменьоръ предложиль въ мое распоряженіе барку для ловли коралловъ. Черезъ три дня, я поплыву къ берегамъ Африки. Платокъ этотъ принесъ бы мнъ счастіе; тотъ, кто вытащиль изъ воды великана рыбу, могъ бы отыскать льсъ коралловъ и привезти въ Палермо богатство, которое предложилъ бы вамъ. Но это была одна мечта. Не имъя болье своего талисмана, ни вашего одобренія, рыбакъ попадетъ въ руки арабовъ, которые продадутъ его въ неволю.
- Кякая отвага, какое терпъніе и кротость! проговорила молодая дъвушка съ глубокимъ чувствомъ. Нътъ, я не могу тебъ отказать въ моемъ одобреніи и талисманъ, отъ котораго, какъ ты говоришь, зависить твое счастіе. Возьми назадъ этотъ знакъ моего уваженія, подъ одеждою рыбака, у тебя бъется сердце паладина. Ступай, ты найдешь лъсъ коралловъ, если только молитва моя будетъ услышана.

Въ каждой другой странъ, кромъ Сициліи, отдача платка была бы обыкновенною церемонією рыцарскихъ романовъ; но въ Палермо, страсть и кипучая кровь нарушаютъ самыя прекрасныя правила этикета. Вмъсто того, чтобъ принять этотъ даръ любви, склонивъ колъно и ставъ въ театральную позу, Доминико бросился на руку, протянутую ему съ платкомъ и кръпко прижалъ ее къ своему сердцу....

— Я поклялась не любить больше никого, говорила Пепипа, возвращаясь въ свою комнату, но развъ мы властны надъ нашимъ сердцемъ?

Кто могъ подозрѣвать столько прекрасныхъ качествъ, столько добродѣтелей въ простомъ рыбакѣ? Доминико мой столько-же отваженъ и честенъ, сколько двое другихъ были коварны, вѣроломны и тщеславны! какъ-же отвергнуть человъка, который заслужилъ мое расположеніе? Это былобы и безразсудно и жестоко. Обыкновенная женщина его бы презирала, по причинъ его низкаго происхожденія; я, напротивъ, поправлю несправедливость счастія и своимъ великодушіемъ буду гораздо выше всѣхъ дъвицъ Сициліи и можетъ быть цѣлаго свѣта.

Доминико, прежде отплытія къ берегамъ Африки, пришелъ проститься съ Пепиною, которая пришла къ берегу, чтобы видъть отплытие. Онъ ъхалъ съ талисманомъ на груди, мечтая о богатствъ и счастіи, унося съ собою объщанія и клятвы, которыя одушевили бы его сердце увъренностію Улисса въ добродътели Пенелоны, еслибы въ его сердцъ не было яда ревности. Возвращаясь съ берега домой, донъ Джузение и семья его встрътили новаго своего друга, неаполитанца. Сеньоръ Винченцо имълъ мъсто у городскаго интенданта, съ жалованьемъ въ 300 дукатовъ, то есть, 1,200 франковъ, что придавало ему двойное значение человъка съ въсомъ и съ хорошимъ достаткомъ, въ этой счастливой странъ, гдъ 1,200 франковъ составляютъ прекрасное содержаніе. Онъ прибылъ недавно въ Палермо и не видаль еще всъхъ намятниковъ и предметовъ искусства, которыми городъ этотъ такъ богатъ. Чтобъ быть ему пріятнымъ, Джузеппе предложилъ показать ему внутренность нъкоторыхъ замъчательныхъ зданій и картинныя галлереи. Донъ Винченцо, казалось, ни мало не удивлялся живописи, ему показанной.

Дорогою, донъ Винченцо обращался съ комилиментами къ тремъ дамамъ, и въ особенностя къ Пепинъ. Не смотря на свои познанія въ свътскости, онъ успълъ очень мало, по своему выговору и направленію ума, чисто неаполитанскимъ. Двъ подруги смъялись подъ капюшономъ надъ напрасными стараніями ихъ обожателя. Однако нъсколько дней сряду донъ Винченцо встръчался на прогулкъ, и какъ онъ переносилъ весело, изъ учтивости, маленькія насмъшки дъвицъ, то это маленькая война произвела между ними нъкотораго рода сближеніе. Пеотъ природы добрая, часто упрекала себя за ръзкія насмъшки надъ Винченцо, а донъ Винченцо извлекалъ выгоду изъ жестокости ними следовало приметное для него ея нападеній, потому-что за снисхождение. Своимъ терпъниемъ, онъ подалъ о своемъ характеръ лестную для него мысль, и когда разговоръ касался предметовъ серьезныхъ, онъ истощаль всв усилія ума и памяти, какихъ противники его не имъли, потому-что донъ Винченцо путешествовалъ на простран-

ствъ пятнадцати миль вокругъ Неаполя во всъхъ направленіяхъ. Онъ былъ въ Минтуринъ, Гаэтъ, видълъ два или три города Калабріи; къ томуже могъ говорить весьма долго, очень скоро и постоянно съ одинаковою легкостью, о Везувіи, Сольфаторъ, древностяхъ Геркулана или Помпеи и о лягушкахъ озера Аньяно. Когда онъ успъвалъ плънить вниманіе своихъ слушателей подъ вътвями деревъ бульвара, онъ преддагалъ руку Пенинъ, для возвращенія въ городъ, и къ этому времени оставляль обыкновенно самыя сливки своей эрудиціи: такимь образомь, онъ выигрываль каждый день, шагь за шагомь, въ воображении этого наивнаго и сочувствующаго существа. Разъ вечеромъ, между различными своими разсказами, неаполитанецъ началъ разговоръ о ловлъ коралловъ, которую зналъ по наслышкъ. Онъ сообщилъ Пепинъ, которая ничего еще не знала объ этомъ, что вся выгода отъ этой ловли принадлежитъ хозяевамъ барокъ и негоціантамъ. Экипажъ получалъ вознагражденіе весьма маловажное, и самымъ искуснымъ рыбакамъ давали маленькое жалованье, по окончаніи экспедиціи; самый большой кушъ, на который могъ разсчитывать человъкъ особенно счастливый, былъ, по словамъ Винченцо — отъ двадцати до тридцати піастровъ. Пепина поняла такимъ образомъ, что проэкты Доминико очень химерическіе, и что замужство съ этимъ бонаккино, по возвращении его изъ Африки, вовсе не такъ лестно. Какъ будто зная, о чемъ она думала, донъ Винченцо, тотчасъ послѣ этого разочарованія на счеть ловли коралловъ, далъ оборотъ болѣе вкрадчивый своему разговору и принялся за красноръчивое описаніе своихъ мукъ и своей любви. Онъ предложиль ей свое сердце, руку и фортуну, то есть, свои 1,200 франковъ жалованья, прибавивъ, что если онъ нравится Пепинъ, онъ немедленно, здъсь же на улицъ, предложитъ тоже самое и ея отцу. Молодая дъвушка, удивленная и восхищенная такой любовію и живостію своего собесъдника, дала свое согласіе, и синьоръ Винченцо тотчасъ побъжаль дълать предложение дону Джузеппе. Съ первыхъ словъ, которыя онъ произнесъ, синьора Розалія схватила за руку добряка и шеннула ему на ухо: — «Мужъ! о, это серьозно. Обожателей всегда много; но мужъ ... согла шайтесь тотчасъ-же. »-И опасаясь, чтобъ донъ Джузеппе не отложилъ согласія въ дальній ящикъ, сеньора Розалія сказала, обращаясь къ жениху: «Донъ Винченцо, я люблю Пепину, какъ собственную дочь. Предложение ваше не изъ-числа тъхъ, которымъ отказываютъ. Идите, продолжайте любезничать. Вы понравились, даю вамъ честное слово. Нътъ нужды вамъ повторять это. » — Съ этой минуты, донъ Винченцо получилъ дозволение беседовать съ своей невестой, когда пожелаетъ. Онъ воспользовался этой привиллегіей, и къ концу третьей или

четвертой бесёды, уже впол'в владёль сердцемъ молодой дёвушки.— Однако Пепина помнила, что она об'єщала свое сердце и руку Доминико. Я сдёлала бы лучше, говорила она себ'є, если бъ не сближалась съ этимъ поб'єдителемъ рыбъ; однако, Доминико долженъ также слёдовать разсудку, какъ и я; скажу ему, что рыбачья хижина вовсе не то м'єсто, гд'є я должна искать себ'є мужа, и что онъ можетъ выкинуть изъ головы эту фантазію. Винченцо мой — лучшій, благородн'єйшій изъ всёхъ мужчинъ.

na program de la companya del companya de la companya del companya de la companya

Предложеніе, сдѣланное Винченцо, не долго оставалось въ секретѣ; молодежь города поговаривала объ этомъ между собою. Когда новость эту узналъ Гаэтано, угрызеніе совѣсти мучило его воспоминаніями неблагороднаго его поступка и ревность горѣла въ его душѣ. Сициліецъ не любитъ, чтобъ иностранецъ поселялся въ его странѣ и похищалъ бы у него женщину, имъ любимую. Тотчасъ же написалъ онъ дону Джузеппе письмо, въ которомъ напоминалъ разговоръ ихъ въ Монреалѣ, высказывая намѣреніе породниться съ нимъ. Студентъ Джуліо, узнавъ о сватовствѣ Винченцо, пришелъ въ отчаяніе отъ своего несчастія и упрековъ Пепины. Онъ, въ свой чередъ, послалъ свата къ шляпочнику, прибавляя свое имя къ числу претендентовъ.

Донъ Джузение былъ въ большомъ затрудненіи, видя это собраніе жениховъ. Сеньора Розалія, женщина съ добрыми чувствами, желала, чтоы биренмущество осталось за Винченцо, какъ за первымъ, сдѣлавшимъ предложеніе; притомъ она опасалась, чтобы нерѣшительностію въ этомъ случаѣ не потерять всего. Пепина также раздѣляла бы ея мнѣніе, еслибъ только маленькое обстоятельство не бросило ее въ такую-же нерѣшительность, въ какой находился ея отецъ. Шляпочникъ отправился, разъ вечеромъ, съ своимъ семействомъ въ театръ актера Паскино, спцилійскаго Гаррика. Самая дрянная пьеса имѣетъ успѣхъ, когда въ ней играетъ Паскино. Импровизаторъ и опытный актеръ, Паскино не ограничивается пошлыми фарсами, подобно полишинелямъ Неаноля; онъ глубокомысленъ, какъ философъ, въ своихъ любезностяхъ, и сквозъ его злобныя насмѣшки чувствуешь доброту сердца, за которую его такъ любятъ. Паскино и теперь еще продолжаетъ играть на сценѣ, и не смотря на свои семдесятъ лѣтъ, онъ еще бодръ. Это своего рода

геній, въ второстепенномъ родѣ, и въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, истощая свой талантъ въ Сициліи, — онъ усиѣлъ составить себѣ славу хорошаго комика, не идущую однако далѣе Неаполя, о чемъ, впрочемъ, онъ мало и заботился.

Въ тотъ день, когда Пепина была въ театръ, Паскино разыгрываль одинъ изъ обыкновенныхъ своихъ фарсовъ. Между-прочимъ, онъ представлялъ неаполитанца, который, выдавая себя за знатока во всъхъ отношеніяхъ, говорилъ о своихъ вояжахъ и объявлялъ, что въ Палермо нътъ ничего хорошаго. Онъ жаловался въ особенности на шумъ фонтановъ, въ изобиліи устроенныхъ на площадяхъ, на каждомъ углу улицы и на лъстницахъ въ домахъ, и вздыхалъ о неапольскихъ систернахъ съ ихъ каплющею водою. Эта роль возбудила шумный смъхъ въ театръ. Фаустина, толкнувъ слегка рукою свою подругу, сказала ей шопотомъ: — Боже! какъ онъ похожъ на твоего обожателя, дона Винченцо!

Пепина, пораженная сходствомъ, не могла удержаться отъ смъха. Сцена представляла одно изъ самыхъ милыхъ мъстъ въ Палермо, перекрестокъ Четырехъ Кантоновъ (i quatri Cantoni). Паскино, раскритиковавъ скульптуру и украшенія, встрѣтился здѣсь съ однимъ сицилійцемъ, котораго, казалось ему, узналъ; онъ вскочилъ ему чуть не на шею и безъ всякихъ дальнъйшихъ объясненій, влѣпилъ Сициліець утерся платкомъ и, обращаясь къ публикъ, лый поцълуй. спрашиваль, какимъ образомъ могло случиться, что этотъ любезный господинъ принялъ его за женщину. На перекресткъ переулка ноказалась молодая дъвушка въ праздничномъ нарядъ; Паскино навелъ нее лорнеть, даже осмълился послать ей по воздуху поцълуй. дъвушка сначала смутилась, но потомъ комплименты Паскино вызвали ен улыбку и неаполитанецъ, какъ бы въ вознаграждение за свои насмъшки, сознался, что есть много прекрасныхъ вещей въ Палермо и что двъ Сициліи, подобно двумъ сестрамъ-близнецамъ, одинаково любезны. Не смотря на эту похвалу неаполитанца, Пепина покрасиъла отъ мысли, что донъ Винченцо, не зная ее, позволиль себъ сдълать предложение, смысль котораго изъ представленія Паскино показался ей довольно циническимъ. Сициліянки имѣютъ въ своемъ характерѣ одну чательную черту, именно то, что сознание собственнаго достоинства уравновъшиваетъ у нихъ побужденія страстей и увлеченія; они легко подпадаютъ искушенію, но даже внезапность ихъошибокъ не затемняеть у нихъ гордости и самолюбія. Достаточно маленькаго намека, чтобы сдъ лать сициліянку гордою и возбудить чувство уваженія къ самой себъ; вотъ почему непріятное впечатленіе, которое вынесла Пепина изъ спектакля Паскино, разочаровало ея воображеніе къ жениху.

Между - тъмъ, донъ Джузеппе не зналъ, на что ръшиться, посреди этихъ предложеній со всъхъ сторонъ. Чтобы выйти изъ затрудненія, онъ придумалъ позвать всъхъ трехъ молодыхъ людей къ себъ на торжественное совъщаніе

- Друзья мои, сказалъ онъ, вы мнѣ нравитесь одинаково всѣ трое, я не могу рѣшиться на выборъ одного, чтобы не сожалѣть о двухъ другихъ. Устройте это дѣло между собою по дружески, рѣшите сами, кому изъ васъ быть женихомъ и мужемъ, и я заранѣе подписываюсь на вашемъ рѣшеніи.
- Если дъло пошло уже такъ, сказала старуха Розалія, такъ предоставьте самой Пепинъ выбрать мужа; дъвушка въ этихъ дълахъ больше смыслить, чъмъ отецъ ея.

Каждый изъ трехъ соперниковъ объщался подчиниться приговору, каковъ бы онъ ни былъ; но каждый также хотълъ самъ просить о своемъ дълъ. Посреди этихъ приготовленій и уговоровъ, Пепина, смотря въ окно, увидъла Доминико, возвращавшагося изъ своей морской экспециціи. Физіономія бъднаго бонакино не произвела на нее впечатленія головы Медузы; напротивъ, нъжныя воспоминанія, вдругъ взволновавшія ея душу, были до того сильны, что Пепина побъжала на встръчу побъдителю рыбъ и ввела его въ домъ.

- Поймалъ ты лъсъ коралловъ? сказала она ему вполголоса на лъстницъ.
- Увы, нътъ! отвъчалъ бонакино, я добылъ только десять піастровъ жалованья и шесть дукатовъ награды.
- Какъ-же ты былъ несчастливъ! Слъдуй за мною; однако не удивляйся ничему, что увидишь и услышишь: нельзя знать, что можетъ случиться. Будь скрытенъ и молчи больше.

Пепина ввела Доминико въ собраніе жениховъ, говоря, что можетъ-быть онъ пригодится ей въ качествъ свидътеля. Гаэтано началъ первый говорить: онъ напомнилъ обстоятельства своей встръчи со всею фамиліею въ Монреалъ, какимъ образомъ онъ сдълалъ предложеніе почтенному родителю въ этотъ достопамятный день, и окончилъ сентиментальнымъ заключеніемъ, въ которомъ объявилъ, что онъ первый затронулъ сердце прекрасной Пепины, до того нечувствительное и нъмое. Джуліо позаботился прибавить, что Гаэтано не можетъ основывать своихъ требованій на преимуществъ первенства, потому что не остался върнымъ своей возлюбленной; что онъ, Джуліо, нашелъ Пепину въ совершенномъ отчаяніи отъ этой измѣны, и что успѣвъ утъ-

шить ее, онъ наслъдовалъ права перваго обожателя. Донъ Винченцо старался доказать, что эти различные титулы нисколько не важны, что одинъ онъ шелъ прямо къ цъли благородной, сдълавъ формальное предложение, и что, слъдовательно, другие не что иное, какъ его подражатели.

- Сколько поклонниковъ! проворчалъ отецъ. По видимому, дочь моя была неравнодушна ко всъмъ этимъ молодымъ людямъ. Это увеличиваетъ затрудненіе и препятствіе выбора.
- Ба! отвъчала ему сеньора Розалія, преимущество все-таки нужно отдать кому-нио́удь одному.

Главный судья быль въ нерѣшимости. Пока каждый говориль въ свой чередъ, Пепина соглашалась in petto съ аргументами оратора; но затѣмъ слѣдовало размышленіе, измѣнявшее ея чувства.

- Ахъ! сеньоръ Гаэтано, сказала она, вздыхая, вы были первымъ, котораго я любила, зачёмъ вашимъ непостоянствомъ и злыми поступками, вы перемёнили любовь мою въ презрёніе? Вы бы не имёли ни преемника, ни соперника. А вы, Джуліо, я васъ считала за благороднейшаго человёка, зачёмъ вы доказали мнё своими поступками, что утёшенія ваши были комедіею и засадою? Чтоже касается до васъ, сеньоръ Винченцо, въ качестве иностранца и неаполитанца, вы бы могли быть моимъ мужемъ, это маленькое затрудненіе можно было-бы устранить, но къ несчастію, Паскино нанесъ вамъ смертельный ударъ въ моемъ бёдномъ сердцё своими остротами и сатирами. Одинъ только человёкъ не подалъ мнё никакого повода на него жаловаться, это Доминико!
- Чортъ возьми! вскричалъ отецъ. Доминико честный малый, ловкій побъдитель рыбъ, но я не хочу имъть его зятемъ.
- Позвольте, перебила Пепина; ему не удалось добыть богатство въ ловлѣ коралловъ, и я очень понимаю, что, не смотря на всѣ свои достоинства, онъ не будетъ принятъ въ наше семейство; но если Доминико не довольно богатъ, то другіе не такъ достойны, какъ онъ, и я не изберу никого въ такомъ случаѣ.
- Одну минуту! сказалъ Гаэтано. Дозволь мнѣ, Пепина! произнести послѣднее воззваніе къ твоимъ воспоминаніямъ. Есть между нами другой предметъ для разговоровъ, болѣе значительный, чѣмъ слова на воздухъ. Развѣ ты забыла наши свиданія въ саду, наши долгіе разговоры?
 - И наши также, сказаль Джуліо.
 - И мои тоже, сказалъ неаполитанецъ.
- Ай, ай, ай! что это все значить? вскричаль отець; я узнаю прекрасныя вещи. Свиданія! Да что все это значить? Право, я не

знаю, что меня удерживаетъ отъ того, чтобъ я не перещупалъ ребра любезной дочки моею палкою.

- Какова лицемърка, смотрите-ко! пробормотала Фаустина, мнъ давала наставленія, а у самой было трое обожателей, изъ которыхъ два моихъ.
- Молчите! сказала сеньора Розалія; ни у кого здісь ність капли смысла въ головів. Пепина иміла обожателей, такъ что-же? Развів она оттого поглупівла, сділалась хуже или біздніве? Потеряла, что ли, она хоть волось съ своей головы, или зубъ изо рта, или характерь изміснился? Ничего не бывало. Такъ чтожъ! Вы старый дуракъ, если хотите ее бить за это, сеньоръ Джузеппе. А ты, Пепина, еще глупіве, колеблясь такъ долго. Бери перваго желающаго и выходи за него. А вы, сударыня, любезная дочка, какая злая сила васъ подталкиваетъ разсказывать свои діла, когда васъ не спра шивають объ этомъ? Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Займемся настоящимъ діломъ, выборомъ мужа.

Въ первый разъ, Пепина наконецъ начала понимать свои ошибки и софизмы. Слушая странные аргументы, которыми сеньора Розалія старалась ее оправдать, она чувствовала себя малольтною передъ краснорьчіемъ ея защитницы. Донъ Джузеппе, удивленный силою этихъ аргументовъ и побъжденный вліяніемъ на него вообще убъжденій сеньоры Розаліи, успокоился въ минуту.

- Забудемъ прошедшее! сказалъ онъ, если вы этого хотите, и да загладится все хорошимъ бракомъ. Выбирай-же, маленькая дурочка, мужа, и тогда я тебя прощу.
- Я никого не выберу! отвъчала Пепина ръшительнымъ тономъ. Между тремя людьми грубыми, безъ утонченной въжливости, публич но тщеславившихся своимъ волокитствомъ и думающихъ силою взять мою руку, я не могу сдълать никакого выбора, и никому не отдамъ предиочтенія. Я равно презираю всъхъ трехъ. Ахъ! какъ ты превосходишь ихъ всъхъ, Доминико! Ты одинъ велъ себя, какъ благородный человъкъ, и при всемъ томъ, я сознаюсь отцу, что я любила тебя такъ же, какъ и другихъ.
- И онъ также! вскричалъ отецъ, вооружившись пылкой. Теперь ты заслуживаешь вполнъ мое наказаніе.

Донъ Джузеппе бросился на дочь съ поднятою тростью. Глаза Пепины искали тщетно какого-нибудь убъжища отъ этой страшной грозы и Доминико бросился на встръчу отцу, чтобъ удержать его; но было уже поздно: вооруженная рука упала тяжело, и молодая дъвушка получила страшный ударъ по плечамъ. Оскорбленная гордость,

болѣе чѣмъ физическая боль, прилила кровь къ ея лицу. Быстро убѣжавъ въ свою комнату, она заперла ее дважды на ключъ. Изъ глубины своего убѣжища, она услышала страшную смѣсь голосовъ, кричавшихъ заразъ. Голосъ сеньоры Розаліи превозмогъ всѣ, другіе голоса угасли, и шумъ шаговъ по лѣстницѣ далъ знакъ, что совѣщаніе началось. Во Франціи незнакома эта сухая горесть, это сосредоточенное въ самомъ себѣ чувство тоски, эта глубокая чувствительность, которыя поглощаютъ сициліянку, не вырывая изъ устъ ея ни одной жалобы, не выжимая ни одной слезы изъ ея глазъ. Пепина сжавъ зубы, устремивъ неподвижный, безсмысленный взоръ, и какъ-будто пораженная каталепсіею, считала удары сердца, ударявшагося болѣзненно въ ея грудь. Тихо постучался кто-то въ дверъ; Пепина услышала голосъ Фаустины, просившей впустить ее и простить за обиду, нечаянно нанесенную; но она не получила никакого отвѣта и обитательница комнаты не перемѣнила своей позы. Вскорѣ пришла сеньора Розалія.

— Отвори мнѣ, другъ мой, дочь моя! сказала добрая женщина: мы пойдемъ вмѣстѣ къ дону Джузеппе. Я заставлю его раскаяться въ его грубомъ поступкѣ; онъ тебя обниметъ и все будетъ забыто. Нѣтъ ничего глупѣе этихъ ссоръ за пустяки, какъ-будто кто-нибудь самъ не виноватъ! Пойдемъ, дочь моя, не надо гнѣваться на отца. Ты знаешь, что онъ добръ и что я дѣлаю изъ него все, что хочу; и такъ не будь же мстительна, чтобъ не дать поводъ упрекать тебя въ этомъ.

Пепина не подала даже признака жизни, и толстая сеньора возвратилась съ тѣмъ-же, съ чѣмъ и пришла, ворча на жестокость мужчинъ, приходящихъ вдругъ въ бѣшенство и не умѣющихъ владѣть собою. Посреди ночи, услышали наконецъ, что молодая дѣвушка ходитъ по комнатѣ и роется въ своихъ коммодахъ. Молчаніе скоро водворилось, всѣ думали, что она легла въ постель; но утромъ служанка нашла дверь комнаты отпертою и комнату пустою; на лѣстницѣ, усыпанной пескомъ и по дорожкѣ сада замѣтны были слѣды ея маленькихъ ножекъ. Пепина бѣжала изъ родительскаго дома, съ маленькимъ узелкомъ своихъ вещей. Около полудня, принесли письмо на имя сеньоры Розаліи, слѣдующаго содержанія:

«Любезная, дорогая сеньора! Вы, отъ которой я не получила ни оскорбленія, ни обиды, върно примете на себя трудъ объявить другимъ, что я имъ все прощаю, съ условіемъ никогда ихъ не видать,

и что я сыскала себъ убъжище отъ коварства, обидъ и побоевъ въ монастыръ Св. Клариссы. Послъ шести мъсяцевъ испытанія, если не почувствую призванія, я спрошу у свъта, захочетъ ли онъ меня опять принять; но я желаю искренно пріучиться къ жизни монашеской. Примите, добрая сеньора, увъреніе въ моемъ нъжномъ, дочернемъ къ вамъ расположеніи».

Донъ Джузеппе побъжалъ въ монастырь; лицо его, убитое тоскою, омочено было слезами, катившимися изъ пухлыхъ его глазъ. Его впустили въ пріемную, гдъ настоятельница объявила ему весьма холодно, что не отъ нея зависитъ возвратить ему дочь, что Непина вольна уйти или остаться, и что никто не будетъ стараться сдълать что-либо противъ ея собственныхъ чувствъ. Надо было оставить дъло такъ, какъ оно пошло, въ ожиданіи шести мѣсяцевъ испытанія. Въ этотъ длинный промежутокъ времени, домъ бѣдняго шляпочника былъ скученъ и мраченъ, какъ могила. Не видно уже было гуляющаго семейства подъ воротами Феличе и сеньора Розалія не переставала повторять по двадцати разъ на день ужасный упрекъ: «Вотъ, сеньоръ Джузеппе, что значить бить дочерей. Легко поднять руку, но трудно всю жизнь раскаяваться въ этомъ».

the visit of the v

a de l'accompany apple de Romania de Arrica de Carlos de Carlos de Carlos de Carlos de Carlos de Carlos de Car

eminuted a light of the Add PRODUCT STA

Послъ ужасной сцены удара палкой, раздоръ наполнилъ ядомъ своимъ сердца всъхъ отчаянныхъ обожателей. Гаэтано и Джуліо, которые были въ такой тъсной дружбъ во время своихъ безчестныхъ продълокъ, сдълались смертельными врагами, чтобъ лучше доказать искренность своей горести. Донъ Винченцо, очень недовольный открытіемъ столькихъ соперниковъ, почувствовалъ бы нерасположение къ если бы побътъ Пепины не одушевлялъ еще болъе его желаній. Доминико, болъе спокойный повидимому, но въ тысячу разъ болъе ревнивый, чемъ другіе, охотно бы пронизаль кинжаломъ всю компанію, чтобъ избъжать соперничества, и удвоилъ свою ненависть въ особенности къ дону Винченцо, который къ тому же былъ еще и неаполитанецъ. Вмъсто того, чтобъ скрыть свою злобу, побъдитель рыбъ задумаль ужасную мысль-убить своего врага. Когда онъ встръчаль его на улицъ, онъ бросалъ на него взгляды бъщенаго животнаго, и успълъ навести на него страхъ, который однако же цодъйствовалъ иначе. Дону Винченцу стоило только сказать слово, чтобъ возбудить наблюденіе полиціи надъ Доминико. Начали изслъдовать дъло и распрашивать о Доминико; узнали, что онъ при нъкоторыхъ свидътеляхъ поговаривалъ, что вонзитъ трезубецъ въ сердце соперника. Этого бы ло довольно, чтобъ изъ благоразумія арестовать Доминико черезъ жандармовъ и заключить въ городскую тюрьму.

— Вы понимаете теперь, продолжаль М. А. Р., отчего Доминико, котораго освободили черезъ два мъсяца изъ тюрьмы, не могъ послъ
того приблизиться къ нашему другу неаполитанцу безъ того, чтобы не
обнаружить чувства нерасположенія. Каждый, на комъ была бона кка,
быль въ, глазахъ дона Винченцо разбойникомъ и мошенникомъ. Вотъ,
отчего происходилъ тотъ ласковой привътъ, какимъ встрътилъ онъ у
фонтана Гаро-фелло Доминико, котораго считалъ своимъ убійцею.

Прекрасная Пепина оставалась твердою въ своемъ намъреніи до праздника Вознесенія прошедшаго года. Наканунь этого праздника, по обычаю страны, бълицы монастыря выходить въ пріемную комнату, для продажи конфектовъ, приготовленныхъ монахинями. Между посътителями быль кавалеръ прекрасной наружности, который ее замътилъ и который ей также понравился. Это быль довольно богатый владълецъ земли изъ Трапани, вдовецъ, но характера жестокаго, о которомъ говорили, что онъ чуть не убилъ изъ ревности свою первую жену. Когда этотъ женихъ явился къ шляпочнику просить руки его дочери, донъ Джузеппе навелъ объ немъ справки и предупредилъ Пепину о слухахъ на его счетъ.

— «Не думаете-ли вы еще, отвъчала молодая дъвушка съ достоинствомъ, что я хочу выдти замужъ за тъмъ, чтобы обманывать мужа? Если этотъ почтенный госпединъ дъйствительно готовъ былъ убить свою жену, она върно заслуживала этой смерти. Когда его жена, подобно мнъ, убъждена въ своей добродътели и върности, ей нечего опасаться подобныхъ приключеній! Таковъ именно и долженъ быть мужъ для дъвушки моего характера, и такъ какъ наконецъ я его нашла, я вступаю въ бракъ безъ страха.

Дъйствительно, бракъ былъ отпразднованъ спустя три недъли послъ этого разговора, и Пепина, полная увъреннести въ самой себъ и гордости, весело уъхала съ своимъ мужемъ въ провинцію Трапани.

По отъздъ прекрасной Пепины, всъ обожатели бросились къ ея подругъ. Гаэтано высказалъ желаніе жениться на ней, и при первомъ словъ объ этомъ синьонра Разалія, онасаясь медленности въ подобныхъ случаяхъ, поспъшила удовлетворить его желанію. Фаустина, въ свой чередъ, уъхала въ Марсаллу, гдъ жило семейство ея мужа. Джуліо отправился держать экзаменъ на ученую степень въ университетъ Катанскомъ, а донъ Джувеппе, по прежнему любезный, продолжаетъ оказывать услуги толстой синьоръ Розаліи, любимому предмету его мыслей, и донынъ продаетъ шляпы въ своемъ магазинъ, въ улицъ Макведа.

and de la company de la compan

en de la compositione de la composition della co

a de la la companya de la companya d La companya de la co

BA A TOUR OF A SECRETARION OF BUILDING THE PROPERTY OF THE

the contract of the second second second and the second second second second second second second second second

and the boundary of the design of the property of the property

the contract of the property of the contract o

A CARL BUILDING AND A SERVICE OF COMPANY

ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

Representation of the contract of the contract

MAKPEZZ,

КАКЪ АКТЕРЪ И ТОЛКОВАТЕЛЬ ШЕКСПИРА.

СТАТЬЯ

П. П. Каменскаго.

receptation is a serie, a discoverage of a page of 40 for your serious page a position and

Иная слава наживается не дешево, иная достается даромъ. И то, и другое не обидно, если взять въ соображение относительность человъческихъ понятий и зависимость нашу отъ случайностей. Досадно одно, что въ этой прихотливой расправъ, въ этомъ капризномъ признании и распредълении знаменитостей, остается обдъленною и непризнанною именно иной разъ истинная заслуга. Конечно, время дороется и до нея, но что-же ждать все могилы и потомства, у живаго на умъ живое.

Еще и то надо сказать, что для современности и своевременности славы, не рѣдко употребляется немного шарлатанства, хвастовства, простите мнѣ слово — бахвальства...

. Въ призваніяхъ-же и славахъ, въ которыхъ именно основано все на словахъ, на томъ, какъ онъ сказалъ, какъ выразился, ясно, или темно, коротко или длинно, эффектно или пошло, гдъ слово — рычагъ

проявленія его умственоні и нравственной силы, — тамъ скромничать ужъ никакъ не приходится. Удивительно—ли послів этого, что есть застінчивые таланты и славы, есть какой—нибудь Макреди — эта олицетворенная скромность, котораго такъ мало знаютъ вообще въ драматическомъ мірів и совершенно почти не знаютъ у насъ.

Я видълъ его въ Нью-Іоркъ, куда, какъ говорили, онъ имълъ намъреніе совершенно перебраться со временемъ, но ужъ, въроятно, не намъревается болъе. И это отдумье — грустная страница и его жизни, и этихъ полудикихъ янки ...

Репертуаръ Макреди, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пьесъ Бульвера, преимущественно Шекспировскій. Говоря, стало быть, о Макреди — невольно заговоришь и объ этомъ вѣчно свѣжемъ, неисчериаемомъ геніи. Да оно и съ руки, потому-что Макреди, мало того, что высокій актеръ въ драмахъ Шекспира, но и проницательный коментаторъ: онъ нетолько играетъ въ нихъ, но и читаетъ о нихъ лекціи.

Я видълъ Макреди въ «Гамлетъ», «Лиръ», «Отелло», » «Яго», «Венекіанскомъ купцъ», «Макбетъ», «Цезаръ», «Коріоланъ» и «Титъ-Андроникъ». Послъ изученій Гете, Тика, Шлегеля, Ульрице, Вильменя, Джонсона, автора книги: «Шекспиръ и его друзья», и многихъ другихъ, въ Парижъ объявили о выходъ въ непродолжительномъ времени еще новой книги о Шекспиръ: «Шекспиръ и его время», сочинение г. Гизо. Въ огрывкъ, помъщенномъ въ «Cabinet de lecture», можно видъть мнъніе Гизо о Гамлетъ. И не смотря на всю ученость, умъ и авторитетъ отставнаго министра-профессора для объясненія этого загадочнаго драматического характера — онъ ничего не выдумалъ новъе какъ привести извъстную легенду объ Амлетъ, * изъ которой взять весь сюжеть драмы, назвать характеръ Гамлета лукавымъ и притворнымъ, увърять, что Гамлетъ прикидывается, а иногда и дъйствительно съумасшедшій, юродивый, что онъ, наконецъ, знахарь и духовидъцъ, а между прочимъ, чрезвычайно благороденъ, добродушенъ и расположенъ къ меланхоліи и сплину, не смотря на то, что ни Гамлетъ, ни Шекспиръ по своему времени не могли и хворать этими недугами, какъ самъ-же Ги о говоритъ въ последствіи. Шекспиръ, видите-ли, не зналъ сплину, но угадалъ ее, эту будущую болъзнь своихъ соотчественниковъ и надълилъ ею Гамлета.

^{*} Также для насъ-не новость: вся легенда, вѣрно переданная съ подлинника, была помѣщена редакторомъ «Пантеона» въ « Литературной Газетъ 1841 года, которую онъ тогда издавалъ.

Все это сбивчиво, произвольно и не ново. И у насъ, лътъ восемь тому назадъ, переводили съ датскаго легенду объ Амлетъ изъ исторіи Саксона-Грамматика, но не смотръли въ тъ же очки на характеръ Гамлета въ драмъ. Макреди понимаетъ его гораздо проще, яснъе, послъдовательнъе и играетъ ... Но прежде о его матеріальныхъ средствахъ.

Макреди средняго роста. Лицо правильное и выразительное. Много подвижности и способности одушевляться въ этомъ лицъ, но никогда и никакой гримасы. Жесты умъренные, незатверженные. Объ академическихъ позахъ, красованьи и рисованьи нътъ и помину. Походка, соотвътствующая ситуаціи, но и въ самой горячей — онъ не побъжитъ ... Я любиль въ особенности его невольныя наклоненія головы въ минуту глубокой задумчивости — красноръчивые жесты, безъ матадорскихъ жестикуляцій, — ропщущей про себя души о своемъ горъ и грусти. Къ этимъ дарамъ, весьма скромнымъ и не щедрымъ, которыми надълила природа Макреди, надобно прибавить одинъ, однакожъ, не даръ уже, а просто кладъ для сценическаго артиста — надо прибавить голосъ, пріятнъе и симпатичнъе котораго я не слыхивалъ. По свойству своему, онъ болье теноръ, необыкновенно ровный, чистый и звонкій. Произношеніе легкое и свободное до того, что борясь съ шипъньями и посвистами англійскаго языка, Макреди превращаеть ихъ въ мелодичность итальянскаго. Нъжность этого голоса лучше всего служить ему въ Гамлеть: въ этомъ дватцати-ияти-лътнемъ принцъ Датскомъ никакъ не узнаешь пятидесяти-лътняго Макреди — онъ молодъ, какъ сама молодость.

Макреди видить въ Гамлетъ совершенно противуположный характеръ. антитезъ Макбету, но въ какомъ смыслъ? Оба они подъ вліяніемъ сверхъестественной силы, но одинъ духа зла, другой духа добраго, говоря о Гамлетъ. Этотъ добрый духъ, являющійся ему въ видъ тъни отца, по вліянію своему, не лучше, однакожъ, злаго. Идея Шекспира та, что человъкъ, какъ бы онъ ни былъ характеренъ, самобытенъ, уменъ, ученъ, способенъ къ скептицизму и неподатливъ на суевъріе, разъ сдълавшись случайно жертвой сверхъественнаго міра — въ возможность котораго детски верить Шекспирь, этоть человекь теряетъ все, и свой характеръ, и самобытность, и волю, и умъ-словомъ, всв его предпріятія, попытки, порывы, замыслы «не носять болье клички дъйствія» выражаясь посл'єдними словами самаго-же Гамлета, или Шекспира въ монологъ: «Быть, или не быть». Отсюда дълается понятною вся нестройность, вся безтолковость мыслей и поступковъ Гамлета. Знаетъ-ли онъ навърное что-нибудь о себъ, о своемъ отцъ, матери, дяди — вначалъ? Ръшительно ничего. Знаетъ-ли

о своей участи, и думаетъ ли о своемъ будущемъ страдательномъ предназначения? Рашительно нисколько. И въ драмъ, и въ легендъ, и въ жизни, если онъ дъйствительно когда-нибудь жилъ, онъ не любитъ Клавлія по весьма естественной причинт, потому-что онъ отнялъ у него наслъдіе, и людей его окружающихъ, потому-что они всъ глупъе, необразованнъе и бездушнъе его, потому что они всъ льстецы и креатуры его враговъ. «Еслибъ онъ и не узналъ о смерти отца, еслибъ и не вмівшался міръ сверхъестественный въ его бездушность, этотъ принцъ Датскій все-таки не быль бы дъльнье и благоразумнье, говорить Макреди въ своей лекціи: «Такъ-же бы волочился за Офеліей, бъгалъ съ книжкой Цицерона, такъ-же бы чудилъ, привередничалъ и сумасбродствоваль. Конечно, тогда не было-бы и драмы; — но поэтому-то именно — продолжаетъ Макреди: драматическое развитіе безхарактерности этого характера Шекспиромъ и сценическое его воспроизведение актеромъ и должно брать изъ яснъйшаго источника, изъ завътнаго чувства нашего отечественнаго генія — его религіозности и дътскаго върованія въ сверхъестественное. И дъйствительно: я не знаю, что чувствоваль Гаррикъ, Кинъ и другіе, когда является въ первый разъ тънь отца ... Я себъ воображаю, когда являлся самъ Шекспиръ въ этой ролъ ... Мит такъ просто страшно. И испорться механизмъ, который двигаетъ эту тѣнь, или задержись трапъ при ея исчезаніи, я сошель бы съ ума отъ продолжительности непріятнаго ощущенія и неестественности положенія. Эта страшная тінь, хоть и добрая, окаменъла-бы предо мною, вмъстъ съ моимъ разсудкомъ. Остальное я играю, какъ попало. Четыре акта тянутся у меня, какъ тянется жизнь человъка подъ вліяніемъ непреоборимой силы. Я думаю только объ одномъ, какъ-бы не быть изысканнымъ, не важничаю, потому-что это было бы смѣшно. Первое дѣло — не казаться рыцаремъ чести и благородства. Какой-же я джентльменъ, когда кричу: «мышь! мышь!» а между тёмъ лишаю жизни, хоть и очень глупаго, но все-таки человъка ... Перехватываю переписку, подписываюсь подъ чужую руку и участи, которую мнъ готовили, преспокойно подвергаю моихъ товарищей, невинныхъ и неумышленныхъ сообщниковъ заговора. Пускай себъ топять и душать Розенкранцевъ. Я совершенно равнодушенъ и не думаю быть особенно добрымъ и благороднымъ. Тънь отца и за кулисами извиняетъ все въ глазахъ моихъ. Въ сценъ съ матерью я кричу, плачу, нъжничаю, ораторствую ... Вы помните мой спичь къ ней и къ портретамъ, но сердце мое чуждо сыновней любви ... Я все оглядываюсь, озираюсь, боюсь той-же твии, того-же духа. Я

вижу его и все, что ни говорю, что ни дълаю, все подъ вліяніемъ того-же страха, того же гнета міра сверхъестественнаго. А какъ веду я себя съ Офеліей, съ этимъ дивнымъ созданіемъ, этой женщиной Шекспира, которыхъ онъ одинъ только и умѣлъ создавать, что я съ ней дълаю? Какъ съ ней расквитываюсь, чѣмъ отыгриваюсь, чѣмъ плачу ей за ея любовь, преданность, самоотверженіе, отчаяніе, съумасшествіе и смерть, чѣмъ?.. Риторической фигурой, иперболой: «Я ее любилъ, какъ сорокъ тысячь братьевъ любить не могутъ»... Я говорю эту пошлость подъ вліяніемъ того-же самаго духа, того-же сверхъестественнаго міра. И чѣмъ всякій актеръ, по моему мнѣнію, въ этомъ неестественномъ положеніи будетъ проще и закинетъ совершенно ходули за кулисы, тѣмъ онъ будетъ вѣрнѣе и понятнѣе.

«Въ моихъ главныхъ монологахъ, въ особенности: «Быть, или не быть» когда я размечтаюсь, разфразируюсь, тёнь отца меня не оставляетъ. И когда я говорю, «что есть страна, изъ за предъловъ которой не возвращается путникъ» за ее вижу, она стоитъ предо мной, эта тёнь, и Шескпиръ только задаетъ мнё трудную задачу, въ одно и тоже время на словахъ быть скептикомъ, а на дёлё ребенкомъ, котораго запугали нянки ... Да и возможно-ли иначе? Неужели Гамлетъ до того притворяется съумасшедшимъ, что обманываетъ самъ себя, или дёйствительно съумасшедшій въ такой степени, что забываетъ даже главный пунктъ, на которомъ помёшанъ, именно: тёней, мертвецовъ, выходцевъ съ того свёта, — воля ваша, это не въ натурё съумасшедшихъ.

«Мы, англичане, называемъ этотъ монологъ размышленіемъ (meditation) о жизни и смерти». Нѣтъ, этого мало, это не просто медитація, это цѣлый психологическій контроверсъ и не о жизни и смерти только, а именно о самоубійствъ, котораго Шекспиръ не можетъ ни въ какомъ случаѣ допустить, во-первыхъ, по высокому чувству христіанизма и во вторыхъ по вездѣсущности и присутствій міра сверхестественнаго, духовнаго, въ реальномъ. И задумай только Гамлетъ посягнуть на жизнь свою, тѣнь отца удержала-бы его непремѣнно. Поэтому-то и нельзя объяснять болѣзненнаго состоянія души Гамлета — сплиномъ, зная, до чего обыкновенно этотъ сплинъ доводитъ.

Другая бользнь свиръпствуеть въ немъ. Надъ всей драмой въетъ тлетворнымъ дыханіемъ смерти, надъ самимъ Гамлетомъ—замогильнымъ дыханіемъ духа, который при всей добротъ своей, тяготитъ его, давитъ, деморализируетъ и уничтожаетъ. Освобождаясь отъ этого вліянія, хоть на одну минуту, Гамлетъ и думаетъ, и дъйствуетъ, и говоритъ иначе. Онъ дълаетъ пышныя фразы, великолъпныя сентенціи, блещетъ красо-

тами языка и риторики, но снова мысль, сознаніе, ощущеніе присутствія духа—онъ дізается онять ничтожнымъ, жалкимъ, онъ даже недоканчиваетъ річи такъ, какъ началъ, онъ впадаетъ въ тривіяльность. Оттуда фразы въ роді: «ay, there's the rub» ... (э! вотъ гді крючокъ)... или слова въ роді: «quictus» (квитокъ) и «bare bodкіп» (ножичекъ, кортикъ).

«Такихъ у меня возвращеній духа въ одномъ монологъ: «to be, or not to be» пять ... извините, если я, можетъ быть, дурно его читаю: мнъ мъшаетъ духъ» ...

Такъ объясняетъ для себя загаодчный характеръ Гамлета Макреди, и остается върнымъ своему толкованію, отъ начала до конца. Я прибавлю еще къ этому, что боязнь Гамлета, его зависимость и неволя, обнаруживающіяся почти на каждомъ шагу, при игръ Макреди нисколько не кажутся дикими (shocking) въ глазахъ зрителя, потому-что удивительно постоянно и художнически выдерживаются. Тамъ, гдъ Гамлетъ даже злиться на духа, бранить его, называетъ «кротомъ» и проч., Макредии тамъ не кричитъ... а также страдаетъ, мучится подъ тъмъ-же вліяніемъ силы обоятельной.

Въ роляхъ, не столь сложныхъ и фантастическихъ, Макреди еще върнъе и художественнъе.

По возвращении своемъ изъ Южныхъ Штатовъ 1848 года въ Нью-Іоркъ, онъ далъ «Лира».

Лиръ, какъ извъстно, выжившій изъ ума старикъ, дълаеть послъднюю глупость, дёлить свои владёнія за-живо между дочерьми и обдёляеть самую лучшую изъ нихъ, думая, что поступаетъ умно, справедливо, великодушно, а потомъ плачетъ, кричитъ, бъспуется и жалуется на эту глупость и ея последствія-и людямъ, и стихіямъ, и солнцу, и звъздамъ, и тъмъ, которые его гонятъ, и тъмъ, которыхъ онъ самъ выгналь, и добрымъ, и злымъ, и умнымъ и дуракамъ — словомъ, цълому міру, въ продолженіе всёхъ пяти актовъ. Отсюда рядъ прекрасныхъ сценъ, превосходныхъ положеній, Шекспировскихъ монологовъ, декламацій, сентенцій, которые и другой актеръ исполняеть иной разъ и высказываеть очень эффектно, крупно, ловко, подчасъ даже трогательно, но сколько я не видаль, большею частію, въ некоторыхъ местахъ слишкомъ торжественно, а главное черезъ чуръ твердо, и въ экомъ-то главная ошибка. Обыкновенио, вмъсто Лира, мы видимъ неслабаго, стараго владътеля, а какого-то Солимана, который хоть и промахнулся подъ старость, но совершенно еще бодръ и кричитъ такъ, что слушать страшно. Макреди трактуеть эту роль не такъ. Передъ вами

отъ начала до конца старичекъ, который, чрезвычайно какъ натурально и по лътамъ, сердится, горячится, и бодрится, и плачетъ, и стонетъ, задыхается, словомъ, вы видите Лира настоящаго, а не на ходуляхъ, Лира, какимъ создалъ его Шексииръ и какимъ онъ только и могъ быть въ натуръ. И какъ не восхищаться актеромъ, который не имъетъ понятія о томъ, что значитъ рисоваться и кокетничать, который простъ до простоты геніальной, истинной. Макреди говоритъ слова Шексиира, а между тъмъ говоритъ, какъ бы свое собственное. Говоря умно и толково умныя и толковыя вещи, онъ самъ къ нимъ не прислушивается, не нажимаетъ, не насилуетъ, не тащитъ зрителя за уши,—на, дескать, слушай меня, учись и наслаждайся—кушапье хорошее ... У Макреди выходитъ это само собой, естественно и поразительно, такъ, что вдали слышно муху, когда онъ говоритъ, а публика шумная, бурная, словомъ американская, стъснившись, сжавшись, не дыша, почти превращается въ одно ухо, въ одно глубокое вниманіе.

Борьба сохранившейся энергіи съ безсиліемъ и слабостью старика, тоже не безъ эффекта и чуть-ли не большаго, какъ тотъ, который производятъ возрастающимъ крикомъ и всхлипываніями. У Макреди изъ этого контраста выходятъ такія паузы, прерыванія, сокращенные жесты, кашли, шипънія, задыханія, отъ которыхъ ломится театръ и стонетъ публика. Въ сценъ съ Корделіей онъ до того простъ и трогателенъ, что даже грубая натура янки плачетъ и рыдаетъ и какъ бы удивляется своей чувствительности — этой небывалой гостъъ ...

Другой актеръ беретъ роль и играетъ ею, какъ мячемъ, хорошоли, дурно - ли ее онъ понялъ, онъ ее ломитъ, вертитъ и создаетъ по
своему сознанію. Положимъ, что даже всегда выдерживаетъ ее отъ начала
до конца, то есть, всегда бываетъ отъ начала до конца въренъ себъ,
въренъ этому сознанію, но изъ этого выходитъ то, что вы всегда
видите актера, очень хорошаго, положимъ, но ръшительно не видите того,
кого онъ представляетъ. Нътъ иллюзіи, нътъ настоящаго актерскаго
творчества, цъль сценическаго искусства не достигается. Выходитъ какая-то странная смъсь, винегретъ изъ Моровъ, Эдиповъ, Отелло, Оросмановъ, безъ отчетливости въ созданіи и усвоеніи именно такого то
характера. Не таковъ Макреди. Въ «Макбетъ» это еще видимъе,
яснъе. Въ Макбетъ не узнаешь его, даже до перемъны въ голосъ, особливо, если смотришь послъ Лира. Но прежде о самомъ Макбетъ, —
по Макреди.

Большая часть актеровъ, которыхъ довелось мив видеть, между прочими Девріеня въ Гамбургъ, понимаютъ и трактуютъ Макбета такъ:

Макбетъ храбрый, именитый вождь и при этомъ честолюбивый. Убійствомъ своего благодътеля, на которое подстрекаетъ его жена, добивается своей цъли. Чтобъ упрочить власть за собой, онъ убиваетъ еще вождя Банко, который ему страшенъ и какъ достойный соперникъ, и какъ человъкъ, которому вмъстъ съ нимъ въдьмы или колдуны предсказали одному, то есть, Макбету, быть владътелемъ, другому, то есть, Банко, что его дъти будутъ преемниками. У хищника и убійцы, какъ водится, неспокойно на душъ. Все мерещатся тъни убитыхъ и тревожатъ его совъсть раскаяніемъ и страхомъ. Въ уничтоженіе послъдняго, Макбетъ узнаетъ отъ тъхъ-же самыхъ въдьмъ, что побъдятъ его не прежде, какъ двинется съ мъста «Бирманскій лъсъ» и погубить его рука такого только человъка, который явится необыкновеннымъ образомъ... Жди когда это будеть, и Макбеть спокоень. Но не надолго. Шекспиръ умълъ сдълать, что и Бирманскій ліст пошель, что и такой человікть явился... И Макбетъ, убъдившись, что въдьмы обморочили его чисто каламбуромъ, приходитъ въ отчаяніе и принимаеть достойную смерть отъ руки make and a regarded of the partition of Макдуфа.

Такъ понимали Макбета всъ актеры, мною видънные до Макреди. Разумъется, вслъдствіе этого понятія, каждый изъ нихъ являлся вождемъ-молодцомъ отъ начала до конца пьесы. Всъ они преэффектно говорили «монолого къ кинжалу». Превеличаво трактовали владътеля въ первомъ актъ, а потомъ вождей въ послъдующихъ. Распоряжались по свойски съ въдьмами и даже заганивали леди Макбетъ, свою наставницу и профессорту въ злодъйствъ. Рвали ей шлейфъ, наступали на ноги, трепали и дергали, словомъ, неистовствовали. Кто имъ былъ не братъ, не только что тънь Банко ... Впрочемъ, все это выходило очень кругло, по главное, важно и гордо ... Зрители невольно располагались къ этимъ великимъ героямъ и молодцамъ-тріумфаторамъ. Очепь многимъ апилодировали, иныхъ вызывали. И дъйствительно, они играли очень эффектно, только не Макбета, а какую-то новую кашу изъ всъхъ прежнихъ ролей, ихъ-же стряпни. Не такъ понимаетъ Макреди Макбета и не такъ его передаетъ.

«Макбетъ точно герой, и по его митнію, но до первой встртчи съ колдуньями, а встртча эта въ четвертой сцент перваго акта; стало быть, какъ мало и какъ недолго ему геройствовать... При третьемъ салютт третьей втдьмы: «Да здравствуетъ Макбетъ, будущій владттель Шотландіи!» все перевертывается въ головт и душт этого человтка. Прощайте война и побъда, прощайте слава и мужество, прощайте доблесть геройская и преданность къ своему благодтелю. Танъ Гла-

михскій, танъ Кавдорскій — титла столь почетныя, не льстять ему, онъ думаетъ выше, онъ мечтаетъ о власти. И отнынъ цъль его, къ достиженію которой всь средства, самыя ужасныя, гнусныя, отвратительныя, - равно ему пригодны Тотъ-ли это теперь, конечно честолюбивый и прежде, но все-таки благородный, доблестный Макбетъ? Нътъ. А отчего? отчего эта перемъна? Оттого, что сверхъестественная сила вмѣшалась въ его участь, оттого, что духъ зла позавидовалъ его величію, славъ, добродътелямъ и чистотъ нравственной, и ръшилъ — погубить его. Оттого, что этотъ духъ ищетъ и нахоходить свои жертвы вездъ. Нынче онъ сводить съ ума несчастнаго рыбака кладомъ, завтра сбиваеть съ толку какого-нибудь Макбета химерой власти. Такова философія Шекспира, таковы выводы изъ того-же «Макбета», изъ ръчей въдьмъ, бесъдующихъ между собою въ первой сценъ. И съ этимъ мгновеніемъ подчиненія Макбета сверхъестественной силь, изчезаеть вся его самобытность. Отнынь этотъ сильный, могучій человъкъ — ничтожная, готовая на все жертва злаго рока. Злодъйство совершается быстро, въ первомъ же актъ, потому-что демонъ очень хорошо знаеть, что значить медлить и откладывать въ этомъ случав, потому что онъ помнитъ слова самаго Макоета, вырвавшіяся у него въ первой съ нимъ встръчъ, въ первомъ знакомствъ: «если хочетъ судьба, чтобъ я властвоваль, такъ пусть сделаеть это безь моего домогательства». Вздоръ! молвитъ демонъ и въ первомъ-же актъ приводитъ его благодътеля переночевать въ его замкъ, напускаетъ на него жену, воплощенную искусительницу честолюбія и наконецъ увлекаетъ его совершенно видъніемъ кинжала, который манитъ, тянетъ его за собой въ спальню гостя, къ постелъ, къ подушкъ. И страшное дъло совершается. Вы видите, что Макбетъ убійца почти по неволь, но вы это еще лучше поняли-бы, еслибъ взглянули на Макреди, въ этомъ монологъ, въ этой сцень. Когда онъ сказаль жень, что рышился, онъ идетъ сначала почти машинально, не трагически, не геройски, а потомъ, какъ убійца, осторожно и припирая за собою дверь ... Вся эта борьба роковаго съ самобытнымъ, человъческаго съ сверхъестественнымъ, высокаго съ омерзительнымъ и выдерживается имъ съ окончательностью, подробностями неимовърными. Въ предшествовавшихъ сценахъ съ владътелемъ, съ вождями, Макбетъ, то есть, Макреди, разсчитываетъ себя такъ-же умно и художнически. Онъ удивительно въжливъ и почтителенъ, но не притворенъ. Благодаренъ въ высочайшей степени, но какъ-то разсъянно и какъ будто не о томъ думая. Въ сценъ съ женой чего не вытерпливаетъ, не выслушиваетъ онъ, но опять таки, безъ грубости и безъ

низости, словомъ—видишь Макбета, но уже не яркаго, не блистательнаго, безъ колорита, Макбета помраченнаго. Это все еще сталь, но потускивымая, на которую дохнули оржавливающею сыростью.

«Что и дълается изъ Макбета, когда достигъ онъ того, чего искаль? Въ немъ даже нътъ и дерзости хищника. Въ сценъ съ убійцами, онъ ничтоживе этихъ убійцъ, онъ самъ не знаетъ, что говоритъ, и вмвсто того, чтобъ просто приказать имъ убить Банко, онъ учитъ ихъ этому самымъ безхарактернымъ образомъ. Онъ хочетъ возбудить въ нихъ ненависть къ нему Онъ даже ръшается имъ сказать: «Разите Банко, врага моего и вашего». Натурально-ли то? Но какое дъло: такъ хочетъ Шекспиръ, который вовсе не думаетъ о сохраненіи достоинства и приличія и который бьеть на одну только слабую струну встхъ преступниковъ -- ихъ въчныя опасенія, ихъ боязливость, ничъмъ не убаюкиваемую, ничемъ незаглушаемую, боязливость, которая готова передушить все человъчество, не исключая и вновь родившагося ребенка, потому что и тотъ, подросши, будетъ опаснымъ для него мстителемъ; а тутъ еще присоединяется предсказаніе, что не Банко, а дъти его преемниками Макбета, — такъ бей и Банко, и сына его Фаенца. Словомъ, Шекспиру нуженъ невольный исполнитель демонскаго навожденія и въ этомъ случав Макбетъ только-что хорошій работникъ, а Макреди геніальный актеръ, его проявитель.

Въ сценъ за пиршествомъ, съ тънью Банко, волосы становятся дыбомъ. Переходы отъ страха къ насмъшкамъ и къ хваствовству, отъ испуга къ бъшенству и отчаянію, отъ минутнаго помъшательства и бреда къ сознанію — гдъ онъ, что онъ и съ къмъ онъ, разсчитаны върны и въ тоже время такъ естественны и не натянуты, что невольно становишься въ положеніе Макбета и видишь вмъстъ съ нимъ не размалеванную, безмолвную фигуру живаго статиста, словомъ, не театральную тънь, а тънь настоящую, тънь страшнаго, грознаго, неумолимаго Банко. Превосходно! неподражаемо! ...

«Чъмъ дальше идешь по пути злодъйства, тъмъ больше въ него втягиваешься. Хоть Макбетъ и говоритъ своей женъ: «Да ... Пойдемъ, пойдемъ заснуть ... Моя быда въ томъ, что я новичекъ въ этомъ дыль ... Я не загрубылъ еще въ злодыйствь ... Выдь мы съ то бой еще дыти ... не правда-ли ... въ подобныхъ преступленіяхъ? .. Но развъ вы не слышете, что въ устахъ человъка, терзаемаго совъстію, это насмъшка, пронія—самая злая, и надъ собой и надъ своей миледи »?.. О, какъ понимаетъ это Макреди и какъ даетъ чувствовать зрителю.

«Съ смертью Банко, съ ниршествомъ, съ концомъ третьяго акта оканчивается фактическая драма и начинается собственно романтическая, которой творцемъ былъ Шекспиръ и которую онъ одинъ только и умълъ вести съ интересомъ и геніальною оригинальностью.

«Вы видите на сценъ двухъ какихъ-то лунатиковъ. Одного настоя-Макбетъ, которая дъйствительно страдаетъ жену, леди этимъ недугомъ и по ночамъ, безъ сознанія, въ припадкахъ лунатизма, живеть, своей тяжелою, внутреннею жизнью, преслъдуется, мучится своими страшными мыслями, раскаяніемъ, тоскою, кровавыми призраками; беспретанно моетъ свои руки, но не можетъ смыть кровавыхъ пятенъ убійства. Стонетъ сама, но не можетъ заглушить стоновъ жертвъ, воніющихъ о нощадъ. Другой лунатикъ — самъ Макбетъ. Онъ только лунатикъ денный, произвольный и съ сознаніемъ. Онъ тоже бродить, какъ тънь, страдаетъ, мучится, борется съ угрызеніями совъсти, мечтаетъ старыя злодъйства заглушить новыми, облекая все это самою ложною философіею, самою ядовитою насмъшкой и ироніею. двухъ теней, крутится, действуеть, кощунствуеть, смется, играеть словами толна другаго міра тъней — міра сверхъестественнаго. И какъ полна, жива, оригинальна картина ихъ торжества и удачи, какими ръзкими красками онъ обрисованы, какъ разителенъ этотъ контрастъ ужаса, рока, сверхъестественнаго съ насмъшками, загадками и шутками, которыми онъ доводять обреченную ими жертву до окончательной ея ги-Контрастъ этотъ отражается невольно и въ самомъ Макбетъ. Среди кровавыхъ своихъ призраковъ, среди тревожнаго, судорожно-болъзненнаго существованія — онъ тоже шутить, но какъ шутить:

«Теперь во мив и мысли нвть о страхв ...
Воть прежде такь другое двло ... Бывало, —
Морозь по кожв — крикнеть лишь сова,
Съ пспуга самаго пустаго, дыбомъ становился волось ...
Теперь я не таковъ ... Я ужинаю вмъстъ съ мертвецами ...
И сыть оть прежнихъ страховъ ... Я ихъ не боюсь ...»

«Единственный товарищъ жизни и всѣхъ тяжкихъ тайнъ его умираетъ. Но это извѣстіе не вызываетъ отуманеннаго Макбета отъ его страшнаго коснѣнія. Онъ холодно выслушиваетъ вѣсть о смерти жены своей. Смерть эта, по его соображенію, случилась только не во-время ...

«Какъ будто бъ невозможно было, въ другую пору умереть миледи ... Для новости такой всегда нашлось бы время» ... И заканчиваеть этотъ наивный репримандъ и случаю, и миледи самой саркастической выходкой.

«Макбетъ истощается видимо. Пора ударить его последнему часу, пора духу зла развязать комедію, которой Макбетъ самая смешная и жалкая жертва. Бирманскій лёсь идетъ ... Мститель является ... Макбетъ все это слышитъ, видитъ, беснуется, скрежещетъ, по уже поздно. Онъ ничего не можетъ сделать, возврату нётъ, остается одна лишь смерть, но и та не быстрая, не произвольная:

«Не римскихъ дураковъ, которые на мечь свой собственный бросались»...

REPORTED TO THE PROPERTY OF THE STREET OF THE STREET, AND THE STREET OF THE STREET, AND THE ST

какъ говоритъ самъ Макбетъ, а смерть заслуженная, терпъливо ожидаемая отъ мстителя, предназначеннаго судьбою. Смерть такая, какой Шекспиръ обыкновенно наказываетъ въ своихъ драмахъ, смерть поучительная, соотвътствующая его религознымъ понятіямъ».

Макбетъ умираетъ, пораженный мечемъ Макдуфа, но умиаетъ такъ, по милости Макреди, что невольно видишь въ немъ такого человъка, который родился быть великимъ и былъ бы имъ можетъ быть, еслибъ не проклятыя въдъмы ... Въ одну только послъднюю минуту Макреди выростаетъ, высится, хотя и стоя на одномъ колънъ, но умираетъ величаво и истимно по геройски.

Я выходиль изъ театра въ какомъ-то забытьи, какъ бы изъ гостей отъ самаго Шекспира, послушавъ его ръчей и суда о его-же Макбетъ.

Я не думаю, чтобы самъ Шекспиръ могъ что-нибудь прибавить къ анатомическимъ изученіямъ Макреди и въ чемъ-бы то ни было поправить его игру, истинно художественную. Обдѣленный природой, какъ я сказалъ выше — видишь ясно, что онъ взялъ все умомъ и наукой, безъ всякаго шарлатанства для искусства. Наука Макреди еще болѣе обнаруживается въ античныхъ драмахъ Шекспира, въ «Коріоланѣ,» «Периклѣ», «Андроникѣ», «Цезарѣ», гдѣ чуешь знатока классической литературы, какихъ и въ Англіи не много. И если дѣйствительно справедливо, что Шекспиръ не зналъ ни римлянъ, ни грековъ, по-латыни и по-гречески,

то тамъ, гдъ геній только-что угадываетъ, мастеръ и знатокъ доканчи-чиваетъ и дъйствуетъ на-върное.

Въ роляхъ, гдъ требуется болье силы и энергіи, словомъ, больше средствъ матадорскихъ, какъ, напримъръ, въ«Отелло», Макреди видимо слабъ, но слабъ матеріяльно, физически. Да и Шекспиръ создалъ этотъ характеръ, именно, для какого-то негра изъ племени Биби, которые, въ припадкахъ ревности, бъгутъ въ горы, уносятъ дътей своихъ и со злости ъдятъ ихъ живыми. И есть артисты, которые угождаютъ Шекспиру и похожи на Биби. Макреди гораздо лучше въ ролъ Яго. Тутъ есть больше пищи для ума, для его находчивости, сметки, утонченности, мастерства, скажу даже, для его доброты сердечной и честности личной, потому что ужъ конечно никто такъ не представитъ злодъя, какъ добрый и подлеца, какъ честный, — эта стачка крайностей понятна для всъхъ.

Какъ великій актеръ, Макреди ограничивался нъсколькими ролями и не хватался за всякую пустошь, которую, можетъ быть, ему иногда и подставляли. Это второй Рубини, который двадцать пять лътъ пълъ семь оперъ, но пълъ ихъ, какъ никто и сошелъ со сцены, устоявъ отъ искуса новизны и во-время.

Много, конечно, помогло Макреди и изученіе въ оригиналь такого автора, какъ Шекспиръ. Посль образованія, необходимаго для его уразумьнія, самъ Шекспиръ дълается уже цьлой энциклопедіей души и ума человьческаго. Представьте-же актера, который знаетъ и читаетъ върно каждую букву этого сердечнаго лексикона, этой библіотеки Озимандія, сколько у него выгодъ передъ другимъ актеромъ, который читаетъ туже грамоту, но въ крошеной прозъ, или кашъ какого-нибудь перевода.

Одно для меня непонятно и что подсказало мив начало этой статьи, — какимъ образомъ такой замвчательный талантъ, такой рвдко отчетливый и поучительный актеръ, такъ мало былъ извъстенъ и у насъ, и въ Европъ? Положимъ, что мы, по прежнему, знаемъ все еще только возвъщенное нъмцами и французами, но какъ-же сама Европа, какъ Франція, которая вылечилась уже отъ своей бользни самодовольствія, отъ предубъжденія, что она одна только и представительница всего умнаго и изящнаго, Франція, которая равно привътна ко всякому замвчательному явленію міра ученаго и художественнаго и чужой

страны, которая, наконець, теперь и дружнье и знакомые съ Англісю во всыхь отношеніяхь, какъ она умолчала о Макреди и не указала ему почетнаго мыста въ семьы истинныхъ сценическихъ дарованій, которыхъ и безъ того такъ мало?

На Англію, хоть дѣло идеть и о знаменитости ея собственной — надежда илохая. Она въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно отдѣлывается спичами не къ мѣсту и не къ дѣлу и жирнымъ обѣдомъ. И Макреди, окончивъ свое поприще въ прошломъ году, получилъ сполна и то, и другое. За дватцати пяти-лѣтнюю артистическую службу, чтожъ приличнъе: «mutton chops» въ награду...

A CONTROL OF THE PROPERTY OF T

to secundar managaration and successive and an expension of the property of the secure of the secure

stati a region presentation de la company productiva de la contractiva de la company d

rother outsites and selection of the sel

- November 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1 - November 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1 November 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990 - 1990

CONTRACTOR OF THE PARTY OF THE

anne application and the state of the state

THE PERSON OF STREET, SAME AS A PERSON OF THE PERSON OF TH

письма о музыкъ.

a diliberation pure a reason I.

КЪ ОДНОЙ ДАМЪ, ПО СЛУЧАЮ ОРАТОРІИ ГАЙДНА.

Вы убхали въ деревню на другой день послъ концерта Филармоническаго Общества; между-тъмъ я считаю себя въ долгу передъ вами. Нъсколько замъчаній, сдъланныхъ вами о музыкъ Гайдна и о впечатлъній ея на васъ, вызвали во мит нескончаемую вереницу возраженій; но въ концертъ нельзя-же было бесъдовать и спорить, особенно во время исполненія самой ораторіи. Вы не дождались ея конца, не дослушали удивительнаго хора, которымъ заключается первая часть «Сотворенія міра»: по прим'єру многихъ другихъ, вамъ было легче отказаться отъ восхитительныхъ звуковъ Гайдна, чемъ прождать несколько минутъ лишнихъ при разъйзди! — Признаюсь, отъ васъ я этого не могъ ожидать. Мнъ это было больно, какъ-будто лично мнъ сдъланиное оскорбленіе. Зная мою ретивость въ отношенія всего, что касается до истинной музыки и ея истиннаго впечатлініи на тіхь, чье духовное развитіе мит знакомо, возбуждаетъ мое сочувствіе, вы нисколько не удивитесь, что я ръшился преслъдовать васъ своими толками даже — въ деревиъ. Съ нъкоторой стороны я даже радъ, что мнв и объ этомъ предметв пришлось беседовать съ вами письменно — и именно теперь, когда въ своемъ тихомъ, уединенномъ, скучноватомъ уголкъ вы немножко съ большимъ вниманіемъ пробъжите мои строчки, чёмъ въ Петербургъ, въ въчномъ чаду развлеченій и — для васъ — довольно тягостныхъ обязанностей свътской жизни.

Вы знаете мое правило: никогда не пускаться въ толки объ исскуствъ съ людьми, чуждыми искусству и нисколько ему не сочувствующими. Вы можете быть увърены, что если кто – нибудь изъ незнакомыхъ или полузнакомыхъ сказалъ-бы мнъ по случаю Гайдновой музыки что-нибудь въ родъ того, что вы мнъ сказали въ концертъ, я всъ свои возраженія оставиль-бы при себъ. Но съ вами мы уже не разъ и не мало бесъдовали о музыкальныхъ предметахъ: если и до сихъ поръ частенько встръчается между нами разногласіе,— то я всегда очень радъ ему. Оно вызываетъ новые толки, новые бесъды — а толковать о предметъ, которымъ весь наполненъ — это живое, высокое наслажденіе.

Вы были мало знакомы съ ораторіей «Сотвореніе міра». До этого концерта вы знали изъ нея отрывки, исполняя ихъ на фортеньяно въ четыре руки (по весьма не завидной аранжировкъ г-на Черни). Наслышавшись однако много о чрезвычайныхъ достоинствахъ этой музыки, вы — какъ мив показалось съ самыхъ первыхъ нумеровъ ораторіи были какъ-будто обмануты въ ожиданіяхъ. Черезъ нѣсколько времени вы даже и высказали свое мивніе, что эта музыка во многомъ не отвъчаетъ составленному вами идеалу ораторіи «Сотвореніе міра», что эта музыка во многомъ какъ-то слаба, безцвътна, недовольно эффектна для нашихъ нынъшнихъ ушей, отъ безпрестанныхъ фугъ — иногда до вольно суха и не достаточно грандіозна, не довольно согласна съ широкой, поэтической задачей сюжета. Постараюсь показать вамъ, правы ли вы, и, если правы только отчасти, то въ чемъ, и на сколько именно. Прежде всего вы, конечно, согласитесь со мною, что на одинъ и тотъже предметъ можно смотръть съ безчисленно-различныхъ сторонъ, что одна и таже поэтическая идея можетъ быть схвачена и выражена совершенно различно каждымъ художникомъ — все зависитъ отъ ихъ личнаго воззрѣнія на свою задачу — воззрѣнія, которое находится въ ближайшемъ отношении къ силъ таланта и воспримчивости каждаго художника, и условливается, сверхъ того, средою, въ которой онъ живетъ и работаетъ. Еще ни одинъ художникъ, — какъ-бы ни быль могучь его геній, — не могь освободиться совершенно оть вліянія народности и духа времени. Я надъюсь, что вы не пріищете возраженій противъ этихъ простыхъ и всёмъ извёстныхъ истинъ. Вы занимались живописью: образцовыя картины всёхъ школъ вамъ довольно извъстны, если далеко не всъ въ подлинникахъ или върныхъ копіяхъ, то по крайней мъръ, навърно всъ лучшія извъстны по гравюрамъ и очеркамъ этого довольно, когда дёло идетъ о сочиненіи, «компановкё» картины. Возьмите, напримъръ, сюжетъ «Всемірнаго потопа», припомните, какъ онъ изображенъ Рафаэлемъ, въ ложахъ ватиканскихъ; Пуссенемъ — въ небольшой картинъ (le Déluge), — потомъ французскимъ-же живописцемъ Жироде (Girodet), - англійскимъ фантастическимъ живописцемъ Мэртиномъ (Martin) и нашимъ Бруни. Изъ безчисленнаго множества картинъ на этотъ сюжетъ я привелъ только тъ, которыя мив прежде другихъ вспомнились.) Какъ своеобразна концепція сюжета въ каждой изъ этихъ картинъ, сравнительно съ другими! Въ нихъ одно общее: самая задача, какъ основная идея — все прочее совершенно различно. И какъ всегда — на сторонъ прежнихъ, старинныхъ мастеровъ: простота, наивность созданія; — на сторонъ современныхъ: смълость фантазіи и стремленіе къ возможно большей исторической върности или, по крайней мъръ, къ правдоподобію. Но при оцънкъ внутренняго достоинства художественнаго произведенія должны приниматься за главныя качества не это стремленіе къ исторической върности и мъстному колориту — успъхъ въка, обратившійся въ его бользнь — и не цсканіе всьхъ способовъ возбудить удивленіе, поразить эффектомъ, неожиданною смълостью фантазіи а что-же? степень красоты, которою владветь художникъ въ своихъ произведеніяхъ. Все прочее — прикладныя достоинства къ этому главному. Чемъ больше въ картине истинной поэзіи, то есть, красоты, тъмъ и картина лучше, выше, не смотря на ея неэффектность въ сравненіи съ новъйшими, не смотря на анахронизмы и на дътскую для насъ наивность концепціи.

Наше время — въкъ злоупотребленій эффекта во всъхъ искусствахъ. Художники забывають великую истину, что чемъ меньше средствъ употреблено въ произведении и цъль его достигается вполнъ, тъмъ произведение выше. Васъ въ живописи и въ музыкъ избаловала столько любимая посившними художниками яркоцветность, пестрота и отчаянно. ръзкіе контрасты. Эти современныя, модныя стороны художественныхъ произведеній портять искусство, потому что больше и больше отдаляють его отъ «высокой простоты» — безъ которой нътъ истинной поэзін! Избалованное современное ухо, избалованный глазъ не находять своей привычной пищи въ произведеніяхъ прежнихъ великихъ мастеровъ — оттого эти произведенія принимають видь какой-то блёдности, безцвътности, не удовлетворяютъ современнаго вкуса. Картина Рафаэля или Пуссена, конечно, не можетъ быть эффектна въ сравнении съ картинами, напримъръ, новъйшей французской школы: она должна показаться бледна и безцветна; оркестръ Глука, Моцарта или Гайдна какъ-будто безцвътенъ въ сравнении съ яркимъ оркестромъ Россини — и ръшительно слабъ въ сравнении съ громами Мейербера и Верди. Но легко доказать, что въ шумъ и блескъ внъшняго эффекта нельзя искать настоящихъ усивховъ современнаго искусства. Напротивъ, яркая эффектность—злоупотребленіе, художественное противодъйствіе, противъ котораго уже

зарождается и черезъ нѣсколько десятк въ лѣтъ совершится непремѣнно. Пора наконецъ опомниться и увидъть, что большая и большая яркость красокъ, ръзкость контрастовъ низводятъ живопись до ближайшаго соприкосновенія съ малеваньемъ комнатнаго декоратора—и что параллельныя этому стремленія въ музыкъ-эти пресловутыя нововведенія Верди и компаніи, изъ музыки дълають какое-то особенное ремесло, совершенно параллельное искусству маляра — и почти ничего не имъющее общаго съ тъмъ высокимъ искусствомъ, которое до нашего времени называлось музыкой. Но теперь не о томъ рѣчь. Я коснулся этихъ новъйшихъ заблужденій только для того, чтобы показать вамъ, отчего ораторія Гайдна могла вамъ показаться ифсколько блідною въ ея общемъ на васъ впечатльніи. Туть виновать не Гайдиъ, а виновата ваша нынъшняя избалованность въ отношеніи искусства. Вы привыкли искать эффектовъ — а тутъ авторъ вовсе и не думаль объ нихъ, свободно распоряжаясь основнымъ поэтическимъ элементомъ — красотой мысли и ея выраженія. И припомните, какой восхитительней красотой проникнута каждая фраза ораторіи. Красота — вездъ: въ мелодической мысли, въ сопутствующей ей гармоніи, въ употребленіи голосовъ и оркестра. Здѣсь все задумано и исполнено на службу красотѣ — единственная цъль искусства. Миъ обидно становится только, отчего на васъ не подъйствовала эта красота Неужели въ самомъ дълъ великій Гайднъ, съ своимъ кроткимъ, мирнымъ, нъсколько идиллическимъ направленіемъ, съ своимъ въчнымъ гомерическимъ спокойствіемъ — въ наше время уже не можетъ встрътить такой симпатіи, того восторга, съ которыми слушались его дивные звуки за пятьдесять льть? Какъ-же нослѣ этого еще разъ не «помянуть лихомъ» тѣхъ художниковъ, шарлатанскому направленію которыхъ мы обязаны всеобщею испорченностью вкуса! Возвратится-ли когда-нибудь въ искусствъ эта простодушная Гайдновская красота? Или покинувъ землю, какъ богиня Астрея, она уже навсегда отвергнулась отъ осиротъвшихъ смертныхъ? Быть можеть, въ наше время многія стороны искусства разработываются съ большимъ успъхомъ; быть можеть, и теперь уже въ сравнении съ Гайдновскимъ временемъ, музыка кое въ чемъ ушла впередъ; но отсутствіе того элемента искусства, котораго никакіе другіе усп'яхи вознаградить не въ состояніи, — дълается замътнъе чуть не съ каждымъ днемъ и будущность искусства не представляетъ ничего утъшительнаго, кром'в разв'в — зари той реакціи, о которой я уже говорилъ.

Если въ чемъ можно признать дъйствительный успъхъ нашего времени въ области изящнаго, это въ возможно большей разумности воспринятія (концепціи) художественныхъ произведеній. Огромная начитанность нынъшнихъ художниковъ, свъдънія, которыя имъ предлагаетъ разработка историческихъ матеріяловъ, совершенное измѣненіе современнаго взгляда на предметы, до которыхъ въ прежнее время критика не дотрогивалась, все это вивств не позволяеть художникамъ приступать къ своимъ созданіямъ такъ дътски-наивно, какъ прежде, заста вляеть ихъ поминутно быть на-сторожъ противъ анахронизмовъ, противъ исторически невърнаго или испорченнаго преданіемъ взгляда на предметъ. Когда Рафаэлю нужно было (въ ватиканскихъ ложахъ) помъстить. неразлучныхъ спутниковъ патріархальныхъ евреевъ — верблюдовъ, онъ, никогда въ жизни не видавъ этихъ южныхъ животныхъ, нисколько не призадумался начертить какихъ-то уродливыхъ лошадей, съ длиннъйшими шеями и горбами на спинъ. Верблюдовъ, конечно, не вышло, но Рафаэлю до этого мало было дъла. Забавные промахи итальянскихъ и еще больше фламандскихъ живописцевъ на счетъ костюма и всей обстановки дъйствія въ ихъ картинахъ слишкомъ извъстны. А въ наше время Брюловъ въ свеей Помпев, «улицу гробницъ» писалъ съ натуры, съ натуры-же у него каждый камень, каждая ничтожная подробность. Горасъ Верне въ сценахъ библейскихъ копируетъ во всей точности бытъ нынъшнихъ кочующихъ арабовъ, безъ сомнънія чрезвычайно близкій къ натріархальному быту евреевъ въ древнія времена. Въ музыкъ костюмъ и обстановка не такъ непосредственны, какъ въ живописи; -- въ музыкт они выражаются тъмъ, что теперь принято называть мъстнымъ колоритомъ, отнечаткомъ той или другой земли, того или другаго народа, въ извъстную эпоху его жизни. И натурально, что въ наше время «мъстный колоритъ» играетъ и въ музыкъ столь - же важную роль, какъ въ живописи и въ сценическомъ искусствъ. Въ концъ прошлаго въка мъстный колоритъ еще не игралъ никакой роли въ музыкъ. Юное это искусство, развиваясь такъ быстро въ техническомъ отношенін, дълая такіе огромные успъхи благодаря каждому изъ своихъ геніальных в деятелей, — а ихъ въ XVIII стольтіи было не мало развитіемъ технической стороны захватывало всю дъятельность художниковъ и, кромъ Глука и нъсколько позже Керубини и Мегюля, ни одинъ изъ композиторовъ тогдашнихъ не думалъ о воплощени въ своемъ искусствъ взгляда философски-поэтическаго, не заботился нисколько о върности воспринятія сюжета съ исторической или съ какой-нибудь другой общей стороны. Собственно — музыкальный интересъ для Генделя, Баха, Моцарта и Гайдна составляль первъйшее условіе ихъ творчества, которое они и не могли подчинять требованіямъ, возникшимъ въ

искусствъ только въ позднъйшее время. Притомъ-же не надо забывать, что Моцарть и Гайдиъ были художники-Ифмцы, а въ этомъ народъ и въ наше время всего больше встръчается людей спеціалистовъ, посвятившихъ всю свою жизнь одной наукъ, одному искусству или даже одной сторонъ науки, одной сторонъ искусства — и оставшихся достаточно-неразвитыми во многихъ другихъ отношеніяхъ. Сколько мит случалось, напримтръ, видтть Нтмцевъ, записныхъ любителей музыки, но исключительно «инструментальной», съ «презръніемъ отзывающихся о пъніи: «Die Sängerei lieben wir nicht; geben sie uns ein Quartett von Spohr, das ist wahre Musik!» Какъ-будто пъніе-- не музыка! Какъ часто можно встрътить между Нъмцами музыкантовъ, чрезвычайно свъдущихъ въ своемъ дълъ и съ практической и съ теоретической его стороны, и довольно невъжественныхъ, напримъръ, въ литературъ, въ наукахъ естественныхъ. Можно сказать даже, что начитанный человъкъ между Нъмцами-музыкантами большая ръдкость. При такой наклонности народа къ одностороннему развитію той или другой спеціальности, ясно, что даже и въ самыхъ геніальныхъ организаціяхъ, каковы были Моцартъ и Гайднъ, могло существовать неравновъсіе между развитіемъ техники искусства, знаніемъ дъла — и развитостью понятій со всёхъ другихъ, безчисленныхъ сторонъ, связь которыхъ съ музыкою въ то время еще не казалась столько неразрывною, какъ въ наше время. Моцартъ и Гайднъ -- современники Шиллера и Гёте, но въ то времи музыка, въ отношении концепции, далеко отставала отъ поэзіи. Глядя съ этой точки, мы увидимъ, почему Моцартъ довольствовался для своихъ безсмертныхъ оперъ такими плохими текстами, какъ либретто «Донъ-Жуана» или «Волшебной флейты». Требованія его въ отношеніи либретто были несравненно ограничените, чъмъ, казалось-бы, необходимо для такого композитора, судя по нашему. Такъ и Гайднъ: въ простотъ сердца задумалъ написать ораторію на предметь, который съ многихъ сторонъ отвъчалъ постоянному настроенію его души, нисколько не мудрствуя — какъ-бы нынъшній композиторънадъ тъмъ, долженъ-ли подобный предметъ быть выраженъ искусствомъ звуковъ, отвъчаетъ-ли онъ требованіямъ музыкальной поэзіи и такъ далъе. Мнъ кажется, что вообще направление Гайднова творчества было — эпическое. Драматизмъ ему былъ почти недоступенъ. Кромъ того, что изъ многихъ написанныхъ имъ оперъ ни одна не извъстна иначе какъ только по имени, въ его ораторіяхъ нъть и следовъ драматизма. Всв его двиствующія лица не имбють никакого своебытнаго характера. Всв лица въ «Сотвореніи», — Симонъ, Лука, Анна м

крестьяне въ «Четырехъ временахъ года», поютъ безлично, разсказываютъ или славословятъ величіе Божіе — почти одинаково. То есть, нигдъ не видно, что тъ безплотные духи просто и первые люди — а эти германскіе поселяне. Но и въ той и въ другой ораторіи постоянно въеть на слушателя кроткое, мирное воззрѣніе на природу, одному Гайдну свойственное во всей области музыки. Этому эпическому настроенію души Гайдновой, въ соединеніи съ его глубоко-религіознымъ чувствомъ, далекимъ отъ всъхъ мудрствованій, очень отвъчаль такой предметь, какъ разсказъ о чудесахъ шестидневнаго творенія. Не забудьте еще, что въ Гайдново время была очень въ ходу музыка по преимуществу «изобразительная», то, что Нъмцы характеристически назвали: «Tongemälde.» Гайднъ, не смотря на свою геніальность, подъ вліяніемъ духа времени, питаль къ этой изобразительной музыкъ побольше пристрастія, чъмъбы слъдовало. Философія музыки, и въ наше время еще не установленная въ видъ ученья положительнаго, но уже довольно ясно сознаваемая, отводить изобразительной музыкъ въ области всего искусства звуковъсамый скромный уголокъ, въ родъ того, который занимаетъ въ поэзіи звукоподражаніе. Гайдиъ смотръль на изобразительную музыку иначе, чёмъ мы смотримъ. Оттого считалъ очень возможнымъ «изобразить» звуками повъствование о мірозданін — рядомъ небольшихъ музыкальныхъ картинъ, съ тъмъ чтобы онъ были перемъшаны съ гимнами во славу Творца, болъе или менъе торжественными, смотря по предмету славословія.

Либретто ораторіи, составленное барономъ Фанъ-Свитеномъ — по примъру Мильтона, влагаетъ повъствование о шести дняхъ творения въ уста духовъ безплотныхъ, беседующихъ въ Эдеме съ Адамомъ и Эвой. Славословить — хоръ ангеловъ, иногда въ соединении съ повъствующими (солистами). Въ третьей части ораторіи, по окончаніи разсказа о шести дняхъ — изображается утро въ Эдемъ, Адамъ и Эва присоединяются къ хору ангеловъ въ утрениемъ гимнъ во славу Творца. Въ этомъ гимнъ, Адамомъ и Эвой поочередно перечисляются чудеса мірозданія хоръ славословить. Затъмъ слъдуетъ дуэть Адама и Эвы — выраженіе взаимной любви. Оканчивается ораторія торжественномъ гимномъ (въ сожальнію пъсколько слабъйшимъ противъ финаловъ первыхъ двухъ частей). Касательно плана ораторін — можно упрекнуть автора либретто за нъкоторую монотонность, однообразіе въ распредъленіи арій и хоровъ. Что же касается самаго текста, то его нъсколько трудно разбирать критически теперь, когда каждая его строчка слилась съ восхитительными формами Гайдновой музыки. Но отвлекшись, по возможности, отъ

ея красотъ, нельзя не увидъть въ текстъ бездны промаховъ противъ поэзіи.

Въ аріи сопрано (Gabriel), въ первой части, гдѣ говорится о созданіи растеній (Nun beut die Flur etc.), кто бы подумаль, на чемь останавливается авторъ? --- на цълительныхъ травахъ, бальзамъ для ранъ и язвъ!! Какъ мало изящнаго чувства, вспоминать о медицинъ и фармакопећ, когда рѣчь идеть о первобытной красотъ земли, впервые одъвшейся нъжной зеленью! Притомъ-же это жестокій анахронизмъ, —нервые люди, въ блаженномъ своемъ состоянія, въ Эдемъ не могли еще знать ни о язвахъ, ни о ихъ врачевании. Хорошо, что обыкновенно слова въ ивніи едва могуть быть разслушаны, и что Гайдновы звуки не позволяють и подумать объ неизящной несообразности текста этой аріи. Подобная-же песообразность въ аріи сопрано, во второй части, гдъ, нри сотвореніи птицъ, авторъ съ любовью останавливается на мысли, что птицы еще не въдали тогда ни зла ни печали. — Но и первые люди тогда еще не въдали ни зла ни печали-значить, вовсе не могли понять этихъ идей. Кромъ этихъ мелкихъ промаховъ, гораздо серьёзнье, по нашему нынъшиему взгляду на искусство, можно бы упрекнуть либреттиста въ томъ, что онъ, дополняя поэтически - tant bien que mal-картину мірозданія, въ своихъ «амилификаціяхъ» ни разу не вспомнилъ, какая природа была передъ глазами обитателей Эдема. Безпрестанные холмики, ручейки, кроткія идиллическія изображенія текста даютъ картину природы европейской, нъмецкой, —но отнюдь не природы береговъ Евфрата въ ея дъвственномъ величін. Но, какъ сказано, въ Гайдново время «мъстный колоритъ» въ музыкальной поэзіи не входиль въ разсчетъ художника. Сверхъ того, но самому свойству своего таланта, Гайднъ не могь взять сюжетъ Мірозданія» иначе, какъ съ идиллически-граціозной стороны. Вотъ почему въ этой ораторіи вовсе не следуеть искать широко-величественныхъ формъ, ужасающихъ своей громадностію; въ этой музыкъ не слъдуетъ искать отраженія безбреж ности океана, неприступной высоты вершинъ въчно покрытыхъ снъгомъ, усъяннаго звъздами неба и всъхъ колоссальныхъ образовъ, вызываемыхъ въ насъ идеею вселенной во всей ея необъятности. Не следуетъ искать и тиновъ первобытныхъ людей, похожихъ на тины Байроновскіе, въ его Громадность сюжета остановила бы нынёшняго композитора, отклонила - бы его вовсе отъ мысли передать звуками такія безбрежно - широкія идеи. Гайднъ, какъ сказано, не мудрствуя, подошелъ къ сюжету съ идиллической стороны; въ цълой ораторіи остался въренъ своему кроткому воззрѣнію на природу и произвелъ вещь внолнъгеніальную, потому-что между безчисленными сторонами такого сюжета, граціозно-наивная занимаєть непосліднее місто и даже, быть можеть, ближе другихъ подходить въ библейскому пов'єствованію. Высшей поэзіи, то есть, красоты въ Гайдновомъ твореніи столько, что эта красота и поэзія съ избыткомъ выкупаєть нікоторую односторонность взгляда на сюжеть. Эти истинно-райскіе звуки навізвають на душу какое-то неизъяснимо-пріятное спокойствіе; подъ обаяніемъ этихъ звуковъ душа переносится въ какой-то другой, надземный, лучшій міръ. Намъ становится понятно, присуще блаженное состояніе первыхъ людей съ ихъ ангельской непорочностію, младенческой невинностію и пламеннымъ сочувствіемъ ко всімъ красотамъ дівственной природы.

Надо замътить, что эта музыка для настоящаго своего исполненія, особенно въ вокальныхъ партіяхъ, требуетъ высокаго техническаго совершенства въ соединени съ тъмъ простодушіемъ выраженія, которое ръже и ръже встръчается въ современныхъ виртуозахъ. Быть можетъ, единственная представительница этой стороны искусства, единственная исполнительница Гайдновой музыки — г-жа Зонтагъ. При такомъ общемъ направленіи Гайдновой музыки въ этой ораторіи, само собою разумъется, что всъ граціозно прелестныя стороны сюжета нашли свои върное выражение въ Гайдновыхъ звукахъ. Вспомните зелень — въ той аріи, о которой мы говорили, -- луну въ речитативъ тенора, -- ручьи въ аріи баса. Во-второй части ораторіи столько-же, если не болье, восхитительны жаворонки, горлицы, соловьи; въ аріи сопрано, — терцеть (Іп holder Anmuth steh'n) — ликованіе всей созданной природы еще безъ животныхъ земныхъ и человъка. Наконецъ картина утра въ Эдемъ, что составляеть прелестную инструментальную интродукцію передъ третьею частью ораторіи. Слабъе прочаго, если не въ отношеніи самыхъ звуковъ (всегда неподражаемо-красивыхъ), то въ отношении поэтической концепціи — тъ мъста ораторіи, гдъ были нужны прежде всего могущественно-мрачныя краски - хаосъ (въ интродукціи), бушеваніе моря (въ аріи баса, въ первой части), громы и молнія (въ речитативъ баса). Хаосъ Гайдна — удивительное произведение съ чисто-музыкальной стороны, одно изъ Гайдновскихъ чудесъ контранункта и оркестровки, — но эта музыка, для хаоса, немножко черезъ-чуръ спокойна. Это слишкомъ-музыкальный, гармоническій хаосъ. Мив всегда приходитъ въ голову, по этому случаю, одинъ французскій композиторъ, который какъ будто родился для того, чтобъ выражать хаосъ. Въ этомъ случав ему было бы настоящее раздолье и онъ далеко, далеко оставилъ-бы за собою старика Гайдна въ картинъ громовъ и молній, метеоровъ

и урагановъ. Тугъ была бы пущена въ дёло вся артиллерія оркестра. такъ что одного акустическаго эффекта было-бы довольно, чтобъ испугать слушателей. Какъ было бы хорошо для искусства, если-бы художниковъ всегда приходилось упрекать, какъ Гайдна, только въ избыткъ красоты! Какъ это не похоже на нынъшнихъ композиторовъ, которые угощають публику всемь на свете, только красота-то вечно въ недоимкъ. Вамъ показалось, что въ ораторіи Гайдна черезъ-чуръ часто употреблены строгія формы фуги. Это не совствъ такъ. Настоящихъ фугъ въ «Сотвореніи міра» очень немного. Контрапунктическія. же формы употреблены очень часто потому, что Гайдиъ во всемъ, что писалъ, не обходился безъ контрапункта, Такого рода формы, какъ фуга и контранунктъ вообще, непремънно требуютъ воспитанности музыкальнаго уха, весьма далекой отъ грубаго «орекіантизма», которому такую обильную пищу доставляеть новъйшая итальянская музыка Я хочу върить, что придетъ время, когда вы также будете наслаждаться контранцунктическими формами, какъ теперь наслаждаетесь чистомелодическими. Надо только слушать и слушать, но слушать съ толкомъ. По въчнымъ, неизмъннымъ законамъ родства (filiation) между прежнимъ и позднъйшимъ въ дълъ искусства, и Гайднъ въ формахъ своей ораторіи иногда напоминаетъ великихъ своихъ предшественниковъ въ области музыки съ лирически-ораторнымъ направленіемъ, - Бенедетто Марчелло и Генделя. - Первое соло сопрано съ хоромъ, въ первой части ораторіи, довольно близко, даже по звукамъ, въ псалму Марчелло «i cieli immensi narrano». Хоръ D-dur (Stimmt an die Saiten) и многіе Аругіе — совершенно въ Генделевомъ вкусъ.

Изъ того, что я говорилъ, конечно не трудно вывесть заключеніе, что я большой фанатикъ въ отношеніи Гайдновой музыки. Это будетъ почти справедливо. Въ самомъ дълѣ, изъ этого великольпнаго тройственнаго созвъздія на музычальномъ небъ — Гайднъ, Моцартъ и Бетховенъ, я, на перекоръ многимъ другимъ, никакъ не поставлю Гайдна ниже двухъ послѣднихъ свътилъ. Я нѣсколько разъ читалъ вамъ отрывки изъ сочиненій г. Улыбышева Nouvelle Biographie de Mozart. Изъ каждой строчки этой книги видно, что авторъ ставитъ Моцарта недосягаемо высоко въ ущербъ славъ Гайдна и славъ Бетховена. Въ новъйшее время приготовляется въ печати книга г. Ленца о Бетховенъ, тоже на французскомъ, и, сколько я знаю по отърывкамъ — такой же панегирикъ генію Бетховена, какъ сочиненіе г. Улыбышева панегирикъ Моцарту. Изъ этой безсмертной тріады, значитъ, одинъ Гайднъ не имѣетъ своего исключительнаго пане-

гириста. Если бы я не считалъ такую исключительность въ пользу одного художника несогласною съ законами развитія искусства и если бы рышился посвятить ньсколько льть жизни на подобный, не совсымь -благодарный трудъ, я могъ бы, въ свою очередь, написать томика два о Гайднъ. Въ такой книгъ, мнъ нисколько не трудно было бы показать и доказать, что въ отношении истории искусства Гайднъ несравненно важнъе и Моцарта и Бетховена. Безъ Гайдна — невозможны ни Моцартъ, ни Бетховенъ, тогда какъ совершенно мимо Моцарта, Бетховена во многомъ можно вывести прямо изъ Гайдна, также какъ съ другой стороны и Гайдна и Бетховена изъ Генделя. Отъ оркестра Гайднова до оркестра Моцарта и Бетховена переходъ едва замътенъ. А что былъ оркестръ до Гайдна? Тутъ шаги его геніальности слишкомъ явны. Гайднъ давно признанъ творцемъ камерной музыки и творцемъ симфоніи. Планъ этого рода сочиненій установленъ окончательно Гайдномъ. Моцартъ, въ стилъ оперномъ придерживался прежнихъ и современныхъ ему Итальянцевъ, Глука и одного современнаго ему нъмецкаго композитора Бенды (жилъ отъ 1721 до 1795), въ камерной и симфонической музыкъ никогда не отступалъ отъ «выкройки» Гайдновой. Бетховенъ тоже держался этой выкройки до последняго періода своей дъятельности, когда формы его приняли ему одному свойственную широкость. Бездною примъровъ я могъ бы доказать, что квартеты и симфоніи Гайдна богаче фантазією, чёмь квартеты и симфоніи Моцарта; что въ фактуръ этихъ сочиненій Гайднъ тоже выше Моцарта, и что, наконецъ, въ мастерскомъ развитіи одной и той-же музыкальной мысли Гайднъ не имъетъ соперниковъ, потому-что если Бетховенъ и пересиливаетъ его въ симфоніяхъ — то только глубиной созданія, величіемъ поэтической иден, шириной размаха, большею смълостію полета — а никакъ не собственно-музыкальными качествами.

Разбирая по ниточкъ всъ стороны Гайднова генія, я съ особенной любовью остановился бы на его добродушно-комическомъ юморъ, въ чемъ ему послъдовалъ одинъ Бетховенъ и то уже не столько добродушно. Этотъ юморъ Гайдна составляетъ очень вышуклую сторону его творчества въ большей части квартетовъ его и симфоній. Отъ этого я считаю, что сюжетъ ораторіи «Четыре времени года» еще больше приходился но натуръ Гайдна, чъмъ сюжетъ «Сотвореніе міра» — гдъ юмористической сторонъ его таланта пищи не могло встрътиться. Я постарался бы представить картину того времени, когда на только-что изданные стихи Шиллера писалъ музыку нъкто — Гайднъ, или публиковалась въ газетахъ новая пъсенка: слова Вольфганга Гёте,

музыка Лудвига Бетховена ... И это было только за 50 лътъ: а теперь? ...

Однако я чуть не забыль, что пишу еще не книгу о Гайдив, а только письмо къ вамъ, которое давно пора кончить. Разсчитывая на ваше ко мив расположение, на вашу внимательность вообще, я осмъливаюсь предполагать, что вы дочитаете письмо до конца и примири тесь съ моимъ добрымъ Гайдномъ, который нисколько въ томъ не виноватъ, что не похожъ на Синьора Верди et consortes.

YM ABBBALOHSE A

ASTROPORT PROGRESS ASTROPORT

THE FORM HOW PROJECT TO A STREET, AND ASSOCIATED AND COMMUNICACED THE CARE

SECRETARISED FOR THE SOURCE OF THE STATE OF THE STATE OF THE SECRETARISED AND ADDRESS OF THE SECRETARISED ADDRESS OF THE SECRETARISED AND ADDRESS OF THE SECRETARISED ADDRESS

te de la comitación de

amaginan epsil ar

А. Спровъ.

С. Петербургъ, 7 Марта 1852

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СИЛЮЭТЫ

The state of the s

A proposition of the community of the co

съ живыхъ артистовъ.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ЖУЛЕВА,

АРТИСТКА РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Мы даемъ при этой книжкъ фотографическій портретъ Екатерины Николаевны Жулевой, въ настоящее время первой водевильной актрисы русской сцены и любимицы публики. Слъдовало бы присоединить къ нему біографическій очеркъ нашей талантливой артистки, но мы довольствуемся только однимъ взглядомъ на ея художественный бытъ, потому что г-жа Жулева еще такъ молода, ея поприще такъ недолговременно, что много объ немъ сказать не пришлось-бы. Конечно, сиротство ея юнаго возраста, ея трудныя испытанія на провинціальныхъ театрахъ, куда закинула ее судьба еще ребенкомъ, какъ бы предугадывая ея сценическое призваніе, составили-бы довольно романическую страницу въ ея полной біографіи, но теперь еще не время приподымать покрова со всего прошедшаго.

А. М. Гедеонову русскій театръ обязанъ пріобрътеніемъ этаго замѣчательнаго таланта; онъ первый оцѣнилъ облагородилъ и развилъ его подъ сѣнію Театральнаго Училища. Вотъ уже три года, какъ г – жа Жулева поступила оффиціально на сцену и блистательнымъ образомъ пополнила составъ нашей труппы. Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ она переходила отъ успѣха къ успѣху и создала много ролей, въ самыхъ разнородныхъ сферахъ, которыя ярко выставили на видъ ея рѣдкія и многостороннія дарованія. Веселая, рѣзвая, наивнан— въ легкомъ водевилѣ, Жулева въ тоже время поняла и передала трудный характеръ Шекспировой Офеліи, какъ его еще доселѣ ни одна

актриса на русской сценъ не понимала и не передавала. Потомъ она энергически-прекрасно выполнила, полный страсти и глубокаго чувства характеръ Каролины — въ драмъ «Порывъ и страсть»; въ недавнее время превосходно разръшила физіологическую задачу характера Амаліи, въ драмъ «Жизнь Игрока» и наконецъ повънчала свои успъхи блистательнымъ появленіемъ въ оперъ «Андорская долина»--какъ пъвица. Этихъ четырехъ ролей, не упоминая уже о безчисленныхъ водевильныхъ очеркахъ, въ которыхъ она очаровываетъ и увлекаетъ зрителей, было-бы достаточно для европейской актрисы, чтобы составить себъ прочную славу. Наша скромная артистка весьма далека оттого, чтобы опочить на лаврахъ и приготовить себъ легко добываемыя оваціи: она сознаеть всё свои несовершенства, всё недостатки, изглаживаемые только долговременною рутиною и опытностію, и постоянно трудится, и все идетъ впередъ, и съ каждымъ днемъ, съ каждой новой ролью, дъятельно требуеть отъ себя усовершенствованія. Болъе всего губитъ талантъ самоувъренность, себялюбивое убаюкивание въ мечтахъ о своемъ непогръшимомъ совершенствъ, о неприкосновенности своей эфемерной славы, о вершинъ, достигнутой въ любви публики. Къ несчастію, мы часто видимъ, что таланты, много объщавшіе, идутъ назадъ и становятся въ ряды самыхъ обыкновенныхъ явленій, съ той минуты, какъ головы ихъ закружатся отъ виміама не совстмъ заслуженныхъ похвалъ и не совстмъ чистосердечныхъ рукоплесканій. Г-жа Жулева чужда подобнаго неразумнаго эгоизма, и скромность ея, и цостоянная ея готовность къ труду, къ выслушиванію истинъ, даже щекотливыхъ для самолюбія, служатъ явнымъ ручательсвомъ, что она далеко пойдетъ впередъ и силою таланта побъдитъ предубъждение, которое еще за ниточку держится старыхъ привычекъ, устаръвшихъ образцовъ.

У Жулевой много родственнаго съ талантомъ покойной Асенковой, рёдкой актрисы; но въ Жулевой еще гораздо больше многосторонности. Главныя черты ея дарованія состоятъ въ томъ, что она не вырабатываетъ — а чувствуетъ, что говоритъ и дёлаетъ; въ ней нётъ театральности, а во всёмъ господствуетъ чистая, неподдѣльная натура, это золото души, котораго Калифорніи многія артистки даже и не подозрёваютъ. Можно каждое чувство пародировать интонаціей голоса, каждое положеніе выразить театральными пріемами, но все это оставитъ зрителя холоднымъ, какъ холоденъ внутренно самъ артистъ, который такъ горячится и страдаетъ наружно на сценѣ.

Si vis me flere, dolendum est tibi ipse— говорить древній поэть, обращаясь къ витіямъ. Артистъ сценическій тотъ-же витія, онъ также

долженъ искренно заплакать, чтобъ извлечь слезы у своихъ слушателей. Въ этомъ-то отношении и надо подраздълять сценическое искусство на внъшнее и внутреннее; внъшнее, основанное все на одной рутинъ, т. е. на привычкъ - выраженіемъ лица, жеста, позы, голоса подражать разнымъ чувствамъ души человъческой; внутреннее — основанное на дъйствительныхъ ощущеніяхъ, на способности души воспринимать впечатленія и находить внутри себя звуки для ихъ выраженія. Первое требуетъ только таланта переимчивости, подражанія, таланта обыденнаго; второе требуетъ сознанія, постиженія, способности исчернывать каждое ощущение собственной душою, таланта — который даруется природой только натурамъ избраннымъ, организаціямъ сильнымъ и энергическимъ. Часто вы слышите: «какъ эта актриса хорошо играето!» Это значить, что она дъйствительно только играето, т. е. цародируетъ страсти, передразниваетъ ихъ ловко, однакожъ не до такой степени, чтобы увърить зрителя, что это не одно подражаціе. Артистъ. который беретъ свои образы и звуки прямо изъ души, непремънно заставитъ васъ забыть о томъ, что онъ играетъ: вы видите лицо и забываете объ актеръ. Вотъ существенная разница въ проявленіи этихъ двухъ различій, — таланта вившняго и таланта внутреннаго или иначе симнатическаго. На-примъръ, выражая молодость и невинность — прыганьемъ и смѣхомъ; достоинство — натянутой позою и миной; сильное ощущение — трагическою дикціей и размашистыми жестами; наивностьщенетильнымъ жеманствомъ (minauderie), артистка ясно обнаруживаетъ, что въ ней развита только одна внъшняя сторона искусства, рутина, навыкъ, безъ всякаго внутренняго участія; другая артистка, у которой степень разумънія выше, сила впечатлительности больше, духовная сторона ощущеній равитье, тоже самое передасть совершенно инымъ образомъ, безъ натяжки, безъ театральности, просто, но красноръчиво. Она будеть наивна — чувствомъ врожденной женственности (Weiblichkeit), будетъ молода — тъмъ непритворнымъ простодушіемъ и игривой безпечностію, которыя характеризують молодость; достоинство выскажется само собою въ глазахъ и звукъ ея голоса, идущаго отъ души; всякое сильное ощущение, безъ декламации, безъ жестовъ, будетъ сильно, хотя можетъ быть выскажется шопотомъ, потому-что будетъ сильно почувствовано. Александръ Македонскій и Наполеонъ были безспорно великіе люди, но искусство сдёлало бы огромный промахъ, еслибъ вздумало представлять ихъ великанами и атлетами, для того, чтобы выразить ихъ величие въ видимыхъ формахъ. Величие заключается въ грандіозности мысли, въ силь воли, въ глубинь чувства, для нихъ надо прінскивать другія краски, почерпнутыя изъ того-же источника, изъ

котораго проистекаетъ все великое — изъ духовной природы человъка.

Въ г-жъ Жулевой внутренняя сторона драматического выраженія развита въ высшей степени, вившияя еще далеко не выработана. Чтобы найти должное равновъсіе между той и другой, нужно много навыка, рутины; трудно сдерживать горячее, молодое чувство, когда оно въ преизбыткъ просится наружу, трудно останавливать порывы, когда душа преисполнена страсти! На это нужно время и время. Мы часто видимъ на сценъ, какъ г-жа Жулева плачетъ натуральными слезами, какъ голосъ ея дрожить отъ переполненной души, какъ силы ея истощаются отъ слишкомъ разкихъ переходовъ чувствъ, и внутренно радуемся за это тенлое одушевленіе, за этотъ сознательный жаръ души, но въ тоже время сожальемъ о бъдной артисткъ, мученицъ собственнаго чувства, нотому что все это дълается на счетъ ея организаціи, еще не укръпившейся, не привыкшей соразмърять свои духовныя силы съ физическими. Этотъ преизбытокъ чувства и огня иногда вредитъ вижшней оконченности отдълки ижкоторыхъ ролей и оставляеть зрителя невнолив удовлетвореннымъ, но мы тысячу разъ предпочтемъ этотъ избытокъ внутренняго проявленія въ артисть, той безжизненной, выдьлайной, притязательной вибшией игрф, которая такъ правится иногда въ иныхъ — не слишкомъ взыскательнымъ зрителямъ.

Въ г-жъ Жулевой два важныя сценическія достоинства: сила чувства и простота его выраженія. Но въ ней есть качества побочныя, которыя чрезвычайно важны: во первыхъ, веселость, не та натянутая, принужденная веселость, которая обыкновенно выражается у обыденныхъ актрисъ этого амилуа, прыжками, безпрерывнымъ смъхомъ и скороговоркою, но веселость симпатическая, задушевная, которая невольно разливается на все окружающее, которая заразительна. Она вспорхнеть на сцену и съ нею какъ будто прилетаетъ жизнь: все вокругъ вздрогнетъ, какъ бы подъ элетрическимъ ударомъ. Въ ея улыбкъ, въ ея глазахъ жизнь кипитъ въ преизбыткъ. Движенія ея, правда, еще немножко угловаты, быстры, не приняли еще расчитаннаго передъ зеркаломъ изящества, но зато вы видите, что они непроизвольны и естественны и миритеся съ не совстмъ привычною формою. Во вторыхъ, у г-жи Жулевой прекрасный, мягкій органь, удобно выражающій вст впечатлинія; въ третьихъ, она замъчательна, какъ пъвица. Конечно, она не такъ искусна въ пъніи, какъ многія другія; въ ней не видно притязаній на первоклассную пѣвицу, по въ ен голосъ, звучномъ, пріятномъ, дрожащемъ (отъ неопытности и боязни), столько затаеннаго чувства, столько энергіи, симпатіи, что онъ невольно трогаетъ слушателя и увлекаетъ его. Какъ мило она

ноетъ простую цыганскую пъсню, также задушевно передаетъ она патетическую арію или куплетъ, исполненный чувства, и все это безъ претензій на рулады и фіоритуры, а просто, наивно-прекрасно, какъ съ души сорвалось. Въ новой оперъ Галеви «Андорская долина» г-жа Жулева, исполняя главную роль, показала себя даже въ высшей степени драматическою пъвицею. Здъсь дъйствовала уже не одна природная задушевность голоса, но видны были наука и искусство.

Есть роли въ водевиляхъ, гдѣ г-жа Жулева неподражаема, такъ напримъръ въ «Водевилѣ съ переодѣваньемъ», въ «Бархатной шлянкѣ», въ «Дѣвушкѣ-Гусаръ», въ «Бѣда отъ нѣжнаго сердца» и другихъ, но до-сихъ-поръ мы не знаемъ за нею роли, которой она не поняла-бы инстинктивнымъ своимъ чувствомъ и не передала-бы съ замѣчательнымъ художественнымъ тактомъ. Конечно, бывали въ огромномъ ея репертуаръ (она играетъ почти во всѣхъ пьесахъ безъ исключенія) роли, которыя не подходили вовсе къ ея индивидуальности, или но слабому своему созданію, не могли броситься въ глаза, но во всѣхъ мы видѣли ее старательной, въ высшей степени добросовѣстной артисткою.

Въ серіозныхъ изученіяхъ, г-жа Жулева является артисткою раз-

Никогда еще на русской сценъ не видали мы Офеліи до того совершенной, до того близкой къ пдеалу Шекспира, до такой степени простодушной и трогательной. До г-жи Жулевой роль эту играли три актрисы: Г-жа Орлова (съ Московскаго Театра), г-жа Асенкова и, послъ нея, Самойлова 1. Г-жа Орлова, хотя актриса съ прекраснымъ дарованіемъ, но холодная, передавала роль отчетливо, граціозно, но довольно театрально: изучение и подготовка, какъ искусно ни были ею скрываемы, однако все-таки вредили простотъ и наивности этого характера. Покойная Асенкова, при всей громадности своего самороднаго таланта, при всемъ сценическомъ тактъ и увлечении на сценъ, не совладъла съ характеромъ Офеліи: какъ и вездъ, она въ этой роли была водевильная героиня, въ ней недоставало ни дъвственной скромности, ни мечтательной задушевности, необходимыхъ для върнаго ея исполненія. Г-жа Самойлова 1. въ роли Офеліи, какъ и вездъ всъмъ жертвовала эфектности, а въ мъстахъ, гдъ есть пъніе, забывала о характеръ лица, чтобы стяжать сдаву пъвицы. Характеръ Офеліи вънецъ всей трагедін Шекспира: онъ даль ей мало уча стія въ разыгрывающейся драмъ, но онъ обрекъ ее на нъмое страданіе и разрѣшилъ ей языкъ только въ ту минуту, когда душа ея, истерзанная лишеніемъ всего, что составляло ся жизнь — любви Гамлета, любвиотца, потеряла свое сознаніе и непроизвольно высказываеть свои страданія. Гамлетъ любилъ Офелію еще до отъезда въ университетъ, они росли вместе;

это была страсть сильная и непорочная. Разлука ее только усилила въ молодой дъвушкъ. Всъ мечты ея стремились къ его возвращению и она сберегала его подарки, залогъ ихъ прекрасной любви. Но вотъ онъ возвратился — и пътъ ей привъта, и нътъ прежняго въ поминъ, его обхождение холодно, даже сурово. Она не знаетъ тайны его сердца, она не знаетъ, что страшное преступление и измъна матери убили въ душъ его всю въру въ женскую добродътель, и самую любовь — въ ея зародышъ. И вотъ ей хочется возвратить его къ прежнимъ днямъ, напомнить о первой страсти и она употребляеть для того полученные отъ него подарки, которые намърена ему возвратить. На этотъ ижжный намекъ, Гамлетъ отвъчаетъ ей горькой ироніею, язвительной шуткой, которой настоящаго смысла она, невинная, понять не можеть, но изъ которой однако-жъ видитъ, что все между ними кончено. Къ этому присоединяется насильственная смерть отца, нѣжно любимаго, — и бъдное сердце молодой страдалицы не выдержало, разорвалось на части, и разсудокъ ея затмился вмъстъ съ разрушеннымъ навсегда міромъ ея фантазіи.

Превосходный характеръ, поражающій своей чистотою и наивностію и составляющій рѣзкій оттѣнокъ мрачному, но столь—же безсильному, по человѣческой природѣ своей, лицу Гамлета! Шекспиръ превосходно вставилъ Офелію въ свою драму: онъ не говоритъ о любви ея и Гамлета ни слова, любовь эта видна только изъ двухъ, трехъ намековъ и изъ послѣдующаго развитія трагедіи, потому—что эта любовь не составляетъ главнаго рычага дѣйствія и не сродна главной идеѣ драмы — показать, какъ преступленіе зрѣетъ и распространяетъ около себя язву. Отъ язвы этой гибнутъ не только преступныя лица, но и доблесть и невинность; Офелія, добродѣтель и любовь, дѣлается первою жертвою; Лаэртъ, олицетворенное благородство и чувство — второю. Поэтому Шекспиръ выводитъ первую сцену безумія Офеліи, чтобы возбудить къ ней жалость и сочувствіе въ зрителѣ и тѣмъ вооружить его еще болье противъ виновника этого бѣдствія, котораго онъ, въ послѣдующей за тѣмъ сценѣ съ Гертрудою, заставляетъ говорить.

.... Видишь ли, Гертруда,
Бѣды не ходять одиноко, но толпою;
Погибъ Полоній, сынъ твой удаленъ—
Безуміемь онъ заслужиль изгнанье —
И городъ весь волнуется въ тревогѣ,
Подозрѣваеть смерть Полонія и ропщеть.
Напрасно скрыли мы его причину смерти!
И вотъ Офелія теряеть разумъ,
И что всего важнѣе — мнъ извѣстно,

Control to the Control of the White

Что брать ея сюда прівхаль тайно Онъ злобой дышеть, разсваеть слухи И мстить за смерть Полонія ръшился, Нась обвиняя въ гибели отца.

Вторая сцена безумія Офеліи должна быть еще трогательные: она обезоруживаеть мстящую руку ея брата, котораго скорбь предъ страданіями этой невинной жертвы — становится ничтожною.

Г-жа Жулева превосходно поняла всё эти данныя: она является именно такою Офелією, какою ее хотёлъ вывести Шекспиръ. Наив ность и простота характера сохранены ею отъ начала до конца. Въ сценё съ Гамлетомъ вы видите въ ней и скорбь, и нёжность, робость и надежду, и все это прекрасно прикрыто дёвственною стыдливостью. Когда Гамлетъ высказываетъ ей свою ёдкую выходку противъ женщинъ и совётуетъ идти въ монастырь, вы по лицу ея можете почти узнать, что творится къ ея душё и что будетъ съ этой бёдной, слабой душюю. Въ сценахъ безумія г-жа Жулева неподражаема. Это не афектированное, театральное сумасшествіе, нётъ, это тихое, безсознательное изліяніе движеній больной души. Пёніе ея трогательно въ высшей степени, оно просто, но полно чувства и невольно потрясаетъ всё фибры вашего сердца. А при словахъ:

Онъ съ усмъшкой отвъчаетъ:
Клятвъ своихъ я не забыль—
Развъ дъвица не знаетъ:
Я шутилъ! Въдь я шутилъ!

игра и выраженіе ея доходять до высокаго трагическаго элемента. Но болье всего поражаеть въ ней эта простота и неизысканность, которая выдержана ею отъ начала роли до конца, и которая составляеть въ сценическомъ искусствъ гораздо труднъйшую задачу, чъмъ ловкій подборъ эфектовъ и ръзкихъ выходокъ для возбужденія безсознательныхъ рукоплесканій.

STRUCK BURNERS

Шекспировскіе характеры — пробный камень для артиста, это олицетворенная натура, ихъ надо продумать и прочувствовать насквозь, войти, такъ сказать, въ ихъ внѣшнюю форму, чгобы достойно и правдиво выполнить. Талантъ г-жи Жулевой выдержалъ пробу на этомъ оселкѣ и оказался чистымъ золотомъ. Одна роль Офеліи поставила г-жу Жулеву на высокую степень нашей сцены и результатъ этого выполненія былъ для нея самый счастливый: потому—что публика не могла насмотрѣться на молодую артистку и въ каждое представленіе по пяти разъ вызывала ее, чтобы изъявить свое удовольствіе и признательности.

Скажемъ въ заключеніе, что русская сцена можетъ многаго ожидать и надъяться отъ таланта г жи Жулевой. Она способна къ созданію ролей характерныхъ, на которыя у насъ нътъ другой артистки, кромъ г-жи Самойловой 2. У нея есть вкусъ и чувство поэзіи, ей понятенъ Шекспиръ и доступны глубокія человъческія страданія. Съ такими данными и, предъявивъ уже права свои на входъ въ очарованный кругъ истиннаго искусства, она должна въ немъ занять почетное мъсто.

Присоединимъ къ этому стихи, присланные намъ для напечатанія, послъ представленія *Офеліи* и *Каролины:*

Ступайте смѣло вы впередъ Однажды избранной дорогой; Она васъ къ славъ приведетъ И вдохновеній дастъ вамъ много!

Ступайте!.. Ващъ прекрасенъ путь, Хотя на немъ не дремлетъ злоба, И не дадутъ вамъ отдохнуть Вражда и зависть вплоть до гроба

Такъ! жало низкой клеветы Преслъдуетъ все, что высоко, И наши лучшія мечты Уничтожаются жестоко

Но лучшель тёмъ, кого вражда Здъсь не нашла, иль пощадила, И въ цълой жизни никогда Ихъ глубоко не уязвила?

Ступайте твердою стопой, Лишь внемля голосу призванья. И. возвышаясь надъ толпой Могучей властью дарованья.

Пусть зависть вамь шипить во следь: Не отвечайте вы на брани — И ждите новыхъ вы победъ, За торжество сбирая дани.

CONTROLL OF ACAD

pagette latery to be a substitute in the page of the dead of the collection and the collection of the collection

equation of the second as the serious of object of the serious of the second of the se

9. А. Кони

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ АВГУСТА ВИЛЬГЕЛЬМА ИФЛАНДА.

Нъкоторыя лица, которыхъ мнъніе имъетъ большую цъну въ моихъ глазахъ, убъждали меня присоединить къ моимъ драматическимъ сочиненіямъ нъсколько свъдъній о моемъ театральномъ поприщъ. Это приглашеніе, удовольствіе, которое я ощущаю припоминая рядъ минувшихъ событій моей жизни, чтобъ заносить ихъ на эти страницы, и въ особенности твердое мое убъжденіе, что на избранномъ мною поприщъ дано мнъ было насладиться большимъ спокойствіемъ и душевнымъ миромъ, чъмъ дается многимъ другимъ людямъ, — вотъ причины, побудившія меня къ предпринятію этого отрывочнаго очерка, и которыя оправдываютъ меня въ предложеніи его публикъ.

Мить было пять лътъ *, когда я былъ въ первый рязъ въ театръ, и это зрълище произвело на меня чрезвычайно сильное впечатлъніе. Это впечатлъніе имъетъ связь съ другимъ происшествіемъ, случившимся на третьемъ году моей жизни и составляющимъ самое отдаленное мое воспоминаніе.

Во время войны, или скоръе къ торжеству, приготовленному по случаю заключенія мира, въ 1763 году, прівхаль въ Ганноверъ герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій. Въ числъ другихъ приготовленій, сдъланныхъ для пріема высокаго гостя, приказано было иллюминовать весь городъ и построить тріумфальную арку. Я очень живо помню, какъ весь день былъ разговоръ о томъ, что и мнъ слъдовало показать это великольпное зрълище. Братья и сестры говорили мнъ о немъ еще задолго напередъ, и весь домъ ожидаль торжества съ живымъ и радостнымъ нетерпъніемъ: я самъ не могъ дождаться счастливаго часа и не въ состояніи былъ ни о чемъ другомъ думать. Наконецъ, меня одъли потеплъе, нянька взяла меня на руки и отнесла на базарную площадь, назначенную главнымъ мъстомъ праздника. Когда я еще издали видълъ эту

[•] Ифландъ родился 19 апръля 1759 года, въ Ганноверъ.

огненную массу, я не могъ оторвать отъ нея взора; когда же меня поднесли довольно близко, чтобъ разглядъть каждый шкаликъ, я вскрикнулъ отъ радости и такъ рванулся изъ рукъ няньки, что она едва могла удержать меня Потомъ, когда разстояніе позволило мит разглядать эти тысячи огней всевозможныхъ цвътовъ, мною овладъло какое-то невыразимое обаяніе и я онъмъль отъ восторга. На мит быль красный плащъ съ большими бѣлыми, свѣтлыми пуговицами, и я помню, какое удовольствіе доставляли мнѣ его яркій цвѣтъ и игра этихъ огней, отсвѣчивавшихся въ пуговицахъ. Какъ вчера помню также несмътную толиу зрителей, лошадей, экипажей, высокую арку, которая, казалось миъ, возносилась подъ самыя небеса, блескъ стеколъ въ окнахъ, которыя казались всв въ огнв, отражая безчисленные огни иллюминаціи; номню также какъ волновалась эта масса народа, и ен восторженные крики. Сначала, какъ я уже сказалъ, я онъмълъ отъ восторга и пораженія; потомъ я началъ вертъться на рукахъ няньки, вырываться отъ нея, плакать, кричать безъ умолку, такъ что наконецъ меня принуждены были отправить домой. Меня съ трудомъ уложили спать, я не могъ уснуть. На слъдующій день и въ продолженіе многихъ недъль я ни о чемъ другомъ не могъ думать, ни днемъ ни ночью, кромъ этого разнообразнаго и волшебно-великолъинаго видънія. И долго еще послъ того любимою моею забавою было строить тріумфальныя арки изъ скамеекъ и стульевъ; вокругъ разставлялъ я множество свъчъ, надъвалъ свой красный плащъ съ свътлыми пуговицами и очень огорчался тъмъ, что пуговицы не горъли такъ ярко при свътъ нъсколькихъ свъчъ, какъ въ тотъ достопамятный вечеръ, при сіяніи иллюминаціи.

Эта картина однако мало по малу изгладилась изъ моей намяти; покрайней мъръ я ничего не помню, что было послъ этого до самаго того времени, когда я въ первый разъ попалъ въ театръ; это было уже въ 1765 году. Тутъ я опять увидъль яркое освъщеніе, множество народа, обширное мъсто, пестроту красокъ на занавъсъ и декораціяхъ, и все это возобновило въ моей памяти картину, такъ сильно поразившую и очаровавшую меня за два года. Музыка, поднятіе большаго занавъса, который взвился и скрылся за драпировкой, все это представлялось мнъ какимъ-то волшебствомъ; я былъ пораженъ удивленіемъ и восхищеніемъ, когда по поднятіи занавъса я неожиданно узналъ, что за нимъ была еще зала, столь великолъпная и такъ хорошо освъщенная; когда же на сцену вышли хорошо одътые люди и стали разговаривать, смъяться, дъйствовать, тогда я увидълъ передъ собою дъйствіе точно такое, какъ я видълъ вокругъ себя дома; тутъ-то я совершенно обомятьль отъ восторга. Я обнялъ брата, и во все представленіе не гово-

риль ни слова, чтобъ ничего не пропустить изъ происходившаго на сценъ. Давали «Миимаго больнаго». Я могъ бы хоть теперь указать мъсто, гдъ сидълъ старикъ Акерманъ въ халатъ; какъ теперь вижу передъ собою любовника въ стромъ кафтант и въ зеленомъ камзолт съ золотымъ галуномъ; помню, какое негодование возбудилъ во внъ этотъ Арганъ, грозящійся выстчь дочку въ присутствіи такого многочисленнаго собранія! Въ заключеніе спектакля давался балеть «Жидовская свадьба», который мив вовсе не понравился, особенно сцена разбиваемаго горшка. Мнъ было досадно на этихъ людей, которые не говорили, а только двлали какіе-то знаки, въ которыхъ я ничего не понималъ; ихъ бъготня и прыжки въ такой богатой и такъ хорошо убранной комнатъ казались мит чрезвычайнымъ невъжествомъ. Эта большая, щегольски убранная и хорошо освъщенная комната напоминала мив нашу гостиную въ отцовскомъ домѣ; а какъ никто не позволилъ бы себѣ безчинствовать и бить посуду у насъ въ гостиной, и жиды не посмъли бы въ ней такъ бъгать и кривляться, то мив казалось весьма неприличнымъ, чтобы такія вещи ділались здъсь, на сценъ. Въжливое щеніе людей, игравшихъ въ комедій, ихъ чинные разговоры, которыхъ они не перебивали другъ друга, а давали каждому высказать все, что онъ хотълъ, были мнв гораздо болве по вкусу. все было прилично, благородно, однимъ словомъ — все какъ слъдуетъ. Послъ мнъ объяснили, что все, что эти люди говорили, заучили они наизустъ; тогда я сталъ смотръть на нихъ еще съ большимъ почтеніемъ, какъ на какія-то необыкновенныя существа, нъчто выше простыхъ людей.

Воротившись домой, я начать воспроизводить надъ каждою сторою волшебное поднятие и опускание занавъса, скрывшаго отъ меня эту великолъпную и такъ ярко освъщенную залу, и разлучавшаго меня съ этими существами, которыя такъ хорошо играли и говорили. Я почти безъ
умолку говориль о представлении, но скоро долженъ быль съ прискорбиемъ замътить, что никто не раздъляль моего энтузиазма. Если кто
съ пренебрежениемъ отзывался объ участвовавшихъ въ пьесъ, я этимъ
сильно огорчался, даже сердился. Я сталъ искать уединения, чтобы безъ
помъхи предаваться мечтамъ о чудномъ явлении, о которомъ никто не
хотълъ говорить съ такимъ-же восторгомъ, какой наполнялъ мою душу;
я тайкомъ поднималъ и опускалъ сторы въ окнахъ, потому-что это дътское средство возобновлять удовольствие навлекало на меня всеобщия
на смъшки.

До этого времени искусство собственно не имъло на меня никакого вліянія. Впечатлъніе, которое произвель на меня театръ, обращалось

преимущественно къ внѣшнимъ чувствамъ; оно происходило отъ яркаго освѣщенія, среди котораго представлялись мнѣ дѣйствующія лица, — и имѣло связь съ тѣмъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, которое я ощущалъ во время иллюминаціи, когда въ первый разъ пробудилось во мнѣ сознаніе жизни. Но мнѣ говорили, что я долженъ думать о дѣлѣ, размышлять о томъ, чему меня учатъ и что я читаю, вмѣсто того чтобы заниниматься пустяками, которыя давались въ Бальгофѣ*. И я принялся во всемъ отыскивать подобіе того, что видѣлъ въ Бальгофѣ. Разсказы для дѣтей Гюбнера представили первую пищу этой потребности, которая такъ сильно овладѣла мною; въ каждой картинкѣ, украшавшей книгу, видѣлъ я подобіе Бальгофа; нѣкоторыя изъ нихъ были окружены рамкою, въ видѣ приполнятаго съ одной стороны занавѣса; я сталъ усердно читать разсказы, ради этого занавѣса и связывавшихся съ нимъ воспоминаній.

Въ 1767 году, прівхала въ Ганноверъ труппа Вейлера; для предбылъ назначенъ придворный театръ. Мнъ казалось, быть люди необыкновенные и чрезвычайно должны ные, когда имъ отводилось помъщение въ королевскомъ дворцъ. Всъ вокругъ меня говорили о ихъ превосходныхъ представленіяхъ; мои братья и сестры, возвратившись однажды изъ театра, разсказали мнъ содержаніе пьесы и съ восторгомъ отзывались объ умной и трогательной игръ актеровъ. Въ это время только что явилась Лессингова «Араматурия», и старшій брать иногда читаль ее намъ вслухъ. Онъ прилагаль правила ея къ видънному имъ и съ умомъ и жаромъ передавалъ намъ свои замѣчанія. Товарищи его, молодые люди рѣзкаго и энергическаго ума, часто оспаривали его митнія, которыя онъ защищалъ съ чрезвычайною горячностью и очень оригинально. Ръшеніе спора по большей части предоставлялось сестръ, и всъ приговоры ея отличались въ высокой степени темъ тонкимъ тактомъ и вкусомъ, которые по преимуществу свойственны женщинамъ.

Забившись въ уголокъ, никъмъ невидимый, я съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ эти разсужденія. Понималъ я, конечно, не много; но зато многое чувствовалъ и угадывалъ инстинктивно. И не помню, чтобы я хоть разъ заснулъ во время этихъ разговоровъ, какъ-бы они ни были продолжительны. Такимъ образомъ, родилось во мнъ первое, безотчетное предчувствіе искусства, пожалуй, даже нъчто менъе предчувствія. Это должна быть вещь очень хорошая и важная, думалъ я,

^{*} Такъ назывался старый театръ въ Ганноверъ.

когда она можетъ до такой степени занимать и увлекать людей умныхъ и добродътельныхъ.

Однажды вечеромъ отецъ пришелъ домой изъ представленія «Мисъ Сары Сампсонъ» *. Онъ былъ еще сильно растроганъ страданіями бъдной Сары и много говорилъ намъ о расканіи Мельфонта и о великой горести старика, отца миссъ Сампсонъ. Весьма поучительное зрълище, говорилъ онъ, видъть, въ какую бездну несчастій впадаетъ эта бъдная дъвушка; дъти могутъ узнать изъ этого примъра, какимъ горестямъ ихъ легкомысліе, ихъ проступки должны подвергать бъдныхъ родителей. Если будутъ еще давать эту пьесу, я пошлю моихъ дътей посмотръть ее.

Вскорт послт того опять давалась «Мист Сара Сампсонт» и насъ всъхъ отправили въ театръ. Радость, которую я ощущаль въ этотъ день, нисколько не походила на удовольствіе, которое доставило мнъ первое представление, видънное мною въ Бальгофъ. Отецъ говорилъ, что пьеса была поучительная, которая могла намъ служить урокомъ; мы видъли, какъ самъ онъ былъ ею растроганъ; на афишъ стояло волшебное слово трагедія. Следовательно, мне предстояло видъть произведение, полное высокихъ мыслей, трогательныхъ картинъ и поученія, и вдобавокъ видъть его въ королевскомъ дворцъ. Все соединялось, чтобы придать представленію особенную важность и торжественность; пьеса была удостоена одобренія короля, и отецъ мой отзывался о ней съ похвалою! Отець далъ мнъ афишу и объяснилъ, что такое были дъйствующія лица. При этомъ онъ даль мнъ также наставленіе, какъ должно вести себя въ театръ: наказалъ мнъ не развлекать себя и сосъдей болтовнею, сидъть скромно и смирно, не глазъть по сторонамъ, а обращать глаза на сцену; однимъ словомъ, слушать со всевозможнымъ вниманіемъ, чтобы извлечь пользу изъ того, что услышу. Я объщаль въ точности соблюсти всъ его приказанія и бережно спряталь афишу въ карманъ, словно какой-нибудь важный документъ. Съ невыразимымъ наслажденіемъ вертълъ я въ рукахъ билеты, и разсуждалъ, что върно не безъ особенно важной причины на печати ихъ были выръзаны кинжалъ и маска.

Меня одъли въ мое нарадное платье, которое я надъвалъ когда брали меня въ гости, и это утвердило меня еще болъе въ моемъ мнъніи о важности предстоявшаго событія. Мы должны были отправиться въ четыре часа, а въ три часа я быль уже готовъ и вооружился шляною. Наконецъ наступила счастливая минута, которой я ждалъ съ такимъ нетерпъніемъ. Мы прошли два большіе двора, и взошли по

the or any operated strong and an

^{*} Трагедія Лессинга.

главной лъстницъ дворца. Я никогда еще не бывалъ въ этомъ зданіи. Длинные коридоры, высокія двери, часовые, расписанные плафоны, все поражало меня величіемъ и великольніемъ, все наполняло меня какимъто чувствомъ благоговънія. Входъ въ театръ былъ загороженъ густою толною народа. Какое удовольствіе, какая радость, какой восторгъ для меня видъть, что такое множество людей съ нетерпъніемъ ожидало того, что наполняло всъ мои мысли, всю мою дущу. И въ то же время, какъ я боялся, что весь городъ, пожалуй, сбъжится въ театръ и я ничего не увижу! Наконецъ, двери отворились; толпа бросилась въ нихъ, мы послъдовали за нею, и скоро я очутился въ ложъ, на первой скамейкъ.

Зала стала мало-по-малу освъщаться; всъ эти приготовленія придавали въ моихъ глазахъ еще болъе важности ожидаемому зрълищу. Наконецъ освътилась и рампа, и я могъ разглядъть занавъсъ, который Какъ восхискрываль еще отъ меня предметь всъхъ моихъ желаній. щали меня яркія краски на занавъсъ! съ какою радостію увидъль я среди его имя, короля, окруженное облаками! Это имя, въ такомъ мъстъ, должно было произвести на меня очень глубокое и въ тоже время весьма понятное впечатленіе. Оно означаеть въ Ганновере все, что принадлежить къ личной собственности короля, или что состоить подъ его особымъ покровительствомъ. Оно красуется на королевскихъ знаменахъ, оно даетъ цену звонкой обозначаются казенные дома. Возможно-ли, пренебреженіемъ отзываться съ неуважениемъ или суждаль я, актерахъ и не питать глубокаго почтенія къ ихъ званію, когда они являются передъ публикою въ королевскомъ дворцѣ, и мѣсто, на которомъ они являются, осънено именемъ короля? Это искусство притомъ должно быть столь-же древне, какъ и почтенно, думалъ я, читая на занавъсъ имя Георга II, умершаго задолго до того времени, государя разсудительнаго и мудраго, который ознаменоваль себя блистательными побъдами и который однако не находилъ, видно, недостойнымъ своего сана искать здёсь удовольствія!

Тихая, меланхоличиская музыка приготовила мою душу къ высокимъ, благороднымъ ощущеніямъ, когда занавѣсъ взвился. Отдѣлка и убранство сцены показались мнѣ несравненно изящнѣе, богаче, красивѣе и великольниѣе сцены Бальгофа.

Я проплакаль во все продолжение представления. Возвышенныя, благородныя чувства выражались въ немъ съ такою силою, съ такимъ увлечениемъ! Добродътель представлялась чъмъ-то высокимъ и прекраснымъ! До того времени я зналъ страдания человъческия только изъ Гюбнеровыхъ разсказовъ, видълъ ихъ только на нищихъ, просившихъ у

меня подаянія; я не имѣлъ и понятія о такихъ страстяхъ и чувствахъ, о такомъ образѣ выраженія, какія теперь видѣлъ и слышалъ. Экгофъ игралъ роль Мельфонта, г-жа Гензель — роль Сары, а г-жа Бакъ— Марвуда. Эта истина и сила изображенія, это могущество чувства, которое пробуждаетъ въ слушателяхъ всю способность чувствовать и управляетъ ею по своему произволу, увлекали, возносили и покоряли и мою душу. Я не помнилъ себя. Занавѣсъ опустился; а я не могъ встать съ мѣста, плакалъ навзрыдъ, не хотѣлъ выходить изъ театра. По возвращеніи домой, я говорилъ о пьесѣ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, которое радовало всѣхъ, раздѣлявшихъ мой энтузіазмъ. Отецъ пожелалъ, чтобы я разсказалъ ему, что видѣлъ и что чувствовалъ; онъ самъ сообщилъ мнѣ впечатлѣнія, которое пьеса произвела на него, и его возвышенная душа, его отеческое сердце снова перенесли его къ минутѣ представленія.

Съ этого дня, театръ сталъ для меня школою мудрости и добродътели.

Вскоръ послъ того давали трагедію Корнеля, «Родогонду». Въ этотъ день, у насъ былъ какой-то семейный праздникъ и большой объдъ. Я обратился къ одному старику дядъ, который очень любилъ меня, и сказаль ему, что если онъ хочеть довершить для насъ праздникъ, то стоитъ только выпросить намъ позволение идти въ театръ. Позволеніе было тотчасъ исходатайствовано. Какая новая радость для меня! Театръ, устланный зеленымъ ковромъ, представлялъ обширный дворецъ, поддерживаемый множествомъ колоннъ. Дъйствующія лица ступали медленно и торжественно; вст движенія ихъ были величавы и мърны, шаговъ не слышно. Блестящіе античные шлемы придавали особенную прелесть гордымъ и пышнымъ рѣчамъ актеровъ. Громовыя слова, съ которыми герои сходили со сцены, развѣвая за собою свои шелковые плащи, эта декламація, которой энергія превосходила все, что я слышалъ до того времени, все это леденило мою душу тайнымъ ужасомъ. Классическая трагедія придала моему энтузіазму какой-то оттънокъ таинственнаго благоговънія.

Въ «Миссъ Саръ Сампсонъ» громъ рукоплесканій быль мнѣ непріятень и досадень; въ «Родогондъ», напротивъ, онъ доходиль до послѣднихъ предѣловъ чувства состраданія, гордости, ужаса, скорби и сочувствіе мужеству и доблести. Не знаю, отъ какихъ радостей не отказался-бы я, въ эту минуту восторга, для того чтобы произнести одну изъ рѣчей Клеопатры.

Представленіе заключилось балетомъ «Капельмейстеръ». Всъ вокругъ меня смъялись, но мнъ было вовсе не смъшно. Вышелъ на

сцену человѣкъ въ черномъ платьѣ, весь усыпанный нотами. Галереи захохотали и изъявили свое удовольствіе оглушительными браво. Что должны думать объ этомъ Антіохъ и Клеопатра? Зачѣмъ не выходили они и не обращали въ пыль и прахъ этихъ хохотуновъ своими гнѣвными рѣчами? Вотъ что я думалъ; я не могъ смотрѣть на танцоровъ, которые казались мнѣ скоморохами, не достойными вниманія.

Я воротился домой, полный трагическихъ ощущеній и геройскихъ думъ, и съ жаромъ принялся разсказывать бъдствія и страданія Антіоха и Клеопатры. Отець не долго слушалъ мою болтовню; интрига показалась ему ему слишкомъ растянутою и сложною. Онъ перебилъ меня на половинъ разсказа вопросомъ о моихъ урокахъ и успъхахъ въ ученьи, и строгимъ голосомъ замътилъ, что довольно толковать о комедіи, пора подумать о дълъ. И эти слова сопровождались суровымъ взглядомъ, въ которомъ я ясно прочелъ запрещеніе подобныхъ удовольствій на будущее время.

Я весь вспыхнуль, мит стало и больно и досадно, и горько и ужасно грустно. Не говорить о томъ, что наполняло всю мою душу! Заниматься дъломъ! въ моихъ глазахъ, развъ могло быть дъло важите и достойнъе занятія, чти Антіохъ и Клеопатра? Не говорить объ этихъ лицахъ, столь доблестныхъ и столь несчастныхъ, которые такъ величественно и такъ трогательно являлись предо мною, такъ благородно и такъ довърчиво изливали свои помыслы и страданія!

Я пытался говоритъ о нихъ съ братьями и сестрами; сначала они меня слушали, но скоро имъ надовло и они бросили меня. Я обратился къ слугамъ, — они смвялись мнв въ глаза; къ пріятелямъ и товарищамъ моихъ игръ, — они меня не понимали. По цвлымъ днямъ билъ я въ барабанъ или носилъ передъ ними бумажный штандартъ, когда они играли въ солдаты, затвмъ только, чтобъ они послушали меня полчаса, посмотрвли, какъ я буду представлять гнввъ и отчаяніе Клеопатры, или плачь и стенанія Антіоха. Скоро ѝ имъ это надовло, и я лишился послъднихъ своихъ слушателей.

Тогда я сталъ взбираться на чердакъ; навъсивъ себъ на плеча какойнибудъ кусокъ шелковой матеріи, который волочился за мною на подобіе Антіохова плаща, нахлобучивъ на голову вмъсто шлема истертую гренадерскую шапку, взявъ въ руку обломокъ дътской сабли, я предавался своему трагическому изступленію. Иной разъ, ничего не измъняя въ этомъ костюмъ, я прибавлялъ къ нему только старую фижму бабушки и этимъ довершалъ нарядъ Клеопатры. Среди этого тряпья отличался собственный мой нарядъ; онъ заключался въ гусарскомъ мундирчикъ, висъвшемъ на тълъ худомъ и щедушномъ, какъ скелетъ, и въ напудренномъ парикъ съ косичкою. Это однако не мъшало мнъ приходить въ драматическое изступленіе, а иногда плакать навзрыдъ, растрогавшись жалобными звуками собственнаго голоса. Неръдко ночь застигала меня въ этихъ артистическихъ упражненіяхъ. Темнота на этихъ обширныхъ, старинныхъ чердакахъ, наводила на меня ужасный страхъ; члены мои мало по малу нъмъли, и доблестный Антіохъ, бывало, въ своемъ геройскомъ костюмъ, соединенномъ съ фижмою Клеопатры, обращался въ бъгство, дрожа всъмъ тъломъ и испуская ужасные крики.

Съ этого времени я сталъ читать всѣ театральныя пьесы, какія могъ промыслить; особенно нравились мнѣ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ я встрѣчалъ самыя ужасающія, самыя бѣшеныя положенія.

Съ немалымъ расходомъ хитрости удалось мнѣ еще выманить себъ позволеніе видѣть «Ромео и Юлію.» Это произведеніе окончательно разрушило мое спокойствіе. Кто противорѣчилъ моей страсти къ театру, тотъ быль для меня старымъ Капулетомъ, противникомъ, врагомъ; кто, напротивъ, выслушивалъ меня снисходительно, того я надѣлялъ всѣми добродѣтелями его жены. Не съ кѣмъ было мнѣ уже говорить о моей страсти къ драматическому искусству. Всѣ избѣгали этихъ разговоровъ, кто изъ убѣжденія, не желая потворствовать этой взбалмошной страсти, кто просто отгого-что я ему надоѣдалъ. И никому не могъ я читать вслухъ трагедій, никто не могъ дивиться моему таланту, а я между-тѣмъ считалъ себя достойнымъ удивленія. Наконецъ мнѣ не стали давать драматическихъ произведеній, замѣтивъ, что это чтеніе отвлекало меня отъ другихъ, болѣе полезныхъ занятій.

Отецъ каждый вечеръ читалъ самъ или заставлялъ кого-либо изъ семейства читать проповъди, въ которыхъ его высокая и благочестивая душа всегда находила обильную пищу для размышленія. Онъ ръдко требовалъ отъ меня, чтобы и присутствоваль при этихъ чтеніяхъ, но когда это случалось, я всегда слушалъ съ вниманіемъ и съ глубокимъ благоговъніемъ. Горя нетерпъніемъ показать свой талантъ въ декламаціи, я вошелъ однажды вечеромъ съ проповъдями Іогана Якоба или Эбергарда Рамбаха. Я прочелъ первую часть проповъди очень тихо и торжественно, на второй возвысилъ голосъ, и наконецъ разразился громомъ въ увъщаніи некающимся гръшникамъ. Это чтеніе доставило чрезвычайное удовольствіе отцу.

Съ тъхъ поръ, какъ я лишился всякой надежды бывать въ театръ, я зачастую грустно отправлялся на дворцовый дворъ и оттуда смотрълъ на огни, горъвшіе въ съняхъ и на лъстницахъ завътнаго для меня зданія. Я читаль и перечитываль афиши, какъ книги мудрости, а раз-

нощикъ ихъ представлялся мнв человъкомъ весьма важнымъ и достойнымъ всякаго уваженія.

Между-тъмъ труппа на нъкоторое время выъхала изъ Гановера. Меня отдали подъ надзоръ очень умнаго и добраго наставника, которому поручено было внушить мнъ любовь и уваженіе къ наукамъ. Я принялся за ученіе съ примърною ревностью. Всего болье влекло меня къ исторіи; дъйствовавшія въ ней лица привлекали меня на свою сторону или возстановляли меня противъ себя такъ-же сильно, какъ еслибъ они являлись въ драмъ. Дъло въ томъ, что всъ эти герои и героини представлялись мнъ подъ чертами Экгофа или г-жи Гензель; впрочемъ, они отъ того нисколько не были въ проигрышъ.

Въ это время дали мнѣ читать «Грандиссона» и «Декана Киллеринскаго». Въ почтенныхъ дѣйствующихъ лицахъ «Грандиссона» я замѣтилъ разительное сходство съ иѣкоторыми членами моего семейства. Герои романа усиливали мою любовь къ родителямъ, а прекрасныя свойства души, которыя я замѣчалъ въ своихъ родителяхъ, заставляли меня вѣрить въ героевъ романа. Вообще я долженъ сказать, что никогда не читалъ и не слыхалъ описанія какого-нибудь благороднаго, высокаго стремленія и чувства, чтобы не находилъ ихъ и не дивился имъ въ своихъ родителяхъ.

Между-тъмъ страсть моя къ театру оставалась во всей своей силъ: только она съ иткотораго времени не порывалась наружу, какъ прежде. Около этого времени, одинъ проповъдникъ произвелъ на меня глубокое виечатленіе. Это быль покойный Шлегель. Еще не задолго до того, какъ онъ началъ увлекать толпу, возбудилъ онъ во мнв неизгладимое ощущение. Убъждение, отеческая любовь дышали въ каждой строкъ его проповъдей, изливавшихся прямо изъ сердца. Неръдко бывалъ онъ самъ такъ тронутъ, что долженъ былъ останавливаться, чтобы дать успоконться своему волненію. Поведеніе его совершенно согласовались съ его поученіями. Вст любили его какъ отца, и еслибъ онъ сказалъ мнъ : «Ты долженъ отъ посъщенія театровъ», отказаться думаю, что я не ноколебался бы повиноваться ему, Шлегель первый научилъ меня уважать его званіе. На немъ я ясно понялъ, что проповъдникъ можетъ производить на слушателей гораздо сильнъйшее и глубочайшее впечативніе, чемъ производить большая часть проповедниковь; но я видълъ въ то-же время, что мъстное наръчіе, отзывавшееся въ языкъ Шлегеля, его характеръ и слъпое почтеніе къ примъру старины, никогда не нозволять ему дойти до такой высоты. Въ глупой своей самонадъянности, я вообразилъ, что призванъ къ тому, чтобы достигвуть этой великой цели, и сталь мечтать, какъ пріятно, какъ лестно

и славно было бы мит быть проповъдникомъ; я принялся читать, писать и произносить проповъди. Для такой благочестивой цъли нетрудно было мит найти слушателей въ семействъ. Опершись на спинку стула, я произносилъ высокопарныя ръчи, исполненныя благочестія, и меня слушали съ умиленіемъ.

Однажды отецъ пригласилъ къ намъ нѣсколько пожидыхъ тетушекъ и кузинъ, и какъ нынче заставляютъ дѣтей разыгрывать при гостяхъ сонаты Плейеля или Гайдна, такъ меня заставили прочесть нѣсколько страницъ изъ одной правственной книги. Увѣренный въ своемъ талантѣ и призваніи, я смѣло принялся за дѣло; читалъ съ жаромъ, пышно и высокопарно, и подъ конецъ дошелъ до изступленной напыщенности. Добрыя старушки прослезились отъ умиленія. Одинъ отецъ молчалъ, и даже задумался. Когда гости разошлись, онъ сказалъ мнѣ: «Любезный сынъ, мнѣ вовсе не правится напыщенность, съ которою ты читалъ; это ребячество, сквозь которое проглядываетъ безграничная самонадѣяннотть». Я понялъ, что онъ былъ правъ. Я былъ униженъ и оскорбленъ, а между-тѣмъ продолжалъ читатъ проповѣди каждому, кто только изъявлялъ готовность меня слушать, и нисколько не измѣнялъ своего способа декламаціи.

Такимъ-образомъ прошло довольно много времени, ничто не выходило изъ обыденной колеи. Я полюбилъ предметы ученія, которыми занимають детей въ эти лета, и учился очень прилежно. Съ техъ поръ какъ меня стали обучать дома, у меня почти не было товарищей моихъ лътъ. Когда мнъ позволяли идти гулять, я отправлялся вдвоемъ со вторымъ братомъ, который подобно мнв не любилъ ходить въ тв мъста, гдъ мы могли встрътить большое сборище народа. Отецъ, не знаю почему, посылаль насъ обыкновенно гулять за такъ называемыя Каменныя ворота (Steinthor). Гора, извъстная подъ названіемъ Виндмюленберга (Windmühlenberg), самое красивое мъсто въ этой сторонъ города. Мы садились обыкновенно подъ горою, и принимались мечтать о своей будущности. Житье въ деревив, небольшая мыза, были единственнымъ предметомъ желаній брата, а я, изъ любви къ нему, желаль быть деревенскимъ насторомъ въ томъ приходъ, гдъ будетъ его мыза: чтобы не разлучаться съ нимъ, я охотно отказывался отъ стихаря, который носять городскіе пасторы, и отъ восхищенія болье образованной паствы. Въ этихъ мечтахъ мы входили въ такія нодробности, что, казалось, уже видъли свои поля, луга, свой садикъ, и прочая; заранъе жили въ блаженной дъйствительности. Въ пылу бесъды взбирались мы на Виндмюленбергь; оттуда обводили взоромъ всю окрестность и предавались смутнымъ гаданіямъ о томъ, въ которой части

ея будетъ находиться наше будущее жилище. Тутъ неръдко обнимались мы въ порывъ братской любви, и потомъ спокойнъе и бодръе отправлялись домой, въ городъ.

Зимой, когда нельзя было гулять, мы отправлялись на тоть-же чердакь, гдв я прежде столько разь декламироваль трагическія роли, и туть предавались тымь-же мечтамь о мызь брата. Ящики песку представляли куртины и грядки, между-тымь какь цыплята и голуби бытали и летали около нась. Мой пасторскій домь быль помыщень вы чулань, гдв складывались дрова. Полдня проводили мы въ этомь мірь фантазіи, и были счастливы, не выразимо счастливы! Да и не могло быть иначе. Наши желанія были такь скромны, счастіє, котораго мы просили, было такь обыкновенно! почему-же имь не сбыться! Мы радовались каждому окончившемуся дню, потому-что онь на столько приближаль нась къ цыли. Увы! ни одному изъ нась не было дано увидыть эту цыль. Мы живемь врознь; жизнь наша получила направленіе, вовсе не похожее на то, которое мы видыли въ своихъ блаженныхъ мечтахъ; только наши взаимныя чувства, наша братская любовь остались допынь и всегда останутся неизмыны.

Въ это время случилось происшествіе, которое собершенно измѣнило мою послѣдующую жизнь. Смерть похитила у меня наставника, котораго я такъ полюбилъ за его кротость и доброту. Меня отдали въ другія руки, которыя не съумѣли управлять мною. Тотъ заставилъ меня полюбить занятія, его преемники заставили меня ненавидѣть ученіе. Я нисколько не подвигался впередъ съ той степени, на которой онъ меня оставилъ; я исполнялъ свои обязанности противъ воли, съ отвращеніемъ, сталъ лѣниться и прибъгать къ разнымъ шалостямъ и проказамъ, чтобы заглушать голосъ совѣсти и разгонять скуку праздности.

Въ такомъ положеніи дѣла, было отчего задуматься. Родители мои рѣшились отдать меня въ школу. Я поступилъ во второй классъ, хотя едва достаточно былъ приготовленъ къ третьему. Мои познанія въ исторіи были несравненно обшириѣе, точнѣе и основательнѣе познаній всѣхъ моихъ товарищей, дѣятели исторіи производили на меня гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ на нихъ, въ понятіяхъ объ изящныхъ и скусствахъ, я можетъ быть, могъ бы учить самихъ моихъ учителей. Зато, я имѣлъ чрезвычайно высокое мнѣніе о своихъ заслугахъ, и не могъ терпѣливо сносить униженія, которому часто подвергало меня мое невѣжество въ самыхъ первоначальныхъ предметахъ ученія. Это невѣжество скоро совершенно охладило ко мнѣ старшаго класнаго учителя; не пользуясь его уваженіемъ, я сталъ предметомъ насмѣшекъ и для товарищей. Выбраться ихъ этого неловкаго и непріятнаго положенія я

не могъ, потому—что мое легкомысліе не позволяло мнѣ дѣйствовать обдуманно, согласно съ твердо принятымъ намѣреніемъ: поэтому я рѣшился мстить шалостями, насмѣшками и остротами тѣмъ, которые пренебрегали мною. Къ несчастію, этотъ образъ дѣйствія заслужилъ одобреніе нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, и я утвердился въ немъ. Братья мои были въ отъѣздѣ; сестры не могли судить о степени моего невѣжества, потому-что, если онѣ иногда изъявляли безпокойство на счетъ меня или старались побудить меня къ дѣятельности посредствомъ моего самолюбія, я изъ одной уже любви къ нимъ, если не изъ другихъ причинъ, долженъ былъ обманывать ихъ притворнымъ прилежаніемъ или свидѣтельствомъ въ своихъ стараніяхъ, которое я отъ времени до времени получалъ отъ учителя, или наконецъ обнадеживая ихъ будущимъ моимъ исправленіемъ.

Посъщение нъкоторыхъ молодыхъ повъсъ, однихъ со мною лътъ и находившихся въ одинаковомъ положеніи, заразило меня буйнымъ молодечествомъ, а книга, попавшая мнѣ въ то время подъ руку, завлекла меня гораздо дальше, чёмъ я предполагалъ. «Перегринъ Цикль».* представляль столько сходства съ собственнымъ моимъ положениемъ, что я не могь оторваться отъ него, и делаль все что могь, чтобъ еще болъе походить на его героя, и даже перещеголять его. Наша разгульная ватага шаталась по городу и по окрестностямъ, совершая подвиги въ родъ Перегриновыхъ. Экспедиціи наши по большей части вънчались полнымъ успъхомъ; а какъ во всъхъ нашихъ проказахъ мои товарищи, справедливо или нътъ, выставляли меня зачинщикомъ и коноводомъ, весь гитвъ, все негодование обывателей обращались на меня одного До какихъ безразсудствъ, до какихъ противоръчій собственнымъ наклонностямъ можетъ увлечь молодую голову непомфрное желаніе отличиться! Врожденныя стремленія моего сердца были благородны и возвышенны, и хотя я успъль заглушить ихъ на время, однако они были еще живы.

Труппа, послѣ довольно продолжительнаго отсутствія, возвратилась и открыла свои представленія въ большой Оперной залѣ. Я былъ на представленіи «Ричарда III», Вейса. Огромные размѣры и великолѣпная отдѣлка зданія произвели на меня глубокое впечатлѣніе. — Драматическое искусство должно быть нѣчто очень важное и драгоцѣнное, разсуждалъ я, если для него сооружаются такіе дворцы! — Занавѣсъ представлялъ Парнасъ; по одну сторону стояла пальма, на которой висѣла связка оружія съ надписью «Hinc gloria, securitas;» по

estral cindiguas, indendia en elegações distrabilidades para en arres-

² Романъ Смоллета, въ родъ «Томъ-Джонса».

другую сторону, надъ группою музыкальных в инструментовъ, театральных масокъ и другихъ аттрибутовъ драматическаго искусства, была надпись Сигагит dulce levamen! я читалъ и перечитываль эти три слова, обдумывалъ ихъ, и понялъ всю ихъ справедливость. Тяжелое бремя свалилось съ моей души, когда моя мыслъ перешла отъ этой надписи на меня самого. Рука Промысла привела меня къ этому вожатому. Одно мгновение въ этотъ вечеръ поръшило всю мою будущность.

Не много наслаждался я представленіемъ «Ричарда III». Нъкоторыя сильныя мъста поразили меня и вновь раздули мою страсть. Остальное для меня будто не существовало. Я думаль только о себъ и о своей будущности. — Зачъмъ, разсуждаль я, неволишь ты себя учить Маркову грамматику, тогда какъ тебя влечетъ только къ искусству, представляющему публикъ дъянія Ричарда? если ты чувствуешь въ себъ силу представлять со временемъ этого государя, зачъмъ не слъдуешь внутреннему призванію? — Вслъдъ за тъмъ, мыслямъ моимъ представлялись виды на меня моихъ родныхъ, предразсудки моихъ земляковъ противъ актерскаго званія, трудность одольть эти препятствія, и сердце мое сжималось. Въ такихъ размышленіяхъ высидълъ я все представленіе. Когда занавъсъ опустился, я долго смотрълъ на него съ тайнымъ волненіемъ. Сигагит dulce levamen! нъсколько разъ перечитывалъ я эти слова, и съ грудомъ отвелъ отъ нихъ глаза; потомъ побъжалъ домой, чувствуя въ душъ особенную бодрость и надежду.

Съ этой минуты, — теперь я очень сожалью объ этомъ, — я бросиль все, что относилось къ латыни и къ школьному ученію; сталь ревностно читать драматическія произведенія и ходить въ театръ; однимъ словомъ, посвятилъ драматическому искусству все стараніе, которое следовало бы мне приложить къ наукамъ; я былъ убежденъ, что трудился согласно своему призванію и шелъ къ цели, которую поставило миъ Провидъніе. Каждый безъ труда пойметъ, что я могъ предаваться этимъ занятіямъ только втайнъ, и что въ противномъ случаъ я не только подвергся бы тайнымъ казнямъ, противоръчіямъ и досадъ, но и сильно огорчиль бы родныхъ. Чемъ более долженъ былъ скрывать свою любовь къ драматическому искуству и терпъть за него, тъмъ дороже оно мит становилось. Я чувствоваль въ себт способности къ изящнымъ искусствамъ, и не имълъ ни малъйшей склонности къ наукамъ. Иногда я силился обуздать собственное влеченіе, чтобы покориться волъ родителей; иногда отправлялся на Виндмюленбергъ и старался оживить свои старыя мечты. Все было напрасно. Я могъ оплакивать эти отцвътшія мечты; могь оплакивать отсутствіе любимаго

брата и жестокую судьбу, которая не позволяла мив съ нимъ прежить свой въкъ. Грустно было мив подумать, что уже не суждено мив насладиться спокойствиемъ и скромнымъ счастиемъ въ этихъ мъстахъ Печально всходилъ я на вершину горы; вокругъ нея не было уже ни одной колокольни, которая привлекала бы меня и заставляла бы пожелать учредить подъ ея сънью свое жилище. Опредъление судьбы звало меня далеко отъ этихъ мъстъ, далеко отъ этихъ горъ, сливавшихъ свою лазурь съ лазурью неба. Куда зоветъ оно меня? восклицалъ я, и съ горькими глезами блуждалъ по полямъ и лугамъ. Куда зоветъ оно меня? повторялъ я слабымъ голосомъ, и слезы туманили мой взоръ и скрывали отъ меня тропинку, по которой я шелъ Рыдая, боролся я между настоящимъ и будущимъ, между собственнымъ влечениемъ и желаніями родныхъ, между внутреннимъ голосомъ, раздававшимся въ моей душъ, и голосомъ предразсудка, грозившимъ мнъ извнъ.

Почти въ безнамятствъ новертывалъ я назадъ, домой. Достигнувъ Нейштадтскаго кладбища, я вдругъ останавливался и безмолвно созерцалъ это поле смерти. Изъ тъхъ, которые здъсь покоятся, думалъ я, сколько можно бы насчитать такихъ, которыхъ сердце было раздираемо внутрениею борьбою, подобно моему! Дъти земли, мы всю жизнь вращаемся въ кругу около своей могилы, пока смерть не сведетъ насъ въ нее. Вътеръ колеблетъ цвъты на курганъ, покрывающемъ наши останки; а кто подойдетъ къ кургану, скажетъ ли намъ спасибо за то, что мы восторжествовали надъ этими бурными стремленіями сердца, которыхъ цъль не отъ здъшняго міра, и которыя, можетъ быть, составляли лучшую долю насъ самихъ?

Однажды я подошель къ тому мъсту, гдъ были схоронены многіе мои родные по матери; туть мысли мои нъсколько успокоились, и я могь свободно выплакать свое горе. — Здъсь, думаль я, будуть покоиться и мои родители. Неужели я буду причиною, долженствующею ускорить ихъ кончину? — Трава на могилъ дъда медленно колыхалась подъ дуновеніемъ вътра; меня взялъ страхъ, я съ ужасомъ отвратилъ взоръ отъ этого зрълища, и бросился въ городъ. Впрочемъ надежда, что все уладится къ лучшему, безъ горя кому бы то ни было, скоро ободрила меня; и я не только не отрекся отъ своихъ видовъ, но еще съ большею ревностью принялся за изученіе драматическаго искусства. Предавшись совершенно избранному предмету, я вовсе почти не занимался или занимался плохо тъмъ, къ чему меня предназначали. Но я глубоко хранилъ свою тайну въ душъ, чтобы никто не могъ ея даже подозръвать; и теперь понимаю, что это притворство должно было сдълать меня ненавистнымъ и низкимъ въ глазахъ тъхъ, которые, не зная бурь, проис-

ходившихъ въ моей душѣ, могли видѣть во мнѣ только лѣниваго, упрямаго, своевольнаго юношу, и судить обо мнѣ только по взбалмошнымъ дѣйствіямъ, въ которыя вовлекала меня моя горячка моего сердца. Одна только душа ни на минуту не усомнилась во мнѣ и не теряла надежды на меня.

Мертвые были единственными моими повъренными. Отъ того ли, что я непримътно для себя самого привыкъ ежедневно отправляться туда размыкать горе, или оттого-что страждущие всегда находять облегченіе тамъ, гдъ нътъ уже страданія; но когда тоска гоняла меня отовсюду, когда мит нигдт не сидтлось, какая-то таинственная сила влекла меня на кладбище, и при взглядъ на его мрачныя ворота, воображенію моему представлялась надпись «Curarum dulce levamen»; но ужъ совершенно съ другимъ значеніемъ. На старинныхъ надгробныхъ плитахъ обыкновенно бываетъ подробно изображена вся исторія покоящихся подъ ними людей. На одной разсказывалось, напримъръ, что почтенный и праведный, безкорыстный и мужественный N., родившись въ дальной сторонъ, въ молодости преслъдуемый бъдствіями, нашелъ родину въ здъшнихъ мъстахъ, душевное счастіе въ союзъ съ добродътельною и кроткою супругою, и спокойствіе въ исполненіи обязанностей званія, доставлявшаго ему пропитаніе; и что онъ мирно и благочестиво почиль въ лонъ Господнемъ. Съ истиннымъ наслаждениемъ и умилениемъ читалъ я подобныя надписи. И онъ также, разсуждалъ я, не могъ добиться усибха въ родной странъ; молодость его была тревожима душевными бурями, сердце и внутреннее призваніе принуждены были искать отечества вдали отъ родины; слезы и стоны провожали его, и онъ также, быть можеть, много перестрадаль, прежде чёмь сошель въ могилу. Зато онъ пользуется за гробомъ славою человъка почтеннаго и праведнаго, безкорыстнаго и мужественнаго; и мирно и благочестиво почилъ въ лонъ Господнемъ. А то, что терзаетъ мое сердце, развъ преступно или заслуживаетъ презръніе? неужели эта внутренняя борьба, которая такъ мучитъ и огорчаетъ меня, не должна имъть конца?

«Иди въ тотъ край, который я укажу тебь!» гласила другая надиись, на могилъ иногородца, прибывшаго въ Гановеръ изъ Изерлона, въ Вестфаліи. Эти слова произвели на меня самое глубокое впечатлъніе. Да, думалъ я, судьба укажеть мнъ дорогу, и я послъдую ея зову!

Безпрестанно посъщая кладбище, я познакомился съ могильщиками. Я былъ первымъ существомъ, являвшимся каждое утро въ ихъ владъніяхъ; но настоящая причина, привлекавшая меня сюда, скрывалась подъ видомъ простаго любопытства. Эти люди составляютъ нъчто въ

родъ очень грозной живой хроники. Приговоры ихъ строги и непреложны. Они слишкомъ свыклись съ мыслію о ничтожествъ всего человъческаго, чтобы мірская слава и величіе могли держать въ почтеніи ихъ явыкъ. Свое уваженіе къ человъку богатому или знатному они выражаютъ только тъмъ, что на футъ или на два глубже роютъ ему могилу. Мнъ становилось грустно, когда я объ этомъ думалъ. Чъмъ завъса тоньше, гокорилъ я, тъмъ милъе образъ въ моихъ глазахъ. Нътъ, отвъчалъ могильщикъ, тъхъ, кого я искренно почитаю, ужъ не выроетъ мой преемникъ; я зарываю ихъ такъ глубоко въ землю, что никто не потревожитъ ихъ.

Между-тъмъ въ Гановеръ прибыла труппа Шредера. Великій талантъ Брокмана, геній Шредера и его невъстки воспламенили до высочайшей степени мою любовь къ театру. Я уже не владълъ собою. Моя страсть къ драматическому искусству влекла меня въ театръ почти каждый день. Это было несогласно ни съ желаніемъ моихъ родныхъ ни съ заведеннымъ въ нашемъ домъ порядкомъ; мы жили просто и въ согласіи, но на старинный ладъ; всъ обычаи и распредъленія времени были подчинены неизм'єннымъ правиламъ, основаннымъ на самыхъ благихъ намъреніяхъ и на убъжденіи, что это было лучшее средство упрочить счастіе и душевное спокойствіе каждаго члена семейства. Я принужденъ былъ прибъгать къ обману и хитростямъ, чтобы скрывать евои отступленія отъ этого заведеннаго порядка; въ противномъ случат, последствія были-бы равно непріятны и горестны для объихъ сторонъ. Такимъ-образомъ начался для меня и для моихъ родныхъ весьма печальный періодъ времени. Могь-ли я открыть имъ то, что происходило въ моей душъ? Могъ-ли я надъяться, что они склонятся на мое желаніе? вёдь это было въ 1772 году! могъ-ли осуждать того, кто сталъ-бы смотреть на мою страеть къ драматическому искусству проето какъ на склонность къ разгульной жизни?

Около этого времени, быль я переведень въ старшій классь коллегіи. По своимъ познавіямъ, я не заслуживаль этого перевода, а какъ заведеніе было тогда въ управленіи незабвеннаго Бальгорна, и старшій классь преимущественно быль въ самомъ цвѣтущемъ состояніи и заключаль нѣсколько отличнѣйшихъ головъ, обращавшихъ на себя все вниманіе учителей, то можно себѣ представить, каково было мое положеніе въ этомъ классѣ, и какъ больно, какъ мучительно было для меня сознаніе жалкой роли, которую я занималъ. Однако помѣстившіе меня въ коллегію не заслуживають ни малѣйшаго упрека. Одинъ годъ прилежанія могъ все исправить, а они имѣли полное право полагать, что

неудовольствіе, возбужденное моєю ліностью, а не что другое привело меня къ тому состоянію, въ которомъ я находился. Того, что долженствовало лишать и дійствительно лишало меня всякаго довірія къ себі самому и всякой охоты къ труду; что заставляло меня предаваться ліни и праздности и ділало меня равнодушнымъ ко всему, кромі драматическаго искусства; тоски, которую порождали въ моей душі настоящія обстоятельства моей жизни и безпокойство насчеть будущаго въ слідствіе препятствій, которыя я предугадываль въ исполненіи своихъ плановъ; безпрестанно возраставшихъ опасностей, которымъ я подвергался ежедневно и которыя могъ на время удалить изъ своихъ мыслей только посредствомъ какого—нибудь безразсуднаго, разгульнаго подвига; — всего этого не могъ знать никто; а по этому никто не могъ ни судить меня, ни предложить мні руководство.

Нъжные, заботливые родители считали мою праздную, разсъянную жизнь единственною причиною всему, что было во мнт не такъ, какъ слъдовало. Они стали искать средства помочь бъдъ, и уговорили настора Рихтера, въ Шпринге *, взять меня къ себъ и заняться моимъ воспитаніемъ. Нынче, припоминая и обсуживая свое прошедшее, я понимаю, что еслибъ мои родители ръшились на эту мъру нъсколькими годами ранъе, они достигли бы цъли; въ это же время цъль ихъ была уже недостижима. Когда геній искусства дохнуль на челов'вка своимъ животворнымъ духомъ, въ этомъ человъкъ рождается потребность творить и воплощать созданія своей фантазіи; онъ можетъ уже учиться только тому, что должно вести его къ этой цели; всякая другая наука лишается для него всякаго интереса. Не смотря на то, пребывание въ Шпринге принесло мив большую пользу. Я долженъ быть благодаренъ пастору Рихтеру за его снисходительность, за его доброту, за его наставленія, внушенныя самымъ чистымъ и высокообразованнымъ вкусомъ. Ему обязанъ я всемъ, что ныне составляетъ мое счастие и что дълаетъ меня достойнымъ имъть друзей.

Не безъ сожальнія вывхаль я изъ Гановера. Наканунь отъвзда, отправился я въ театръ проститься съ нимъ. Сердце мое ужасно сжалось, когда наступила минута прощанія съ моими родными. Въ Шпринге встрытили меня съ трогательнымъ радушіемъ и дружелюбіемъ; почтенный мой наставникъ не упускаль никакого средства разсыять мою печаль и развеселить меня. Мои рысканія безъ цыли по горамъ и по до-

the friendly than the property that our a relation of

^{*} Небольшой городокъ въ Гановерскомъ королевствъ.

линамъ прекратились; но мнѣ позволялось ходить иногда на довольно высокій холмъ, смотрѣть на Гановерскую городскую башню, около которой жили всѣ мильце моему сердцу. Неподалеку отъ этой башни былъ и предметъ всѣхъ моихъ помысловъ, мое curarum dulce levamen. Никогда не терялъ я его изъ виду среди этихъ лѣсовъ и рощей; и здѣсь, въ уединеніи, составлялъ я планъ своей будущей жизни.

Рихтеръ прочелъ съ нами Цицероновъ трактатъ De officiis, который онъ объяснялъ намъ съ необыкновеннымъ умомъ и значіемъ дѣла. «Опыты» Монтаня, которые онъ далъ мнѣ читать, были часто предметомъ нашихъ разговоровъ, и бесѣда его въ этихъ случаяхъ всегда была полна глубокой учености, оригинальнаго ума и теплоты. Онъ далъ мнѣ въ руки также лучшихъ поэтовъ и старался раскрыть мнѣ въ пихъ всѣ красоты, которыя могли быть мнѣ доступны. Никогда не забуду всего, чѣмъ я обязанъ этому достойному наставнику. Кромѣ основательныхъ познаній, которыя я почерпалъ изъ его уроковъ, у него научился я держать себя въ обществѣ, отъ него узналъ условія, которыя свѣтъ предписываетъ каждому человѣку, желающему считаться благовоспитаннымъ, и о которыхъ я до того времени не имѣлъ и понятія.

Во время моего пребыванія у пастора Рихтера, о театрѣ не было и помина, кромѣ того развѣ, что было говорено по поводу извѣстія о смерти Шарлотты Акерманъ. Съ какою важностью разсуждали всѣ журналы объ этомъ событій, о талантѣ покойной, объ искусствѣ, которому онъ былъ посвященъ! Сколько это доставило пищи и подкрѣпленія моему тайному влеченію и моимъ видамъ на будущность!

Многосложныя обязанности пастора Рихтера не позволили ему держать меня при себъ долъе 1775 года. Я возвратился въ Гановеръ и опять поступилъ въ коллегію, гдъ довольно долго исполнялъ свой долгъ старательно, хотя безъ охоты; каждый шагъ мой на этомъ поприщъ казался мнъ шагомъ отступленія отъ предмета моей страсти. Когда я отдаю себъ отчетъ теперь въ тогдашнихъ моихъ чувствахъ, мнъ кажется, что я даже съ нъкоторымъ удовольствіемъ замъчалъ въ себъ недостатокъ познаній, долженствовавшій преградить мнъ путь въ высшія учебныя заведенія. Я не былъ празденъ. Я безпрестанно читалъ, изучалъ, обдумывалъ все, что могло образовать изъ меня драматическаго артиста; но пренебрегалъ всъмъ, что требуется для образованія проповъдника.

Брокманъ, въ «Гамлетт», возбуждалъ энтузіазмъ всёхъ молодыхъ людей, сколько нибудь надёленныхъ эстетическимъ чувствомъ. Какое

пріятное ощущеніе произвель онъ на меня! Представленіе этой трагедіи открыло мнѣ невѣдомую до того времени сферу высоко-трагическаго, чудеснаго, поэтически - громаднаго. Съ этого - же времени, и музыка стала для меня поэтическимъ, могучимъ, выразительнымъ и понятнымъ языкомъ; стала мнѣ собесѣдницею, утѣшительницею, начала возбуждать во мнѣ самыя благородныя, самыя возвышенныя чувства. Она очищала и возносила мою душу, говорила ей, отвѣчала на ея потребности, какъ никто еще не умѣлъ отвѣчать ей. Братъ мой игралъ на віолончели и звуки этого инструмента всегда наводили на меня тихую задумчивость.

Когда я не могъ ни слышать музыки ни идти въ театръ, я отправлялся на кладбище, и тамъ, среди его безмолвныхъ обитателей, думаль о предметь моихъ завътныхъ желаній и о будущемъ. Но эти частыя прогулки на кладбище были скоро подмъчены и подали поводъ къ неблагопріятнымъ для меня толкамъ; я покинуль кладбище, сталъ искать другихъ уединенныхъ мъстъ и наконецъ выбралъ для своихъ грустныхъ размышленій мъсто, называемое Шнелле-грабенъ (Schnelle-Graben), гдъ Лейна низвергается съ значительной высоты. Съ невыразимымъ удовольствіемъ любовался я водопадомъ; у меня становилось какъ-то спокойнъе на душъ при видъ этихъ клокочущихъ и пънящихся волиъ, которыя, пробъжавъ нъкоторое пространство и слившись съ водами быстраго протока, мало по малу становятся тихи и прозрачны. Ни буря, ни палящее солнце, ни дождь, ни морозъ не могли удерживать меня отъ этихъ прогулокъ. Это были для меня часы ученія и размышленія; тутъ я бесёдоваль съ собою, размышляль о человёческихъ судьбахъ, наслаждался созерцаніемъ природы. Эти минуты стали для меня необходимою потребностью и не могли имъть для меня никакихъ вредныхъ последствій, кроме разве потери несколькихъ уроковъ богословія или другихъ занятій, которыми мнѣ не слѣдовало бы пренебрегать.

Разъ, впрочемъ, послъ серьознаго размышленія, проникнувшись сознаніемъ своего долга, я ръшился приняться за ученіе съ большимъ стараніемъ. Но первый за-тъмъ урокъ прошелъ въ объясненіяхъ какихъто непонятныхъ для меня положеній. Это отбило у меня послъднюю охоту.

Около того времени учреждалась драматическая школа, о которой говорить Рейзеръ въ исторіи своей жизни. Нами обоими владъла та же страсть; все, что онъ говорить объ этомъ учрежденіи, также какъ и все, что онъ разсказываеть о своей жизни, которой всв подробности

извъстны мнъ, до самаго вытада его изъ Гановера, вполнъ справедлино. Миръ и общая любовь его памяти! Я игралъ въ этой школъ, какъ молодой человъкъ, встми мыслями и всей душой преданный драматическому искусству. Мой опытъ былъ довольно удаченъ. Однако я далеко отсталъ отъ своего идеала, и очень хорошо понялъ огромное разстояніе между чувствованіемъ и пониманіемъ вещи. Я постигъ также великія трудности искусства, и это еще увеличило его важность въ моихъ глазахъ; живо почувствовалъ, что если я хотълъ идти далъе, то не слъдовало мнъ терять времени.

Мить казалось, что дурно было бы съ моей стороны позволять отцу расходоваться на мой академическій курсь, тогда какъ я намтренъ былъ поступить на поприще, противортнащее и его видамъ и понятіямъ встать моихъ родиыхъ. Вследствіе этого убъжденія, я рышился немедленно удалиться изъ родительскаго дома и начать свои странствія и ученіе избранному искусству. До того времени я никогда еще не бывалъ далье Ширинге, за три мили отъ Гановера; но въ планахъ моихъ, повздка на край света казалась мить не болье какъ простая прогулка.

Много плановъ сочиняль я, принималь и отвергаль поочередно, разбираль съ немногими повъренными моихъ тайнъ; одинъ только изъ нихъ долженъ былъ участвовать въ моемъ предпріятіи. Наконецъ назначень былъ и день. Опасная бользнь отца принудила меня повременить исполненіемъ, и едва не поколебала совершенно мое намъреніе. Я не могъ въ такихъ обстоятельствахъ подняться на поступокъ, который, какъ мнѣ было очень хорошо извъстно, прямо противоръчилъ планамъ, желаніямъ, надеждямъ и понятіямъ отца. Такая жертва, которую я долженъ былъ принести, наполняла мою душу тъмъ самодовольствомъ, которое всегда порождается въ человъкъ сознаніемъ своего достоинства. Сердце мое радовалось каждому признаку выздоровленія и я гордился тъмъ, что нашелъ въ себъ достаточную силу для принесенія такой жертвы.

Все это время я занимался очень прилежно. Я не старался подавить свою тайную страсть, но съ другой стороны, не дѣлалъ ничего, что могло поддерживать пламя; я предоставилъ самой судьбѣ рѣшить мое будущее назначеніе, и съ этой мыслью ревностно исполнялъ свои школьныя обязанности.

По заведенному въ Гановеръ обычаю, каждое воскресенье, во время послъобъденной службы, одинъ изъ учениковъ коллегіи долженъ былъ читать съ хоровъ, въ соборъ, главу изъ апостольскихъ посланій и по-

ученіе, приготовленное на этотъ текстъ приходскимъ пасторомъ. Это чтеніе совершалось всегда такимъ пронзительнымъ и однообразнымъ голосомъ, что невозможно было ничего ни слышать не понимать. Я сталъ размышлять, нельзя ли, при обыкновенномъ голосъ, читать безъ мычанія и безъ голошенія, но такъ, чтобъ слышно было во всемъ зданіи, ясно, съ одушевленіемъ и убъжденіемъ. Увъряютъ, что попытка моя имъла успъхъ; во всякомъ случать, прихожане, которые обыкновенно не отличались особеннымъ вниманіемъ къ этому чтенію, прослушали меня съ очевиднымъ удовольствіемъ.

Этотъ небольшой уситхъ придалъ нткоторую силу мысли, на которой я нткогда останавливался, посвятить себя высокому званію пастора. Съ этой мыслью я началъ стараться объ обузданіи своей страсти къ театру; и если эти усилія и придавали какой-то грустный отттнокъ всему окружавшему меня, ттмъ не менте въ настоящемъ моемъ положеніи было больше пріятности, чтмъ непріятности. Скоро я снова заслужиль одобреніе и любовь ттхъ, которыхъ расположеніе было мить такъ дорого. Душа мой была открыта встмъ, и исполнена самыхъ благихъ намтреній. Довольно долго пробыль я въ этомъ состояніи, близкомъ къ невинности и беззаботности дттства, и по временамъ выдавались мить минуты самой чистой радости.

Но чего могъ ожидать отъ меня тотъ, кто не зналъ, откуда происходили и куда клонились эти безпрестанныя колебанія моей души? Я никого не виню въ томъ, что никто не могъ среди этихъ частыхъ переходовъ отъ одного намъренія къ другому, отъ одного расположенія къ противному, понять, какимъ образомъ величайшіе недостатки могли соединиться во мнъ съ наилучшими душевными свойствами. Приговоръ былъ произнесенъ, меня признали лицемъромъ; и виѣшнее мое поведеніе, сказать правду, подкрѣпляло это сужденіе. Мпѣ не оказывали никакого уваженія, и я даже самъ не зналъ, какъ смотрѣть на себя; я утратилъ всякое довѣріе къ себѣ самому, готовъ былъ почти презирать себя. Одна только душа не отказывалась отъ всякой надежды на меня, и только благодаря ей, сохранилъ я еще нѣкоторую душевную энергію. Но много прошло времени, прежде чѣмъ во мнѣ нашлось мужество возстать на обидное мнѣніе о моемъ сердцѣ. Углубляясь въ себя, я нах одилъ въ себѣ множество недостатковъ, но не видѣлъ ни-

чего существиено-развратнаго. Сначала это возбудило во миж досаду, горечь, но потомъ я впалъ въ совершенное безсиліе и безчувственность.

Въ это время, въ одну ночь, сидя на Штейнгругъ, у подножія Дейстергебирга, прочель я съ Антономъ Рейзеромъ «Вертера». Эта книга раздула въ моей душъ пожирающее пламя, которое совершенно лишило меня способности владъть собою. Не одно хорошее свойство внезапно пробудилось во мнъ, я почувствовалъ, что наложу на себя упрекъ, отказавшись отъ поприща, на которомъ видълъ столько людей лънивыхъ и праздныхъ. Проснись, восклицалъ я, призваніе указываетъ тебъ путь, твоя будущность открывается! Вооружись твердою волею, и ступай смъло впередъ.

Вскорѣ послѣ того видѣлъ я «Стеллу», «Клавиго», «Отелло», «Графа Эссекса», «Эльфриду», каждое изъ этихъ представленій приближало меня на шагъ къ моей цѣли. Частое посѣщеніе театра отвлекало меня отъ моихъ обязанностей, возбудило неудовольствіе моихъ родныхъ и разрушило миръ и спокойствіе въ семействѣ. Доброе мнѣніе обо мнѣ давно было уже сильно поколебано; это обстоятельство ниспровергло его окончательно. Я видѣлъ, что надо мною копилась страшная гроза, и не зналъ, чѣмъ отвратить ее.

21 февраля 1777 года, давали пьесу подъ названіемъ «Страхъ супружества» (Die Ehescheue). Въ третьемъ дъйствіи меня вызвали домой. Выходя изъ театра, я почувствоваль, что судьба моя должна рѣшиться немедленно! Стоя на лѣстницѣ перваго яруса, съ тяжелымъ вздохомъ созерцалъ я, за бурными волнами Лейны, печальную картину зимней ночи, мрачной и неистовой, я судорожно ухватился за перила и долго простоялъ безмолвно въ этомъ положеніи. — Силы мои истощены, думалъ я, пожирающее меня пламя скоро совершенно измучитъ ... пора кончиться этому состоянію!

И въ самомъ дълъ, я готовъ былъ твердо идти къ своей цъли. Одно мгновеніе въ этотъ вечеръ ръшило мою судчбу. Усиліе, къ которому я былъ вызванъ, возбудило до послъднихъ предъловъ силу воли, которая мнъ казалась долгомъ и которой никто во мнъ не предполагалъ. Все было кончено, судьба моя ръшилась. Состояніе колебанія, въ которомъ я находился до того времени, было мит невыносимо; несогласіе съ окружающими медленно разстроивало мое здоровье. Годъ, который я долженъ былъ пробыть въ актдеміи, уже начался. Отнынт я не могъ ожидать въ Гановерт ни счастья, ни покоя. Цтлую ночь, длинную, тягостную ночь, боролся я съ этими мыслями; не думаю, чтобы предсмертная ночь могла быть тягостите этой.

На другой день, рано утромъ, я отправился на нъкоторое время за городъ; поцъловаль руку отцу и матери, снялъ со стъны рисованный портреть отца и почти безъ памяти выбъжалъ изъ родительскаго дому, чтобы пуститься на всъ четыре стороны. Передъ зданіемъ архива тамъ, гдъ нъкогда ръшилась участь моего отца, я остановился; но не для размышленія, нътъ! мыслямъ моимъ представлялась надгробная надпись: «Иди въ ту сторону, куда я укажу тебъ!» и въ этихъ словахъ почерпалъ я новое мужество, новую ръшимость.

Весь первый день моего странствія, сердце мое ужасно ныло; я проплакаль все время; следующій день быль еще мучительнее. Наконець, однако, красота местоположенія, окружающаго Миндень * одушевила меня мужествомъ и разсеяла несколько мое горе. Но какъ тяжело, какъ горько стало мне, когда я переступиль границу моего отечества! Я чувствоваль, что оставляль его, быть можеть, навсегда. Готовясь удалиться отъ него, я взглянуль на портреть отца, который съ трудомъ несь за пазухою, въ рамкв. Движеніе стерло несколько рисунокъ около глазъ; мне показалось, будто они покраснели отъ слезъ. Эта мысль сильно поколебала мою решимость.

Во Франкфуртъ не захватилъ я уже театра. Содержатель его, Маршанъ, былъ въ Ганау; онъ обратилъ меня къ Рестрихту, который находился съ своею труппою въ Вецларъ Съ отчаяніемъ вышелъ я изъ Ганау. Передъ театромъ раскрылъ я «Театральный альманахъ», и вы боръ мой палъ на Готу. Имя Экгофа и моя надежда на него манили меня туда. Почти безъ денегъ, встръчая повсюду невъроятныя затруд-

^{*} Небольшой городокъ въ Гановерскомъ королевствъ.

ненія, тащился я по большимъ дорогамъ и по просекамъ, поддерживае-

Передъ вступленіемъ въ Готу, я остановился на мосту близъ Зеттельштеда, и сталъ приготовлять рѣчь, съ которою думалъ обратиться къ Экгофу. На слѣдующій день явился я къ нему и произнесъ половину своей рѣчи; тутъ воспоминанія прошедшаго толпою возстали въ моемъ умѣ: Мельфонтъ, Антіохъ, Ричардъ, Линкей, Кодръ, Тельгеймъ, Оросманъ представились моему воображенію и возложили лавровый вѣнокъна чело Экгофа. Слезы хлынули изъ моихъ глазъ, сердце мое умилилось передъ великимъ артистомъ, и я не могъ болѣе произнести ни слова.

Онъ дружески подалъ мнѣ руку... огонь пробѣжалъ по всѣмъ моимъ членамъ; мнѣ казалось, что прикосновеніемъ онъ посвящалъ меня въ тайны своего искусства.

Ходатайство Экгофа ръшило принятіе въ труппу. Никогда не забуду этой услуги. Пятнадцатаго марта 1777 года, я дебютироваль въ Готъ, на придворномъ театръ.

Я видълъ только дивные остатки таланта безсмертнаго Экгофа, хотя бывали еще минуты, когда онь обладалъ еще всею своею силою, былъ норазителенъ истиною въ натетическихъ и благородныхъ роляхъ и производилъ глубокое впечатлъніе на слушателей самыми простыми средствами. Нъкоторыя мъста въ роли принца въ «Юліи Тарентскомъ», роль Зитмана въ «Страхъ супружества», Биллербека въ пьесъ «Скоръй, нока никто не узналъ», (Geschwind, eh' es Jemand erfährt), передавалъ онъ съ изумительною энергіею. Искусству ли, или силъ чувства должно принисать большее участіе въ впечатлъніи, которое онъ производилъ на публику? Это вопросъ, котораго я ръшить не могу, потому—что его самого уже нътъ, чтобы отвъчать. Знаю только, что ему стоило только захотъть, и онъ во всякое время могъ заставить меня проливать слезы; скажу еще то, что чрезвычайно ръдки были случаи, когда я, при хладно кровномъ размышленіи, могъ упрекнуть себя въ пролитыхъ слезахъ.

Бёкъ (Böck) обладаль въ высшей степени манерами свътскаго человъка, и неръдко бархатный, вкрадчивый голосъ его проникаль въ сердце,

въ мъстахъ, въ которыхъ должны бы преобладать чувство и убъждение-Въ то же время начиналъ проявляться геній Бейля въ высоко-ко. мическихъ роляхъ; уже тогда нельзя было не признавать истины, силы, полноты жизни, ума и тонкаго наблюденія во всемъ, что онъ создавалъ.

Вмѣстѣ со мною дебютировалъ Бёкъ (Bёck); онъ тогда уже подавалъ огромныя надежды и мужественно боролся съ трудностями своего луа.

day a see those and high, tree that teem the

pulse a take a track a set to the track of the company to co

STATE OF THE STATE AND SERVICE OF ASS.

PROPERTY THE CARLES AND A STREET AND A STREET

Colored Company Company of the Property of the Colored Colored

reports the first the first and the first of the first of

to de propositione de la completa d Escripción de la completa del la completa del la completa del la completa de la completa del la complet

-in condition of the second of

Principal arrival countries of the countries of the second of the second

THE RESIDENCE OF THE REPORT OF THE PARTY OF A SECOND OF THE PARTY OF A SECOND OF THE PARTY OF TH

The state of the service and the supervisors are supervisors and the service of t

The surface of the su

a kilayin menangan pengalap kenganan punitipak balan sa berjala

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ.

the commontant to ancogod amount on the Licensen acomposite and

Salidari dan din asanna sa khingandan persanat negari marak birakan

Butter the en much general and the little of the part with the best with

Reference princed the terminance being remposers

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Робертъ, Мейербера; — Инно, Верди; — Сонамбула, Муритане, Беллини; — Лукреція Борджія, Линда-ди-Шамуни, Доницетти; — Свадьба Фигаро, Моцарта; — Сардананалъ, Джулю Алари.

Въ первой нашей статьт (см. «Пантеонъ» за ноябрь 1851 г.) мы подробно говорили о Мейерберт и его «Гвельфахъ и Гибеллинахъ.» Выводя общій характеръ музыки этого моэстро, мы заключили, что онъ важность драматической истины хочеть подчинить върности историческаго колорита эпохи и, повинуясь стремленію литературы, вывести оперу изъ сферы психологической въ общественную. Первая опера, въ которой проявилось это направленіе, была «Робертъ». О возможности и границахъ историческаго колорита въ музыкъ было уже нами говорено: Мейерберъ имълъ много музыкальных данных для очерченія рыцарственных побужденій съ ихъ отвагой и религіозными убъжденіями; но онъ не могъ коснуться этихъ побужденій, не коснувшись вмість съ тімь тіхь мистических преданій и легендъ, которыя составляли поэтическій колорить эпохи и которыми только объясняется ея общественное настроеніе. (См. Fauriel, «Romans de la Table Ronde»). Эпоха рыцарства, — начало романтизма; а что такое музыка, какъ не высочайшій романтизмъ? Романтизмъ есть стремленіе, выработавшееся изъ средне-въковыхъ убъжденій, влекущее нашъ духъ, въ противоположность воззрѣнію древности, къ сверхъ - чувственному, безконечному, идеальному. Первый толчекъ получила пластика, въ области искусства, отъ духовной музыки, которая начала возбуждать самыя возвышенныя ощущенія души и направлять ихъ къ безконечному, безграничному, въ то время, какъ пластика стремилась къ ограниченію всего осязаемой формой. Гдѣ кончается царство слова, тамъ начинается царство звуковъ. Такимъ образомъ въ обширномъ смыслѣ, музыка уже есть романтизмъ. Но здѣсь мы ограничимъ себя сферой драматической музыки и постараемся опредѣлить значеніе романтизма въ этой болѣе тѣсной рамѣ.

Весьма естественно, что когда музыка была вызвана для объясненій драматическихъ положеній, — роль ея, въ присутствіи словъ, поэзіи и пластическихъ искусствъ, должна была состоять въ обозначении вліянія духовнаго міра на жизнь и въ изображеніи его въчно-дъйствующей, въчно присущей всюду силы. Такова задача музыки «Донъ-Жуана» и «Волшебной Флейты». Моцартъ первый ввелъ въ драматическую музыку романтическій элементъ. До него его не было: лирическая трагедія, правда, имѣла часто дѣло съ духами, но она употребляла ихъ какъ Deus ex machina, не придавая имъ романтическаго значенія. Допущенный въ музыку, романтизмъ развился въ ней быстро подъ мощнымъ вліяніемъ Бетховена. Этотъ романтизмъ долженъ былъ преимущественно выобразоваться въ музыкъ въ то время, когда вся Германія была въ полномъ разгаръ романтизма, дъятельно переработывавшаго эстетическія начала и заставившаго поэзію и филологію обратиться къ древней германской жизни, оставшейся въ отрывкахъ пантеистическихъ преданій до-христіанскаго ея періода. Это сформулированіе было дъломъ Гофмана. Гофманъ прежде всего музыканть, даже въ своихъ фантастическихъ повъстяхъ. Онъ первый подвергнулъ музыку психологическому разбору и, мистическимъ своимъ воззрѣніемъ на нее, предуготовилъ романтико-драматическую школу, представителемъ которой считается Веберъ. Въ 1814 г. появились въ Бамбергъ знаменитыя «Fantasiestücke», которыя обнаружили оригинальное воззрѣніе Гофмана на музыку. Это воззрѣніе проявилось также въ его «Кремонской Скрипкъ» и фантазіи «Донъ-Жуанъ».

Съ такимъ воззрѣніемъ на искусство, Гофманъ могъ сказать, что инструментальная музыка самое романтическое изъ искусствъ *. Мало того: онъ доказалъ это своей оперой «Ундина». Она была пред-

^{*} Вліяніе Гофмана на Вебера болье всего ощутительно въ посмертномъ его (Вебера) неокончанномъ литературномъ произведеніи: — «Künstlerleben;» надобно прочесть тамъ его фантастическую теорію и характеристику нъмецкой школы, пересыпанную чисто-гофмановскимъ юморомъ.

ставлена въ Берлинъ въ 1814 г. Отдъльные нумера понравились публикъ, но вся опера произвела слишкомъ разрозненное впечатлъніе; въ ней, по увъренію тогдашнихъ критиковъ, было разбросано слишкомъ много свъта безъ опытности въ его распредъленіи, хотя характеристика была схвачена превосходно, и въ выразительности и оригинальности не было недостатка. Такимъ-образомъ, Гофманъ воззрѣніемъ своимъ на искусство и музыкой, произвелъ перемъну въ задачъ драматико-романтической музыки. Оставаться на высотъ «Донъ-Жуана» было трудно: надобно было сдълать еще шагъ впередъ. Надобно было вмъсто символистическаго олицетворенія духовъ, свести ихъ изъ міра фантазіи въ человъческій міръ и поставить здівсь въ въчную борьбу съ силами человъческими. Если музыка не сдълала этого шага сознательно, то она была вовлечена въ переворотъ, какъ мы уже видъли, направленіемъ эпохи. Проникнутый этими идеями, Веберъ напаль на человъка, разработывавшаго древне-германскія преданія; и вотъ поэма Ф. Кинда послужила канвой для «Фрейшютца». Съ этой точки зрѣнія, «Фрейшютцъ» стоитъ въ главъ произведеній драматико-романтической школы.

Изложивъ вкратцъ, сколько позволяютъ намъ размъры статьи, историческое развитіе романтическаго элемента въ драматической музыкъ, взглянемъ, до какой степени этотъ элементъ можетъ существовать въ ней; и гдъ границы, за которыми онъ становится уже натяжкой? Шексниръ обладалъ чудной способностью воплощать вст созданія воображенія, выводимыя имъ въ его драмахъ. Для музыки это очеловъчивание необходимо. Черный стрълокъ «Фрейшютца» является, какъ горный духъ, на второмъ планъ, внъ драматическаго дъйствія, въ мелодрамъ; представитель его въ музыкъ — Каспаръ, съ страстями и побужденіями человъческими. Статуя Командора въ «Донъ-Жуанъ», какъ мы уже замъчали, — воплощенный образъ смерти; выполнение музыкальной задачи въ этой сценъ сдълалось возможнымъ только потому, что смерть приведена въ соприкосновении съ человъкомъ. И такъ изображеніе сверхъ-естественныхъ силь въ музыкъ допускается и становится возможнымъ только при облечени ихъ въ человъческия формы, какъ дълали это древніе, и преимущественно, греки. Остается другой фантастическій элементь, возможный и доступный музыкь: это пантеистическое возаръние древней Германіи на природу, воскрешенное съ художественной цълью новымъ романтизмомъ. Здёсь уже задача труднее, потому-что здёсь описательная музыка сталкивается съ фантастическимъ элементомъ и успъшный результатъ такого столкновенія — дъло великаго таланта. Поэтъ легко представить вамъ въ ропоте леса хоръ сильфидъ,

лъшихъ и другихъ духовъ, въ завываніяхъ вътра — дуновеніе Бореевъ, въ шумъ травы — ленетъ эльфовъ; примъры тому мы находимъ въ поэтиче скихъ сказкахъ Ламотта-Фуке; но, для музыканта, ропотъ лъса, завыванія вътра и колыханіе травы и будетъ тъмъ, что онъ есть, т. е., завываніемъ вътра и колыханіемъ травы. Здъсь-то является необходимость проведенія тонкой черты между дъйствительностью и вымысломъ.

Опредълить, въ музыкальныхъ изображеніяхъ картинъ природы, законы этого фантастико-изобразительнаго элемента, — нътъ никакой возможности иначе, какъ черезъ сравненіе.

Веберъ по преимуществу пантеистъ, пропитанный глубоко всъми преданіями древней Германіи. Этотъ пантеизмъ и составляетъ главный характеръ его музыки. Увертюра къ «Оберону» выражаетъ лучше всего его пантеистическое возръніе на природу. Вальдгорны (Adagio D – dur р. р. 4/4) возвъщаютъ ночной покой природы; мало – помалу она начинаетъ просыпаться и оживать. Безчисленные сильфы, гномы возпикаютъ быстро передъ вами (violini, allegro con fuoco). Протяжныя ноты вальдгорна, въ безподобномъ мотивъ, возвъщаютъ появленіе властительницы фей. Этотъ мотивъ быстро прерывается порханіемъ сильфовъ, выражаемыхъ allegro съ маленькими нотками скрипокъ. Мотивъ главной феи снова является; онъ живо пробъгаетъ по разнымъ тонамъ, сопутствуемый арпеджіями віолончелей. Послъ этого слъдуетъ, въ превосходныхъ аккордахъ, финальный гимнъ оживленной природы.

Сравните это пантенстическое созерцание природы съ возарѣниемъ на нее итальянца въ увертюръ къ «Вильгельму Теллю»: какой контрастъ! Тамъ человъкъ силится проникнуть въ сокровенный смыслъ природы, здъсь — онъ пластически наслаждается красотою ея, въ спокойствіи. Спокойствіе нарушено — буря; но и въ самой бурѣ вы слышите одно завываніе вътра, громъ ... и въ этой бурт есть, если можно такъ выразиться, своего рода спокойствіе. Не такова буря въ «Оберонъ»: пантеистическій характеръ и туть строго сохраненъ. Маленькая интродукція на скрипкахъ, предсказывающая возмущеніе въ природъ (Andante D-dur 3/4); послъ тревожнаго речитатива при tremolando струнныхъ инструментовъ, начинается presto хора духовъ $\binom{6}{8}$. Духи возмущають элементы природы; голоса ихъ исчезають въ общемъ голосъ ея: буря разыгрывается въ оркестръ (allegro F-dur 4/4); при постоянномъ акомпаньеманъ арпеджій віолончелей, изображающихъ колебаніе волнъ, раздаются звуки вальдгорна, которыя потомъ смѣняются прево сходными аккордами tutti. Буря затихаеть въ превосходномъ

decrescendo на тягучихъ нотахъ контрбассовъ и вальдгорновъ pianopianissimo.

Изъ этого сравненія читатели могуть уловить условія фантастикоизобразительнаго элемента въ музыкъ.

Оба элемента, необходимые для фантастической музыки, находятся въ «Робертъ»—Мейербера. Не смотря на новъйшія натяжки, драматическая музыка можетъ дъйствовать свободно только въ сферъ психологіи: вотъ почему Бертрамъ, вполит удался Мейерберу. Бертрамъ не зла, какъ стараются представлять его исполнители, а человъкъ, который предался злу, но не утратиль при этомъ человъческих страстей своихъ. Алиса, въ умъ композитора, представляла начало добра; но если эта партія округдена въ музыкъ и плъняетъ васъ, такъ это именно потому, что въ ней сохраненъ нанвный, простодушный характеръ. Алиса достигаетъ высокаго стиля только тогда, когда дъйствуетъ во имя матери Роберта и, очевидно, музыка рисуеть тогда не самую личность крестьянки, а смыслъ цаставленій и завъщанія, которое находится у нея въ рукахъ. Задача изображенія вызванныхъ тѣней въ музыкѣ также сделалась возможною отъ того человического характера, въ который облекъ ихъ Бертрамъ вивств съ плотью. Относительно самаго возстанія твней, мы того мивнія, что это рядомъ съ scherzo «Sommernachtstraum» Мендельсона-Бартольди, одно изъ удачнъйшихъ воспроизведеній въ музыкъ пантенстического возарвнія на природу. Вы слышите неопредвленный гуль природы въ ночное время и между-тъмъ чувствуете, что въ немъ есть что-то таинственное, фантастическое (преимущественно въ соло фаготовъ въ терцеобразномъ ходъ). Наконецъ самая фантастическая завязка пьесы (легенда о рожденін Роберта) превосходно проведена въ музыкъ остроумнымо введеніемъ мотива вальдгорновъ баллады, повторяющагося при разсказъ Алисы о сходствъ Бертрама съ чудовищемъ, видъпномъ ею на картинъ-въ хроматически-восходящемъ tremolo струннаго квартета, и при объявлении Бертрамомъ Роберту, что онъ его отецъ (финальное тріо). «Valse infernale»—у каждаго свой вкусъ, —кажется мнв натяжкой; этотъ нумеръ совершенно внъ области психологіи, но за то слъдующая за нимъ арія Бертрама драматична и прекрасно обдумана.

Переходя къ исполненію «Роберта» въ настоящемъ сезонѣ, мы должны обратить, по тѣмъ ожиданіямъ, которыя она возбудила,—главное вниманіе наше на роль Бертрама (г. Формесъ). Исполненіе этой партіи нашимъ basso-profundo навело насъ на нѣсколько размышленій о драматической игрѣ въ оперѣ и о драматическихъ пѣвцахъ и пѣвицахъ вообще.

THE CAME SHALL SHE SHELD SHE TO SELECT

Съ перваго взгляда сочетание двухъ талантовъ, пъвца и актеракажется невозможнымъ уже потому, что высокое декламаціонное выраженіе никакъ не можеть сочетаться съ высоко - музыкальнымъ. Вскрикъ или хрипъніе могутъ сильно дъйствовать въ декламаціоннодраматическомъ стилъ; въ музыкъ-же они невыносимы; тъмъ не менъе эти средства эффекта бываютъ часто употребляемы пъвцами и возбубуждають энтузіазмъ публики. Такое совершенное отсутствіе здраваго вкуса показываетъ глубокое незнаніе границъ и ередствъ искусства. Если-бы пъвцы имъли постоянно дъло съ полными вкуса и такта композиторами, то можно было-бы вывести общимъ правиломъ, что всякое выражение въ пѣніи, выходящее изъ того, что обозначено самимъ композиторомъ, — фальшиво. Можно-ли найти выражение и оттънки истиннъе и выразительнъе тъхъ указаній, которыми снабдилъ Моцартъ партитуру «Донъ-Жуана»? Но бъда въ томъ, что не у всъхъ композиторовъ такой изящный и правильный вкусъ: какъ часто въ новъйшихъ французскихъ и итальянскихъ партитурахъ находимъ мы ни къ селу ни къ городу употребленныя обозначенія — il piu forte possibile, colla piu gran forza, aussi fort, que possible, saccadé. Всв эти оттънки, которымъ отъ времени до времени появляются подробные объяснительные словари, не помогающие отнюдь делу и ни мало ихъ не объясняющие,имьють свою исходную точку въ новышей фальшивой теоріи, по которой въ искусствъ количественное (преизобиліе средствъ) должно быть предпочитаемо качественному (употребленію не многихъ, но благородныхъ средствъ), потому-что только оно въ состояніи производить то, что называется эффектомъ. Но развъ эффектъ не высочайшее произведеніе дъйствія (Wirkung) въ границахъ прекраснаго? Если ограничить эффектъ однимъ драматическимъ дъйствіемъ, то и здісь мы увидимъ, что артисты увлеклись по самой фальшивой дорогъ. Припомнимъ исполнение Сальви «Tu che a Dios piegasti» финальной аріи «Лючіи»: композиторъ, поруча мелодію при повтореніи віолончелю, уже достаточно обозначиль обрывчатыми фразами изнія драматическій эффекть предсмертныхъ мукъ; Сальви, не удовольствовавшись этимъ указаніемъ, счелъ нужнымъ наполнить всю свою партію рядомъ вскриковъ, оховъ и хрипъній. Не видали ли мы пъвцовъ и пъвицъ, умиравшихъ физіологически-върно отъ отравы и, при этомъ, позабывавшихъ одно маленькое, незначительное обстоятельство, музыку? Эти противоржчія, повидимому, неразръшимыя между игрою и пъніемъ, привели покойнаго Мюльнера къ громкому порадоксу, что «опера какая-то янчница изъ музыки и безсмыслицы» («ein Rührei von Musik und Unsinn»). Въ оперъ глав-

ное дёло, какъ мы уже не разъ говорили, музыка, то есть, пъніе: все остальное должно быть ему подчинено. Сфера оперы — міръ возвышенный, въ которомъ пъніе замъняеть языко. Форму выраженія чувства предписываетъ композиторъ: это такъ очевидно, что самый искусный пъвецъ не въ состояніи сообщить тривіальной или комической фразъ трогательнаго или страстнаго выраженія, какъ онъ ни плачь неподдъльными слезами и ни кричи и ни тремолируй всъми силами на новъйшій ладъ. Не одинъ тонъ, но и самое выраженіе предписывается композиторомъ пъвцу въ мелодіи, не написанной подъ вліяніемъ формализма, а истинно-выразительной и драматической; ему остается только сопровождать ее соотвътствующей мимикой, не вдаваясь, однако, въ неблагородное искажение природы. При этомъ, такъ-какъ музыка вращается въ тактъ, то естественно, что пъвецъ. - если онъ не желаетъ уничтожить музыку - долженъ сохранять постоянно тактъ, во имя сосредоточенности чувства, преимущественно въ ансамбляхъ, за исключеніемъ немногихъ мъстъ, большею частію обозначаемыхъ композиторами, гдв ему дозволяется ускорять или замедлять темиъ. Изъ этого общаго правила вытекаетъ, что пъвецъ, въ трагическомъ стилъ, не долженъ воображать, будто его игра должна быть также оживлена, какъ игра мимика. Скоръе справедливо противное, хотя изъ этого не должно заключать, чтобы мы требовали отъ пъвца неподвижности и выправки. Дело въ томъ, что музыка действуетъ въ пространствъ времени и для исполненія и разръшенія своихъ гармоній требуеть болъе времени, чъмъ ръчь: что актеръ выразить одной фразой, то часто составляеть содержаніе цълой аріи. По этому жестикуляція пъвца должна быть медленнъе и умъреннъе. Если каждый пъвецъ долженъ сообразоваться съ границами эстетической красоты, то всъ ощущенія, не совпадающія съ звуками, назначенными композиторомъ, должны быть изгнаны изъ его исполненія, коли онъ хочеть быть художником въ тъсномъ смыслъ, размышляющимъ о значении, средствахъ и границахъ своего искусства. Хотя многіе великіе п'ввцы и п'ввицы и кричали, хрипъли и пъли не чисто изъ-за драматической натяжки, - тъмъ не менье это была съ ихъ стороны великая ошибка, въ которую не слъдуетъ впадать. Музыка дъйствуетъ не на разумъ, а на чувство, поэтому у нея и средства и побужденія совершенно иныя, у реторической декламаціи и, хотя она и не можетъ выражать каждое слово, какъ та, но темъ не мене действуетъ по своему также сильно и впечатлительно. Всв эти негармонические вскрики, рыданія, рычанія, выкидыванія словъ, ударенія на слоги, могутъ производить сильное дъйствіе въ устахъ декламирующаго актера, ибо матеріялъ актера—слова, не подлежащія музыкальному созвучію; въ оцеръ-же матеріялъ пъвца—пюніе, замъняющее языкъ, а оно подчинено прежде всего правиламъ пріятнаго созвучія, а не высочайшаго выраженія. Слушатель требуетъ музыки, имъетъ тонъ даннаго нумера, и, всякое отступленіе, производимое однимъ пъвцомъ, должно диссонцровать съ тональностію и гармоніей акомпанирующихъ инструментовъ и прямо препятствовать тому, къ чему онъ стремится — сильному впечативнію. Въ заключеніе не можемъ не припомнить словъ Мильтица: «Менъе истинно, было-бы гораздо истиннъе» («Weniger wahr wäre weit wahrer!») *

Такъ-какъ эти размышленія пришли намъ въ голову при исполненіи г. Формесомъ партіи Бертрама, то предыдущее избавляеть нась оть обязанности подробно разбирать его игру. Г. Формесъ постоянно выходилъ изъ указаній композитора и границь, въ которыя заключиль хорактеръ-Бертрама Мейерберъ. По мивнію г. Формеса, Бертрамъ ввчно играетъ роль фантастического существа, которое и говорить и дъйствуеть и принимаетъ позы, и мучитъ свою несчастную мантію (которая, сказать въ скобкахъ, введена имъ, какъ важное средство, для произведенія эффекта), все какъ-то не по нашему, все не съ-проста. Поражена-ли Алиса сходствомъ его съ чудовищемъ на картинъ, - г. Формесъ сейчасъ-же становится въ эффектную, демонски-лукавую позу; балагурит 1.ли онъ съ Рембо — и тутъ дранировка мантіи какъ то находитъ средство вмѣшаться въ дѣйствіе третьимъ лицомъ; подозрѣваетъ-ли онъ Алису въ открытін его тайны, — жестикуляція принимаетъ самыя мрачныя очертанія; падобно-ли ему войти въ подземелье, для свиданія съ духами, — онъ бъжитъ туда, дико размахивая руками. Словомъ, по Формесу — Бертрамъ чистый демоцъ. По мивнію Мейербера — Бертрамъ человъкъ. какъ и всв мы, съ страстями человъческими, но находящійся подъ вліяніемъ злыхъ началъ. Эстетическій характеръ роли, значить, быль понять совершенно превратно. Два слова о музыкальномъ исполнении. Во всъхъ общихъ мъстахъ (ансамбляхъ) г. Формесъ не обращалъ ни малъйшаго вниманія на соблюденіе темна и на общность эффекта; всюду дълаль онъ прибавленія къ музыкальному тексту, кокетинчая своими визкими потами. О последнемъ тріо можно сказать только:

«Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas».

^{*} K. B Miltitz, "Die dramatischen Sänger".

Справедливость требуетъ однако, замѣтить, что въ послѣднія представленія, г. Формесъ болѣе умѣрялъ себя и уже не такъ тормошиль свою мантію. Исполненіе г. Тамберликомъ нартіи Роберта извѣстно: мы замѣтимъ только, что обращаютъ слишкомъ мало вниманія на превосходное иснолненіе имъ дуэта «Des chevaliers de ma patrie» и, премиущественно, первой его фразы.

Но въ исполненіи «Роберта» болье всьхъ насъ удовлетворила г жа Медори — Алиса. Въ первой, весьма трудной своей аріи «Va, va, dit-elle», она проявила много smorzo, которое въ весьма ръдкихъ случаяхъ дается природою, но есть дъло основательнаго изученія пънія. Куплеты «Quand j'eus quitté la Normandie» не подходили совсьмъ къ характеру ея пънія и прошли незамъчанными, но зато, всъ остальные нумера партіи были пропъты прекрасно, съ большимъ драматическимъ увлеченіемъ; особенно, въ этомъ отношеніи, мы должны обозначить тріо послъдняго акта, въ которомъ заключается и обнаруживается вполнъ вся зудушевная мысль композитора оперы.

Г-жа Маррай была по прежнему хороша въ роли Изабеллы.

«Робертъ» быль данъ въ бенефисъ г Формеса. Въ бенефисъ г жи Медори мы услышали до-сихъ-норъ еще незнакомую намъ оперу Верди — «Нино».

Мы хотъли представить читателямъ полный и подробный отчетъ о фальшивомъ направленіи таланта Верди, о насилованіи имъ голосовъ и уничтоженій пінія, -- но теперь все это оказывается безполезнымъ: самъ Верди, понявъ всю безтолковость своего направленія, остановился и, въ новой своей оперъ — «Луиза Мюллеръ», написанной для Милана, обратился къ музыкъ болъе спокойной, тихой и мелодической. Лежачаго не быотъ и потому намъ остается теперь только показать историческое значение стараго фальшиваго направления Верди. Когда этотъ композиторъ возникъ на музыкальномъ горизонтъ Италіи, онъ нашелъ между пъвцами полное господство той фальшивой драматичеткой теоріи, о которой мы только-что говорили выше: видя стремленія п'євцовъ, находившихъ оправданіе въ одобреніи публики, — онъ началъ, не постигая индивидуальности голоса, обходиться съ нимъ, какъ съ инструментомъ, для усиленія совокупности силъ оркестра. Если читатели прочли то, что мы сочли нужнымъ сказать противъ фальшиваго драматизма въ пънін, то они поймуть, что Верди явился въ музыкъ представителемъ этихъ крайнихъ и совершенно фальшивыхъ теорій. У него — пѣніе замънилось криками, мелодія — какой-то несчастной декламаціей и ритмомъ, развитіе музыкальныхъ характеровъ — вившними эффектами,

пъніемъ униссономъ (въ «Due Foscari» есть даже унисонный квартетъ!?) разработка оркестра — шумомъ массъ съ приправой всъхъ ударныхъ инструментовъ. Для большаго поясненія этого стиля, который многимъ нравился, приведемъ сравненіе изъ сферы живописи, не приписывая себъ, впрочемъ, на него права собственности.

Нъсколько лътъ спустя по смерти Рафаэля, появились Караччи, которые начали заниматься живописью драматическою. Вскоръ они были обойдены на этомъ пути однимъ изъ своихъ учениковъ, -- Микелемъ-Анджело-Караваджіо. Караваджіо занялся единственно отыскиваніемъ сильных в эффектовъ, противопоставляль ръзко проблески свъта темнымъ массамъ тъней и окончательно отбросилъ переходы и свъто-тъни, безъ которыхъ нътъ настоящаго искусства. Караваджіо сдълался родоначальникомъ школы и манера его особенно распространилась въ Испаніи, гдъ до-сихъ-норъ пишутся картины, фигуры которыхъ освъщены какъ будто блескомъ молніи или выстрѣломъ изъ ружья. Задачу этой школы можно выразить такъ: подчинение отдълки фигуръ картины общему эффекту освъщенія. Примъните эту задачу къ музыкъ, выразите ее — подчиненіемъ требованій музыкальности вившнему эффекту драматическаго положенія, — и вы столкнетесь лицомъ къ лицу съ Верди. Результатомъ этого будетъ заключеніе, что какъ прежнее музыкальное направленіе таланта Верди, такъ и живописная школа Караваджіо, — основаны на превратно понятыхъ или превратно истолкованныхъ принципахъ эстетики и художественности.

«Нино» отличается совершенной пустотою музыкальнаго содержанія и удостоился на нашей сцент полнаго fiasco, не смотря на прекрасное исполненіе и, преимущественно, на высокую драматическую игру г. Ронкони. Изъ всей оперы мы замітили два нумера, выдавшіеся изъ уровня пошлости: хорало-образная арія Формеса съ облигатнымъ акомпаньеманомъ віолончеля и большой дуэтъ Ронкони съ Медори, въ которомъ есть очень патетическій мотивъ на слова: «Deh perdona a un padre». Замітчателенъ а contrario финаль перваго акта, въ которомъ stretta, съ акомпаньеманомъ маленькаго барабана и плясовымъ ритмомъ—одно изъ обворожительнъйшихъ нововведеній новъйшей безтолковщины. Въ этой оперт Ронкони прекрасенъ и какъ актеръ и какъ пітвецъ, потому-что вся партія написана для его высокаго регистра.

Бенефисы Персіани и Тамбурини доставили намъ — первый «Сонамбулу», а второй — «Пуританъ» Беллини.

Вообще говоря, трудно произнести о Беллини окончательное сужденіе: смерть похитила его въ такомъ юномъ возрасть, что, очевидно,

талантъ его еще не виолив выобразовался. Ивжная и любящая натура этого сына Сициліи еще не сказала своего последняго слова. Неровность стиля его последнихъ произведеній показываетъ, что онъ стремился къ чему-то вив итальянской рутины, но это стремленіе было прервано преждевременою смертію. Эта неровность стиля менве ощутительна въ «Пуританахъ», но въ «Нормв» она проглядываетъ на каждомъ шагу.

Согласитесь, что прискорбно для дилетанта засыпать отъ скуки, не смотря на мастерское исполнение, во время скучныхъ кабалеттъ и длинныхъ и монотонныхъ дуэтовъ этой провосходной въ столь многихъ другихъ отношеніяхъ оперы. Согласитесь, что больно и неловко падать на каждомъ шагу съ неба на землю, переходя отъ дивнаго «Casta diva», къ пошлому «Bello a me ritorni», или отъ, правда, нъсколько скучнаго andante дуэта Нормы съ Адальджизой, къ этимъ трескучимъ вокализамъ, составляющимъ его allegro. Мало того: коль скоро най. дете вы мысль, безусловно нравящуюся, композиторъ до того разтянетъ ее, что она заставить васъ зъвать: таково впечатленіе, производимое прекраснымъ дуэтомъ Нормы съ Поліономъ. Впрочемъ, эта длиннота и повтореніе, — общій недостатокъ итальянской школы, которая вообще рисуетъ ситуаціи многозвучно и, камъ-бы нарочно, утрируя ихъ, уничтожаетъ произведенное впечатлъніе. Сравните названный выше дуэтъ съ каватиной «Роберта» — Grâce! Первый втрое длиннъе послъдней, хотя въ ней выражено гораздо болъе музыкальныхъ ситуацій и она порождаетъ рядъ ощущеній, гораздо болъе многообразныхъ. Въ дуэть Нормы съ Поліономъ господствуеть одна черта, изображено одно положеніе.

"Qual cor tradisti,
Qual cor perdesti,
Quest' ora orrenda
Ti manifesti!"

Развитію этой мысли посвящены всв мотивы дуэта, потому – что всякій согласится, что музыка рвшительно не выражаеть первой строфы «Іп то mano alfin tu sei!» Каватина «Роберта», гораздо многообразнвишая психологическая картина; ощущенія въ ней смвняются быстро и ухо не устаеть. Сначала вы слышите тихую просьбу, потомъ удивленіе въ отказв, упрекъ, сладкое напоминаніе прошедшаго и, наконець, послв всего, этоть крикъ ужаса—«tu vois mon effroi» и отчаянный вопль: «Grâce, grâce!» Эффекты разсчитаны умно и не утрированы. Въ музыкв, болве чемъ въ какомъ—либо искусствв, натяжка и

переполните хоть одной чертой музыкальную утрировка невыносимы: картину, ухо тотчасъ-же оскорбится и возстанетъ противъ этого злоупотребленія. Музыка обладаеть дивной способностью общности выраженія: пользуйтесь-же ею и поймите, однажды на всегда, что многословіе можеть замаскировать мысль, представляя ее съ перваго взгляда новою, но многозвучие, будучи вмъстъ съ тъмъ однозвучиемо, постоянно обнажаетъ перифразу, если музыкальная мысль повторяется не развиваясь*... Вотъ слабыя стороны, вредящія полнотъ эффекта музыки «Нормы». Мы уже говорили, что принисываемъ эти слабыя стороны борьбъ новаго строгаго стиля, за который взялся Беллини въ этомъ произведеніи, съ старымъ итальянскимъ формализмомъ. Отбросивъ нумера, порожденные этимъ формализмомъ и наводящіе скуку при слушаніи, мы получимъ нъсколько высокихъ музыкальныхъ созданій, на первомъ плант между которыми будетъ стоять превосходная, грандіозная интродукція, съ принадлежащимъ къ ней adagio «Casta diva». Хоръ воиновъ въ началъ втораго акта былъ-бы превосходенъ, если-бы не былъ списанъ почти нота въ ноту, съ чуднаго adagio Cis-mol ной сонаты Бетховена. Какъ отличительную черту стиля «Нормы», должно привести присутствіе въ этомъ стилѣ эпическаго элемента рядомъ съ той особенной печатью музыкальнаго таланта Беллини, которую Гёте называетъ SELEN UN ORGANISMENT

«Die holde Schwermuht, das reizende Leid».

«Норма» одно изъ самыхъ музыкальныхъ созданій итальянской школы и только неровность стиля и промахи рутины формализма заставляютъ насъ поставить ее ниже «Пуританъ», въ которыхъ болѣе цълости и единства фактуры. Въ этой оперъ часто попадаются мысли энергическія и замѣчательно-разнообразныя для Беллини. Инструментація «Пуританъ» вся проникнута романтизмомъ; въ ней ощутительно вліяніе Вебера. Такъ, напримѣръ, встрѣчается часто ілюбимый пріемъ этого композитора — соло духовыхъ инструментовъ на tremolo скрипокъ и альтовъ. Вся ингродукція выдержана отъ ноты до ноты и развита замѣчательно-хорошо; эта интродукція — краеугольный камень оперы и составляетъ ея мѣстную характеристику. Молитва (квартетъ) пуританъ съ акомпаньеманомъ органа, также хороша: въ финалахъ «Пуританъ»

THE PROPERTY AND A PROPERTY AND A PROPERTY OF

^{*} Музыкальную перифразу (многозвучіе въ паралель многословію) не должно смѣшивать съ музыкальнымъ развитіемъ, — музыкально-логическимъ процессомъ мысли.

Беллини ввелъ отрывки alla stretta, которые очень эффектны именно потому, что неожиданны. Речитативы всё инструментованы и не длинны; духовые инструменты постоянно контрастируютъ съ струннымъ квартетомъ. Финалъ третьяго акта, — мастерское произведеніе, да и весь этотъ актъ вообще нѣчто цѣлое, съ одинакимъ строго-выдержаннымъ характеромъ, не разсѣченное на тысячу частей. Мелодіи обворожительны всѣ до одной и во всей оперѣ господствуетъ большое драматическое оживленіе.

«Сонамбула» имъетъ свой совершенно оригинальный характеръ: это прекрасная, чистая какъ незыблемая поверхность озера, идиллія XIX стольтія Въ ней все свъжо, все дышетъ очарованіемъ, все проникнуто простосердечной теплотою чувства. Остальныя оперы Беллини всъ ниже этихъ трехъ перловъ въ вънкъ его твореній. «Монтеки и Капуллети», «Беатриче ди Тенда», «Пиратъ», «Straniera», представляють прекрасныя отдъльныя мъста, но въ цъломъ онъ еще менъе выдержаны: въ нихъ господствуетъ отчасти монотонное элегическое направленіе, преимущественно въ женскихъ характерахъ. У насъ была одна пъвица, которая, — талантъ преимущеетвенно субъективный, какъ и Беллини, — была создана, казалось, именно для этихъ партій. Говоримъ о незабвенной Фреццолини. Самый тэмбръ голоса ея, весь созданный изъ симпатическихъ фибръ, былъ по преимуществу элегиченъ и представляль нъжное, подернутое грустью, но не достигающее своей цъли стремленіе изъ мрака въ свътъ. Поэтическіе образы Беатриче, Эльвиры, Амины, мелькаютъ постоянно передъ нашими глазами, освъщенные какимъ-то таинственно-бледнымъ, серебристымъ светомъ месяца, и проникнутые той печатью индивидуальности, которою г-жа Фреццолини облекала всегда всв свои созданія. Талантъ субъективный. она не отличалась разнообразіемъ въ созданіи характеровъ; она брала ихъ и подчиняла своей индивидуальности, высокимъ художественнымъ типомъ которой можно считать Беатриче. Никогда не забудемъ мы того высокаго наслажденія, которое доставиль намъ дуэть третьяго акта «Пуританъ», исполненный Фреццолини и Маріо: сліяніе этихъ двухъ симпатическихъ и чудныхъ голосовъ произвело эффектъ самый обворожительный. А наивно-грустный тонъ этой фразы, западавшей намъ, въ устахъ Фреццолини, глубоко на душу:

«Fu tre secoli di tormenti e d'orrore!»

Жаль, что Беллини рано умеръ и что г-жа Фреццолини не нашла композитора, который-бы понялъ всю прелесть и новость этого элегическаго элемента и поддълался-бы подъ него И композиторъ и пъвица

много-бы выиграли отъ этого; въдь Беллини говорилъ-же: «c'est Rubini, qui m'a formé!»

Объ исполненіи «Сонамбулы» въ этомъ году мы говорить не будемъ: составъ персонажей былъ тотъ-же, что и въ прошломъ. Въ «Пуританахъ» были для насъ два новые лица: Гризи и Ронкони.

Г-жа Гризи, исполнявшая партію Эльвиры, написанную для нее Беллини въ 1834 году, хотя и утратила уже дъвственную игривость, не менъе того имъла драматическіе моменты, которые выкупали все. Г-нъ Ронкони, къ удивленію нашему, выказаль мало сочувствія къ прекрасной роли Джорджіо и не придаль ей особеннаго характера, но, тъмъ не менъе спъль прекрасно свою выходную арію. Зато г. Ронкони выкупиль вполнъ эту роль мастерскимъ созданіемъ характера Альфонса въ «Лукреціи Борджіа». Не смотря на опасное соперничество съ Тамбурини, который быль такъ прекрасенъ въ этой роли, — онъ создаль характеръ этотъ по своему, оригинально и типически-върно. Арія втораго акта была пропъта прекрасно. Гризи (Луреція) и Маріо (Дженнаро) были, какъ и всегда, прекрасны. Г-жа Демерикъ ... Отчего-это, при ея имени, намъ все приходить вь голову парафризированный стихъ Грессе:

«Grâce, qu'òn veut avoir, gâte celle qu'on a?«

За «Лукреціей» намъ неожиданно дали «Свадьбу Фигаро». Я предполагаю композитора съ самымъ огромнымъ музыкальнымъ талантомъ;
къ нему приходитъ директоръ театра и говоритъ: «напишите мнѣ оперувийа! Сюжетъ ея — лакейская интрига, отсутствіе въ дъйствующихъ лицахъ всякаго нравственнаго принципа, всякаго истиннаго
чувства, преобладаніе ума холоднаго, все осмъивающаго, ничего не
щадящаго; отсутствіе радушнаго смѣха, положенія, съ виду кажущіяся комическими, въ сущности-же грустныя; — вотъ элементы
оперы: пишите!» Каждый композиторъ откажется заранѣе отъ такой
программы и будетъ правъ. Моцартъ, подчиненный необходимости снискивать себъ пропитаніе, долженъ былъ согласиться написать музыку
на сюжетъ «Свадьбы Фигаро» Бомарше. Опера его осталась до-сихъпоръ образцомъ жанра — какой титулъ прикажите вы дать такому
композитору?

Либретто Да-Понте во всемъ върно духу комедіи Бомарше, — но въмнемъ нътъ ни элементовъ оперы – buffa ни элементовъ оперы – seria. Разсмотримъ сначала характеры дъйствующихъ лицъ, сгруппированныхъ около самаго немузыкальнаго сюжета — лакейской интриги.

Фигаро — этотъ factotum della cita «Севильскаго Цирюльника», сдълался лакеемъ большаго барича. Онъ — bel esprit, человъкъ разума, все осмъивающій, все подвергающій безпощадному анализу. Кругъ его дъйствій съузился; онъ интригуетъ, лжетъ, не имъетъ никакихъ убъжденій. Въ комедіи онъ — Гамлетъ лакейскихъ, умно разсуждающій и острящій всегда и всюду; въ музыкъ и это достоинство за нимъ пропадаетъ.

Альмавива, женившись на Розинъ, скоро забываетъ ее. Онь волочится за субретками и, потерявъ право на уваженіе жены, присвоиваеть себъ право ревновать ее и строго обсуживать каждый ея маловажный проступокъ. Розина вздыхаеть о потери привязанности мужа, но, вмъстъ съ тъмъ, поощряетъ любовь пажа — и къ чему? къ тому, чтобы посредствомъ обмана, кое-какъ снова помириться съ мужемъ. Бартоло — подлецъ и крючкотворецъ; Марчелина, — старуха; Базиліо — олицетвореніе гнусности, Мефистофель, безъ значенія и ума. Сусанна — субретка, позволяющая всякому волочиться за собою. Керубино — мальчишка, который влюбленъ въ графиню, но не прочь приволокнуться и за Сусанной и за Барбариной, — Донъ-Жуанъ въ младенчествъ. Что за лица, что за характеры для музыки?

Драматическія положенія еще неблагодарніве и, къ тому, всів основаны на одномъ и томъ-же положеніи, монотонны!

Morceaux d'ensemble всъ зиждятся на обманъ другъ друга.

Дуэты отзываются тыть-же немузыкальным характером (не должно забывать, что мы говорим о либретто). То сварливая старуха ругается съ субреткой, осмъивающей ее, то Фигаро разсуждаеть философически съ своей будущей женой какъ-бы надуть и провести графа? Дуэтъ «Sull' aria» не заключаеть въ себъ условій дуэта, потомучто въ немъ нътъ противоположенія характеровъ или ситуацій. Дуэтъ «Crudel, perche finora» могъ-бы быть музыкалень, но въ немъ страсть (скоръе вснышка) только на сторонъ Альмавивы; Сусанна-же морочить его и проводить: «scusate mi se mento»!

Въ аріяхъ лиризмъ долженъ-бы быль преобладать, какъ и естественно. Но, что за основанія, что за данныя!

У Фигаро собственно одна арія, относящаяся къ его характеру; вотъ ея содержаніе: онъ видъль, какъ Сусанна передала графу записку и назначила свиданіе въ саду; онъ подозръваетъ себя обманутымъ. Онъ вспылилъ, не владъетъ собою: ревность, гнъвъ — разгулъ для музыканта! — какъ бы не такъ. Онъ преспокойно предается философскому

разсужденію о женахъ и мужьяхъ и тому подобному. Извольте превратить холодную философію аналитическаго ума въ четверти и осьмушки!

Альмавива могъ-бы быть грандіознымъ въ apin «Vedro mentr'io sospiro»: ревность, негодованіе, любовь, надежда — прекрасныя данныя для музыканта; но разберите эти чувства — вездъ только одно волокитство.

Розина имъетъ двъ аріи: «Porgi amor» и «Dove sono i bei momenti». Положеніе первой музыкально. Вторая—воспоминаніе прошедшаго, похожденій Линдора и Розины, надежда на возвратъ привязанности мужа, — все это могло-бы быть также очень-музыкально, но бъда вътомъ, что графиня сама не знаетъ, чего хочетъ.

Бартоло надъленъ тоже apieй: «La vendetta, oh la vendetta»! о которой мы уже говорили въ послъдней нашей статьъ, равно какъ и объ apiu Базиліо.

Этотъ-то немузыкальный фонъ послужилъ текстомъ для оперы, которая до-сихъ-поръ остается образцомъ музыкальнаго комизма! Въ послъдней нашей статьъ, говоря о теоріи музыкальнаго комизма Моцарта, мы, въ потвержденіе ея, сдълали разборъ большей части нумеровъ «Свадьбы Фигаро» съ точки зрънія музыкальной. По этому мы здъсь ограничимся разборомъ перваго тріо, какъ образца комическихъ morceaux d'ensemble Моцарта.

Говоря о morceaux d'ensemble, должно замътить, что они — вънецъ драматической музыки и доступны только одному этому искусству. Въ поэзіи, въ драмъ, нъсколько лицъ, пораженныхъ однимъ событіемъ, но изъ которыхъ каждое — при сохранении индивидуальности, получило отъ этого событія свое собственное впечатлівніе, — не могуть выражать своихъ единичныхъ ощущеній въ общей картинъ: поэзія — языкъ частностей; въ музыкъ это возможно. Когда родилась впервые мысль ввести музыку въ область драмы, подчинить ее выраженію драматическихъ положеній, — тогда возникла первая форма этого выраженія: речитатиет. Въ Италін, до Россини, эта форма осталась въ своемъ первобытномъ видъ; во Франціи Глукъ нашелъ критеріумъ музыкально-драматической истины и одну изъ ей совершенныхъ формъ - речитативъ инструментованный. На этой последней форме онъ остановился какъ на омегъ драматической музыки. Такъ и должно было быть при его слишкомъ систематическомъ воззръніи на музыку, какъ на рабыню поэзіи. На долю Моцарта досталось развитіе morceaux d'ensemble. Задача Моцарта, послъ Глука, состояла въ провъреніи критеріума истины музыкально-драматической — кретеріумомъ истины

музыкально-лирической; въ послъдней музыкъ существовала форма, которая, но самому принципу своему, выражала то, что должно было составить задачу morceaux d'ensemble: говоримъ о фугъ. Порожденіе религіознаго духа католической Европы, фуга есть стремленіе нъсколькихъ голосовъ къ одной цъли, одному предмету при сохраненіи самостоятельности личностей. Очевидно, эта форма могла служить моделью для созданія драматическихъ morceaux d'ensemble. И точно, въ «Свадьоть Фигаро» встръчается впервые, въ полномъ своемъ развитіи, эта новая, высокая форма драматической музыки.

Положеніе тріо уже извъстно читателямъ изъ предыдущаго. Альмавива выскакиваетъ взбъшенный; на словахъ — Базиліо огорченъ, испуганъ; — но отчего же это музыка передаетъ его огорчение и испугъ на самый веселый ладъ? Подождите! Сусанна истинно испугалась и партія ея выражается фразами отрывчатыми, полными отчаянія. Но вотъ скрыпки затягиваютъ унисономъ какой-то вкрадчивый мотивъ, на который Базиліо говорить графу: «Ah del paggio quel che ho detto, era solo un mio sospetto». Графъ, смягченный обморокомъ Сусанны,снова всныхиваетъ. Присутствіе Керубино обнаруживается: «Cosa veggio»? вскрикиваетъ онъ. «Ah crude stelle»! вздыхаетъ Сусанна: «Oh meglio ancora»! жужжить in petto Базиліо. Теперь вы поняли, почему вначаль музыка такъ весело передала вамъ его испугъ: шутъ этого ожидаль заранъе и подготовиль все какъ нельзя лучше. Уловка удалась и ликованія оркестра уже не знають предъловъ. Забывъ на минуту основное правило своего нравственнаго кодекса, - « Col сијо d'asinno fuggir se puo», — Базиліо пускается даже въ сентенціи: «Cosi fan tutte le belle; non c'è alcuna novita»! говорить онъ и музыка переводить эту фразу на свой языкъ самымъ глупо-насмъшливымъ мотивомъ. За этимъ Моцартъ дълаетъ остроумную музыкальную шутку, полную колкости и высокаго комизма. Какъ достигаетъ онъ этого? Повтореніемъ одной изъ прежде бывшихъ фразъ. И точно, наликовавшись до-сыта, Базиліо обращается снова къ графу и повторяеть вмъстъ со скрыпками: «Ah del paggio quel che ho detto, era solo un mio sospetto». Фраза эта, повышенная на квинту, отдъляется еще ръзче при униссонъ квартета: не высокій-ли комизмъ въ повтореніи этомъ, когда присутствіе пажа, найденнаго въ креслахъ, превратило уже sospetto въ достовърность? Партія Альмавивы также хорошо проведена: съ первой его фразы: «onestissima signora», — синкопа выражаетъ акцентъ бъшенства; пъвецъ понуждается музыкой произносить ее съ стиснутыми зубами. При этомъ разнообразіи характеровъ и положеній,

тріо полно единства и не распадается на клочки, какъ нѣкоторые современные morceaux d'ensemble, съ большими претензіями на драматизмъ. Единство и цѣльность morceaux d'ensemble Moцарта происходить отъ того, что онъ часто пользовался въ нихъ вѣчно представляющими самыя разнообразныя сочетанія формами чистой музыки. Этимъ формамь онъ сообщиль выразительность и подчиниль ихъ характеристикъ лицъ и положеній. Мейерберъ, у котораго свободный оперный стиль иногда такъ расползается, что представляетъ совершенное отсутствіе цѣльности въ отдѣльныхъ нумерахъ, — достигаетъ, при разнообразіи характеристики, полнаго единства, едва только возьмется за тѣ-же формы чистой музыки.

Не можемъ не сказать еще, кстати, двухъ словъ объ инструментаціи «Свадьбы Фигаро»: что это за игрушка, что за соразм'врность силъ и средствъ! Моцартъ — имън передъ собою речитативъ, въ которомъ разсказывается, какъ молодой человъкъ встрътилъ дъвушку, окруженную веселою молодежью и разогналь ихъ, — никогда не употребиль-бы для акомпанированія ему всей массы флейть, гобоевь, кларнетовь, фаготовъ, пяти вальдгорит, трубъ и литавръ, какъ сдълалъ это Мейерберъ въ «Гугенотахъ». Количественное богатство инструментаціи — пагуба бездарности, — увлекаетъ иногда и этого во многихъ отношеніяхъ великаго композитора. Несоблюдение, въ этомъ отношении, музыкальныхъ приличій прочими композиторами нашей эпохи, — не имъетъ границъ: кто повъритъ, что въ комической оперъ Обера, — «Au fidèle Berger », дъйствующими лицами въ которой кондитеръ, полицейскій сержанть, горничная и тому подобное, а завязкой — событіе грязное и довольно безиравственное, — въ оркестръ сильно й почти постоянно работаютъ трубы, литавры, четыре вальдгорна и три тромбона, — ровноровно контингентъ «Медеи» Керубини!? Поневолъ вспомнишь стихъ:

«Aimez vous le trombone? — on en a mis partout».

Заключимъ нашъ разборъ довольно пикантнымъ и, быть можеть, не всёмъ читателямъ извёстнымъ фактомъ:

Въ началъ 1838 года (кажется, что въ мартъ), въ Миланъ, на театръ La Scala, представлена была новая опера «Le nozze di Figaro», слова Росси, музыка знаменитаго маэстро Луиджи Риччи. Либретто почти слово въ слово составлено по Да-Понте; о музыкъ нельзя сказать, чтобы она напоминала музыку Моцарта: она, стараясь смъшить, не смъшила. Шоберлехнеръ (Сусанна), Брамбилла (Керубино), Педрацци (Альмавива), Бадіали (Фигаро) — ничего не помогли! Настоя-

щимъ буффомъ этой оперы былъ, какъ замѣчаетъ корреспондентъ «Musikalische Zeitung», — самъ Риччи, сочинившій ее. Опера имѣла полное ff, что, на термометрѣ музыкальныхъ ощущеній Италіи, стоитъ непосредственно за f (fiasco) и выражаетъ fiasco², то есть, нѣчто нѣсколькими градусами ниже fiasco. Напрасно искали мы во всѣхъ нотныхъ магазинахъ партитуры этого произведенія или варіяцій и фантазій на мотивы его для какого бы то ни было инструмента; напрасно справлялись мы о немъ у разныхъ итальянскихъ артистовъ — твореніе Риччи исчезло съ лица земли. Такимъ-же образомъ исчезло и другое подражаніе другой оперѣ Моцарта «ІІ convitato di pietra» Чимарозы (написанное въ 1790 году).

Исполненіе «Свадьбы Фигаро» не отличалось ансамблемъ въ этомъ году. Г жа Персіани исполнила въ совершенствъ роль графини: ен двъ аріи, полныя лиризма и нъкоторой грусти, — были мастерски переданы ею. Тамбурини былъ постоянно на уровнъ этой трудной музыки въ роли графа. Г жа де-Мерикъ была мила, но исполненіе каватины «Non so ріи» требуетъ болье жизни, болье живаго и тревожнаго чувства. Г-жа Маррай сдълала все, что могла, но г. Тальяфико былъ какимъ-то страннымъ Фигаро.

Теперь намъ остается сообщить читателямъ иљито о новой, для Петербурга написанной оперъ г. Джулю Алари — «Сарданапалъ». Г. Алари давалъ уроки пънія во Флоренціи и, на досугъ, сочиняль пъсенки и аріэтки для салоновъ. Между этими аріэтками особенно нравилась дилетантамъ «Lago di Como». Въ 1840 году г. Алари задумалъ написать оперу «Rosamunda» и ввель въ нее большую часть своихъ салонныхъ композицій и, въ томъ числѣ, названную выше «Lago di Como». За тъмъ Алари переъхалъ въ Лондонъ и жилъ тамъ уроками, бывая иногда въ Парижъ. Здъсь онъ сочинилъ для итальянской сцены комическую оперу «Tre Nozze», о которой одинъ французскій критикъ отозвался такъ: «dans cet opéra il y a un peu de tous; mème un peu de M-r Alary». Слъдующее твореніе г. Алари было — «Сарданапалъ», который подлежить теперь нашему разбору. Сюжетъ заимствованъ изъ трагедін Байрона и представляетъ мало драматическихъ данныхъ, почти никакого дъйствія. Мы не понимаемъ, какъ могъ композиторъ вдохновиться такимъ характеромъ, какъ Сарданапаль, который не можеть возбудить решительно никакой симпатіи: это лицо, по преимуществу отдающееся житейскимъ наслажденіямъ, жертвующее имъ — достоинствомъ своимъ, недостойное никакого сожальнія, однимъ словомъ-это эгоисть. Въ оперь, какъ мы замьчаемъ,

съ особенной любовью обработанъ четвертый актъ. Если композиторъ хотълъ въ немъ выразить задушевную мысль оперы, то этой аповеозой пирамъ онъ отнюдь не возвысилъ своего героя. Когда за сценой про-исходитъ сраженіе, идетъ дъло о судьбъ Вавилона, — Сарданапалъ говоритъ своей возлюбленной разныя нъжности.

Когда тъни предсказали, что онъ умреть достойнымь своихъ великихъ предковъ (?), когда онъ самъ нашелъ, что

> •Quei, che il scettro dell' Asia teneva Senza gloria morire non de»!

послѣ всего этого, пославъ Мирру узнать, чѣмъ кончилось сраженіе, — онъ снова предается веселью. Приносятъ раненаго Саламена; онъ умираетъ, и тутъ, чтобы заставить Сарданапала выйти изъ апатіи, Мирра должна сама взять мечъ и, такъ сказать, пристыдить его своимъ мужествомъ и рѣшимостью. Смерть его, — содѣлавшая его достойнымъ великихъ предковъ, — самая эгоистическая выходка, достойно вѣнчающая жизнь этого вовсе не поэтическаго существа. Окруженный врагами, онъ ничего не находитъ лучшаго, какъ сжечь себя со всъми женщинами, приближенными, и сокровищами!

Спрашивается — какого рода сочувствіе можетъ возбудить такой характеръ и трата вдохновенія своего на подобныя картины — можетьли быть достойна такого высокаго искусства, какъ музыка? Къ чему стремился композиторъ? выразить ничтожность такого характера? нътъ; потому-что музыкально этотъ характеръ обдёланъ съ любовью и взятъ такъ серьёзно, что никакъ нельзя подозръвать въ немъ насмъшку; неужели-же авторъ хотълъ возвысить такой характеръ? — но такой неэстетической цёли мы не имѣемъ права даже и предполагать въ г. Алари. Что-же должно изъ этого заключить? А то, что г. Алари не далъ себъ труда серьёзно обдумать избираемый имъ сюжетъ, а схватился за него, какъ за канву, по которой можно нашить всякой всячины: и вакхическихъ сценъ, и энергическихъ арій, и шумныхъ хоровъ, и выставить эффектную декорацію пылающаго костра, и балеть баядерокъ — всего по немногу! И такъ, внутренней музыкальной связи, обдуманнаго плана, въ оперъ нътъ никакого. Станемъ-же разсматривать ее, какъ собраніе арій, дуэтовъ, morceaux d'ensemble и речитативовъ. Company of the Court of the Cou

Въ музыкъ г. Алари мы замъчаемъ совершенное отсутствие *ориги*нальности; фраза, сказанная французскимъ критикомъ о «Tre Nozze» вполнъ примъняется къ «Сарданапалу»: «il y a un peu de tous, méme

un peu de M-r Alary». Ни одной оригинальной мысли, все дышеть воспоминаніемъ! И не то, чтобы г. Алари сознательно обижаль другихъ композиторовъ; мы даже думаемъ, что онъ очень добросовъстно увъренъ, что всъ его мелодін принадлежатъ именно ему. Есть, въ сферъ всъхъ искусствъ, таланты, страждущіе совершеннымъ отсутствіемъ оригинальности. Въ настоящее время въ нашей литературъ попадаются на каждомъ шагу эти паразиты искусства. Упрекнуть ихъ въ недобросовъстности — нътъ никакой возможности. Сюда относимъ мы всёхъ поэтовъ, которые такъ удачно осменваются г. Новымо Поэтомъ, доказывающимъ на дълъ, какъ легко производить эти созданія, не запечатлънныя печатью оригинальности. Также легко это дъло въ музыкъ: не имъя внутренняго содержанія, представляя наборъ музыкальныхъ фразъ — эти произведенія часто извинялись прежде отдълкой инструментаціи, какъ поэтическіе ихъ собраты — звучностью стиха. Но въ наше время, кто поставить въ достоинство поэтическаго произведенія одну эту звучность или музыкальнаго — инструментацію и гармонировку? Какъ въ поэзін, такъ и въ музыкъ эти части доведены теперь совершенно до рутины. Съ «Grand traité d'instrumentation» Берліоза въ рукахъ, какой композиторъ не съумъетъ оркестровать эффектно свое произведение? Названное выше творение Берліоза не могло появиться лътъ пятьдесять тому назадъ; но теперь можно сказать съ увъренностью, что новое покольніе, идя на той-же системь, не принесеть ничего новаго на этомъ поприщъ, Великій талантъ найдетъ всегда средство быть оригинальнымъ въ своей инструментаціи, но для паразитовъ и существующихъ, приведенныхъ въ рутину пріемовъ будетъ достаточно для произведенія нъкотораго эффекта: нынче-же такъ любять шумъ! Такова инструментація «Сарданапала»: нъть ни однаго гармоническаго сочетанія, которое-бы васъ поразило оригинальностью, нътъ ни одного пріема инструментаціи съ печатью самобытности, — а междутъмъ все прилажено хорошо и не лишено эффекта. Впечатлъніе, остающееся по прослушаніи оперы - то-же, которое остается въ васъ по прочтенін романа г. Авдъева — «Тамаринъ»: все гладко, хорошо, — но ни одной оригинальной, самобытной черты.

Увертюра не есть ни программа оперы, ни даже намекъ на какоенибудь изъ положеній ея: финальное allegro разработано на манеръ заключительнаго мотива увертюры «Фрейшютца». Послѣ небольшой интродукціи, изображающей восходъ солнца, является бассовая арія Белезіо: она слишкомъ длинна и безъ всякаго музыкальнаго содержанія, потому-что представляетъ нескончаемое переливанье изъ пустаго въ по-

рожнее одной музыкальной фразы, оригиналь которой находится въ «La mia laetizia» — Верди. Арія эта прерывается сильно инструментованнымъ речитативомъ со всъми эффектами tremolo и эпизодическими выходками мъдныхъ инструментовъ, въ которыхъ партія вальдгорновъ написана страшно высоко и портить звукъ этого инструмента. За речитативомъ повторяется снова вся вторая часть аріи, уже и безъ того длинной и скучной. Является хоръ Ниневянъ, написанный въ родъ марша, въ которомъ принимаетъ участіе весь контингентъ оркестра, а тромбоны soli перекликаются съ голосами на интервалахъ усъченнаго септ-аккорда и приводять въ оркестръ фигуру расходящихся въ противодвиженіи аккордовъ, при хроматическомъ нисхождении басса: пріемъ не новый, но эффектный и грандіозный. Дуэть Белезіо съ Арбаче, andante котораго имъетъ родственное сходство со всъми вообще рутинными andante дуэтовъ, заключается allegro presto, исполняющимся двумя бассами униссономъ: это allegro такъ и просится въ шестую фигуру (галопъ) какойнибудь Мюзаровской кадрили. Этой танцовальной музыкой прекращается, на нъкоторое время, шумъ въ оркестръ. Входитъ Мирра съ прекраснымъ инструментованнымъ речитативомъ, перемъщаннымъ тамъ и сямъ мелодическими фразами: это лучшій нумеръ всего перваго акта. Дуэтъ Сарданапала съ Миррой, следующій за симъ, — очень плохъ, но едва-ли еще не плоше финаль, въ которомъ участвують и банда и хоры, и солисты, и лошади, и колъсница и золотой зонтикъ — и ужъ не знаю что!

Во второмъ дъйствіи Саламень представляется публикъ съ классическимъ речитативомъ и следующей за нимъ каватиной съ довольно выдержаннымъ характеромъ; особенную прелесть получаеть эта каватина отъ контраста ея съ вакхическимъ хоромъ женщинъ, раздающимся за сценой. Этотъ хоръ — ритурнель къ вакхическимъ куплетамъ, которые представятся вполнъ въ четвертомъ актъ. Здъсь-же покамъсть вы слышите отрывокъ — едва-ли не лучшій изъ всего нумера. небольшаго речитатива — дуэтъ Саламена съ Сарданапаломъ: andante spianato, широкая мелодія тенора con molto portamento di voce, которому баритонъ вторитъ урывчатыми фразами, — канонообразно; нумеръ очень эффектный и выказывающій вполн'в всю прелесть голоса Маріо. Allegro дуэта хуже первой части. Тріо трехъ бассовъ, въ первой части безъ акомпаньемана оркестра, принадлежить къ лучшимъ нуме. рамъ оперы, хотя фактурой своей напоминаетъ тріо «Маргариты Анжуйской». Здъсь очень эффектна партія, написанная для Ронкони въ діапазонъ тенора-serio. Актъ заключается финаломъ, начинающимся

секстетомъ, въ которомъ голоса ведены совершенно неопытной рукою и оттого каждая партія распадается, не образуя ничего цълаго.

Третій актъ состоитъ изъ трехъ нумеровъ: дуэта Саламена съ Миррой, котораго проходимъ молчаніемъ, хора кузнецовъ на слова:

"Tan, tan, tan, tan!
I colpi s'alternano; — Sia ferma la man!
Tan, tan, tan, tan, tan!"

съ акомпаньеманомъ семи наковаленъ!? не очень понравившагося, и слъдующаго хора заговорщиковъ, также незамъчательнаго.

Четвертый акть — капитальный всей оперы. Онъ открывается танцами баядерокъ, между которыми Таара (контральто) поетъ очень милую оригинальную пъсенку, съ занимательнымъ и хорошо придуманнымъ акомпаньеманомъ скрыпки. Странная вещь! эта пъсенка не произвела никакого эффекта, а между-тъмъ это самый оригинальный и самый лучшій нумеръ изъ всей оперы. Послъ небольшаго речитатива следуеть маленькій дуэттино или, скорее, канцонетта на два голоса Таары и Мирры, — хорошенькая мелодическая бездълушка. Вдругъ бьетъ там-тамъ, цевольницы разбъгаются, всъ мъдные инструменты оркестра работаютъ во всю силу амбушюровъ и раздается трехголосное предсказаніе тіней. Сарданапаль вскакиваеть въ ужаст и повторяеть машинально съ оркестромъ последнюю фразу теней. Всё это очень хорошо и эффектно, равно какъ и следующая за симъ патетическая мелодія: «Ombre sacre, gloriose degl'avi», въ которой особенно выдается послъдняя фраза «Senza gloria morire non dé», требующая всей силы голоса. Вакханалія снова возобновляется: couplets bachiques 3/4 D-dur, слышаннные нами въ отрывкъ, въ началъ втораго акта, являются здъсь вполнъ. Они довольно приличины положенію и выражаютъ хорошо разгулъ изнъженнаго человъка, но мотивъ ихъ не принадлежитъ г. Алари, въ чемъ всякій можетъ убъдиться, прочтя № 4 парижскаго изданія партитуры «Вильгельма Телля». Окончаніе акта гораздо слабъе, а allegro guerriero Мирры одна изъ въковъчныхъ пошлостей итальянской рутины. Въ пятомъ актътріо Арбаче, Белезіо и Мирры — réminiscence на мотивы «Вильгельма Телля», а за симъ ... за симъ г. Роллеръ нарисоваль чудную декорацію съ огромнымъ пылающимъ костромъ.

Вотъ что удивительно: г. Алари писалъ оперу, зная, кто будетъ исполнять какую партію, и, между-тѣмъ, ни одна партія не была по голосу исполнявшаго ее. Г. Маріо въ двухъ капитальныхъ нумерахъ (въ дуэтъ съ Саламеномъ и аріи «Оmbre sacre») принужденъ композиторомъ форсировать голосъ, что для него очень вредно; для г-жи Гризи

вся партія Мирры написана слишкомъ высоко; въ ней поминутно встръчается si acuto, которое она беретъ съ усиліемъ; г. Формесъ ръшительно не имълъ ни разу случая выказать своихъ низкихъ нотъ, — всё, что есть у него лучшаго; Тальяфико, партія котораго написана для него, напротивъ, слишкомъ низко, имъетъ въ пятомъ актъ нъжную катилену, написанную такъ высоко, что онъ ръшительно не можетъ придать ей эротическаго выраженія. Одинъ Ронкони можетъ быть вполнъ доволенъ своей партіей: вся она написана въ его высокомъ регистръ.

Стоитъ-ли прибавлять, что опера была исполнена превосходно и поставлена съ замъчательнымъ великолъпіемъ?

Для памяти не забудемъ сказать, что на масляницъ какъ-то промелькнула «Линда-ди-Шамуни» Доницетти, — въ которой, въ прошломъ сезонъ, была такъ обворожительна г-жа Персіани. Впрочемъ, говорятъ, что и новая протагонистка, г-жа Медори — была очень хороша.

Mills the transfer of the state of the state

months interested the second section and the second second

To establish the commence of the configuration of the contract Sind suggests as the contract of the contract to the suggest to be sometiment of the second of the secon THE LONG COLUMN TO SERVICE TO SERVICE THE SERVICE OF SERVICE SERVICES SERVI SHARM THE FAIR THE COUNTY OF THE PARTY OF THE PARTY HAVE THE PARTY THE PARTY OF THE the resulting the party vigit on any conserve a surplication of the New York and the STEATH DESCRIPTION OF THE PROPERTY OF THE PROP STATE OF THE PROPERTY OF STATE OF THE PROPERTY OF THE PROPERTY OF THE PROPERTY OF THE PARTY OF T sand required the comment was a profession of the profession to the profession of the professional profession of the pro while the relative to the second section of the section Michael Charles and a series of the series o A SUPERIOR TO SELECT MEANS TO SELECT A SUPERIOR OF THE SELECT ASSESSMENT OF THE SELECT ASSESSMEN Supposition to the state of the supposition of the 449年第18年,我们也可以在《新国中的一部等的内容》中,但是由于中国中国中国的国际中国的国际中国,自由社会中国企 SHEDWING THE WORKSHIP OF WORK SHIPS AN OFFICE OF A STREET RESERVED AND A SHIPS and the same of th out specific sales the base of the substitute of the sales of the body of the sales AREADER'S CONTRACTOR OF THE PROPERTY OF THE PR ancachas a mant an each mana complete and the second and the secon

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ КРЕЙСЛЕРЪ.

ОБОЗРЪНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція.

письмо изъ парижа, отъ 1/13 Марга.

Дирекція Опернаго театра, съ возобновленіемъ десятильтней привиллегін, осыпанная новыми щедротами правительства, возобновила въ своемъ репертуаръ «Вилыельма Телля» съ великолъпною постановкою. Теперь исполнение болье, чъмъ когда-нибудь достойно этой лебединой пъсни величайшаго изъ современныхъ итальянскихъ композиторовъ, умершаго для артистической жизни, но поживающаго какъ нельзя лучше, для жизни гастрономической и сладкаго far niente. При нынъшней постановкъ оперы, двъсти хористовъ поютъ великую сцену финала втораго акта. Эффектъ такой хоральной массы поразителенъ. За то, въ первое представленіе, двери оперы буквально были взяты приступомъ. Вотъ одинъ изъ анекдотовъ этой толкотни. Знаменитый пъвецъ Дюпре не могъ достать себь ни мальйшаго мъстечка въ заль: кассиръ объявиль, что, къ сожальнію, ни одного билета ньть. «Значить, также, какь бывало, когда я пълъ?» ... возразилъ Дюпре. Въ устахъ другаго, это выражение показалось бы непомърнымъ хвастовствомъ. По словамъ парижскихъ фельетонистовъ, зала Оперы никогда еще не видала такой многолюдной и блистательной публики, въ числъ которой былъ и Президентъ Республики, и то-и-дело подавалъ знакъ къ рукоплесканіямъ. Роль Арнольда, нъкогда пътую Нурри и Дюпре, исполняль въ первый разъ Геймаръ (Gueymard), и съ такимъ усиъхомъ, который превзошелъ всъ ожиданія любителей. Роль Матильды занимала г-жа Лабордъ.

Итальянская Опера принялась за нъмцевъ. Послъдняя ея новость «Фиделіо», Бетховена, данная въ первый разъ 34 января или 19 января по старому стилю. Громадная концепція германскаго маэстро перенесена въ храмъ итальянской каватины. Мысль смълая со стороны дирекціи, но весьма исполнимая при такихъ артистахъ, каковы Крувелли, Беллетти, Сузини и Кальцолари. Парижъ слышалъ Бетховенову оперу лътъ двадцать назадъ, на нъмецкомъ языкъ, исполняемую нъмецкими пъвцами, Гайцингеромъ и г-жею Шрёдеръ-Девріенъ. Нынъшній директоръ Итальянскаго театра, уже дававшій «Фиделіо» въ Лондонъ, ръшился вторично угостить парижскихъ дилетантовъ произведеніемъ германскаго генія, и на этотъ разъ опера была оцінена публикою лучше прежняго. Особенно хвалять исполнение дуэта между Джоакино и Марчеллиною (Сольди и г-жею Корбари); аріи перваго акта: ver mi dice il cor, г-жи Корбари; квартета между Марчеллиною, Леонорою, Рокко и Джоакино; apin semi-seria Рокко: Col quattrin contezza sol congiunta ognor qui sta, и слъдующаго за тъмъ тріо, которое произвело чрезвычайный эффектъ и заслужило громкія рукоплесканія, равно какъ и анданте apiu: O tu la cui dolce possanza, г-жи Крувелли, и ея же аллегро: Celeste ardor m'accende. Беллетти пълъ роль Пицарро; Кальцолари отличился въ мрачно-прекрасной сценъ въ тюрьмъ. Какъ ни велики были трудности исполненія, онъ побъждены счастливо и большинство парижскихъ слушателей поняло наконецъ это мощное созданіе германскаго генія. Припомнимъ, что вънская публика также не оказала блестящаго пріема оперт Бетховена, при первомъ ея представленіи, и что авторъ принужденъ былъ передълать нъкоторыя части своего творенія, которое послѣ смерти его признано классическимъ во всей Германіи. Припомнимъ также, что сюжеть оперы почти насильно былъ навязанъ композитору. Это былъ сюжетъ одной лирической драмы парижскаго театра Feydeau, явившейся въ 1795 году, подъ названіемъ: «Léonore, ou l'Amour conjugal», (Леонора или Супружеская любовь). Второе представление уже передъланной своей оперы далъ Бетховенъ въ Ирагъ, сокративъ оперу въ два акта. На Итальянскомъ театръ, она давалась въ трехъ дъйствіяхъ.

Комическая Опера поставила «Звонаря города Брюгге» (Le carillonneur de Bruges), оперу въ трехъ дъйствіяхъ, Сенъ Жоржа, съ музыкою Альбера Гризара, для дебюта дъвицы Вертемберъ (Wertheimber).

Дъйствіе происходить во времена господства испанцевь во Фландріи. Горько было Матвъю Класу, городскому звонарю, когда торже-

ствующій непріятель заставиль его звонить въ колокола во-славу того, что родина его подпала подъ чуждое иго. Бъдный звонарь съ горя оглохъ. Съ техъ поръ, онъ живетъ безъ дела, съ дочерью Беатрисою, племянницею Мезангерою и племянникомъ Ванбрукомъ, которому продалъ свой трактиръ. Ванбрукъ хотълъ было жениться на Мезангеръ, раздумалъ, съ тъхъ поръ какъ показалось, ему поцѣловала какого - то мужчину. Теперь онъ намъренъ ся на Беатрисъ. У Беатрисы уже есть любезный, молоденькій офицеръ испанской службы, Вильгельмъ. Кажется, Беатриса неравнодушна къ офицеру: отчегожъ она такъ церемонна съ нимъ? отчего не соглашается немедленно на союзь, который бы такъ обрадовалъ ея стараго отца? Оттого, что Беатриса хранительница одной тайны, связывающей ея свободу. Сестра последняго герцога Брабантскаго, Марія, получила позволеніе жить въ отечествъ не иначе, какъ съ условіемъ выйти за-мужъ. Между-тъмъ, Марія была тайно обвънчана съ герцогомъ Нассаускимъ, павшимъ въ войнъ за отечество. Отъ этого брака остался у нея сынъ, котораго она поручила своей молочной сестръ, Беатрисъ, и воспитываетъ его на фермъ Розъ, вопреки бдительпости донъ Хуана-Гермозы, агента испанскаго правительства, который наблюдаеть за высокой пленницею. Беатриса получаетъ тайное увъдомленіе, что ея воспитанникъ не безопасенъ на фермъ, что надо его скрыть отъ розысковъ дона Гермозы. Дъвушка прячетъ ребенка въ своей спальнъ. Тамъ, въ присутствіи герцогини Маріи, которая переодътая пришла обнять сына, она отдаеть его Оливьеру, върному другу, дъйствующему втайнъ для освобожденія родины. Все шло бы прекрасно, еслибъ не этотъ проклятый Ванбрукъ: не могши войти въ комнату Беатрисы, онъ вздумалъ поглядъть въ замочную скважину и открылъ секретъ. Подъ пьяную руку, Ванбрукъ все выболталь шпіону инквизиціи, при старикъ Матвъъ, котораго не опасается, зная, что онъ глухъ. «У Беатрисы ребенокъ»; значитъ, она уже ему не невъста. Онъ не подозръваеть, что Матвъй, какъ оглохнулъ отъ сильнаго ощущенія, такъ точно отъ такого-же ощущенія вдругъ сталъ слышать, когда на праздникъ кермессы увидълъ старое брабантское знамя. Понятно, какъ подъйствовали на старика слова Ванбрука, обвиняющаго Беатрису въ безчестін. Герцогъ Гермоза допрашиваетъ дъвушку, въ присутствіи отца и жениха ея Вильгельма: та, изъ преданности къ герцогинъ, объявляетъ себя матерью ребенка, котораго она отдавала какому-то незнакомцу. Матвъй Класъ проклинаетъ дочь; но Вильгельмъ остается въренъ невъстъ, называетъ Ванбрука

клеветникомъ и все еще хочетъ жениться на Беатрисъ. Этой довольно драматическою сценой оканчивается второй актъ. Въ третьемъ является бъдный Матвъй, изнемогающій отъ горя и все непреклонный къ дочери, считая ее преступною. Ни слезы Мезангеры, ни то, что Ванорукъ отперся отъ своихъ словъ, не трогаетъ старика. Вдругъ Вильгельмъ, узнавшій всю истину отъ герцогини Маріи, приходить и объявляетъ о невинности Беатрисы. Въ это же время, получаетъ Матвъй письмо, гдъ ему велятъ быть въ семь часовъ вечера на соборной колокольнъ, чтобъ ударить въ набатъ, для сигнала на изгнаніе испанцевъ. Старый звонарь не хочетъ пропустить такого случая показать свой патріотизмъ. Но въ самую минуту условнаго сигнала, Матвъй узнаеть, что Беатриса, въ отчаяніи отъ позора и оскорбленій, которыя понесъ за нея Вильгельмъ, хочетъ кинуться съ башни, какъ скоро зазвонять колокола. Видя, что Матвъй мъшкаеть, Оливьеръ самъ ударяетъ въ набатъ. Испанцы прогнаны; Беатрису приводитъ къ отцу Ванорукъ, которому поручено было выставить брабантское знамя на верху башни; а герцогиня Марія показываеть торжествующему народу своего сына, законнаго наследника Брабантскихъ герцоговъ.

Альберъ Гризаръ, извъстный композиторъ шутливой музыки, впервые написалъ музыку къ драматической поэмѣ, и не уронилъ своей репутаціи. Публика была очень довольна композиторомъ и дебютанткою. Голосъ дъвицы Вертемберъ, частію контральто, частію меццо-сопрано; онъ обнимаетъ всю гамму отъ нижняго sol до верхняго ut, и отличается звучностію, которая при силѣ, не чужда нѣжности и симпатической прелести. О талантѣ ея, какъ актрисы, еще нельзя судить по первому дебюту. Въ числѣ самыхъ усердныхъ одобрителей ея, былъ Президентъ Республики.

Національная Опера также поставила на своей сценъ двъ новинки: Свадьбу розъ (Les fiançailles des roses), комичекую оперу въ двухъ дъйствіяхъ, слова Ж. Севеста и Дели, музыка Вильбланша; и — «Нюрнбергскую куклу». (La poupée de Nuremberg), комическую—же оперу, въ одномъ дъйствіи, слова Левена и Боплана, музыка Адольфа Адана.

Директоръ Націопальной Оперы не захотѣлъ отстать отъ Комической Оперы и на успѣхъ «Брюмскаго звонаря» отвѣчалъ успѣхомъ двухъ очень миленькихъо перъ, данныхъ 24 февраля (9 ст. ст.). — Сюжетъ первой изъ нихъ взятъ изъ одной старинной венгерской легенды, откуда нѣкогда заимствовалъ Шарль Нодье хорошенькую сказку. По словамъ легенды, дѣвушка въ осьмнадцать лѣтъ можетъ увидѣть

своего суженаго, если станетъ вызывать его въ полночь, передъ двумя розовыми кустами. Такъ и сдълала Юла, воспитанница стараго бурго мистра. Визлемсъ, красивый дътина, влюбленный въ Юлу, между тъмъ заснулъ подлъ двухъ кустовъ розъ. Юла принимаетъ его за удачный результатъ своего гаданья и, разумъется, выходитъ за него замужъ, на зло старому бургомистру ѝ нъсколькимъ другимъ женихамъ, которые тъмъ больше добиваются руки Юлы, что по завъщанію, о которомъ она сама не знаетъ, ей достается очень недурное состояніе, — какихънибудь два милліона съ небольшимъ. — Либретто ведено искусно; разговоръ живой. Музыка оперы первый опытъ композитора. Есть очень свъжія мелодіи, но вообще видно, что автору педостаетъ опытности, приходящей со временемъ. Дъвица Мандесъ (Менdez) восхитила публику въ роли Юлы, а Дюлоранъ въ роли Виллемса.

« Нюрнбергская кукла» — забавная шутка, правда нъсколько напоминающая старинный водевиль «Une passion» и остроумную комическую оперу « Bonsoir, monsieur Pantalon! » — Гризара. Сюжетъ взять изъ Гофмановой сказки. — Фабрикантъ дътскихъ игрушекъ, Корнеліусъ, сдълаль чудесную механическую кублу, и надъется придать ей верхъ совершенства, съ помощью кабалистической книги. Племянникъ фабриканта, Миллеръ, собираясь на балъ съ Бертою, своей возлюбленной, не могъ достать ей лучшаго костюма, какъ платье дядиной куклы. Вдругъ идетъ Корнеліусъ. Берта бросается въ кабинетъ и становится на мъсто куклы: Миллеръ, наряженный фантастическимъ духомъ, прячется въ каминъ. Въ самую минуту, когда Корнеліусъ показываеть сыну своему Донатану чудесную куклу, изъ камина вылъзаеть Миллеръ. Его принимаютъ не шутя за духа, особенно когда по его велънію, кукла начинаетъ ходить, какъ живая. Донатанъ въ восторгъ, онърадъ жениться на прекрасной куклъ; ноБерта убъгаетъ въ кабинетъ, отказываясь выдти за такого простака. Корнеліусь, въ негодованіи, бросается вслъдъ за куклою и въ гнъвъ расшибаетъ свое мастерское произведение. Миллеръ сбросилъ съ себя нарядъ, и узнавъ, что Корнеліусъ разбилъкуклу, кричить: «Вы убили женщину! Отдайте мнъ наслъдство, не то я донесу на васъ». Но все объясняется. Берта является живъе прежняго, чтобы выдти за Миллера. — Композиторъ самъ разсказываетъ въ фельетонъ, какъ онъ написалъ музыку этой веселой шутки. Еслибъ сочинение маленькой оперы въ одномъ дъйствіи могло назваться истиннымъ чудомъ, то Адольфъ Аданъ поступилъ бы непремънно въ число чародъевъ, потому что его опера поспъла въ одну недълю. Послъ очень милой увертюры, въ которой прелестно аллегро-вальсъ въ si be mol, хороши куплеты

Корнеліуса, дуэтъ Миллера съ Бертою, тріо отличной фактуры, и арія Берты, которой предшествуєть прекрасное соло на скрипкъ.

Отъ лирической драмы переходимъ къ стихотворной, которой тучный илодъ принесла сцена Французскаго Театра. Это именно «Діана» (Diane), драма въ пяти дъйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Эмиля Ожье.

Внутренность дома. Въ бъдно-меблированной большой залъ, подлъ столика съ скромной лампою, сидитъ Діана, моледая сирота благородной фамиліи, и шьетъ мужской кафтанъ. При ней старый слуга, бывшій ларошельскій солдать армін гугенотовь. Дівушка съ старикомъ разговариваетъ о молодомъ человъкъ, котораго оба любятъ по своему: о Полъ де-Мирмандъ, братъ Діаны. Діана прекрасными стихами описываетъ торжественную сцену, когда умирающій отецъ поручилъ ей беречь молоденькаго брата. Она не измънила завъту отца: подъ ея наблюденіемъ, Поль выросъ и достоинъ имени Мирмандовъ. Только, что это онъ такъ запоздалъ сегодня? Не случилось-ли съ нимъ какое несчастіе? Вотъ шаги; втрно онъ идеть. Діана отворяеть дверь: въ комнату вбъгаетъ молодая женщина подъ вуалью, и за ней четыре франта, немножко разогрѣтые вечернею пирушкою. Изъ этого случая выходить очень недурная сцена. Діана вступается за бъглянку. Молодые господа, сначала было поколебались, но скоро ободрились подъ вліяніемъ Діаниной красоты и хотять просто-на-просто похитить объихъ. покровительницу и покровительствуемую. Но старый солдать, при первомъ крикъ своей госпожи, хватаетъ длинную рапиру и величаво становится между Діаною и дерзкими. Мосье де-Піеннъ, одинъ изъ франтовъ, хочетъ отстранить тростью это живое укръпленіе. За такую шутку онъ можетъ поплатиться жизнью, потому-что старый кальвинистъ шутить не любить. Но Діана, можеть-быть, невольно тронутая нъсколькими благородными словами де-Піенна, велить старику Парнажу спритать шиагу въ ножны; беретъ трепещущую незнакомку за руку, и объявляетъ де-Пьенну, что объ онъ отдаются подъ защиту его чести. Такое воззвание къ чести образумливаетъ молодыхъ повъсъ и зароняетъ въ сердце де-Пьенна первую искру любви. — Шалуны ушли, и незнакомка разсказываеть Діанъ, что ее зовуть Маргаритой, что она дочь Грандена, откупщика виноградныхъ сборовъ провинціи Артуа; что отецъ помолвилъ ее съ графомъ де-Крюа (однимъ изъ преследовавшихъ ее повесъ); что она, какъ водится, его терпъть не можетъ; что, желая избавиться отъ этого брака, она ръшилась бъжать къ своей крестной матери, герцогинъ Роанъ, и воспользовалась для побъга темнотою вечера, но заблудилась на улицахъ, и молодые сорванцы погнались за нею, не зная, кто она.--

Въ это время, Поль де-Мирмандъ возвращается домой черезъ окошко, боясь, говоритъ онъ, разбудить сестру. Слъдуютъ упреки, оправданія, наконецъ примиреніе, и взаимное впечатленіе Поля и Маргариты отъ перваго свиданія. Первое дъйствіе окончилось.

Во второмъ актъ, мы у герцогини Роанъ. Маргарита разсказываетъ крестной маменькъ приключенія перваго акта. Герцогиню особенно поражаетъ одна подробность, пуще всего любопытная для нея: именно впечатленіе, какое, повидимому, сделали на мосье де-Пьенна красота и неустрашимость Діаны. Пользуясь случаемъ, что Діана оказала услугу Маргаритъ, герцогиня беретъ перо и тотчасъ пишетъ къ брату и сестръ Мирмандамъ, приглашая ихъ къ себъ. — Маргарита не ограничилась ролью разскащицы: кромъ того, она ръщительно объявила мадамъ де-Роанъ, что ни за что въ свътъ не выйдетъ за де-Крюа, къ которому ея отвращение видимо увеличилось, съ тъхъ поръ какъ она увидъла Поля де-Мирманда. - Является суровый римлянинъ, откупщикъ, требовать бъглянку. Онъ объщаль де-Крюа руку дочери потому, что будучи замъшанъ въ заговоръ противъ Ришлье, хочетъ, на случай неудачи, имъть защитника въ будущемъ зятъ, который въ большой милости у грознаго кардинала. Являются де-Крюа и де-Пьеннъ съ своими претензіями. Вдругь входять Поль съ Діаною: мож но вообразить изумление молодаго повъсы. Изумление это еще возрастаеть отъ прихода Маргариты, предположенный бракъ которой натурально разрушается, вследствіе разсказа объ ея ночномъ похожденіи. На беду, де-Крюа выразился объ немъ не совстмъ въжливо. Поль всныхнулъ: оскорблять женщину подло. Ясно, что должно воспоследовать изъ такого объясненія. Назначена дуэль у Поля съ де-Крюа; де-Пьеннъ секундантомъ у молодаго Мирманда,

Третье дъйствіе начинается въ домѣ де-Пьенна, который далъ пристанище Полю, заколовшему противника. На улицѣ провозглашаютъ, что Поль де-Мирманъ приговоренъ къ висѣлицѣ. Приходитъ Діана; но трогательная ея сцена съ братомъ вдругъ прерывается стукомъ въ двери и грозными словами: «Именемъ короля, отворите!» Поль тотчасъ прячется; входитъ начальникъ уголовнаго суда, Лаффема. Онъ пришелъ арестовать Поля. «Поль въ Гентѣ!» говоритъ де-Пьеннъ. Лаффема объявляетъ, что велитъ разломать весь домъ, если ему не выдадутъ виновнаго. Не смотря на протестъ и угрозы хозяина, Лаффема велитъ ломать стѣны. Въ эту минуту пріѣзжаетъ герцогиня Роанъ, которая любитъ и ревнуетъ де-Пьенна. Слуга далъ ей знать о приходѣ Діаны къ его господину. Въ самомъ дѣлѣ, герцогиня застаетъ дѣвушку

и считаетъ себя обманутою: она скоро заставляетъ Лаффема раздълить съ ней убъжденіе, что де-Пьеннъ и Діана были одни. «Если братъ дъвицы де-Мирманъ въ Гентъ. зачъмъ-же она сама у маркиза»? говоритъ Лаффема. — Зачъмъ? они любятъ другъ друга! отвъчаетъ герцогиня. Діанъ надо спасти брата, во чтобы ни стало, и она стоически выноситъ падающее на нее подозръніе. Лаффема собирается уйти, какъ вдругъ пылкій Поль, который слышалъ всю сцену и не вытерпълъ безславія сестры, самъ измъняетъ себъ. Лаффема съ торжествомъ уводитъ свою жертву. Герцогиня скоро узнаетъ высокое самоножертвованіе дъвушки и предлагаетъ ей всякую помощь съ своей стороны. Де-Пьеннъ самъ представитъ Діану королю.

Новое дъйствіе открывается краткимъ разговоромъ Діаны съ-де-Пьенномъ въ пріемной короля, въ Лувръ. Молодой человъкъ едва не высказалъ ей тайну своего сердца. Діана остается одна. Она примътила скрываемое волнение своего собесъдника. Волнение это соотвътствуетъ состоянію ея души: «Боже мой! говорить она, что, если онъ любить меня!» Но скоро она сомнъвается; нътъ, въ ней нътъни тъхъ достоинствъ, ни тъхъ недостатковъ, за которыя влюбляются въ свътскихъ женщинъ; ей не судьба быть любимой! Кто-то идеть. Это король. Къ несчастію, съ Діана едва успъла спрятаться за занавъсъ, откуда съ нимъ Ришлье. елышитъ разговоръ Людовика XIII съ кардиналомъ-министромъ. — Ришлье надоблъ королю. Людовикъ хочетъ царствовать самъ; кардиналъ не прочь удалиться на покой; онъ даже видить въ своей отставкъ особенную милость: заботы правленія въ пятдесять лѣтъ сдѣлали его старикомъ. Но онъ хочетъ оправдаться отъ незаслуженнаго обвиненія. Не угодно ли королю сейчасъ-же принять отъ него отчетъ въ управленіи государствомъ? Слъдуетъ мастерская картина Франціи, какъ опъ засталъ ее при началъ своего министерства. Въ противуположностъ этому мрачному изображенію, вотъ какова Франція при немъ! Одушевленная ръчь министра торжествуетъ надъ сердцемъ короля: кардиналъ по-прежнему остается первымъ министромъ Франціи.

Діана слышала ихъ разговоръ. Ея гордый характеръ склонился предъ геніемъ Ришлье. Она пришла просить у короля пощады брату, а только—что ушелъ король, она помышляетъ единственно о спасеніи Ришлье отъ замысла, угрожающаго его жизни. «Не ъздите на балъ къ герцогу!» говоритъ она. Но тутъ прерывается ея невольный и благородный доносъ. Когда кардиналъ спрашиваетъ у нея имена заговорщиковъ, она съ негодованіемъ отказывается ихъ объявить. Во второмъ актъ, мы видъли, она боролась съ чувствомъ оскорбленной чести;

теперь ее ожидаетъ борьба съ врагомъ, который еще страшнъе: съ опасеніемъ за жизнь брата. Ришлье призываетъ Поля и говоритъ: «Ваша пощада зависитъ отъ сестры; просите ее: только по ея ходатайству, я васъ прощу». Діана готова пасть въ этой борьбъ, но благородная душа вспрянула въ ней и она торжествуетъ надъ ужасной моральною пыткою, которой подвергаетъ ее безжалостная политика кардинала. Поля уже ведутъ на казнь: министръ разсчитываетъ, что это страшное испытаніе одольетъ твердость сестры. Но если сердце ея растерзано, то воля непоколебима. Тронутый такимъ геройствомъ, кардиналъ прощаетъ Поля; но какъ Діана въ полу-признаніи своемъ проговорилась, что любитъ одного изъ злоумышленниковъ противъ Ришлье, то Лаффема́ дано приказаніе арестовать, по крайней мъръ, эту жертву.

Въ последнемъ акте, мы у герцогини Роанъ. Она въ гостиной съ Діаною, Полемъ и Маргаритою. Молодая чета занята только своей любовью. Герцогиня все еще пъсколько ревнуеть къ Діанъ, а Діана помышляеть о рыцарственномъ де-Пьеннъ. Во второмъ дъйствін, наканунъ заговора противъ Ришлье, маркизъ де - Пьениъ сдълалъ завъщание, которымъ вмъстъ съ состояніемъ, передаваль прекрасной Діанъ тайну своей любви. Завъщание опъ вручилъ ей. Діана, воображая, что это какая-нибудь бумага, могущая повредить безопасности де-Пьенна, отдаетъ ее на сохранение герцогинъ. Герцогиня вскрываетъ завъщание и находить въ немъ признаніе молодаго маркиза въ любви къ Діанъ. Вся ревность, все бъщенство проспулись въ ней. Ръшено: во чтобы то ни стало, надо погубить соперницу. Отъ откупщика Грандена узнаетъ она, что хотя кардиналъ наканунъ сказался больнымъ, чтобъ не ъхать на балъ, но со всемъ темъ здоровъ, какъ нельзя лучше, и далее, что онъ самъ просилъ у Грандена руку дочери для Поля; и наконецъ, что онъ отзывался съ отмънной похвалою о Діанъ. Сообразивъ все это съ проницательностью ревности, герцогиня заключаеть, что кардиналь отказался бхать на баль, оттого что узналь о заговоръ и узналь о немъ отъ Діаны. Дівствуя съ хитростью, достойной самого Ришлье, мадамъ де-Роанъ объявляетъ, что въроятно донощикъ и есть Гранденъ, пожалованный въ дворяне. Діана не хочеть оставлять на другомъ отвътственность за свой поступокъ, и признается, что кардинала предостерегла она. Мгновеніе неръшимости видно на лицъ и даже въ словахъ молодаго человъка. Онъ готовъ усомниться въ благородномъ сердцъ Діаны; ду ша дъвушки растерзапа. Но вотъ Лаффема. Онъ привезъ де-Пьенну назначение отъ кардинала. Маркизъ сначала отказывается; но, узнавъ что въ этомъ назначени дѣло идетъ о его жизни, принимаетъ его, не слушая никакихъ убѣжденій герцогини. Діана отгадала сѣти. Хотятъ вывѣдать, де-Пьенна-ли она любитъ, чтобъ арестовать его, какъ заговорщика. Она покоряетъ движенія сердца. Остается ей послѣднее испытаніе. До отъѣзда, де-Пьеннъ хочетъ жениться на ней. Лаффема съ безпокойствомъ хищнаго звѣря ожидаетъ отвѣта Діаны. Тяжкое испытаніе для сердца Діаны! «Я люблю человѣка, который никогда о томъ не узнаетъ,» говоритъ она. У Лаффема опускаются руки; де-Пьеннъ удаляется съ растерзаннымъ сердцемъ. Оставшись одна съ герцогинею, Діана говоритъ: «еслибъ я согласилась, то отдала-бы его на жертву мщенію кардинала.» Тутъ герцогиня побѣждена: она изумляется своей соперницѣ и начинаетъ любить ее. «Чтожъ вамъ остается?» говоритъ она.—Братъ, отвѣчаетъ Діана, видя входящихъ Поля съ Маргаритою. И занавѣсъ опускается.

Мы уже много разъ высказывали свое мнѣніе о свойствахъ и направленіи таланта Эмиля Ожье, но здѣсь должны сознаться, что онъ превзошель самъ себя въ новой своей драмѣ. На сценѣ успѣхъ ея былъ огромный, особенно при игрѣ Рашели въ роли Діаны, Рашели, которой марморная статуэтка въ видѣ Герміоны, работы Аффингера, по повеленію короля Прусскаго, недавно поставлена въ берлинской библіотекѣ.

Большой новой драмъ предшествовала на томъ-же театръ небольшая новая комедія: «За и противъ.» (Le pour et le contre), въ одномъ дъйствіи, въ прозъ, соч. Э. Лафитта и Ніона..

Въ наше время, всякая пьеса въ одномъ дъйствіи имбетъ, если не заглавіе, то по-крайней-мірь, характерь пословицы. За и противъ хорошенькая бездълка, построенная на острів иголки и принаряженная встми узорами пріятнаго стиля; это блестящій разговоръ, гдт острыя слова сыплются по поводу менте чтмъ ничего. Мадамъ де-Блавъ имтетъ замокъ вдали отъ Парижа, и живетъ въ немъ съ мадамъ де-Шантре, своей пріятельницей. Въ этомъ уединеніи, объ дамы осыпаются новыми романсами и разнаго рода любезностями и услугами какого-то неизвъстнаго лица, являющимися неизвъстно какимъ образомъ и становящими въ тупикъ всю догадливость прекрасныхъ обитательницъ замка. Впрочемъ, одна записочка, кажется, нарушаетъ инкогнито невидимаго угодника. Въ букетъ розъ попадается билетикъ съ именемъ мосье де-Люсне. Кто-же такой мосье де-Люсне? Безъ сомнинія, владилець сосидняго замка, называющійся по имени своего пом'єстья. Дамы не прочь подумать, что это кузенъ мадамъ де-Блавъ, упорный ея поклонникъ, котораго средства нравиться покамъстъ ограничивались тъмъ, что онъ завелъ съ пре-

красной кузиною процессъ о раздълъ наслъдства, чтобы довести ее до капитуляціи и заставить выйти за него замужъ. Мадамъ де-Блавъ не очень желаетъ прекращенія фамильныхъ раздоровъ посредствомъ свадебнаго контракта. Она собирается возвратиться въ Парижъ, по-прежнему сдълаться законодательницею моды и наслаждаться на свободъ выгодами, какія даетъ ей въ свъть положение молодой вдовы. Но императоръ, по политическимъ видамъ, нашелъ нужнымъ женить начальниковъ своей арміи на вдовахъ и дъвицахъ, у которыхъ есть владънія близъ границы. Присланъ полковникъ Бруссаръ, чтобъ завоевать сердце мадамъ де-Блавъ. При первомъ свиданіи, полковникъ не слишкомъ старается понравиться своей невъстъ по-предписанію: онъ ведетъ себя такъ, что изъ рукъ вонъ. Впрочемъ, и безъ того вдовушка расположена къ живъйшему сопротивленію всякимъ видамъ на ея свободу. Все устроивается къ лучшему. Бруссаръ доноситъ императору, что засталъ мадамъ де-Блавъ чуть не за-мужемъ, а она, съ своей стороны, пишетъ къ кузену, что намърена отдать ему руку и покончить разомъ судебные споры. Затъмъ, Бруссаръ хочетъ возстановить хорошее понятіе о себъ въ умъ вдовы, которой внушиль было такое неутъшительное мнъніе. На прощальномъ визить онъ уменъ, ловокъ, милъ, совершенно не тотъ, что былъ прежде. Словомъ, ужъ и Бруссаръ жалветъ, что поторопился послать на почту свое донесеніе, и мадамъ де Блавъ въ отчанніи, что подала кузену надежды, которыя осуществить ей не хочется. Напрасно мадамъ де-Шантре хлопочетъ о пользахъ пріятельницы, которая отправила къ мосье де-Люсне важивишія бумаги своего процесса; въ дело вступается любовь: полковникъ съ вдовушкой хотятъ соединиться, во что-бы ни стало. Къ счастію, де-Люсне, къ которому мадамъ де-Блавъ отправила письмо, вовсе не страшный кузенъ, а мосье де-Шантре. Онъ купилъ съ аукціона им'єніе Люсне и назвался по имени его, чтобы по возвращенін изъ далекаго путешествія, наблюдать за женою, на которую не слишкомъ полагался. Остальное можете угадать.

Театръ Одеона поставиль двѣ новыя пьески: «Первая картина Пуссена» (Le premier tableau du Poussin), драма, въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Артира Тальена и «Балъ у адвоката» (Un bal d'avoué), комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Кармуша и Мельвиля.

Художникъ Никола, котораго впослъдствіи будуть называть Пуссеномъ, еще безъ имени, безъ состоянія, однакожъ «онъ тоже живописецъ!» Его мучить жажда генія, ему грезится слава мастеровъ искусства; но не артисту идти на-встръчу славъ, слава сама должна явить-

ся къ нему. Художникъ живетъ вдохновеніемъ, не помышляя о жалкихъ нуждахъ міра, погрязшаго въ матеріальности и въ холодныхъ расчетахъ. Правда, нашъ художникъ умеръ бы съ голоду, если бы попечительная мать и преданная жена не заботились о средствахъ содер. жать домъ. Пуссена уже написаль кучу великихъ произведеній, которыя остаются безвъстными въ его мастерской. Жена его, Марія, напрасно сидитъ день и ночь за вышиваньемъ; бъдныя ея рукодълія насилу удовлетворяють нуждамъ семейства. Жидъ Натанъ даеть ей въ займы нъсколько ефинковъ и беретъ въ залогъ картину, которой достоинство оцфиилъ съ перваго взгляда. Никола примфчаетъ, что картины нътъ; Марія признается, что отдала ее въ закладъ. Тутъ онъ все понимаеть: чемъ терзать жену бедностію, онъ лучше пріучить свои руки къ труду и будетъ жить дневной работою. Натанъ продалъ картину Пуссеня кавалеру Марини за три тысячи ефимковъ: съ этой въстію приходить къ живописцу пріятель, Джакомо. Марини увозить Никола въ Римъ; неизвъстный сегодня художникъ сдълается завтра великимъ человъкомъ. Онь довольствуется славою и оставляетъ Натану его три тысячи ефимковъ, съ условіемъ, выдать за Джакомо дочь, въ которую тотъ влюбленъ. Пьеса незавидная и вертится на самыхъ избитыхъ данныхъ, но и то сказать, она первый опыть автора.

«Баль у адвоката» вещь не совсёмъ новая: это старая пьеса театра Gymnase, подновленная для Втораго Французскаго Театра. Одинъ адвокатъ даетъ балъ. Мужъ и жена, которые намёрены хлопотать о разводё, встрёчаются въ гостиной адвоката и мирятся. Въ этомъ все содержаніе: но три акта нанисаны остроумно, ловко связяны и, при хорошей игрё актеровъ, очень занимательны, Лётъ десять тому, помнится, въ Петербурге ее играли, въ русскомъ переводё, и притомъ играли съ большимъ успёхомъ.

Кром'ть того, на сценть Одеона давали довольно миленькую комедійку, въ стихахъ, подъ названіемъ: «Оригиналъ и копія» (L'original et la copie). Она принадлежитъ перу двухъ новыхъ писателей *Нюма Жомара* и г. Гармана. Вотъ въ чемъ дъло:

Молодая вдова, мадамъ де-Нерисъ, потеряла свой портретъ на балъ у маркизы. Его нашелъ мосьё де-Рансе. У вдовы есть пріятельница, мадамъ д'Эспиноа, очень новый характеръ на театръ: это женщина, которая не даетъ мужу сказать слова, въчно его перебиваетъ. Въ качествъ пріятельницы, мадамъ д'Эспиноа колко подшучиваетъ надъ молодой вдовушкой. Мадамъ де-Нерисъ, чтобы прекратить злословіе, объявляетъ, что выйдетъ за-мужъ за того, кто принесетъ ей потерян-

ный портреть. Она провъдала, что желаемый мельдальонъ нашелъ мосье де-Рансе. Но мосье де-Рансе влюбленъ во вдову: онъ возвращаеть ей портреть, не требуя объщанной награды. Новыя колкости мадамъ д'Эспиноа. Мадамъ де-Нерисъ съ досады бросаетъ портретъ въ прудъ. Зачемъ же въ прудъ? Затемъ, чтобъ его выудилъ мосье Жераръ. Этотъ Жераръ нотаріусъ вдовы; д'Эспиноа далъ ему взаймы деньги на покупку конторы, и чтобы получить скоръе долгъ, хочетъ женить его на богатой кліенткъ. Вытащивъ изъ воды портреть, нотаріусъ является къ мадамъ де-Нерисъ требовать ея руки. Какъ бы не восклицаетъ де-Рансе, это только копія, которую я заказаль сдълать; а оригиналъ, воть онъ; я всегда носилъ его у сердца; вы думали, что я возвращу вамъ портретъ? ничуть не бывало. Вдовушка вы ходить за де-Рансе. Авторы сдълали этого забавника де-Рансе морскимъ офицеромъ, который выражается не иначе, какъ терминами своего ремесла. Стихи комедіи довольно плохи, но, по милости актеровъ и костюмовъ, она имъла нъкоторый успъхъ.

Г. Розье, кажется, по преимуществу, сдълался авторомъ театра Драматической Гимназіи, и трудится дли него неутомимо. Воть опять новый водевиль его сочиненія. Онъ носитъ заманчивое названіе: «Страстно любимый мужъ» (Un mari trop aimé).

Весельчакъ-офицеръ имъетъ молоденькую, хорошенькую жену, премилое созданіе, сущую прелесть. Но у Клодины есть большой недостатокъ: она черезъ-чуръ любитъ мужа. Клодина осыпаетъ капитана заботами и нъжностями, не покидаетъ его ни на минуту. Такая страсть со стороны жены начинаетъ надобдать капитану: ему бы хотблось побывать на охотъ, поудить рыбу, покурить сигару съ пріятелями, словомъ, поразвлечься отъ избытка любви. Что-же онъ придумалъ? Притворился больнымъ, и комедія удалась ему, какъ нельзя лучше: нъжная Клодина готовить ему грудной чай и сиропы; а слуга, не нарушая этикета, вмъсто ромашки подаетъ шампанское, а вмъсто сыроновъ бифстеки съ трюфлями. Страстно любимый мужъ наконецъ кладетъ на мъсто себя въ постель куклу, а самъ отправляется наслаждаться жизнью на свободь. Изъ Африки прівзжаеть къ капитану пріятель, полковой докторъ Бонтанъ, съ женою, которая заслужила крестъ въ Алжиріи. Чудо что за женщина, эта мадамъ Бонтанъ, съ своимъ лагернымъ языкомъ и солдатскими ухватками! Разумъется, капитанъ ничего не скрывает отъ пріятеля, и пока мадамъ Бонтанъ гуляетъ въ паркъ съ Клодиною, наши друзья весело завтракаютъ. Тетушка Бонтанъ знаетъ людей. «Видишь-ли, говоритъ она Клодинъ, этакъ не годится дюбить мужа. Скажи ему, что ты ъдешь со мною въ Бордо на сборы винограда, и посмотри, что выйдетъ!» — Клодина пользуется урокомъ и научается кокетству. — «Поъзжай, пожалуй, въ Алжирію заслуживать полковничьи эполеты, — говоритъ она мужу, — а я поъду съ мадамъ Бонтанъ въ Бордо. »—Нътъ, милая, отвъчаетъ капитанъ, я не поъду въ Алжиръ, а лучше поъдемъ вмъсто въ Бордо. »—Тъмъ оканчивается это супружеское поученіе, которое авторъ умълъ приправить умомъ и веселостію. Типъ мадамъ Бонтанъ очерченъ очень живо. Пьеска имъла успъхъ.

Вторая пьеса Драматической Гимназіи водевиль г. Варнера, подъ названіемъ «Мадамъ Шликъ» (Madame Schlick).

Мадмоазель Жоржина прекрасная девушка, которая, по милости венгерской войны, бъжала въ Въну. Одна изъ пріятельницъ ея, графиня Буклеръ, приняла ее къ себъ въ домъ и хочетъ ее спасти, потому-что Жоржину и брата ея подозръвають въ участіи въ политическихъ смутахъ. Графиня прибъгла къ средству, которое, правда, употреблялось сто разъ въ комедіяхъ, но тъмъ не менъе довольно замысловато. Она ждетъ къ себъ горничную, вышедшую замужъ за ея кучера, Шлика. «Ты займешь должность моей камеристки и назовешься мадамъ Шликъ! »-говоритъ графиня Жоржинъ. Бъглянка согласна, и вотъ у графини чудо-горничная! Роль однако-же не такъ легка. Дъвушка хорошаго круга принуждена выслушивать любезности лакея. Еще еслибъ этотъ неучъ огра ничивался одними словами, а то къ словамъ у него присоединяются пояснительные жесты, какъ это обыкновенно бываетъ въ переднихъ. Жоржина, върная своей ролъ, съ своей стороны употребляетъ также жесты и даеть своему вздыхателю отличную пощечину. Переодътая въ камеристку, Жоржина остается красавицей, даже кажется еще приманчивъе. Графъ Вальсбергъ, братецъ графини, влюбляется не на шутку въ новую горничную. Напрасно она представляетъ ему вст возможные резоны: графъ ничего не слушаетъ и даже отказывается отъ невъсты, — дочери перваго министра! — Онъ весь принадлежить Жоржинъ. Съ другой стороны, до Шлика доходять слухи, что прівхала его жена, что графь Вальсбергъ ухаживаетъ за нею и хочетъ ее похитить. Насилу удается графинъ образумить кучера. Что за молодой человъкъ пришелъ? спрашиваетъ графъ. Не знаю, кто онъ такой, — отвъчаетъ слуга. И вотъ графъ заинтригованъ; съ ума сходитъ отъ ревности: таинственный молодой человъкъ сиросилъ мадамъ Шликъ. Этотъ молодой человъкъ братъ Жоржины; пока слъдствіе не откроеть его невинности, онъ явился искать пристанища у доброй графини, пріютившей его сестру. Скоро все открывается; самъ Шликъ удостоиваетъ улыбнуться похожденію; а графъ Вальсбергъ, разумъется, женится на Жоржинъ. Комедія написано очень мило: говорятъ, въ отдълкъ ея участвовалъ Скрибъ, хотя въ объявленіи названъ только одинъ авторъ, Варнеръ. Роль графа исполнялъ старый знакомецъ петербургской публики, Брессанъ; роль мадамъ Шликъ играла Роза-Шери. Можно себъ представить, какой эффектъ должна производить пьеса, при участіи въ ней такихъ талантовъ!

За «Мадамъ Шликъ» слъдовалъ другой водевиль: «Бракъ по зеркалу» (Le mariage au miroir).

Главныя лица этой прелестной шутки Гюстава Лемуана - молодой человъкъ двадцати-пяти лътъ, по имени Эркюль, а по званію помощникъ прокурора въ Понтоазъ, и невъста его, мадмоазель Зоя, только-что выдешшая изъ пансіона. Эркюль влюбленъ въ Зою, и очень-бы желалъ поскорће жениться, чтобы виднъе занять свое мъсто въ понтоазскомъ судъ. Онъ купилъ самую роскошную свадебную корзинку, и внъ-себя отъ изумленія, когда Зоя говоритъ ему: — «Подождите . . . еще годъ! »— На возраженія Эркюля, Зоя прибавляеть: — «А если такъ, полтора, а не то-два года! »-Что-же за причина такой отсрочки? Это секретъ Зои, секретъ, который такъ интересуетъ мосье Леона, ея опекуна, что онъ даже перехватываетъ письмо Зои къ одной подругъ. Въ посланіи своемъ. дъвушка открываетъ подругъ, что она откладываетъ бракъ свой съ Эркюлемъ потому, что боится быть несчастливой въ замужествъ; у нея въ глазахъ примъръ ен сестры, которан замужемъ за Леономъ, ен опекуномъ, и примъръ очень неутъшительный. Эркюль добивается знать содержаніе письма; Леонъ, не зная, что сказать ему, говорить: - «Зоя думаеть, что ты хромаешь».--И воть, едва показалась прелестная Зоя, прокурорскій помощникъ пускается танцовать, вальсировать, вертъть ногами, прыгать, — смъшить до слезъ хорошенькую Зою, которая не понимаетъ, откуда взялась у него вдругъ такая бъщеная страсть къ полькъ-мазуркъ и ко всякимъ моднымъ танцамъ. Послъ этой забавной сцены, идутъ прихотливыя перипетіи живаго и легкаго романа. Зоя то хочеть, то не хочеть, то согласна, то отказываеть, то любить, то не любить, и неизвъстно почему. Она даже внушила свои причуды Нанеттъ, своей молочной сестръ, за которую сватается садовникъ ихъ замка. Странно то, что ея нравъ мъняется по ненастью и ведру въ домашнемъ быту ея опекуна. Зоя разсуждаетъ: «Сестра несчастлива за Леономъ, слъдовательно — я не буду счастлива за Эркюлемъ, а потому лучше остаться въ дъвицахъ.» Но почему она знаеть, что дълается у опекуна? Въ пансіонъ, бывало, Зоя съ помощью зеркала смотръла во всъ стороны, замъчала, что творится направо, что налъво. Когда шла надзирательница, зеркало докладывало о томъ издали, и пансіонерка сейчасъ прятала романъ, который читала украдкою. И тутъ Зоя, глядь въ зеркало и что-же видитъ? Въ глубинъ сада, на каменной скамъъ, Леонъ сидитъ подлъ жены, проситъ прощенія, обнимаетъ ее. Сцена супружеской нъжности перемъняетъ всъ ръшенія Зои. Кончено: послъ этого, она выйдетъ за Эркюля, и чъмъ скоръе, тъмъ лучше. Но помощнику прокурора надоъли капризы; онъ задътъ за живое, и не хочетъ жениться. Зоя не унываетъ: достаетъ изъ корзинки вънокъ изъ померанцовыхъ цвътовъ, надъваетъ его на себя, и начинаетъ кокетничать передъ зеркаломъ. Эркюль взглянулъ на прекрасную невъсту и призналъ себя побъжденнымъ. Это одна изъ самыхъ миленькихъ пьесъ новъйшаго репертуара Драматической Гимназіи.

Театръ Водевиля, по обыкновенію своему, щеголяєть современностію; онъ хватаєтся за всё интересы настоящей минуты, и если не достоинствомъ своихъ пьесъ, такъ, по крайней мёрѣ, заманчивой афишкой привлекаєть къ себѣ публику. Точь-въ-точь, какъ у насъ случаєтся въ бенефисы. Въ настоящее время парижанокъ очень занимаєть переворотъ, затѣянный нѣкогда г-жею Блумеръ въ ихъ костюмѣ и особливо то прибавленіе, которое она придумала къ женскому наряду, по случаю очень короткихъ тюникъ.

Гг. Клервиль и Леру, присяжные авторы Театра Водевиля тотчасъ воспользовались этимъ обстоятельствомъ и состряпали водевиль, который назвали: «Блумеристки или Реформа юбокъ» (Blooméristes ou la réforme des jupons).

Блумеристки — ученицы мистриссъ Блумеръ, знаменитой американской реформаторши дамскихъ юбокъ, которая въ половинъ прошлаго года едва не перевернула весь старый и новый свътъ, введя въ костюмы своихъ современницъ такія новости, которыя стремились ниспровергнуть общественное различіе, положенное между двумя полами. Нововводительницы, отвергая все, что походило на стъсненіе, не носили ни юбокъ, ни корсетовъ, ни длинныхъ волосъ; приняли въ свой нарядъ галстухъ, застегнутый жилетъ, сапоги, всъ гуманитарные парадоксы, выдуманные синими чулками, ихъ предшественницами.

Пьеска Водевильнаго Театра, кажется, написана съ единственной цълью дать хорошенькимъ актрисамъ случай показать себя въ новоизобрътенномъ костюмъ; въ чтеніи, она не имъетъ ничего интереснаго. Впрочемъ, вотъ въ короткихъ словахъ ея содержаніе. У мосье Дю-

мортье есть дочь, Сезарина. Воспитаниая какъ мальчикъ, она восхитилась идеями мистриссъ Блумеръ. Дюжина подругъ раздъляютъ Авторы вывели ихъ на сцену безъ особенной надобности для интриги, чтобы только доставить удовольствіе извъстной части зрителей, которые въ актрисахъ поклоняются не таланту, а красотъ. Сезарина помолвлена съ мосье Анри, сыномъ пріятеля Дюмортье. Женихъ является со всей невинностью дъвушки. Воспитанный старою богомолкою, своей крестной матерью, онъ составляетъ ръшительный контрастъ съ своею невъстою. Можете представить, какое дъйствіе производить появление застънчиваго юноши среди батальона блумеристокъ! Фехтмейстеръ этихъ дъвицъ, Петаръ, унтеръ-офицеръ африканскихъ егерей, разбитной малый, сильно аттакуеть сердце Сезарины, которой женихъ ея не очень нравится. Объяснение Петара въ любви, выраженвъ довольно ное крупныхъ словахъ, оскорбляетъ молодаго Анри. Овечка превращается въ тигра; учится фехтованью у Сезарины и вызываетъ на дуэль дерзкаго унтеръ-офицера. Такая черта храбрости возстановляетъ Анри во митніи блумеристокъ вообще и Сезарины въ особенности. Дъло оканчивается бракомъ, какъ оканчивались всъ пьесы въ старину; но занавъсъ не опускають: водевиль еще продолжается дивертисманомъ, подъ названіемъ Блумеристки, въ которомъ новый костюмъ, разумъется, играетъ главную ролю.

Но если Театръ Водевиля своими Блумеристками хотълъ только временно завлечь любонытство, то онъ зато поставилъ такую пьесу, которая теперь каждый вечеръ черезъ край наполняетъ его кассу и залу. Эта диковинка называется Дама съ камеліями» (La Dame aux camélias) и принадлежитъ г. Александру-Дюма-сыну.

Усивхъ колоссальный. Такъ какъ нынче книга служитъ переднею для театра, то пьеса г. Дюма взята изъ его извъстнаго романа того-же названія. Что такое эта Дама съ камеліями? Не водевиль, не драма, не комедія; эта просто пьеса, въ пяти актахъ, какъ говоритъ афиша. Разбирая строго, мысль ея довольно избитая и форма не очень ловкая: погнавшись за оригинальностью, авторъ нъсколько отступилъ отъ другаго достоинства, отъ естественности. Какъ-бы ни было, пьеса его имъла усивхъ чрезвычайный.

Театръ Разнообразія вспомниль стариннаго героя своей сцены, Жокриса, и при посредствъ гг. Дювера и Лозанна, опять надъется на немъ выъхать. Актеры, игравшіе Жокрисовъ, этотъ типъ французскаго дурачка, обыкновенно называли амплуа свое les queues rouges, красныя косы, потому-что Жокрисъ изображался всегда съ красной, торчащей кверху, косою. На этомъ основаніи, авторы Театра Разнообразія и назвали свою новую трехактную пьеску -- «Красною косою» (Une queue rouge).

Сюжеть пьесы взять изъ певъсти Эдуарда Урліака, даровитаго писателя, умершаго нъсколько лъть тому: «Collinet, la Queue rouge». Воть въ чемъ дело: За дочкой мадамъ де-Керкабю ухаживаютъ двое. Одинъ, Керневель, повъса двадцати-одного года; другой, Плюшаръ, солидный человъкъ, съ очень хорошими манерами. Послъдній въ большой милости у маменьки и дочки. Только какая-то тайна окружаеть его Каждый вечеръ, какъ только ударитъ шесть часовъ, хватается шляпу, и тотчасъ-же, не смотря ни на что, уходитъ. Ласки, просьбы, досады, ничто не въ силахъ его удержать. Чтожъ это за тайна? поетъ мадамъ Керкабю. Что это за тайна? повторяють хоромъ мадмоазель Жослина, ея горничная Жанни и обожатель Керневель. А вотъ что за тайна. Плюшаръ актеръ труппы города Сенъ-Брізка. Онъ играетъ красныя косы подъ псевдонимомъ Бель-Амура. Сопершикъ его, Керневель, открываеть эту страшную тайну. Онъ тащить дамъ волею-неволею въ спектакль и сажаетъ ихъ въ ложу аванъсцены. Въ извъстную минуту, артистъ, играющій Жокриса, долженъ придти въ эту ложу поболтать съ публикою. Плюшаръ является въ ложъ, сыплеть каламбурами, морить со смъху всъхъ зрителей; наконецъ, по ходу роли, долженъ обратиться къ тъмъ, кто съ нимъ въ ложѣ, но, о ужасъ! онъ узнаетъ свою невъсту и нареченную тещу. Бъдняжка совершенно растерялся: онъ заикается, бормочетъ, напрасно ищетъ пособія суффлера; память измѣняетъ ему, слова замираютъ на губахъ. Публика въ негодованіи: ему свищуть, въ него мечуть яблоками, апельсинными корками. Свадьба его разстроилась; онъ падаетъ въ обморокъ. Это конецъ второй картины перваго акта. Съ поднятіемъ занавъса, все перемънилось. Плюшаръ покинуль прозваніе Бель-Амура и называется Аниибаломъ. Нъсколько лътъ прошло, и комикъ, освистанный въ Сенъ-Бріэкъ, теперь одна изъ парижскихъ знаменитотей. Какая-то дъвушка робко приходить къ нему, просить театральныхъ уроковъ. О игра случая! Аниибалъ узнаетъ Жослину изъ Сенъ-Онъ смъется надъ нею, чтобы скрыть свою незабытую страсть; обходится съ нею круто, но скоро доброе сердце беретъ въ немъ верхъ. Онъ отказывается жениться на своей хозяйкъ, за которою бралъ тридцать пять тысячъ дохода, и заключаетъ договоръ съ новымъ директоромъ, Керневелемъ, котораго ненавидитъ. Но все дълается на одномъ условіи: Жослина будетъ его женою и не будетъ играть комедій. Аннибалъ ревнивъ; не хочетъ, чтобы публика любовалась красотою его супруги. Роль Жослины занимаетъ г-жа Пажъ; роль Плюшара, конечно, принадлежитъ Арналю.

Вторая пьеса, тъхъ же авторовъ, Общий колодезь (Le Puis mitoyen), была дана въ одинъ вечеръ съ фарсомъ: «Любовныя похождения трехъ пожарныхъ» (Trois amours de pompiérs) гг. Моро, Сиро дена и Делакура.

Вотъ какую исторію эти господа почеринули изъ своего «Общаго колодуа». Вакоссе влюбился въ одну дъвушку, и чтобы устранить препятствія, представляемыя ръшетками, стънами и запорами ея стараго опекуна, онъ покупаетъ себъ огородную землю, которая имъетъ общій колодезь съ дворомъ этого опекуна. Превращенный въ огородника, Вакоссе безъ всякихъ препятствій ходить въ домъ г. Дюжонкуа, благодаря проходу по окраинъ колодза. Но Вакоссе теперь нуженъ настоящій огородникъ, который бы ходиль за его капустою и за садомъ Дюжонкуа, взятымъ имъ на аренду на годъ. Онъ нанимаетъ себъ другаго мнимаго огородника: это Альберъ, нисецъ нотаріуса, влюбленный въ мамзель Анріэтту, волкъ, котораго Вакоссе вводить въ овчарню. Нътъ ничего интереснаго разсказывать, какъ Вакоссе, уличенный въ незнаніи своего дъла, прогнанъ опекуномъ, и какъ онъ наряжается въ мъшокъ картофеля, - къ немалому удивленію Дюжонкуа, видящаго, что его картофель скачеть. Словомъ, изгнанный, преслъдуемый Вакоссе, спасается на свою землю, перелъзая черезъ общій колодезь; старый опекунъ хочеть сдълать тоже, но поскользнулся и упаль въ воду. Не бойтесь, водевиль не перейдеть въ драму. Дюжонкуа уцъпился за веревку и умоляетъ огородника № 1 вытащить его изъ принужденной холодной ванны. Торжествующій Вакоссе злоупотребляеть свое выгодное положеніе; но онъ въ свою очередь поскользнулся и повисъ на той-же веревкъ, составляя развъсокъ съ опекуномъ. То одинъ, то другой перетягиваеть, и поочередно купаются въ холодномъ колодцъ. Они бранятся, деругся, вцвиляются другь въ друга. Можетъ-быть оба утонули бы, еслибъ ихъ не вытащили. Заключение: мнимый огородникъ № 2 женится на Анріэттв. Чиствішая, балаганная арлекинада, которая не имъетъ даже достоинства новизны. « Любовныя похожденія пожарных в презабавный водевиль, — въ родъ называемомъ genre grivois, значитъ въ настоящемъ родъ Театра Variétés. Героиня пьесы — кухарка-патріотка, съ природнымъ расположеніемъ къ военнымъ; но, во избъжаніе непріятныхъ слъдствій перемъщенія войскъ, она особенно уважаеть только осъдлыхъ солдать. Въ этомъ заключается секреть ея пристрастія къ пожарной командъ.

По ея мивнію, солдаты водяной артиллеріи один умівють какъ должно гасить пламень, который зажгли. Но если пожарные не мъняють стоянокъ, зато кухарка часто перемъняетъ мъста въ Парижъ. Сначала Маріетта кинятила бульонъ въ кухив предмъстія Сен - Жерменъ, и тамъ познакомиласъ съ пожарнымъ изъ улицы Vieux-Colombier. Потомъ она поступила къ одной дамъ въ Шоссе-л'Антенскую улицу, и огонь ен пламеннаго сердца запылаль при видь пожарнаго изъ улицы Мира. Наконецъ, она опредълилась на Болото, къ одному старому холостяку, и скоро, соскучась одиночествомъ, вняла сватовству улицы Catherine. Разъ вечеромъ, мосьё Меренге пожарнаго изъ предприняль путешествіе въ театръ Одеонь: кухарка его тотчасъ назначила свиданіе своему пожарному жениху. Пожарный уже слышить запахъ жирнаго ужина на кухнъ; по вдругъ, приходитъ пожарный изъ улицы Мира. Братъ у меня ужинаетъ, таинственно говоритъ мамзель Маріетта; спрячьтесь покуда сюда въ ларь. Стукъ! стукъ! Является пожарный Vieux-Colombier. Таже сказка и ему. Его также прячуть въ шкафъ. То-то хлопоты кухаркъ: трое пожарныхъ на рукахъ! Крякъ! дверь отворяется; баринъ воротился изъ театра. Старикъ закухарку съ пожарнымъ улицы Catherine. Служи-CB010 вому жаль разстаться съ ужиномъ: онъ выдаетъ себя уже не за жениха, а за законнаго супруга поварихи, и вотъ они пьютъ, кушаютъ и распъвають вмъсть съ доброхотнымъ хозянномъ. Вдругъ послъднему понадобилось что-то принесть изъ своей комнаты. Ловкій враль пользуется минутой, когда его оставили одного, бъжитъ на кухню условиться съ невъстой — о подробностяхъ свадьбы. Въ это время пожарный изъ Vieux-Colombier, увидя недоъденный ужинъ, съ жадностію кидается на початаго индюка. Хозяинъ возвращается, но онъ поделъповать, а на пожарныхъ мундиръ одинакій; онъ воображаетъ, что передъ нимъ все тотъ-же пожарный, и проситъ его продолжать разскасъ о пожарт на Тріумфальныхъ воротахъ. Новый пожарный заикается. Старикъ думаетъ, что онъ хлебнулъ лишнее, и идетъ, чтобъ приказать сварить ему чернаго кофе. Пожарный хочеть между-тъмъ улизнуть, но ошибся дверью и попаль въ глухую комнату. Тъмъ временемъ, третій пожарный пристроился къ столу и продолжаеть конечное истребленіе индюка. Хозяинъ возвращается и опять не узнаетъ новаго лица. Впрочемъ, на этотъ разъ солдатъ показался ему толще. Кухарка увъряеть, что онъ потолстъль отъ того, что слишкомъ навлся. Пользуясь объясненіями хозяина съ кухаркою, третій пожарный прячется. Старику приносять письмо. Въ письмъ объясняють ему жизнь Маргариты, усъянную пожарными. Кухарка, держа свъчку, зажигаеть письмо, чтобы положить конець объясненіямъ. Пожаръ! кричить мосьё Меренге въ испугъ. При этомъ, столь коротко знакомомъ крикъ, долгъ беретъ верхъ надъ благоразуміемъ, всъ трое пожарныхъ выходятъ изъ своихъ тайниковъ и спрашиваютъ: гдъ горитъ? Все объясняется. Двое прежнихъ жениховъ ретируются; а третій торжествуетъ и женится на кухаркъ, избранницъ его сердца.

«Сиящій Парижъ». (Paris qui dort), ночныя сцены въ пяти дъйствіяхъ, соч. Делакура и Ламбера Тибу. Это пьеса чисто мъстная и могущая интересовать однихъ осъдлыхъ парижанъ, хорошо знакомыхъ съ денными и ночными правами своей столицы.

Видънъ Итальянскій бульваръ. Пробило полночь. Букетчица еще подчуеть своими цвътами денди, курящихъ сигары у дверей кофейни Тортони. Продавецъ вечернихъ журналовъ кричитъ и сбываетъ свой товаръ. Подбиратели сигарныхъ окурковъ мелькаютъ по асфальту; мирный гражданинъ возвращается съ женою изъ спектакля; торговый еторожъ высматриваетъ свою завтрашнюю добычу. Словомъ, между тёмъ какъ дёловой Парижъ ложится въ постель, бездёльный надёваетъ шанку задомъ напередъ и начинаетъ свои веселыя похожденія. Во второмъ актъ, сцена разгорожена на два покоя. Съ одной стороны, фешіонебельная квартира Жоржа де-Мареля. Баринъ торопится вхать въ клубъ. Барыня напрасно старается его удержать, и, какъ ее мучить ревность, то она также сядеть въ фіакръ посмотръть, одинь-ли мужъ ея выйдеть изъ Maison-Dorée. Съ другой стороны, столовая честнаго мъщанина, мосье Блеро, который пришелъ изъ театра Ambigu; ему приходить въ голову пренебречь свою обязанность капрала національной гвардін, оставаясь дома, и рискнуть попасть подъ арестъ. Но не таково желаніе мадамъ Блеро: она хочетъ, чтобы капралъ отправился къ своему посту. Однимъ словомъ, вся пьеса въ этомъ родъ. Связи мало, дъйствія много: картины живы и довольно върно списаны съ натуры, есть и маленькая интрига въ пьесъ, но она вертится на такихъ избитыхъ данныхъ, что не возбуждаетъ особеннаго интереса и явно служить только рамкою картинъ, которыя авторы хотъли набросать, въ родъ Диккенса-но далеко не съ его тонкимъ и наблюдательнымъ талантомъ. Не менъе того, пьеса, благодаря отличному исполненію, имъла успъхъ, и для пизшаго класса парижской публики составляеть одно изъ самыхъ завлекательныхъ зрълищъ.

Театръ Сен-Мартенскихъ воротъ, который безъ своего геніальнаго Фредерика Леметра пришелъ въ совершенный упадокъ, во весь мъсяцъ поставилъ только одну раздирательную драму, она называется — «Пулсардка» (La Poissarde), состоить въ пяти длинныхъ дъйствіяхъ, и принадлежить гг. Дюпети, Деланду и Бурже.

Сюжеть ея взять, какъ говорять, изъдъйствительной жизни и обработанъ по извъстному рецепту нынъшнихъ трескучихъ драмъ, гдъ все основано на тайныхъ преступленіяхъ и обвинительныхъ актахъ. У пансіонерокъ мадамъ Валерп часъ отдыха. Всв онв наслединцы генераловъ, маркизовъ и графовъ; всъ болтають о своихъ знатныхъ фамиліяхъ, о роляхъ, какія современемъ будутъ играть въ большомъ свётв, всв еще дввочки по летамъ, а уже женщины — по зависти и злословію. Мадмоазель Аврелія лучшая воспитанница пансіона, зато и отдълывають-же ее подруги. Да и кто она, какой фзмиліи? дворянка или изъ разночинцевъ? Никто изъ родныхъ у нея не бываетъ: что это значить? Скоро любопыство дъвиць удовлетворяется. Съ Авреліей пришель повидаться добрый человъкъ, Жеромъ, мелочной торговецъ. Върно, это фермеръ ея родителей? Ничего не бывало! Жеромъ добрый знакомый Маделены Палье, матери Авреліи. Аврелія дочь рыночной торговки, пуассардки, которая, расторговавшись масломъ и яицами, захотъла воспитать свою милую дочь на самый лучшій манеръ и отдала «въ самый дорогой пансіонъ». Но чтобъ не компрометировать аристократическаго заведенія мадамъ Валери, ей надо отказаться отъ свиданій съ дочерью, которую она любить пуще всего на свътъ. Затъмъ Жеромъ и пришелъ, чтобъ отвратить неблаговременный визитъ мадамъ Палье. Тщетная предосторожность! Торговка боится, не больна ли ея Рели, что-то въ последнее время письма ея не веселы; она разрядилась какъ можно богаче, и бухъ въ пансіонъ! Жеромъ подстерегъ тайну грусти Аврелін; любовь тутъ виновата. Дъло разказано маменькъ и она беретъ дочь изъ пансіона, сдълавъ порядочную сцену содержательницъ. Пансіонерка попадаеть совершенно въ новый для нея міръ. Уже ръчь идеть о томъ, какъ ее пристроить; то есть, ее прочать за-мужъ за сосъда Перванша, молодаго овощнаго торговца, не краисваго, не воспитанизго, но работящаго и съ хорошей конейкой въ карманъ. Случай приводить въ лавку Палье раненаго молодаго человъка. Это Гастонъ, бывшій въ пансіонъ учитель рисованія? Да, только онъ Гастонъ де-ла-Туранжре, паслъдникъ знатнаго имени и знатнаго состоянія. Не смотря на смиренную участь, въ какой онъ нашель Аврелію, она женится на ней; любовь возьметъ верхъ надъ предразсудками. Нографъ де-ла-Туранжре вовсе не желаетъ, чтобъ сынъ его женился на дочери торговки. Онъ имъетъ въ виду для него приличную невъсту, и Гастонъ долженъ жениться на батюшкиной избранной, волей или неволей.

Сч астіе Авреліи очень интересуетъ лавочника Жерома; ниже мы

узнаемъ, почему Жеромъ идетъ къ отцу Гастона и говоритъ ему ити въ такомъ родъ: «Вы не графъ Туранжре, а бывшій управитель его. Графъ умеръ въ изгнаніи, а вы воротились во Францію подъ его именемъ и завладъли его состояніемъ. Если вы не согласитесь на бракъ Гастона съ Авреліей, Раймондъ де-ла-Туранжре донесетъ на васъ и васъ сошлютъ на галеры за обманъ». Мнимый графъ отвъчаетъ на это: вы не Жеромъ, а Раймондъ де-ла-Туранжре, младшій сынъ графа, приговоренный заочно къ смерти, за дуэль безъ свидътелей. Если будете мъшаться въ мои дъла, то бывшій управитель графа Туранжре разгласитъ вашу тайну и вы умрете на эшафотъ.

Маделена Палье не такая женщииа, чтобы сложа руки смотръть на несчастье дочери. Она прибъгаеть къ графииъ: мать должна понять материнское сердце... Ничего не бывало! Графиня презрительно принимаеть бъдную пуассардку; а между-тъмъ было время, когда эта графиня была просто Жавотта, изъ мелкихъ торговокъ.

И такъ, нътъ надежды!

По видимому, все кончено между Аврелією и прекраснымъ молодымъ человѣкомъ. Однако дѣвушка весела по прежнему; причина та, что она тайно переписывается съ Гастономъ и тверже, нежели когданибудь увѣрена въ его любви. Зато посмотрите, какъ охотно соглашается она на все, чего хотятъ отъ нея, и разыгрываетъ представительницу рыночнаго праздника, въ которомъ ее заставили участвовать. Но вдругъ приходитъ извѣстіе, что Гастонъ женится, и она въ обморокѣ падаетъ на руки матери.

Въ пятомъ дъйствін, богачка Маделена дошла до страшной нищеты. Она отдала свой капиталъ жиду-банкиру, который былъ знакомъ графу Туранжре и котораго графъ уговорилъ бъжать. Бъдный дядя Палье почти сошелъ съума, Аврелія лежить больная, и мать, чтобы ходить за нею, принуждена отказаться отъ труда. Жеромъ, отъ котораго можно было ожидать помощи, изчезъ; несчастное семейство живетъ состраданіемъ доброй Маноны, бывшей служанки трактира Курицы съ золотыми янцами. Возвращается Жеромъ. Онъ зналъ, что существовало доказательство его невинности, и вздилъ рыться въ архивахъ суда, который произнесъ надъ нимъ приговоръ. Но тамъ онъ ничего не нашель. Между-тъмъ документъ этотъ находится въ рукахъ Колибера, влюбленнаго въ Манону. Колиберъ надъялся получить за него большія деньги, но, въ порыв'в великодушія, отдаетъ его даромъ. Жеромъ становится господиномъ положенія. Онъ обвиняетъ Патю, называвшагося графомъ де-ла-Туранжре, и выдаетъ Аврелію за Гастона, который, къ счастію, не успъль еще заключить роковаго брака. Пуассардка поставлена на сцену съ большимъ тщаніемъ. Декораціи, костюмы и дивертисманъ четвертаго дъйствія (рыночный праздникъ) произ вели чрезвычайный эффектъ. Но если въ пьесъ много путаницы и натяжки, зато характеры обрисованы полно, сильно и представляютъ для актеровъ много средствъ отличиться. Много таланта показали артистки: Лоранъ, Лія Феликсъ, Дельфина Баронъ, и артисты: Друвиль, Баронъ, Бутенъ и Кольбренъ.

Палерояльскій театръ богаче всёхъ по числу новыхъ пьесъ. Во-первыхъ, «Жавелева вода» (L'eau de Javelle), водевиль въ одномъ дъйствіи, гг. Габріэля и Дюнети. — Заглавіе пьесы принадлежить не только самому водевилю, но и большой мелодрамъ, о которой идетъ дъло въ водевилъ. Мосье Шардонре счастливый родитель двухъ хорошенькихъ дочекъ, Сезарины и Жюльетты, которыхъ онъ сосваталъ за гг. Генего и Рифоле. Одна свадьба уже состоялась: мамзель Сезарина превратилась въ мадамъ Генего. Разъ, нъкто мосьё Роменвиль поймалъ на самомъ преступленіи вора, который тащиль у него серебряные часы. Уличенный мошенникъ отдалъ Роменвилю прекрасные золотые часы, которые передъ тъмъ стянулъ у Шардонре: Роменвиль возвращаетъ часы ихъ настоящему хозяину и, въ вознаграждение за доставку потерянной вещи, хочетъ просить руки Сезарины. Но какъ Сезарина уже идетъ замужъ, онъ переносить свои виды на Жюльетту. Увы! у Жюльетты также есть женихъ. Роменвиль дерется на шпагахъ не хуже кавалера Сенъ-Жоржа: онъ намъренъ заколоть своего соперника, Рифоле. Мало того, что Роменвиль отличный боецъ на шпагахъ, онъ еще пишетъ изумитительныя мелодрамы. Можете увъриться: сегодня играють на театръ Gaîté его новое произведеніе: «Жавелева вода». Шардонре покидаеть свадьбу дочери Сезарины и сившить на торжественное представление. Мелодрама освистана на повалъ. Роменвилю пришлось бы плохо, но судьба вдругъ послала ему наслъдство, триста тысячъ франковъ. Деньги въ глазахъ Шардонре лучше всякой литературы: Роменвиль будеть вторымъ его зятемъ. — Водевиль принятъ хорошо публикою, особенно при забавной игръ Левассора въ эксцентрической роли Роменвиля.

Гг. Баяръ и Бьевиль изготовили веселую комическую olla-podrida, называемую «Испанские танцоры» (Las dansores espagnolas), водевиль въ одномъ дъйствіи. — Директоръ провинціальнаго театра, Бускюло, въ самомъ затруднительномъ положеніи: истощилъ всѣ средства усиѣха, а толку нѣтъ; сама Рашель, «проѣздомъ черезъ ихъ городъ», имѣла только семдесятъ четыре тысячи франковъ сбора. Развѣ одни испанскіе танцы поправятъ дѣла дирекціи. Бускюло ангажировалъ сеньора Каскарелло де-Фласкадосъ, сеньориту Пеллюра делла Оранхеа и всю ихъ

труппу. Такая мудрая мъра заслужила ему похвалы городскаго совъта, который назначить ему хорошую сумму на вспоможение. О разочарование! испанские танцоры, вопреки ангажементу, уъзжають прямо въ Нью-Іоркъ. Къ счастію, труппа бродящихъ комедіантовъ выручаетъ директора изъ бъды. Комедіанты пореодъваются въ испанцевъ, и репетируютъ разныя па къ общему удовольствію городскаго совъта, и къ особенному утъшенію Бланминьона, самаго важнаго изъ совътниковъ, который соглашается женить своего племянника Викторена на дъвицъ Анодинъ Бускюло. Однакожъ Бланминьонъ открываетъ поддълку; но, благодаря любезности мамзель Ластени, мнимой Пеллюра делла Оранхеа, соглашается не измънять секрету. — Успъхъ, какъ видите, разсчитанъ на костюмы и танцы г-жъ Тьерре, Алины Дюваль и проч. Аманъ смъшилъ публику въ роли Бланминьона. Для большаго эффекта, въ танцахъ пригласили участвовать дъвицу Скриванекъ, хотя у нея не было роли въ пьесъ.

Третья новость Палерояльской сцены «Князь Аяксъ» (Le prince Ајах), комедія въ двухъ дъйствіяхъ, соч. Леона Лайя. — Дъло идетъ не объ теров Троянской войны, а просто о молодомъ венгерскомъ магнать, прівхавшемъ къ Версальскому двору съ намъреніемъ повеселиться. Онъ двадцати-трехъ лътъ, очень ученъ, не щеголяетъ наружностью, но имъетъ кучу доброй воли и владъетъ нъкоторыми секретами Каліостро, у котораго онъ изъ лучшихъ адептовъ. Первый шагъ Аякса въ свътъмаскарадъ. Онъ одълся колдуномъ и, съ помощью кой-какихъ уроковъ своего учителя, является сразу настоящимъ чародъемъ. Правда, случай много помогаетъ ему. Костюмъ его тотъ самый, въ которомъ долженъ быль явиться на баль графъ Рауль де-Френейль. Аякса нринимаютъ за графа. Сеньора Терезита, испанка, клянется ему (графу Раулю) въ въчной любви и объщаетъ ни за что не выходить замужъ за князя Аякса, котораго онъ (графъ Рауль) представиль ей въ самыхъ смѣшныхъ краскахъ. Не находя ничего лестнаго въ этомъ объявленіи. Аяксъ ръшается какъ можно больше насолить прекрасной испанкъ и ея возлюбленному. — Судебные пристава также принимають Аякса за графа Рауля, котораго вельно взять подъ арестъ. Запасшись достаточными свъдъніями, князь продолжаетъ расхаживать колдуномъ, и на приглашеніе Рауля показать опыть своего познанія въ тайныхъ паукахъ, объявляетъ графу, что ему угрожаютъ два несчастія: тюрьма за долги и дуэль, въ которой онъ падетъ. Первая опасность миновала, говоритъ онъ, вручая смущенному должнику его уплаченные расписки. Дуэль дёло посерьознъе, продолжаетъ некромантъ, вашъ противникъ, этотъ князь Аяксъ, я самъ, и завтра на разсвътъ я убью васъ. Цълую недълю только и разговоровъ что о приключении венгерскаго князя. Графъ убитъ, какъ было предсказано; Аяксъ сдълался моднымъ лицомъ: его рвутъ другъ у друга, и онъ нисколько не удивляется, что разъ его похищаютъ у входа въ Оперу и ведуть съ завязанными глазами въ прелестный будоаръ, гдв все дышетъ нъгою и любовью. Но, увы! раздушенный будоаръ будеть для него могилою. Женщина, по желанію которой его похитили, никто иная какъ страстная испанка; она хочетъ отметить за смерть Рауля, своего жениха. Аяксъ попалъ въ западню. Для него готовъ ужинъ съ отравленными винами. - Къ счастию, горничная, которой Аяксъ ивкогда спасъ жизнь, предостерегаетъ моднаго князя. Помощью продълки во вкусъ Каліостро, Аяксъ принуждаеть жестокую Терезиту сознаться въ зломъ умыслъ. Потомъ объявляеть ей, что Рауль не умеръ, а безчестно бъжалъ съ одной старой дамой, на которой женился за богатство. Разочарованная на счетъ Рауля, Терезита исполняется лучшихъ чувствъ къ Аяксу, она плъняется его великодушіемъ и благородствомъ. Свадьба ихъ не замедлитъ. — Авторъ очевидно не имълъ пригязанія написать пьесу, а хотълъ только дать роль даровитому артисту Равелю. И за всемъ темъ, не смотря на талантъ актера, доброе намърение автора не удалось: публика даже плохо поняла, въ чемъ дъло въ комедін господина Лайя.

Нъсколько болъе успъха имълъ водевиль въ одномъ дъйствіи, «Молодость Блаво» (Les premières armes de Blaveau), соч. гг. Гюстава и Жюля де-Вальи. Заглавіе напоминаеть миленькій водевиль Молодость Ришелье, въ которомъ лътъ двънадцать тому блистала артистка Дежазе. Блаво-инспекторъ финансовъ, и, надо правду сказать, ни характеромъ, ни смысломъ не оправдываетъ своего важнаго званія. Давио гоняется онъ за любовными приключеніями, только не поймаль ни одного. Разъбзжая по должности, онъ увидблъ въ Гавръ какую-то женщину съ стройной таліей, съ восхитительной ножкой, прекрасно одътую; но о лицъ ел не имъетъ никакого понятія. Онъ пускается въ погоню за незнакомкою: въ этомъ и состоитъ его молодость. Но Блаво никакъ не удалось узнать, кто такая была его жертва, какъ онъ увбряеть. Надъ нимъ посмъпваются двое его пріятелей, Дезетанъ и Вильярсо, мужья, имъющіе хорошенькихъ женъ. Сначала Блаво видится съ г-жею Вильярсо, и послъ разговора, въ которомъ онъ ничего не поняль, дама говорить: не сказывайте ему, что я была въ Гавръ. Потомъ, г-жа Дезетанъ также говоритъ: не подавайте вида, что встрътили меня въ Гавръ! Блаво сталъ совершенно въ тупикъ, и даже вовсе окаменълъ отъ изумленія, когда старая діва, мамзель Ромильи, тетка г-жа Вильярсо, тоже говорить ему: пожалуйста, будьте скромны; не говорите илемянницѣ о нашемъ приключеніи въ Гаврѣ. Наконецъ, дѣло объясняется; изъ развязки видно, что г-жи Вильярсо и Дезетанъ были въ Гаврѣ безъ вѣдома мужей, по семейнымъ причинамъ, и что жертва Блаво—старая дѣвица Ромильи. Она хочетъ, чтобы Блаво, разгласившій всякій вздоръ объ этой встрѣчѣ, загладилъ свою вину женитьбою; но инспекторъ финансовъ неумолимъ, и водевиль кончается не по-водевильному, безъ брака. На сценѣ его поддержала только игра актеровъ: Жофруа въ роли Блаво, и дѣвицы Фижакъ въ роли г-жи Вильярсо.

Воть еще остроумная бездълка, которой успъхъ основанъ на переодъваньъ Левассора, артиста особенно даровитаго на подобныя роли: «Питомцы сцены» (Les enfants de la balle), водевиль въ одномъ дъйствін, соч. Баяра и Бьевиля. Красавица Сильвія рішилась промінять театральные помосты на брильянты стараго графа Вертъ-Аллюръ. Напрасно старается возвратить ее на сцену ея бывшій директоръ. Октавъ, кузенъ Сильвін, придумаль другое средство возвратить публикъ любимую актрису, мътящую въ графини: во что бы ни стало, онъ женится на хорошенькой кузинъ. Вотъ онъ является къ Сильвіи въ костюмъ графскаго егеря, и портретъ жениха, по его описанію, таковъ, что не можеть прельстить молодую и недурную женщину. Потомъ, тотъ же Октавъ надъваетъ гвардейскій мундиръ и выдаетъ себя за новъсу-иле. мянника графа Вертъ-Аллюръ. Далве, превращается въ старика башмачника и приносить будущей графинъ башмаки съ красными каблуками; разсказываеть ей исторію о своей небывалой дочери, которая, будто бы вышла за маркиза и сама не рада этому счастію. Наконецъ, является онъ подъ видомъ тетушки Дардильонъ, старой провинціалки, и заводить шумъ въ минуту подписанія брачнаго контракта. Вдругь тетушка Дардильонъ изчезаетъ: вмъсто ея, глазамъ изумленной Сильвіи предстаеть Октавъ. Онъ успъваетъ доказать графу и актрисъ, что они оба сдълаютъ большую глупость, связавшись брачными узами: для счастія нужень равный бракъ. Графъ оставляеть въ подарокъ Сильвіи приготовленную для нея свадебную корзинку, и актриса выходить за Октава.

Заключимъ обозрѣніе этихъ эфермерныхъ порожденій сцены пьесами театровъ третьяго разряда, каковы театръ Драматическихъ Путокъ и театръ Комической Смъси. Вотъ новыя пьесы перваго, Folies-Dramatiques: Гг. Бризбарръ и Ніонъ написали: «Лаквій негра» (Le laquais d'un nègre), водевиль въ двухъ дъйствіяхъ. Негръ Доминго получилъ богатое наслъдство. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ увидѣлъ, что ему пужны: бѣлый слуга, бѣлая жена и пышное пестрое платье. Является бѣлый слуга, негръ принимаетъ его. Предлагаютъ руку и сердце бѣлой

дамы, негръ велить писать свадебный контрактъ. Портной присылаетъ платье все черное и ливрею съ богатыми галунами. Доминго не колеблется въ выборъ. Самъ надъваетъ ливрею съ галунами, которая очень ему правится; слугъ даетъ черное платье. Слугъ же достается шляпа, приличная порядочному человъку; негръ предпочитаетъ большую шляпу съ разноцвътными перьями. По окончаніи туалета, бълый слуга говоритъ черному господину: «Идите впередъ, сударь!-Идти впередъ, вотъ хорошо! стану я отворять тебъ двери! нътъ, лакей, ступай ты напередъ». Мудрено ли, что папенька Коринны принимаетъ слугу за барина, а барина за слугу. Надо сказать, что и черный и бълый ухаживають все за той-же Коринною. Можно представить себъ всъ недоумънія, какія влечеть за собою это смъшное положеніе. Считавъ долго слугу за господина, узнають наконець, что влюбленный только слуга. Богатство принадлежитъ Доминго, и за Доминго выйдетъ Коринна. Вдругъ является нотаріусъ: извъстно, что нотаріусы важная пружина новъйшихъ французскихъ пьесъ. Отъ нотаріуса узнаютъ, что у Доминго нътъ ни конъйки: милліонеромъ онъ прослыль по ошибкъ почтальона. Кому-же достается наслёдство? А вотъ, нотаріусь вынимаеть другую бумагу изъ портфеля. Настоящій обладатель богатства Крезаннъ, бълый слуга, влюбленный въ Коринну. Бълый наслъдникъ беретъ Доминго къ себъ въ услужение и женится на своей возлюбленной.

Далье, на томы же театры даны «Жизны Полишинеля» (Une vie de polichinelle), водевиль вы пяти дыйствіяхы, гг. Моро, Гене и Делакура, чрезвычайно длинный и глупый фарсы, и «Одна спичка между двухы огней» (Une allumette entre deux feux), водевиль вы одномы дыйствій, г. Оноре. Вести жизнь полишинеля — народное выраженіе и значить хорошо ысты, пить и веселиться. Кабошы живописець, который сы помощію своей подруги Мюзетты, ищеты средствы провести весело карнавалы безы денегы. Задача не легкая, потому-что антрпренеры баловы, трактирщики, извощики и костюмеры вовсе не сговорчивы на статью о кредиты. Воты тема, на которой построены всы натяжки, пошлости и невыроятныя событія перваго водевиля. Второй еще ничтожные перваго.

Драматическіе ветераны, Анисе Буржуа и Мишель Массонъ наділили театръ Ambigu-Comique длинной, предлинной драмою: «Рыночна я торговка» (La dame de la Halle), въ семи дійствіяхъ, изъ которыхъ одно — прологъ. Если Пуассардка Сен-Мартенскихъ воротъ основана на типъ, то драма Комической Смъси не столько этюда нравовъ, сколько пьеса интриги. Героиня ея, Франсоаза, прежде всего жена и мать; званіе торговки въ ней вещь второстепенная. Пьеса имъла боль-

шой успъхъ въ чувствительной бульварной публикъ. Начнемъ съ пролога. Передъ нами одинъ изъ городскихъ фонтацовъ. Дядя Леонаръ, староста водоносовъ, получилъ письмо изъ Клермонъ-Феррана, родимаго своего города. Изъ письма онъ узнаетъ, что зять его Морисъ намфренъ увхать наживаться на островъ Сен-Доминго. Надо знать, что Леонаръ, задержанный въ Парижъ дълами, не былъ на свадьбъ дочери и не знаетъ въ глаза Мориса. Ему извъстно только, что зять его молодой человъкъ, безродный, и что Франсоаза любитъ его отъ всего сердца: этого ему и довольно. Далъе надо знать, что Леонаръ честный человъкъ: разъ онъ принесъ маркизу де-Сальнелю туго набитый бумажникъ, который тотъ потерялъ. Послъ этого не мудрено, что маркизъ, изгнанникъ, собираясь покинуть Францію, повъряетъ Леонару слъдующее дъло: «у меня есть сынъ, я хочу его признать и писалъ объ этомъ къ моему отцу. Напишу также къ сыну, объявлю ему тайну его рожденія; онъ отыщеть тебя и ты вручинь ему 6,000 ливровъ, которые воть теб'я на сохраненіе». Въ эту минуту вдругъ Оперному театру вздумалось загоръться; маркиза завербовали тушить пожаръ и бъдный дворянинъ погибъ, прежде чъмъ успълъ написать къ сыну. Отецъ маркиза не хочетъ принимать въ свою фамилію этого неизвъстнаго ему внука и прислалъ въ Парижъ довъреннаго слугу, Лоррена, овладъть завъщаніемъ, которое даетъ титуль и состояніе незаконной отрасли де-Сальнелей. Лорренъ, какъ ловкій малый, выполнилъ вст порученія господина и возвращается къ нему на Сен-Доминго. Вы помните, что туда-же отправился Морисъ, зять дяди Леонара. Проходять пять льть. Мы у мадамъ Франсоазы Морисъ, апельсин щицы. Франсоаза прівхала въ Парижъ, и трудолюбіемъ составила себъ завидное положение между рыночными торговками. Счастие ея было бы совершенно, если бы вмъстъ съ отцомъ, съ матерью и сь маленькимъ Жозефомъ былъ при ней Морисъ, любимый мужъ, о которомъ уже три года нътъ въсти. Приносятъ письмо съ Сен Доминго: Морисъ умеръ. Следуетъ прекрасная сцена горести доброй жены, мастерски передаваемая артисткою Гіонъ. Пока б'єдная вдова оплакиваетъ кончину мужа, у лавки остановился экипажъ, задержанный ларями рынка. Франсоаза вскрикиваетъ. Богатый баринъ, сидящи въ каретъ — Морисъ; она узнала его, а ей говорятъ, что это маркизъ де-Сальнель. Тайна вотъ въ чемъ. Когда Лорренъ, овладъвъ извъстнымъ завъщаніемъ, воротился въ Сен-Доминго, то не засталъ своего господина въ живыхъ, а засталъ только сестру маркиза, которая изъявила совершенную готовность принять внучатного племянника въ наследники фамиліи. Лорренъ пустился отыскивать его. Случайно встре-

тась съ Морисомъ, онъ предложилъ ему за сотню тысячъ ливровъ возвратить ему права на титулъ и имъніе маркиза. Сдълка заключена. Чтобы покончить на отръзъ съ прошедшимъ, Морису надо умереть; Лорренъ составляеть по формъ актъ о его смерти и посылаеть къ Франсоазъ. Если подлогъ откроется, Лорренъ обвинитъ Мориса въ соумышленности съ нимъ, и ихъ обоихъ сошлютъ на галеры. Тетка Мориса, графиня, хочетъ женить его на Изоръ де-Кремансе, дочери одного вельможи, съ въсомъ при дворъ, котораго вліяніе сниметъ секвестръ, паложенный на имъніе маркиза де-Сальнеля. Лорренъ имъетъ всв выгоды желать, чтобъ этоть бракъ состоялся, и понуждаеть Мориса, грозя галерами въ случав несогласія. Франсоаза, уверенная, что мужъ ея живъ и покинулъ ее, является въ сопровождении рыночныхъ торговокъ въ отель де-Сальнель поднести маркизу обычный поздравительный букеть, по случаю возвращения его въ домъ предковъ. Морисъ, все подъ вліяніємъ Лоррена, отказывается узнать жену; но она говорить ему объ ребенкъ, и онъ уступаетъ голосу сердца. Едва Леонаръ свъдалъ о возвращении маркиза де-Сальнеля, въ которомъ отнюдь не подозръваетъ своего зятя, какъ хочетъ возвратить ему ввъренныя нъкогда деньги. Но мадамъ Леонаръ, считая эти деньги выморочными, тайкомъ пускала ихъ на лоттерен, луидоръ за луидоромъ, и растратила до-чиста. Графиня ни чуть не рада быть теткою рыночной торговки, и хочеть разорвать бракъ племянника. Но Франсоаза такъ любитъ мужа и сына, что никогда не согласится на такой позоръ; она противится знатной дамъ, и та весьма просто сажаеть ее въ тюрьму. Къ счастію, Жанъ-Мари, рыночный староста, дюжій дітина, освободиль Франсоазу, которая тотчасъ бъжить въ отель мужа. Дъла Лоррена идутъ плохо. Онъ ръшается сыграть отчаянную ставку. Если Франсоаза дъйствуетъ, онъ тоже не дремлетъ. Морисъ вовсе не сынъ маркиза: настоящій наслъдникъ де-Сальнелей-Арманъ. Чтобы не тратить время на розыски, можетъ-быть безплодные, и повстръчавъ Мориса, котораго исторія похоже на Арманову, Лорренъ поставиль въ завъщаніи одно имя вмісто другаго. Морисъ будетъ судимъ и сосланъ на галеры. Надо наградить добродътель. Арманъ живъ, борется съ страшной бъдностью, ищетъ мъста секретаря у того, кто неумышленно завладълъ его правами. Невидимый свидътель угрозъ Лоррена, онъ можетъ обличить истиннаго виновнаго. Лорренъ, во избъжание праведной казни, кидается изъ окна. сценъ эта галиматья разыграна превосходно и потому очень Ha

смъсь.

BUTTER BUTTER TO AND AND AND THE PARTY OF THE PROPERTY OF THE PARTY OF

aguil parte de vicaliste de que o le xo, com a rando esta aque e ax se parabilitzad (e le se l'avec. La constante de la vicilita de la company de robatique de la constante de la company superior de la constante

was character as an about it arrest to the character month

Panish and California and There's the Committee of the California and California

BUTS COBPRUBILLATO BOCTORA.

Е. С. Македонскаго.

Статья первая.

Вилъ городовъ. — Деревенскіе домы. — Отопленіе домовъ. Мангалы. — Тандуръ. — Сады. — Препровожденіе времени. — Пляски. — Танцовщицы — Лутисы. — Бой звърей, птицъ и насъкомыхъ. — Импровизаторы. — Сказочники. — Джеридъ — Фехтованье. — Илломинаціи. — Быть семейный: Восточныя женщины. — Мити о положеніи женщинъ на Востокъ. Попеченіе о дътяхъ. — Омовеніе и бани. — Украшенія: Окрашиваніе тъла. — Татупровка. — Прическа. — Бороды. — Одежда. — Трубки. Кальянъ. — Опіумъ. — Вино. — Винные погреба. — Шербетъ. — Ледъ. — Кофе. — Кофейни. — Цырульни. — Пища. — Пилавъ. — Еще замъчаніе о характеръ восточныхъ людей. — Земледъліе. — Земледъльческія орудія. — Опіумъ. — Мануфактурныя издълія. — Кашемировыя шали. — Горнодъліе и обработка металловъ. — Дамасскіе клинки. — Лошади. — Охота. — Рыбная и жемчужная ловля. — Пути сообщенія. — Колодцы и постоялые дворы. — Ханы. Караваны. — Судоходство. — Почтовыя сообщенія.

Подъ именемъ Востока, въ историческомъ смыслѣ, обыкновено разумѣютъ всю Азію, относя къ ней, по примѣру древнихъ, Мероэ и Египетъ; въ отношеніи-же современной цивилизаціи, этимъ именемъ обозначаютъ не только всѣ азіятскія страны, но и Сѣверную Африку, Европейскую Турцію и вообще всѣ тѣ страны, гдѣ только раздается, какъ говоритъ Клеммъ, Аллаиллахъ, гдѣ господствуетъ коранъ и носятъ чалму. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, отсюда исключаютъ Китай, Сѣверную Азію и примыкающія къ нимъ монгольскія и скиескія племена. Цивилизація Востока въ послѣднемъ смыслѣ этого слова принадлежитъ народамъ преимущественно кавказскаго племени, такъ что мы можемъ назвать ее восточно - кавказскою. Она-то и составляетъ

2 Смъсь.

предметъ настоящей статьи. Въ этомъ очеркѣ мы намѣрены представить, на основаніи замѣтокъ путешественниковъ и другихъ источниковъ, характеристическія черты матеріяльнаго и нравственнаго быта слѣдующихъ странъ: Туркестана, Персіи, Афганиста, западнаго полуострова Индіи, острововъ Явы и Суматры, Аравіи, Малой Азіи, Сѣверной Африки и Европейской Турціи. Бытъ черкесовъ составитъ предметъ отдѣльной статьи.

Видо городово. Всѣ путешественники единогласно свидътельствуютъ, что азіятскіе города не представляютъ ни великольпія, ни красоты, ни тѣхъ удобствъ и правильности, какими отличаются города европейскіе; это по большой части мрачныя, безвкусныя и дикія массы и грязные лабиранты.

«Что такое турецкій городъ, напримірь, большой, лежащій внутри края? какое производить онъ впечатление на иностранца?» спрашиваетъ «Русскій Путешественникъ » *. Вотъ предмѣстіе-отвѣчаетъ онъне очень узкая, но кривая и неопрятная улица, вымощенная только по срединь; по сторонамь ея, земляные заборы, кое-гдь обрушивающіеся, кое-гд'в покрытые черепицею; надъ заборами видны терассы или черепичныя кровли домовъ, а индъ домъ приставленъ къ самой улицѣ, стѣною безъ оконъ; на дворахъ мелькаетъ зелень деревьевъ; въ промежуткахъ между домами, на огородахъ, зелень высокихъ травъ и кустовъ. Улица пуста; изрѣдка проходитъ по ней, скорымъ и мелкимъ шагомъ, нагруженный чемъ-нибудь оселъ, сопровождаемый своимъ хозяиномъ, который или куритъ трубку, спокойно идеть, глядя прямо передъ собою и не обращая вниманія ни на что встрачающееся; израдка появляется женщина, въ баломъ покрываль, или у калитки, или на улиць; иногда пробъжить дитя, погруженное въ свои широкія шальвары. Воть, на перекресткъ, фонтанъ; мальчики, девочки леть десяти, безь покрываль, взрослыя женщины въ покрывалахъ, старухи, носящія покрывала по старой привычкі — все это подходить къ фонтану, наливаетъ водою свои глиняные кувшины и уносить ихъ на спинъ, держа ручку кувшина рукою, перекинутою черезъ плечо. Вотъ маленькая мечеть, съ низкимъ минаретомъ и плохою каменною оградою; у дверей ея, сидить дряхлый старикъ, съ потухшею трубкою въ рукахъ, и, неподвижный, безмолвный, смотритъ на кончикъ своего носа. Вотъ кофейня; на прилавкъ и на землъ, возлѣ нея и въ ней самой, сидятъ нѣсколько человѣкъ въ чалмахъ, съ трубками; въ окнахъ виднъются чалмы и бороды, сквозь табачный дымъ, разносимый вътромъ, гуляющимъ между ръшетками оконъ; кафеджи суетится: одному подаетъ кофе, другому, въ щипцахъ, несетъ горящій уголь для трубки; возл'є третьяго ставить кальянь — это уже не предмѣстье, а самый городъ. Домы густѣють и дѣлаются сплошными; они, кажется, лътъ десять уже не подвергались никакакой по-

^{*} Обозръніе Малой Азіи, въ нынъшнемъ состояніи, составленное русскимъ путешественникомъ М. В.Сиб., 1839. Печатано по Высочайшему повольнію.

Смпсь.

чинкѣ; ставни сдѣлались косвенными или неправильными фигурами; на кровляхъ, мѣстами недостаетъ черепицъ; штукатурка стѣнъ, гдѣ она была, пообвалилась; въ иномъ домѣ, изъ стѣны вывалился большой камень, съ нѣсколькими сосѣдними, земляными кирпичами, такъ что отъ угла комнаты образовалось новое окно, которое, въ ожиданіи задѣлки, кое-какъ заткнуто мѣшкомъ, наполненнымъ соломою. Далѣе, небольшая, неправильной фигуры площадка и около нее мечеть, большая, высокая, красивая, съ большимъ купуломъ, съ высокимъ минаретомъ, острая кровелька котораго бѣла какъ серебро, а луна на ней горитъ золотомъ. На дворѣ, внутри ограды, каменной, съ огромными окнами, задѣланными желѣзною рѣшеткою, бѣгаютъ десятка два мальчиковъ — то школьники, просидѣвшіе, поджавши ноги, часъ своего ученья и теперь отдыхающіе.

Воть улица д'влается уже, мостовая сырбе — начинается торговая часть города. Лавки, съ своими дверями-навъсами, составляютъ два сплошныхъ ряда, между которыми кровли почти сходятся, а въ промежуткъ между ними видна кое-гдъ зелень. Лавочники сидятъ на прилавкахъ, поджавши ноги, курятъ и молчатъ. Женщины ходятъ (рѣдко однѣ, а чаще толною отъ пяти до десяти) отъ одной лавки къ другой, смотрятъ товары, покупають и разсматривають уже купленное; говорять мало, какъ съ купцами, такъ и между собою, поправляють падающія съ лиць покрывала, глядять на все и на всёхъ сміло, безъ мальнішей застінчивости ... Солнце еще не сіло, а на большомъ базарѣ уже наступаетъ ночь. Купцы съ шумомъ и стукомъ опускаютъ висячія двери своихъ лавокъ, запираютъ ихъ огромными ключами и уходять домой. Съ громомъ запираются вороты базара до завтрашняго утра. За базаромъ опять кофейни, мечети, фонтаны, сплошные частые домы, кривыя и нечистыя улицы, кое-гдъ прохожіе, — но вотъ улица запружена арбою и десяткомъ ословъ.

Вотъ проглянуль другой конецъ города. У воротъ большаго хана (постоялаго двора) толпится караванъ — десятка четыре муловъ, навьюченныхъ небольшими тюками. Звонъ колокольчиковъ и побрякушекъ раздается далеко, среди окрестной тишины, едва понятной для европейца, привыкшаго слышать, въ городахъ своихъ, безпрерывный шумъ и гулъ отъ экипажей, смѣшанный съ говоромъ народа. Погонщики лѣниво движутся около каравана, слѣзаютъ съ ословъ, закуриваютъ трубки, устанавливаютъ муловъ подъ навѣсъ и молчатъ. Недалеко отъ хана, пляшетъ старый дервишъ, въ высокой войлочной шапъкѣ; на него глядятъ мальчишки и женщины, перешептываются между собою, съ видомъ таинственности — дервишъ считается юродивымъ...

На пустырь, при которомъ уже почти нѣтъ строеній, ветхая кофейня. Пустырь покрытъ полусотнею лежащихъ верблюдовъ; вьюки съ нихъ не сняты — это только привалъ каравана.

Оглянувшись на городъ, зритель видить сливающіяся въ одно нестройное цѣлое кирпичныя кровли, а выше — куполы мечетей, а еще выше — острые минареты; онъ слышить—но онъ не слышить ничего, если утихли колокольчики и побрякушки каравана. 4 Смъсь.

Другой видъ имѣетъ городъ, когда всѣ домы въ немъ съ терассами. Они, расположенные по скату, издали кажутся кубическими земляными глыбами и, между ними, мечети возвышаются еще страннѣе, нежели между домами, покрытыми черепицею.

Кром'в нікоторыхъ містечекъ, христіанскія части въ селеніяхъ Малой Азіи малы сравнительно съ турецкими, но оні гораздо боліве оживлены и лучше выстроены. Это особенно замітно въ береговой, западной части полуострова, гді даже и турецкіе домы не столько на видъ угрюмы, и мусульмане, привыкшіе къ европейцамъ, начинаютъ, мало по малу, перенимать у нихъ кое—что. Тамъ появляются, містами, стекла въ окнахъ; въ комнатахъ, софы ділаются выше; иногда даже низенькіе табуреты заміняются стульями грубой работы, а на заборахъ не ставятся заслонки, для прикрытія балконовъ и комнатъ верхняго жилья отъ взоровъ сосіда. Зданія ділаются, если не прочніе, то по крайней мірів чище и благовидніве; но улицы остаются, по прежнему, тісными, даже тамъ, гді выгорівшая часть селенія застронвается вновь. Тамощнее правительство въ такія діла не вмішивается и каждый воленъ строить какъ ему угодно и что угодно.

Деревенскіе домы Вънаибольшей части Анатоліи, деревенскіе домы строятся слёдующимъ образомъ: основа кладется деревянная; на ней, по угламъ, ставятся бревна, и вверху соединяются перекладинами, на которыхъ кладутся другія перекладины для поддержанія потолка. Если домъ въ два этажа, то надъ первыми выводится второй точно такъ, какъ первый, на деревянной основъ, и тогда промежуточный потолокъ состоитъ обыковенно изъ одного ряда досокъ, безъ всякой насыпи. Верхъ зданія покрывается, иногда, черепичною кровлею, на деревянныхъ стропилахъ, на которыя кладется черепица безъ всякой замазки, только, для большей твердости, придавливается камнями, и потому-то почти всѣ такія кровли, въ дождливое время, даютъ сильную течь. Чаще-же всего, кровля заміняется терассою, то есть, на потолокъ насыпается земля, смѣшанная съ пескомъ и глиною или известью; все это убивается въ довольно плотную массу, горизонтально и съ небольшими, легко-наклоненными лощинками для ската воды. Терассы отъ жару часто трескаются, и первые осенніе дожди протекають сквозь нихъ свободно, пока трещины не соединятся отъ мокроты. Стъны въ такихъ домахъ делаются или изъ косяковъ въ виде решетки, пустыя мъста которой наполняются камнями съ глиной или известкой, или просто глиною, сушеною на солнцѣ въ видѣ кирпичей, или кирпичами изъ сушеной грязи; гдъ мало лъсу, тамъ стъна не имъетъ никакихъ косяковь и вся состоить изъ такихъ кирпичей. Въ другихъ мъстахъ, и именно по лъсистому хребту вдоль берега Чернаго моря, строятся домы изъ одного дерева, изъ брусьевъ или досокъ, которыя кладутся одна на другую горизонтально и пригоняются одна къ другой очень не плотно, такъ что промежутки не наполняются ничемъ, и потомуто, сквозь стіны таких домовь, вітерь дуеть и свищеть свободно.

По центральной плоскости Малой Азіи и въ другихъ мѣстахъ, совершенно безлѣсныхъ, домы складываются цѣликомъ изъ сушеныхъ,

Сміьсь.

земляныхъ кирпичей. Только для потолка кладутся потомъ, на выведенныя стѣны, довольно тонкія жерди: тутъ часто доски замѣняются хворостомъ, на который потомъ насыпается земля.

Городскіе домы. Въ городахъ Малой Азіи, домы правителей часто отличаются отъ частныхъ домовъ. Домы, занимаемые правителями городовъ и мъстечекъ. — пашами, мусселимами, воеводами, агами-называются конакт (квартира, временное жилище), потому-что такіе домы назначаются имъ только на время занятія ими своихъ должностей. Въ большихъ городахъ, конакъ есть собраніе нѣсколькихъ большихъ и меньшихъ зданій, обнесенное общимъ заборомъ. Часто главный домъ, жилище самаго правителя, стоитъ по серединъ большаго двора, вокругъ котораго расположены прочія строенія: гаремъ, жилище прислужниковъ и стражи, кухни, конюшни, бани. Главный домъ почти всегда двухъэтажный, съ крытою наружною галлереею въ обоихъ жильяхъ, и отдъльными комнатами для пріема посътителей, для помощника правителя (кихайя), для писцовъ, для разсыльныхъ. Лучшая комната-это пріемная; все ея украшеніе, впрочемъ, состоитъ въ хорошей ткани, которою покрываются низкія софы, въ хорошихъ рогожкахъ или даже коврахъ, постланныхъ на полу, и иногда еще въ занавъскахъ у оконъ со стеклами. Последній предметь, то есть, стекла, почитается впрочемъ роскошью, такъ что во многихъ, даже не малыхъ городахъ, во внутренности края, въ конакахъ окна все еще безъ стеколъ, которыя замѣняются рѣдкими деревянными рѣшетками.

Конаки рѣдко бывають хорошо выстроены, а еще рѣже поддерживаются починками. По большой части, это старыя, очень поврежденныя строенія, нечистыя и запущенныя, съ разваливающимися балконами и лѣстницами, съ разломанными ставнями, съ дырами въ полахъ, въ которыхъ, при неосторожности, можно сломить себѣ ногу. Гаремъ или женскія комнаты содержатся опрятнѣе: тамъ хозяйничають женщины; тамъ живетъ большею частію самъ хозяинъ.

Домы частныхъ городскихъ жителей, въ Анатоліи, очень разнообразны; въ иныхъ мѣстахъ, впрочемъ, это тѣ-же деревенскія хижины, а въ другихъ—довольно просторныя строенія, въ два и три этажа.

Смирна и Брусса составляють исключение изъ прочихъ городовъ Малой Азіи. Въ нихъ, частныя строенія нѣсколько походять на константинопольскія — что-то среднее между азіятскими и южно-европейскими. Одна изъ стѣнъ дома примыкаетъ обыкновенно къ улицѣ; она гладка въ нижнемъ этажѣ, а во второмъ, изъ нея выдаются, на аршинъ и болѣе, полукомнатки, иногда очень маленькія, въ которыхъ можно помѣститься двоимъ-троимъ; въ такихъ полукомнаткахъ, какъ и въ главной стѣнѣ, продѣланы окна, закрытыя, сверхъ рѣдкой, другою, частою, деревянною рѣшеткою, сквозь которую нельзя просонуть мизинца, но въ рѣшеткѣ этой часто дѣлаются дверцы, въ которыя можно просунуть голову. Часто второй этажъ выдается на умицу, четвертри на три противъ низу дома, а третій на столько-же противъ втораго. Окна расположены при этомъ такъ, что изъ нихъ видно не только поперегъ, но и вдоль улицы, довольно далеко. Женскія комнаты всегда

отдълены отъ мужскихъ; иногда онъ составляютъ особый этажъ; иногда въ нихъ даже ходъ съ особаго двора.

Внутреннее убранство комнатъ почти всегда одинаково: очень низкія, въ четверть аршина отъ полу софы, расположены у стѣнъ; на нихъ подушки, имѣющія видъ цилиндровъ, болѣе аршина длиною, обтянутыя, болѣе или менѣе, дорогою тканью; шкафъ во всю стѣну, для складки постелей и платья; сундуки, ящики и ящички по угламъ; посуда на полкахъ и поставцахъ; подъ полкою, рядомъ по всѣмъ стѣнамъ, желѣзные крючки, для вѣшанія всякой всячины; иногда при одной стѣнѣ каминъ; нѣсколько деревянныхъ табуретовъ, низенькихъ, крашеныхъ, иногда выложенныхъ костью или перламутромъ. По стѣнамъ, въ мужской половинѣ, развѣшано оружіе, мѣшечки съ бумагами; въ женской небольшія зеркальца, покрывала (платки), фередже (верхнія женскія мантіи), пяльцы съ шитьемъ, мотки шелку и нитокъ.

Кухня пом'вщается въ нижнемъ жиль В. У небогатыхъ женщины стряпають сами; у людей богатыхъ есть повора. Иногда, у самыхъ строгихъ блюстителей древнихъ обычаевъ, особливо у ревнивыхъ мужей, кушанье передается, въ женскую половину, следующимъ обравомъ: въ ствив, отдъляющей мужскую часть дома отъ гарема, и дълаемой нарочно очень толстою, проръзывается родъ окна. Въ окнъ этомъ ставится соразмърный ему величиною и двигающійся на вертикальной оси цилиндръ изъ тонкихъ дощечекъ, пустой во внутренности и раздъленный полками на два или на три яруса; въ одной сторонъ цилиндра отверстіе, въ которое можеть войти употребляемое для подачи на столь блюдо. Приготовивъ кушанье, поваръ поварачиваетъ цилиндръ отверстіемъ къ себъ, ставитъ на полку кушанье, а потомъ поварачиваетъ цилиндръ такъ, что отверстіе его обращается къ сторонъ женскихъ комнатъ; женщины берутъ блюда, а послѣ обѣда передаютъ ихъ повару такимъ-же образомъ. Впрочемъ, въ Смирнъ и Бруссъ такія мъры почти совсъмъ уже вышли изъ обыкновенія.

Во внутренности Малой Азіи, въ рѣдкомъ городѣ окна въ турецкихъ домахъ обращены на улицу; чаще всего домы строются на дворѣ, такъ-что улица состоитъ изъ высокихъ заборовъ, на которыхъ, сверхъ того, ставятся дощаные щиты, для закрытія отъ сосѣдей всего, что происходитъ во второмъ этажѣ, какъ въ комнатахъ съ окнами безъ стеколъ, такъ и на балконѣ, который составляетъ необходимую принадлежность внутренней стороны дома: онъ обыкновенно на тонкихъ столбахъ, покрытый продолженіемъ кровли дома, съ тонкими перилами между столбовъ.

Если городъ построенъ по крутому косогору, то балкона часто невозможно укрыть, отъ взора постороннихъ, никакими щитами. Въ такомъ случаѣ, у зажиточныхъ онъ обносится частою рѣшеткою, а у бѣднѣйшихъ, когда женщины выходятъ на балконъ работать, сидѣть или молиться, на немъ развѣшиваютъ между столбами большую простыню или рогожку; иногда, впрочемъ, онъ остается и безъ прикрытія.

На каждомъ домѣ, который наружностью лучше простой деревенской хижины, то есть, выштукатуренъ и выбъленъ, на стѣнѣ, обращен-

ной къ улицъ, начертано, по крайней мъръ, одно какое-либо священное слово: Ыншаллахъ, Машаллахъ или просто Аллахъ, или другое какое-либо изръчение изъ корана; причемъ часто прибавляется имя хозина и годъ построения дома, съ разными вокругъ надписи узорами. Иногда все это намалевано огромными, почти въ ростъ человъка буквами. Ворота (гдъ они есть) дълаются или въ заборъ или въ стънъ, обращенной на улицу; иногда ворота въ заборъ, а въ стънъ только калитка, — то и другое всегда заперто. Приходящий къ дому, стучится въ калитку, привъшеннымъ къ ней желъзнымъ молотомъ, который приходится противъ желъзной-же, подъ нимъ прибитой бляхи; калитку отворяютъ, не выходя изъ комнатъ, или, по крайней мъръ, не приближаясь къ ней, посредствомъ снурка, проведеннаго черезъ дворъ, въ одно изъ жильевъ дома.

Отпольние домовъ. Мангалы. Отпиление домовъ въ Анатолии и во всей Турціи ділается не по нашему. Кромі кухонь, публичных и частных в (въ конакахъ и богатыхъ домахъ), ни одинъ домъ не имъетъ печи; во многихъ городскихъ и деревенскихъ домахъ, камины делаются только для варенія кушанья; всь остальныя комнаты — безъ каминовъ, хотя зима, во всей Малой Азіи, довольно ощутительна, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже очень сурова. Комнаты нагрѣваются жаровнями (мангалами), въ которыя владутся горящіе угли съ пепломъ. Въ богатыхъ домахъ мангалы бывають мідные, въ виді большой вазы, на мідномъ подножіи; обыкновенные-же состоять просто изъ глинянаго, узкаго внизу и широкаго вверху сосуда, похожаго на большую малороссійскую миску. Мангалъ ставится посреди комнаты, и около него толпится семейство. Окна комнаты, обыкновенно безстекольныя, заклеиваются бумагою или желудочной бараньею перепонкой, въ которую вставляется, кое-гдъ, кусокъ стеклышка. Все это очень плохо нагрѣваетъ комнату, а при порядочномъ холодъ и вовсе не нагръваетъ ее, тъмъ болье, что независимо отъ оконъ, самыя стъны деревянно-глинянныхъ домовъ трескаются скоро послѣ постройки и рѣдко мѣшаютъ вѣтру тушить лампаду, хотя бы она стояда посреди комнаты. Надо замътить, что въ Анатоліи угли приготовляются съ особеннымъ искусствомъ: они всегда пережжены такъ мало, что въ мангалъ надъ ними поднимается высокое пламя, и однакожъ никогда не дають угару не только туземцамъ, но и европейцамъ. При недостаткъ въ угляхъ, семейство собирается въ ту комнату, гдъ есть каминъ, и гръется около горящихъ въ немъ дровъ, хвороста или сушенаго навозу. Но и это отапливаніе не всякій имбеть, и потому зимою всв вообще одваются обыкновенно такъ, какъ будто собираются въ дальную дорогу и спять, не раздѣваясь, а наваливая на себя все, что можно. Камины, гдв есть дрова, могли бы согрввать комнату лучше, нежели мангалы, еслибы трубы въ нихъ закрывались: но въ Малой Азіи и этого нѣтъ, такъ что съ дымомъ уходить и теплота, и какъ скоро огонь погаснеть, комната холодветь мгновенно. Не смотря на то, въ деревняхъ чаще встрвчаются камины, чемъ мангалы, потому-что покупка угля составляеть значительный расходь, между-тьмъ какъ хворостъ или навозъ ничего не стоятъ.

Тандуръ. Въ Смирнѣ, Бруссѣ, Константинополѣ и другихъ городахъ и селеніяхъ по западному берегу полуострова, зажиточнѣйшіе жители согрѣваются въ домахъ своихъ такъ называемыми тандуръми. Тандуръ состоитъ изъ кубической деревянной рамы, которой бокъ поболѣе аршина: одна, верхняя сторона его, покрыта досками, а на противоположной ей сторонѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ края, дѣлается небольшой изъ досокъ-же мостикъ. Кубъ ставится у софы, мостикомъ къ полу, и покрывается большимъ одѣяломъ или коврами; на мостикъ ставится мангалъ, съ горящими углями; семейство садится вокругъ тандура, на софѣ и табуретахъ, и каждый изъ собесѣдниковъ накрывается по шею концемъ одѣяла. Такимъ образомъ, теплота, распространяясь подъ этою крышею, согрѣваетъ переднюю часть тѣла сидящихъ, которыхъ спинамъ и затылкамъ бываетъ, однако-же, довольно холодно. Безъ особенной привычки къ тандуру, отъ него тотчасъ можно получить насморкъ. Тандуръ составляетъ любимое мѣсто женщинъ.

Всѣ эти подробности «Русскаго путешественника» даютъ вѣрное понятіе о турецкихъ городахъ вообще, не исключая и Константинополя, и почти во всемъ согласны съ замѣчаніями иностранныхъ туристовъ*. По описаніямъ послѣднихъ, въ Константинополѣ, напримѣръ, дома построены изъ дерева и кирпича и снаружи размалеваны букетами цвѣтовъ, розами и колоннами. Окна также рѣшетчатые. Первые этажи выдаются впередъ и дѣлаютъ улицу мрачною и темною.

Улицы, въ малоазіятскихъ городахъ, всё болёе или менёе кривы; прямыми называются тъ, которыхъ кривизна не велика и не очень замътна на маломъ пространствъ; широкими тъ, которыя не уже семи или девяти шаговъ; если исключить отсюда по одному шагу съ небольшимъ на боковыя возвышенія, состоящія изъ крупныхъ камней и назначенныя для пъщеходовъ, то для средины остается около щести шаговъ пространства, на которомъ можетъ заворотиться и разъёхаться съ другою запряженная волами арба, а это и служить міриломь уличной ширины. Попадаются пространства и пошире, напримъръ на перекресткахъ и въ техъ случаяхъ, когда линіи домовъ не параллельны; но это только редкія исключенія. Широкою называется даже такая улица, на которой могуть разъёхаться только двё навьюченныя лошади; узкою-же почитается та, гдв верховой не можеть разъвхаться съ другимъ иначе, какъ вскарабкавшись на тротуаръ или прижавшись, по возможности, къ стънъ, то есть, такая улица, отъ стъны до стъны, имъетъ менъе трехъ шаговъ, а средина ея, за исключеніемъ боковыхъ возвышеній, шага съ полтора. Узкій переулокъ значить ущеліе, въ которомъ съ трудомъ расходятся два человъка, а навьюченный мъшками осель можетъ завязнуть.

Гдѣ домы въ два и тги этажа, и сверхъ того верхній этажъ выдается впередъ четверти на три или на аршинъ противъ нижняго, а

^{*} Ср. «Voyages nouveaux par mer et par terre», etc., par M. Albert-Montemont III, p. 352. (Общее замъчание о турецкихъ городахъ.)

кровля на столько-же противъ верхняго, тамъ, при посредственно широкой улицѣ, между верхними жильями остается пространство, иногда не шире аршина, а кровли даже соприкасаются между собою, такъ что на улицѣ не бываетъ, правда, никогда очень жарко, внутрь ея никогда не заглядываетъ солнце, зато не бываетъ и сухо, и воздухъ спирается невѣроятнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что для стока нечистоты, нѣтъ другихъ трубъ, кромѣ ложбины, посрединѣ улицы, на которую изъ домовъ выливается все лишнее. Самыя свѣтлыя и чистыя улицы тамъ, гдѣ домы строятся на дворѣ: слѣдственно и самая улица есть ничто иное, какъ дорога между заборами.

Въ наибольшей части малоазіятскихъ городовъ, даже небольшихъ, всѣ главныя улицы вымощены камнемъ; но мостовая, разъ сдѣланная, поддерживается очень плохо: камни выбиваются изъ своихъ мѣстъ, и такъ какъ они крупны, то происходящія отъ того ямы крайне затрудняютъ ѣзду *.

Кромѣ деревень, почти во всѣхъ мѣстахъ Малой Азіи, обитаемыхъ осѣдлыми жителями, разсѣяны по полямъ такъ называемые чифлики, то есть, домы, принадлежащіе владѣльцу поля и занимаемые работниками, нанятыми владѣльцемъ для воздѣлыванія земли или досмотра за скотомъ, или для того и другаго вмѣстѣ. Чифлики состоятъ или изъ нѣсколькихъ строеній, съ однимъ домомъ побольше, для самаго владѣльца или его повѣреннаго, такъ что тогда они имѣютъ видъ деревушки; или это только плохая хижина со скотнымъ дворомъ, или наконецъ это настоящій нашъ господскій домъ среди большаго селенія. Если чифликъ есть только сборное мѣсто для окрестныхъ пасущихся стадъ, то онъ называется тогда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, мандра (овчарня).

Вообще въ Турціи считаться богатымъ человъкомъ опасно, и потому каждый старается сообщить своему жилищу видъ бъдности. Большая часть домовъ построены изъ дерева, только на кафундаменть. Промежутки между брусьями замазываются смѣсью соломы, грязи и пеньки. Стѣны дѣлаются изъ дурноотесанныхъ досокъ. Полы вездѣ деревянные; крыши или изъ черепицъ или изъ терассъ (въ Константинопол'в н'втъ терассъ); камины не изв'встны: ихъ мъсто занимаетъ тандуръ. Въ Константинополь двери, окна, да и все зданіе домовъ такъ слабо, что вътеръ продуваеть даже свозь стъны ... Тандуръ — единственный источникъ теплоты въ самую суровую зиму. Но внутреннее убранство комнать, по крайней мѣрѣ, у людей съ состояніемъ, болье или менье опрятно и удобно, хотя мебели въ нихъ очень мало. Въ большихъ городахъ, напримъръ, въ Дамаскъ и Багдадъ (судя по разсказамъ графини Ганъ-Ганъ и другихъ путешественниковъ), даже въ частныхъ домахъ можно встрътить не только комфортъ, но и роскошь. Вмъсто картинъ (которыя запрещены кораномъ), му-

^{*} Вышеприведенное «Обозрѣніе малой Азів, » составленное русскимъ путешественникомъ. Стр. 226—237.

Смпьсь. 10

сульмане украшають стъны своихъ домовъ надписями, изръченіями изъ корана, и разными драгоцънностями, полученными въ подарокъ въ день свадьбы. Стульевъ и столовъ у нихъ нѣтъ, но софы, особенно дамскія, покрываются нѣжными и дорогими тканями. Для восточнаго человека неть блаженства выше, какъ сидеть или лежать на софе, курить какіунь и — потому дивань или софа составляеть особенной предметь его заботь.

Внутреннее устройство персидскихъ городовъ также хвалять всѣ путешественники; окна и въ нихъ обыкновенно заклеиваются бумагой, напитанной масломъ, но у богатыхъ они состоять изъ разноцвътныхъ стеколь; передъ окнами дивана всегда бъломарморный или алебастровый бассейнъ, потому что персіянинъ и вообще житель Востока любитъ воду: у бассейна или у фонтана онъ сидить по цёлымъ днямъ... Кровли состоять изъ терассъ, на которыхъ многія проводять цёлые ночи, по причинъ прохлады; но внъшность персидскихъ городовъ, повидимому, еще мрачнъе турецкихъ. «Европеецъ, вступающій впервые въ Персію, говорить Морье *, получаеть вдругь впечатлівніе тяжелое и непріятное; его глаза, привыкшіе къ опрятности и удобству, какія замъчаются нами даже въ самыхъ маленькихъ нашихъ городкахъ, съ трудомъ переносятъ эту картину нищеты и нечистоты, какими отличается персидское народонаселеніе» ... и прочес. «Ни одна на въ мірѣ не представляетъ ничего мрачнье» — говоритъ Друвиль о персидскихъ городахъ... «Домы, построенные изъ сушеныхъ кирпичей, окружены стънами такой вышины, что за ними скрывается весь фасадъ, который, въ добавокъ, отделенъ отъ этой стены еще большимъ дворомъ. Въ нихъ нътъ никакихъ отверстій, кромъ дверей, похожихъ на окна темницъ, такъ что вошедши въ персидскій городъ въ первый разъ, не знаешь, гдв находишься ... кругомъ себя видишь только высокія и мрачныя ствны. Публичныхъ зданій очень мало ... развів бани да ба-

Самый шумъ и движение въ этихъ городахъ наводитъ на европейца впечатление тяжелое. Съ разсветомъ дня слышатся съ минаретовъ воззванія муэззиновъ, громкимъ и заунывнымъ голосомъ призывающихъ правовърныхъ къ молитвъ. Потомъ раздаются произительные звуки козьихъ и коровьихъ роговъ, которыми привратники при баняхъ возвъщаютъ женщинамъ, за часъ предъ омовеніемъ мужчинъ, что бани уже готовы. Звуки роговъ пробуждаютъ унылый вой собакъ (которыми наполнены всё мусульманскіе города). Къ нимъ присоединяется дикій крикъ ословъ цълаго города съ его окрестностями. Тутъ слъдуеть крикъ пътухевъ, раздается говоръ людей, дътскіе крики и наконецъ ленивый говоръ мужчинъ ... начинается движенье ... лениво, ме-

arange minimerson savey of or dada a or rughesons and respect to being an arrest to a

^{* &}quot;Histoire Pittoresque des voyages dans les cinq parties du Monde," etc., par L. E. Hatin. 3, p. 202. The standing would be accompanied by a revise that was to " Тамь же. Услагов, и это априлаворой положения по poll из от д

Смись 11

дленно выступаютъ мужчины, въ своихъ длинныхъ одеждахъ, съ своими длинными бородами и суровыми лицами ...

Болье веселый видь представляють города въ Аравіи и Индіи. Лучніе домы аравійскихь городовь построены вдоль морскаго берега, по прямой параллельной ему линіи. И здъсь нъть мостовыхь, но улицы въ нъкоторыхь городахь обширны, домы высоки; они построены изъ одного камня, большею частію въ два этажа, съ окнами и ставнями; ихъ архитектура разнообразна. Но и здъсь, даже въ значительнъйшихь городахъ, на улицахъ такая-же нечистота, какъ и въ персидскихъ городахъ. Улицы въ Меккъ, во время стеченія пильгримовъ, чрезвычайно многолюдны, но потомъ остаются пусты, грязны и наполнены падалью. Въ Мединъ, окруженной стъною съ тремя воротами, домы каменные, двухъ-этажные, темнаго цвъта, съ плоской крышей. Улицы такъ узки, что ширина ихъ часто бываетъ едва въ три фута. Нъкоторыя изъ нихъ вымощены камнемъ.

Домы въ Индіи строются въ нѣсколько этажей, соединенныхъ между собою узкими ѝ темными лѣстницами. Иногда они покрыты рисунками, изображающими сцены изъ жизни индусовъ. Въ Бенаресѣ есть домы въ пять и шесть этажей, съ разнообразными архитектурными украшеніями и красивыми галлереями, проведенными кругомъ этажей. Стеклянныя окна и здѣсь очень рѣдки; ихъ мѣсто занимаютъ деревянныя рѣшетки.

Сады. Житель Востока любить сады, заботится онихь, но плохо знаеть садоводство. Возлѣ Константинополя есть много прекрасныхъ садовъ, состоящихъ изъ самыхъ нѣжныхъ кустарниковъ и деревъ Азіи. Особенно славится садами Дамаскъ (окруженный превосходными садами), равно какъ и Персія; но и тутъ садоводство стоитъ на низкой ступени. Все искусство персидскаго садоводства состоитъ въ орошеніи садовъ водою; все остальное предоставляютъ природѣ. Персидскій садъ состоитъ обыкновенно изъ одной большой аллеи, пересѣкающей его по прямой линіи. Посрединѣ сада дѣлается бассейнъ, а по бокамъ его разныя отдѣленія, въ которыхъ сѣютъ и разсаживаютъ цвѣты безъ всякаго порядка. Персы не ищутъ въ садахъ прогулки, но довольствуются только созерцаніемъ, сидя гдѣ-нибудь въ тѣни; и потому въ ихъ садахъ нѣтъ ни лабиринтовъ, ни терассъ. Сады въ Индіи славились во время мусульманскато владычества, и теперь еще тамъ есть нѣсколько садовъ знаменитыхъ.

Вообще житель Востока любить въ природѣ простоту, покой, нѣгу и вѣковое величіе; къ нѣкоторымъ старымъ деревьямъ, напримѣръ кедрамъ ливанскимъ, онъ питаетъ нѣкотораго рода благоговѣніе.

Препровождение времени. Судя по архитектурѣ домовъ, въ восточномъ человѣкѣ можно бы предположить любовь къ уединенію, домосѣдство; но на самомъ дѣдѣ это не такъ: восточный человѣкъ наибольшую часть времени проводитъвнѣ дома: на базарахъ, въкофейняхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ; женщины, напротивъ того, только изрѣдка выходятъ изъ дому—въ баню или мечеть. На визиты у нихъ пронадаетъ много времени, особенно въ Персіи. Знатный персіянинъ всегда встаетъ рано. Совер-

12 Смпсь.

шивъ омовеніе и молитву, онъ выходить въ пріемную, съёдаеть нёсколько фруктовъ и выкуриваеть каліюнь. До девяти часовъ онъ принимаеть визиты своихъ кліентовъ и занимается ихъ дёлами. Отъ девяти дёлаеть самъ визиты знатнымъ особамъ. Къ полудню возвращается домой и обёдаеть. Послё полуденныхъ молитвъ, отдыхаетъ часовъ до трехъ. Потомъ опять или принимаетъ или отплачиваетъ визиты. Послё того совершаетъ предвечернюю молитву. Какъ скоро начинаетъ смеркаться, разстилаютъ покрывала и ковры подъ открытымъ небомъ, и персіянинъ располагается здёсь съ своими кліентами, друзьями и каліюномъ, между-тёмъ какъ невольники развлекаютъ его разными штуками. Тутъ-же совершается вечерняя молитва — дёло, исполняемое съ замётною поспёшностію. Къ десяти часамъ подаютъ ужинъ, а въ одиннадцать день кончился. Такъ обыкновенно проходитъ день за днемъ у всёхъ знатныхъ персіянъ.

Визиты свои они делають въ сопровождении множества слугъ. Посетителей низшихъ они принимаютъ сидя и указывая место по чину.

Почетною стороною въ Персіи считается левая. При виде высшаго
гостя, они становятся на колени и восклицаютъ: при виде васъ, очи
мои просветлели; я вашъ рабъ, все мое имущество принадлежитъ вамъ. «
Гость, съ своей стороны, отвечаетъ въ такомъ-же тоне. Затемъ следуетъ беседа, подаютъ кофе, чай, шербетъ, каліюнъ. Пиршества, на
которыхъ, впрочемъ, женщины никогда не бываютъ, сопровождаются
разнаго рода развлеченіями, къ числу которыхъ принадлежатъ, вопервыхъ, пляски. Восточный человекъ никогда не позволитъ себе танцовать: это значило бы оскорбить свое достоинство; но другіе должны
развлекать его и танцами.

Пляски. Для этого на Востокѣ, есть особенный классъ людей—танцоры и танцовщицы. Танцующіе мальчики всегда носятъ длинные волосы, надушенные и изящно убранные. Ихъ щеки всегда нарумянены, если лишены румянца природнаго, а вѣки окрашены черною краскою, какъ у женщинъ. Эти танцоры ходятъ по кофейнямъ и бываютъ зазываемы и въ частные домы. Они танцуютъ съ кастаньетами, въ женскихъ одеждахъ, и танцы ихъ состоятъ въ изнѣженныхъ, часто нескромныхъ тѣлодвиженіяхъ. У богатыхъ людей есть свои танцоры. Они умѣютъ плясать и на канатахъ и вообще искусны въ фиглярствѣ.

Танцовщицы Танцовщицы ходять обыкновенно также труппами и танцують въ мѣстахъ публичныхъ. Знатныя дамы держать ихъ при своихъ гаремахъ. Съ тамбуринами въ рукахъ, онѣ танцуютъ въ очень прозрачныхъ и нарядныхъ одеждахъ. Въ Персіи этимъ ремесломъ занимаются очень хорошенькія дѣвушки. Подобныя танцовщицы ходятъ и въ Абиссиніи и Индіи. Абиссинянки танцуютъ почти полунагія, а индѣйскія танцовщицы, прозванныя португальцами баядерками, украшаются драгоцѣнными каменьями, кольцами, браслетами, тонкими, нѣжными и роскошными одеждами. Ихъ черные волосы висятъ длинными косами; грудь и шея покрыты шалями самой тонкой ткани. При дворахъ индѣйскихъ князей подобныя танцовщицы и пѣвицы содержатся труппами. Иногда баядерки танцуютъ съ мальчиками. Музыка при

этихъ танцахъ состоить въ небольшомъ барабанв, дудкв и тазв, на которыхъ играютъ мужчины. Лучшія баядерки находятся въ Бенаресъ; гордыя своей родиной, онъ проходять въ самыя отдаленныя страны. Они проводять жизнь въ танцахъ, нарядахъ и разнаго рода удовольствіяхъ. Народъ ихъ любитъ, высшая каста поддерживаетъ. Когда онъ ъдуть, въ своихъ роскошныхъ одеждахъ, на колесницъ, запряженной красивыми волами, съ меланхолическимъ пеніемъ, народъ съ удовольствіемъ смотрить на нихъ. Но ихъ танцы выходять иногда изъ границъ скромнаго изящества. Баядерки въ Дели (Delhi) носятъ коротенькія бълыя кофты, открытыя на груди и не доходящія до кольнь, - красные, по большой части широкіе шальвары, закрывающіе почти всю ногу и кольца на большомъ пальцѣ ноги. Онѣ увѣшаны колокольчиками, звенящими при каждомъ ихъ движеніи. Вокругъ таліи, на серебряномъ снуркъ съ кистями, онъ носять юбки; на головъ шитое золотомъ и серебромъ пунцовое покрывало, висящее до полу, и которымъ онъ очень ловко кокетничають, то закрывая, будто въ изнеможеніи, всю голову, то сверкая изъ подъ него черными глазами. Нъсколько повыше локтей, у нихъ на рукахъ браслеты, а на шев множество ожерельевъ. На лбу, до самыхъ локтей, виситъ локонъ, въ которой вплетенъ золотой, усаженный жемчугомъ аграфъ; а между бровями украшенный золотомъ кусокъ финифти; въ одной ноздрѣ продѣто кольцо. висящее почти до подбородка. Въ ушахъ и на пальцахъ также кольца, а на большомъ пальцѣ руки небольшое зеркальцо, вправленное въ кольцо. Ногти на рукахъ и ногахъ покрыты красною краскою. Музыканты играють и на скрипкахъ, быють въ барабаны и поють съ особеннымъ терпъніемъ.

Баядерки, посъщавшія Европу въ 1839 году году, удивляли европейцевъ быстротою своихъ туровъ, отъ которыхъ бълыя покрывала ихъ превращались въ облако пыли. Въ то же время, онъ декламировали стихи изъ національныхъ поэмъ, сопровождая свою декламацію пластическими тълодвиженіями.

Лутисы. Кромѣ танцоровъ и баядерокъ, въ Персіи есть еще другой родъ забавниковъ—лутисы (разскащики), развлекающіе разными анекдотами и желчными шутками на счетъ другихъ. Бдкость этихъ анекдотовъ иногда доходитъ до того, что лутисамъ даютъ значительные подарки, чтобъ только не подвергнуться ихъ ядовитымъ пасквилямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они занимаются и гаэрствомъ, въ которомъ они также большіе мастера. Почти у каждаго знатнаго персіянина есть своя труппа этого рода забавниковъ. Акробаты въ Персіи сводобно ходятъ по канату, нося при томъ съ собою и дѣтей.

Но индейскіе фокусники и паяцы искуснее всёхъ этого рода артистовъ. Гибкость ихъ тела невероятна. Они умеють пре дставлять всё роды замечательныхъ животныхъ; носять на себе по шести человекъ, стоящихъ по два, одни на другихъ. Иногда на одной выбритой голове стоить несколько человекъ, держась на ней только пальцами ногъ. По свисту фокусника, змен танцуютъ, ложатся

и вползають въ коробку. Проглатыванье кинжаловъ, выбрасывание огня изо рта и тому подобное извъстно всъмъ.

Бой звърей, птицъ и насъкомыхъ. Бой звърей на Востокъ, и именно въ Индіи, также въ большомъ употребленіи. Самый опасный изъ нихъ—это бой слоновъ, состоящій въ томъ, что сидящіе на нихъ погонщики гонютъ ихъ до тъхъ поръ, пока они не столкнутся одинъ съ другимъ,—причемъ и всадники легко могутъ быть раздавленными. Къ подобнымъ зрълищамъ дрессируютъ также и барановъ и перепелокъ; послъднихъ приносятъ на столъ во время пирушекъ и тутъ сводятъ ихъ на драку.

Большіе охотники до такихъ зрѣлищъ яванцы. Особенно они любять бой тигра съ большимъ длиннорогимъ буйволомъ. Для этого эр влища приготовляють арену отъ десяти до дв внадцати футовъ въ поперечникъ и окружають ее кръпкимъ заборомъ, за которымъ становятся люди съ коньями, дабы не выпустить тигра и тогда, когда онъ останется побъдителемъ. Какъ скоро буйвола приведуть на арену, яванскій племенной голова, подъ звуки туземной музыки, приближается къ клъткъ съ тигромъ, открываетъ ее, и такимъ-же шагомъ отступаетъ отъ нея, не спуская глазъ съ тигра. Тигръ выходить медленно, не охотно, уже предчувствуя свою бъду. Онъ ползеть по окружности арены, высматривая удобную минуту вспрытнуть своему врагу или на хребеть или на голову; но буйволь почти всегда первый нападаеть на него. Улучивъ минуту, тигръ однакожъ впивается ему или въ голову или на хребеть; буйволь мчится съ нимъ къ оградъ и придавливаетъ его съ такою силою, что тигръ, съ ужаснымъ, переливающимся ревомъ бросается изъ-подъ него и ищетъ спасенія въ бъгствъ, - но буйволъ уже не оставляетъ его: онъ преследуетъ съ яростію, пока или не прободаеть его рогами или не раздавить объ ограду. Если, посль перваго своего нападенія, тигръ избъгнеть пресльдованій буйвола и избътаетъ боя, то яванцы подстрекаютъ его остроконечными палками, кипяткомъ или зажженной соломой, пока съ отчаянія и въ бъщенствъ онъ снова не бросится на своего врага. Если тигръ остается побъдителемъ, то буйвола окружаютъ и подстрекаютъ къ бою до тъхъ поръ, пока онъ не бросится на толиу: тутъ его встръчаютъ конья, подъ которыми онъ и падаетъ.

Бой пѣтуховъ, причемъ и пари, также въ модѣ. Иногда сводимыхъ на бой пѣтуховъ вооружаютъ желѣзными подковками въ видѣ серпа или перочиннаго ножа. У яванцевъ такого рода бой и побѣдители на немъ удостоиваются поэтическихъ описаній и одъ. Для боя перепеловъ, выбираются обыкновснно самки; потому—что онѣ п крупнѣе и задорнѣе самцовъ. На Явѣ сводятъ на бой даже саранчу, которую подзадориваютъ къ дракѣ тѣмъ, что стеблемъ травы щекочутъ имъ головки. Смѣшно, говорятъ, емотрѣть на бой дикихъ свиней съ козлами.

Турки также охотники до подобныхъ зрѣлищъ. На большихъ празднествахъ, которые Солиманъ давалъ, въ 1529 году, по случаю обрѣзанія его трехъ сыновей, выводили трехъ львовъ на одного вепря, который, говорятъ, отразилъ ихъ всѣхъ, а послѣдняго совсѣмъ опрокинулъ.

Импровизаторы. Персидскіе вельможи доставляють себь и литературныя удовольствія, приказывая или импровизировать, или читать произведенія древнихь поэтовь. Путешественникь Жоберь описываеть одного импровизатора слідующимь образомь. Это быль посланникь багдадскаго паши при персидскомь дворь. Онь отличался тонкими чертами и кроткимь выраженіемь лица. Когда обратились къ нему съ просьбою прочесть что-нибудь, онь отказывался и нісколько минуть сиділь молча и задумчиво; но потомь началь читать стихи, предметомь которыхь быль героическій подвигь изъ битвъ Рустана и Карамана. Мало по малу, лицо его оживилось, жилы напряглись, на лиців выступиль даже поть; отдохнувь нісколько послів этого стихотворенія, онь началь пісснь изъ Гафиса. Рефрень піссни повторяли музыканты. Затімь начались пляски танцовщиць.

Сказочники. Въ кофейняхъ у турокъ нерѣдко являются сказочники, которыхъ слушаютъ всѣ посѣтители. Въ Индіи также есть этого рода импровизаторы. У Великаго могола Дельгійскаго, Орлихъ видалъ такого сказочника, который сидѣлъ у спальни своего повелителя, за легкимъ занавѣсомъ, и разсказывалъ ему сказки до тѣхъ поръ, пока моголъ не засыпалъ.

Въ Синдъ есть особенный классъ пъвцовъ. Они ходять съ цитрами и небольшими тамбуринами; ихъ пъсни монотонны и заунывны. Гдъ недостаетъ голоса, тамъ является мимика. Въ своихъ пъсняхъ они воспъваютъ событія новаго времени, даже подвиги англичанъ.

Подобные пѣвцы, совершенно сходные съ аойдами древней Греціи и трубадурами и миннезенгерами Среднихъ Вѣковъ, существуютъ и въ Кутшѣ (Cutsch). Они восиѣваютъ добродѣтели и подвиги военачальниковъ, разсказываютъ генеалогіи и исторіи владѣтельныхъ князей и тому подобное. Иногда эти пѣсни и разсказы они сопровождаютъ игрою на цитрѣ, иногда поютъ и безъ музыки. Многіе изъ нихъ принадлежатъ кастѣ браминовъ.

Джеридъ. Въ случаяхъ, наиболье торжественныхъ, даются и драматическія представленія.

Восточные жители вообще искусные стрѣлки и всадники. Эти искусства они показывають и въ особеннаго рода игрѣ, которая въ большомъ употребленіи во всей Турецкой Имперіи и въ Персіи. Игра эта называется джеридъ. Джеридъ — это толщиною въ дюймъ круглая палка, въ три, четыре фута длины, закругленная на обоихъ концахъ. Взявъ эту палку по середкѣ, одинъ всадникъ бросаетъ ее что есть силы впередъ; другой летитъ на встрѣчу и, быстро обернувшись назадъ на лошади, припавъ къ ея шеѣ, крючкомъ другой палки подхватываетъ брошенный джеридъ и снова бросаетъ его. Тутъ вся ловкость въ поднятіи джерида. Въ игрѣ этой участвуетъ нѣсколько человѣкъ и тогда она представляетъ довольно оживленное зрѣлище.

Фехтованье. Искусство фехтованья на Востокъ не развито; но стръльба съ лука у персовъ еще недавно имъла превосходныхъ стрълковъ.

Иллюминаціи. Въ торжественныхъ случаяхъ и на Востокъ употребляются иллюминаціи и фейерверки и притомъ съ значительнымъ искусствомъ. Особенно живописны иллюминаціи въ долинѣ Мекки, во время стеченія пильгримовъ; очень красивы онѣ въ Персіи, но особенно хороши въ Индіи.

Въ день рожденія государей, вельможъ и особенно пророка, на Востокѣ совершается много особенныхъ торжественныхъ обрядовъ и церемоній.

Быть семейный: Восточныя женщины. Но если мужчины на Востокъ, можетъ быть, и охотно празднуютъ рождение пророка, то женщины едва-ли имьють причины раздылять съ ними это удовольствіе. Женщины, по словамъ Магомета, не войдуть въ рай, и вообще онв ниже мужчинъ; эти слова лежатъ на нихъ тяжелымъ гнетомъ. Для жителя Востока, матеріяльная выгода выше всего (если только вѣрить путешественникамъ). Тамъ каждый живетъ только для себя, своей чувственности, и притомъ для мгновенья: будущее для него не существуетъ, оно невърно; господинъ недовъряетъ своему слугъ и на оборотъ; малъйшая выгода можетъ соединить ихъ, но также и произвести между ними вражду; друзья дома — составляютъ ужасъ, подозрѣніе, тревогу этого дома; всь и каждый подозръвають другь друга въ предательствъ: мать семейства, не увъренная въ жизни своего мужа и сына, угнетенная, трепещущая каждое мгновенье предъ подозрительностію мужа, безусловнаго судьи — замираетъ въ своихъ личныхъ тревогахъ, живетъ своими личными заботами, коварствомъ, отчаяннымъ эгоизмомъ прячеть отъ нихъ копъйку про черный день. Отецъ семейства, въ Турціи и Персіи, есть неограниченный повелитель своихъ женъ, дътей и рабовъ. За глаза о немъ говорятъ съ почтеніемъ, а возвращается онъ домой, то всё спёшать къ нему на встрёчу, цълуютъ ему руки, отирають поть съ его чела, раздъвають его; дъти молча ждутъ его приказаній; за однимъ столомъ они никогда не ъдять, и говорять съ нимъ только тогда, когда онъ обратится съ вопросомъ. При выдачь замужъ дъвушку никогда не спрашиваютъ о согласіи: это чистая продажа и купля. Чувство европейской любви на Востокъ вовсе неизвъстно.

Подробности подобнаго семейнаго быта состоять въ следующемъ.

У турокъ, сѣвероафриканцевъ, арабовъ и персіянъ, бракъ устроивается родителями. Обрученіе брачной четы совершается иногда въ ранней юности; но женихъ получаетъ право увидѣть свою жену не иначе, какъ черезъ три дня послѣ бракосочетанія (а у персіянъ и того позже). Отецъ или родственникъ, намѣревающійся женить сына или родственника, поручаетъ нѣсколькимъ женщинамъ высмотрѣть невѣсту. Сдѣлавъ открытіе, сваха описываетъ, что певѣста ея прекрасна какъ роза, душиста какъ фіалка и тому подобное. Тогда начинаются переговоры о приданомъ со стороны жениха для будущей его жены. Договоръ подписывается муллой предъ кади, и затѣмъ слѣдуетъ обрядъ бракосочетанія. Женихъ и невѣста присутствуютъ на немъ, не видя, однакожъ, другъ друга. Вмѣсто ихъ, предъ муллой, брачный обѣтъ и условія произносятъ ихъ уполномоченные. Затѣмъ, мулла читаетъ молитву; послѣ того, невидимыхъ жениха и невѣсту

Сміось.

спрашивають о согласіи, и получивь отвіть, объявляють ихъ супругами. По окончаніи обряда на невісту набрасывають принесенное женихомъ покрывало; ей дають при этомъ пахучія сімячки, которыя она, по вступленіи въ домъ жениха, должна кушать, дабы дыханіе ея, въ его присутствіи, было благоуханно; вмісті съ тімь она получаеть камфору и розовую воду. Невіста отправляется въ свое новое жилище, на лошади, со всіми своими родственницами, которыя несуть ей въ подарокъ конфекты, варенье и разнаго рода сласти. Туть она обращается къ пророку съ молитвой о счастіи. Затімъ слідуеть трехдневное праздненство, продолжающееся у богатыхъ тридцать, сорокъ дней. Иногда на подобныя праздненства теряется все состояніе *.

Отецъ также даетъ иногда приданое своей дочери; и такъ какъ она не обязана отдавать его своему мужу, то это обстоятельство иногда держитъ его въ зависимости отъ жены.

По корану, мусульманинъ имѣетъ право пріобрѣсть четырехъ жень, а по истолкователямъ корана, сколько угодно; но этимъ правомъ пользуются только не многіе. Не говоря уже объ экономическихъ невыгодахъ многоженства, многіе мусульмане, на основаніи опыта, убѣждены, что единоженство во всяковь случаѣ лучше многоженства. Мужъ между двумя женами—все равно, что затылокъ между двумя палками, — говоритъ турецкая пословица. Такой взглядъ обнаруживается и въ томъ, что на Востокѣ, въ среднемъ сословіи, рѣдко встрѣчается многоженство. Вѣчная вражда и притязанія женъ требуютъ рѣшительно отдѣльныхъ жилищъ для каждой. Наибольшая часть женъ дѣлаютъ даже формальный договоръ, чтобы мужъ не смѣлъ жениться ни на одной женщинѣ до тѣхъ соръ, пока ихъ брачные узы не будутъ расторгнуты разводомъ.

Многоженство. Впрочемъ, турки, иногда изъ одного тщеславія, чтобъ только казаться человікомъ зажиточнымъ, женятся на многихъ.

Женщины у всёхъ народовъ многоженныхъ, содержатся въ гаремахъ, подъ строгимъ надзоромъ черныхъ и бёлыхъ стражей. Чёмъ значительне женщина, тёмъ строже надзоръ. Выходя изъ дому, каждая женщина должна закрываться покрываломъ.

Но когда богатая женщина идеть въ баню, или куда бы-то ни было, то впереди ея идуть евнухи, вооруженные палками, и приказывають мужчинамъ сворачивать съ дороги. Въ Персіи эти стражи вооружены заряженными ружьями, и имѣють право стрѣлять по всякому, кто осмѣлился-бы не повиноваться ихъ приказанію. Малѣйшее подозрѣніе, что вы всматриваетесь въ женщину съ дерэкимъ намѣреніемъ, и—на

^{*} Въ Персіп это дѣлается нѣсколько пначе, хотя въ сущности и здѣсь бракъ остается такою -же неизвѣстностію и продажею, какъ и въ Турціи. Обрядъ бракосочетанія совершается въ гаремѣ невѣсты; но отъ жениха она также скрыта за занавѣсами; а по окончаніи обряда онъ можеть ее взять когда угодно, что бываеть обыкновенис не раньше мѣсяца. Hist. Pitt. des voyages, etc, par L. E. Hatin. III, p. 299.

18 . Смъсь

васъ направлены ружья, — такъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ нѣ-которые путешественники, хотя далѣе мы увидимъ и противорѣчащія тому замѣчанія.

Восточная женщина, за исключеніемъ персіянокъ, рѣдко выходитъ изъ дому; бани есть въ каждомъ порядочномъ домъ, а визиты она принимаеть только отъ родныхъ. Постоянно оставаясь въ гаремъ, она занимается только своими дътьми, нарядами и хозяйствомъ; остальное время или ничего не делаеть, или курить трубку, пьеть кофе, занимается визитами. Читать умфють только немногія, а писать — составляеть величайшую редкость. Онъ умьють шить и вязать, усаживать блестками свои туфли и бренчать на какомъ-нибудь инструменть, напримъръ на тамбуринъ, дълать конфекты и шербетъ; но и этимъ занятіямъ предпочитають лежать на соф в перебирать пальцами розовый в нокъ: для нихъ все делають невольницы и слуги. У многоженныхъ каждая имбеть свое отдельное хозяйство, столь, прислугу и такъ далбе. Гаремъ всегда отділень оть мужской половины-оть саламика, какъ говорять турки: но связанъ съ последнимъ, комнатами, ключъ къ которымъ хранится у самаго мужа. Прислуга последняго не иметъ къ нимъ никакого доступа; даже родственники мужескаго пола входять туда только по большимъ правдникамъ. Въ гаремъ никогла нътъ комнатъ на улицу, а если и случаются, то забиты решетками.

Мивнія о положеніи женщинт на Востоки. Не смотря, однакожъ, на всё эти стёсненія, восточныя женщины, по увёренію нёкоторыхъ путешественниковъ, вовсе не считаютъ себя существами угнетенными. Это утверждаетъ, напримёръ, Жоберъ. Подобное замёчаніе отчасти объясняется многими обстоятельствами, и именно тёмъ, что восточныя женщины, уже съ самаго дётства, приготовалются къ подобному заключенію самымъ воспитаніемъ. Нравственныхъ потребностей, повидимому, у нихъ нётъ никакихъ; ихъ материнское чувство удовлетворяется присутствіемъ дётей, которыхъ восточныя женщины кормятъ сами; все матеріяльное въ гаремахъ доставляется имъ готовое и въ изобиліи. Все это можетъ, говоримъ, отчасти объясиить означенное замёчаніе Жобера.

На подобныхъ фактахъ основалъ свои отчасти странныя замѣчанія о положеніи восточныхъ женщинъ и г. Ковалевскій: *

«Нѣкоторые французскіе писатели распространили мнѣніе — говорить онь, — что необразованность, фанатизмъ и нетерпимость на Востокъ зависять премущественно отъ отсутствія изъ общества женщинь, ихъ заточенія, невольничества. Постараемся доказать неосновательность такого мнѣнія, в

Прежде чемъ пойдемъ дальше, заметимъ на это, что, сколько намъ известно, ни одинъ писатель не высказалъ подобнаго мненія: ни восточнаго фанатизма, ни нетерпимости, ни необразованности никто не

^{*} Путешествіе во Внутреннюю Африку Е. Ковалевскаго и проч. Ч. 1. Гл VI, етр. 75 — 76.

Смись. - 19

принисываль преимущественно отсутствію женщинь изъ общества. Отсутствію этому приписывають изв'єстнаго рода грубость, и чувственность настроенія восточнаго духа вообще: образь женской красоты, такъ могущественно поддерживавшій благородныя черты въ дух'є Средникъ В'єковъ—мужество, великодушіе, честность, вообще стремленіе къ подвигамъ и д'єламъ благородства, безъ сомніснія, не можеть быть такъ силенъ тамъ, гді этотъ образь, во-нервыхъ, вічно скрытъ въ стінахъ гарема или подъ нокрываломъ, и, во-вторыхъ, во всякомъ случать можеть и должент быть купленъ только цюною золота, а не добродітелями.

«Но, возражаеть далье г. Ковалевскій — во-первыхь, женщина на Востокь не невольница: это пора-бы узнать по крайней мьрь тьмь, кто берется о ней писать, развы названію невольницы придадуть слишкомь обширное значеніе. Она выходить или выбажаеть изь дому, смотря по ея состоянію, когда кочеть, посыщаеть бани, базары, дылаеть визиты своимь пріятельницамь, не спросясь мужа, и конечно безь него; потому-что выйти въ сопровожденій мужчины ей также предосудительно, какь у нась выйти безь мужчины, одной. Это предубъжденіе, предразсудокь, какь и всякой другой, безь значенія и послыдствій. Болье, мужь, увидывь у порога комнаты своей жены папуши посытительниць, не смыть войти въ компату, ни спросить обы имени гостей... (да только не изъ деликатности, — прибавимь мы). Женщину въ гаремь окружаеть возможное довольство, даже роскошь, если мужъ богать. Мужъ жертвуеть всымь для украшенія гарема, яъ которомь онь проводить большую часть свободныхъ часовь.

Всв эти замвчанія совершенно справедливы: женщина на Востокв вовсе не невольница, въ худінемъ смысл'є этого слова; мы видимъ не только изъ свидътельства г. Ковалевскаго, но и изъ другихъ писателей, что она можеть выходить изъ дому куда ей угодно, только не въ общество мужчинъ; въ гаремъ она окружена довольствомъ, почти ничъмь не занята, и такъ далье; но не менье того извыстно и то, что все это зависить безусловно от воли мужа; а мы знаемъ, каковъ долженъ быть мужъ восточный человъкъ: мы знаемъ, что въ нъкоторыхъ домахъ даже кушанье подается въ гаремъ посредствомъ особеннаго отверстія. По самому корану, если жена подозрѣвается въ измѣнѣ, и это подтверждено будеть четырьмя свидьтелями; то мужъ можеть заключить её въ своемъ дом' до самой ся смерти Непокорныхъ женъ коранъ нозволяетъ укрощать побоями *. По суннъ, всякая подобная женщина должна быть побита камнями; за то и мужъ, несправедливо обвиняющій свою жену въ подобномъ преступленіп, не представившій на то четырехъ свидътелей, подвергается жестокому тълесному наказанію; впрочемъ на этотъ разъ для него есть лазейка - пять разъ повторенная клятва, - доказательство, которымъ можетъ защититься и жена; въ

^{* &}quot;Les Livres Sacrés de l'Orient" etc., par G. Pauthier. Le Koran, chap. IV, v. 19 et 38.

случав подобнато равенства доводовъ, двло кончается разводомъ *. Путешественники двлаютъ, по поводу этого вопроса, другія замвчанія, которыя мы приведемъ далве, — и которыя, впрочемъ, нисколько не измвняютъ сущности лвла: всв подробности этихъ законовъ, равно какъ и преувеличенныя, можетъ быть, замвтки путешественниковъ, даютъ намъ полное право сказать, что если восточная женщина и пользуется матеріяльными выгодами, а при взаимности мужа и моральными, семейными удовольствіями, то большинство ихъ поставлено отъ него въ такую зависимость, которую трудно обозначить другимъ названіемъ, кромв невольничества.

Что касается до дальнъйшихъ замьчаній г. Ковалевскаго, относительно невыгодъ европейскихъ женщинъ, посвятившихъ жизнь свою обществу, то они такъ неумъстны и новерхностны, что не стоять и опроверженія, — (что впрочемъ, нисколько не опровергаетъ достоинствъ «Путешествія во внутреннюю Африку»). Что такое, напримѣръ, следующія слова русской писательницы-девушки: "Ни одно существо такъ не связано и не порабощено приличіемъ, какъ дівушка и ни на комъ не лежитъ такъ тяжело карающая власть свъта. Она обязана жить беззаботно и улыбаясь, тогда какт она живетт безт пользы себь и другимъ, безъ цьли, безъ занятій. в Но ктожъ отъ васъ требуеть жить беззаботно, улыбаясь и безъ пользы себь и другимъ? Напротивъ, в отъпвасъ скорбе всего желаютъ порядочныхъ заботъ (улыбки предоставляются: на вашу добрую волю: онъ ничему не мъщають), отъ васъ желають благородныхъ цёлей и занятій, благородной пользы себъ и другимъ (если вы достигли такого возраста, что уже можно пожелать отъ васъ пользы и другимъ). Слышать отъ дъвушки подобнаго рода жалобу нисколько не странно-молодость чего не вообразить? Это даже хорошо въ устахъ девушки, потому-что показываеть, можеть быть, желаніе, стремленіе ділать что-нибудь хорошее (только укажите); а можеть быть, все это сказано было просто въ минуту сильнаго припадка особеннаго рода безотчетной тоски, по поводу нъжныхъ воспоминаній о комъ-нибудь изъ злодьевъ этого ужаснаго свъта; какъ-бы-то ни было, а едва-ли спреведливо замъ чние г. Ковалевскаго, что «слова эти не простыя фразы, а фактъ, который (будто-бы) сердце вписало въ протоколъ женскаго приговора ... в Возвратимся, однакожъ, еще къ подробностямъ положенія женшинъ на Востокъ.

Жена никогда не объдаеть вмъсть съ мужемъ, но или съ его матерью или съ сестрою, живущею въ его гаремъ. Но если онъ объдаетъ одинъ, безъ отца или друзей, то жена исполняетъ за его объдомъ должность служанки — подаетъ ему объдъ, а послъ объда воду для мытья рукъ, трубку и кофе.

Наказанія за нарушеніе правственности. Уже изъ гаремнаго образа жизни мы должны заключить, почему нарушеніе супружеской вър-

^{*} Подробности объ этомъ въ вышеприведенной книгв.

ности на Востокъ очень ръдко, какъ это подтверждается путешественниками; но если-бъ оно случилось, то мужъ имъетъ право наказать виновницу или въчнымъ заключеніемъ, или смертію. Въ древнія времена Востокъ былъ въ этомъ отношеніи снисходителенъ: но теперь подобныя преступленія преслъдуются жестоко. Въ Константинополь преступныхъ женщинъ, бросаютъ въ мъшкъ, съ тяжелыми камнями, въ море. Тоже случается и съ женами

Въ Персіи въроломныхъ женъ также зашиваютъ въ мѣшокъ и, съ вершинъ высокихъ башенъ, разбиваютъ въ дребезги ... и это безъ всякаго судебнаго изслъдованія, по воль одного мужа: въ подобныхъ случаяхъ онъ одинъ — обвинитель, судья и исполнитель приговора.

У туркомановъ виновныхъ въ подобномъ, преступленіи можетъ убить на мѣстѣ преступленія каждый человѣкъ свободнаго состоянія; но подобные случаи у нихъ очень рѣдки*.

Не смотря, однакожъ, на всѣ означенныя стѣсненія и униженія, не смотря на нравственное ничтожество всего Востока, по увъренію путешественниковъ, восточныя женщины далеко не такъ глупы, какъ это следовало - бы предположить, на основании общихъ нашихъ понятій о развитіи ума. По ув'тренію Жобера, наприм'трь, онъ очень любезны и кротки. Багдадскія женщины высшаго класса, по большей части, впрочемъ, лучшей кавказской породы — грузинки, черкешенки и мингрелянки — отличаются умѣньемъ поболтать, и хорошо владъють турецкимъ и арабскимъ языками. Индіянки считаются хорошими хозяйками. Но все это нисколько не опровергаетъ ихъ нравственнаго ничтожества. Египтянки, аравитянки, турчанки и персіянки средняго и высшаго сословій не занимаются даже хозяйствомъ. Онъ въчно окружены талисманами, амулетами, гаданіями, и тому подобнымъ. Муллы пользуются ихъ суевъріемъ неограниченно. «Персидскія дамы погружены въ чрезвычайное невъжество; ихъ не учатъ даже ни читать, ни шить. Трудно сказать, въ чемъ онъ проводять время до той поры, пока не сдълаются матерями. Большую часть дня онв проводять за туалетомъ; остальное время сидять на коврахъ у оконъ, подъ которыми устроены бассейны или фонтаны, курять каліюнь, пьють кофе, пока не станеть прохладнье; тогда онь отправляются въ какой-нибудь загородній садъ, всетаки подъ чадрой (покрываломъ) которой онъ не смъють открывать ни подъ какимъ предлогомъ: ибо женщины въ Персіи, вопреки господствующему въ Европъ мнънію, пользуются большею свободою, нежели гдф-либо. Къ ихъ чести, должно замътить, что онъ прекрасныя матери; онъ никогда не поручають своихь дътей мамкамъ и держать ихъ подъ своимъ надзоромъ до 10 и 12 лѣтъ. " ** Вообще

^{* «}Voyages nouveaux par mer et par terre» etc. par Albert Montemont, III, p. Conolly, pag. 182.

^{** &}quot;Hist. Pittor. des voyages" etc. par L.E. Hatin. 3 p., 208.

22 Смись.

положение персидскихъ женщинъ, по словамъ путешественниковъ, несравненно лучше положения женщинъ въ Турции. И ихъ гаремы отдълены отъ прочихъ жилищъ и окружены стънами; но гаремы богатыхъ людей, — это по выражению Гатэна, прекрасный садъ, украшенный превосходными цвътами, фруктами и прелестный женщинами. Здъсь-то персиянинъ оставляетъ свою оффициальную важность, среди домашней жизни.

Число жень у персовь, по видимому, не ограничивается четырьмя, какъ того требуеть исламь. * Можеть быть, это происходить отъ того, что персіянки ни мало не уступають въ красоть грузинкамь и черкешенкамь, такъ прославляемымь всьми путешественниками. Онь большаго росту, тонки и стройны (élancées) и превосходно сложены; ихъ кожа необыкновенно была; лобъ высокій и былый, глаза большіе и черные, съ длинными рысницами, брови черныя и умфренно густыя; ротъ необыкновенно маленькій; зубы, не смотря на каліюнь, необыкновенной былизны; волосы черные; вообще, всь черты персіянки отличаются благородствомъ и достоинствомъ (d' un air de noblesse et de dignité) — свойства, замыченныя почти у всыхъ восточныхъ женщинь. Только нарядь ихъ нысколько безобразень, а особенно панталоны, которые ничымь не отличаются отъ мужскихъ и такъ набиваются ватой, что ноги ихъ получають видъдвухъ безобразныхъ колоннъ. Попечение о домижь. Особенный высь пріобрываеть жена съ рожде-

ніемъ сына. О рожденій сына доносять отпу, въ Турціи и Персіи, торжественнымъ образомъ; родственники и друзья приносяти ему подарки, на которые онъ отвъчаетъ тымъ-же. Бабка, прочитавъ ребенку на ухо: «нъть Бога кромъ Бога, Магометь пророкъ, а Али намъстникъ его», беретъ саблю и начертываетъ ею, на ствиахъ комнаты, разныя линіи; одинъ изъ присутствующихъ спрашиваетъ, что она дълаетъ. Бабка отвъчаетъ: «я пролагаю дорогу для матери ея сына, чтобы ни одинъ злой духъ не безпокоилъ матери и сына. » Матери кормять детей грудью иногда до трехъ-летняго возраста. Вообще мальчиковъ кормять грудью долее девочекъ; но материнское невъжество, особенно въ Египтъ и Сиріи, иногда занъживаетъ ихъ на смерть. Персіянки почти всегда держать ихъ закутанными въ пеленки, и рѣдко ихъ моютъ, а руки и волосы окращиваютъ въ краску. Пуще всего берегутъ ребенка отъ злаго глазу; для этого на шею и къ шапкъ ребенка пришивають или привязывають бирюзу, цвъть которой считають за лучшее средство противъ дурнаго глазу. Для предотвращенія отъ дітскихъ болізней, къ шанкі ребенка пришивають мъшечки, въ которые зашивають стихи изъ корана. Если ребенокъ заболветъ послв чьей-нибудь похвалы, то это вначить, что его сглазили; и въ такомъ случав, надо взять кусочекъ изъ его бълья; сжечь его съ крессовыми зернышками и обойти нъсколько разъ кругомъ дитяти, окуривая этой тряпкой. У богатыхъ персіянь діти поручаются и мамкамъ; съ двухъ-літняго возраста, для

^{*} Тамъ же.

Смись. 23

мальчиковъ избирають калеха — наставника и дядьку; а для дъвочекъ гувериантку или няньку. Но у турокъ къ мамкамъ обращаются только во время бользни матери. Мамки пользуются уваженіемъ. Многія дамы поручають имъ своихъ дътей только на ночь.

Дъвочки живутъ въ гаремѣ, а мальчики съ отцемъ, раздѣляя съ нимъ и его занятія. На улицахъ, въ восточныхъ городахъ, вы не увидите бѣгающими ни мальчиковъ, ни дѣвочекъ. Въ Египтѣ и Сиріи ихъ занѣживаютъ иногда на смерть, но въ Меккѣ выносятъ на воздухъ чаще и вообще воспитываютъ строже Постоянное обращеніе съ взрослыми, бесѣда съ ними. сообщаютъ мальчикамъ на Востокѣ то раннее развитіе, то серьёзное настроеніе, которое удивляетъ всѣхъ европейскихъ путещественниковъ. О школьномъ образованіи скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ Персіи дають имена слідующимь образомь: пригласивь друзей и муллъ на пиръ, приносять во время стола и новорожденнаго, и отдають его на руки одному изъ мулль. Отецъ предлагаеть пять именъ, написавъ ихъ на лоскуткахъ бумаги. Эти пять кусковъ кладуть въ коранъ, каждый отдельно, или подъ край скатерти или ковра. Потомъ читають первую суру корана, посл'в которой отець вынимаеть бумажку и вынутое на ней имя принадлежить новорожденному. Мулла береть дитя и новторяеть ему на ухо имя, а карточку заматываеть въ пеленки. При этомъ, новорожденный получаетъ разные подарки отъ родныхъ. Затъмъ убиваютъ агненка, варятъ уху, кости зарываютъ, приглашають родныхъ, друзей и даже уличныхъ нищихъ: не фдять этой ухи только отецъ и мать новорожденнаго. По окончании пира, отецъ опять вырываетъ кости и закапываетъ ихъ близъ какого-нибудь ручья или на берегу ръки. Иногда, по случаю какого-ньбудь несчастія, мать делаеть объть не обрызывать волось дитяти до извыстнаго возраста, а иногда и на цълую жизнь.

Обрядъ обрѣзанія совершается между 4—13 годами, съ большою торжественностію. Мальчиковъ укращають въ этомъ случав золотомъ и драгоціньюми каменьями, сажають на красивую, покрытую богатою сбруей, лошадь, которую ведуть два невольника; два другихъ идутъ по бокамъ, возлів мальчика, поддерживая его. Впереди вдеть закутанный всадникъ, за которымъ идетъ нівсколько человікть, вооруженныхъ длинными палками, которыми они фехтують, стараясь нанести другь другу удары въ лицо. За ними идуть музыканты съ барабанами, свистками, волынками. Ближайшія друзья дома идуть позади этого эскорта. Мальчики взрослые вдуть обыкновенно скрестя руки на груди и кланяясь на обів стороны зрителямъ. Послів обрѣзанія, они получають право носить чалму.

Вообще женщина, по идеалу восточнаго челов вка, должна быть стройна и гибка какъ пальма или кипарисъ; волосы у нея должны быть густые и черные какъ ночь или какъ воронье крыло, писпадающіе густыми природными кудрями, благоуханными какъ амбра или алоэ, пли рововая вода; глаза пронзительныя какъ стрвлы острые, какъ мечи, иногда глаза дввушки сравниваются у нихъ съкроткими глазами газели; иногда съ

нарциссами и тому подобнымъ. Ихъ румянецъ сравнивается съ розами цвътущими апелсинами и гранатовыми яблоками. Шея, бълая и гордая, какъ у газели, будто выточенная изъ слоновой кости; уста коралловые, зубы блестящей бълизны.

Омовеніе и бани. Для достиженія всего этого, употребляются, во-первыхъ, бани. Всв восточныя религіи предписывають омовеніе тела какъ священную обязанность. Предъ совершеніемъ молитвы, магометанинъ обязанъ омыть себъ голову, лицо и руки по локти, а ноги по косточки. Еженедъльно, или по крайней мъръ чрезъ каждые сорокъ дней, онъ долженъ омыть все тело, обрезать волосы и ногти. Оттого на Востокъ въ каждомъ мъстечкъ есть публичныя бани. Постройка ихъ разнообразна, начиная отъ самой простой до великолъпной и роскошной, какъ напримъръ, въ Бруссъ, Триполи, Константинополъ. Хорошія бани обыкновенно устраиваются следующимъ образомъ. Первая комната или зала, въ которой раздъваются, бываетъ велика и очень высока; окна вверху; вдоль стънъ идутъ возвышенія, раздъленныя перилами, на которыя всходять по несколькимь ступенькамь. Иногда, если зала очень широка, рядъ такихъ возвышеній расположенъ и по срединь, параллельно боковымъ, иногда по срединъ залы только фонтанъ. На возвышеніяхъ лежать тюфяки. Вверху залы висять нісколько тонкихъ полотенцевъ. На полу, обыкновенно каменномъ, множество деревянныхъ, довольно высокихъ сандалій съ ремнями, прикрѣпленными къ верхней ихъ части, въ видъ полукруга; въ полукругъ этотъ продъ WHITE OF BUILDINGS TO вается нога.

Послѣ передней залы, слѣдуеть небольшая комната (или иногда широкій корридоръ), которая не топится, но бываетъ уже довольно тепла отъ сообщенія дверью съ самою банею; въ комнать этой ньтъ никакихъ украшеній, ни приборовъ. За нею следуетъ баня-обыкновенно круглая или осмиугольная зала съ куполомъ, въ который, въ круглыя отверстія, вставлено десятка два-три цвътныхъ стеколь, им'ьющихъ виды полушарія; проходящій сквозь нихъ свътъ довольно слабъ. Посреди залъ одно и у ствиъ обыкновенно четыре возвышенія, въ полъ-аршина отъ полу; стоящее посрединъ кругло или осмиугольно и болье сажени въ поперечникъ; а боковыя четвероугольны и такой величины, что на нихъ удобно можетъ помъститься взрослый человікь. Въ одномъ или нісколькихъ містахъ, изъ стіны выдаются краны съ теплою и холодною водою; подъ краномъ, къ полу придѣланъ небольшой бассейнъ, выдолбленный въ видъ полушарія, около полуаршина въ поперечникъ. Для стока воды, полъ имъетъ жолоба, выходящіе сквозь стіны наружу. Въ хорошихъ баняхъ, полъ, возвышенія, бассейнъ, все изъ бълаго мармора; въ иныхъ марморомъ покрыты самыя ствны; въ иныхъ, возлъ ствнъ, поставлены купальни, также марморныя. Къ главной банъ примыкають двъ или четыре меньшія, отличающіяся отъ нея тімь, что въ нихъ возвышенія только при стівнахъ, а не посерединъ.

Бани топятся снизу; для этого отъ печи проводятся трубы подъ полъ, какъ главной бани, такъ и боковыхъ. Полъ нагръвается такъ Смысь. 25

сильно, что по немъ можно ходить только въ деревянныхъ сандаліяхъ. Возвышенія, на которыхъ моются, также бываютъ иногда очень горячи, и тогда на нихъ кладутся, во всю длину и ширину, деревянныя, сплоченныя вмѣстѣ доски.

Во многихъ мѣстахъ Анатоліи, какъ въ селеніяхъ, такъ и отдѣльно есть минеральноводныя бани. Лучшія изъ нихъ, по постройкѣ, брусскія, построенныя цѣликомъ изъ мармора.

Приходящій въ баню разд'вается въ передней зал'ь, на одномъ изъ возвышеній, опоясывается вокругь тела поданнымъ ему широкимъ кускомъ бумажнаго холста, надъваетъ деревянныя сандаліи и отправляется въ мойную залу; почетныхъ посътителей вводить туда подъ руку одинь изъ баньщиковъ. Мытье продолжается часъ, два и боле. Восточные баньщики (въ Египтъ по большой части черные мавры) моють съ особенными пріемами, неизв'єстными въ Европ'в. Они постепенно распаривають тело моющагося, растирають его сперва слегка, потомъ сильно вытягивають члены его въ составахъ и жмуть самымъ искуснымъ образомъ, даже садятся и ложатся на него, и вообще обходятся съ особою правовърнаго какъ прачки съ бъльемъ. Для уничтоженія волосъ на тыль, употребляють порошокъ негашеной извести съ аврипигментомъ (краской) и водой. Когда порошокъ подбиствуетъ, такъ что волосы станутъ выходить свободно, то нарильщикъ порощокъ этотъ немедленно смываеть, пока такосты его не впилась въстело. По окончанін мытья, гостя укутывають съ головы до ногь полотенцами, которыя нигдъ не завязываются узлами, но складываются такъ искусно, что очень плотно обхватывають тело и никакъ не падають; туть баньщикъ ведетъ его подъ руку въ переднюю залу и, хлопаньемъ другой руки о бока свои, даетъ знать о приближеніи вымывшагося. Его ведуть на занятое имъ возвышеніе, кладуть завернутаго въ полотенца на тюфякъ, покрытый простынею, покрывають другою простынею и подають ему чашку кофе и трубку. Полежавъ съ часъ, гость од вается, вышиваетъ еще чашку кофе и уходить. Въ Египтъ все это стоитъ гроща три.

Женщины ходять въ бани, особенно въ минеральныя, въ извѣстные дни, въ которые, разумѣется, мужчины не могутъ туда показаться. Тогда предъ входомъ въ бани развѣвается кусокъ какой-нибудь ткани, знакъ, что мужчинамъ входъ въ баню воспрещенъ. Часто, знакомыя между собою, отправляются въ бани съ утра на цѣлый день. Въ передней залѣ, онѣ отдыхаютъ послѣ мытья, завернутыя въ простыни, обѣдаютъ здѣсь, пьютъ кофе, поютъ, играютъ на тамбуринахъ, и опять моются, и возвращаются домой не прежде вечера.

Во многихъ домахъ дѣлаются частныя бани, внутри самаго строенія, при одной изъ комнатъ дома; это крошечная комнатка, иногда такая тѣсная, что въ ней можетъ помѣститься только одинъ человѣкъ, и то сидя. Въ этихъ частныхъ баняхъ дѣлаются омовенія, предписанныя закономъ; но мыться настоящимъ образомъ ходятъ въ публичныя, потому что въ первыхъ недостаетъ ни теплоты, ни простора. Только у богатѣйшихъ людей частныя бани бываютъ довольно просторны и хорошо устроевы.

Украшенія. Окрашиваніе тьла. Къ числу собственно украшеній относится, во-первыхъ, нафабриваніе бровей (коголемъ), бѣлилы и румяны, которыми, по-краней-мѣрѣ въ Дамаскѣ, женщины покрываютъ все лицо. Аравитянки и курдскія женщины окрашиваютъ себѣ губы голубою краскою; а руки, поги и погти желтою. Въ Багдадѣ женщины ходятъ большею частію босыя, и окращиваютъ руки и ноги желтою, а ногти черною краскою.

Татуировка. Татуировка лица, рукъ и другихъ частей тѣла общеупотребительна между всѣми арабами. Женщины татуируютъ себѣ даже грудь, которую онѣ обнажаютъ совершенно, между-тѣмъ какъ лицо только полуоткрываютъ. На груди онѣ дѣлаютъ разные темноголубые рисунки, — напримѣръ: пальмовое дерево вдоль на груди, а на каждой груди по одной звѣздочкѣ.

Прическа. Мужчины на Востокъ оставляють на головъ только пучекъ волось, и именно на макушкъ, а женщины носять длинные волосы. Восточные поэты часто воспъвають ароматическіе волосы своихъдамъ. Этотъ аромать, равно какъ черноту и блескъ сообщаеть имъ особенная помада. У дъвушекъ волосы разсынаются свободно по плечамъ, а замужнія заплетають ихъ въ двѣ и три косы, вплетая въ нихъ иногда ленты и золотыя монеты. Персіянки заплетають свои волосы въ нѣсколько десятковъ косъ, изъ которыхъ половина связывается на маковкъ, а остальные разсыпаются свободно. По двѣ косы всегда опускаются съ каждой стороны лица на грудь.

На кольца и привъски разнаго рода, особенно въ Персіи, дамы издерживають очень много. Чалма у персіянокъ всегда украшена драгоцівными камнями, иногда чрезвычайно дорогими: ибо Персія есть страна драгоцівныхъ камней, какъ замічаетъ Морье. Не только пояса, но даже полотенца и носовые платки персіянки украшаютъ золотомъ, жемчугомъ и разными драгоцівными камнями. Ушныя кольца ділаются обыкновенно изъ драгоцівныхъ камней. Аравитянки прокалываютъ въ своихъ ушахъ какъ можно больше дырочекъ, привішивая въ нихъ серебряныя и золотыя кольца. У курдовъ, равно какъ и въ Месопотаміи, Персіи и Индіи, серьги носятъ и мужчины; у турокъ это ріже.

Въ Египтъ, Багдадъ, Персіи и Индіи женщины носять кольца и въ носу; у индіянокъ эти кольца дълаются иногда изъ голубаго и чернаго стекла.

На пальцахъ и кистяхъ руки, иногда даже и на большихъ пальцахъ ногъ и у косточекъ, носятъ металлическія кольца, украшенныя драгоцівными камнями. Вензеловыя кольца носятъ и турки, но только изъ простыхъ металловъ и серебра, ибо, по корану, мусульманинъ не долженъ носить драгоцівныхъ камней. Вельможи, улемы и всі благочестивые мусульмане носять эти кольца не на пальцахъ, а въ карманахъ жилетовъ. Въ Малой Азіи на этотъ счетъ уже меніве строгости; а въ Персіи и Инділ ношеніе колецъ составляетъ общій обычай.

Браслеты извъстны на Востокъ съ незапамятныхъ временъ. На ниневійскихъ намятникахъ мы видимъ знатныхъ людей, у которыхъ Сміьсь.

27

объ руки, отъ плечъ до оконечностей, украшены дорогими и искусно сдъланными браслетами и кольцами. Турчанки, персіянки и индіянки носять очень дорогіе браслеты на рукахъ и ногахъ. Драгоцѣннѣйшіе въ мірѣ, браслеты принадлежали недавно персидскому шаху; онъ носиль ихъ на верхней части руки поверхъ одежды. Одинъ изъ нихъ украшенъ величайшимъ въ свѣтѣ алмазомъ куги-нуръ (гора свѣта), а другой другимъ алмазомъ—деріехъ-нуръ (море свѣта). Оба они отняты Надиръ-шахомъ у Магоммедъ-шаха во время завоеванія Дели (Delhi). Гора свѣта принадлежитъ теперь Великобританіи.

Шею и грудь восточныя женщины украшають разными предметами, доставляемыми изъ Европы, особенно изъ Венеціи, въ Сѣверную Африку, Египетъ, Константинополь, Сирію и другіе страны. Ожерелья знатнѣйшихъ турчанокъ, персіянокъ и индіянокъ дѣлаются большею частію изъ благородныхъ металловъ, чистаго жемчугу и драгоцѣнныхъ камней.

Обыкновенную домашниюю одежду восточныхъ женщинъ, особенно турчанокъ, составляютъ широкія шальвары, коротенькая рубашка, поверхъ которой надѣваются коротенькія и длинныя кофточки. Покрывала, которыми онѣ обыкновенно закрываютъ все лицо, выходя изъ дому, бываютъ различныхъ цвѣтовъ: въ Египтѣ и Персіи голубыя, въ Мосулѣ изъ лошадиныхъ волось. Шнуровокъ не носятъ.

Между Бейрутомъ и Дамаскомъ графиня Ганъ-Ганъ (Orient. Briefe II, 8) видѣла на головахъ женщинъ деревянные конусы, прикрѣпляемые къ головѣ посредствомъ деревянныхъ пружинъ, причиняющихъ такую боль, что нѣкоторыя женщины не рѣшаются по этому даже снимать ихъ на ночь.

Бороды. Мужчины на Восток очень занимаются своими бородами, которыя, впрочемъ, носятъ не всв правовърные; усы носятъ всв. Пильгримы, идущіе въ Мекку, должны отпускать бороду подлиннъе. Носить бороду въ Турціи воспрещается вижнимъ чиновникамъ, лавочникамъ, домашнимъ служителямъ, и придворнымъ служителямъ султана, наконецъ нъкоторымъ отрядамъ солдатъ. Турокъ посвящаетъ своей бородъ каждое утро нъсколько времени: онъ обръзываетъ ее, расчесываетъ, вспрыскиваетъ розовою водою и окуриваетъ деревомъ алоэ. Каждый носитъ при себъ для бороды гребень, у вельможъ золотой или серебряный. Съдоволосые расчесываютъ свою бороду свинцовымъ гребнемъ. Отпустившій бороду однажды, уже не имъетъ права сбрить ее. Старики съдую бороду свою подкрашиваютъ, иногда, въ русую или желтую, но это мусульмане порицаютъ.

Молодые люди въ Турціи отпускають бороду только женившись; но въ Персіи этого срока не соблюдають. У нерсіянь борода считаєтся тімь лучше, чімь она черніе и гуще, а для этого блондины, которыхъ между армянами, курдами и абербейджанами много, бороды свои чернять. Молодежь истребляеть бездну помады и мазей для скорішаго ращенія бороды. Персіяне для своихъ бородь также носять сь собою въ кармані гребни и зеркала. Зеркала на Востокі большею частію круглыя и ділаются изъ серебра и другихъ металловъ.

Одежда. Что касается далье до другихъ частей восточнаго туалета, то, во-первыхъ, одежда на Востокъ также разнообразна какъ и климатъ.

Такъ, напримъръ, на малабарскомъ берегу въ Бенгаліи ходятъ большею частію безъ одеждъ, только съ передникомъ спереди и съ платкомъ на головъ. Малайцы на Суматръ носятъ коротенькіе штаны, едва достающіе до половины ноги, изъ красной или желтой тафты, и длинный камзолъ. Индъйцы, вмъсто этихъ штановъ, обвертываютъ свои ноги длинными кусками мусселину, поверхъ котораго носятъ такой-же прозрачный кафтанъ съ множествомъ складокъ. Почетная одежда, которою индъйскіе принцы награждаютъ своихъ подданныхъ, состоитъ въ коротенькомъ распашномъ кафтанъ безъ воротника и съ узкими рукавами.

Вообще восточные люди любять въ своихъ одеждахъ пестроту, а особенно красные и желтые цвъта; зеленый цвъть принадлежить потомкамъ пророка. Длинная и богатая одежда, въ глазахъ восточнаго человъка, считается достойною и приличною; только рабочій классъ носить коротенькіе штаны и коротенькіе балахоны. Модъ на платье на Востокъ нътъ: восточный человъкъ любить старину.

Сапогъ на Востокъ не употребляютъ. Индъецъ носитъ сандаліи или туфли, съ загнутыми вверхъ носками. Персы и турки носятъ башмаки изъ тонкой кожи, съ тонкими подошвами. Только татары, при отправленіи должности курьеровъ, носятъ сапоги съ толстыми подошвами и желъзными подковами. Чулки носятъ.

Полы во всѣхъ домахъ и другихъ зданійхъ покрываютъ рогожками, и потому при входѣ въ мечеть или въ комнату, башмаки обыкновенно снимаютъ и ставятъ у порога. Башмаки алеппскіе надѣваются и снимаются также легко, какъ туфли, и бываютъ обыкновенно или желтые или голубые, съ острыми носками, и подбитые гвоздями и подковами. Арабскіе башмаки такъ разнообразны, что почти каждая деревня имѣетъ свою форму.

По закону ислама, мужчины на Востокѣ брѣютъ себѣ голову, и уже поэтому должны защищать ее искусственнымъ образомъ. Турки и арабы сначала покрываютъ ее шапкой изъ тонкой, бѣлой ткани; потомъ надѣваютъ красный шерстяной фессъ и обматываютъ его бѣлыми и пестрыми платками. Персіяне носятъ шапки изъ черныхъ смушекъ; вокругъ шапки мирзы (чиновника) обматывается шаль.

Палки турки носять только во время путешествія; но арабы всегда ходять съ длинными палками.

Носить зонтикъ въ Персіи позволяется только особамъ княжескихъ домовъ; но въ Иидіи и Аравіи это составляетъ предметъ общей необходимости.

Турчанки употребляють опахала только льтомъ и притомъ внутри гаремовъ. Ихъ опахала круглые и дълаются или изъ павлиньихъ перьевъ или изъ пергамента, съ разными украшеніями изъ золота, и съ рукоятками изъ слоновой кости.

Ароматы. Ароматы на Востокъ почти во всеобщимъ употребле-

ніи, — особенно мускусъ, сандальное дерево и лаванда. И мужчины и женщины носять разнаго рода ароматы въ маленькихъ мѣшечкахъ. Въ Аравіи, во всякомъ порядочномъ домѣ, по утрамъ накуриваютъ мастикой, сандальнымъ деревомъ или другими какими-нибудь ароматическими веществами. Лучшее розовое масло приготовляется въ Персіи; на Востокѣ приготовленіемъ и продажею ароматовъ занимаются многіе.

Табакт. Столь—же распространено на Восток и употребленіе табаку. Въ Константинополь табакъ впервые привезенъ быль европейскими купцами, въ 1605 году и сначала, также какъ кофе, встрѣтиль сильную оппозицію со стороны духовенства; но уже съ половины прошлаго стольтія вошель во всеобщее употребленіе, такъ что теперь въ Турціи курять и мужчины и женщины, старики и молодежь, люди съ состояніемъ и бѣдняки. Трубка и кофе стали неразлучными спутниками восточнаго человѣка; гостю, съ чашкой кофею непремѣно подаютъ и трубку. Не курять только предъ высшими особами. Употребленіе нюхательнаго табаку также нашло много любителей, особенно въ высшемъ классѣ. Табакъ обработываютъ, различнымъ образомъ, въ Турціи, Египтѣ, Месопотаміи и Персіи; арабы курятъ много, но получаютъ его преимущественно изъ Египта.

Трубки. Трубки на Востокъ употребляются различныхъ формъ и устройства, смотря по странв. Главныхъ формъ двв: во-первыхъ, турецкая, длинная, извъстная и у насъ, и въ которой чубукъ и трубка соединены непосредственно, такъ что изъ трубки горячій дымъ втягивается, посредствомъ чубука, въ ротъ; это самая простая форма, хотя роскошь и сообщаеть ей иногда достоинство драгоценности, потому-что мундштуки чубуковъ турки украшають иногда золотомъ и драгоценными камнями, особенно рубинами. Иногда, а именно въ Сиріи, и самыя трубки делаются изъ серебра и также укращаются дорогими каменьями. Другая форма трубки — это трубка съ водой — каліюнъ или, какъ обыкновенно у насъ говорятъ, кальянъ. Основу всего этого препарата составляетъ сосудъ, широкій въ основаніи и съуживающійся цилиндромъ кверху. На самомъ верху этого цилиндра утверждается трубка, или самый цилиндръ оканчивается чашечкой или трубкой, которая набивается смоченнымъ табакомъ. Цилиндръ (или ваза) наполняется водой до извъстной высоты, такъ что между водой и трубкой въ немъ остается значительное воздушное пространство. Въ нижнемъ центръ трубки или чашечки дълается дырочка, отъ которой идетъ внутрь цилиндра и входить несколько въ самую воду, узенькій цилиндрикъ (tuyau). Съ боку всего этого аппарата, на извъстномъ разстояніи отъ воды, вправляется чубукъ, такъ что только однимъ концомъ онъ плотно входитъ нъсколько внутрь сосуда, оставаясь внъ его всею остальною частію. Положивъ огня на трубку, вы втягиваете, посредстомъ чубука, сначала одинъ воздухъ; а табачный дымъ, посредствомъ узенькаго цилиндра, входить сначала въ воду и уже изъ воды поднимается въ остальное пространство сосуда и тогда уже входить въ чубукъ. Въ Аравіи такія трубки называются кидда, въ Сиріи нарджиль, въ Персіи каліюгнъ, въ Индіи гугка. Персидскіе кальяны, особенно дамскіе, отличаются

30 Смись.

роскошью и изяществомъ. Курящіе изъ кальяна сидять или лежать обыкновенно на диванахъ, а кальянь ставится на полу, или передъ сидящимъ на диванъ. Съ каждой новой трубкой, въ сосудъ наливается свъжая вода. Табачный дымъ, входя въ воду, охлаждается и очищается отъ постороннихъ частицъ. У богатыхъ людей составляется иногда цълая коллекція дорогихъ трубокъ.

Растеніе бетель (Piper Betele, L.) также смѣшивають съ табакомъ, не для куренія, а для жеванія. Предполагають, что оно укрѣпляеть зубы и желудокъ; но на самомъ дѣлѣ зубы отъ него чернѣютъ.

Опіумь. Не менье табаку, на Востокь употребителень и опіумь. Уже въ XVI стольтіи онъ употреблялся почти повсемьстно, хотя турецкіе, султаны еще въ начал'в того-же стольтія наказывали смертною казнію того, кто быль уличаемь въ принятіп опіуму. Его приготовляють различнымъ образомъ. Самый обыкновенный способъ состоить въ смѣшеніи опіума съ макомъ и алоэ; люди съ состояніемъ прибавляють амбру, кошениль, мускусъ. Въ приготавливаемый для султана примъшиваютъ измелченныя жемчужины, рубины, смарагды и кораллы. Самая обыкновенная форма употребляемаго опіума состоить въ пилюляхъ, которыя носятся въ коробочкахъ и глотаютъ по двѣ и по три, нѣсколько разъ въ день, съ водой или съ чашкой кофе. Кто привыкъ къ нему однажды, тоть уже не можеть оставить его безь особенной опасности для своей жизни, а между-тъмъ и употребление его гибельно для здоровья. И потому, въ Турціи его заміняють, иногда, меніве опасными пилюлями — изъ мускусу, алоэ, амбры, измелченныхъ жемчужинъ и розовой воды.

Вино. Коранъ строго воспрещаеть употребленіе опьяняющихъ напитковъ; однакожъ въ Персіи пьютъ вино, въ Аравіи водку, и только въ Турціи наслаждаются этими напитками тайкомъ. Строгіе законы султановъ
противъ подобныхъ преступленій также не достигли своей цѣли Богатые турки высшаго сословія позволяють себѣ пить вино по вечерамъ,
на ночь, довѣряясь въ этомъ случаѣ самой вѣрной прислугѣ. Слуга
приносить напитокъ въ мѣдномъ или серебряномъ сосудѣ и выдаетъ
его за лекарство, чтобы скрыть преступленіе отца въ глазахъ дѣтей. Впрочемъ, чиновники и улемы пьютъ очень мало; но дервиши,
солдаты, моряки и люди съ состояніемъ пьютъ его почти открыто,
особенно за ужиномъ.

Винные погреба. Въ Аравіи и Персіи виноградъ растеть очень различныхъ цвѣтовъ и величины; но приготовленіе вина все еще остается въ рукахъ христіянъ, евреевъ и гвебровъ, хотя употребленіе его персіянами и дозволяется обычаемъ, признаваемымъ и правительствомъ. Нѣкоторыя персидскія вина сравниваютъ съ мадерой и предпочитаютъ мускату. Винныхъ бочекъ у нихъ нѣтъ, но вино сохраняютъ въ сосудахъ изъ жженой глины, которые внутри покрываются или лакомъ или саломъ съ овечьихъ хвостовъ. Въ погребахъ эти сосуды ставятся въ порядкѣ и покрываются краснымъ сукномъ. Самые погреба состоятъ изъ четвероугольной комнаты, въ которую надо спуститься по двумъ, тремъ ступенькамъ. У богатыхъ и знатныхъ персіянъ по-

гребъ составляетъ предметъ роскоши, и почетнаго гостя нерѣдко приглашаютъ въ погребъ. Полы въ погребахъ покрываются дорогими коврами, а посрединѣ устраивается бассейнъ, на четырехъ углахъ котораго ставится четыре большихъ и нѣсколько маленькихъ стеклянныхъ бутылокъ, поперемѣнно бѣлая и красная, бѣлая и красная. Въ стѣнахъ сдѣланы углубленія, въ которыхъ также ставятся бутылки то съ бѣлымъ, то съ краснымъ виномъ. Погребъ снабженъ нѣсколькими окнами.

Кром'в вина, въ Персіи приготавливаются и другаго рода опьяняющіе напитки: наприм'єръ, изъ фруктовыхъ косточекъ и зеренъ варять такъ называемый кокемаръ, и тому подобное

Хлѣбное вино извъстно въ Азіи съ незапамятныхъ временъ. Изобрѣтателями этого напитка считаются арабы, предпочитающіе, вирочемъ, этому изобрѣтенію получаемый изъ Индіи аракъ. Послѣдній они смѣшиваютъ съ сахаромъ и экстрактомъ корицы и продаютъ его въ этомъ видѣ подъ названіемъ коричневой воды, которую въ Меккѣ и Джиддѣ ньютъ всѣ люди съ состояніемъ; а простой народъ довольствуется бузой, которая приготавливается изъ муки и не такъ крѣпка.

Шербеть. Для улучшенія вкуса воды, въ пустыняхъ Аравіи и на Каромандельскомъ берегу, въ колодцы кладутъ извъстнаго рода деревья. Вообще на Востокъ къ водъ всегда прибавляютъ, для вкуса, какую-нибудь примісь; такая вода называется сорбеть (шербеть). Простой народъ приготовляетъ ее изъ меду или лимону. Для высшаго класса, прибавляютъ разнаго рода приправы - сокъ померанцевъ, кедра, фіалокъ, розъ и тому подобное. Богатые люди въ Турціи имѣютъ особенную прислугу, которая только и занимается что приготовленіемъ разнаго рода сорбета и особеннаго для него состава, которые хранятся въ хрустальныхъ и фарфоровыхъ вазахъ. Иногда въ шербеть кладутъ разнаго рода жидкое варенье, желе, компоты разныхъ цвѣтовъ, фруктовъ, кореньевъ и растительныхъ веществъ. За покупкой драгодъннъйшихъ и ръдкихъ произведеній этого рода для султана, отправляется въ Египетъ особенный чиновникъ-шербетжи. Вообще жители Востока, о заготовленіи и сбереженіи этихъ принасовъ, заботятся также, какъ европейцы о сбереженіи винограда и винограднаго вина. Гостей на Востокъ дакомятъ обыкновенно шербетомъ. Въ каждомъ городъ есть лавки, въ которыхъ продается шербеть; шербеть разносять и по городу, какъ у насъ квасъ.

Ледъ. Ледъ, для прохлажденія напитковъ, въ Багдадѣ достаютъ съ вершинъ горъ Тавра; его продактъ такъ дешево, что и бѣднякъ можетъ пользоваться имъ. Въ Персіи ледъ употребляютъ во всѣ времена года; его сохраняютъ за городомъ, въ глубокихъ ямахъ, безпрестанно подливая въ него воды, что не только поддерживаетъ его, но и сообщаетъ ему чистоту и прозрачность.

Кофе. Послѣ воды и шербета, на всемъ Востокѣ болѣе всего распространено употребленіе кофею. Напитокъ этотъ иснытанъ былъ прежде всего въ Моккѣ, около 656 года гиджры или 1258 года по Р. Х. и только съ XV ст. началъ распространяться въ Сиріи, Египтѣ и Персіи. Враждебность могамеданскаго духовенства противъ этого напитка, так-

32 Смись.

же, мало по малу, уступила привычкѣ. Особенно много пьють его въ Джиддѣ, гдѣ иной выпиваеть его въ день чашекъ 20—30; тоже и въ Мединѣ. Въ первую чашку кофею, поутру, арабы подливаютъ каплю бальзаму. На Востокѣ кофе пьютъ безъ сахару и молока, не процѣживая, но съ гущей; ихъ чашки меньше нашихъ. Его приготовляютъ и пьютъ во всякое время дня не только дома, но и въ особенныхъ заведеніяхъ, кофейняхъ. Всякому посѣтителю, не только въ частныхъ домахъ, но и въ лавкахъ, непремѣню предлагаютъ чашку, двѣ кофею. Чашки на Востокѣ дѣлаются изъ мѣди, серебра или золота и часто покрываются эмалью и усаживаются дорогими камнями.

Кофейни. Кофейни принадлежать къ самымъ характеристическимъ чертамъ Востока. Онѣ существуютъ вездѣ: въ Египтѣ, Дамаскѣ, Багдадѣ, Аравіи и Персіи, и вѣчно наполнены посѣтителями. Онѣ встрѣчаются даже на большихъ дорогахъ. Послѣднія, впрочемъ, а именно по дорогѣ изъ Джидды, состоятъ изъ жалкихъ деревянныхъ хижинъ, съ полуразвалившимися стѣнами и крышами, и въ которыхъ путешественникъ найдетъ только воду да кофе. Содержатель — бедуинъ. Но въ городахъ онѣ устраиваются со вкусомъ. Вокругъ залы, вдоль стѣнъ, расположены диваны или низенькія, но широкія скамьи. Онѣ всегда наполнены народомъ и представляютъ самую живую картину: тутъ играютъ въ шашки, развлекаются пѣснями, разсказами, плясками танцовщицъ и мальчиковъ и разнаго рода фокусами фигляровъ и гаэровъ, и тому подобнымъ.

Въ большихъ и небъдныхъ городахъ, кофейни строятся щеголевато, съ разными утонченностями въ восточномъ вкусъ. Напримъръ, лучшія кофейни въ Бруссъ или Смирнъ устроены слъдующимъ образомъ: большая комната, у двери которой, снаружи, широкіе прилавки съ перилами; прямо противъ двери, въ стъну вдъланъ каминъ, украшенный ръзною работою на деревъ и разрисованный яркими цвътами; иногда, надъ нимъ, въ видъ занавъси, красуется кусокъ шерстяной или шел-, ковой ткани съ бахрамою, служащій для удержанія дыму, который, отъ вътру, могъ бы врываться изъ трубы въ комнату. Въ каминъ всегда горятъ уголья, и на угольяхъ, отъ утра до ночи, въ огромномъ кувшинъ, гръется вода; по сторонамъ камина, развъшаны, на гвоздяхъ, дюжины двъ кофейничковъ разнаго размъра, начиная отъ одной чашки кофе до двухъ десятковъ и болье; туть-же, на полкъ, стоить деревянный, съ красивою жельзною оковкою, ящикъ съ молотымъ кофе, а на полу — огромный кувшинъ холодной воды. Посреди комнаты, часто бьеть маленькій фонтань, съ маленькимь бассейномь. Въ мъстахъ, гдъ нельзя имъть фонтана по натуральному положенію воды, фонтанъ дълается искусственный, для котораго достаточно десятка ведеръ воды въ сутки, а иногда и менбе. Вдоль ствиъ кофейни, кругомъ, кромъ мъстъ, занимаемыхъ дверью и каминомъ, идетъ родъ софы, нъчто въ родъ старинной русской лавки, въ аршинъ съ небольшимъ шириною и въ аршинъ отъ полу вышиною; софа эта покрыта тонкою узорчатою рогожкою или тонкимъ-же войлокомъ. Стены украшены пестрою живописью — изображеніями кораблей, цв втовъ, деревьевъ, иногда даже

Смъсъ.

нѣкоторыхъ животныхъ; изображенія людей на нихъ встрѣчаются очень рѣдко: списывать образъ человѣка, по корану, считается грѣхомъ. На полкахъ, вдоль стѣнъ, и въ шкафахъ по угламъ, разставлено множество хрустальныхъ кальяновъ, которыхъ длинные, выощіеся чубуки висятъ на гвоздяхъ какъ змѣи. Полъ устланъ рогожами.

Во внутренности Малой Азіи, кофейни устроены иначе: поль видёнь только узкою дорожкой, по бокамь котораго все пространство занято возвышеніемь, на аршинь или не много болье оть полу, устланнымь рогожками или войлоками. Объ стороны этого возвышенія разделены на три или четыре четвероугольника тонкими, деревянными перилами. Посьтители оставляють башмаки свои на полу, взлъзають на возвыщеніе и усаживаются тамь, поджавь ноги и облокачиваясь на перилы.

Въ деревняхъ устройство кофеенъ еще проще: низкая софа у стѣнъ, каминъ и только. Замѣчательно сохранившееся до сихъ поръ, или по крайней мѣрѣ существовавшее во многихъ мѣстахъ еще въ 1839 году обыкновеніе держать у дверей кофейни деревянный, запираемый замкомъ ящикъ, въ крышкѣ котораго прорѣзано отверстіе, для вклада въ ящикъ денегъ. Дѣло въ томъ, что посѣтители кофейни не даютъ денегъ хозяину, а выходя кладутъ ихъ въ ящикъ: предполагается, что каждый знаетъ, сколько чашекъ кофе онъ выпилъ и по совѣсти положитъ плату, не обманывая хозяина. Но уже въ 1839 году это довѣріе къ честности пачало ослабѣвать: многія кофейни сняли свои ящики...

Въ кофейняхъ не держатъ ничего, кромъ кофе, табаку, воды и иногда шербету. Всякому приходящему подносятъ кофе, не дожидаясь его требованія; трубку-же или кальянъ подаютъ только по требованію посьтителя.

Кофе варится въ полминуты: въ кофейничекъ наливается изъ большаго кофейника горячей воды, всыпается ложечка кофе — это на угольяхъ вскипаетъ мигомъ, и какъ скоро пѣна подымется вверхъ, то кофе готовъ. Онъ выливается въ чашечку, имѣющую видъ полушарія и стоящую въ металлической, такъ сказать, рюмочкѣ, и подается посѣтителю; причемъ кафеджи (дѣлающій кофе) кладетъ руку на сердце и наклоняетъ слегка голову, если хочетъ оказать кому особое уваженіе.

Пырульни. Кстати скажемъ и о цырульняхъ: онѣ сходны съ кофейнями, только, вмѣсто чубуковъ, по стѣнамъ висятъ бритвы, зеркала и полотенцы, а на полкахъ, вмѣсто кальяновъ, стоятъ тазики. Иногда, посреди комнаты, бываетъ и фонтанчикъ; иногда каминъ служитъ не только для нагрѣванія комнаты, но и для варенія кофе, такъ что цырульня есть вмѣстѣ и кофейня, съ двойнымъ, по стѣнамъ, бритвеннымъ и табачнымъ приборомъ. Зеркало въ цырульнѣ обыкновенно круглое, вершковъ въ пять и болѣе въ поперечникѣ, оправленное въ деревянную дощечку, съ рукояткою; оправа обыкновенно украшена перламутромъ или металлическими блестками.

Пища. Повидимому, житель Востока, по самой натуръ своей, болъе

34 Смпсь.

нуждается въ жидкихъ и возбуждающихъ, нежели въ твердыхъ и массивныхъ веществахъ; по крайней мъръ, европейскіе путешественники восточныхъ жителей описываютъ очень умъренными въ пищъ. Арабъ, напримъръ, довольствуется парою финиковъ, небольшимъ количествомъ пилаву, хлъба и воды. Такою-же умъренностію отличаются персіяне, турки, индъйцы и малайцы. Ихъ пища, по большой части, состоитъ изъ веществъ растительнаго царства.

Бедуины пекуть себъ хльбы только на случай особенной надобности, да и въ городахъ его приготовляютъ только на одинъ день. Его пекуть изъ пшеничной муки, въ печахъ, подобныхъ нашимъ. Хлъбы у нихъ плоски и редко выпекаются какъ следуетъ. Затемъ, главнейшую пищу арабовъ составляють: рись, молоко, масло, густыя сливки, садовые фрукты; мясной пищи они бдять очень мало. Въ городахъ, а именно въ Джиддъ и Меккъ, молока иногда бываетъ очень мало; въ давкахъ Джидды продають греческій сыръ, сушеное мясо, сушеные фрукты, винныя ягоды, изюмъ, абрикосы и такъ далье. Копченое мясо получается изъ Малой Азін и употребляется только турками и персіянами, а арабами никогда. Свинина магометанамъ воспрещена кораномъ, и потому на Востокъ свиньи встръчаются только въ дикомъ состояніи. Изъ Египта въ Аравію привозять, кром'в разнаго хавбнаго верна, лукъ, бобы, чечевицу и постное масло, употребляемое арабами только для приправы рыбы. Завтракъ простаго класса состоитъ изъ жиру и меду, намазываемыхъ на горячій, только-что вынутый изъ печки хлебъ, который тотчасъ и едять. Арабы охотно едять и сырое тъсто, только всегда обмазывають его медомъ. Саранчу нанизываютъ на шнурки и продають на рынкахъ; ее вдять или поджаривъ на угляхъ или сваривъ. Овощи и виноградъ арабы получаютъ изъ Египта' и Малой Азіи.

Персіяне въ пищ'в также ум'вренны, какъ и арабы, чему много способствуеть ихъ сидячая жизнь. Въ Турецкой Имперіи климать хододне; оттого турки и вдять больше, какъ мясной, такъ и растительной нищи. Завтракъ персіянина состоить изъ чашки-другой кофею, съ кускомъ хабба; а объдъ изъ фруктовъ, молочнаго кушанья и пирожнаго. Впрочемъ и мясное въ большомъ употребленіи. Об'єдаютъ обыкновенно между десятью и двенадцатью часами. Дыни они имеють круглый годь, а виноградь въ теченіе шести місяцевь. Варять только по праздникамъ, а въ прочіе дни вдять сыръ, кислое молоко и что нибудь сладкое. Ужинъ состоитъ изъ овощей, вареныхъ фруктовъ и тому подобнаго, или изъ жаркого, зажаренаго въ печкъ или на вертель, яицъ и пилаву, которымъ они наслаждаются каждый день. Пилавъ приготавливается различно. Онъ составляется изъ рису, съ которымъ смъшиваютъ мелкіе кусочки баранины или курицы. Вообще персидская кухня очень проста: персіяне не любять ни пряностей, ни салату, ни копченаго, ни соленаго мяса. Для возбужденія аппетита, вм'єсто водки, събдають два-три ломтика лимону или несколько пряностей. Къ мясу не прибавляютъ ни перцу, ни соли, ни чесноку. Уксусу, масла и перцу также не подають къ объду.

Во всей Азіи рисъ составляеть одно изъ общеупотребительнѣйшихъ веществъ, а въ Индіи онъ замѣняеть даже хлѣбъ. Его употребляютъ троякимъ образомъ: 1) или варятъ въ водѣ безъ всякой прибавки и дѣлаютъ хлѣбъ; 2) варятъ съ какими-нибудь овощами, молокомъ и мясомъ; 3) приготовляютъ изъ него пилавъ.

Пилавъ Пилавъ приготовляютъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Искрошивъ кубическими кусочками фунтовъ шесть или семь баранины, съ одной или двумя курицами, все это варятъ въ водѣ и полученный отсюда бульонъ и мясо переливаютъ изъ котда въ чашку или кострюмо. Растопивъ потомъ масло въ горшкѣ, посыпаютъ на него слой рису, толщиною въ дюймъ, и прибавляютъ къ нему ломтики луку, зерна очищеннаго миндалю, разрѣзанный или истолченный горохъ, вычищенный, безъ зернышекъ, изюмъ, цѣльный перецъ, гвоздику, корицу, кардамонъ и свареное мясо; все это покрываютъ рисомъ, которымъ наполняютъ сосудъ и обливаютъ прежде полученнымъ бульономъ. Сваривъ все это, прибавляютъ топленаго масла, сосудъ плотно закупориваютъ и оставляютъ его въ дуку подольше, чтобы кушанье упрѣло. Есть еще множество и другихъ способовъ его приготовленія, но главную составную въ немъ статью составляетъ рисъ и масло. Иногда прибавляютъ къ нему сокъ изъ вишень и другихъ фруктовъ *.

Способъ приготовлять жаркое, въ Персіи, также отличается особенностію. Приготовляемое на жаркое мясо намачивають обыкновенно въ уксуст съ солью и лукомъ, и потомъ уже жарять на вертелт. Шарденъ находить, что это очень вкусно. Цтлыхъ животныхъ жарять на вертелт надъ печкой, выкопанной въ землт, и притомъ жарять не снимая съ животнаго кожи, такъ что жаркое сохраняетъ весь сокъ.

Бѣдняки, не смотря на запрещеніе корана, не пренебрегають и падалью, ѣдять кошекь, крысь, саранчь, мышей, которыя у нѣкоторыхъ народовъ (въ Африкъ) варятся какъ у насъ раки или рыба).

Въ Сиріи и Месопотаміи мяса вдять больше, чёмь въ Аравіи и Персіи. Въ Алеппо ежедневно продають на рынкахъ множество барановъ, овець и козъ. Последнихъ можно остановить, и тотчасъ вамъ вздоять молоко. То же самое и въ Багдаде.

У турокъ и персіянъ рѣдко подають на столь рыбу. Дичь также употребляется мало.

Фруктами Персія и Сирія очень богаты, хотя и не такъ разнообразны, какъ, напримъръ, Китай и Европа. По большой части ихъ варять въ сахаръ и съ медомъ и на большихъ лоткахъ или блюдахъ продаютъ на рынкахъ.

Вообще персіяне, малоазіятцы и турки большіе охотники до пирож-

^{*} Подробное описаніе всёхъ сортовъ пилава читатель можеть найти въ сочиненіи Шардена «Voayge en Perse», III.

наго и всякаго рода лакомствъ, которыя приготавливаются у нихъ самыхъ разнообразныхъ формъ и цвётовъ.

Индѣйцы, по большей части, питаются рисомъ, а по берегамъ моря рыбою. Малайцы также питаются, большею частію, рисомъ, но на Суматрѣ умѣютъ готовить и разнаго рода соусы изъ птицъ съ кореньями и разнаго рода пряностями. Мясо буйволовъ или тотчасъ жарятъ или сушатъ, порѣзавъ на ломтики. Рыбью икру солятъ, а маленькую рыбу сушатъ на солнцѣ и толкутъ въ толчеяхъ; и если нужно приготовить изъ нея блюдо, то массу вспрыскиваютъ водой и дѣлаютъ изъ нея пирогъ.

Такъ какъ горіочій матеріяль на Востокѣ рѣдокъ и дорогъ, то кушанье варять только въ богатѣйшихъ домахъ. А средній классъ и бѣдняки покупають обѣдъ въ харчевняхъ, которыя во всѣхъ городахъ Турціи находятся на базаряхъ. Въ иныхъ харчевняхъ въ Персіи приготавливають только одно какое-нибудь кушанье: рисъ или жареную баранину, и такъ далѣе. Устройство харчевень въ Персіи, повидимому, сходно съ восточными кофейнями: на первомъ планѣ вы видите дватри котла, дюймовъ въ 26 — 30 въ поперечникѣ. Далѣе, за занавѣсомъ, софы или лавки фута въ три вышины отъ полу, на которыхъ садятся обѣдающіе.

Еще замычаніе о характерь восточных людей. Мы замьтили, что восточный человькъ отличается умьренностію въ пищь; тоже самое можно сказать и относительно его дъятельности: вообще говоря, жители Кавказскаго Востока не отличаются трудолюбіемъ; только индъйцы составляють въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе, особенно въ тѣхъ частяхъ Индіи, которыя принадлежать европейцамъ. Причнною восточной лѣни частію роскошная природа; частію климать, невызывающій особенной дѣятельности, частію нравственная и умственная неразвитость, и наконецъ, недостатки государственнаго устройства.

А между-тымь восточный человыкь, по характеру своему, практикъ: онъ отличается замъчательною ловкостью въ обыкновенныхъ житейскихъ делахъ; за то въ отношении умственномъ довольствуется только чтеніемъ корана и презираеть науку. Такое направленіе производить некоторое равенство въ умственномъ развитій всехъ классовъ восточнаго народонаселенія, и ту мнимую выгоду, что тамъ каждый, даже деревенскій крестьянинь, о житейскихь ділахь говорить съ увіренностію, знаніемъ діла, и хорошо выражается. Тамъ ність того явленія, какое не рѣдко встрѣчается въ Европѣ, что ученый, обладающій обширными свъдъніями, отъ бремени умственныхъ сокровищъ своихъ, не ръдко лишается (какъ говоритъ Клеммъ) способности пользоваться своими умственными членами, не можетъ ловко объясняться и кажется тупымъ. Подобныя бользненныя явленія европейской науки или, лучше сказать, кабинетнаго уединенія, конечно никто не поставить на одну доску съ ловкою, самоувъренною и ръшительною ръчью практическаго пройдохи, живущаго одними житейскими интересами и пропитаннаго невъжествомъ во всъхъ общественныхъ вопросахъ и дъ-Съ другой стороны, путешественники замъчають, что де-

ревенскіе крестьяне на Востокъ въ практическомъ отношеніи, гораздо выше крестьянъ европейскихъ: они также въжливы, какъ и высшій классъ; только простыя женщины описываются грубыми, невъжественными и угнетенными разнаго рода работою, хотя, вообще говоря, жизнь на Востокъ, проще, чъмъ въ Европъ. Тамъ ремесленники всегда работають подъ открытымъ небомъ и гораздо спокойнъе, чёмъ въ ремесленныхъ и фабричныхъ заведеніяхъ Европы. Предметы жизненныхъ потребностей тамъ достаются легче. Для жителя Востока сидъніе составляетъ истинное наслажденіе, и восточный ремесленникъ, если работаетъ, то всегда сидя, гдъ только это возможно, и непременно съ трубкой во рту. Некоторые изъ нихъ предаются своимъ занятіямъ, какъ дилетанты, такъ, что выходящія изъ-подъ ихъ рукъ орудія не рѣдко отличаются необыкновенною чистотою отдѣлки: таковы особенно ихъ стальныя издёлія — ножи, ножницы, оружія равно какъ и произведенія мебельныхъ и золотыхъ діль мастеровъ. Золотыхъ дель мастера работають, по большой части, какъ любители столько, сколько ихъ работа доставляетъ имъ удовольствія, и притомъ, большею частію у закащиковъ.

Но этотъ дилетантизмъ нисколько не доказываетъ превосходства восточныхъ ремеслъ передъ нашими. Тамъ, напротивъ того, все приковано къ рутинѣ, къ преданію; съ XVI столѣтія, къ старинѣ Востока прибавлены только огнестрѣльныя орудія и трубки. Искусство книгопечатанія введено въ Константинополѣ только въ XVIII столѣтіи; въ Египтѣ — Мехметомъ-Али, въ Индіи англичанами; въ остальныхъ частяхъ Кавказскаго Востока оно неизвѣстно до-сихъ-поръ. Подробности, сообщаемыя путешественниками, относительно земледѣлія, мануфактуръ, торговыхъ сношеній и другихъ отраслей восточной промышленности, состоятъ въ слѣдующемъ.

Земледиліе. Земледіліе на Востокі встрічаеть много значительныхъ препятствій не только въ физическихъ свойствахъ различныхъ пространствъ, но еще болъе въ политическомъ составъ и нравственныхъ свойствахъ восточнаго народонаселенія. Довольно сказать, что при приближеніи свиты какого-нибудь паши, цілыя деревни, за исключеніемь женщинь, оставляють свои жилища и уходять въ горы: такъ пугають ихъ эти путешественники. Прибавимь къ тому набъги кочевыхъ племенъ, во многихъ мъстахъ Малой Азіи, Персіи, Аравіи, Египта, Индіи и другихъ частей Востока; и тогда, конечно, не станемъ удивляться, что восточный земледелець равнодущень къ своей промышленности. Онъ не заботится ни объ удобреніи земли, ни объ орошеніи полей. Правда, для наблюденія за водопроводами, въ Персіи есть даже особенные чиновники, но это наблюдение не облегчаеть частныхъ людей: чиновникъ отпускаетъ воду изъ общаго водохранилища въ частные дома, опредъляя каждому извъстную мъру, а набрать воды безъ его позволенія значить навлечь на себя жестокое наказаніе. Въ бытность Шардена, испаганскій водоначальникъ получаль до 60,000 талеровъ ежегоднаго доходу ... Впрочемъ, гидравлика на Востокъ довольно развита, и орошеніе полей не встрътило-бы значительнаго пре-

пятствія въ лѣни восточнаго земледѣльца, еслибъ онъ быль увѣренъ, что трудъ его не будетъ уничтоженъ какимъ-нибудь набѣгомъ. Только природа преодолѣваетъ всѣ эти препятствія, такъ что, на Востокѣ рѣдко бываетъ недостатокъ или голодъ; съ другой стороны, это послѣднее обстоятельство, можетъ быть, и поддерживаетъ безпечность вемледѣльца нѣсколько пятилѣтій повсемѣстнаго голода, вѣроятно, пробудили бы на Востокѣ мысль объ общественномъ благосостояніи, какъ о предметѣ крайней необходимости для всѣхъ.

Въ Египтъ Нилъ и теперь еще питаетъ народонаселение этой страны, какъ и въ древнія времена. Отъ 10 или 15 іюня до сентября въ немъ вода поднимается, не выходя изъ береговъ. Въ теченіе этого періода дуетъ сухой, горячій вітеръ; грунть сохнеть и трескается; жители съ трепетомъ наблюдають за повышеніемъ воды; особо назначаемый для этого чиновникъ, изм'тряющій ея возвышеніе, сообщаетъ свои наблюденія ежедневно, по утрамъ, глашатаямъ, которые громкимъ голосомъ возвъщають о томъ народу; за благопріятныя въсти народъ даритъ ихъ, чемъ кто вздумаетъ. Когда вода достигнетъ 20-30 футовъ, такъ, что готова уже прорваться сквозь плотины, то имамы спъщать къ находящимся подъ ихъ надзоромъ колодцамъ и здъсь, съ пъніемъ, читаютъ разнаго рода заклинанія ... народъ увъренъ, что благотворное разлитіе ръки зависить оть ихъ воли. Вскор в вода разливается по низменнымъ улицамъ Каира; черезъ часъ она уже поднялась на 22 фута высоты канала, идущаго въ старый Каиръ. Толпа стремится раворвать плотину, удерживающую входъ воды въ этотъ каналъ, междутъмъ, какъ другіе — турки на лошадяхъ, дамы въ экипажахъ, европейскіе купцы и консулы — на ослахъ и верблюдахъ — стоятъ по берегамъ ръки. Пушечная и ружейная пальба, барабанный бой, военная музыка, парады, шумная и радостная толпа, - все это шумить и коношится по бебегу ріки, между-тімь, какь по ней, къ плотині Капра, приближается безчисленное множество лодокъ и различныхъ судовъ. Плотину спъшать разрушить; волны ръки хлынули наконець, увлекая съ собой и работавшихъ надъ плотиной, но они приплываютъ къ берегу, и вся толна осыпаетъ ихъ подарками. Еще разъ раздаются пушечные выстрелы, и народъ съ радостными лицами возвращается въ городъ ... Туть начинаются пиршества, пляски, разнаго рода увеселенія.

Удобреніе земли посредствомъ навозу и тому подобнаго, на Востокъ употребляется только въ нъкоторыхъ пространствахъ. Въ Египтъ оно и не нужно: тамъ сама ръка доставляетъ и орошеніе и удобреніе. Въ Персіи поля для дынь удобряются преимущественно экскрементами голубей. Навозы верблюжьи, коровьи и лошадиные, въ Египтъ, Меоспотаміи и Персіи употребляются, какъ топливо.

Земледыльческія орудія. Земледыльческія орудія на Востокы очень просты. Плугы вы Египты, Сиріи, Месопотаміи, Палестины, Аравіи и Индіи очень похожь на древне-египетскій (о которомы послы). Вы него запрягаются преимущественно быки, мулы и ослы. Вы Персіи употребляюты и борону. Послы заскораживанія, поля раздыляются на

39

четвероугольники и окружаются валиками вышиною въ одинъ футь, для удержанія воды.

Желѣзныя земледѣльческія орудія у индѣйцевъ очень тяжелы и неуклюжи.

Зрвлый хльбъ на Восток вырывають съ корнемъ, такъ, что послъ такой жатвы поле остается совершенно чисто. Напротивъ того, кормъ для скота, напримъръ: разнаго рода травы, сръзываютъ серпомъ, который въ Нубіи, по величинъ своей, равняется нашимъ небольшимъ ножамъ, а по формъ и зубцамъ — походитъ на наши серпы.

Цѣновъ на Востокѣ нѣтъ, и зерна изъ колосьевъ вымолачиваются или посредствомъ досокъ или посредствомъ лошадей.

Сахарный тростникъ воздълываютъ и въ Персіи, но сахару не ра-

финирують, такъ, что онъ имъетъ цвътъ краснобурый.

Опіумъ. Опіумъ особенно обработывають въ Индіи. Его собирають изъ головокъ особеннаго маковаго растенія. Въ Малой Азіи этотъ макъ произрастаеть на пространствъ между городами Пугутомъ, Бейшегромъ и въ другихъ мѣстахъ. Наиболье изобилуютъ опіумомъ окрестности Афіумъ-Кара-Гиссара.

Макъ, дающій опіумъ, навидъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго. Сѣютъ его въ мартѣ и апрелѣ; поля раздѣляютъ, на квадратные участки, длиною въ 40 шаговъ каждый. Когда маковки нальются вполнѣ — это бываетъ въ іюнѣ или іюлѣ — ихъ срѣзываютъ со стеблей, потомъ надрѣзываютъ каждую въ нѣсколькихъ мѣстахъ и кладутъ на широкіе (обыкновенно виноградные) листья: сокъ выступаетъ и сгущается въ болѣе или менѣе темную массу, которая и есть опіумъ. Опіумный макъ требуетъ частаго орошенія, пока зелень молода; потомъ его тщательно очищаютъ отъ постороннихъ травъ; вообще заботъ около него довольно.

Сейчасъ мы сказали, какъ собираютъ его въ Малой Азіи *. Но въ Индіи, по словамъ другихъ путешественниковъ, повидимому, это дѣлаютъ нѣсколько иначе: тамъ съ вечера на маковыхъ головкахъ также дѣлаютъ насѣчки, и выступившій изъ нихъ сокъ соскабливаютъ ножемъ предъ восходомъ солнца и завертываютъ его въ листочки маковаго цвѣтка. Торговля опіумомъ въ Индіи составляетъ монополію англичанъ.

Лучшій табакъ производить Сирія, гдѣ воздѣлывають его очень тщательно.

Хлопчатая бумага составляетъ одно изъ главнѣйшихъ произведеній Востока. Растеніе это требуетъ хорошей почвы, но растетъ и на средней, равно какъ и на равнинахъ и на скатахъ горъ. Предназначаемый для него грунтъ вспахиваютъ зимой раза три, четыре, а при четвертой или пятой вспашкѣ за пахаремъ идетъ сѣятель и садитъ зерна, одно возлѣ другаго. Лѣтомъ, на занятомъ имъ полѣ, бурьянъ

[«]Обозрѣніе Малой Азіи въ нынѣшнемъ ея состояніи», составленное русскимъ путешеетвенникомъ М. В., стр. 162.

выпалывають раза два. Осенью, на растеніяхъ образуются коробочки,

въ которыхъ и развивается бумага.

Воздѣлываніе фруктовыхъ деревъ на Востокѣ очень значительно. Персія особенно богата разнаго рода нѣжными фруктами—виноградомъ, персиками, гранатами, сливами, вишнями, айвой, яблоками, грушами и такъ далѣе.

Въ Индіи особенно значительно воздѣлываніе пряностей: перцу, мускатныхъ орѣховъ, гвоздики, корицы и тому подобнаго, которыя съ XVI стольтія составляютъ существенную статью индійской торговли и привозятся въ Европу англичанами, португальцами, голландцами. Перецъ производитъ свой плодъ только черезъ три года послѣ тщательнаго воздѣлыванія.

Мануфактурных издълія. Востокъ съ древнихъ временъ славился своими тканями; и теперь еще мануфактурное искусство тамъ находится на высокой степени развитія. Равнымъ образомъ и искусство красить, предназначаемыя для тканья нити, извѣстно на Востокѣ съ древнихъ временъ. Въ древности славились особенно ткани, окрашенныя пурпуромъ; но въ настоящее время, съ тѣхъ поръ, какъ сарацыны и турки уничтожили послѣднія этого рода фабрики въ Тирѣ и Константинополѣ, пурпуръ уступилъ мѣсто другимъ краскамъ. Но, по увѣренію нѣкоторыхъ, персіяне и теперь еще, въ красильпомъ искусствѣ, превосходятъ европейцевъ.

Кашемировыя шали. Изъ всёхъ восточныхъ тканей особенно известны кашемировыя шали. Искусство ихъ приготовленія составляеть отчасти тайну, хотя въ Кашемир'є считають до шестнадцати тысячъ ткацкихъ станковъ. Одинъ станокъ въ продолженіе года можеть изготовить иногда только одну шаль, самой изящной работы, а другіе въ то-же время могутъ сдёлать шесть — восемь. На каждомъ станк'є работають два — четыре челов'єка, и каждый изъ станковъ им'єсть своего надзирателя и руководителя. На каждую изготовленную шаль

прикладывается правительствомъ штемпель.

Кашемирскимъ шалямъ подражаютъ и въ Персіи, особенно въ Кашанѣ; здѣсь изготовляютъ также прекрасныя шелковыя матеріи—атласъ, парчу, бархатъ; впрочемъ, персидская парча, говорятъ, хуже индійской и французской. Изъ парчи въ Персіи дѣлаютъ праздничные и почетные наряды.

Выдыка кожъ на Востокъ извъстна также съ незапамятныхъ временъ. Въ настоящее время, искусствомъ этимъ славятся особенно персіяне.

Мебельное мастерство на Востокъ мало развито: тамъ креселъ, напримъръ, вовсе нътъ. Но употребительнъйшие предметы, какъ напримъръ, оконныя рамы, отличаются иногда очень искусною работой.

Гончарное искусство также развито, какъ и у насъ. По мнѣнію знатоковъ, персидскія фарфоровыя вещи равняются китайскимъ и японскимъ; только персидскій фарфоръ чрезвычайно хрупокъ и неспособенъ переносить жаръ.

Стеклянные заводы въ Ширасъ изготовляють самое посредственное

Смњсь. 41

стекло, хотя и разныхъ цвътовъ. Въ настоящее время въ Персію много привозять стекла нъмцы и французы.

Писчая бумага въ Персіи далеко не такъ изящна, какъ въ Европѣ; впрочемъ довольно удовлетворительна, а изготовленная изъ шелковыхъ тряпокъ, равняется даже китайской.

Гориодъліс и обработка металловъ. Востокъ вообще богать минералами, но драгоцъннъйшими изъ нихъ особенно славятся Индія и Персія.

Знаменитьйшія алмазныя копи въ Индіи (Раоллонскія, между Голкондой и Визупуромъ) лежать въ песчаномъ пространствь, наполненномъ скалами и льсомъ. Въ скалахъ этихъ есть разсылины, наполненныя измельченнымъ камнемъ, въ которомъ и находятся алмазы. Работники раскапывають эти разсылины и вынувъ изъ нихъ измельченный камень, промываютъ его. Иногда скалу взрываютъ посредствомъ пороха; въ такомъ случав большіе алмазы иногда раздробляются на мелкіе. Возль копей живутъ алмазные шлифовщики; но индійскіе шлифовщики не умьютъ сообщить алмазамъ того блеска, какой они получаютъ подъ руками европейскихъ мастеровъ.

Бирюзовыми конями славится Персія: сафиромъ всёхъ цвётовъ — индійскій островъ Сафаракъ. Смарагдъ бываетъ трехъ сортовъ, смотря по оттёнкамъ зеленаго цвёту, и добывается въ Верхней Эоіопіи и Геджасѣ. Хризолитъ походитъ на смарагдъ, такъ что персидскіе натуралисты считаютъ его за особенную породу смарагда. Онъ встрёчается въ однёхъ коняхъ съ смарагдомъ Кромѣ этихъ камней, на Востокѣ добывается множество другихъ, изъ которыхъ нёкоторымъ приписыютъ разныя цёлебныя свойства, а другіе носятся какъ талисманы, съ стихами изъ корана.

Финифтяныя изділія особенно хороши въ Персіи; по отзывамъ нікоторыхъ, оні даже выше европейскихъ.

Золотыхъ дёлъ мастера на Востокѣ, какъ мы замѣтили выше, очень искусны въ отдёлкѣ вещицъ, служащихъ для украшенія, особенно въ такъ называемыхъ филиграновыхъ издёліяхъ. Золотомъ особенно богата Индія и ея острова.

Мѣдные сосуды изготовляются на всемъ Востокъ. Въ каждой арабской и турецкой кухнѣ употребляются мѣдные сосуды, за луженіемъ которыхъ турецкое правительство наблюдаетъ очень строго. Ведра, которыми женщины черпаютъ воду изъ колодцевъ, также дѣлаются изъ мѣди. Въ Индіи всѣ принадлежности кухни дѣлаются изъ бронзы, которую составляютъ изъ смѣси олова и мѣди: она очень сходна съ бронзою древнегерманскихъ орудій и оружій.

Жельзо особенно хорошо въ горахъ Гималайскихъ и Непауль; мъдь и сталь въ Персіи.

Дамасскіе клинки. Жители Востока съ древнихъ временъ славятся особенно, какъ оружейники. Тамъ и теперь еще оружіе составляетъ существенное украшеніе мужчины; да и состояніе Востока все еще таково, что каждый постоянно долженъ быть вооруженъ и притомъ хорошимъ оружіемъ. Оттого-то на Востокѣ, во всѣхъ городахъ, всегда

есть большой запась всякаго рода оружій на базарахъ и въ многочисленныхъ мастерскихъ оружейниковъ. Когда-то славились особенно клинки дамасскіе, но въ новъйшее время многіе путешественники напрасно добивались узнать, гдѣ изготовляются эти клинки. Аддисонъ замѣчаетъ, что мастера дамасскихъ клинковъ переселены Тимуръ-Беемъ въ Хоразанъ и что съ-тѣхъ-поръ слава дамасскихъ клинковъ перешла къ хоразанцамъ, которые, дѣйствительно, славятся во всей Персіи, равно накъ и клинки Шираса. Обработка металловъ и выдѣлка разнаго рода оружій въ Индіи также извѣстны хорошими качествами; особенно хороша индійская сталь (Wotz).

Поваренную и каменную соль добывають въ Аравіи; въ Гималайскихъ горахъ она встрѣчается рѣдко, а на приморскихъ берегахъ Индіи ея очень много.

Скотоводство на Востокъ достигло развитія только въ нѣкоторыхъ отрасляхъ. Восточное шелководство ниже китайскаго; въ Персіи шелку добываютъ много; но, по большой части, онъ желтовать, хотя нити его очень тонки и гибки. Для шелководства воздѣлываютъ черныя и бѣлыя тутовыя деревья. Изъ Индіи шелкъ вывозится частію въ Европу, частію въ Южную Азію.

Изъ птицъ въ Персіи разводять особенно куръ и голубей. Въ окрестностяхъ Испагани насчитывають до трехъ тысячь голубятень: это высокія, кирпичныя башни, въ основаніи широкія, а къ верху съ уживаю щіяся и увѣнчанныя коническими спиралями. Внутри онѣ наполнены углубленіями, въ которыхъ голуби вьють гнѣзда. По большой части, онѣ выкрашены какою-нибудь краскою. Каждая голубятня приноситъ ежегоднаго дохода до двухъ тысячъ франковъ. Многія изъ нихъ принадлежать самому шаху.

Животныя четвероногія разводятся преимущественно у независимыхъ номадовъ. Арабы близь-дамасскіе разводять и питаются преимущественно козами. Ангорскія козы, большими стадами, разводятся только въ Малой Азіи. Овцеводство особенно развито въ Персіи, гдѣ почти вся одежда дѣлается изъ шерсти и смушекъ. Впрочемъ, шерсть англійская и испанская, говорятъ, добротнѣе персидской. Самую тонкую шерсть доставляють козы въ горахъ Карманскихъ и особенно кашемирскія.

Верблюдъ особенно разводится въ Аравіи и Персіи; а буйволъ во всѣхъ болотистыхъ мѣстахъ Египта, Индіи и Месопотаміи.

Лошади. Обширнѣйшіе заводы и табуны лошадей находятся въ Персіи, изъ которой въ Индію отправляють ежегодно до трехъ тысячь, а въ Турцію до двухъ тысячь. Лучшія лошади находятся въ Абербиджанѣ, Ширванѣ и Фарсистанѣ; онѣ считаются самыми сильными и терпѣливыми; но для верховой ѣзды, послѣ арабскихъ и татарскихъ, лучшими считаются хорасанскія. Онѣ красивѣе даже арабскихъ, ихъ холятъ съ особеннымъ вниманіемъ; но персидская лошадь горяча и упорна, между-тѣмъ, какъ арабская кротка и послушна. Индійскія лошади малорослы, но пылки, терпѣливы и сильны; ихъ употребляютъ только для верховой ѣзды.

Смівсь. 43

Охота. Охотой на Востокѣ занимаются мало, тѣмъ болѣе, что и коранъ допускаетъ ее только съ ограниченіями, а житель Востока и безѣ того слишкомъ лѣнивъ. Впрочемъ, какъ предметъ удовольствія, охота и теперь еще имѣетъ любителей въ высшемъ кругу. Въ Египтѣ и простой наредъ охотится на дикихъ утокъ, которыя въ изобиліи волятся по Нилу. Ихъ ловятъ слѣдующимъ образомъ. На мѣстахъ, гдѣ появятся птицы, пускаютъ на воду пустыя тыквы; птицы мало по малу привыкаютъ къ этимъ шарамъ; но когда утки подростутъ уже на столько, что сцособны улетѣть, то арабъ, надѣвъ на свою голову тыкву, подплываетъ съ ней къ уткамъ, которыя, ничего не подозрѣвая, не улетаютъ; Арабъ, подплывая къ каждой, втягиваетъ ихъ одну за другою въ воду и кладетъ въ сѣти или мѣшокъ.

Соколиная охота на всемъ Востокѣ составляетъ развлечение особенно высшаго сословія. Въ Египтѣ соколомъ ловятъ газелей: стрѣлою онъналетаетъ, съ рукъ охотника, на газель, и, ставъ между ея рогами,
клюетъ ей глаза до-тѣхъ-поръ, пока ошеломленная газель не начнетъ кружиться; тутъ налетаютъ на нее собаки, и измученное животное падаетъ подъ ударами охотника. А чтобъ возвратить сокола
опять на руку, охотникъ спускаетъ на рукѣ ивиса: когда соколъ увидить эту птичку, охотникъ притягиваетъ ее къ себѣ, и соколъ тотчасъ
прилетаетъ къ нему на руку.

Татары, киргизы и персіяне также охотятся съ соколами, ястребами, собаками и пантерами. Въ прежнее время, при дворъ персидскихъ шаховъ содержалось множессво охотниковъ и всякихъ принадлежностей охоты. Соколовъ пріучали къ охоть следующимъ образомъ. Изъ шкуры оленя набивали чучелу и на головъ ея ставили сокола такъ, чтобы изъ глазныхъ дырочекъ чучелы онъ могъ выклевывать себь цищу, которая въ нихъ вкладывалась. Посль нъсколькихъ дней такого кормленія, чучелу ставили на доску, поставленную на четыре небольшія колеса, которую дрессировщики толкали впередъ, такъ, чтобы птица привыкла слѣдовать, за животнымъ. Съ каждымъ днемъ, движение делали быстрее и наконецъ доску привязывали къ лошади, которая тащила ее впередъ въ галопъ, а птица все-таки оставалась на мъстъ. Такимъ-образомъ сокола пріучали їть разнаго рода животнымъ-свиньямъ, осламъ, зайцамъ и такъ далье. Предъ охотой, сокола кормять. Иногда его зовуть по имени, иногда по колокольчику.

Нантеру дрессирують къ охоть у бедуиновь, персіянь и индійцевь. Въ Персіи и Индіи охотники возять ее или на лошади, сзади себя, на цыпи, или на слонахь, въ клыткахъ; охотникъ постоянно держитъ руку у дверецъ клытки.

У персіянь высшаго круга есть для охоты и собаки, но тамъ онѣ не такь хорошо дрессируются и вообще не въ такомъ употребленіи, какъ въ Европѣ, потому что персіяне и вообще магометане считаютъ ихъ животными нечистыми и потому предпочитаютъ сокола или пантеру. На однѣхъ козъ охотятся съ верблюдами: такъ-какъ козы очень пугливы, то охотникъ можетъ приблизиться къ нимъ, только

C.MIDCD.

спрятавшись за верблюда и стръляетъ изъ-за него. По выстрълу, верблюдъ бъжитъ къ убитому животному и останавливается возлъ него.

У татаръ, монголовъ, турокъ, персіянъ и у многихъ мусульманскихъ властителей Индіи существовалъ когда-то обычай составлять обширныя охоты, въ которыхъ участвовали цёлые отряды войскъ и тысячи крестьянъ. Окруживъ тенетами поле, крестьянъ посылали гнать дичь съ окрестностей въ нёсколько миль; когда пріёзжалъ шахъ или паша, каждый охотникъ бросался на всякаго бёжавшаго къ нему звёря — оленя, вепря, гіену, льва — все равно. Въ одной изъ такихъ охотъ убито, говорятъ, до четырнадцати тысячъ животныхъ.

Однажды шахъ Сефи такой охотой угощаль иностранныхъ пословъ, и между тѣмъ, какъ изъ наловленной дичи шахъ далъ потомъ обѣдъ, онъ приказалъ, изъ череповъ только-что убитыхъ животныхъ, построить башню. Архитекторъ исполнилъ это, но доложилъ шаху, что для довершенія этой башни недостаєть только одного черепа. «Ты правъ», отвѣчалъ шахъ, — «но для этого не найти лучшей головы, какъ твоя»;

и вследъ затемъ архитектора посадили на вершину башни...

Въ Индіи и теперь еще много страстныхъ любителей охоты. Самая опасная охота — это на тигра со слономъ. Охота эта происходитъ (по большой части въ апрълъ и мат мъсяцахъ), въ густыхъ и высокихъ камышахъ и кустарникахъ, на болотистой почвъ. Завидъвъ враговъ, тигръ сначала уходитъ, но послъ перваго выстръда, съ дикимъ ревомъ, оскаливъ зубы, садится и принимаетъ оборонительное положеніе. Тогда слонъ нападаетъ на него своимъ хоботомъ до-тъхъпоръ, пока охотникъ не нанесетъ тигру удара вторымъ выстръломъ. Съ каждой побъдой слонъ становится смълъе; но если охотпикъ обратится въ бъгство, оставивъ слона одного на жертву тигру, то слонъ уже ръдко охотно пойдетъ на новую добычу.

Рыбная и жемчужная ловля. Рыбная ловля на Восток также мало развита, какъ охота: восточный челов къ не любитъ рыбы. На Евфрат ловятъ большую рыбу (16 и 19 фунтовъ), посредствомъ соссиlus orientalis. Въ персидскихъ р кахъ, по видимому, рыбы не много, но въ нихъ водятся больше раки, которые по вечерамъ выползаютъ изъ воды на берегъ и взлъзаютъ на растущія по берегу тутовыя деревья, всть бълую шелковицу; тутъ ихъ и ловятъ. Бол е, чъмъ въ другихъ странахъ Востока, рыбною ловлею занимаются въ

Индіи, чему немало способствуєть вліяніе европейцевъ.

Ловля жемчугу въ Персіи и на Цейлонь производится также, какъ

и въ Аравіи.

На Цейлонь, въ заливъ Кондачи, она происходить отъ февраля до марта, всего какихъ-нибудь дней тридцать. Каждый водолазъ погружается на дно сорокъ, пятдесятъ разъ отъ утра до полудня (пока не поднимется вода на морѣ), и каждый разъ выноситъ до ста раковинъ. Каждый разъ онъ можетъ оставаться подъ водою минуты двѣ, рѣдко три, четыре, пять. Ни одинъ водалазъ не рѣшится полѣзть въ воду, неподвергнувшись напередъ извъстнаго рода церемоніямъ, а именно заклятіямъ, заклинателя пилы – рыбы, которая такъ опасна для водолазовъ, во

Смњев. 45

всьхъ мьстахъ жемчужной ловли. Во время погруженія водолазовъ, заклинатели стоять на берегу и мурлычать себъ подъ нось какія-то заклинанія, принимають различныя судорожныя позы и совершають разные обряды. Въ это время они не должны ни ѣсть, ни пить, что впрочемъ нисколько не мѣшаетъ имъ напиваться пальмоваго вина до того, что они едва стоять на ногахъ. Правительство даетъ имъ жалованье, а водолазы разнаго рода подарки. Въ случав несчастья съ какимъ-нибудь водолазомъ, заклинатели обвиняютъ вѣдьму и обѣщаютъ принять свои мѣры. При перевозкѣ устрицъ на берегъ, онѣ раскрываютъ свои черепки, и водолазы, пользуясь этимъ, неръдко крадутъ жемчужины и проглатывають ихъ. Заподозрѣннымъ въ такой кражѣ дають или рвотнаго или слабительнаго. Перевезенные на берегъ устрицы складываются въ нарочно вырытыя на берегу ямы; туть онъ сгниваютъ и тогда ихъ раковины раскрываются свободно. Иногда-ихъ варятъ; въ такомъ случав жемчужины открываются и внутри ихъ. Отъ гніенія животныхъ, все пространство залива наполняется зловоніемъ. И послѣ очистки многіе ищуть въ нихъ жемчужинъ. Жемчугъ этого залива крупнъе Кондачскаго; но жители Востока предпочитаютъ ему жел-

Для обдълки, очистки и просверливанія жемчужинъ употребляются разнаго рода орудія.

Во время ловли, заливъ Кондачи представляетъ самое живое зрѣлище. Сюда стекаются брамины, факцры, магометане и христіяне. Индусы совершаютъ свои бичеванія; вѣшаются на крючки, которые впиваются въ ихъ тѣло и такъ далѣе.

Подобнаго рода ловля происходить и на островъ Явъ и другихъ островахъ Индійскаго моря.

На Востокъ жемчужины цънятся по ихъ въсу: жемчужина въ 1 гранъ стоитъ талеръ; въ 2 грана — 4 талера; въ 1 каратъ — 60 талеровъ; въ 2 карата — 64 талера; въ 4 карата — 256 талеровъ. Болъе крупныя цънятся въ 10,000 талеровъ. Тавернье видълъ жемчужину изъ персидскаго залива въ 460,000 талеровъ.

Пути сообщенія. Внутреннія сообщенія на Восток'в затрудняются, во-первыхъ, кочевыми племенами, свободно переходящими изъ одной области въ другую; во-вторыхъ, и самыя дороги на Восток'в едва проходимы; а въ Персін искуственныхъ дорогъ и вовсе н'втъ. Вособще на Восток'в о дорогахъ мало заботятся: тамъ мосты составляютъ величайшую р'вдкость и состоятъ, большею частію, изъ пловучихъ плотовъ. Только въ городахъ встр'вчаются довольно хорошіе мосты, особенно тамъ, гдів пробізжаетъ иногда султанъ или шахъ. Даже въ Индіи мосты р'вдки. Въ ея горахъ они состоятъ нер'вдко только изъ связанныхъ между собою в'втвей, прикр'впленныхъ къ берегамъ р'вки камнями; они очень узки и шатаются при каждомъ шаг'в.

Колодим и постоялые дворы. Гораздо больше на Востокѣ заботятся о колодцахъ и постоялыхъ дворахъ: въ этомъ отношении мусульмане чуть-ли не заботливѣе всѣхъ другихъ пародовъ; этимъ они выражаютъ даже чувство религіозной благотворительности. Люди съ состояніемъ

считають непремъннымъ долгомъ пожертвовать часть своего имущества на доставленіе путнику прохладной влаги и отдыха, и съ этою цівлію выкапывають колодцы или фонтаны и строять гостинницы. Въ Малой Азін, въ селеніяхъ и при дорогахъ, везді, гді только можно найти чистый ключь, изъ него делають фонтанъ. Иногда воду проводять изъ ключа подземною трубою, на значительное разстояніе, иногда на нъсколько верстъ; въ концъ трубы строится каменное зданіе, по большой части четвероугольное, въ сажень и боле вышиною; съ передней стороны его, повыше, приделывается доска съ надписью изъ корана и съ именемъ строителя, а пониже, одинъ или нъсколько крановъ источаютъ воду въ каменное корыто. Иногда къ этому корыту присоединяется ивсколько другихъ, рядомъ, съ обвихъ сторонъ, такъ что всв они наполняются водою одно отъ другаго и доставляютъ удобство цълому стаду пить вмъстъ и вдругъ. Возлъ крана иногла виситъ жельзный или оловянный ковшь, на жельзной цыпи, а иногда возлы фонтана просто кладется ковшъ деревянный, который унесть не ръшится никто, считая подобное похищение святотатствомъ. Изъ корытъ вода стекаетъ всторону, по проложенной для этого ложбинъ и составляетъ потомъ ручеекъ или исчезаетъ, разливаясь по землъ.

Въ селеніяхъ, гдѣ фонтановъ много, вода изъ нихъ проводится и въ частные домы, иногда чрезъ несколько дворовъ, и притомъ такъ, чтобы хозяева предыдущихъ-домовъ не могли брать у последующихъ. Вообще турки большіе мастера на гидравлическія работы, чему доказательствомъ служатъ очень сложные и большіе водопроводы. Если, напримъръ, источникъ отдъленъ отъ мъста, куда назначено провести воду, глубокою и широкою лощиною, то они не строять, какъ дълали древніе, каменной стъны на лощинъ, а воздвигаютъ только по ней, на извъстныхъ пространствахъ, нъсколько пирамидъ, высотою равныхъ высотъ источника, и въ каждой изъ такихъ пирамидъ проводять трубу, идущую отъ него снизу до верху и обратно сверху до низу каждой пирамиды; такимъ-образомъ вода поднимается все на прежнюю высоту и, достигнувъ возвышенности, гдъ устроиваются фонтаны, всходить на нее свободно, образуеть тамъ бассейнъ и оттуда уже раздъляется вътвями по фонтанамъ. Гдъ нельзя устроить фонтана, то есть, воды, истекающей изъ искуственнаго бассейна, тамъ выкапывають колодцы или довольствуются рачною водою. Вода въ колодцахъ бываеть такъ-же холодна, какъ и въ фонтанахъ, но ръчная иногда сильно нагрѣвается.

Въ Аравіи возлів фонтановъ и колодцевъ иногда ділають нав'ясы, подъ которыми отдыхають утомленные путники. Гдів ність ключевой и колодезной воды, тамъ устроивають цитерны, въ которыя собирается дождевая вода.

Ханы (постоялые дворы). Въ городахъ есть для путешественниковъ гостинницы и вообще зданія, подъ кровлею которыхъ путникъ найдеть мѣсто для отдыха. Въ Малой Азіи и Сирій такія мѣста называются ханъ. Въ Малой Азіи, при дорогахъ, гдѣ ходятъ караваны, ханы (постоялые дворы) довольно часты. Въ прежнее время, когда

разбои составляли ремесло многочисленныхъ бродягъ, кочевыхъ и осъдлыхъ, ханы строились богатыми людьми, для общей пользы, въ видъ богоугоднаго дъла. Это были большія четвероугольныя каменныя зданія, иногда длиною въ двадцать, а шириною болье десяти саженъ, съ высокою черепичною или свинцовою кровлею, съ очень толстыми ствнами, въ которыхъ, вмъсто оконъ, придълывались узкія бойницы, и съ огромными воротами, окованными жельзомъ. Внутри такого хана, по объимъ сторонамъ, вдоль стънъ идутъ два ряда сводовъ, поддерживаемыхъ толстыми пилястрами; въ ствнахъ, по десятку и болве углубленій съ каминами, изъ которыхъ трубы выведены внутри стъны до кровли; въ самой-же срединь, въ длину зданія, двь или четыре огромныя пилястры, подпирающія кровлю. Наружная сторона ствиъ украшалась, обыкновенно, мелкою затвиливою ръзьбою въ арабскомъ вкусъ. Иногда, въ такихъ ханахъ строились и бани, комнаты и даже мечети. Нъкоторые изъ нихъ и теперь еще поддерживаются, напримъръ: по дорогъ изъ Карамана въ Келендери, при переъздъ черезъ главный хребеть Тавра; они служать убъжищемъ для путешественниковъ въ зимнее время, когда въ горахъ вьюги бываютъ очень опасны и могуть занести сивгомъ цвлые караваны.

Въ последнее время ханы строятся также непрочно, какъ и частные домы, изъ дерева съ землею или съ глиною. Иногда въ нихъ поселяется какой-нибудь содержатель кофейни; иногда они остаются, подобно прежнимъ каменнымъ, пустыми, и каждый путешественникъ, завхавшій на ночлегъ, хозяйничаетъ тамъ, какъ хочетъ.

Въ большихъ городахъ они устроиваются иногда очень удобно: это ужъ настоящія гостинницы и постоялые дворы вмѣстѣ (каравансараи), на дворахъ которыхъ могутъ помѣститься до двухъ – сотъ верблюдовъ.

Караваны. Путешествія на Востокъ соединены съ опасностію лишиться не только имущества, но и жизни: духъ разбоя и грабежа одушевляеть не только кочевыхъ, но и оседлыхъ бродягь, искателей счастья. И потому, путешествовать одному на Востокъ невозможно: тамъ путешествуютъ собственно только по необходимости и общирными обществами — караванами. Путешественники запасаются обыкновенно разнаго рода оружіемъ, — саблями, пистолетами, ружьями и тому подобнымъ. Въ ръдкомъ каравансараъ (ханъ) можно найти пищу. и потому, кром'в вещей, тамъ надо брать съ собою и събстные припасы и разныя мелкія принадлежности дальняго пути. По сухому пути на Востокъ ъздять, большею частію, на лошадяхь, а товары перевозятся на верблюдахъ. Въ торговыхъ караванахъ участвуютъ не только купцы, но и всякіе другіе путешественники. раваны отправляются обыкновенно въ извъстное время года. Большіе караваны состоять болье, чымь изъ трехъ-соть человыкь и нысколькихъ тысячъ верблюдовъ. Караванъ человъкъ въ триста и верблюдовъ въ пятьсотъ считается небольшимъ. Все это идетъ неръдко подъ прикрытіемъ вооруженнаго конвоя. Въ теченіе дня караваны останавливаются обыкновенно возлѣ фонтановъ или деревень; въ полдень они остана48 Смпсь.

вливаются иногда на продолжительный отдыхъ, разбиваютъ палатки и, при случаѣ, проводятъ время на охотѣ до самаго вечера. По захожденіи солнца, палатки и всѣ вещи укладываются опять на верблюдовъ, чтобы къ разсвѣту все было уже готово къ дорогѣ. Служители, спавшіе днемъ, должны быть стражами ночью. Прочіе спятъ, подъ открытымъ небомъ. Лошади, ослы и мулы располагаются среди круга, образуемаго верблюдами, лежащими на колѣнахъ. Чуть свѣтъ, все пробуждается и выступаетъ въ дорогу. Въ полдень опять останавливаются въ какомъ-нибудь каравансараѣ или возлѣ источника. (Въ Персіи каравансараевъ всегда избѣгаютъ: они грязны). Въ дорогѣ, мужчины ѣдутъ на лошадяхъ, а женщины на верблюдахъ. Женщины иногда занимаются при этомъ какимъ-нибудь рукодѣльемъ. Факиры и дервиши идутъ пѣшкомъ. Иногда за караваномъ идутъ цѣлыя стада разныхъ животныхъ. За большими караванами всегда идетъ и толпа нищихъ.

Дорожные принасы, пища и тому подобное — привъшиваются обыкновенно, въ мѣшкахъ, къ сѣдлу, съ боку лошади. Сѣдла на Востокѣ высоки, а стремена коротки, такъ что ихъ острые кружки постоянно рѣжутъ бока лошади. Турки и армяне никогда не носятъ шпоръ, а у персіянъ, на задникахъ сапогъ, торчатъ небольшія желѣзныя острія. На украшеніе лошадей издерживаются большія деньги, особенно турками и еще больше персіянами; сѣдла и другія части конной сбруи они украшаютъ иногда серебромъ и разнаго рода дорогими камнями. Въ Аравіи, Персіи и Индіи иногда окрашиваютъ лошадей разноцвѣтными красками.

Знатный персіянинь никогда не вывдеть на охоту, визить или куда-бы то ни было, безь того, чтобь не взять съ собой толны служителей, ведущихь за нимь лошадей, на которыхь сбруя блестиь золотомь, серебромь и драгоцьнными камнями. Даже не знатные люди всегда беруть съ собой двухъ-трехъ человькъ съ красивыми лошадями. Персидскія лошади, по большей части, средняго роста; грудь у нихъ узкая, но бодрая и живая; только голову онь держать некрасиво. Лошадей кормять обыкновенно соломой и ячменемь; весной — травой и ячменемь. Ихъ подковывають. На ослахъ и мулахъ вздять только старики и дамы: последнія муловъ своихъ украшають также богато, какъ мужчины лошадей. Славятся особенно сирійскіе и арабскіе мулы.

Верблюды составляють драгоцівность въ Турціи, Египті, Малой Азіи, Аравіи и у татарь. Въ Индіи полезнійшее выочное животное — слонь, котораго ловять въ дикомъ состояніи и ділають ручнымъ. Въ дикомъ состояніи онъ, говорять, живеть до двухъ сотъ літь, а въ ручномъ до двухъ сотъ двадцати. Онъ поднимаеть тяжести въ пятеро больше противъ верблюда, и въ десятеро противъ лошади. Англичане въ Индіи употребляють его и въ артиллеріи. При переходів черезъ плоты и болотистый грунть, слонь, передъ каждымъ шагомъ, пробуеть напередъ прочность переходимаго грунта и моста своимъ хоботомъ; а переходя черезъ ріку, онъ можеть входить въ нее такъ глубоко, что изъ подъ нея торчить наружу только его хоботь. Свое удовольствіе онъ выра-

Смысь . 49

жаеть хозяину темь, что поднимаеть перпендикулярно свой хоботь. Желая отдать кому-либо честь, онъ становится на колена и также поднимаетъ хоботъ: такъ научаетъ его магудъ, то есть, погонщикъ. Развьюченнаго слона приковывають на цѣпь, - оковы для него ничтожныя; но онъ уходить только во время особеннаго бъщенства... Первое блюдо слона состоить въ поджаренномъ тесть, которое подаютъ ему въ холодномъ состояніи. Сахарный тростникъ составляеть его особенное лакомство. Охотно онъ пьетъ и аракъ. Въ водъ любитъ барахтаться по цельимъ часамъ, а иногда прохлаждается землею и прутьями, бросая все это на свой хребеть. Когда магудъ вздумаеть его чистить, то слонъ становится на кольна или ложится на бокъ и терпъливо ждеть окончанія работы. Подъ верховую ізду снаряжають его слідующимъ образомъ. На спину кладутъ ему подушку, плотно набитую шерстью: это для защиты его хребта, какъ самой чувствительной его части, на которой раны трудно залечиваются. На подушкѣ разстилается покрывало, иногда шитое золотомъ, на которомъ прикрѣпляется гаудахъ — родъ съдалища, похожаго на наши сани и имъющаго два мъста для съдоковъ и прислуги. Магудъ садится на шею слона и держить въ рукъ жельзную вилу; а другой погонщикъ бъжить съ длиннымъ кнутомъ съ боку и понуждаетъ слона криками и кнутомъ. По бокамъ животнаго висять лестницы. Когда седокъ намеревается взойти на слона, магудъ кричить: «бейть, бейть», то есть, ложись; слонъ опускается на кольна, лъстницу прилаживають и съдокъ всходить по ней и садится въ гаудахѣ. Слонъ шагаетъ такъ широко и скоро, что всадникъ на лошади можеть бѣжать съ нимъ только рысью; но мало-по-малу слонъ такъ устаетъ, что едва можетъ пройти двадцать четыре ангійскія мили въ день. Урывками онъ захватываетъ своимъ хоботомъ воды и обрызгивается ею, чтобы прохладиться и очистить съ себя пыль. Индійскіе мусульмане окрашивають слоновъ разными красками. Вообще слоны, равно какъ и лошади, составляють существенный предметь роскоши индійскихъ вельможъ.

И люди въ Индіи занимаются переноскою себѣ подобныхъ, нетолько въ городѣ, но и изъ города въ городъ. Приближаясь къ станціи, переносчики извѣщають о своемъ приближеніи громкимъ крикомъ. Паланкинъ или носилки походятъ на софу, прикрѣпленную къ длиннымъ палкамъ, концы которыхъ лежатъ на плечахъ носильщиковъ. Для женщинъ паланкинъ покрывается какою-нибудь тканью; мужчины переносятся иногда въ лежащемъ положеніи, между-тѣмъ какъ одинъ изъ носильщиковъ защищаетъ лежащаго отъ лучей солнца. Въ городахъ паланкинъ принадлежитъ къ предметамъ роскоши.

Въ Персіи есть также родъ носилокъ собственно для женщинъ и которыя возятся мулами. Такіе экипажи всегда сопровождаются двумя мужчинами на лошадяхъ. Подобныя носилки есть и у турокъ:

Кареты рѣдко встрѣчаются на Востокѣ, а для путешествій онѣ почти нигдѣ не употребляются. Мужчины въ нихъ никогда не ѣздятъ; въ Константинополѣ ѣздятъ въ каретахъ только муфти и верховный судья. Карета перваго покрывается зеленымъ, а втораго краснымъ сукномъ. 50 Смпсь.

Эти котии лежать прямо не на рессорахь, а на осяхь; а для восхожденія въ нихь устроиваются ступеньки сзади. Болье двухь лошадей въ нихъ никогда не впрягается Дамы и въ каретахъ сидять поджавши ноги, на мъстахъ обитыхъ атласомъ, бархатомъ и тому подобнымъ. Кареты султанскихъ женъ покрываются алымъ сукномъ. Въ незначительныхъ городахъ европейской Турціи, женщины вздятъ обыкновенно въ другаго рода экипажахъ — въ арабъ или арбъ.

Въ Аравіи вовсе нѣтъ каретъ.

Въ Индіи есть только двухъ-колесныя повозки, употребляемыя для перевозки тяжестей. Скрипъ и свистъ колесъ такихъ возковъ раздается на далекое пространство. На нихъ перевозятъ особенно жатву. Кареты индійскихъ князей дѣлаются также на двухъ колесахъ. Лошадей или быковъ, которые въ нихъ запрягаются, покрываютъ обыкновенно красною тканью. Экипажъ увѣшиваютъ колокольчиками. Кучеръ помѣщается на дышлѣ. Въ такихъ экипажахъ ѣздятъ только лежа.

Судоходство. Суда на Востокъ не искусны, хотя и разнообразны. У Киргизовъ лодки напоминаютъ первобытное состояніе приморскихъ обитателей: дно у нихъ совершенно плоское, а борта почти перпендикулярны; онъ дълаются изъ цълаго дерева. На нихъ они могутъ перевозить отъ четырехъ до шести ненавьюченныхъ верблюдовъ. Въ Индіи и Месопотаміи есть также лодки, но простой народъ въ Индіи перевзжаетъ черезъ рвки следующимъ образомъ. Взявъ воловью кожу, отрѣзавъ отъ нея ноги, а рога и хвостъ оставивъ на ней, надуваютъ ее какъ пузырь и въ такомъ видъ бросаютъ его на воду и садятся на немъ. Держась левою рукою за пузырь, правою управляють весломъ. На Тигръ и теперь еще переъзжають на кожаныхъ мъшкахъ, сделанныхъ изъ козьихъ кожъ, въ которыхъ отверстія тщательно зашиваются, за исключеніемъ отверстія оть одной ноги, черезъ которое кожу надувають воздухомь; послѣ чего отверзстіе это немедленно зашивается и сдавливается. Приготовивъ такого рода судно, снимаютъ съ себя все платье, связывають въ узелокъ, привязывають на плеча и ложатся на пузырь во всю его длину; послѣ этого, ногами подвигають пузырь впередь, а руками дають плаванію своему направленіе, причемъ въ зубахъ держатъ и трубку. Мужчины на такихъ пузыряхъ проплывають значительное пространство, а женщины и девушки переплывають съ пъснями съ одного берега ръки на другой. Грузъ перевозять обыкновенно на плотахъ, сделанныхъ изъ кожаныхъ меховъ, на которые накладывають прутья. Весла дёлають изъ связаннаго тростнику. На такіе плоты надо прежде положить нісколько толстых в постилокъ, чтобъ не замочить товаръ. Лошадей переводятъ обыкновенно вплавь, между-темъ, какъ и переправляющіе ихъ люди сами плывутъ на пузыряхъ. Слабыхъ лошадей также поддерживаютъ пузырями.

Деревянныя суда на Восток' в вообще неуклюжи и тяжелы. Суда на Евфрат' бывають въ сорокъ футовъ длины, десять ширины, сзади почти въ два, а спереди въ пятнадцать футовъ высоты. Они походятъ на тыквы. Дно у нихъ плоское, а бока прямые. По нижнему теченію

Тигра ходять большіе корабли, отъ двадцати до пятидесяти тоннь, для перевозки товаровь между Багдадомь и Басорой. Они снабжены мачтами и парусами.

Суда индійскихъ князей представляютъ зданіе нногда въ шестьдесять и семьдясятъ футовъ длины, въ шесть ширины, и съ тридцатью веслами.

Для торговыхъ сношеній между индійскими, персидскими и арабскими гаванями ходять большія ластовыя суда, очень неуклюжія, съ одной мачтой и огромнымъ парусомъ.

Лучшіе корабли на Восток' принадлежать Туркамъ, но, сравнительно съ европейскими, и въ нихъ чрезвычайно много недостатковъ во вс'єхъ отношеніяхъ. Вообще Турки не любять моря и даже питають къ нему суев фрный страхъ.

Почтовыя сообщенія. Почта на Восток'в существуєть, какъ изв'єстно. со времень Персидской монархіи; но до-сихъ-поръ она остается въ самомъ ограниченномъ видъ. Въ Турецкой имперіи поставка почтовыхъ лошадей отдается по контракту частнымъ лицамъ. По словамъ путешественниковъ, взявшіе на себя эту поставку всегда почти остаются въ убыткъ, и потому но большой части поставляють самыхъ жалкихъ лошадей: Эта почта назначена собственно для правительственныхъ сношеній, но ею пользуются иногда и частные люди, особенно одинокіе путешественники. Какъ сказано выше, путешествовать одному на Востокъ невозможно; а ъхать съ караваномъ — медленно и скучно: и потому одинокіе путники нерѣдко входять въ сдѣлку съ какимъ-нибудь татариномъ — турецкимъ курьеромъ. Въ Персіи почта существуеть также только для пересылки распоряженій правительства, да и то только на главныхъ дорогахъ отъ Тегерана. Желающіе отправить частное письмо или посылку, также обращаются къ курьеру посылаемому правительствомъ. На каждой станціи содержится обыкновенно семь лошадей, изъ которыхъ одна или двѣ годныхъ, а прочія никуда негодятся. Въ Индіи, вмѣсто лошадей, употребляются скороходы, которые пробъгають десять англійских в миль въ полтора часа. the residence of the property of the contract of the same of the s

that the part of the second temperature of the state of the second temperature of the second tem

en la comparta de la compa

Common describerario e la secución de escapa e a un objecto a la describación de experiencia.
 Orden de escapación de entre de entre de entre de entre describerarios de entre d

or the stay as a separate range to properly an paint of the specifies of the second

ture di la comparta de la comparta d Comparta de la compa

action to a construction of a about a factor, when construction are property in the case of

Toronto Management of the second of the seco

РУКА И СЕРДЦЕ.

par e como en la como entre estador de la comprese de comprese de comprese de la compre Comprese de la comprese del la comprese de la comprese de la comprese de la comprese del la comprese del la comprese de la comprese del la comprese del la comprese del la comprese del la comprese della c

Повъсть Госифа Корженевскаго.

Въ прекрасной окрестности Владимірскаго уѣзда, расположена на ровномъ мѣстѣ небольшая деревня Залиповецъ. Эта дача принадлежала вдовѣ, которой мужъ рано умеръ, но оставилъ ей въ утѣшеніе трехъ

хорошенькихъ дочерей.

Это было въ 1797 году. Нелишнимъ считаю сказать, что Залиповецкія барышни не учились по-французски, не играли на фортецьяно и не танцовали гавота; — но онъ умъли хорошо читать и писать на родномъ языкъ, шить для себя платья, дълать головной уборъ для матери, ходили за хозяйствомъ и не почитали предосудительнымъ присмотръть за кухнею и погребомъ. Словомъ, это были барышни деревенскія, хозяйки, веселыя и здоровыя. Но, какъ часто случается, что отъ одной матери бываютъ дъти съ разными характерами и наклонностями, то и у нашихъ барышень, когда онъ достигли зрълыхъ лътъ, обнаружилась эта разница.

Ядвига, которой пошель двадцатый годь, сказала себѣ, что выйдеть замужь тогда только, когда почувствуеть сильную, взаимную

любовь къ тому, кто будетъ просить ея руки.

SE NEWSCHIE BEITH OF MENONING THE END OF THE STREET

Эмилія сказала себъ, что если только найдется женихъ съ хорошимъ состояніемъ, молодой, разсудительный и ловкій, она за него съ охотой выйдеть за мужъ.

Анна сказала себъ, что выйдетъ за перваго встръчнаго, если ей

маменька прикажетъ.

Въ іюнъ того-же года, при самомъ закатъ солнца, стояла на крыльцъ Ядвига. На лицъ ея была замътна грусть, или неудовольствіе; она прислушивалась къ шелесту липъ, которыя окружали господскій домъ. Противъ нея стоялъ молодой, красивый мужчина, прилично, но скромно и не богато одътый. Онъ смотрълъ въ землю и также молчалъ. Наконецъ онъ поднялъ голову, сдълалъ два шага впередъ и сказалъ:

— Такъ вы не удостоите меня отвътомъ? Не знаю, отчего я такъ несчастливъ, что не могу надъяться на ваше согласіе? Матушка ваша не противится моему желанію и я жду съ нетерпъніемъ вашего отвъта. Мы были-бы такъ счастливы! Мое имъніе отсюда близко, вы почти

не разлучались-бы ни съ матушкой, ни съ сестрами. Я не богатъ; но при расчетливомъ и хорошемъ хозяйствъ, съ насъ было-бы довольно. Сжальтесь надо мною, потому-что я до безумія люблю васъ. Говоря это, онъ старался скрыть слезы, которыя крупными каплями струились по его мужественному лицу и скользили по чернымъ усамъ.

- Благодарю васъ за привязанность, сказала Ядвига; но я дала себъ слово, выдти за-мужъ не иначе, какъ по любви, и отдать руку вмъстъ съ сердцемъ. Хотя я уважаю ваши достойнства, но признайтесь, уважение еще не любовь. Если-бы я отдала вамъ руку, вы потребовали-бы и даже имъли-бы право требовать любви, не правда-ли? Тогда мнъ пришлось-бы признаться, что не люблю васъ, или, что еще хуже—солгать. Но я лгать не умъю и не хочу, прибавила ръшительно Ядвига.
- Когда такъ, дѣлать нечего! отвѣтилъ Каетанъ (такъ звали молодаго человѣка), я васъ болѣе мучить не буду. Моя привязанность къ вамъ такъ велика, что я лучше соглашусь одинъ страдать, чѣмъ быть причиной вашего неудовольствія. Какъ-бы я былъ счастливъ, если-бъ вы могли меня любить! прибавилъ Каетанъ дрожащимъ голосомъ, закрывъ лицо руками. Но дѣлать нечего! сказалъ онъ съ твердостью, послѣ краткаго молчанія. Прощайте, Ядвига! болѣе наскучать вамъ не буду. Сказавъ это, онъ схватиль обѣ ея руки, пламенно поцѣловалъ ихъ и быстро ушелъ. На рукахъ ея остались слѣды слезъ.

У воротъ Каетанъ вскочилъ на коня и быстро понесся по большой дорогъ и долго еще слышно было топанье копытъ, хотя облако пыли давно уже скрыло изъ виду полнаго отчаянія молодаго человъка.

Ядвига стояла на крыльцѣ, но даже не взглянула на Каетана; она не слышала конскаго топота ... она думала, сама не зная о чемъ, смотрѣла вдаль, сама не зная для чего; глаза ея были сухи, въ сердцѣ не было ни состраданія, ни сожалѣнія; она оставалась совершенно равнодушною къ искреннимъ словамъ юноши ... Отчего это?

Развѣ сердце этой женщины не способно умягчаться и чувствовать? Нѣтъ! весь секретъ въ томъ, что Ядвига не любила Каетана; и дала себѣ слово, что руку свою отдастъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ сердцемъ.

Нѣсколько дней прошли скучно. Мать знала обо всемъ: она плакала, сидя въ углу; она не хотѣла дѣлать выговоровъ Ядвигѣ, потому-что Ядвига была добрая дочь и хорошая хозяйка; за ней былъ только одинъ недостатокъ: она не хотѣла отдать руку безъ сердца.

На пятый день получили письмо отъ Каетана. Онъ высказываль въ немъ свои чувства: грусть и мученія; онъ упоминаль объ отъ вздѣ на долго, далеко; умоляль мать, чтобъ она приняла всѣ средства смягчить къ нему неумолимую дочь; — но все это ни къ чему не послужило. Мать плакала, сестры старались уговорить Ядвигу, но глаза красавицы были сухи, сердце спокойно. Она цѣловала у матери руки, и на отрѣзъ отказала, потому, что Ядвига не хотѣла отдать свою руку безъ сердца.

Почтенная мать умѣла цѣнить характеръ и привязанность молодаго человѣка, который вѣрно составиль-бы счастье ея дочери; она со слевами на глазахъ, отправила къ нему рѣшительный отказъ.

Мало-по-малу все въ домѣ пришло въ прежній порядокъ. Дѣвипы

шили, хозяйничали, принимали гостей, но между ними не было Кастана, и никто не вспоминаль о немъ даже словомъ.

Черезъ нѣсколько недѣль, мать этихъ трехъ дѣвицъ получила еще письмо отъ Каетана; оно было изъ Кракова. Онъ извѣщаль ее, что продалъ свое имѣніе и ѣдеть — далеко отъ родины искать смерти, потому-что утѣшенія вѣрно уже не найдеть; повторяль свои чувства и просьбы, умоляль объ отвѣтѣ и объясняль, что готовъ возвратиться, если найдетъ въ Ядвигѣ хотя искру надежды.

Легко представить положение бѣдной матери: письмо это сильно ее разстроило. Сестры, видя, какъ мать ихъ желаетъ этого союза, начали настоятельно уговаривать Ядвигу, даже сердились на нее; но все это было напрасно. Ядвига оставалась непреклонна и дала себѣ слово не отдавать руки безъ сердца. Въ Краковъ отправили отвѣтъ почти такой-же, какъ первый, и съ этого времени въ Залиновцѣ не было болѣе слышно объ Каетанѣ.

Время лучшій врачь всёхъ скорбей. Оно уменьшаеть радость, и ослабляеть горе, словомь, приводить всё чувства въто положеніе средней температуры, оть которой человёку ни жарко, ни колодно. Такъ случилось и въ Залиповцё. Вскорё всё забыли о Каетане, и старушка такъ-же, какъ и дочери, была спокойна и весела.

Черезъ годъ явился новый претендентъ на руку Ядвиги. Это былъ человькъ льтъ тридцати-двухъ, хорошій хозяинъ, хотя и не ученый; онъ любилъ ноболтать, однако въ разговоръ его былъ видънъ здравый умъ и твердый характеръ. Ядвига, узнавъ о его видахъ, подъ разными предлогами уходила изъ комнаты, когда пріъзжалъ г-нъ Житницкій.

Сестры занимали его вмъсто Ядвиги; и Житницкій, противъ воли, долженъ быль разговаривать постоянно съ Эмиліей.

Прошелъ мѣсяцъ. Вечеромъ, на крыльцѣ, на томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ годъ назадъ плакалъ Каетанъ, Житницкій объяснился Ядвигѣ въ любви. Ядвига отказала, потому-что дала себѣ слово не отдавать руки безъ сердца. Житницкій не плакалъ, просьбы своей не повторялъ, но вѣжливо поклонился и уѣхалъ.

Чрезъ три дня, мать Ядвиги получила письмо и была не мало удивлена, когда Житницкій, въ выраженіяхъ, полныхъ уваженія и привяванности, просиль у ней руки средней дочери, Эмиліи.

Когда мать объявила ей эту новость, Эмилія тотчась вспомнила, что Житницкій богать, человькь разсудительный, веселый и учтивый, что ему тридцать два года и что онь не дурень собою... Она покрасный, потупила глазки — и на вопрось матери: какъ ты думаешь? не запинаясь, отвытила: Что-же, маменька, очень хорошо.

Чрезъ два мѣсяца сыграли свадьбу. Мать была счастлива; Ядвига спокойна, хотя немного грустна; молодая Житницкая весела и довольна, а Анюта расцвѣла надеждой и улыбкой. Чрезъ нѣсколько дней все въ домѣ пришло въ прежній порядокъ, только прибавилось побольше заботы двумъ оставшимся сестрамъ.

Такъ протекли два года. Разъ у ихъ дома остановился роскошный вънскій дормезъ и изъ него вышель судья Загорскій. Смись.

Ядвига посмотрѣла хладнокровно на его экипажъ; но Анюта радовалась и улыбалась, потому-что очень любила красивыхъ лошадей и хорошенькія кареты. Загорскій вошелъ въ комнату и отрекомендовался.

Онъ быль одёть изящно и со вкусомь, и хотя на голов в пробивались кое-гд сединки, однако лицо его было румяное, поступь твердая, взглядь полонъ жизни. Загорскому было лёть за сорокъ.

Онъ прівхаль съ темъ, чтобы посвататься на Ядвиге. Ядвига, вамётивъ это, обощлась съ нимъ холодно; она отворачивалась, когда онъ устремляль на нее глаза, почти убёгала, когда онъ подходиль къ ней въ такомъ мёстё, гдё они оставались одни. Въ такихъ эволюціяхъ прошли два мёсяца. Однажды, на крыльцё, на томъ самомъ мёстё, гдё плакалъ Каетанъ, гдё Житницкій объяснился въ любви, Загорскій устроилъ васаду такъ, что Ядвига не могла увернуться.

— Позвольте, сударыня! началь судья; остановитесь на минуту и выслушайте меня. Смёю надёяться, что вы не откажете миё въ этой просьбе. Мое уважение къ вамъ должно возбуждать довёренность въ вашемъ сердце. Благодарность моя будеть такъ безпредёльна, какъ ...

Ядвига хотвла уже отвъчать, что не можетъ отдать руки безъ сердца, какъ вдругъ Загорскій прервадь ея мысли.

— Я не молодъ и, признаюсь, мнѣ стыдно предъ вашей матушкой объяснить мои чувства. Я хочу просить, чтобы вы приняли во мнѣ участіе. Будьте такъ добры и попросите маменьку, чтобы она не отказала мнѣ въ рукѣ вашей сестрицы, M-lle Annette.

Ядвига побледнела; какая-то новая мысль мелькнула въ ея голове и какое-то новое чувство сжало ей сердце. Вскоре однако, она пришла въ себя и обещала Загорскому, что тотчасъ переговорить съ матерью.

Добрая мать обрадовалась: воть и еще дочку Богь пристроиваеть. Загорскій быль человѣкъ ловкій, онь хорошо зналь людей и свѣтъ. Объ немъ говорили, какъ о зажиточномъ помѣщикѣ и примѣрномъ чиновникѣ. Хотя лѣта его далеко превышали возрастъ Анеты, однако онъ былъ здоровъ, крѣпокъ и во всемъ разсудителенъ. Мать все это взвѣсила въ одинъ мигъ, приказала позвать дочь и объявила ей желаніе Загорскаго.

- Во всемъ ваша воля, мамаша! отвѣчала Анета.
- Я-бы отъ души желала, чтобъ ты вышла за него, сказала ей мать. Конечно, ты молода, могла бы еще подождать; но если навернулся женихъ — такъ и хлопотать нечего.
- Если вы такъ думаете, я готова выйти за кого-угодно, хоть сейчасъ-же.
- Выходи за Загорскаго, говорила мать, благословляя дочь, которая цёловала ей руки, а потомъ въ припрыжку бросилась душить въ объятіяхъ Ядвигу.

Свадьба была пышная и веселая. Небольшой домъ въ Залиповцѣ едва могъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ гостей, которыхъ пригласиль судья. Казалось, что Загорскій помолодѣлъ двадцатью годами, до того онъ быль счастливъ и веселъ. Онъ ничего не щадилъ на наряды невѣсты, чтобъ только всѣмъ показать, какая у него красоточка жена.

Три дня пиръ кипълъ, не умолкая. Наконецъ, гости разъвхались; увхалъ и Загорскій съ женою: остались только мать и старшая дочь, Ядвига.

Это быль последній веселый день въ Залиповить. Не стало двухъ девиць; оставалась только одна и притомъ та, которая могла прежде всёхъ выдти изъ родительскаго дому. Больно было матери 'смотрёть на это особливо, когда ей западала мысль, что можетъ быть ужъ другаго жениха и не найдется для ея капризной дочки. Ядвига, хотя казалась спокойной и веселой, хотя съ охотой заступила мёсто сестрицъ, такъ что мать не чувствовала тяжести хозяйства, однако когда она оставалась одна, ей приходили на умъ разныя мысли, отъ которыхъ головка ея склонялась, иногда и непрошенныя слезы скользили съ рёсницъ, оставляя за собою слёды на лицъ, съ котораго цвётъ жизни и молодости примътно исчезаль.

Такъ прошли мъсяцы и годы. Никто почти не заъзжаль въ Залиповецъ. Развъ иногда навъщали болъзненную мать дочери съ мужьями
и дътьми, и тогда пустынная жизнь ея оживлялась на нъсколько дней.
Но жизнь эта продолжалась не долго. Эмилія спъшила домой — къ мужу; Аннета уъзжала въ городъ ц увозила отъ бабушки двухъ хорошенькихъ мальчиковъ, которыми ее надълилъ Господь. И опять въ Залиповцъ дълалось тихо и пусто. Когда приближался вечеръ, шумъли
липы, въ домъ было тихо и въ окнахъ темно, Ядвига сидъла одна на
крыльцъ и плакала. Образъ Каетана не разлучался съ ея мыслью; но
Каетана не было и никто не зналъ, гдъ онъ и что съ нимъ.

Ядвига сділалась еще старательные и трудолюбивые, когда увиділа, что матери ея заниматься хозяйствомы уже не поды силу. Она не счадила себя ни во время сінокоса, ни во время жатвы; смотріла за хлібомы, за сіномы, не оставляла безы вниманія коровы и овецы. Лицо ея, постоянно подверженное вліянію солнца, загоріло, руки оты простыхы работы загрубіли, а оты різкаго вітра — ніжная кожа заміпилась.

Желая дать хозяйству правильный ходъ, Ядвига сдёлалась нетерпеливой, строгой, крикливой. Такъ стукнуло ей тридцать пять лётъ. Потерявъ надежду когда-нюбудь выдти за-мужъ, она начала заниматься всёми мелочами домашней жизни. Пока она вздорила и сердилась за пустяки, въ теченіе цёлаго дня, ей не приходило на мысль сиротство и отчужденіе старой дёвы, но когда наступалъ вечеръ, все въ домѣ угомонялось, кричать было не на кого и не за-что, къ ней невольно напрашивались на память улетёвшіе годы, сердце ея сжималось и Каетанъ снова порхаль передъ ея воображеніемъ ... но Каетана не было.

Спустя нѣсколько лѣтъ, умерла мать. Ядвига осталась одна. Уединеніе сдѣлалось для ней тягостно, хозяйство ей наскучило. Домъ въ Залиповцѣ, который былъ всегда опрятенъ, сталъ ветшать съ каждымъ днемъ, взапуски съ своей хозяйкой. Вмѣсто разбитыхъ стеколъ, была вставлена бумага въ окнахъ, заборъ разсыпался, полы были грязны. Господскія службы пришли въ упадокъ: гдѣ покачнулась стѣна въ сараѣ, гдѣ стойла обвалились въ конюшнѣ; — во всемъ было замѣтно невниманіе хозяйки. Однѣ липы у крыльца стояли такъ же твердо,

Смись. 57

какъ и прежде, зеленѣли и цвѣли. А когда, подъ вечеръ, Ядвига садилась одиноко у крыльца и облокачивала руку на подгнившія перила, лины эти грустно шумѣли и припоминали ей печальныя слова Каетана, но — Каетана не было.

Время мчалось быстро. Едва кончался годъ, какъ новый наступалъ. Пожелтъло и покрылось морщинами лицо красавицы, посъдъли
волосы, погорбилась спина. Начались спазмы и истерики. Ревматизмъ
до того ломилъ ей правую ногу, что она начала ходить съ палкой;
флюсъ такъ ее мучилъ, что она принуждена была носить постоянно повязку. Глаза ея ослабъли до того, что когда она хотъла прочитать
отъ сестры письмо, должна была сжимать носъ свой безобразными очками. Чъмъ больше она запускала хозяйство, тъмъ меньше
было дохода и она видимо дълалась скупъе. Она начала привязываться къ своимъ вещамъ и тряпкамъ, такъ что если потеряется
какой платочекъ или старый башмакъ, который долго валялся подъ
кроватью, если разобъется чашка, которая была уже безъ ушка, или
тарелка, надтреснутая споконъ въку, Ядвига сердилась, кричала,
говорила, что ее разоряютъ, а на горничныхъ иногда приподымала
и свою палочку.

Такъ прожила наша красавица до 1827 года. Въ этомъ-то роковомъ для нея году, она получила слъдующее письмо:

«Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я простился съ вами. «Съ болью въ сердиѣ, пустился я — куда глаза глядѣли, искалъ опас«ности и смерти; но кажется, что на полѣ чести и славы смерть
«преслѣдуетъ только тѣхъ, кто боится съ нею повстрѣчаться. Я
«былъ въ двадцати атакахъ, экспедиціяхъ и сраженіяхъ, однако остал«ся живъ ... живъ, какъ и прежняя страсть жива въ моемъ сердиѣ. Я
«содрагаюсь, когда вспоминаю, что вы теперь, можетъ быть, уже за«мужемъ, имѣете дѣтей и счастливы среди своего семейства! ... А я
«пишу къ вамъ, какъ къ прежней Ядвигѣ.

«Изъ этого вы можете заключить, что въ моемъ сердцѣ все осталось «въ томъ-же видѣ, въ какомъ было въ то время, когда вы хладно- «кровно и безъ слезъ смотрѣли на мои страданія. Теперь я постарѣль, «сѣдина пробивается наружу, лицо мое изрублено, но сердце такъ-же «бьется и — для васъ однѣхъ. Я былъ въ Италіи, Испаніи, Франціи, но «ни одна женщина не казалась мнѣ прелестнѣе, милѣе васъ. И такъ, «если сердце и рука ваша свободны, если вы не замужемъ или вдова, «примите мое предложеніе, хоть черезъ тридцать лѣтъ, предложеніе «увѣчнаго воина, котораго вы отвергли полнымъ жизни юношею. «Отвѣта булу ждать два мѣсяца. Если я его не получу, буду думать, «что васъ нѣтъ на свѣтѣ.

«Тогда мив останется одно утвшение: молиться за душу Ядвиги. «А когда пробьеть и мой чась, пойду искать мою Ядвигу тамъ, гдв имы на ввки будемъ молоды и живы.

Ядвига прочитала письмо со слезами. Теперь только она поняла, какимъ пренебрегла сердцемъ. Когда она нѣсколько поуспокоилась, то написала къ Каетану отвѣтъ, полный чувства и нетерпѣнія поскорѣе его увидѣть. Отправя письмо, она посмотрѣла въ веркало и сильно огорчилась, когда увидѣла изнуреніе на лицѣ и разницу послѣ тридцати лѣтъ. Однако она не теряла надежды и думала, что ревматизмъ пройдетъ, а флюсъ можно будетъ вылечить. Она принялась за свой гардеробъ, начала примѣривать давно оставленныя ею платья, зачесывать свою сѣдую голову, сурмить брови, и прикрывать разрушенія времени предательскимъ чепчикомъ. Слуги безпрерывно ѣздили во Владиміръ, портнихи заняли почти всѣ комнаты, утюгъ не сходилъ съ очага а служанки съ опухлыми отъ безсонницы глазами были постоянно въ работѣ. Наконецъ Ядвига обратила вниманіе и на свой старый домикъ.

Она приказала вставить въ окна стекла, починить крыту, передълать заборы и замазать обвалившуюся штукатурку на стѣнахъ. Но ущербовъ, причиненныхъ временемъ, нельзя прикрыть ни новымъ платьемъ, ни известью, ни глиной. Ядвига была старушка, а домъ въ Залиповцѣ былъ ветхъ и грустенъ. Всякій день, послѣ кофе, она принималась читать письмо Каетана; потомъ одѣвалась, примѣривала новыя платья, потомъ хлопотала по дому, приказывала черезъ день мыть полы, всякій день протирать стекла; посыпать пескомъ крыльцо передъ домомъ, а дорожки въ саду полоть и выметать. Когда приближался вечеръ, она затягивалась въ корсетъ и, разряженная впухъ, садилась на крыльцо, смотрѣла на покачнувшіяся ворота, прислушивалась къ шелесту липъ и съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда Каетана.

Когда Каетанъ получилъ въ Краковѣ письмо отъ покойнной матери Ядвиги, онъ уѣхалъ въ Италію.

Онъ вступилъ въ военную службу, лѣзъ, какъ безумный на но вмѣсто смерти, которой искаль, крѣпостные валы; раны, чины и ордена. Изъ Италіи онъ отправился терукоп въ Германію, а оттуда въ Испанію. Въ 1826 году Кастанъ быль маіоромъ въ стрълковомъ кавалерійскомъ полку. Зимою въ этомъ-же году, онъ сильно заболѣлъ и вышелъ въ отставку. Онъ получилъ пенсію и мъсто лъсничаго въ Царствъ Польскомъ, куда вскоръ и прибылъ.

Онъ нашелъ домъ небольшой, но красивый, недалеко отъ казенной деревни. Передъ его домомъ было крыльцо, а на дворѣ стояло нѣсколько тѣнистыхъ липъ. Когда онъ ознакомился съ новой службой, когда занятія его, къ которымъ онъ скоро привыкъ, дали ему болѣе свободнаго времени, онъ сдѣлался отщельникомъ. Въ такомъ положеніи онъ вышелъ однажды вечеромъ, сѣлъ на крыльцо и задумался. Это крыльцо, эти липы, приномнили ему разлуку съ Ядвигой. Онь любилъ ее первой пламенной любовью юноши. Образъ ея живо сталъ предъ его глазами, слеза скатилась на длинные усы, онъ поспѣшно всталъ и тотчасъ-же написалъ письмо къ Ядвигъ.

Спустя м'всяцъ, онъ получилъ отв'втъ. На другой-же день отпросился въ отпускъ и поскакалъ во Владиміръ.

Когда онъ приближался къ мъстамъ, такъ хорошо ему знакомымъ, онъ почувствовалъ сильное біеніе сердца.

Все ему казалось старымъ и развалившимся. Тутъ онъ подумалъ, какую разницу производять тридцать лѣтъ не только въ людяхъ, но даже и въ зданіяхъ. Чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ, тѣмъ грустнѣе становилось его лицо.

Вотъ ужъ недалеко. Онъ приказалъ вхать тише. Когда онъ увидълъ Залиповецъ, запущенныя избы крестьянъ, разбитые заборы у огородовъ, его обдалъ такой страхъ, что онъ остановилъ лошадей за овинами и пошелъ пѣшкомъ. Было еше довольно рано; онъ не встрѣтилъ никого, и былъ душевно радъ, потому-что не хотѣлъ разспраши вать и боялся отвѣтовъ.

Пройдя позади разрушенныхъ анбаровъ и конюшень, онъ вступиль въ садъ, который быль безъ забора. Тихо пробирался онъ черезъ бурьянъ и крапиву. Каждое дерево этого сада было ему знакомо, каждый кустъ смотрѣлъ на него воспоминаніемъ сладкимъ или печальнымъ. Для шестидесятилътняго влюбленнаго воскресла вся юность, со всеми ея увлеченіями и мечтами. Воображеніе его проснулось и заиграло ... Вотъ передъ нимъ тотъ домъ, гдъ сердце выстрадало такъ много сладкихъ мукъ ... вотъ завътное крыльцо, гдъ онъ ждаль себъ приговора ... Сердце его забилось такъ-же шибко, какъ и въ ту роковую минуту ... Ему чудилось, что онъ видить свою Ядвигу: воть она, стройная и граціозная, стоить передъ нимь; голубые глазки улыбаются, бѣлокурые локоны играють вокругь полной шеи, яркій румянецъ живитъ ея пухлыя щечки ... Но вдругъ раздался плачъ и крикривый, осиплый голосъ. Онъ остановился. Эти звуки ему что-то не знакомы. Рой видъній разлетается: передъ глазами дъйствительность. Онъ притаился за кустомъ и увидёль сгорбленную, пожелтёвшую старушку; насколько клочковъ садыхъ волосъ торчали изъ-подъ ел грязнаго чепчика. Изорванное, утреннее платье, облипло вокругъ ея худаго, костляваго тъла. Въ правой рукъ она держала палку. Каетанъ не хотьль върить своимъ глазамь; холодный поть выступиль у него на лиць, а ноги дрожали такъ, какъ будто онъ въ первый разъ всталъ посав горячки. Онъ думаль, что это ключница Ядвиги и сталь слушать со вниманіемъ.

- Лѣнтяйка, говорила Ядвига, по сю пору не вымыла половъ, не выгладила мнѣ воротничка, тогда какъ онъ сегодня можетъ пріѣхать! И голосъ ея заливался всѣми тонами злобы, и движенія ея показывали, что она умѣетъ подкрѣплять свои слова сильной мимикой.
- Барышня! барышня! кричала горничная, я почти цѣлую ночь не спала. Кто-жъ виноватъ, что вы теперь встаете съ разсвѣтомъ?
- Сейчасъ ступай за работу, дрянь! дармовдка! продолжала кричать старуха. Горничная быстро бъжала, а Ядвига слъдовала за ней въ наступательномъ положеніи.

Каетанъ долго стоялъ, какъ окаменѣлый. Онъ самъ не вналъ что дѣлать: честь, любовь и стыдъ, все вмѣстѣ тѣснилось въ его сердцѣ. О, сто разъ легче ему было стоять подъ непріятельскою картечью

или ждать на минѣ, когда ее взорвутъ на воздухъ. Но отвращеніе побѣдило. Онъ посмотрѣлъ еще разъ на эти развалины, горько заплакалъ и отправился той-же дорогой назадъ. Никѣмъ незамѣченный, сѣлъ онъ въ экипажъ и приказалъ гнать домой — что есть мочи.

Напрасно Ядвига цѣлый день высматривала его; напрасно по-сю пору, послѣ кофе, прочитываетъ любимое письмо; напрасно затягивается до одышки и краситъ свои сѣдины для принятія дорогаго гостя, и когда наступаетъ вечеръ и все въ домѣ утихнетъ, садится на крыльцо, прислушиваясь къ шелесту липъ.

Неизмѣнный другъ, — Каетанъ - колѣка — до-сихъ-поръ не ѣдетъ. Это тѣмъ ужаснѣе, что новыя платья Ядвиги сильно стали отставать отъ моды, а на сооруженіе новыхъ загрубѣлая душа ея не рѣшится.

LANGERSON OF THE WAY TO BE A PROPERTY OF THE PARTY OF THE

ГРУЗИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

and the state of t

en lagger (1997) (2007) de la lagge (1997) de la lagger de la lagger (1997) de la lagger (1997) de la lagger (La lagger (1997) de la lagger

Намѣстикъ кавказскій: князь М. С. Воронцовъ созналъ, что учрежденіе народнаго театра будетъ имѣть въ здѣшнемъ краю вѣковое значеніе, что театръ этотъ, при существованіи русскаго, поможетъ въ достиженіи великой нравственной пользы, вообще театромъ предполагаемой, и что если русскія представленія необходимы для образованія вкуса извѣстной части общества, то туземныя еще необходимѣе, чтобы извлечь остальную изъ міра предразсудковъ, къ которому большая часть еще прикована, упорствуя принять участіе въ развитіи общественномъ. Въ этихъ видахъ, предположено было учредить грузинскій театръ въ Тифлисѣ, какъ центрѣ первыхъ начинаній для пользы страны, и вотъ какъ исполнилось теперь это дѣло.

Для опыта, дано было въ Тифлисъ, въ 1850 году, благородными любителями театра нѣсколько грузинскихъ представленій; исполнялись всего двѣ комическія пьесы, написанныя княземъ Георгіемъ Эристовымъ. Опытъ этотъ былъ чрезвычайно удаченъ, принятъ грузинской публикой съ живымъ восторгомъ и заставилъ въ первый разъ увѣриться, ко всеобщему удивленію, въ возможности драматическаго искусства въ Грузіи. Но съ первою идеею объ основаніи публичной труппы, должно было подумать, изъ кого составить ее и что дать ей игратьдвѣ главныя вещи, два существенныхъ вопроса, которые, по своей неудобонсполнимости, могли остановить благое предпріятіе при самомъ началѣ. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ было отыскать въ этой массѣ непризванныхъ туземцевъ, кружокъ людей, готовыхъ выступить на небывалое и неслыханное поприще, поприще публичное, а потому можетъ быть и неприличное? Какъ было объяснить имъ искусство и всѣ его тайны, и какъ было создать изъ ничего цѣлый репертуаръ, при не-

Смпьсь. 61

достаткъ въ настоящее время грузинскихъ писателей, не только для сценическаго дъла, но даже для простыхъ пъсенъ, для которыхъ вдъсь всегда были свои менестрели, даже при совершенномъ упадкъ словесности? Но видно, музы искусства сами покровительствовали начинанію, въ угоду имъ предпринятому, и оно совершилось вдругъ и съ невъроятнымъ, изумительнымъ успъхомъ.

Сформированіе труппы и введеніе ея на сцену Тифлисскаго театра, а также и составленіе репертуара было поручено тому, кто создаль первое драматическое произведение на грузинскомъ языкъ и кто далъ этимъ возможность исполнить и первое представление на томъже языкъ Князь Георгій Эристовъ, принявшись за это серіозное діло, тотчасъ поняль, что напрасно будеть искать онъ актеровь въ средь людей, болье знакомыхъ съ общественною жизнію, онъ ихъ въ ней не отыщетъ. По необходимости онъ долженъ былъ обратиться къ сферѣ совсѣмъ противуположной, туда, гдѣ люди еще первобытны. Такимъ-образомъ, онъ взялъ нужное число мужчинъ и женщинъ изъ деревень, сталъ трудиться съ ними прилежно, и по убъжде ніи, что они уже знакомы сколько-нибудь съ главными условіями сцены, ръшился вывести ихъ и на самую сцену. Это былъ шагъ смълый и предпріимчивый, но не менье того шагь, сдыланный впервые въ область искусства и который тотчасъ-же оправдался изряднымъ успѣхомъ. Еще два, три представленія, и уже не возможно было узнать этихъ недавнихъ автоматовъ: они сделались вдругъ непохожими на себя. Всѣ удивлялись, всѣ были пріятно поражены ихъ смѣлостію и развязностію. Можно было только разсчитывать, что быть можеть, свъжая, неиспорченная природа ихъ поможеть сдълать изъ нихъ что-либо и когда-либо, но первенцы-актеры вдругъ не только оправдали, но нъкоторые изъ нихъ даже превзошли ожиданія, благодаря одной природной смѣтливости, такъ счастливо предупредившей всѣ предположенія. Судъ критиковъ умолкалъ передъ новыми поборниками сцены, да и на что было его, когда и щедрая похвала и безотчетныя рукоплесканія не вредили имъ, а напротивъ ободряли, поощряли ихъ на большіе подвиги. Этотъ примёръ служить разительнымъ подтвержденіемъ, до чего можетъ достигнуть туземный умъ, къ какимъ воспринятіямъ способна туземная натура, при болье или менье благопріятномъ указатель!

Но какимъ образомъ князь Эристовъ помогъ отсутствію готоваго репертуара, не имѣнію пьесъ, безъ которыхъ немогла учредиться труппа? Онъ и тутъ повелъ свое дѣло счастливо. На первый случай, онъ самъ написалъ нѣкоторое число пьесъ, а потомъ, управляя и руководствуя труппой, и за недостаткомъ постороннихъ сотрудниковъ, сталъ учить и подвигать своихъ-же актеровъ опять на новое, невѣдомое имъ поле дѣятельности — на поприще драматической литературы. И что-же? Слыхали-ли вы когда нибудь про Антонова, про Джапаридзе, Дванадзе, Мойпаріани, встрѣчали-ли имена эти гдѣ-либо въ сферѣ письменности, а тѣмъ болѣе драматической? Нѣтъ, вѣроятно невстрѣчали. Эти то оригинальныя имена суть наши — Ленскіе, Каратычали.

62 Смњев.

гины, Григорьевы, наши актеры—писатели, которые не остались безотвѣтными на вызовъ Эристова, и трудами ихъ держится теперь грузинская сцена. Это не другое ли, убѣдительнѣйшее доказательство сказаннаго мною выше? Ноживемъ, то-ли еще увидимъ. Между-тѣмъ, искреннее спасибо князю Эристову и за него и за его молодыхъ сподвижниковъ!

Что сказать теперь объ отношеніяхъ вновь вводимаго искусства къ здешней публике, и обратно? Нашь отчеть въ этомъ случае пока не можеть обозначиться ръшительными указаніями, да и можно-ли постигнуть вдругь, усмотръть вещественнымъ окомъ ту тайную, незримую связь, которая установлена между театромъ вообще и обществомъ, и которая ведеть столь-же незримо, но върно и быстро въ область иной жизни, свътлой, сознательной? Мы видимъ пока, что съ носътителями, уже привычными къ сценическимъ наслажденіямъ, приходять на представленія и такіе, которые не только незнакомы вовсе съ театромъ, но не знакомы даже ни съ какими сторонами общественной жизни. Что вызвало, напримъръ, эти скромныя семейства въ первый разъ изъ ихъ темныхъ дарбазовъ, что заставило ихъ скинуть свои чадры и помъститься въ открытыхъ ложахъ, въ сосъдствъ незнакомыхъ лицъ? Что нривело сюда и этого будничнаго жильца базара и этого степнаго жи теля, прикованныхъ еще и глазомъ и способностями ума — тотъ къ своему прилавку, а этотъ къ своимъ степямъ, къ своимъ ущельямъ? Конечно, ихъ привлекла сюда сначала новизна дела, столь близкаго, роднаго имъ по своей обстановкъ; но въ послъдствіи, нътъ сомнънія, будеть привлекать ихъ уже потребность, необходимость участія въ томъ, въ чемъ просвъщениемъ дано право человъку участвовать, по высшему его назначению.

И такъ, грузинской сценъ представляется благороднъйшее и прекрасивишее назначение въ прямомъ и двиствительномъ смыслв. Средствомъ для достиженія ціли могуть служить актеры и репертуаръ, а мы видимь, какъ они при самомъ началъ хороши и даютъ за себя полное ручательство. Мы не пишемъ критической статьи, и потому не станемъ указывать на недостатки въ частностяхъ. Да и безъ недостатковъ можетъ-ли быть въ особенности такое дело, которое только-что зараждается и зараждается изъ ничего, только-что вяжется, выдвигается, какъ паукъ, достающій изъ самаго себя нить, чтобы пробраться отъ пола къ потолку? Даже въ странахъ, гдъ образованность предлагаетъ столько средствъ; и знанія, и талантовъ, и художественности, не такъ легко создать разомъ театръ - это изобрътеніе, которому Вольтеръ удивлялся столько-же, сколько изобрътению стонушечнаго корабля. А здёсь, въ Азіи, разсудите сами, было-ли чло-либо похожее на это, знали-ли даже по слуху о театръ, а тъмъ болъе думаль-ли кто посвятить себя его служенію. Князь Эристовъ — поэтъ по преимуществу, хотя и наделень притомъ огромнымъ комическимъ даромъ, одинъ долженъ былъ пробиться сквозь тьму и нустоту драматической жизни въ Грузіи, и вынести испытаніе. Какъ онъ совершилъ этоть подвигь, мы видимъ по первымъ успѣхамъ. Онъ еще многое объщаеть, и, нъть сомнънія, достигнеть до своей цели. Въ актерахъ Смпсь. 63

Джанаридзе, Дванадзе, Корзав, актрисв Натіевой—инветь онъ весьма изврядных сценическихъ исполнителей, а въ актерв Антоновв — умнаго, старательнаго драматическаго двятеля. Они всв — ученики Эристова; нвть сомнвнія, онъ ихъ еще болве наставить, укажеть имъ недостатки и самыя средства къ исправленію; ежедневное сосвдство русской труппы поможеть въ пріобретеніи болве правильнаго понятія объ искусствв; они-же, имвя такъ много природныхъ средствъ, составять полную опору сцены.

Отстраняя себя такимъ образомъ отъ дилетантизма, мы взглянемъ однако-же на то, какимъ началамъ слѣдуетъ грузинская сцена въ своемъ основаніи, соотвѣтственны ли они, и что именно представляется для поддержанія полнаго характеристическаго ея значенія. Само собою разумѣется, что репертуаръ есть основаніе всему, по немъ образовывается и труппа, по немъ устанавливаются и отношенія между театромъ и обществомъ, и потому мы займемся нѣсколько грузинскимъ репертуаромъ.

Не даромъ въ основание грузинскаго театра принято начало чистокомическое. Грузинская современная жизнь, отраженіемъ которой долженъ служить этотъ театръ, заключаетъ въ себъ столько глубоко-оригинальнаго, грузинскій языкъ такъ гибокъ и склоненъ къ игривымъ оборотамъ, шутливому тону, грузинскій умъ такъ полонъ занимательнаго, непринужденнаго юмора — всв эти условія благопріятствують къ созданію полнаго комическаго репертуара. Князь Эристовъ, которому суждено быть основателемъ грузинскаго театра, сначала и донынъ въренъ принятому направленію. Но спрашивается: должно-ли вводить на грузинскую сцену сюжеты изъ русской или европейской жизни, примутся-ли на ней и эти нравы, и эти интриги, совершенно разнствующіе съ нравами и приключеніями страны, эти остроты и эти обороты выраженій, далеко противуположные типическому складу грузинскаго языка? Мы на все это отвъчаемъ отрицательно. Здъщняя сцена не приметъ ничего этого, да и не будетъ для этого върныхъ исполнителей. Здешние слушатели и именно те самые слушатели, для которыхъ и учрежденъ театръ, не ноймуть ничего этого, въ слухъ ихъ не врыжется ни одинъ звукъ, хотя и вставленный въ родной языкъ, глазъ не приметь участія въ чуждой картинь; развь они придуть послушать тогда только, когда все это будетъ передано съ примъненіемъ не къ одной мъстности и къ внъшнимъ формамъ дъйствующихъ лицъ, но и къ собы тіямъ, нравамъ, юмору народному. Да и во всъхъ этихъ заимствованіяхъ грузинская драматургія не имѣетъ нужды. Свои образцы, свои источники здесь на каждомъ шагу:закавказская жизнь богата ими. Нужно-ли чистое, туземное, безъ примъси посторонняго, стоитъ только вглядъться по-глубже, сколько этихъ нетронутыхъ родниковъ, которые напоятъ свъжею струею вашу любознательность; нужны-ли иные виды, картина иной жизни, выдвигающейся, сливающейся съ прибылыми элементами, и картина эта тутъ какъ тутъ, — непрерывающаяся, вседневная. И все это пригрѣто живымъ, свѣжимъ интересомъ. Умѣйте только наблюдать, выбирать, пользоваться; а этого умьнья, кажется, до64 Смьэь.

станеть у князя Эристова, онь уже доказаль это нъсколькими весьма удачными драматическими опытами. Напримъръ, мы не можемъ не вспомнить съ удовольствіемъ одну или двѣ изъ написанныхъ имъ до нынѣ комедій, гдв онъ съ такою върностію, умёль схватить и передать столько характеристического изъ мѣстной жизни, умѣлъ оживить все м'астнымъ колоритомъ, приправить м'астнымъ юморомъ. Такъ, въ комедін Тяжба, возстаетъ передъ нами цільній быть грузинскихъ помѣщиковъ, въ настоящей ихъ обстановкѣ, со всѣми страстями и интересами, причудами и убъжденіями. Здъсь, что лицо, то цълая поэма въ нѣсколько главъ и пѣсень. Въ длинномъ ряду лицъ, здѣсь представленныхъ въ настоящемъ ихъ свътъ, съ настоящимъ языкомъ и манерами, особенно останавливають на себ' внимание два різко выдающихся портрета, двъ счастливыя случайности, вставленныя въ пьесу: это князь Іая, печальный образчикь тьхъ отжившихъ свой въкъ стариковъ-грузиновъ, которые смотрять съ грустію на водовороть новой жизни, и Ломинъ Годобрелидзе, типъ имеретинскаго тапада живое, въчно-движущееся существо, которое въ небольшомъ разсказъ, такъ неподражаемо исполненномъ, олицетворяетъ передъ нами всю Имеретію. Къ такимъ-же живымъ снимкамъ современныхъ типовъ принадлежить и армянинъ Карапеть въ комедіи Скупой, въ устахъ котораго каждое слово истина глубокая, поразительная, переданная подлиннымъ, дъйствительнымъ языкомъ. Мы видимъ цълую группу также чрезвычайно оригинальныхъ лицъ и въ первоначальномъ созданіи Эристова — Раздиль; мы видимъ все это и жалвемъ, что пьесы его, имъя столько достоинства такъ сказать въ портретномъ отношеніи, не имфють въ тоже время достоинствъ окончательно-обработанныхъ сценическихъ произведеній: ибо въ нихъ ккязь Эристовъ, являясь художникомъ тамъ, гдв нужно представить живое лицо, во всемъ остальномъ делается небрежень: неть оконченности и этимъ характерамъ, такъ прекрасно начатымъ, нътъ объясненія и этимъ сценамъ, внезапно прерваннымъ, а во всемъ ходъ пьесы замъчается иногда и своенравное удаление отъ самыхъ общихъ правиль сцены. Конечно, эти недостатки, столь неизбъжные для драматурга начинающаго, обязаннаго и другими трудами по сцень, будуть устранены постепенно, при большей привычкъ, и постоянномъ трудъ; а этого должно желать, потому что одно это мъшаетъ, чтобы произведенія грузинскаго комика, замъчательныя по идеямъ, по върно взятымъ характерамъ, по языку и по юмору ихъ оживляющему, поставить на ряду съ извъстными въ этомъ родъ произведеніями у другихъ народовъ.

Мы указываемъ на необходимость заимствованія сюжетовъ изъмѣстнаго источника—въ предупрежденіе, чтобъ нашъ юный репертуаръ не уклонился отъ вѣрнаго и прекраснаго начала, которому слѣдуетъ, и въ предупрежденіе того, что если теперь отсутствіе запаса оригинальныхъ пьесъ заставляетъ иногда прибѣгать къ переводамъ водевилей, то чтобъ это далѣе не укоренилось, или чтобы переводы эти являлись въ совершенной передѣлкѣ на мѣстный ладъ Надо желать, чтобъ водевили не вкрались на вновь созданную сцену и не надѣлали вреда,

который трудно потомъ исправить. Надо беречь и языкъ, и актеровъ, и публику, и въ особенности публику, которая смотритъ съ такою довърчивостію на новое созданіе, на новое наслажденіе.

Опредъля грузинской сценъ назначение преимущественно - комическое и притомъ независимое, не должно, однако-же, стъснять ее и въ другихъ родахъ драматургіи, но съ условіемъ — заимствовать и для нихъ содержаніе изъ жизни этой-же страны, обильной столькими драмами, славной столькими легендами, сказаніями, преданіями историческими и поэтическими. Воображение грузинъ полно скрытаго огня, и ждеть только перваго жгучаго прикосновенія, чтобъ развернуться, разыграться животворно. Быть можеть, одна какая-нибудь драма, удачио взятая, од тая во весь поэтическій колорить страны, выраженная сильнымъ и въ то-же время нѣжнымъ языкомъ Шота Руставеля, или болье современнымъ языкомъ Чавчавадзе, Баратова, Григорія Орбеліанова и самого Георгія Эристова *, и поставленная на здішнюю сцену, — произведеть то, что пробужденный новымь звукомь при видь картины этой, возстанеть цёлый рядь писателей. Въ такомъ случав, грузинскому театру представляется еще обширнъйшее поле, не только для образованія народныхъ нравовъ, но и для возрожденія собой народной литературы, которая существовала когда-то, но отъ которой не осталось теперь ничего, кром' немногихъ памятниковъ, и этого языка, такъ сказать изустнаго, но живаго, выразительнаго и поэтическаго.

Пожелаемъ-же отъ души процвѣтанія юной сценѣ, полной столькихъ надеждъ, пожелаемъ улучшеній, необходимыхъ для будущихъ усиѣховъ и славы ея. Составляя одно изъ яркихъ, характеристическихъ созданій нашего времени, она съ тѣмъ вмѣстѣ составитъ памятникъ сильный и убѣдительный, памятникъ живо-говорящій, какъ князь Воронцовъ умѣлъ создавать новый бытъ въ краѣ, ему ввѣренномъ, и еакими существенными, жизненными матеріялами умѣлъ обезпечнвать кго будущность.

Кн. М. Тумановъ.

(Кавказъ.)

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ТИФЛИСЪ.

Тифлисъ имъетъ свой *Птальянскую Оперу*: она открылась — «Нор мою» Беллини.

Говорить-ли о необыкновенно - красивомъ тифлисскомъ театрѣ? Онъ описанъ графомъ Соллогубомъ и изображенъ въ Иллюстраціи париж-

^{*} Эти имена, конечно, новы и невѣдомы читателямъ, но они давно пользуются извѣстностію въ народъ по ихъ рукописнымъ поэмамъ и пѣснямъ, которыя столько любимы здѣсь, что даже рѣдкій изъ грузинъ не знаетъ ихъ наизустъ. Можетъ-быть я буду имѣть случай ознакомить съ ними читателей.

66 Смпсь.

ской. Одно могу сказать: я видъль всь (отъ высокой до смышной) сцены въ театрахъ главныхъ городовъ Средней Европы; даже въ какомъ-нибудь Линцъ слушалъ плохо разыгранную странствующею труппой оперу «Роберть», но нигдѣ не видѣлъ я такого миленькаго, свѣжаго, архитектурно-щегольскаго театра, на которомъ-бы мѣстный колорить отразился ярче, лучше, облагороженные, роскошные - какъ въ театръ тифлисскомъ. Это художественная первинка; это примъненіе мавританскаго вкуса, со всею роскошью восточной архитектуры, со всеми богатствами ея пестроузорчатыхъ украшеній — къ театру, зданію невиданному въ Азіи. И какое счастливое соединеніе: театръ внутри, а вокругъ — караванъ-сэрай въ три этажа; тутъ-же и гостинница, и фонтанъ журча падаеть въ подвальный этажъ, наполняя огромную чашу свѣжею студеною водой. Театръ-караванъ-сэрай первое здъсь явленіе; и гдъ же? на рубежъ Персіи, посреди воинственныхъ племенъ Азіи. Лучь просв'єщенія едва сюда проникъ, и уже воздвигнутъ театръ — на радость современникамъ, на диво грядущему потомству.

Взглянувъ на Тифлисъ и его нынѣшнюю общественную жизнь, можно сказать, что Кавказскій хребетъ уже не отграничиваетъ Европы отъ Азіи; что теперь европеизмъ, со всѣми своими умственными проявленіями, преспокойно пріютился и внѣдряется къ Азіи.

Я не встрѣчалъ еще ни слова о пѣвицахъ и пѣвцахъ здѣшняго театра. По этому рѣшаюсь набросать нѣсколько бѣглыхъ летучихъ замѣтокъ о «Нормю», чтобы дать понятіе о европейскомъ наслажденіи Тифлиса.

«Норму» слышаль я въ Петербургѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ, въ нѣсколькихъ театрахъ Италіи, въ Одессѣ и наконецъ — въ Тифлисѣ. Дѣлать—ли сравненія? Почему-же нѣтъ! Сравненіе — единственное средство оцѣнки. У меня достанетъ смѣлости и правдивости посказать настоящее мѣсто труппы тифлисской — этой первой, и счастливой попытки. Конечно, Петербургъ, Парижъ, Италія — страна и родина пѣвцовъ — выше сравненія ... Но въ Одессѣ, но въ Берлинѣ, и, право, иной разъ въ Вѣнѣ, я слышалъ нѣсколько оперъ въ исполненіи ничѣмъ не выше здѣшней. Разумѣется, вездѣ составъ труппъ оперныхъ измѣняется безпрерывно: я говорю о 1846 и 1847 годахъ,о томъ, что слышалъ и видѣлъ.

Когда здѣсь приступили къ основанію оперы, слышались зловѣщія опасенія; сомнѣвались, чтобы въ дни оперъ было въ театрѣ болѣе десяти или пятнатцати посѣтителей. А что вышло? Ложи и кресла оперъ—полны, сборъ въ кассѣ — великолѣпный, публика вошла во вкусъ и живо поняланаслажденіе искусствами, такъ неразрывно соединенными въ оперѣ — живописью, музыкою, пѣніемъ — этими высшими очарованіями зрѣнія и слуха.

Поставщикъ и капельмейстеръ труппы — Signor Barbieri. Это Барбайя въ меньшемъ размъръ. Представьте себъ умное лицо, съ спокойнымъ взглядомъ, съ густыми темными усами, съ лысиною — во всю голову — сіяющею въ центръ оркестра ... Это Барбіери. Странно виСмись. 67

дъть дирижёра безъ партитуры, но передъ нимъ никогда нътъ партитуры, это для Барбіери лишнее. Изумительна память его. Всѣ оперы Россини, Верди, Доницетти, Беллини — помѣстились со всею ихъ инструментовкою, со всѣми ихъ оттѣнками — вполнѣ, правильно, вѣрно — въ его живой партитурѣ, многообъемлющей его памяти. Даръ удивительный! Говорятъ, оперы Le cantatrice villane онъ не зналъ прежде; здѣсь, при репетиціяхъ, разучилъ ее, и на первомъ-же представленіи твердо дирижироваль оркестромъ — безъ партитуры. Такой дирижёръ — надежная и рѣдкая поддержка труппѣ, и такихъ артистовъ очень немного.

Скажемъ словечко о первыхъ сподвижникахъ его, музыкантахъ оркестра. Капельмейстеръ Шёнингъ, тоже знатокъ музыки, навербовалъ за-границею нѣсколькихъ музыкантовъ. Изъ нихъ первая скрыпка, Миллеръ; смычокъ чистъ, пѣвучъ. Оркестръ сыгрывается на славу и выполняетъ оперы очень хорошо. Въ мѣстахъ трудныхъ, гармоническихъ, требующихъ болѣе искусства и внимательности, оркестръ играетъ гораздо лучше, чѣмъ въ речитативѣ или при пассажахъ легкихъ. Если иногда трубы немного увлекутся звучностью своею, — внимательный Барбіери, какъ новый Эолъ, тотчасъ мановеніемъ жезла своего укрощаетъ ихъ порывы и вводитъ въ общій размѣръ созвучія.

Декораторъ Дэрбэзъ — прекрасный, искусный декораторъ. Въ нашъ въкъ, декоративная живопись все болье совершенствуется. Декораціи парижскія, петербургскія — верхъ очарованія. Но, право, и посль Роллера, при самой строгой разборчивости, съ удовольствіемъ можно смотръть на декораціи г-на Дэрбэзъ, бывшаго декораторомъ парижской оперы.

Изъ этого видно, что два элемента оперы — оркестръ и декораціи — идутъ рука объ руку, дружно; а это очень важно для дополненія очарованій оперныхъ и не вездѣ встрѣчается.

Теперь, что скажеть третій элементь, главный грузь корабля — півицы и півцы.

Un momentino.. Можно-ли, говоря о нихъ, сохранять неумъстныя притязанія, des prétentions outrecuidantes, требовать здѣсь талантовъ всесвътныхъ. Віардо, Альбони, Гризи, Рубини, Маріо ... даже и приближающіеся къ нимъ — поѣдутъ-ли чрезъ снѣговой хребетъ Кавказа? И за какую цѣну поѣхали-бы они въ Азію, когда и въ Петербургъ иные рѣшались ѣхать только подъ конецъ своего славнаго поприща? Климатъ, даль, неизвѣстность, или какіе нибудь пустые страхи — пугаютъ и останавливаютъ многихъ. Но кажется, что во всемъ, касающемся театра, не столько отдѣльные таланты, какъ общность, совокупность, дружность выполненія должны составлять главную заботу дирекціи. Въ Парижѣ я видѣлъ на иныхъ сценахъ, что удивительная игра одного таланта не могла избавить отъ паденія пьесу, дурно обставленную, и отъ превосходства игры одного; только ярче выказывались плохіе таланты остальныхъ.

Роль Нормы — г-жа Миноцци выполнила такъ хорошо, что я, весьма не щедрый на рукоплесканія, невольно аплодироваль ей. Она 68 Смпсь.

объщаетъ пъвицу – актрису драматическую; драматическую въ звукахъ чистаго голоса, часто нъжнаго, глубоко проникнутаго чувствомъ.
Глъ страсть выражается звуками дивной музыки, тамъ Миноцци точно
хороша. Говорю это безъ увлеченій, совершенно безпристрастно.
У нея голосъ не общиренъ, но звученъ. Она, правда, станомъ
своимъ и игрою не похожа на величественную жрицу — Гризи; она
ближе подходитъ къ Віардо; но ея игра формируется, получаетъ благородство, и въ ея страстныхъ, молодыхъ звукахъ — таится еще
много надеждъ на развитіе.

Адальджиза — г-жа Барбіери. Въ ней видна пѣвица опытная, твердо изучившая и сцену, и музыку. Если-бы ей нѣсколько лѣтъ долой съ голоса, она была-бы перлъ труппы.

Полліонъ — Фискетти. Теноръ небольшой, но нѣсколько грудныхъ нотъ его — очень хороши. Онъ ноетъ довольно пріятно, съ жаромъ чувства, но безъ дикихъ криковъ; въ игрѣ его есть благородство и жесты пристойные.

Оровезъ — Викки, спѣлъ свою партію очень хорошо, съ одушевленіемъ и съ достоинствомъ жреца.

Хоры очень сносны, и если-бы не чей-то произительный голось, твердо знающій музыку, но съ не очень-мягкою носовою интонаціей, то хористовъ можно-бы похвалить.

Костюмы не выражають претензій на блескъ и роскошь (will, und kann nicht). Они просты, но приличны, составлены съ знаніемъ дела и, конечно, соображены съ средствами театра. Что отдичаетъ вообще театръ тифлисскій — это именно стройность идеи, управляющей всеми его частями. Начиная со стънъ его и оканчивая подмостками - все вошло въ одинаковые размѣры и составило гармоническое цѣлое. Мнѣ случалось даже въ Италіи, въ чудномъ мраморномъ, раззолоченномъ, огромномъ зданіи слынать голось чуть-ли не сильнье Лаблаша, заглушающій слишкомъ слабые голоса остальныхъ; одна півица разодівта въ дорогой прелестный костюмъ и распъваетъ — что твой соловей, — остальныя ниже посредственности, и въ жалкихъ малопоношенных в нарядахъ; иные хористы — чуть не въ рубищахъ и вовсе не спевались; несколько удивительныхъ музыкантовъ исчезають возле какихъ-нибудь учениковъ, безсовъстно гудящихъ что имъ на умъ взбредеть, или пилящихъ струны — такъ, что хоть бъги. Здъсь — всюду господствуетъ отличный вкусъ артиста опытнаго, умъвшаго всему дать привле кательную стройность.

Тифлисская публика наслаждается цёлую зиму явленіемъ здёсь небывалымъ — оперою; здёшніе урожденцы скоро поняли и приняли обаяніе пёсенъ и музыки — такъ сильно потрясающихъ, чарующихъ слухъ и сердце человёка, не-варвара.

Кстати о публикъ... Театръ былъ полонъ. Любо было смотръть на темную массу партера, на блестящіе ряды ложъ... Европейцы и тувемцы, военные, статскіе — все pêle – mêle, костюмъ европейскихъ дамъ рядомъ съ живописнымъ нарядомъ Азіи... Межъ зрителями осо-

бенно замѣчательны были: персидскій принцъ Бехметъ Мирза, и отважный наѣздникъ, экс-наибъ Шамиля, Хаджи Мурадъ ... Мурадъ и опера итальянская въ Тифлисѣ — какое сближеніе! Спокойный взоръ принца, равнодушно скользя по женскимъ лицамъ, по временамъ, былъ прикованъ къ сценѣ и какъ-бы вслушивался въ незнаемые, но дивные напѣвы. Сверкающіе глаза Хаджи Мурада безпрерывно перебѣгали съ одного лица на другое и при forte fortissimo — быстро обращались къ сценѣ, но безъ выраженія особеннаго внечатлѣнія; казалось: его за: нимала какая-то особая тревожная мысль.

Еще одна замѣтка: показалось мнѣ, что здѣсь аплодирують не при громкихъ звукахъ, но истинно хорошо пропѣтой аріи; даютъ пѣвцамъ окончить morceau; иногда весьма впопадъ раздается браво, вполголоса невольно сказанное знатокомъ.

Верхняя галлерея, тридцати – конвечныя мвста, набиты биткомъ, и множество здвинихъ бичо (мальчишекъ, gamins), раскрывъ ротъ, жадно вперивъ свои большіе, черные, выразительные глаза, внимательно вслушивались въ музыку и пвніе, дивовались диву невиданному, даже иногда подхватывали аплодисманы партера. И уже на улицахъ иногда эти бичо, безпечно идя путемъ-дорогой, или занятые какою-либо работой, пробуютъ напввать мотивы, которые глубже запали къ нимъ въ память, больше пришлись имъ по сердцу.

Забавнъе всего: на дняхъ, бичо, принестій мнъ что-то изъ лавки, спросилъ у меня денегъ за труды не на водку, не на чай ... «дай, баринъ, на театръ».

Передаю эти факты, безъ всякихъ коментаріевъ.

Заключу: въ директорской ложь сидъли создатели театра. Я воображаю, какъ весело, какъ пріятно имъ было глядьть на эту пеструю, рукоплещущую толпу, любоваться ихъ восторгами и довольствоваться тихою радостію свершеннаго прекраснаго историческаго подвига. Но въ этотъ вечеръ тамъ не видаль я того, къ кому стремились благодарныя мысли всьхъ понимающихъ, кому они обязаны этимъ новымъ для края, высокимъ эстетическимъ наслажденіемъ.

depoint and the constitute the standard political expension. See which is a product of the produ

M***

(Кавказъ).

музыкальныя воспоминанія

объ америкъ.

П. П. Каменскаго.

Первое впечатленіе, производимое Америкой въ музыкальномъ отношеніи, почти выгодно. Самый переѣздъ изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ совершается иногда въ сопровожденіи цѣлаго оркестра нѣмецкихъ артистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые далеко не безъ достоинства. Тамъ слышищь скрипку, здѣсь гобой, а тутъ какой-нибудь фокусникъ-пьянистъ, раскинувъ свое вновь изобрѣтенное фортепьяно, на манеръ жидовскихъ цимбаловъ и, вооружаясь двумя палочками, начинаетъ распоряжаться такъ искусно и извлекать такіе гармоническіе звуки, что хоть Шопену или Герцу—такъ впору. Не смотря на то, что инструментъ его небольше, какъ тростниковая цѣновка, а онъ самъ переселенецъ — пивоваръ изъ Штутгарда и артистъ на своемъ неуклюжемъ инструментъ, по охотъ. Но все стихаетъ на время подъ однообразнымъ ропотомъ волнъ Океана, несносной стукотней колесъ парохода, а главное, подъ вліяніемъ морской болѣзни, которой въ особенности какъ-то, по моему замѣчанію, подвержены музыканты.

Со вступленіемъ на твердую вемлю, выгодное впечатленіе о музыкальности американской продолжается. Неуспѣли вы заснуть въ «Тгеmont House», гостинницѣ въ Бостонѣ, въ дремотѣ у васъ все стучитъ
еще въ ушахъ несносный пароходъ, васъ укачиваетъ въ комнатѣ, какъ
въ кабинѣ, вдругъ серенада... Прислушиваетесь, удивляетесь, даже
восхищаетесь. Напрасно!.. Серенада не для васъ, это тѣшится бостонскій янки*. Онъ успѣлъ уже прихватить трехъ или четверыхъ странствующихъ артистовъ, съ вами-же пріѣхавшихъ, и изволить себѣ нѣжничать
подъ балкономъ какой-нибудь бальтиморской красотки, или заѣзжей
креолки изъ южныхъ штатовъ. Слушаютъ его или нѣтъ, ему все
равно: онъ за два свои шилинга просто испанскій гидальго.

На другой день, съ утра, новое музыкальное явленіе. Съ восьми часовъ гремить турецкій барабанъ и оркестръ музыки. Къ окну—что такое? процессія: и непремѣню съ толной музыкантовъ, которыхъ-бываетъ иногда больше, чѣмъ самихъ участниковъ процессіи Въ бытность мою въ Нью-Іоркѣ хоронили генерала Скотта, товарища мнимаго героя мнимо—великой мексиканской войны, покойнаго президента Телора. Войска было до трехъ тысячъ въ сборѣ. Я насчиталъ болѣе пятидесяти разнокалиберныхъ мундировъ. Изъ этогоможно судить окомплектѣ и густотѣ

[•] Нарицательное имя американца.

Смпсь. 71

американских полковъ, батальоновъ и эскадроновъ... Но и въ этомъ сборъ чуть-ли не всего регулярнаго войска Америки, ужъ конечно третью долю составляли музыканты. Всѣ онѣ, большею частью, нѣмцы, народъмирный, рѣдкіе нюхали порохъ и при первой потребности воевать—тотчась-же отбываютъ отъ своихъ полковъ и преохотно превращаются въ булочниковъ, портныхъ и сапожниковъ. Нѣкоторые остаются, однакожъ, по прежнему музыкантами, толнами бродятъ по улицамъ и на какой-нибудь флейтѣ или тромбонѣ выпрашиваютъ себѣ милостыню. Но и эта вѣрность своему призванію въ совершенной зависимости отъ прочности инструмента: испортилась флейта, засипѣлъ гобой, по-боку ихъ за нослѣдній обѣдъ въ Саусъ-Стритѣ, а потомъ хоть въ кельнеры или прислужники самаго послѣдняго трактира въ Гобокенѣ, или въ Броклинѣ. Тутъ очарованіе начинаетъ понемногу охлаждаться и выгодное впечатленіе о музыкальности американской упадаетъ съ быстротою барометрическою къ дождю и ненастью.

Да и въ самомъ дѣлѣ, если подумаешь, не американцы-же и эти временные, перелетные виртуозы, и не одна-же нужда заставляетъ ихъ такъ скоро измѣнять своему, иной разъ, отъ дѣтства призванію. Но, не добиваясь причины, надѣясь еще возобновить свое пріятное впечатлѣніе, отогрѣть остывающую фантазію, спѣшимъ или въ концертъ въ публичную залу, или на музыкальный вечеръ въ «Castle-Garden», или наконецъ въ Итальянскую Оперу въ «Astor-House». Тутъ есть и таланты и вѣроятно и судъ о нихъ, и музыка и музыкальность, словомъ, есть артисты и публика.

Я быль въ концертъ Герца, въ декабръ, 1848 года. Концертъ этотъ, какъ и большая часть здешнихъ концертовъ, давался въ одной изъ самыхъ большихъ публичныхъ залъ Нью-Іорка. Я пришелъ почти за два часа до начала, по наставленію, но уже засталь значительную толпу и въ бродвэ, и въ кофейной, которая была напротивъ залы. Омнибусы подвозили публику со всёхъ точекъ города. Герцъ долго жилъ въ Нью-Іоркё, болье полугорода имъль учениковъ и учениць, одинь только браль по долару за концертный билеть, тогда какъ всё другіе по половинѣ и почетверти, и, любимый публикой, не расчитываль никогда менье, какъ тысячи на три народу, что легко могла вмѣстить въ себѣ избранная имъ зала Въ семь часовъ отворили двери или ворота въ одну половину, нарочно, какъ я узналъ послъ... И толпа хлынула. Тутъ надо было видъть все неистовство, всю дикость вторженія этой массы. Люди рвались не на музыкальное наслаждение, а какъ бы на грабежъ, и не людьми, а какими-то звърями. Гикъ, шумъ, воили, хохотъ раздавались со всъхъ сторонъ. Я заглянулъ подъ шляпку одной дамы, думая что ее задавили, что она страдаеть, стонеть, что ей дурно... Ничуть не бывало: она смівлась, заливалась въ хохоті, ей были любы эти толчки, эта давка. И швейцаръ, не отворивъ другой половинки двери, очень хорошо зналь американскіе вкусы. Наконець ворвались и разстлись, но шумъ и крикъ не прекратились. На хорахъ, два раза дело доходило до бокса — любимъйшей расправы американской гдъ-бы то ни было, и одного изъ бойцовъ, еслибъ не полишмены, чуть-чуть не спустили

72 Смпьсь

долу ... Изъ всего концерта я хорошо слышаль одну только увертюру,, колько помню изъ «Весталки», на невърныхъ инструментахъ, которые вмёстё съ музыкантами готовились въ отставку. Самъ Герцъ являлся три раза, но какъ будто посидеть только передъ инструментомъ. За аплодисманами не во-время и не кстати, за криками, ссорами и хохотомъ насколькихъ нетрезвыхъ янковъ, долетали одни только обрывки, можетъ-быть и очень хорошихъ пьесъ, если взять въ соображение евронейскую извъстность концертиста и какъ композитора, и какъ исполнителя. Болье всьхъ удивляль меня самь концертисть. Онь тоже свыкся, какъ видно, съ нравами американскими, игралъ съ постоянно-веселой улыбкой и, собравъ три тысячи доларовъ, весьма охотно, кажется, извиняль невъжеству и невъжливости своихъ слушателей. Одна изъ пьесъ, однакожъ, удостоилась и вниманія, и всеобщей тишины, и единодушнаго энтузіазма: это варіяціи на народную пѣсню: «Yankee doodle», въ родъ варіяцій Фильда на нашего «Комаринскаго»; но и нашъ Комаринскій и варіяціи на него, по моему крайнему разумѣнію, далеко характернъе и лучше.

Послѣ разныхъ концертовъ, которые давали пьянисты, гобоисты, скрипачи, даже волынки, — кто solo, кто съ оркестромъ, кто въ одиночку, кто съ бандой, неисключая и нашего Павловскаго Ивана Гунгля, который тоже явился было Орфеемъ, пыталъ свои силы въ Нью-Горкѣ и окончилъ весьма неудачно, — я отправился въ Оперу. И тутъ-то послѣдовало окончательное разочарование въ музыкальности американской.

Давали «Лукрецію Борджіо». Не взглянувъ на афишу, скрѣня сердце, я вошель въ партеръ. Театръ полонъ. Зала прекрасная. Освѣщеніе газомъ ослѣпительное. Туалетъ дамъ великолѣпный, но безвкусный. Жемчугу и брилліянтовъ, хоть греби лопатой, а особливо на пріѣзжихъ гостьяхъ изъ Гаваны. Поднимается занавѣсъ и представьте мое удивленіе, мой ужасъ: въ ролѣ Женаро, я узнаю нашего стараго знакомаго, узнаю Бенедетти... Я узнаю больше, я узнаю, что онъ играетъ и Эдгара, и Оттавіо, и главныя роли въ Сомнамбулѣ, Пуританахъ, Пиратѣ, ну словомъ, весь репертуаръ Рубини. Я узнаю еще больше, я узнаю, что онъ любимецъ нью-іоркскихъ дамъ, любимецъ всей американской публики... Но на этотъ разъ, эта публика собралась вовсе не для того, чтобъ восхищаться своимъ идоломъ, а отработать его, какъ увидите, по-американски.

Между пѣвицами, въ труппѣ была М-те Лабордъ изъ Парижа, артистка не безъ таланта, но въ той-же труппѣ явилась другая примадонна, сеньора Труффи — итальянка и, не смотря на ея бездарность—баловень счастья и публики. Бенедетти, по какимъ – то причинамъ, взялъ ее подъ свое покровительство, сталъ выдвигать на первый планъ, интриговать противъ г-жи Лабордъ, отказываться отъ тѣхъ ролей, въ которыхъ доводилось ему пѣть съ нею—словомъ, довелъ эту закулисную усобицу двухъ примадоннъ чуть-чуть не до потасовки. Публика, узнавъ объ этомъ, съ жадностію уцѣпилась за театральныя сплетни; журналы, какъ-то: «New-York Harald» и «Courier des Etats-Unis»

подогрѣли ее и она рѣшилась наказать главнаго виновника всей сумятицы, самымъ жестокимъ образомъ, наказать своего любимца, наказать Бенедетти.

Не успыть быдняга разинуть рта, -свистокъ, потомъ другой, третій, хоръ свистковъ, наконецъ залиъ печеныхъ яблокъ и тому подобнаго. Бенедетти не върить самъ себъ, блъднъеть отъ страху, а можетъ-быть и отъ досады, хочетъ продолжать — не тутъ-то было! Свистки, шумъ, яблоки и стукотня стульями. Бенедетти подходить къ рамив и самыми униженными жестами просить позволенія говорить. Спичь (speach) въ подобныхъ случаяхъ для американца праздникъ. Все смолкло. «Буду-ли я пъть, или нътъ, милостивые государи и государыни?» спросилъ Бенедетти. »-Далъе! закричала толпа.- «Буду-ли я пъть, или ньтъ?» повторилъ трепещущій итальянецъ.—«Ньтъ!» было общимъ отвътомъ крикуновъ, а нъкоторые прибавили: «До тъхъ поръ, пока не извинишься передъ г-жею Лабордъ. "— Бенедетти вышелъ и черезъ нъсколько времени вернулся съ директоромъ театра, который объявиль зрителямь, что между артистами все кончено миролюбно и какт желала публика. Этотъ случай, признаюсь, заинтересовалъ меня и не запищи снова Женаро своимъ гнусливымъ голосомъ, я-бы досидѣлъ до конца представленія. Но этоть неблагорожденный тенорь, этоть нельный, вновь вспыхнувшій энтузіазмь невьжественной публики, которая каждое слово, даже речитативъ, произнесенный безъ толку и смыслу, награждаетъ громомъ рукоплесканій, а главные всего, воспоминаніе, что и нашъ слухъ нѣкогда страдаль отъ этихъ Бенедетти, Борьони и tutti quanti, до того возмутили меня, что я вышелъ не дождавшись ипоявленія Лукреціи. Впрочемъ, я ничего не потеряль, потому-что Truffi хороша собою, но очень плохая пъвица.

Вотъ чемъ занимаются американцы въ опере, вотъ каковы ихъ артисты и вотъ какъ они ими распоряжаются.

Впрочемъ, причина неуваженія американцевъ къ музыкальнымъ произведеніямъ и дарованіямъ и совершенное отсутствіе музыкальности заключается въ отсутствіи вообще всякой въ нихъ изящности и любви къ какому-бы то ни было роду искусствъ. Эстетическаго смысла въ нихъ нѣтъ вовсе.

И другимъ искусствамъ не больше пріюта. Любитель изящнаго не захвораєть отъ пресыщенія. Въ цѣлой Америкѣ я не встрѣчаль ни изъ мармору, ни изъ бронзы, ни одного хорошаго бюста Вашингтона Изъ гутта-перчи сколько угодно ... Я видѣлъ одну только колоссальную статую Колумба, на крыльцѣ ихъ Капитолія, въ Вашингтонѣ. Но это такое безобразіе, такое безсмысліе и безвкусіе, о которыхъ, не посмотрѣвши, трудно составить себѣ понятіе. А кажется, и Вашингтонъ и Колумбъ стоили-бы, чтобъ какой-нибудь даровитый скульпторъ американскій попыталь надъ ними свои силы. Да видно, на нѣтъ и суда нѣтъ. Стѣны ротонды того-же Капитолія украшены огромными картинами, работы Тромболя. Сюжеты изъ исторіи, казалось-бы близкой душѣ и сердцу американца, исторіи войны за ихъ независимость — и

74 - CMBCb.

что-же? ни одна не остановить вниманія зрителя самаго любопытнаго, не выдержить критики знатока самаго снисходительнаго. Ни сочиненія, ни рисунка, ни колорита. Вяло, безтолково, безжизненно. Такъ себъ, пироги съ кашей и съ яицами— по изреченію К. П. Брюлова.

Въ бытность мою въ Нью-Іоркѣ, Деларошъ прислалъ изъ Парижа свою картину: «Переходъ черезъ Альпы Наполеона»-съ тъмъ, чтобъ и показать, и продать, какъ говориль мив выставщикъ, если найдется, охотникъ. Картина съ большими достоинствами: трудно вообразить что-нибудь умиве, спокойнве, стильнве, вопреки нынвиней казистой эфектной живописи. И кто видель эту картину въ Париже, не думаю, чтобъ не согласился съ моимъ мивніемъ. Картина простояла въ Нью-Іоркъ болье трехъ мъсяцевъ. Всъ ее видъли, за деньги, разумьется ... О! американець, готовъ дать шиллингь, чтобы сказать: «Я быль, я знаю, я видъль! - и только. Но ни одного не нашлось богачалюбителя, ни одной общественной галлереи, которые подумали-бы пріобрѣсти картину совершенную, за цѣну, право, незначительную въ сравненіи съ ея достоинствами, и она отплыла обратно во Францію. Воля ваша, всего менъе можно вывести изъ этого равнодушія выгодное заключеніе о расположеніи американцевъ къ поощренію изящнаго и художественнаго.

Американецъ холоденъ даже къ своей природѣ, этой необычайной, величавой, живописной природѣ. И та не въ силахъ разбудить его для прекраснаго, и та не подскажетъ ему ничего художественнаго. Онъ рубитъ ее, ломаетъ, рѣжетъ, пересѣкаетъ во всѣхъ направленіяхъ рельсами, заковываетъ цѣпями плотинъ, бороздитъ пароходами, а хотъ бы одинъ видъ съ нея, одну картину за ея увѣчье, истязаніе ... Нѣтъ! онъ дѣлаетъ хуже, онъ продолжаетъ ее мучить и въ своихъ художественныхъ иногда попыткахъ — изъ ничтожной спекуляціи.

На Ніагарскомъ водопадѣ, на англійской сторонѣ, въ виду этого дива природы, какой-то негодный спекуляторъ изъ Ольбани, выстроилъ домикъ въ два этажа. Это ни больше, ни меньше—какъ магазинъ картинъ, большихъ и малыхъ, маслянами красками и акварелью, эстамповъ, гравюръ, литографій, литохромій, наконецъ даже почтовой бумаги и пакетовъ съ однимъ и тѣмъ же сюжетомъ — Ніагарскимъ водопадомъ, съ разныхъ сторонъ и точекъ, но все-таки того-же самаго водопада. Да не заподозрятъ меня въ преувеличеньи, если я скажу, что, желая имѣть чтонибудь на память моего двукратнаго посѣщенія «Niagara Fall's,» я не нашелъ ничего лучше и изящнѣе дести почтовой бумаги, съ довольно еще сносными и вѣрными съ него очерками.

Французы вывозять цёлые альбомы и портфёльи превосходныхъ рисунковь, англичане тоже, а американцы довольны своими лубочными рисунками, или вёрнёе сказать, они ни довольны, ни недовольны, имъ все равно. Воть подъёхать къ самой пучинё на щепке, или пароходенатие дёло, а изящное, Богъ съ нимъ!.. Но перейду снова къ музыке американцевъ, не все же бранить ихъ.

Есть въ Америкъ особенный родъ музыкальнаго наслажденія и даже музыки, который, если не артистичностью, то береть своею ориги-

нальностью. Это музыка черных менстрелей и миниезентеровь, какъ они сами себя величають и на аффишахъ и въ обществъ.

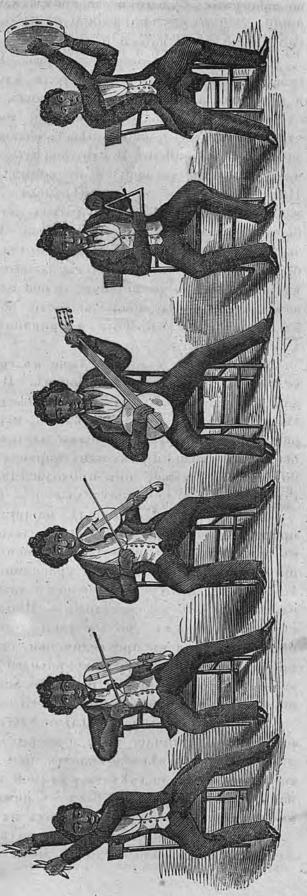
Они мало извъстны на континентъ и одинъ только Лондонъ удостоился ихъ посъщенія и кратковременнаго пребыванія.

Лучшая компанія Менсстрелей Смиса.

Представьте себѣ шесть или семь иногда черныхъ рожъ, съ красными отвороченными губами, съ бѣлыми, какъ снѣгъ зубами, щегольски разодѣтыхъ, съ прическами самыми отчаянными, но характерными: они поютъ, играютъ, пляшутъ, бѣснуются и въ одиночку и хоромъ, и вы получите понятіе объ этомъ эвіопскомъ концертѣ чисто-американскаго изобрѣтенія.

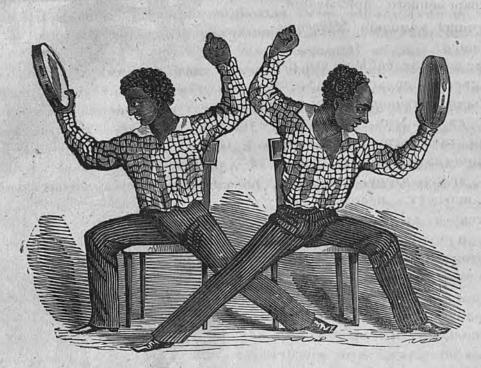
Крайній нально играеть на кастаньетахь, или просто на костяхь, но такъ, что можеть одинъ исполнять, отчетливо и върно, самое мудреное соло, а подъ-часъ даже трогательное и сентиментальное. Крайній направо владьеть бубномь съ тымь-же искусствомъ и бьеть, и выстукиваеть на немъ всевозможные пассажи, не только руками и пальцами, но головой, локтями, ногами и чымъ пи попало, съ тоюже върностью и толкомъ.

Вообще все это чрезвычайно какъ согласно, но еще болѣе оригинально. Голоса чистые, свѣжіе и пріятные. Спѣвка доведена до совершенства. Поютъ, большею частію, народныя пѣсии и романсы не безъ мелодіи и новыхъ пріятныхъ мотивовъ, что всегда почти бываетъ характеристикой національной музыки. Въ антрактахъ заводятъ между собою рѣчи и разговоры, всегда почти ихъ импровизируя

76 Смпсь.

и потомъ снова переходять въ пѣніе или музыку. Эти «à propos», или своего родаречитативы, содержанія преимущественно «burlesque», грубокомическаго, больше всего нравятся американцамъ и есть такіе охотники. что во время пѣнія и музыки, спять и жують табакъ въ просоньи, а какъ только заговорять—они просыпаются и туть-то потѣха— нѣтъ конца хохоту и рукоплесканіямъ.

Кромѣ «morceaux d'ensemble», черные менестрели отличаются въ дуэтахъ и соло. Выходить одинъ какой-нибудь съ бандурой, въ костюмѣ простаго негра и акомпанируя себя какими-то странными аккордами и переборами, поетъ простонародныя пѣсни про трубочистовъ, лакеевъ, кучеровъ, но отнюдь не про негровъ; щекотливость американская, въ особенности Сѣверныхъ Штатовъ, того недопускаетъ ... Затѣмъ начинаются танцы и жига, какъ водится, первая.

Смпсь

Это просто дьявольскій какой-то танець, въ которомь живость доходить до неистовства; быстрота и ловкость, но ловкость именно какъ бы изъ мішка, до самой совершенной окончательности. Большею частью, жигу танцують двое, наперерывь, кто кого лучше, живіте, огненніте.

Потомъ делаются группы, разумется, съ коментаріями самыми глупыми, но чемъ глупее, темъ выходить смешнее. Попадаются иногда и очень остроумные, какъ напримерь: «Открытіе Америки Колумбомъ», или «Опыты Магнетизера».

Затымы идуты танцы характерные, какы напримыры: «Матлото». Танцуеты его одины вы двухы лицахы. Спереди оны одыты негромы, свади матросомы, и всего забавные, когда негры начинаеты сбиваться на матроса, а матросы на негра. Но воты «Качуча». Качуча европейская, качуча облагороженная Фанни Элслеры. Не даромы прожила столько лыть, нажила столько денегы вы Америкы эта чародыйка. Кой-чему таки выучила своихы первыхы обожателей, своихы милыхы янковы.

Смёшно, конечно, восхищаться этой качучей. Какъ ни мала и ни хороша ножка у г. Кристи, какъ онъ ни строенъ и ловокъ, но все-таки это мужчина, все-таки это каррикатура, гримаса, «charge», какъ говорять французы. Но при этомъ случав нельзя не обратить вниманія вообще на способность американцевъ къ передразниванью. Я видёлъ въ Боверв, въ одномъ изъ кварталовъ Нью-Іорка, на самомъ маленькомъ театрв, какого-то Мг. Sames, который дразнилъ Рубини, Тамбурини, Гризи, Віардо, Персіяни такъ отчетисто и върно, что зажмуривъ

78 Смъсь.

глаза, я доходиль до иллюзіи обмана и, признаюсь, миѣ становилось стыдно ... Я изъ этого вывель одно заключеніе, что стало быть передразниванье вовсе не изящный таланть, если американець, этоть антиэстетическій человѣкъ, можеть доводить его до такого совершенства и утонченности.

Но вотъ полька ... Вначалѣ чинная, тонная полька, подъ конецъ отчаянная, страшная, ужасъ наводящая полька ... Съ прыжками, съ скачками, кривляньями, фарсами, отъ которыхъ заливается хохотомъ американскій людь, самъ между-прочимъ не любя танцевъ и отъ природы не способный не только къ служенію Терпсихорѣ, но даже къ самымъ простымъ танцамъ, общепринятымъ въ Европѣ.

Этимъ оканчивается представленіе. Всѣ расходятся, но на завтра таже исторія, таже толна за часъ до начала во всѣхъ залахъ, гдѣ есть только подобнаго рода концерты черномазой компаніи. Главное то, что эти черные, эти мнимые негры-гаеры, вовсе не негры, не черные, à такіе-же бѣлые американцы, такіе-же милые янки.

И охота, подумаеть, каждый день, а въ субботу два раза, пачкать себъ рожу, руки, шею, грудь, подрисовывать глаза, придълывать губы, пріучаться оскаливать зубы, для того только, чтобъ поддълаться подътить предтавляемаго негра. Впрочемъ, спасибо имъ и за это. Все-таки они единственные представители и музыки и музыкальности американской. И начиная забывать понемногу многое изъ моего путешествія, я не забуду никогда ни «Comme to the old Gumtree», ни «Carry me back to old Virginia», двухъ любимыхъ ихъ народныхъ романсовъ.

московскій въстникъ.

Былый взглядь на главныя событія московской жизни съ сентября 1851 года.

Необходимая оговорка. — Литература: «Московскія Въдомости»: — «Москвитянинъ» — О выходь Бидной невисты, г. Островскаго, Г. Писемскій и его Комикъ. Адамъ Адамычь, повъсть г. Михайдова. Другія статьи литературнаго отдъла; Вильма, расказъ г. Герца; Послъдні і день Помпеи, повъсть г. Кулжинскаго; Счастливая эксенщина, гр. Ростопчиной и отрывокъ изъ ея стихотворенія; Воспоминаніе г. Стурдзы. Стихотворенія Щербины и стихотвореніе г. Михайлова. Переводная часть «Москвитя. нина»; общій ея характеръ; переводъ изъ Дантова «Ада» г. Мина; стихотворные переводы съ многихъ мудреныхъ языковъ; Гаррикъ во Франціи, г-жи Павловой; Муже-эгоисть, драматичекая шутка г. Сумарокова. Ученый отдъль: обиліе и странный выборъ статей переводныхъ; оригинальныя статьи; матерьялы, ихъ общій относительная на нихъ скупость. Современныя извъстія: характеръ трехъ подраздъленій; літонись московскихъ театровъ, г. Григорьева; благотворенія П. В. Годубкова. Смёсь. Критика и библиографія: общія черты этого отдёла; исключенія; журналистика и ея характеръ; особенная строгость къ Современнику; г. Эрасть Благонравовъ и несправедливость къ нему редакціи. Причины настоящаго положенія «Москвитянина». Какъ нужно смотръть на него? Надежды въ будущемъ. Замъчательныя явленія неперіодической печати: Племянница, г-жи Турь. Исторія Росіи, г. профессора Соловьева. Кончина Гоголя. Театры. Новости русской сцены; и вкоторыя самыя интересныя черты выполненія. — Французкій театръ: общее замъчаніе, новые сюжеты. Севильскій Цыргольникъ. Новые балеты. Память о г-жв Андреяновой. Два слова о публикъ въ отношении къ театру, Музыка, зрълища, общественные интересы.

Принимая на себя званіе «Московскаго Въстника», я считаю необходимымъ напередъ сдълать небольшую оговорку, которая нужна мнъ и въ будущемъ.

Москва — не Петербургъ, далеко не Петербургъ и даже совстмъ не Петербургъ. Никто не осмълится отказать древней столицъ въ жизненныхъ силахъ, въ матерьялахъ для всякого рода жизнедъятельности; но умънія или желанія проявлять себя во-внъ не достаетъ у ней. Взгляните на любую сторону московской жизни, на любую черту физіономіи города — и доказательства моимъ словамъ не заставятъ долго искать себя. Возьмите для примъра торговлю: какая ея отрасль про-

цвътаетъ здъсь? Именно та, которая не видна не участвующему въ ней своимъ лицомъ-оптовая торговля. Другая сторона, интересующая насъ съ вами болье - дъятельность мысли въ строгомъ значении: литература, науки, искусства. Чтожъ, въ той ли мъръ проявляетъ себя Москва въ этой сферь, въ какой заложены въ нее силы дъятельности литературной, ученой, художественной? Сколько почтенныхъ ученыхъ, сколько даровитыхъ художниковъ и талантливыхъ писателей есть въ Москвъ, а количественное большинство ихъ произведеній, сами вы знаете, здъсь? Обратимся, наконецъ, къ чисто - внъшней является развъ жизни, ко всему тому, что широко опредъляется названіемъ «общественныя удовольствія». Туть поражаеть вась воть какое явленіе, аналогическое съ выше-замъченными: во-первыхъ, чрезвычайное однообразіе удовольствій, во-вторыхъ, чрезвычайное равнодушіе большинства къ удовольствіямъ, будь оно театръ, музыка, балъ, маскерадъ, или что другое. Но взглянемъ на выводъ изъ сказаннаго.

Этотъ выводъ заключается въ томъ, что въ жизни Москвы мало видно явленій, что вообще эта жизнь, на сколько она видна, однообразна, съ какой стороны ни гляди на нее. Изъ этого положенія, для человѣка, взявшагося писать о Москвѣ, да еще въ Петербургъ, возникаютъ не столько трудности, сколько боязнь, что статьи его не будутъ такъ занимать читателя, какъ-бы желалось корресподенту «Пантеона», потому-что извѣстіямъ о Москвѣ невозможно угоняться за извѣстіями о Петербургѣ ... Да не забудетъ-же читатель, что «на нѣтъ и суда нѣтъ!»

И такъ, вернемся, за шесть мъсяцевъ назадъ отъ нынъшняго дня, и начнемъ съ московской литературной дъятельности.

Первое мъсто въ этой дъятельности, первое вниманіе должны принадлежать «Московскимъ Въдомостямъ». Всякой знаетъ, какъ старо это изданіе, немногіе — черезъ сколько рукъ проходило оно; но, нътъ сомнънія, всякій сознается, что никогда «Московскія Въдомости» не были въ такомъ цвътущемъ положеній, какъ теперь — именно съ первой половины 1851 года. Политическія извъстія сообщаются до того быстро, отчетливо, ясно и полно, что пренумеранту съ ограниченными денежными средствами, получая «Московскіе Въдомости», нътъ ни мальйшей надобности въ другихъ газетахъ, не только русскихъ, но и иностранныхъ. Литературный отдълъ «Московскихъ Въдомостей», когда то ограничивавшійся стихотвореніями на новый годъ, и эпиталамами на событія, ни до кого не касавшіяся, — отдълъ, на время ожившій когда то, подъ редакцією Е. Ө. Корша, теперь представляетъ богатое и разнообразнъйшее содержаніе, нескончаемый рядъ статей, самыхъ

общедоступныхъ, самыхъ свъжихъ и важныхъ въ одно и то же время. Этотъ отделъ наполняется статьями известнейшихъ профессоровъ здъшняго унивирситета, гг. Буслаева, Вернадскаго, Грановскаго, Драшусова, Ершова, Кудрявцева, Леонтьева, Мина, Полунина, Рулье, Сокольскаго, Соловьева и нъкоторыхъ другихъ; затьмъ следують экстракты или переводы изъ всего замъчательнъйшаго, что только является въ современной періодической печати въ разныхъ странахъ и на разныхъ языкахъ, — иногда цълые трактаты. Но туть не все: помъщается еще корресподенція редакціи не только изъ разныхъ мъстъ Россіи, но и изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ Земнаго Шара; наконецъ, каждое событіе городской жизни, мало мальски важное, заносится на страницы «Московскихъ Въдомостей», не такъ, какъ заносилось прежде, какъ заносится и теперь иными жроникерами, то есть, въ видъ афиши, или въ видъ лаконическаго, ръшительнаго приговора, иногда съ нъсколькими вос клицательными знаками въ заключение, —а заносится оно добросовъстно, п логически обсуживается. Чуть только событіе какою-нибудь своею стороною коснется дъла положительнаго знанія-науки, искусства, отчеть о немъ непремънно отдается ученымъ, художникомъ. Такое распоряжение газетою, гдъ, кромъ всего исчисленнаго, встръчаются и живые очерки нравовъ, русскихъ и иностранныхъ, и вообще статьи беллетрическія, чрезвычайно-свъжія, - такое распоряженіе, говорю, естественно должно было принести самые отрадные плоды: газету читають съ жадностію, газета стала, наконецъ, потребностію массы читателей, потому-что имъетъ въ предметъ общую пользу, - газета, en dernier lieu, считаетъ теперь слишкомъ восемь тысячъ нятьсотъ пренумерантовъ число, въ которомъ, судя по всему извъстному, не расходилось у насъ до-сегодня ни одно русское повременное изданіе, кромъ «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества». Что прибавлять къ этимъ аргуметамъ? Воситвать многостороннюю ученость редактора, М. Н. Каткова, достойныхъ помощниковъ, профессоровъ, прилежание остальныхъ сотрудниковъ ... въдь это было бы еще болье не прилично, чъмъ смъшно !..

Другой двигатель московской литературной двятельности — «Москвитянинъ», учено-литературный журналъ, какъ называетъ онъ себя самъ. Отложимъ до своего мъста ръчь о томъ, въ какой мъръ ему принадлежитъ это опредъление, и взглянемъ сначала на отдъльныя явления «Москвитянина»; отъ перечня ихъ перейдемъ къ общимъ заключениямъ и постараемся тогда сдъдать возможно-върные выводы.

Звъздою первой величины не только надъ литературными статьями «Москвитянина» съ сентября 1851 года, но и надъ всъми статьями того же отдъла, когда—либо въ «Москвитянинъ» помъщенными, по его-

же собственному мнънію, сіяетъ комедія г Островскаго — Бъдная невъста. Это произведение только на этихъ дняхъ появилось въ печати. Прочитать его разъ (что я уже сдълалъ) не достаточно, когда предстоить говорить о немъ печатно. Поэтому, о комедіи г. Островскаго скажется въ другомъ мъстъ. Тамъ же, кстати, коснемся и Ипохондрика г. Писемскаго. Разсказъ г. Писемскаго Комикъ есть лучшее до сихъ поръ его произведение изъ области, въ которой онъ уже сталъ твердою ногою: эта область современная эпопея, то есть, повъсть и романъ. Тюфякъ, Сергый Петровичъ Хозаровъ и Мари Ступицына, помъщенные еще прежде въ «Москвитянинъ», и Богатый женихъ, печатающійся въ «Современникъ», съ одной стороны уже пріобръли г. Писемскому извъстность, съ другой — ясно и полно опредълили свойства и степень его таланта. Г. Писемскій — писатель современный: онъ знаетъ жизнь, беретъ все изъ нея прямо и непосредственно, и върно пишеть съ натуры; поэтому нътъ положеній ложныхъ: все истинно, все такъ, какъ рисуетъ онъ, или непременно такъ могло быть. Но вотъ беда: во первыхъ г. Писемскаго поражаетъ по преимуществу выпуклое жизни, самое выпуклое (разумъется въ его сферъ — комической) les points saillants, отчего собираются у него черезъ-чуръ крупныя черты и произведенія его наполняются единственно оригинальными лицами и оригинальными событіями, безъ мальйшей середины; во-вторыхъ, ему какъ-будто нътъ дъла до внутренней основы событій, отчего иногда читателю кажется, что нътъ никакой связи между сценами его разсказа, кромъ очевидной, такъ-сказать, исторической последовательности. По этимъ причинамъ юморъ его холоденъ; естественно, что вы читаете его со вниманіемъ: за что взялся онъ, то выйдетъ ярко и живо, по кончили вы чтеніе — и остается у вась въ памяти только одинъ типъ, или отдъльная сцена, а цълаго впечатлънія вы не выносите, и предлагаете себъ вопросы такого рода: въ чемъ-же именно заключалась идея, которую заложилъ авторъ въ основаніе своего созданія? почему все развязалось такъ, какъ развязалъ дъло авторъ? — почему эти лица, имъ выведенныя, дъйствовали такъ, а не иначе? — изъ чего слъдуетъ то или это? Словомъ, вездъ у г. Писемскаго недостатокъестественной последовательности, вытекающій изъ отсутствіи анализа. Таково, кажется, среднее изъ всего того, что можно сказать о Тюфякт, Хозаровт и Богатомъ женижь, изъ всего, что уже и было сказано. Въ Комикњ г. Писемскій является со всеми своими достоинствами, но сказанные недостатки видны менће: юморъ автора постепенно согрѣвается участіемъ къ тому лицу, которое должно считать-

ся героемъ (актеръ Рымовъ), и, съ напряженнымъ интересомъ не переставая следить за судьбою несчастного, вы досадуете отъ души, что разсказъ такъ внезапно прерывается, -- оттого, быть можеть, что авторъ боялся переступить за черту своего міра созерцанія, боялся писать картины, въ которыхъ, по всему въроятію, позволено ожидать мало комическаго ... Если это сдълано сознательно и только вслъдствіе такой причины, - честь ему за смиреніе... но какъ не жалъть о томъ читателю, когда его такъ завлекли этой, до-сихъ-норъ, грустно-комической исторіей б'єднаго Рымова!.. Характеръ Рымова, во сколько онъ выставленъ, вылился отчетливо; безтолковый театралъ, Аполлосъ Михайлычь Дилетаевъ, вышель очень-хорошъ. Послушайте его сужденій о Женитьбъ, о высокой комедін, о драматическомъ искусствъ вообще! Такіе интересные субъекты, какъ Дилетаевъ, весьма имѣются и въ настоящее время: они существують именно съ тъми достолюбимыми аттрибутами, какіе придаль г. Писемскій своему Дилетаеву, — со всеми изгибами этого типа, и въ натуръ и въ Комики себъ неизмъняющаго. Любопытно прислушаться, какъ объясняетъ Дилетаевъ же высказанное положеніе, что и «классическая комедія (въ отличіе отъ Женитьбы и вообще смышных водевилей и фарсовъ) пишется по строгимъ и особеннымъ правиламъ». Какія же особенныя правила? — спрашиваютъ его.

«Я давно учился, — говорить онъ — но какъ-то врѣзалось въ память. Первое правило: единство содержанія; второе, да ... второе, я полагаю, то, чтобы пьеса была написана стихами — это необходимо для классицизма, и, наконець, третье, ужъ совершенно какъ-то не помню: кажется, чтобъ все кончилось благополучно ... напримъръ, свадьбою или чѣмъ-нибудь другимъ; но я, съ своей стороны, кладу еще четвертое условіе для того, чтобъ комедія дѣйствовала на вкусъ людей образованныхъ: надобно, чтобъ она была взята изъ образованнаго класса, а то, помилуйте, что такое ныньче пишутъ? На сценѣ фигурируютъ пьяные мужики, лакеи и какіе—то уроды, называемые помѣщиками. Такое общество, что не глядѣлъ-бы; да и въ натурѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Возьмите въ комедіи Шаховскаго: букетъ изящнаго, ароматомъ пахнеть»

Уже изъ однихъ этихъ не многихъ словъ не сложилась—ли передъ вами вполнъ фигура Аполлоса Михайлыча Дилетаева, на которую такъ похожи разные и многіе господа?.. Эти слова, кромъ Дилетаева и Дилетаевыхъ, не подняли—ли еще передъ вашими глазами цълую, особенную категорію господъ, считающихъ себя по истинъ гораздо лучшими и высшими, нежели Дилетаевъ г. Писемскаго.

Хороша въ Комикть и жена Рымова, Анна Сидоровна, нельзя ска-

зать, чтобы женщина, привязанная къ мужу несомнѣнно, но странно какъ-то, безсознательно, — безпрестанно его ревнующая ни вѣсть къ кому и изъ-за чего. Съ какою неподдѣльною наивностію говоритъ она мужу, прося его, чтобъ онъ не участвовалъ въ спектаклѣ:

— Избалуешься, мамочка, совсёмъ избалуешься; еще, пожалуй влюбишься: вы, вёдь, при всёхъ, безъ стыда, цёлуетесь. Это ужъ какое дёло семейному человёку? А потомъ, позже, когда мужъ ея рёшился играть и принесли къ нему въ его отсутствие записку, въ которой племянница Дилетаева проситъ Рымова придти потихоньку отъ дяди (чтобы заняться вмёстё приготовлениемъ роли, о чемъ въ запискъ це уномянуто) и по несчастию помёстила слова: «вы миё очень понравились», относившідся единственно къ искусству Рымова, — какъ оца, Анна Си доровна:

«...сдълалась совершенно сумасшедшая. Бросилась было къ городничему, съ намъреніемъ пожаловаться на мужа; но тамъ ее дежурный солдать не пустиль, потому—что градоначальникъ въ то время спаль,— и сказаль ей, чтобъ она вечеромъ пришла въ полицію. Возвратившись въ свою квартиру, она схватила мужнинъ фракъ, изръзала его вдоль и поперегъ; кинула сапоги его въ колодезь и, написавши какую-то записку, положила ее на столъ; собрала потомъ нъсколько своихъ платьевъ, перебила за тъмъ всъ горшки въ кухнъ и пошла сначала по улицъ, а потомъ и за городъ... Въ Кузмищевъ проживали двъ благородныя, старыя дъвушки-помъщицы, которыя принимали въ Аннъ Сидоровнъ большое участіе и просили ее пріъзжать къ нимъ погостить всякой разъ, какъ закутитъ ея пьянчужка», и такъ далъе.

Хорошъ трагикъ Никонъ Семенычъ, тоже своего рода типъ; хороши двъ барыни: Матрена Матвъвна и Дарья Ивановна — опять таки неръдко встръчаемыя личности; хороши всъ сцены по поводу представленія домашниго спектакля ... Комикъ, дъйствительно, прекрасное произведеніе, а г. Писемскій — одинъ изъ замъчательныхъ дъятелей нынъшней беллетристики.

Непосредственно подъ вліяніемъ г. Писемскаго возникъ талантъ г. Михайлова. Повъсть его Адамъ Адамычъ, если не блеститъ еще всъми положительными достоинствами произведеній учителя, за то, можетъ повести къ мысли, что г. Михайлову, не остановись онъ только, предстоитъ со временемъ болье широкое поле, нежели г. Писемскому: кругозоръ г. Михайлова общирнъе, взглядъ его теплъе и, пожалуй, иногда глубже. Нътъ еще, разумъется, той твердой замашки, той опредъленности рисунка. Но есть у г. Михайлова, въ числъ другихъ свойствъ, одна слабость, положительно на-

следованная имъ отъ г. Писемскаго, это недоконченность, спешность или небрежность, преимущественно во всёхъ тёхъ мёстахъ, гдё авторъ говорить отъ своего лица. Г. Писемскому, кажется, замъчать объ этомъ лишнее, потому во-первыхъ, что эта слабость, сколько изъ предыдущаго заключать дозволено, должна навсегда остаться характеристическою чертою его манеры, а во-вторыхъ, что она дъйствительно исчезаеть почти вездъ за достоинствами, въ особенности за разговорною ръчью, которая у автора Комика, за немногими исключеніями, безукоризненно-хороша. Но г. Михайлову нельзя пренебрегать выраженнымъ недостаткомъ: болъе г. Писемскаго расположенный говорить отъ себя, склонный къ рефлексіи и не угнавшійся еще за г. Писемскимъ въ рельефности выраженій немногословныхъ, онъ очень много выиграеть, когда будеть тщательные заботиться объ отдылкы своихъ произведеній. Разсказывать содержаніе Адама Адамыча я не буду: не могу здёсь, однако-же, не упомянуть о главномъ пункте, которымъ норажаеть эта повъсть. Этоть пункть — типъ, созданный г. Михайловымъ и созданный едва-ли не первымъ имъ, то есть, имъ первымъ виолит подмъченный и во всей цълости воспроизведенный. Я разумъю педагога Закурдаева.

Другія лица пов'єсти также бол'є или мен'є удовлетворительны; зато чисто-идиллическая сторона ея — разсказъ о родин'є и д'єтств'є героя — вышла у г. Михайлова очень слаба. Но легко-ли писать идилліи? Всмотритесь-ка хорошенечно: чего стоятъ такіе подвиги изв'єстному мастеру этого д'єла, Григоровичу, не взирая на его даровитость и опытность!

Яснъе еще подтверждается это положеніе разсказомъ г. Герца — Вильма. Авторъ, кромъ того, называетъ свое произведеніе «біографическою фантазіею», но доказаль имъ только бъдность своей фантазіи и, разливъ по немъ, быть можетъ, изъ сознанія собственнаго безсилія, Мармонтелевскую мораль и Лабрюйеровскую глубину, создаль цилое, до того безцвътное, что, по всъмъ соображеніямъ и нъкоторымъ положительнымъ статистическимъ даннымъ, надъ Вильмой, интересной дъвочкой, должны, увы! дремать даже самыя отчаянныя тридцатидевяти-лътнія мечтательницы.

И того бездарнъе повъсть г. Кулжинскаго — Послъдній день Помneu.

О «Счастливой эсенщинь», современной біографіи графини Ростопчиной, намъ хотълось бы поговорить больше, чёмъ могутъ дозволить границы нашего обзора. Въ вознаграждение прослушаемъ слъдующія строфы:

«Воспоминаній говорящих»,
Видъній райских», райскихх» снов»,
И жарких» дум», и грез» блестящих»
Уединенный полон» кров».
Невольно въ сердцъ умиленном»
Поется пъснь и гимнъ звучит»...
И мнится, эхомъ отдаленнымъ
Природы въчный гимнъ гремит».

Мечтанья, вызванныя силой,
Мелькають тихо предо мной —
Вст тт, что дороги и милы
Вст тт, кого люблю душой.
Я слышу памятныя ртчи
Я узнаю ихъ голоса ...
Какъ будто вымоленной встртчи
День ускорили небеса!..

Такъ незамѣтно пролетаютъ
Часы досуга и мечты.
Давно за-полночь! исчезаютъ
Ужъ звъзды съ горней высоты.
Средь тишины, уединеньемъ
Душа моя освътлена,
И забываетъ съ восхищеньемъ
Весь міръ существенный она»....

Ахъ, еслибъ графиня Ростопчина почаще такъ забывала «весь міръ существенный», съ которымъ такъ легко разойтись всякой лирической настроенности, всякой субъективной натуръ!..

Говоря о литературныхъ явленіяхъ «Москвитянина», надо, по его волѣ, упомянуть въ ихъ числѣ о статейкѣ г. Стурдзы: Беспда любителей русскаго слова и Арзамасъ. Въ Арзамасъ оказываются неопѣненныя данныя для грядущаго біографа г. Стурдзы, — факты, о которыхъ инымъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ «quondam meminisse juvabit», какъ говоритъ Виргилій, или Эней, или г. Стурдза. Другихъ достоинствъ, общаго интереса, воспоминанія г. Стурдзы не имѣютъ. Врядъ ли даже оправдается ожиданіе автора, что его «страницы вызовутъ двусмысленную улыбку на проническія уста сго юныхъ современниковъ»: за что, помилуйте?.. Притязанія г. Стурдзы выставить себя въ числѣ свиты за нѣкоторыми знаменитостями нашей литературы, — упомянуть, будто бы невзначай, о юномъ питомирь Лицея, наконецъ слова относимыя къ современнымъ, живымъ писателямъ: «права и притязанія наши на безсмертіе сомнительны, доколѣ пе упро-

чила ихъ, по крайней мъръ, земская десятильтияя давность» — все это такъ наивно, что ироніи трудиться тутъ не надъ чъмъ.

Изъ небольшихъ статеекъ литературнаго содержанія, по временамъ помѣщаемыхъ въ Смѣси, иѣкоторыя читаются, но большинство помѣщено въ «Москвитянинѣ», вѣроятно, съ цѣлью — поощрить зараждающихся писателей.

Стихотворенія въ «Москвитянипѣ» печатаются рѣже прежняго, но все-таки печатаются, и большею частію группами—весьма не граціозными. Отъ прочихъ именъ тутъ ярко отдъляется имя Н. Ө. Щербины: его «Новыя греческія стихотворенія», числомъ двѣнадцать, напомнили «Греческія стихотворенія» 1850 года; новыя — прекрасны, и выписывать изъ нихъ, право, затруднительно. Но не дурна также «Простая исторія» г Михайлова:

«Мы встрѣчались часто, говорили
Много всякой безотрадной гили;
А о томъ, какъ сердце наше ныло,
Какъ рвалось, какъ бѣшено любило,
Никогда словца не проронили.

Мы прощались тихо, безъ рыданій, Безъ излишнихъ нъжныхъ изліяній: При прощаньи не дрожали руки ... А межъ-тъмъ душа рвалась отъ муки, Сердце замирало отъ страданій» ...

Сколько скрытой, неразсчитанной граціи!.. Есть также оттѣнокъ оригинальности и какъ-будто искра поэзіи въ Примадонию г. Полонскаго.

Переводная часть «Москвитянина» чрезвычайно слаба. Копперфильдъ, Диккенса, Вильгельмъ Мейстеръ, Гёте, Мольеръ, и Господинъ Руссе, отрывокъ, Жоржъ - Санда, въ хорошемъ переводъ, разумъется, замънили бы не одно оригинальное произведеніе, а въ переводъ «Москвитянина» дають даже невыгодное понятіе о переводимыхъ авторахъ. За то переводы повъстей графини д'Арбувиль, фаворитки «Москвитянина», и другихъ мелкихъ разсказовъ представляютъ уже ръшительно гимназические упражнения. Спора пътъ, чрезвычайно полезно для молодыхъ людей упражняться въ переводахъ съ французскаго языка на русскій, по какъ пріятно было бы, еслибъ эти переводы можно было читать . . . Посившимъ, однакожъ, отдать справедливость « Москвитянину»: въ немъ не обнаруживается ни мальйшаго баловства, къ которому бы то ни бы изъ иностранныхъ авторовъ; имфется ли дело съ Гёте или съ Эли Берте, съ Жоржъ-Зандомъ или съ Ламенне, нигдъ не видно предосудительнаго пристрастія къ лицу: вся бусурманщина передается съ топора, въ какомъ угодно отдълъ, не исключая и отдъла «Наукъ», который,

наполняется преимущественно статьями переводными. Мы не будемъ бездоказательны, и развернемъ на удачу одну изъ книжекъ «Москвитянина»: — «Пятый въкъ отъ Рождества Христова, одинъ изъ самыхъ важныхъ для изученія, для того, кто хочетъ знать вполнъ исторію новых пародов ... Въ этомъ въкъ они родились отъ брака образованнаго міра съ міромъ варварскимъ, которыя подали другу руку на развалинахъ, какъ Атаульфъ и Плацидія, на добычахъ разграбленнаго Рима. Хотя бы даже для нихъ, племени, происшедшаго отъ этого смъшенія, исторія пятаго віжа и не иміла нікотораго права на сыновнее уваженіе, все-таки имъла бы она право несомнъпное на участіе философа, который съ любонытствомъ следить за разными метаморфозами человечества, — ибо ни одна эпоха не была исполнена противоположностей, болье странныхъ перемънъ, болье нежданныхъ бъдствій, болье странныхъ, следствій сильнаго стольновенія изижженной цивилизаціи съ варварствомъ, постепеннымъ до безконечности и выроставшимъ до лютости дикаго звъря въ Ругъ, Геруль или Гуннъ.»

Согласитесь, что не мало нужно свободнаго времени для того, чтобъ доискатся тутъ смысла. Но благо книжка передъ нами, раскроемъ ее еще: «Лучшимъ оправданіемъ Ксеній служатъ Анти-Ксеніи, которыя для пасъ, нѣмцевъ, служатъ пристыжающимъ зеркаломъ, что характеръ народа не такъ скоро измѣняется, а тогдашніе наши ученые оказали себя дерзкими и торжествующими, не смотря на ихъ ужасную и отвратительную наготу.»

Можетъ быть, это и очень ясно, но, по крайней мъръ, очень чтото не удобно-вразумительно! ...

Нътъ надобности распространяться о томъ, что самое блистательное исключение изъ общаго правила о переводахъ «Москвитянина» составляетъ отрывокъ изъ Дантова Ада г. Мина. Красоты итальянской поэмы переданы, по словамъ знатоковъ итальянскаго языка, чрезвычайно върно, и, кромъ того, переводъ отличается всъми достоинствами оригинальнаго произведенія Нътъ надобности, также, доказывать, что совершенно оправдываютъ выраженную истину о своеобразной оригинальности переводовъ «Москвитянина» переводы съ малороссійскаго, польскаго, руснацкаго, сербскаго, болгарскаго, жаджарскаго, венгерскаго, татарскаго, арабскаго, персидскаго, китайскаго, индійскаго, зендскаго и другихъ наръчій земнаго шара, переводы, препаруемые разными сотрудниками « Москвитянина ». Судить о върности этихъ переводовъ, не нашего знанія дъло, а никакого Меццофанти, по несчастію, не имъется подъ рукой, но о внъшнемъ исполненіи нельзя не сказать, что оно решительно слабо и напоминаетъ постоянно людей, которые предлагають показать вамъ фокусъ, засучають рукава, какъ требуется, размахнутся, размахнутся — и выходить — ровно личего.

Нъсколько словъ о комедін: Гаррикт во Франціи, взятый у Эленшлегера (если не обманываетъ меня намять), почтеннаго автора одного изъ скучнъйшихъ нъмецкихъ произведеній: «Die Wunderlampe» г-жею К. Павловою: Какъ одинъ изъ петербургскихъ журналовъ, изъ весьма похвальнаго уваженія къ Шекспиру, поміщаеть переводы изъ него въ отдель Русской Словесности, такъ «Москвитянинъ» напечаталь комедію Гаррикъ во Франціи тоже подъ рубрикой Русской Словесности, въроятно, изъ учтивости. Какъ комедія, это произведеніе ръшительно не соотвътствуетъ своему названію, по самой простой причинъ : оно совсёмъ не комедія, затёмъ, что нётъ въ немъ ничего такого, что искусство называетъ комическимъ элементомъ; это просто, сципление нисколькихъ забавныхъ сценъ, недоразумъній, мистификаціи, и тому подобнаго. Для француза туть съ избыткомъ стало бы матерьяла на одну изъ тъхъ сценическихъ блестокъ, которыя, впродолжение часа, дъйствительно спосоо́ны занять сотню, другую зрителей; у насъ успъхъ *Гаррика* на сценъ (эта пьеса дана въ началъ января, въ бенефисъ М. С. Щепкина, для котораго и написана) оказался весьма сомнителень, не смотря на участіе въ немъ лучшихъ артистовъ здёшняго театра. Драматическая шутка г. Сумарокова-Мужет-Эгоисть, о которой я чуть было не забыль, гораздо веселъе Гаррика; въ ней нътъ претензіи на комедію, и, въ концъ журнальной книжки, между другими мелочами, Мужъ-Эгоистъ быль бы совершенно на своемъ мъстъ. Только не на мъстъ, въ русской шуткъ, французская субретка, какою вышла у г. Сумарокова горничная Маша ... Можно побиться объ закладъ, что Мужсъ-Эгоисть набросанъ авторомъ цо чьей-нибудь просьбѣ, для домашняго спектакля, и потомъ уже, можетъ быть, по просьбъ автора, попаль въ печать... Но все это не отнимаетъ у «драматической шутки» достоинства шутки неглупой; ce n'est pas une mauvaise plaisanterie....

Обратимся теперь къ тому отдёлу, который въ «Москвитянинё» называется: Науки, Художества и прочее. Замёчено выше, что большая половина этого отдёла наполнена статьями переводными; надо прибавить, что переводъ всёхъ этихъ статей небреженъ, а выборъ ихъ страненъ. Для кого, напримёръ, помёщены двё газетныя статейки: Шиллеръ и Гете въ борьбъ Ксеній, соч. Эдуарда Боаса, статья, которая читателю, плохо знакомому съ германской литературой, не объяснитъ ничего ровно, а знающему эту литературу хорошо, не дастъ ни малёйшаго понятія о новой книгѣ, и другая: О гордости нашего въка, извёстнаго читателямъ французскихъ журналовъ пустаго крикуна Ламенне, статейка совершенно пустопорожняя!.. Кого этимъ хотёлъ потёшить «Москвитянинъ»?... И по-

добныхъ статеекъ въ «Москвитянинъ» не двъ ... Изъ оригинальныхъ статей ученаго отдъла всъхъ интереснъе, да, кажется, и дъльнъе, статья г. Лемнова — Историческій очерко русскаго законодательства о путяхь сообщенія и ямской гоньбю или почтахь. Читатель, не посвящавшій себя изученію предмета, найдеть здісь любопытныя данныя. Затымы слыдують: Облака, комедія Аристофана и его историческое значение, статья схоластическая и неудобочитаемая, принадлежащая г. Стасюлевичу; статья г. Ордынскаго — Наемные друзья богатых Римлянь втораго въка по Рождествъ Христова, по Лукіану; нъсколько весьма темныхъ и весьма мудреныхъ отрывковъ изъ изслъдованій, преимущественно относящихся до славянской минологіи, г. Шепинна: статья г. Погодина: Когда русскому государству исполнится тысяча льть, полная цифръ и фактовъ, но еще болъе восклицательныхъ знаковъ и сокращеній; Физіологическія письма, которыя всего приличнъе было бы назвать гомеопатическими ... и три, четыре статейки еще, о которыхъ и умолчать не обидно....

Матерьялы для исторіи и исторіи русской словесности всв, разумѣется, чрезвычайно интересны, и интересны безусловно для каждаго читателя; но нельзя, по этому именно, не подивиться скупости «Москвитянина» на этотъ предметъ. Говоритъ же «Москвитянинъ» безпрестанно, и въ продолженіе года и при каждомъ объявленіи о подпискъ, что музеумъ г. Погодина полонъ неисчерпаемыхъ сокровищъ, а даетъ когда иѣсколько строчекъ, когда ничего, и только изрѣдка нѣсколько страницъ. Не во сто ли разъ было бы лучше пополнять списками съ этихъ сокровищъ хоть половину каждой книжки «Москвитянина»? Тогда дѣло обошлось бы безъ хлопотъ о грузъ, который такъ ненавистенъ «Москвитянину», и надъ которымъ всегда дремлетъ читатель, тѣмъ болѣе, что этотъ грузъ «Москвитянинъ» (изъ антипатіи къ нему) даже не беретъ на себя труда расположить, обдѣлать, грушпировать...

Современныя извистія сообщаются «Москвитяниномъ» такъ себъ. Заграничнымъ вредитъ весьма часто скептическій взглядъ на нихъ: такъ извъстный опытъ парижскаго садовника надъ искусствечнымъ произрастеніемъ цвътовъ въ самое короткое время, опытъ, производившійся при экспертахъ, повторенный при тысячахъ зрителей, опытъ, которому не могли неповърить журналы и газеты цълаго свъта, этотъ опытъ опровергается «Москвитяниномъ» ... Въ числъ внутреннихъ извъстій попадаются интересныя, но почти постоянно въ видъ невыработанномъ... Пътъ никакого сомнънія, что много занимательнаго, много важнаго можно узнать о Россіи въ теченіе двухъ недъль, но факты науки и искусства, общественной жизни и на словахъ-то не всегда удобно выслушиваются отъ иныхъ очевидцовъ,

а на бумагь, переданные тъми же лицами, подчасъ не легко читаются. Московскихъ извъстій въ «Москвитянинъ» обыкновенно мало или совстмъ нътъ; лучше не говорить ничего, нежели разсказывать повъсти о какихъ-то, никому неизвъстныхъ, литературныхъ вечерахъ, на которыхъ, будто, вмъсто одной свъчи зажигается двъ, хозяинъ приглаживаетъ непокорные взъерошенные волосы, а гости зъваютъ, потомъничего не читають, потомъ испускають несколько звуковь, похожихъ на восклицанія по поводу грустнаго состоянія русской литературы (?!) и расходятся очень недовольные, что придется каждому платить по крайней мъръ рубль серебромъ извощику — und so weiter ... Но къ московскимъ же извъстіямъ относится Льтопись московских театровъ. Она пишется г. Григорьевымъ (А. А.), извъстнымъ нъкоторыми весьма посредственными переводами въ стихахъ и странными драматическими воззрѣніями, помѣщавшимися въ 1846 году, на ряду съ твореніями г. Славина, въ Репертуаръ г. Песоцкаго. Г. Апполонъ Григорьевъ составиль себъ идеи объ искусствъ, основанныя на самыхъ странныхъ парадоксахъ и противоръчіяхъ, и излагаетъ ихъ съ пиоическимъ жаромъ, съ какойто фантастической нетериимостью чужихъ убъжденій, вычурнымъ языкомъ и безъ всякаго соблюденія формъ, принятыхъ между образованными людьми въ бестдт ихъ съ публикой, и притомъ въ бестдт о предметахъ и лицахъ, достойныхъ всякаго уваженія.

Нужно ли г. Григорьеву говорить о какомъ нибудь фарсѣ или о мелодрамѣ, сшитой по извъстному образцу, исходная точка у него всегда одна и таже — Шекспиръ. Это дълаетъ статьи его чрезвычайно забавными, и тъмъ болѣе забавными, что, сдълавъ себѣ изъ Шекспира фетиша, онъ самъ его не понимаетъ. Другой недостатокъ г. Григорьева состоитъ въ томъ, что полюбивши разъ личность актера за проблескъ таланта, за намекъ на возможность дарованія, онъ увлекается воспоминаніемъ о благопріятномъ впечатлѣніи, имъ однажды полученномъ, и не смотря на его недостатки, продолжаетъ одобрять тамъ, гдѣ артиста нужно-бы поправить и направить. Такъ черезъ-чуръ снисходителенъ г. Григорьевъ къ г. Полтавцеву, Славину, къ г-жѣ Косицкой, Сабуровой 2-й ... Лучшая изъ театральныхъ статей г. Григорьева есть статья о г-исть Самойловой 2, гостившей въ Москвъ въ прошломъ году. Талантъ артистки опредъленъ, какъ пельзя точнѣе, хотя гостьѣ и польщено немного.

Изъ рубрики Московскихъ извъстій необходимо здъсь выписать общія цифры благотвореній В. П. Голубкова. По даннымъ, сообщаемымъ г. Небольсинымъ, оказывается, что съ 1841 г. П. В. Голубковъ пожертвовалъ:

- 1) на церкви и духовенство около 114 т. руб. сер.
- 2) бъдныхъ . . . болъе 21 т. ___
- 3) на науку собственно . около 70 т. ___
- 4) воспитаніе юношества болъе 90 т. —

Г. Небольсинъ прибавляетъ, что тутъ не все еще, что онъ лишенъ возможности сообщить обо всъхъ благотвореніяхъ г. Голубкова. Извъстно, однакожъ, что пожертвовано имъ въ 1835 или 1836 году на бъдныхъ жителей Москвы разомъ 150,000 р, извъстно, что были и еще пожертвованія ... Такіе подвиги должны переходить изъ устъ въ уста, записываться вездъ, повторяться, выучиваться наизустъ ...

О Смьси «Москвитянина», мы бы и не упомянули, если бы 1) «Москвитянинъ» не показалъ желанія продолжать споръ съ «Московскими Въдомостями» о Рафаэлевскихъ картонахъ г. Лухманова, — этими послъдними очевидно для всъхъ оконченный; — къ этому спору мы возвратимся въ слъдующемъ письмъ; 2) еслибъ не было статейки г. Рамазанова — Нъчто по поводу выставки, бывшей въ Московскомъ училищь Живописи и Ваянія, разумъется, умной и дъльной, но у которой отнимаетъ главный интересъ и пользу форма изложенія. Истины науки, вопросы искусства, когда бываютъ въ разговорной формъ, теряютъ половину своего значенія, они трудно воспринимаются, мало даже читаются, ихъ объгаютъ въ этой формъ (потому-что или не довъряютъ или боятся) какъ дидактическихъ поэмъ. И въ 3) сслибъ тутъ же не помъщались стихотворенія г. Благонравова, о которыхъ ръчь впереди ... Только изъ-за этихъ исключеній и упоминается о Смъси, «Москвитянина»

Остается отдълъ весьма важный въ каждомъ журналъ, не безъ намъренія, конечно, здъсь отложенный къ концу: это отдълъ — Критики и Библіографіи.

Съ перваго взгляда отдъляется тутъ отъ всего прочаго статья г. Григорьева — Русская литература въ 1851 году, едва ли не первая статья «въ Москвитянинъ», которой можно еще, относительно, дать названіе критики. Все остальное — поверхностныя журнальныя рецензіи, пишущіяся раг acquis de consience, то есть, чтобъ не совсьть измънить объщанному порядку. Поспъшить, однакожъ, отличить отъ массы статьи объ Исторіи Россіи, г. Соловьева, за ихъ объемъ; статью о ръчи г. Зеленецкаго: Объ идеальной основи, свойстважъ и видажъ изящества, за содержащіеся въ ней намеки на дъло, которыхъ къ сожальнію, не потрудился развить авторъ рецензіи. Статьи о книгъ г. Соловьева безъ сомнънія имъютъ свое научное значеніе, но большая часть положеній опровергнута въ «Московскихъ Въ-

домостяхъ» а читатель, не решающійся судить всё вопросы науки, самъ долженъ стать на сторону «Въдомостей» не по одной причинъ: въ «Московскихъ Въдомостяхъ», напримъръ, нельзя предполагать лицепрія-, тія въ столь важномъ дёлё, какова разбираемая книга, между тёмъ, какъ нерасположение «Москвитянина» къ г. Соловьеву извъстно всъмъ, когда-либо читавшимъ журналъ, а такое начало антикритики на статьи «Въдомостей», какъ это: «Когда авторъ какой-либо книги или его пріятели» * ... сразу отнимаеть у рецензента довъріе читателя, который убъжденъ, что въ дълъ науки нътъ ни пріятелей, ни враговъ. «Москвитянинъ», какъ извъстно, любитъ говорить о всъхъ сочиненіяхъ, относящихся до исторіи; до археологія, до древностей — въ особенности русскихъ. Этотъ вкусъ дълаетъ ему честь, но что говоритъ онъ объ изданіяхъ этого рода? Начинается разсказъ обыкновенно съ сожальнія о томъ, что никто не хочетъ ничего дълать для отечественной исторіи, потомъ, слъдуетъ иногда краткое изложение содержания книги, всегда объщание заняться ею въ непродолжительном времени; въ заключение, pour la bonne bouche, поздравляются друзья исторіи я новымъ пріобрътеніемъ, а автору, вмѣсто chake-hands, отпускается неопредъленное количество восклицательныхъ знаковъ ... Извъстное теперь въ разныхъ коннахъ Россіи, если не далве, сочиненіе профессора Кудрявцева — Судьбы Италіи, до сихъ поръ не удостоилось разбора «Москвитянина».

Въ журналистикъ разсматриваются современные журналы: Отечественныя Записки, Современникъ, Библіотека для Чтенія, Пантеонъ.

Изъ всёхъ журналовъ особенно строгъ «Москвитянинъ» къ Современнику. Негдё входить въ подробности, да и не слишкомъ важны онё, по не минуемъ главныхъ обвиненій: они заключаются въ томъ, что «Современникъ» черезъ чуръ снисходительно, черезъ-чуръ поверхностно смотритъ на искусство и науку. Положимъ, что тутъ есть своя доля правды, что пріятно было бы не встрітить иногда въ отділь ученомъ статьи, къ нему непринадлежащія, въ строгомъ смыслі, а въ отділь Словесности произведенія только что читающіяся; положимъ, что все это такъ: но гді же въ «Москвитянині» эта строгость взгляда, которую пропов'єдуеть онъ, гді въ немъ эти замічательныя ученыя статьи, гді это обиліе художественныхъ произведеній, которыхъ требуеть онъ въ отличіе отъ беллетрическихъ? Гді все это ?.. Будемъ называть вещи по имени — это ясніе. Передъ нами дв'єнадцать книжекъ «Мо-

an talk valence craft and property value of his later which and

^{*} Москвитян. 1851 года, № 24, с. 585.

сквитянина», что изъ нихъ не забудется втеченіе года, двухъ-трехъ мъсяцевъ, пожалуй? Отвътъ не затруднителенъ. Ипохондрикъ, Комикъ, Адамъ Адамычъ, и только! Неужели, пусть скажетъ самъ «Москвитянинъ», въ Современникъ за то же пространство времени не найдется болье вещей капитальныхъ, хоть числомъ-то?.. Отложимъ даже то, что въ Современникъ болъе читаемаго — достоинство, котораго не признаетъ «Москвитянинъ, — и пусть отвътить самь каждый читающій тоть и другой журналъ. Понятно, слова нътъ, было негодование «Москвитянина» на родомонтады г. Иногороднаго Подписчика; понятно потому, что этотъ господинъ, при помощи пышныхъ по-своему фразъ, удачныхъ под часъ парадоксовъ и иныхъ, для всякаго видныхъ, уловокъ, распространиль или старался распространять своими статьями — совершенное равнодушіе къ литературъ, наукъ, искусству, словомъ, ко всъмъ тъмъ вопросамъ, которые такъ близки къ сердцу всякаго мало-мало развитаго человъка; и отчего было не выразить это негодование по крайнему своему разумънію? Но не стало Иногороднаго Подписчика, сошель онъ со сцены Современника — чего бы, кажется, лучше! Такъ нътъ же: «Москвитянину» нужно было перенести свою антипатію на кого бы то ни было и онъ впалъ въ крайность. Жертвою нападеній сдълался теперь г. Новый Поэтъ, и жертвою почти совершенно невинною: мало было «Москвитянину» приписывать Новому Поэту слова и мысли, ему непринадлежавшія, мало было отыскивать въ его стихотвореніяхъ смыслъ, котораго, конечно, не было на умъ у веселаго, безпритязательнаго собесъдника «Современника»: -Не смотря на все, «Москвитянинъ» еще сталъ напускать и на Новаго Поэта и на «Современника», и на г. Некрасова г. Эраста Благонравова, своего новаго поэта. «Современникъ» и въ особенности г. Новый Поэтъ не разъ, между прочимъ, осмъивали и пародировали страсть къ литературному подражанію, которая въ извъстныя эпохи и у иныхъ писателей доводится до крайнихъ предъловъ: каждый знаетъ, что всъ пародіи «Современники» были болже или менже остроумны, никогда не направлялись противъ личностей и не выходили ни разу изъ границъ литературнаго приличія; кто не смінлся отъ души надъ иными изъ этихъ пародій, кто не сочувствоваль задней мысли «Современника», совешенно-правильной! «Москвитянинъ» на все взглянулъ по-своему. «Современникъ», ръшилъ онъ, «смъется надъ нашими литературными славами» — и слово-за-словомъ пошелъ ратовать противъ «Современника». Все это, можетъ быть, и было бы мило, еслибъ было хоть остроумно, но въ томъ и бъда, что этого мелкаго оружія не нашлось у г. Благонравова или онъ, сознавая свою силу, пренебрегъ имъ. Стихи его

выходили иногда не дурны. Вотъ обращикъ изъ пародіи на *Тройку* Некрасова:

Эфемернымъ пресытясь успѣхомъ, Вздернешь носъ, охладѣешь къ труду, И мирскимъ весь отдашься утѣхамъ И толпы подчинишься суду: И предъ свътскихъ приличій закономъ Будешь ты трепетать и нѣмѣть, Будешь бредить комфортомъ и тономъ, Размышлять, въ какой часъ что надѣть. Дорогую наймешь ты квартиру Съ моднымъ свѣтомъ знакомство сведешь; Залетишь ты въ опасную сферу, Закружисься, морально падешь, и такъ далѣе *.

Все это, во-первыхъ, очень-наставительно, въ особенности если г. Благонравову представлялся въ эту минуту какой-нибудь рара, bourru mais bienfaisant, который, передъ выходомъ сынка изъ пансіона, отсчитываетъ молодому человъку деньги на обзаведение; «слово противъ дорогихъ квартиръ» поражаетъ своею глубиною и искренностію; во-вторыхъ, все это можно читать, даже очень можно читать. Нъкоторы стихотворенія г. Благонравова несравненно выше переводовъ съ двунадесяти языкъ, помъщаемыхъ «Москвитяниномъ» въ отдълъ Изящной словесности. Но всякой разъ, прочитавши стихотворение г. Благонравова, вы, при несомивниомъ уважении къ его таланту, непремвино порываетесь спросить у него: «милостивый государь, что вы хотёли сказать этимъ»?... всякій разъ, вы себъ думаете: «да чего ему нужно, ou veut il en ve nir. ce monsieur»?.. И, сколько извъстно, никто до сихъ поръ не разгадаль загадку, чего, быть-можеть, и желалось г. Благонравову (онъ живеть себь въ своемъ Добромысловь, Благовъ тожъ, «попиваетъ полынную ** », да думаетъ: «Тото ихъ удивлю тамъ, этихъ разныхъ франтовъ, которые тамъ издаютъ разные журналы да этакихъ дорогихъ жилетахъ, ходять - себѣ въ разныхъ Что мудренаго, что человъкъ затъялъ, напримъръ, надъть сюртукъ на-выворотъ и показаться въ такомъ видъ своимъ знакомымъ; незнакомымъ это, конечно, должно показаться страннымъ, но отниметь ли это у нихъ способность и волю — безпристрастно взглянуть на чудака, оцънить его достоинства — мимо странностей? Въ стихотворной плеядъ «Москвитянина», изъ которой, понимается, исключить нужно г. Щербину, - онъ, г. Эрастъ Благонравовъ, имъетъ пра-

^{*} Москвитянинъ 1851. №№ 19 и 20. Смѣсь с. 292.

^{**} Г. Благонравовъ объявлялъ печатно, что онъ кромѣ полынной ничего не пьетъ.

во претендовать на первое мъсто ... пожелаемъ же счастія новому питомцу музъ!..

На этомъ мъстъ моего письма, читатель «Пантеона», переходя отъ удивленія къ удивленію, и мало до-сихъ поръ вглядясь въ «Москвиятнинъ», зная о немъ или по послышкъ или весьма-поверхностно, — на мъстъ, говорю, читатель, того смотри, остановитъ отчего же — спросить онъ — все это такъ дълается «Москвитянийъ»? Отчего стихотворенія г. Благонравова не въ отдълъ изящной словесности, если изящные? ОНИ такъ много переводнаго въ журналъ, который желаетъ быть по преимуществу русскимъ и гордится правомъ на то передъ другими журналами? Отчего все переводное передается съ такою небрежностію и часто такъ необъяснимъ выборъ? Отчего критика строга всякой посредственности, а въ то же время, журналъ щаетъ сплошь-да-рядомъ посредственности? Отчего «Москвитянинъ, позволяя самому себъ говорить все о другихъ журналахъ, со включеніемъ иногда и такихъ вещей напримъръ: что »первая часть Илемянницы была напечатана въ одномъ петербургскомъ журналъ съ большими пропусками» *, не прощаетъ ни малъйшаго неуваженія къ послъднему словечку, напечатанному на его страницахъ и просто требуетъ иногда отъ другихъ умиленія передъ фетишами, которымъ самъ поклоняется? Отчего ... словомъ, отчего этотъ нескончаемый рядъ противоръчій»? По весьма недалекой причинь: оттого, что «Москвитянинь» не журналь, въ современномъ и общепринятомъ значеніи слова. А не журналъ онъ — отложа всякія опредъленія, которыя завели бы еще въ сторону — потому, что въ немъ двъ редакціи, старая и молодая, о чемъ свидътельствуется en toutes lettres во-второй январской книжкъ «Москвитянина» 1851 года, а отдълами русской и иностранной словесности зав'ядываеть кром'ь того, г. Мей, что было объявлено въ апрълъ 1850 года. «Довольно! — говоритъ на этомъ словъ читатель-дъло объяснилось.

Тутъ – бы надлежало кончить на нынѣшній разъ рѣчь о «Москвитянинѣ», и безъ того, хоть и по еобходимости, принявшую не малый размѣръ. Но это было-бы не совсѣмъ справедливо, ибо есть въ нынѣшнемъ «Москвитянинѣ» намеки на то, что онъ сбирается de se prendre soi-même au sérieux, — несомнѣнныя за-

^{*} Москва 1851 года № 23. Смѣсь, стр. 225.

логи лучшаго, которые также указать должно, чтобы дать читателю полное понятіе о «Москвитянинъ». Подчиняясь, per tacitum, но очевидно, общему закону усовершенствованія, «Москвитянинъ», не высказывая этого прямо, de facto, мало-по-малу отступается отъ многихъ своихъ прежнихъ върованій, — и даже даются модныя картинки; Жоржъ-Сандъ, писатель, по мнънію «Москвитанина», нъкогда безнравственный, теперь хоть и поздненько, переводится безпрестанно; г. Тургеневъ, напримъръ, бывшій у г. Шевырева бездарнымъ копистомъ, теперь подчасъ именуется художникомъ; журналы, не удостоивавшіеся, недавно еще, никакого вниманія, нынче разбираются всъ, хоть и сказано было для перваго раза, весьма тонко, что это дълается только за неимъніемъ матерьяловъ для библіографіи: вст эти, первые подъ перо попавшіеся, факты не объщаютьли той отрадной истины, что «Москвитянину» хочется уже идти за потребностями времени? Съ другой стороны, проглядывающее съ каждымъ днемъ болъе и болъе вліяніе одной изъ редакцій — не подаетъ - ли повода ожидать въ будущемъ дальнъйшаго усовершенетвованія? Минуются н'якоторыя головокружныя противор'ячія; дутся вовсе иные перволюбимые, неизвъстно ради чего, идеалы; прекратятся первопорывныя выходки противъ несуществующихъ литературныхъ недоброжелателей; великосвътскія повъсти будуть какъ нибудь обходиться безъ патологическихъ терминовъ; не станетъ «Москвитянинъ» упрекать другіе журналы въ красотолюбивости, или примърять чужія дёла на свой аршинъ; умолкнутъ мечтанія общемъ языкъ для всъхъ словянскихъ племенъ, или, если и будутъ продолжаться, то, въ видъ опыта; предварительно учредится языкъ для «Москвитянина» — общедоступный и общепонятный; уснетъ епектицизмъ во всемъ, что дъется у насъ не подъ-рукою и безусловное върование въ то, что намъ угодно находить прекраснымъ; не будутъ возводиться на пьедесталы иныя безличныя личности, блъдивющія сейчась передъ другими личностями, поставленными рядомъ въ «Москвитянинъ-же»; неудовлетворимымъ, ненужнымъ даже, сочтется стремленіе отыскивать поэзію тамъ, гдв ея нътъ; короче, какой-нибудь благодатный вътеръ дунетъ такъ, что уложитъ всъ расходившінся, враждующія между собою, волны, унесетъ куда - нибудь подальше вовсе лишніе, dry leaves, разгонить облака и туманъ -и озарится «Москвитянинъ» благотворнымъ, тенлымъ солнцемъ единой мысли, единаго одушевленія и единаго убъжденія ... И станеть «Москвитянинъ» журналомъ и журналомъ, учено-литературнымъ, въ лучшемъ, полномъ и современномъ значеніи слова. Все это, повърьте, непремънно будетъ, непремънно должно быть со-временемъ: цълительнаго вліянія этого врача не избъжать никому.

Надъюсь, что на насъ не посътуютъ на все, здѣсь ска. занное. Ужъ конечно ни на минуту не имълось въ предметъ заводить полемику съ «Москвитаниномъ». Но нужно было однажды навсегда опредълить точку зрвнія, съ которой мы впредь будемъ смотрвть на »Москвитянинъ», — единственную, по разумънію корреспондента «Пантеона», съ которой теперь смотръть на него можно и должно. Въ Москвъ-ли не върить въ возможность лучшаго журнала: московскому-ли журналу, будь онъ журналъ, откажутъ въ своемъ содъйствіи профессоры здъшніе?.. А чего можно ожидать отъ такого участія, это всякой знаетъ, это доказалъ не одинъ опытъ. Зачемъ ходить далеко спеціальный по содержанію сборникъ профессора Леонтьева, Пропилеи, книга не для всякаго читателя, отнюдь не для массы нашей публики, и та расхвачена вся въ два-три мѣсяца!.. Стало, быть есть кому цѣнить трудъ, есть для кого трудиться... Все дело въ томъ, чтобъ уметь возбудить сочувствіе, чтобъ знать, какъ обратиться къ публикъ, какъ говорить съ ней...

Затъмъ, не касаясь всей современной прессы, какъ извъстно, зава. ливаемой по преимуществу продуктами книгопродавческихъ спекуляцій, укажемъ на выдавшіяся изъ общаго уровня точки, на явленія, оставляющія слъдъ или воспоминанія. Вотъ они, безъ послъдовательности градаціи, съ сентября прошла года: Племянница, г-жи Туръ, Исторія Россіи съ древныйших времень, томь 1, г. профессора Соловьева, Описаніе новаго Кремлевскаго дворца, съ литохроміями Дрегера, Указатель Москвы и Плань Москвы по частямь, изданные по роспоряженію г. Московскаго оберъ-полицеймейстера. Тутъ, кажется, и все, за исключеніемъ Временника М. О. Исторіи и Древностей, Московского Врачебного журнала и нъкоторыхъ еще чисто-спеціальныхъ изданій, не подлежащихъ разбору «Пантеона». Для полноты можно, пожалуй, поименовать Быть русского дворянина, выпуски первый и второй, сочинение автора Семейства Холмскихъ: этоть Быть есть сочинение того-же автора Семейства Холмскихъ, который украсиль Семейство Холмских следующимъ остроумнымъ эпиграфомъ: «А pédant pédant et demi — «педанту — полтора педанта». Такія вещи не забываются любителями редкостей, и я, съ своей стороны, спъшу этимъ выразить мое уважение къ заслугамъ, оказаннымъ г. Бъгичевымъ русской литературъ; и останавливаюсь-сначала на Племянницъ.

Госножа Туръ принадлежить къ писательницамь, уже составившимъ

себъ имя въ русской литературъ, хотя и дъйствуетъ въ ней недавно. И, надо сознаться, немногія первыя произведенія были встръчены съ такимъ общимъ сочувствіемъ, какъ первая повъсть г-жи Туръ. Причина этого — симпатическая личность самого автора, не та личность, на которую литературный судъ не простирается, но та, которую критика познаетъ изъ произведенія, изъ проявленій творческой способности. А вст проявленія этой способности у г-жи Туръ постоянно въ ея пользу, то есть, въ пользу ея иден, ея взгляда, ея прекраснаго, человъческаго пониманія вещей и жизни. И не изм'єняеть ей, съ ея перваго шага, никто изъ ея цънителей, и прежде относившихся къ ней съ уваженіемъ и полнымъ сочувствіемъ. Всёмъ этимъ обязана она только свойству своего таланта. Но вникая въ его оттънки, въ подробности ея произведеній, въ подробности выполненія, нельзя было не замътить и слабыхъ сторонъ — и недостатки были выставлены на видъ г-жѣ Туръ, точно также, какъ достоинства. Не повредило это правдъ литературнаго суда, не повредило это и г-жъ Туръ. Прежнія ея произведенія были разбираемы лучшими нашими журналами, и всъ выпуклости ея дарованія опредълены. Глубокій и тонкій анализъ, — знаніе нъкоторыхъ слоевъ общества, нъкоторыхъ сферъ жизни, прямой, не затоптанный никогда заднею мыслію, не ослабленный личными симпатіями или антипатіями, взглядъ на людскія отношенія, простота разсказа, естественность вымысла, — таковы несомивнныя черты дарованія г-жи Туръ, выразившіяся еще въ первыхъ ея произведеніяхъ. Но въ тоже время основательно было сказано, что г-жъ Туръ недостаетъ окончанности художественной, что разсказъ ея не редко страдаеть отъ растянутости, отъ вводныхъ эпизодовъ, а иногда и вымысель измъняеть ей. Все это относилось къ повъстямъ г-жи Туръ. Въ Племянници, о которой также была уже рѣчь въ двухъ журналахъ, — какъ произвелении болъе прежнихъ серьезномъ, и по з адачѣ и по объему, г-жа Туръ имѣла всѣ средства выразить себя еще полите. Такъ и случилось. Ясите прежняго вылились яркія стороны таланта, но едва-ли не столь же опредъленно обличились и слабыя.

Разсказывать содержаніе четырехъ томовъ, нътъ возможности. Здъсь только очертится наскоро общая физіономія *Племянницы* и укажется на выходящія точки, положительно и отрицательно.

Сюжетъ Племянницы взятъ изъ жизни прямо и непосредственно; разсказомъ своимъ, который течетъ параллельно жизни и котораго вымыселъ (то есть подробности) то простъ, то мудренъ, какъ и самая жизнь, — авторъ нигдъ не прикрашиваетъ, нигдъ не клевещетъ. При его честномъ, трезвомъ взглядъ, ему не трудно не измънить себъ въ этомъ никогда, онъ столько искренъ. Но мъстами роману присуща из-

въстная слабость, растянутость, а нъкоторыя эпизоды, въ особенности эпизодъ Антонины, безъ ощутительной потери для цълаго, могли бы и не войти въ его составъ, хотя сама по себъ, Антонина, вещь очень интересная, не смотря на недостатокъ, который увидимъ ниже. Знаніе свое большаго свъта, сферы, почти исключительно давшей матерьялы для Племянницы, или, по-крайней-мъръ, служащей ей de cause finale, г-жа Туръ высказала въ особенности во второй части_ки въгнетвертой. Картина великосвътскаго воспитанія съ его изнанкой, чемъ болье истинная, темъ более горькая повесть о томъ, какъ осуществляется все еще не устаръвшая задача, сдълать изъ ребенка или куклу или нравственнаго урода, теорія и практика великосвътской матери во всемъ ихъ блескъ — все это, занимающее большую половину второй части Племянницы, выставляеть дарование автора въ самомъ блистательномъ свътъ, дълая столько же чести его творческой проницательности, сколько его художественной способности. Немного развъ уступить этой части изображеніе того же большаго свъта, но въ другомъ проявленія, въ отношеніяхъ между собою людей, по праву другь отъ друга независящихъ: отношеніяхъ семейныхъ и общественныхъ, обыденныхъ и праздничныхъ, закулисныхъ и открытыхъ. Какъ хороша, какъ върна вся эта кабала двоюродной сестры, соперницы героини!... На исчисленныхъ мъстахъ Племянницы, столь разко отдаляющихся уже по своему предмету, который, какъ не надо лучше знакомый автору, кажется, такъ-вотъ самъ и настроиваетъ къ такой сатиръ, или по крайней мъръ безпрестанно раздражаетъ обычный павосъ, на этихъ-то именно мъстахъ и не надивишься прекрасному, совершенно-необычайному спокойствію писатель ницы, не налюбуещься на ел тонкій, артистическій такть. Какая надобность вводить ей свое лицо, вплетать свои размышленія; событія ; которыя она видитъ насквозь и разлагаетъ смъло, съ сознаніемъ непогръшимости своей проницательности, эти событія, эти движущіяся передъ вами лица, говорящія и дъйствующія не все ли то выражають, что должны они выразить, чтобъ впечатлъніе ваше было полно чтобъ вылились передъ вами въ осязаемыхъ, живыхъ формахъ фигуры, дъла, картины!... И внечатлъніе читателя въ эти моменты дъйствительно полно. Но не столько полно оно въ другихъ частяхъ Илемянницы и въ целомъ. Платя дань своей женской натуръ и наклонности этой натуры къ увлеченію, весьма обыкновенной у самыхъ даровитыхъ женщинъ, не исключая и первой межъ ними-Жоржъ-Сандъ, г-жа Туръ иногда экзальтируется, то есть по русски — заносится. Ея экзальтація выражается извъстнымъ лиризмомъ, въ особенности у женщинъ — идеализаціею нъкоторыхъ положеній и лицъ. Такъ идеализировано у ней отчасти все со-

держаніе перваго тома Племянницы, вся жизнь героини въ деревнъ съ бабушкою; такъ иногда нъсколько идеаленъ Ильменевъ, личность вообще живая, крайне интересная, но по своему моральному совершенству, по своему безпримърному и безграничному самоотверженію, черезъ чуръ выходящее, именно въ нъкоторыхъ подробностяхъ, изъ законовъ видимаго, обычнаго, даже возможнаго. Такъ и вся Антонина, то есть, ея разсказъти ея лицо, менве увлекаетъ на дълъ, нежели хотълось бы автору, единственно потому, что въ ея исторіи, какъ и въ ея очертаніяхъ, есть уже что-то разсчитанное на эффектъ, что-то театральное, вопіющее о впечатлівні — хотя, быть-можеть, и не преднамівренно. Но виноватъ ли читающій, когда его сразу поражаетъ это ненаполненное, неподготовленное разстояние между сочинениями обыкновеннаго повъствователя и чудными своею гармоніею картинами вдохновеннаго мастера, гдт жизнь и истина — въ каждомъ штрихт, въ каждой черть лица, въ каждой жилкъ. Что касается до характеровъ Племянницы, не вдругъ ръшишься сказать, которому изъ нихъ отдать предпочтение. Не всъ лица удались одинаково, но всъ болъе или менъе удовлетворительны. Интересуетъ читателя, разумъется, болъе всъхъ Маша, героиня не по одному названію, но и по долгому, и ничемъ не заслуженному страданію. Ей — все наши сочувствія, ей, не измънившей себъ до конца и отъ перваго шага въ жизнь, ей, которая и ребенкомъ, и семнадцатилътней дъвушкой, и счастливой на два мъсяца супругой любимаго человъка, и оставленной, несчастной женщиной, сначала мучимой пустотою, потомъ подозрѣніями, наконецъ уббдившейся въ своемъ горъ и разочарованной въ своемъ лучшемъ чувствъ, — которая вездъ и всегда одна и та же любящая, прямая и чистая натура, — ей всв біенія каждаго не на словахъ только нравственнаго сердца!.. Къ искреннему сожальнію каждаго читателя, эта интересная личность, столько поэтическая, столько граціозная, но совершенно возможная въ дъйствительности, не разъ заслоняется другими фигурами: иногда, невольно укоряешь въ этомъ автора. Противоноложностію Маши, но противоположностію ни въ какомъ случав не предразечитанною, вышла кузина ея, Мери — по наружности не только олицетворенное приличие, но и строгая добродътель, въ душъ-идеалъ извращенности всякаго человъческаго понятія, — и съ тъмъ вмъстъ самый дозрѣлый, самый такъ-сказать сочный илодъ этого образцоваго въ своемъ родъ воспитанія, ultima ratio его идеи, перешедшей въ дъдо. И опять передъ вами живое лицо, въ которомъ все цъло, слиты двъ его стороны — показная и домашняя. Едва ли даже Мери не рельефиве встхъ лицъ Племянницы. Отъ этихъ двухъ женщинъ, являющихся

вездъ на первомъ планъ, естественный переходъ къ Чельскому. Младшій брать Печорина, сродни Онъгину (который постыдился бы его, но котораго и Чельскій иногда бы не призналь, пожалуй), потомокъ Чайльдъ-Гарольда по прямой линіи. Чельскій, — взгляните вы на него хорошенько, какъ бы на коротко знакомаго человъка, ибо вы точно встръчались съ нимъ довольно часто — при отсутствии въ немъ колоссальныхъ размъровъ британскаго образа, лишенный безыскуственной и простодушной пустоты бъднаго Онъгина и мрачной, лишь немного развъ менъе увлекательной разочарованности Печорина, — Чельскій, соединивъ въ себъ, однакоже, черты всъхъ трехъ типовъ, въ немъ обмелъвшихъ, то есть, выразившихъ себя до крайности, до послъдняго слова, сдълался омегой возможнаго въ своемъ родъ и умеръ однажды на всегда, умеръ, не только разгаданный, но и униженный безусловно,не интересный въ концъ, какъ его предшественники - и умеръ, конечно, чтобъ не ожить никогда въ литературъ, а будемъ надъяться быть-можеть, и въ обществъ, гдъ и теперь уже онъ самое ръдкое исключеніе. Поэтому, хоть и не имъя за себя въ цъломъ ни новости своего типа, ни всъхъ тъхъ притягательныхъ силъ, которыя зависъли отъ авторскаго посредничества, Чельскій тѣмъ не менѣе важенъ для насъ, какъ фактъ усиъха общественнаго воззрънія, не ускользнув шаго отъ г-жи Туръ и вполнъ ясно его высказаннаго. Онъгинъ не виновать въ своей пустоть: конечно, его нельзя назвать человъкомъ нравственнымъ, но невъдъніе его въ томъ, что онъ дълаетъ, вездъ кажется до того наивно, что иной читатель изъ романа Пушкина вынесъ пріятное или высокое художественное впечатлівніе. Печоринъ не тотъ уже: не болъе Онъгина можно ему вмънить въ вину выборъ его первыхъ впечатлъній, выборъ сферы, въ которой онъ вращается; но въ Печоринъ уже иногда проглядываетъ та тоска, которая не родилась бы въ немъ безъ сознанія, хотя темнаго или минутнаго, мелочности, тъсноты и нравственной нищеты тъхъ quasi-убъжденій, съ которыми, однакожъ, онъ сроднился. А нътъ въ немъ достаточнаго содержанія для отпора, не нашель этого содержанія поэть въ средь, которую отражалъ-и Печоринъ, не только какъ художественное созданіе Лермонтова, но и какъ человъкъ унесъ съ собою сочувствіе инаго читателя; многіе и не пожальли о немъ, сколькимъ показался онъ интереснымъ! Sed alia tempora... Чельскій началь жизнь благопріятнъе; сознательнъе и плодотворнъе первые шаги его: и учился онъ, и видълъ онъ довольно многое, казалось бы, не безъ пользы, и потомъ даже рылся въ книгахъ, словомъ, до извъстной точки онъ взялъ отъ своего времени все то, что берутъ отъ него весьма немногіе люди, какъ онъ, на

первый взглядъ, подумаешь, съ колыбели обязуемые отъ судьбы только къ безсмыслениому самоуслажденію и безцъльному самообольщенію. Начало жизненнаго поприща новаго героя объщаеть лучшее, и принимая въ разсчетъ все то, что уже заложено и развито въ Чельскомъ, вы смотрите на него строже, разумъется, чъмъ на Печорина и Онъгина, и большаго, въ положительномъ смыслъ, требуете отъ него. Но его сначала сбиваетъ усъ толку богатство, дающее ему слишкомъ легкій доступъ ко всему или съ извъстной стороны, дъйствительно содъйствующее къ тому, чтобъ раскрыть ему иныя грустныя истины жизни. Природной зоркости для этого нътъ, фундаментъ, заложенный воспоминаніемъ, видно все-таки проченъ, убъжденія особеннаго не имъется — до того не доросъ онъ, борьба, слъдовательно ужъ не возможна, да и къ чему бы она ему-то? — ему нужно только забыться. Забыться! отъ чего? что забывать, когда и помнить то еще нечего?... Послъ путешествія за границей, Чельскій возвращается въ свою деревню разочарованныйвъ чемъ? желалось бы спросить. Сводить судьба его съ Машей. Маша его поражаетъ своей простотою, своей чистотою, своимъ очевиднымъ правственнымъ преимуществомъ передъ всъми женщинами, съ которыми ветръчался онъ до-сихъ-поръ; кромъ того, Маша очень хороша собою. Разумъется, она нравится Чельскому, и онъ учащаетъ свиданія, пувъренный въ себъ и не думая о послъдствіяхъ, могущихъ произойти для нея. Бъдная дъвушка никогда не видала въ глаза мужчины , кромъ своего учителя, человъка весьма привязавшаго къ себъ Машу, но мало способнаго подъйствовать на воображение очень молодой и неопытной дъвушки, почти ребенка; князь молодъ, хорошъ собою, любезенъ, милъ, услужливъ, предупредителенъ — это не проходитъ даромъ. Маша отдаетъ ему предпочтение и передъ пріятелемъ его, Плетнеевымъ, который сильно не равнодушенъ къ ней, но съ Чельскимъ она сближается скоръе и легче; онъ и она — троюродные кузенъ и кузина — самое логическое основание для сближения, неоспоримое право... Лишь только, бевъ фольшаго, разумъется, насилія для своей прозорливости, убъждается Чельскій, что впечатльніе произведено, съ его стороны начинается вся эта старая, пошлая и подлая тактика отступленій и наступленій — не надивишься только, какъ на это въчное Einerlei, на эту глупъйшую сказку про бълаго быка, все еще ловится хоть кто нибудь, точно также, какъ непонятно каждому, немного мыслящему человъку, почему и до днесь есть люди, раскупающіе «сонники» и «оракулы» или обливающіеся слезами въ мелодрамъ.... Извъстно, что отступленія и наступленія героевъ, подобныхъ Чельскому, всегда находятся въ обратномъ отношении къ временному расположению женщины: она шагъ

виередъ — онъ три шага назадъ; она шагъ назадъ — онъ впередъ сколько можно; отступленія и наступленія — и антидоть и возбуждающее въ одно и тоже время ... Скоро, Маша отдается ему всею душою. Чельскій переживаеть всё давно извёстные, микроскопическія положенія романовъ его рода. Чтобъ назвать ее своею, нужно жениться; это онъ видитъ ясно, и даетъ ей объщание жениться, но въ душъ, если и ду. маеть, что сдержить слово, даже про себя, то лжеть и самому себъ. Они разстаются. Первый разъ, когда опять встръчаются они, онъ застаетъ ее въ блистательную минуту, въ двойномъ ореолъ, естественной красоты и свътскаго усивха. Все у ногъ Маши, и не пигмен всъ: на бъду еще она не таетъ передъ его первымъ взглядомъ. Тогда она, разумъется, нужна ему: это въ порядкъ вещей!... Они женится. Нъсколько часовъ, герой по-своему наверху блаженства... но нобъда одержана, очевидна — и онъ опять тотъ же, опять прежній олимпіецъ. Свътъ между темь делаеть свое. Сначала Чельскій, не умен, а потомъ, и не желая противостоять общему теченію, мало-по-малу ввъряется ему съ какимъ-то опьяненіемъ. И быстро проходить онъ всъ ступени моральной низости: благоразумный супругъ, холодный, совершенно равнодушный супругь, мелкій домашній тиранъ, обожатель Мери, этой гариіи, разоряеть въ конець себя, жену, ребенка-и погибаетъ жертвой своей грязной, преступной страсти... Его убиваетъ на дуэли мужъ того самого нечеловъческаго образа, чьимъ ядовитымъ дыханіемъ онъ упивался, наконецъ, до безумія. Последняя его человеческая черта — неспособность поднять руку на человъка, ни-за что имъ оскорбленнаго...

Такова, въ слабыхъ и посившныхъ очертаніяхъ, исторія послъдняго выраженія этого отрицательнаго типа, который, благодаря г—жъ Туръ, окончательно разбился передъ глазами всъхъ и каждаго. Что долженъ онъ былъ разбиться, это, во время чтенія «Племянницы», постепенно открывалось чутью читателя, тъмъ внимательные слъдившаго за Чельскимъ, что онъ отнюдь нигдъ не являлся произвольнымъ созданіемъ фантазіи автора, оторваннымъ отъ дъйствительности и истины. Онъ на настоящемъ своемъ мъстъ дъйствительный и всесовершенный gentleman, въ томъ видъ, какъ того требуетъ большой свътъ, какъ былъ по-своему Онъгинъ, гораздо больше нежели Печоринъ. И своей роли, которая для него-то лично не роль онъ не измъняетъ нигдъ: для большаго свъта въ немъ нътъ «des coutures au fil blanc»... Оттого слъдишь за нимъ съ вниманіемъ. И естественно, ибо разумно, что его дорога ведетъ его къ совершенно-трагическому окончанію, къ развязкъ, которая должна выставить во всей наготъ его и погубить пе-

редъ судомъ мыслящаго человъка, человъка съ убъжденіемъ. И еще разъ благодарность писательпицъ, которая поняла это проявленіе общественнаго успъха, перенесла его въ литературу, узаконила и воспроизвела несомнънный фактъ такъ осязательно, живо и полно. И цълительно впечатлъніе, оставляемое въ насъ Чельскимъ: грустно оно въ своемъ началъ, но исполнено надеждъ на разръшеніе его участи; сознана и почувствована его дальнъйшая невозможность, и надъ его могильнымъ камнемъ сіяетъ уже заря лучшаго.

Заговариваться, однакожъ, не должно. Поклонимся только другимъ лицамъ Племянницы: княгиня Бъловодская, ея двъ младшія дочери, Плетнеевъ, Запольскій, остальныя даже, не исключая и Онинина, хоть и пахнетъ онъ иногда Мольеромъ, то есть, какимъ-то говорящимъ отвлеченіемъ — все это живыя,

... закомыя все лица;

замътимъ, что нъкоторыя фигуры: англичанка, француженка, сама Антонина, слабы въ сравненіи съ другими; повторимъ, что художественной округленности въ цъломъ романъ недостаетъ, ибо есть въ немъ отступленія довольно-большія отъ сущности дъла.

Вообще языкъ Племянницы хорошъ, потому что на немъ лежитъ печать самобытности дарованія и независимости взгляда: чрезвычайноумъстны, граціозны даже иныя неправильности, ясно выражающія женскій талінтъ, не испорченный притязаніями на непринадлежащій ему,
никогда не способный и не должный привиться къ нему ригоризмъ
штриха и рисунка, который весьма уважителенъ въ произведеніи мужчины, но въ женщинъ обдаетъ васъ крещенскимъ холодомъ. Но въ
частности, не столько удовлетворителенъ языкъ разговорный, хотя и
нельзя не сознаться, что этого преткновенія не побъждали вполнъ и
самыя даровитъйшія женщины ...

Но все читающее и слъдящее за движеніемъ мысли и искусства уже выразило свою глубокую симпатію къ Племянницю и нашъ привътъ г-жъ Туръ только должная дань ся таланту.

Общій привъть Москвъ за первый томъ Исторіи Россіи съ древньйшихъ временъ, г. профессора Соловьева, посылается тоже не
со вчерашняго дня. Кричали кое-гдъ противъ г. Соловьева, но подвигь
ученаго профессора, увлекательнаго для простаго читателя новъство
вателя остался подвигомъ. Не дъло «Паптеона» произносить приговоръ
надъ вышедшимъ томомъ Исторіи Россіи, но онъ съ удовольствіемъ
занесеть на свои страницы столь замъчательное событіе науки, имъющее одинаковый почти интересъ для каждаго русскаго — науки отечественной исторіи. И такъ мы получили наконецъ первый томъ пер-

ваго прагматическаго сочиненія о нашей исторіи, и, вмѣстѣ со всѣми свѣдущими цѣнителями дѣла, съ искреннимъ нетерпѣніемъ ждемъ продолженія труда г. Соловьева, которое, говорять, не замедлитъ явиться. Утверждають, что второй томъ Исторіи Россіи уже въ печати. Мы тогда поговоримъ о цѣломъ сочиненіи поподробнѣе.

Рядомъ — предстоитъ слово о самомъ печальномъ событіи.

Въ четвергъ, 21 февраля, пишутъ «Московскіе Въдомости» въ 8 часовъ утра, скончался Николай Васильевичъ Гоголь.

«Гоголь скончался 44 лъть отъ роду, унося съ собою еще такъ много надеждъ!»

Въ этихъ дъйствительно простыхъ и тъмъ болъе преврасныхъ словахъ — лучшее надгробное слово человъку и писателю, выражение всего, что должны теперь чувствовать нопимавшие Гоголя и его роль въ русской литературъ. Позвольте только прибавить нъсколько подробностей, которыхъ я былъ свидътелемъ.

Скончался Гоголь въ домъ Талызина, на Никитскомъ бульваръ, въ квартиръ графа В. П. Толстаго, съ которымъ жилъ. До пятницы вечеромъ тъло стояло въ домъ, въ небольшой комнаткъ нижняго этажа. Лоступъ имъли, разумъется, всъ. Когда ни случалось мнъ заходить, до поздняго вечера, непремънно былъ кто-нибудь у гроба, иногда три, четыре человъка, ръдко болъе. Въ пятницу, то есть, на другой день кончины, вечеромъ, тъло друзьями покойнаго перенесено въ университетскую церковь: Гоголь быль почетный членъ Московского Университета. Въ субботу на нанихидъ церковь была довольно полна; на вечерней панихидъ было мало народу. На отпъвании, въ воскресенье, церковь была полна, но, при всемъ томъ, можно ръшительно назвать всъхъ присутствовавшихъ: значитъ толпа была ужъ не такъ велика. Когда кончилось отнъвание и отслужили послъднюю нанихиду, гробъ подняли профессора, а отъ университета несли его до самаго Данилова монастыря, гдв Гоголь положень рядомъ съ Н. М. Языковымъ и Д. А. Валуевымъ; тутъ-же лежитъ и Веневитиновъ. Большая часть присутствовавшихъ на отпъваніи шли за гробомъ пъшкомъ. На всъхъ лицахъ было нелицемъриое выражение печали, и весь грустный обрядъ совершился какъ нельзя благоприличнъе; дъло трогательное само-по-себъ, обходилось безъ всякихъ приторныхъ изъявленій.

Не стало любимаго писателя, и, естественно, на всёхъ устахъ теперь его имя. Говорятъ всё о немъ, кто — дёло, кто не одно дёло. Но всёхъ одинаково интересуетъ вопросъ: оставилъ-ли что-нибудь Гоголь изъ неизвёстныхъ еще, не бывшихъ въ печати сочиненій? Какъ и всегда въ случаяхъ подобной важности, слухи ходятъ самые противоръчащіе. Однакожъ, отъ людей болье или менье заслуживающихъ въры, слышишь только одно: что Гоголь за нъсколько дней до смерти, въ минуту бользненнаго припадка, сжегъ все, что было у него написано, не исключая и второй части Мертвыхъ душъ, которая была докончена совсьмъ; въ другую минуту, минуту предсмертнаго сознанія, онъ пожальль о безсознательномъ порывъ.

Теперь я обязанъ сказать о театръ. На нынъшній разъ я ограничусь перечнемъ новыхъ пьесъ, поставленныхъ съ сентября прошлаго года, и указаніемъ, весьма сжатымъ, на самыя главныя черты кончив шагося театральнаго сезона. Надъюсь, что вы въ этомъ оправдаете меня: театральныя впечатлънія не то, что литературныя, онъ сохраняются недолго и гдъ, въ минуту ихъ ощущенія, они были не сильны, тамъ стараться оживлять воспоминанія — значитъ насиловать воображеніе и желать прикрасить истину.

Вотъ новости русской сцены, въ последовательномъ порядке: «Незабвенный годъ бъдствія и славы Россіи», народ. драм. предст. въ 3 д., г. Григорьева 2. — «Чудакъ-математикъ», ориг. ком. въ 1 д. и 3 перемънахъ. — «Дядя въ хлопотахъ, или Кто на комъ женахъ»? ком. въ 1 д. съ куплетами, г-жи Н. Самойловой 1.-«Домашияя исторія», ориг. ком. въ 1 д., г. Григорьева 1 -« Ста-РИЧКИ, ИЛИ СЪ ЧЪМЪ ПРІБХАЛЪ СЪ ТЪМЪ И ОТЪБХАЛЪ,» КОМ. - ВОД. въ 2 д., П. Өедөрөва. — «Цикута, или Дружба и Любовь», ком въ 1 д. Эмиля Ожье, съ франц. вольными стихами г. В. Р. Зотовымъ. — «Взаимное обучение», вод. въ 1 д., пер. съ франц. гг. Рудневымъ и Тарновскимъ, — «Дайте мнъ старуху!! фарсъ-вод. въ 1 д. съ див., г. Савинова. — «Алхимикъ», др. въ 5 д., въ стихахъ. — «Муже-Геркулеев, жена-Діана, или брако XIX въка», ком. - вод. въ 1 д., перев. съ франц. г. Соловьевымъ, - « Интересная афиша или Автоматы со всемірной выставки», фарсь-интермедія въ 1 д., г. Ермолова 1. — «Сватанье на Гончаровкъ», мал. операвод. въ 3 д., г. Грицко Основьященко. — «Влюблениый Жидъ», шут.-вод. въ 1 д., кн. Шаховскаго, - «Нъмой», др. въ 4 д. -«Старичокъ-Женишокъ, или Сватался да не женился», ком.вод. въ 1 д., нер. съ франц г. Соловьевымъ. — « Царскіе потьшные или Кожуховскій походо», ком. въ 2 д., г. М. А. С. — «Боцманъ», ком. съ купл. въ 1 д., пер. съ франц., г. Тарновскимъ. — «Невъсть сорокъ пять!.. приданаго сто-тысячь», ком. въ 3 д., передъл съ франц., г. Соловьевымъ. — «Сусиды», малор. шут.-вод. въ 1 д., г. Ав. Вельсовскаго. - «Наполеоновскій генераль, или Мужь двухь жень», др. въ 5 д., съ прол. въ 2 отд.,

пер. съ франц., г. Соминымъ и Куликовымъ. — « Самая обыкновенная исторія», ком.-вод., въ 1 д., пер. съ франц. г. Соловьевымъ.-«Актриса и поэтъ», др. въ 4 д съ пролог., г. Имшенецкаго. — «Жутковъ и Ко», вод. въ 1 д., гг. Руднева и Тарновскаго. - «Было или не было, во снъ или на яву »? шут. - вод. въ 1 д., пер. съ франц, г Бурдинымъ. — « Цыганка », бол. роман. оп. въ 2 д., и 6 карт., музыка Бенедикта. — «Жельзная дорога между Петербургомъ и Москвой», вод. въ 2 карт. — «Украинская свадьба», съ хорами и плясками, аранж. изъ малор. пъсенъ г. Артемовскимъ. — «Карля XII пода Полтавой», др. въ 3 д., г. Р. М. Зотова. — «Мольеръ», др. въ 4 д., Жоржъ-Санда, пер. съ франц., г. А. Григорьевымъ. — «Казачка», оперетта въ 1 д., г. Г***, музыка Кажинскаго, — « Такъ и этакъ», сцены изъ домаш. быта, пер. съ франц.. — «Бой-Жинка», мал. оперетта вод. въ 1 д., — «Деньщикъ», истор. др. въ 5 д., г. Кукольника. — «Бъда отъ сердца и Горе отъ ума», ком.-вод. въ 1 д., г. Кони. -«Письмо безъ адреса», ком. съ куплетами въ 1 д., пер. съ франц., гг. Тарновскимъ и Рудневымъ, — «Гаррикъ во Франціи», ком. въ въ 2 д., пер. съ нъм., г-жою Павловою (К. К.). — Предокъ и Потомки», трилогія въ 3 д., въ стихахъ, прозв и съ пъснями. — «Волшебная роза», вод. въ 1 д, пер. съ франц. г. Соловьевымъ. — « Мечтаніе Тасса», мелодр. въ 1 д., съ живыми картинами, съ съ франц. г. В. К.

Въ этомъ спискъ безъ малъйшей задней мысли, въ знакъ отличія отъ всего прочаго и въ избъжание повторения, набрано крупнъе все то, что само напрашивается на память. О «прочемъ» же замѣчу только: иное, можно сказать на половину — знакомо читателямъ «Пантеона» такъ или иначе, кое-о-чемъ представится еще случай поговорить и мнъ, а остальное затъмъ и словъ не стоитъ. При этомъ случаъ, корреспонденть «Пантеона» считаеть рашительно необходимымъ предупредить читателя о следующемъ: однажды на всегда увольняетъ онъ себя отъ разбора вовсе пустыхъ пьесъ, отъ разсужденій о томъ, напримъръ, почему всегда несчастиве всвхъ другихъ пьесы съ двумя заглавіями ces pièces a deux têtes qui n'ont ni queue ni tête, — почему называются « оригинальными» некоторыя пьесы, имеющія право только на иносказательный смыслъ этого прилагательнаго, и не благоразумнъе ли бы просто, во изовжание могущихъ произойти недоразумвний, называть ихъ «ни на что не нохожими», — почему въ другихъ пьесахъ попадаются такіе переводы: comment vous portez-vous? — како вы себя носите?—un muguet de Versailles—версальскій ландышь, —un modeste

іптетіент—скромная внутренность,—des feves de сасао—кокосовые бобы, и такъ далье, — почему называется весьма неръдко комедіей вещь, которую и не Репетиловъ опредълиль бы словомъ «гиль», — почему берутся иногда переводить съ иностранныхъ языковъ, пре-имущественно съ французскаго, люди, едва имъющіе понятіе объ азбукъ какого — бы то ни было языка, — почему иные, самые плодовитые производители разныхъ сценическихъ штукъ, какъ-то корифен здъщніе, такъ упорно добиваются того, чтобъ зритель, любуясь ихъ произведеніями, непремънно и всякій разъ задавалъ себъ не тотъ му дреный вопросъ, который былъ предложенъ поэтомъ:

Съ кого они портреты пашутъ? Гдв разговоры эти слышутъ?

а другой, менъе хитрый: «не лучше—ли бы просто ужь, безъ затъй, записывать слово въ слово всякую слышанную впродолжение дня фразу, и потомъ склепвать изъ этого что ужъ послъ случай по сердцу положитъ: тутъ быль—бы по-крайней—мъръ человъческій языкъ. Конечно, иная пьеса вышла-бы, пожалуй, страннымъ отрывкомъ изъ какого—то procés—verbal повседневной жизни, но до такой пьесы ръшительно не было-бы ужъ дъла искусству въ самомъ его снисходительномъ смыслъ. Ни теперь, ни на будущее время корреснондентъ «Пантеона» ни одного изъ этихъ вопросовъ трогать не будетъ: онъ объщаетъ это торжественно.

Подробностямъ выполненія всёхъ поименованныхъ новостей — сегодня м'єста н'єгъ. Два-три слова о самомъ главномъ.

Въ бенефисъ г. Садовскаго шелъ «Лиръ». Никто не видалъ въ бенефиціантъ Лира, — нътъ ръчи объ этомъ, но у всякаго връзался въ намяти бенефисъ Садовскаго, и всякому пріятно это воспоминаніе. Причину какъ нельзя върнъе опредълилъ въ «Москвитянинъ», кажется, г. Филипповъ. Эта причина — ръдкая и самая утонченная добросовъстность, самая глубокая честность, неотъемлемая черта артистическаго характера и всего поприща Садовскаго, и которую онъ въ роли Лира выказалъ вполнъ — даже самымъ недальновиднымъ зрителямъ. Въ «Лиръ» — замътилъ г. Филипповъ (не ручаюсь за текстуальную върность выраженія), да еще въ свой бенефисъ, Садовскій доказалъ окончательно, что всегда предпочитаетъ честный неуспъхъ успъху, купленному ухищреніями, недостойными истиннаго художника: это совершенная правда. И надо было посмотръть, съ какимъ участіемъ все, имъющее дъйствительную любовь къ сценическому дълу, слъдило за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ Садовскаго; не рукоплесканія большинства, которыхъ, впрочемъ, въ этотъ разъ было и не много, важны для него, а важно делжно быть то уважение къ нему, которое за «Лира» вырази:

лось внолнъ для него понятно, которымъ онъ всегда пользовался со стороны сознательнаго зрителя, но которое еще много и много усилилось съ его послъдняго бенефиса... И велики надежды, возлагаемыя на этотъ талантъ — велики не даромъ. О сценической опытности Садов скаго упоминать не къ чему, но чего нельзя достаточно похвалить въ немъ, такъ это, именно, его постоянной и строгой естественности, положительное отсутствіе малъйшей аффектаціи въ его игръ, его антинатін къ эффекту и ко всему, что хоть немного отзывается какой-нибудь рутиной. Садовскій — Осипъ, Садовскій — Подколесинъ, Садовскій купецъ — тутъ ужъ все сказано: смотришь, и живешь за него! И за каждымъ шагомъ — усовершенствованіе! Не разъ придется остановиться намъ на г. Садовскомъ. Г. Полтавцевъ, выказавшій съ перваго появленія своего на сценъ задатки положительнаго дарованія, мало идеть впередъ: всего грустиве, что въ немъ много наклонности къ рутинв; правда, однакожъ, что виноватъ въ этомъ на половину не онъ, а тъ весьма неблагодарныя драматическія и трагическія, по вол'в авторовъ уже рутинныя, роли, которыми затруднить можно всякаго исполнителя: кто не знаетъ, на что похожи девять-десятыхъ русскихъ драмъ! - Въ роли Гамлета выступилъ г. Рыбаковъ; его надо посмотръть побольше, чтобъ ръшиться сказать о немъ слово. Г-жа Васильева (Лаврова) разъ играла Офелію — и, въ цъломъ гораздо удовлетворительнъе, нежели прежде г-жа Никулина (Косицкая): вообще г-жа Васильева за мътно дълаетъ усиъхи и подаетъ надежду, что Московскій театръ получить въ ней понимающую свое дъло артистку, но черезъ нъсколько еще времени. И теперь уже нътъ роли, въ которой-бы она не могла замънить г-жи Никулиной, хотя лучшія роли послъдней собственно и не роли г-жи Васильевой. Вообще-же, разницу между этими двумя сюжетами можно поставить такъ: г-жа Васильева учится прилежно, смотритъ на искусство серьезно, вдумывается въ свои роли и подходитъ къ каждой, то съ той, то съ другой стороны, - г-жъ Никулиной все многотрудное дѣло сценическаго артиста хотѣлось-бы вмѣстить въ одномъ словъ-вдохновение. Много самонадъянности въ этомъ взглядъ; вдохновенія, случается неръдко, не хватаеть, — любовь къ искусству, хоть-бы и самая отчаянная, не способна замънить изучение роли — п остается прибъгать къ искусственности, къ экзальтаціи, къ собственнымъ увлеченіямъ, да и то еще подготовленнымъ: изъ этого процесса можетъ выйти мало добраго, а г-жа Никулина какъ-будто и не домекаетъ грустной истины, отчего приходить съ каждымъ днемъ все болъе и болъе къ печальному результату -- постепенному охлаждению къ ней публики, въ то самое время, какъ г-жа Васильева пріобратаеть себа новыхъ

почитателей — тоже съ каждымъ днемъ. Комическая труппа сдълала крайне-счастливое пріобрътеніе въ лицъ г Домбровскаго: онъ вообще очень хорошъ во всёхъ роляхъ малороссійскихъ. Г. Шумскій, впродолженіе истекшаго сезона, показаль не одну новую сторону своего дарованія: быть можеть, мы со-временемъ будемъ обязаны ему и цълымъ Хлестаковымъ. Г. Васильевъ, къ таланту котораго нельзя не имъть сочувствія и отъ котораго все ждешь развитія, часто гръшить однообразіемъ... Тутъ, конечно, не всъ достопримъчательныя особенности прошлаго сезона, но я уже предупредиль, что на этоть разь я должень быть коротокъ. Не долженъ я, однако-же, кончать ръчь о русскомъ театръ, не вспомнивъ о прекрасныхъ впечатлъніяхъ, которыми минувщею осенью подарила Москву г-жа Самойлова 2-я непростительно было-бы также не сказать о благодарности, которою ценители искусства обязаны всей русской труппъ за постоянно-отчетливое исполнение ею «Горя отъ ума», «Ревизора», «Женитьбы», «Игроковъ» и «Тяжбы». Правла, нътъ еще у насъ настоящаго Хлестакова, котораго мы позволяемъ себъ ждать въ г-нъ Шумскомъ, нътъ и не предвидится еще Чацкаго, хотя г. Самаринъ въ нъкоторыхъ, весьма, впрочемъ, немногихъ мъстахъ этой роли и терпимъ, — но въ цъломъ наши сценические chef-d'oeuvres гордость и слава русской Таліи — передаются всегда такъ, что кто любитъ театръ для театра, а не для пищеваренія, тому, въ этихъ случаяхъ, уже нельзя и быть въ театръ. Остается, при сей удобной оказін, только пожальть о томъ, что подобныхъ любителей въ Москвъ еще слишкомъ мало: большинство все хочетъ новостей, и еслибъ, напримъръ, когда-нибудь вздумали дать одну «Женитьбу», которая идетъ въ совершенствъ, можно побиться объ закладъ, что едва десятая доля мъстъ была бы занята. За то, сколько отраднаго чувства, какое полное удовольствіе выносять изь театра тв, которымь дано понимать Гоголя и всю прелесть его выполненія гг-ми Щенкинымъ, Садовскимъ, Никифировымъ и тъми почтенными артистами, которые помогаютъ имъ, хотьбы въ «Женитьбъ».

На французской сценъ съ сентября новостей не мало.

О французскимъ театръ ограничимся самыми общими замъчаніями. Касательно репертуара, надо повторить истину давно извъстную: все, что не имъетъ претензіи на серьезность содержанія, что не мътитъ вътакъ называющую себя haute comédie, все, что, наконецъ, не мелодрама—все то у французовъ живо, остроумно болъе или менъе, и никогда не скучно, и, въ этой опредъленной сферъ, игра здъшней французской труппы, въ массъ, удовлетворительна, и вообще ровна. Ensemble всегда хорошъ, сообразность костюмовъ съ ролями и исполнительность въ ме-

лочахъ — несомивнныя. Съ началомъ сезона труппа укомплектована г.г. Леонъ, Вернэ, Деверіа, г-жами Жоль, Тейссеръ и Гаррикъ. Чувствуется, однакожъ, очень часто потеря, понесенная въ лицъ Вальнэ: во многихъ реляхъ этотъ первый комикъ не замъненъ. — Г-жа Вуато, дарованіе довольно еще новое и неопредълившееся, колеблющееся между разными амилуа, даже между разными сценами, дала въ свой бенефисъ «Севильскаго Пырюльника». Не ожили ни для ного, конечно, въ этотъ день ни Розина, ни Бартоло, ни Фигаро, но можно было слушать артистовъ, взявшихъ на себя эти трудныя роли, а театральный оркестръ всъ слушали, разумъется, съ неподдъльнымъ удовольствіемъ.

О другихъ возобновленныхъ пьесахъ — будь онъ французскія или русскія, говорить не стоитъ. Избавьте меня также отъ исчисленія новыхъ полекъ, полекъ-мазурокъ, мазурокъ, вальсовъ, кадрилей и другихъ явленій танцовальной музыки, которыми въ видь entremets постоянно обязаны угощаться зрители въ антрактахъ бенефисовъ. Надо думать, что это ужъ неизбъжное зло, потому-что иначе отчего бы какъ-нибудь неизбъжать сихъ музыкальныхъ сюрпризовъ, замънивъ ихъ, напримъръ, иногда чъмъ-нибудь истинно музыкальнымъ, — и оныхъ танцовальныхъ дивертисмановъ съ разными китайскими, цыганскими, венгерскими, арабскими, персидскими, славянскими и русскими па, не замъняя оные ничемъ. У насъ нътъ бенефисной афиши безъ дивертиссементовъ и новыхъ полекъ или хоть бы чего-нибудь изъ міра, совершенно независящаго отъ искусства: это со стороны артистовъ не великодушно. Неужели мы возвратимся и къ бенгальскимъ огнямъ?...

Поставлено три новые балета: «Марморная Красавица», бал. въ 3 д. Сенъ-Леона, -«Заколдованная Скрипка», въ 2 д., его же, и «Крестьянская Свадьба», бал. въ 1 д. Балеты всегда идутъ хорошо, и новые и прежніе. Поклонники Терпсихоры, кром'в того, съ нехладыющимъ чувствомъ вспоминають о последней зиме, проведенной здесь г-жею Андреяновою, для которой тогда впервые были поставлены «Пахита» и «Сатанилла». И дъйствительно, историку московскаго балета, еслибъ онъ захотълъ сказать всю правду, пришлось бы непремънно тщательно отделить отъ целаго сезонъ 1848-1849 гг., какъ самую выдающуюся эпоху изъ здъшнихъ балетныхъ ощущеній. Съ той поры, напримъръ, «Пахита» сдълалась однажды навсегда безусловно-любимымъ балетомъ Москвы, благодаря г-жъ Андреяновой; при г-жъ Андреянояновой двадцать четыре раза сряду дана «Сатанилла», и зала была постоянно полна и affolotissima... Самый кордебалеть стояль тогда на высшей точкъ, а съ тъхъ поръ, нъкоторые цвъточки какъ будто пообсыпались, а главное-души-то этихъ балетовъ у насъ и недостаетъ. Г-жа

Санковская была очень хороша, пока здёсь еще не знали г-жи Андреяновой и не видёли Фанни Эльслеръ; г-жа Ирка-Матьясъ и теперь еще хорошенькая, кокетливая танцорка; г-жа Тереза-Теодоръ очень старат тельная, усильно трудящаяся — и, въ отношеніи къ искусству, едва ли не лучшая изъ нихъ кориоея, но все это не даетъ еще балету той обантельной силы, безъ которой онъ существовать не можетъ и которая вся, по нынёшнему созданію балетовъ, сосредоточивается въ одномълицѣ — въ необыкновенно одаренной первой танцовщицѣ.

Впрочемъ, и теперь любимое театральное зрвлище для массы, вътомъ числъ и для такъ-называемаго высшаго общества, все-таки балетъ. Русскіе и французскіе спектакли посъщаются замътнымъ образомъ только въ дни бенефисовъ и первыхъ представленій. По воскресеньямъ театры болье наполняются, но уже особою публикою, тою, для которой исключительно даются: «Аскольдова Могила», «Панъ Твардовскій «Материнское Благословеніе», «Пилюли», и тому подобное.

Музыкальными удовольствіями Москва обдна, да и равнодушіе къ ниять не подлежить сомниню. Съ самой еще осени быль въ большомъ ходу Гунгль съ его весьма посредственнымъ, кое-какъ здъсь составленнымъ изъ разныхъ садовыхъ музыкантовъ, оркестромъ; ни одинъ пикникъ, ни одна свадьба, ни одинъ балъ, ни одинъ вечеръ, бившійся изъ того, чтобъ не прослыть обыкновеннымъ-не обощлись безъ Гунгля: онъ давалъ музыкальныя утра и въ Благородномъ Собраніи — тамъ весь престижъ окончательно пропаль. Кромъ того, было съ осени два-три концерта: остались въ намяти имена гг. Гаунта, Кроза и концертъ любителей. Со второй недёли поста наступиль ужъ настоящій музыкальный сезонь: кое-о-чемъ придется сказать въ следующій разъ; покуда достаточно назвать братьевъ Вънявскихъ, семейство Неруда и еще какого-то скрипача, котораго имя какъ-то не укладывается въ памяти, - все это теперь здёсь, и еще ждуть Контскаго, говорять, втораго Паганини; но это говоритъ не Москва, а кричатъ или върнъе, кричали нъкоторые его соотчичи, хотя и бездоказательно, но за то съ большимъ восторгомъ.

Затъмъ изъ хаоса разныхъ фокусовъ, діорамъ, косморамъ, панорамъ, звърей и другихъ весьма невинныхъ, но тъмъ не мънъе отнюдь не остроумныхъ спекуляцій на полтиннички и гривеннички публики, жаждущей увеселительныхъ зрълищъ, надлежитъ по совъсти исключить: прекрасный анатомическій музеумъ г. Навратиля, звъринецъ г. Берга, отническія представленія г. Бормана и, пожалуй, представленія разнаго рода—Жана Мартини. Все это само собою возвышается надъ балаганными штуками и обыкновенными затъями странствующихъ фигляровъ.

Собранія и маскерады, то есть, публичныя, вообще посъщаются

мало относительно населенія Москвы: всёхъ складнѣе и любимѣе вечернія съёзды Купеческаго Собранія. У нѣмцевъ, раза два или три, на Abendunterhaltungen было очень людно.

Зимнія горы Купеческаго Собранія, балаганы и блины на масляницѣ, катанья на тройкахъ и пикники въ Петровскій Паркъ къ Яру, съ Гунглемъ, а иногда и безъ онаго — вотъ почти всѣ забавы проносящейся уже зимы.

Для полноты нельзя забыть двъ-три томболы, ярмарку и базаръ въ Благородномъ Собраніи съ благотворительными цълями.

Съ половины января были бъги. Публику особенно интересуютъ всегда троичные бъги и скачки: это зрълище любимо всъми классами московскаго народонаселенія. Толпы съъзжаются и сбъгаются несмътныя, и живое сочувствіе сопровождаетъ постоянно полетъ (метафора, здъсь извинительная!) состязающихся. Нъсколько разъ, и въ этомъ году, равнялись англійскія лошади съ русскими: побъда до-сихъ-поръ за заморскими скакунами, а пальма всъхъ совершенствъ принадлежитъ тройкамъ князя Черкасскаго ...

While Mak And Problem to special happy nearly amount of manager than the first the

titi and seek open sitti open splagger i genome op dit kinnen ander som en and kinne spekti. Kinnen stranger i krempet oeksprim salah i konstant i salah si salah si salah si salah si salah si salah si sa

Alban Borr Brothelter group course on the last of the second of the last of the second of the last of

de la composición de Como de la composición del composición de la composición de la composición del composición de la composición de la composición de la composición del composición del composición del composición del composició

e it don't sell the first of the money armagement, through the first facility to have

n de vertigen de la service de la proposition della proposition de

Charles and the second and the second states of the

They be a second of the second

Корреспондентъ « Пантеона ».

петербургскій въстникъ.

производен ожим вист с жарока и розводить лици, которые

ALERGANIC ENGLISHED WARRENCE BOYLVET MENTERS

Нъсколько словь о Гоголь — Русская журналистика за первую треть 1852 года. — «Отечественныя Записки» — «Проселочныя дороги» — романъ Григоровича. — «Туристь», повъсть Вонлярлярскаго. — «Чужая душа потемки» — поговорка г-жи Турь. — «Преферансъ», повъсть Т-ва. — «Исторія Пенденниса» соч. Теккрея — «Шхеры» и статья о дондонской выставкъ. — «Зооморфическія божества у древнихъ Славянъ» — Афанасьева. — Ученыя и мелкія статья. — Критика. — Общій выводъ. — «Библіотека для Чтенія», ея характерь. — «Регистраторь» — «Кукольника». — «Драматическая пословица» — «Тальцевой». — «Каппелія», — «Женщина съ бархатной кокеткой» А. Дюма. — «Джонсонъ и Боссвель». — Дружинина. — Литературная лътопись и Смъсь. — «Амуръ-Игрокъ» — Долина. — Письма иногороднаго подписчика» — Музыка въ Петербургъ. — Концерты «Серве и Вьетана». — В та в а т м а т е в Россини. — Сестры Дулькенъ. — Циркъ. — Г. Каронъ — воспитатель лошадей. — О повой медодъ выъздки и дрессированія Боше. — Новыя музыкальныя изданія. — Фокусники и акробаты: «Раппо» и «Германъ». — Некрологъ: «К. В. Тратьяковъ». — Антоніо Тамбурини. — Мо ды.

Противъ принятаго обычая, мы начинаемъ за упокой наши замътки о современной литературъ и журналистикъ, а потомъ сведемъ ихъ за здравіе. О живыхъ говорить попозже — иногда даже полезно; не помянуть покойника въ пору добрымъ словомъ, — непростительно.

Московскій Въстникъ объявиль уже о смерти Николая Васильевича Гоголя, писателя, возбудившаго при жизни много толковъ о себъ, которые не прекратятся и послъ смерти его. Толки эти были противоръчащіе часто даже совершенно самые разнообразные и одно уже доказываетъ талантъ покойнаго. другому. Это трогаютъ О посредственностяхъ не спорятъ, онъ никого не живое, вст ими довольны. Въ свтт такія посредственности называются — добрыми людьми: въ литературъ — очень милыми произведеніями. Есть, конечно, и очень слабыя произведенія, имъющія жаркихъ противниковъ и заступниковъ, но такія произведенія все-таки ниже посредственности, на нихъ нападаютъ сильнее потому, что по наружной формъ, они бываютъ иногда похожи на хорошія произведенія, — и слъдовательно могутъ ввести въ заблуждение массу публики, часто увлекающуюся одними наружными достоинствами; защищаютъ-же подобныя

произведенія очень часто съ жаромъ и убѣжденіемъ люди, которые довольствуются поверхностными разборами и сужденіями. Вотъ чѣмъ объясняется усиѣхъ произведеній въ родѣ знаменитой «Житейской школы», которую слѣдовало разобрать по суставамъ, какъ это сдѣлалъ недавно г. Булгаринъ, отъ котораго никто, вѣроятно, не вздумаетъ отнять умѣнья владѣть меткимъ и безпощаднымъ сарказмомъ.

Не лучше-ли однако-же говорить о мертвыхъ, чёмъ о подобныхъ живыхъ произведеніяхъ? Писатель нашъ, такъ недавно уснувшій въ ранней могиль, быль предметомъ споровъ, которые, еще при жизни ръзко раздълили приверженцевъ и противниковъ покойнаго на двъ партіи. И у каждой изъ этихъ партій Николай Васильевичъ Гоголь быль главой школы, и жаркіе последователи и литературные противники его, приписывая ему часто такія убъжденія, какихъ онъ никогда не имълъ, ратовали за и противъ него съ такимъ ожесточеніемъ, какое редко встречается въ исторіи нашей литературы. Это было чтото въ родъ знаменитой борьбы классиковъ съ романтиками, Глукистовъ съ Пиччинистами, чуть не въ родъ войны бълой и алой розы — на перьяхъ и на бумагъ. И каждая изъ этихъ партій требовала безусловнаго повиновенія ея декретамъ, и гордо брала девизомъ — исключительность и нетерпимость всякаго посторонняго, примирительнаго и уступательнаго мижнія. Кто не за насъ — тотъ противъ насъ! говорили гоголисты и анти-гоголисты, — и шумомъ ихъ нападеній и защищеній долгое время оглашались малонаселенныя поля русской литературы.

Теперь, надъ свъжей могилой рано погибшаго писателя, замолкнутъ ли наконецъ эти споры и толки? Сомнъваемся, зная хорошо раздражительность человъческой натуры вообще и писательской въ особенности. Смерть примиряетъ всякую вражду, кромъ литературной. Оно, впрочемъ и справедливо — потому-что писатель живетъ и по смерти. Личныя оскорбленія, тяжебныя дъла, денежные интересы, сердечныя отношенія, — все это забывается черезъ нъсколько десятковъ лътъ; наслъдственныя вражды измъняются со вторымъ или третьимъ покольніемъ; предубъжденія-же противъ писателя раздъляють часто не одни его современники, — иногда надо пройти стольтіямъ, чтобы заслуги автора были оцънены по достоинству. О живыхъ или недавно умершихъ писателяхъ — критика не можетъ произнести ръшительнаго, окончательнаго приговора, какъ не произноситъ его исторія надъ близкими къ намъ событіями. Но толки объ литературныхъ корифеяхъ тъмъ сильнье, чьмъ ближе къ намъ эти лица, чьмъ живье возбужденные ими интересы.

Судить о Гоголъ и его произведеніяхъ было-бы еще слишкомъ ра-

но. Въ Москвъ готовится новое изданіе его сочиненій, и по выходъ его въ свъть, мы поговоримъ объ этомъ писатель, сравнивъ въ особенности все то, что будетъ сказано объ немъ въ нашихъ журналахъ. Подобныя сравненія бываютъ иногда чрезвычайно интересны, не говоря уже о томъ, что они лучше всего характеризуютъ нашу журналистику. Очень любопытные выводы можно получить изъ подобныхъ сближеній и сравненій того, что разные журналы говорятъ объ одномъ и томъ-же лицъ. Это была одна изъ главныхъ причинъ, побудившихъ насъ снова приняться за обзоръ нашей журналистики.

Мы хотели сказать только несколько словъ о смерти Гоголя, пожальть о его ранней кончинь. Онъ умерь на сорокъ четвертомъ году: въ эти лъта только-что утверждалась слава многихъ писателей. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы талантъ Гоголя не вполнъ развился, чтобы онъ сдълалъ мало для своей извъстности. Онъ умеръ, напротивъ, въ лучшую пору своей литературной жизни, не переживъ своей славы, не Знакомые Гоголя — только по названію знали ніжоторыя изъ его будущихъ произведеній. Онъ былъ чрезвычайно читалъ ихъ никому, не отдълавши скроменъ и не окончательно. Передъ смертью, онъ, какъ извъстно, сжегъ всъ свои бумаги и только рукопись одной второй части «Мертвых душь» находится, по слухамъ, у одного изъ пріятелей покойнаго. Легко можетъ быть, что Гоголь и не напечаталъ бы ничего, но и то, что онъ сдълалъ для русской литературы, заставляетъ насъ искренно сожалъть о преждевременной Не знаемъ ни одного русскаго журнала, который-бы его смерти. не раздъляль нашего сожальнія. Одна изъ петербургскихъ газеть отозвалась, впрочемъ, объ этомъ печальномъ событіи черезъ чуръ лаконически: скончался такой-то — и дъло кончено. За то другая газета, московская, извъстила той - же смерти такими кудревато - цвъ-0 тистыми фразами, что становилось какъ - то неловко отъ встхъ этихъ «чудныхъ, дивныхъ» и тому подобныхъ эпитетовъ. Въримъ, что писавшій эти восторженныя строки, похожія на надгробія персидскимъ поэтамъ, самъ былъ глубоко тронутъ кончиною Гоголя; но кто не знаетъ, что самая тяжелая грусть, являясь въ публику, должна соблюдать всеми принятыя условія приличія, чтобы не показаться помѣшанною.

Перейдемъ теперь къ главному предмету нашей статьи—оцънкъ русскихъ журналовъ и взглянемъ на то, что произвела наша журналистика въ первую треть настоящаго года.

Начнемъ съ «Отечественныхъ Записокъ». Что-бы ни толковали противники этого журнала о его толстотъ и пустотъ, нельзя не сознаться,

что въ течение ивсколькихъ леть этоть журналъ более всего читается нашею публикою. Въ этомъ всего яснъе убъждаетъ цифра его подписчиковъ-самое неоспоримое доказательство его успъха. Можно на одинъ годъ заманить читателей широко-въщательными объявленіями, объщаніями разныхъ оригинальныхъ статей, существующихъ только въ воображеніи ихъ авторовъ, переводовъ со всёхъ возможныхъ и невозможныхъ языковъ, наконецъ, многимъ множествомъ другихъ уловокъ, нынъ такъ легко и удобно изобрътаемыхъ, и еще легче и удобнъе распространяемыхъ. Но все это — увы! можно сдълать только на одинъ годъ, и чъмъ пышнъе были объщанія, тъмъ плачевнъе будуть результаты подписки на слъдующій годь. Бываеть также и то, что дъйствительно хорошій и добросов'єстный журналь — иногда не им'єсть достаточнаго числа подписчиковъ, но и ему стоитъ только выдержать годъ, два незаслуженное равнодушіе публики — а потомъ и онъ поровняется съ своими собратьями. Но обыкновеннымъ и самымъ върнымъ мъриломъ успъха журнала служитъ число его подписчиковъ, въроятно, поэтому скрываемое всъми журналами вообще и хранимое въ самой неприкосновенной тайнь:

Если нельзя, однако-же, узнать въ точности завътную цифру таинственнаго числа, то, по крайней мъръ, можно имъть на этотъ счетъ болье или менъе приблизительныя данныя, — и эти данныя говорятъ самымъ красноръчивымъ образомъ, что число всъхъ остальныхъ русскихъ журналовъ, разумъется, не оффиціяльныхъ и не спеціяльныхъ, а чисто литературныхъ — приближаясь по временамъ къ числу «Отечественныхъ Записокъ», даже на самое незначительное разстояніе, никогда не превышаетъ цифры подписчиковъ на этотъ журналъ. Уже по одному этому мы должны съ него начать нашъ обзоръ, и спъшимъ перейти къ нему, оставивъ въ покоъ щекотливые толки объ одной изъ самыхъ чувствительныхъ сторонъ современной журналистики.

Прежде чъмъ приступить къ нашему обзору, мы обыкновенно прислушиваемся къ общему мнънію, не всегда непогръшимому въ своихъ сужденіяхъ, но, большею частію, върному или, по крайней мъръ, основанному на уважительныхъ данныхъ. Въ настоящее время упрекъ, падающій на первыя книги «Отечественныхъ Записокъ» состоитъ въ томъ, что онт не довольно интересны. (Мы беремъ еще среднее выраженіе общественнаго мнънія.) Съ своей стороны мы не можемъ не согласиться съ этимъ мнъніемъ. Прежде, чъмъ приняться за журналъ, читатель пробъгаетъ обыкновенно оглавленія статей и по ихъ разнообразію и количеству судитъ предварительно о степени ожидающей его занимательности въ чтеніи журнала. Это, если хотите, тоже, что встръча по

платью, которая, не смотря на свою ошибочность, будеть однакоже всегда существовать въ такихъ случаяхъ, гдв невозможно встрвчать прямо по уму. Пробъжимъ, въ самомъ дълъ, оглавление трехъ книгъ «Отечественныхъ Записокъ», и посмотримъ прежде всего — какъ зовутъ эти статьи и что онъ намъ объщають. По отдълу собственной Литературы, или Изящной Словесности: — « Проселочныя дороги» — романъ безъ интриги, Гри горовича — часть первая; «Проселочныя дороги» — часть вторая и «Проселочныя дороги» — часть третья; «Исторія Пенденниса» продолжение второй части, «Исторія Пенденниса» — продолжение второй части и «Исторія Пенденниса» — продолженіе второй-же части, три продолженія. Въ Смъси: «Шхеры» — статья первая, «Шхеры» статья вторая и « Шхеры» — статья третья; Лондонская выставка статья пятая и шестая; «Путешествіе Дюма въ Тунисъ» — статья первая и статья вторая. Изъ этой массы продолженій выдаются только три отдъльныя статьи, начатыя и оконченныя: «Туристь» — разсказъ В. Вонларлярскаго, «Чужая душа потемки» — поговорка Е. Туръ и «Преферансь», повъсть Т-ва. Въ другихъ отдълахъ, мы видимъ туже массу проделженій безъ окончаній, окончаній безъ началь, статей, растягивающихся на двъ, на три книги, а можетъ быть и болъе. Къ такимъ статьямъ принадлежатъ: «Зооморфическія божества у Славянъ» — три статьи; «Исторія Испанской Литературы» — двъ статьи; «Русская Литература въ 1851 году» — три статьи; разборъ сочиненія г. Тенгоборскаго — двъ статьи; «Домашній быть русских в царей» — третья статья. Такъ что, не считая мелкихъ и библіографическихъ статей — въ трехъ вышедшихъ книгахъ «Отечественныхъ Записокъ» четырнадцать статей, изъ которыхъ шесть еще неокончены, а въ мартовской книгъ изъ десяти большихъ статей названіе только одной не встрѣчалось въ предыдущихъ двухъ книгахъ.

Посмотримъ теперь на внутреннее достоинство и содержание этихъ статей, оставляя въ сторонъ всъ суждения о томъ, какъ неприятно дъйствуютъ на читателя всъ эти продолжения и окончания, — предметь, о которомъ было уже столько говорено, что мы считаемъ лишнимъ останавливаться на немъ.

Первое мъсто въ «Отечественныхъ Запискахъ» принадлежитъ конечно роману Григоровича: «Проселочныя дороги», еще не оконченному и о которо ть по этому мы не можемъ высказать окончательнаго сужденія. Не можемъ умолчать однакоже о томъ, что романъ этотъ возбудилъ всеобщіе упреки за свою растянутость. Начало романа въ особенности чрезвычайно утомительно, хотя и въ немъ есть прекрасные эпизоды, какъ, напримъръ, описаніе непонятой любви старой экономки къ бъдному проживальщику, и мастерски очерченные характеры, какъ Карачаевъ и Попельковскій. Незнаемъ отчего, но намъ кажется, что г. Григоровичъ писалъ бы не такъ длинно, еслибы печаталъ романъ свой отдъльно, а не въ журналъ.

« Туристь» г. Вонлярлярскаго скорве анекдоть, чъмъ новъсть. Одинъ французскій авантюристъ разсказываетъ автору исторію англичанина, въ жену котораго влюбился двоюродный братъ милорда — какойто маркизъ, и когда милордъ вызвалъ за это маркиза на дуэль, маркизъ придумалъ средство, чтобы не быть убитымъ, зная, что милордъ не даетъ промоха. Средство это состояло въ томъ, что маркизъ взялъ честное сл во съ англичанина — образца честности, стръляя не думать о голой обезьянъ. Милордъ, разумъется, отъ усилій не думать объ обезьянъ — все думаетъ объ ней и отъ этого не убиваетъ маркиза, а самъ сходитъ съ ума. Разсказъ довольно оригинальный, написанный легкимъ языкомъ, но растянутъ пенужными и неинтересными подробностями о самомъ разскащикъ, французъ Крозелъ, приводящемъ, между прочимъ, какъ новость анекдотъ объ англичанинъ, котораго задавила его же собственная ньюфаундленская собака во время купанья, вообразившая, что господинъ ея потонулъ. Анекдотъ этотъ напечатанъ въ одномъ изъ старыхъ альманаховъ-анекдотовъ, которые когда-то были въ большой модъ въ нашей литературъ.

« Чужая душа Потемки» — Поговорка госпожи Евгенін Туръ, читается очень легко, но въ сущности таже «драматическая пословица», которыя такъ прискучили намъ на сценъ Александринскаго Театра, и въ печати. Одна двадцатипяти-лътняя дъвица, находя, что ей уже пора пристроиться, ръшается заставить коротко-знакомаго ей господина — признаться наконецъ въ любви къ ней. Она, разумъется, твердо увърена, что господинъ этотъ страстно влюбленъ въ нее — и не просить ея руки только по робости характера. На повърку однако-же выходить, что робкій господинь (о которомъ разсказывается между прочимъ, что онъ по неловкости сълъ на новую дамскую шлянку — фарсъ, повторявшійся и въ александринскихъ водевиляхъ), вовсе не такъ застънчивъ, какъ это казалось — и воображаетъ, напротивъ, что сама дъвушка влюблена въ него. Онъ имъетъ даже неосторожность высказать ей это убъжденіе, на что, по справедливости сказать, имъетъ нъкоторыя данныя. Дъвушка, разсердившись, почти прогоняеть его и пословица виноваты, поговорка оканчивается. Очевидно, что отъ такого короткаго разсказа нельзя требовать ни выдержанныхъ, ни хорошо очерченныхъ характеровъ. Въ особенности г. Пенскій (неудавшійся женихъ) чрезвычайно неестественъ по смъси въ его характеръ застънчивости и ръ-

шимости, скромности и самолюбія, скрытности и неосторожности. повторяемъ, разговоръ написанъ легко и живо, хотя въ немъ и попадаются мъстами темныя и неправильныя выраженія. Г. Пенскій говоритъ, напримъръ, Полинъ: «Въ васъ есть примирительная сторона, обличающая большую непосредственность». Что бы это значило по-русски? «Вы натура избранная, широкая». Онъ философствуетъ даже до того, что почти целикомъ переводитъ известный стихъ Теренція homo sum, nihil humanum a me alienum puto. «Я человъкъ и знаю, что все человъческое мит доступно и понятно». Конечно, Полина могла не знать по-латынь, но эта фраза могла не разъ попадаться ей на глаза, какъ дъвиць образованной. Впрочемъ, она и сама выражается иногда довольно сильно, говоритъ прямо Пенскому: «вы мнв ненавистны». Подойдя къ зеркалу, находить, что она бледна и что у нея лицо пятнами (не въ пятнахъ ли?), но что она все еще хороша собою и прибавляетъ не совсъмъ ясную фразу: «Не онъ бы первый любилъ меня». Иногда даже, въроятно въ досадъ, она употребляетъ не совсъмъ правильныя выраженія, говорить, что г. Пенскій показаль ей высоконамиренное участіе, вийсто высокомърное и тому подобное. Въ разговорномъ языки вси эти мелочи еще замътнъе. SEYMOTOR ROSSELLINGOUS OFF THORSES

«Преферанс»—повъсть, написанная просто, безъ всякихъ претензій, но съ чрезвычайно бъднымъ содержаніемъ. Дъло все въ томъ, что человъкъ дурной и игрокъ, но хитрый и умный, опутываетъ своими сътями одну провинціяльную дъвушку и ея старую мать, но ссорится со старухой за преферансомъ и ссора эта разстраиваетъ предположенный имъ бракъ съ дочерью старушки. Не говоря уже о томъ, что все это не совсъмъ естественно, что разсчетливый женихъ не могъ до того увлечься ничтожной игрою, чтобы завести ссору и потерять отъ этого всъ свои надежды, — самая развязка повъсти становится уже черезъ чуръ ясною съ перваго появленія игрока, такъ безхитростно велъ авторъ свой разсказъ. Впрочемъ, онъ читается легко и не безъ удовольствія.

Объ «Исторіи Пенденниса» мы также не скажемъ покамѣстъ ничего. Она только-что началась. Надѣемся однако-же, что она понравится болѣе «Базара житейской суеты», помѣщеннаго недавно въ томъ же журналѣ и имѣвшаго много противниковъ, не смотря на несомнѣнныя достоинства этого романа. Не беремся рѣшить, отчего происходитъ это нерасположеніе нѣкоторой части русскихъ читателей къ Теккрею: оттого ли что они еще мало съ нимь знакомы, или оттого что въ сочиненіяхъ его много мѣстнаго, чисто-англійскаго колорита и гораздо

менъе тъхъ общедоступныхъ и общечеловъческихъ типовъ, которыми такъ богаты романы Диккенса.

Шхеры — описаніе архипелага финскаго залива, мъстами любонытное и занимательное, но наполненное излишними подробностями, даже чрезъ мъру спеціяльными. Читателямъ журнала нътъ никакой надобности знать всъ надписи на свеаборгскихъ скалахъ, названіе всъхъ острововъ въ шхерахъ или подробные реестры доходамъ и расходамъ города Борго. Все это могло бы имъть интересъ и мъсто въ запискахъ гидрографическаго депо или въ Географическомъ Въстникъ, а не въ «Отечественныхъ Запискахъ». Языкъ этихъ статей очень хорошъ. Мы замътили, между-прочимъ, одинъ очень удачный и новый глаголъ бычиться, который какъ нельзя лучше идетъ къ разнымъ трагическимъ героямъ, даже и не провинціяльнымъ

Двъ статьи о «Лондонской выставки» также довольно интересны, но страждутъ тъмъ – же недостаткомъ: излишними и мало интересными подробностями. Напрасно авторъ ихъ прилагаетъ подробные планы и описываетъ со всевозможною тщательностію всъ подраздъленія кристальнаго дворца. Запутанная топографія этого мъста пикого не занимаетъ и изучать ее нътъ никакой надобности.

Отрывки изъ «Путешествія Дюма и Комп. въ Тунисъ, Марокко и Алжиръ занимательны. Ихъ даже можно упрекнуть въ излишней краткости и сжатости.

Отъ литературныхъ статей перейдемъ къ ученымъ, потомъ къ мелкимъ и наконецъ къ критическимъ.

Три статьи о «Зооморфических» божествахь у древних Славянъ» г. Афанасьева весьма интересны и составлены съ глубокимъ знаніемъ дъла. Мы опасаемся однако-же, чтобы эти статьи не показались слишкомъ спеціяльными и недоступными для большинства читателей. Филологъ можетъ, пожалуй, несогласиться съ нъкоторыми выводами автора, какъ напримъръ, о солижении огненнаго змъя съ молокомъ въ народныхъ преданіяхъ, сближенін, подтвержденномъ одною выпискою изъ Эдды, въ которой говорится, что Индра (божество грома) доилъ молніями небесныхъ коровъ (облака) и проливалъ на землю ихъ молоко въ видъ дождя. Въ слъдствіе этой цитаты авторъ, сблизивъ уже огненнаго змвн съ молокомъ, сближаетъ его съ водою. Все это можетъ показаться небольшими натяжками, также, какъ мизніе г. Афанасьева (высказанное впрочемъ въ формъ предположенія), что змъя Горафена — искаженная форма слова Горынычъ въ женскомъ родъ. Но во всякомъ случав, всв отдадутъ полную справедливость автору за его тщательную и добросовъстную разработку народныхъ памятниковъ нашей литературы, объясняющихъ хоть нѣсколько темныя стороны нашей минологіи. Жаль также, что г. Афанасьевъ не помѣстилъ въ началѣ или въ концѣ своей занимательной статьи общихъ выводовъ изъ нея (recapitulations), безъ которыхъ нельзя иначе, какъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдить за главной мыслію автора, въ этой громадѣ цитатъ, сближеній и поясненій, Не смотря на относительную сухость предмета, статьи писаны ясно и легко, и въ этомъ случаѣ мы замѣтили бы автору только употребленіе безъ нужды слова перосонификація, которое очень удобно замѣняется чисто русскимъ словомъ олицетвореніе.

Съ такою же похвалою мы должны отзоваться и о статьяхь і. Забълина и Кассовича «Домашній быть русских» царей прежняго времени» и «Извлеченіе изъ отчета директора Императорской Публичной Библіотеки». Статья г. Кассовича, къ сожальнію, очень коротка; языкъ ея нъсколько тяжелъ.

Двѣ статьи объ Испанской литературъ, составленныя по книгѣ Тикнора объ этомъ предметѣ—порадовали насъ, какъ рѣдкое явленіе въ нашей журналистикѣ. Подобныя статьи бываютъ у насъ обыкновенно переводныя и сужденія объ иностранныхъ авторахъ и ихъ произведеніяхъ высказываются прямо по тѣмъ журналамъ, изъ которыхъ переводятся подобныя статьи. Но очеркъ испанской литературы извлеченъ составителемъ статьи изъ книги Дж. Тикнора « History of Spanish literature » и представляетъ сужденіе русскаго человѣка о книг ѣ американца, предметъ которой литература Испаніи. Въ особенности интересна вторая статья, заключающая въ себѣ біографію Сервантеса и разборъ его сочиненій. Жаль только, что эта статья написана тяжелымъ языкомъ, отзывающимся книжными педантическими фразами. На-примѣръ:

«Нътъ никакаго сомнънія, что онъ (Сервантесъ) получиль первое воспитаніе въ родномъ своемъ городъ, гдъ основанный кардиналомъ Хименесомъ около пятидесяти лътъ назадъ университетъ, прямымъ или косвеннымъ путемъ, имълъ вліяніе на обогащеніе свъденіями и развитіе ума его».

Подобными фразами испещрена, почти вся статья, наполненная сверхъ того петочными и странными выраженіями. Такъ авторъ называеть планъ и расположеніе драмы—повівствю; говорить о трудныхъ пяти стахъ червонцахъ, о чадахъ богатаго развитія національныхъ элементовъ и т п. Съ нъкоторыми изъ сужденій автора также нельзя согласиться. Такъ онъ говорить, что періодъ появленія самостоятельныхъ литературныхъ памятниковъ, совпадаетъ съ періодомъ государственной славы народа. Мы думаемъ, что изъ этого правила слишкомъ много

исключеній. Вспомнимъ, въ какія времена писали Тацитъ, Ювеналъ Данте, Мильтонъ.

Мелкія статьи въ Смѣси «Отечественныхъ Записокъ» разнообразны и интересны, но какъ-то странно сортируются. Въ первыхъ двухъ книгахъ онъ раздъляются на «Внутреннія Извъстія», «Заграничныя Новости» и «Разныя Разности» но въ «Разныхъ Разностяхъ» помъщаются извъстія, прямо относящіеся ко внутреннимъ, какъ напримъръ извъстія, объ открытіи Публичной Библіотеки и о смерти академика Грефе, а потомъ идутъ опять новости изъ - за границы, потомъ опять «Разныя Разности», начинающіяся извъстіями о театрахъ (какъ будто театры не отнокъ искусствамъ и литературъ). Не проще-ли было бы раздъвсь мелкія извъстія на «Отечественныя и Загра-Замътимъ кстати, что чисто ученыя новости этихъ ничныя»? отделовъ разсказываются легкимъ и общепонятнымъ языкомъ. Изъ такихъ статей въ особенности замъчательна, помъщенная въ мартовской книгъ: «Физіологическія дъйствія атмосфернаго электричества» изъ записокъ Шенбейна. Любопытно, что современные естествоиспытатели отнимають у электричества его запахъ, вкусъ, свътъ, шумъ и даже потрясенія, производимыя имъ въ нервной системъ. Спрашивается, какія же свойства послѣ этого остаются у электричества? Въ этой статьъ мы замътили всего одно обветшалое выражение — селитрородъ, давно уже отвергнутое новъйшею химіею. Конечно, подлъ него въ скобкахъ поставлено и другое общепринятое название этого газа — азоть, но слъдовало бы поступить на обороть, если ужь автору статьи непремънно хотълось упомянуть и о селитрородъ. В балина записата в примента в

Переходимъ теперь къ главному отдълу «Отечественныхъ Записокъ», выражающему направленія и мнфнія этого журнала, къ его Критикь и Библіографіи. Большихъ критическихъ статей номъщено въ этомъ отдъль, какъ мы уже говорили, двъ: одна о книгъ: «Изслъдованія производительныхъ силъ Россіи», Л. Тенгоборскаго; другая о «Русской Литературъ въ 1851 году». Первая статья составлена знатокомъ и отличается дъльными выводами и замъчаніями. Мы замътили въ ней только много словъ иностранныхъ и мнимо-философскихъ, какъ-то странно звучащихъ для русскаго уха, какъ напримъръ: энервирующія страны, инвентарь, восполнить, привнести. На одной и той же строкъ употреблены елова методъ и метода съ эпитетами въ мужскомъ и женскомъ родъ; значитъ, не опечатка.

Статья о «Русской Литературъ въ 1851 году» перечисляеть всъ замъчательнъйшія произведенія прошлаго года, по всъмъ родамъ наукъ и словесности; но со многими изъ сужденій автора этой части нельзя

согласиться. На двадцати-двухъ страницахъ разбираются сочиненія г. Писемскаго и въ особенности его повъсти «Бракъ по расчету»; не слишкомъ ли подробенъ такой разборъ, довольно строгій. Вь г. Писемскомъ много дарованія, но оно не утвердилось еще до такой степени, чтобы занимать имъ всю читающую публику. Называя всѣ повъсти и романы, появившіеся въ прошломъ году, упоминая даже о «Мертвомъ озерѣ» и «Силуэтѣ, » статья неговоритъ ни слова о «Старомъ домѣ», появлявшемся въ продожение одинадцати мъсяцевъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Намъ лично не нравится этотъ романъ, но если редакція «Отечественныхъ Записокъ» была такого же мивнія — зачемъ она помъщала этотъ романъ на своихъ страницахъ? Напечатавъ же его, она была не вправъ умолчать объ немъ, потому-что онъ все-таки занималъ вниманіе читателей въ продолженіе цълаго года, и во всякомъ случать не хуже «Мертваго Озера»и въ особенности «Силуэта» съ его мрачнымъ Дольери, таинственною завязкою и изъ рукъ вонъ плохою развязкою. патротнатария этиндофрокть видежили полодиненный

Въ разборъ историческихъ сочиней, вышедшихъ въ прошломъ году, мы встрътились снова съ иниціативами, привхожденіями, обособленіями и тому подобными незаконными и непризнанными чадами русскаго слова. Неужели безъ нихъ нельзя обойтись? Или, говоря объ исторіи и другихъ наукахъ, надо непремѣнно становиться на ходули, диспутировать, а не разсуждать, въщать, а не говорить просто!

Библіографическій отдълъ «Отечественныхъ Записокъ» полнъе, чъмъ во встхъ остальныхъ журналахъ. Видно, что имъ занимаются люди спеціяльные, свёдующіе, каждый по своей части. Но въ литературныхъ оценкахъ господствуетъ часто тонъ, недопускающій противоречій и непріятно дъйствующій на читателя. Такъ съ самыхъ первыхъ страницъ библіографической хроники рецензентъ отзывается о новомъ романъ Р. М. Зотова, «Два брата» съ особенною ръзкостію, но ни мало не остроумно, приписывая ему драму «Наполеоновскій гвардеецъ», которую написаль вовсе не авторъ «Двухъ братьевъ»; но авторъ «Стараго дома». Грамматическія невърности, замъченныя въ романъ Р. М. Зотова, совершенно справедливы, но почему же, говоря, на-примъръ о «Племянницъ», въ следующей книжкъ журнала, рецензентъ не выписываеть еще важнъйшихъ промаховъ противъ русскаго языка изъ романа г-жи Туръ? Зачъмъ въ разборъ этого романа, рецензентъ такъ строго называетъ создателями художественныхъ повъстей только Пушкина и Гоголя? такъ коротко и сухо отзывается о замъчательной книгъ »Два года въ плъну у горцевъ» и испещряетъ цълыя страницы библіографіи рисунками паровыхь машинъ изъ физики г. Писаревскаго;

наконецъ, приводя изъ альманаха «Заздравный фіалъ» плохіе стихи гг. А. Р. и В. З., не приводитъ помъщенныхъ вслъдъ за ними прекрасныхъ стиховъ г-жи Н. Хвощинской? Развъ критикъ обязанъ замъчать одно дурное? Съ своей стороны, не соглашаясь, какъ уже говорили, во многихъ мнъніяхъ съ этими рецензіями, мы должны сказать, что онъ написаны правильнымъ языкомъ, кромъ замъненія извъстнаго слова нумерація страницъ новымъ: цифрація, вовсе ненужнымъ и некрасивымъ.

Въ концѣ библіографіи марта мѣсяца, подъ рубрикою «Журналистика», помѣщены названія двухъ книгъ «Библіотеки для Чтенія» и «Современника», трехъ «Москвитянина» и одной «Сына Отечества», но во
всей этой статьѣ разобраны изъ «Библіотеки для Чтенія» разсказъ Кукольника, изъ «Современника» два разсказа Григоровича и Тургенева, изъ
«Москвитянина» комедія «Ипохондрикъ» и статья о «Приватной жизни Князя Потемкина», а изъ «Сына Отечества» упомянуто объ одномъ «Денщикъ
и сдѣланы большія выписки изъ четвертаго дѣйствія этой пьесы, хотя въ
«Сынѣ Отечества» помѣщены всего два первыя дѣйствія. Всѣ остальныя
статьи этихъ журналовъ пройдены краснорѣчивымъ молчаніемъ и обѣщано поговорить только о неокончанныхъ.

И мы, въ свою очередь, оканчивая разборъ первыхъ трехъ кни жекъ «Отечественныхъ Записокъ», скажемъ все-таки, что не смотря всъ замъченные нами промахи, недостатки и, журналъ этотъ все - таки весьма замъчательный, и удовольствіе, которое получается отъ чтенія этихъ трехъ книгъ, превышаетъ въ общемъ результатъ сумму неудовольствій, остающихся отъ нікоторыхъ статей, взятыхъ порознь. Если нъкоторыя изъ нашихъ замъчаній могуть показаться даже мелочными болъе снисходителннымъ людямъ, мы отвътимъ только одно, что журналь, наиболъе читаемый, должень быть и строже судимъ и что, чъмъ незначительнъе его педостатки, тъмъ непріятиве видъть ихъ и легче исправить. Г. Григоровичу и г-жъ Туръ, напримъръ, мы считаемъ даже долгомъ сказать иъсколько словъ правды. Въ хвалителяхъ у нихъ не будеть недостатка. Журнальный обычай захваливать до смерти также — сроденъ современникамъ, какъ предкамъ нашимъ обычай — закармливать до смерти. Первое даже и дешевле. Но мы ръшаемся и въ этомъ случав идти своею дорогою, охуждая въ извъстныхъ писателяхъ все, что достойно охужденія, хваля и въ начинающихъ или малоизв'єстныхъ-то,. что стоитъ похвалы. Если мы обращаемъ такое внимание на мелочные промахи и грамматическія ошибки, то единственно потому,-что небрежность слога и выраженія нынче вошла въ моду и современная критика

что то уже слишкомъ снисходительно стала смотръть на форму, лишь-бы только мысль произведенія была замѣчательна. Для записнаго книгоѣда, привыкшаго отрывать мысль въ самыхъ безтолковыхъ произведеніяхъ, форма ничего не значитъ. Для массы публики форма важнѣе идеи, нотому что форма заставляетъ обдумывать идею ...

Теперь, по степени значительности нашихъ журналовъ, намъ слъдовало бы говорить о «Современникъ», но не имъя еще передъ собою послъдие – вышедшей книги этого журнала, мы обращаемся къ «Библіотекъ для Чтенія», аккуратно выдавшей три книги свои въ назначенные для нихъ сроки, что прежде случалось не такъ часто ...

Вообще, въ последнее время въ этомъ журнале заметно сильное стремление возвратить прежнюю извъстность, которою онъ пользовался нъкогда у нашей публики. Нельзя сказать, чтобы это похвальное стремленіе оставалось безплоднымъ, и мы должны отдать полную справедливость усиліямъ редакціи сдълать для этой цъли все, что зависить отъ средствъ журнала. Въ последние годы участие главнаго редактора журнала сдълалось очень замътнымъ. Появилось нъсколько статей, отчасти парадоксальныхъ, но блестящихъ и остроумныхъ, съ которыми можно было не соглашаться, но которымъ нельзя было не удивляться. Передъ обрадованной публикой явился прежній баронъ Брамбеусъ, котораго она такъ любила, заслуги котораго до-сихъ-поръ еще не оцънены и не взвѣшены современной критикой. Критикѣ было какъ-то неловко говорить объ этомъ разнообразномъ, многостороннемъ дарованіи и она отдівлывалась отъ разбора его произведеній или холодно-учтивыми похвалами или мнимо-остроумными насмъшками. Причина такого рода рецензій очень ясна. Барона Брамбеуса мало прочесть-его надо перечитать и изучить, а извъстно, какъ мало времени у нашей критики! Въ этомъ отношенін участь главнаго редактора «Библіотеки для Чтенія» раздъляетъ еще одинъ изъ нашихъ писателей съ огромнымъ дарованіемъ, но о которомъ не сказано и десяти долей того, что говорится хоть на-примъръ о г. Инсемскомъ. Г. Вельтманъ также ждетъ дъльнаго и добросовъстнаго критика.

Въ первой книгъ «Библіотеки для Чтенія» по Отдълу Словесности помъщены иять повъстей и романовъ, изъ которыхъ одинъ оконченъ въ той-же книгъ, а другой въ мартовской; окончаніе остальныхъ послъдуетъ, въроятно, въ скоромъ времени. Много было писано о привычкъ редакцій разбивать романы на множество мелкихъ частей и помъщать начало одного, не кончивъ другаго. Иногда это бываетъ неизбъжно, но чаще очень легко обойтись безъ мелкаго крошенья, составляющаго пъчто въ родъ литературнаго винегрета. Такъ, не кончивъ еще романа «Самоучки» въ трехъ книгахъ, «Библіотека для Чтенія» начала печатать въ третьей книгъ романъ «Приключенія знатной ста рушки». Для читателей было бы гораздо пріятнъе прочитать конецъ перваго, нежели начало втораго.

О неоконченныхъ статьяхъ мы покамъстъ ничего не скажемъ. Конченныхъ въ «Библіотекъ дли Чтенія» теперь четыре: Эпизодъ изъ романа г. Кукольника: «Регистраторъ«, «Драматическая пословица» г-жи Тольцевой, «И дружба и любовь»; Малороссійскій разсказъ: «Капеллія и переводная повъсть А. Дюма: «Женщина съ бархатной кокеткой». Разсказъ Кукольника очень интересень; дъйствіе повъсти его происходить въ царствование Екатерины II, эту любопытную эпоху въ исторіи ... Регистраторъ — извъстный анекдоть о сенатскомъ писцъ, разорвавшемъ нечаянно указъ, подписанный Государынею. происшествио г. Кукольникъ придалъ много интереса своимъ ровнымъ, легкимъ разсказомъ, но какъ намъ кажется, удачно присоединилъ къ историческому очерку любовь регистратора, родившуюся въ ту самую минуту, когда онъ отправляется вымаливать прощеніе у Великой Императрицы. Подобный исихическій анахронизмъ очень страненъ и совершенно неправдоподобенъ. Напрасно также авторъ сделаль изъ своего регистратора поэта. Историческій анекдоть во всей его простотъ быль бы, по нашему мнънію, гораздо занимательные всых поэтическихы украшеній, которыми г. Кукольникы обставиль свой разсказъ.

«Драматическая пословица» г жи Тальцевой читается легко, но всетаки это не болье, какъ болтовня, пожалуй, довольно веселая, однакоже лишенная жизни, дъйствія, естественности и, слъдовательно, занимательности. Дама любить кавалера, а сама думаеть, что только дружна съ нимъ — какъ это ново! Онъ хочеть уъхать, а она заставляеть его остаться — какъ это интересно! Такую пьесу, конечно не трудно сочинить, но что извлечеть изъ нея зритель и читатель? По нашему мнънію, только тоть результать, что вовсе не стоить писать и смотръть подобныя пьесы.

Разсказъ А. Дюма помъщенъ въ его сборникъ всъхъ страстей и ужасовъ, изданныхъ подъ названіемъ: «Mille et un fantomes». Впрочемъ, онъ былъ помъщенъ еще прежде въ сочиненіяхъ какого-то нъмецкаго писателя, хотя и разсказанъ нъсколько иначе. Н. И. Гречъ перевелъ эту повъсть въ своемъ «Разскащикъ» (Избранныя повъсти иностранныхъ авторовъ. Спб., 1832 г., 4 части). Исторія эта фантастическая. Нъмецкій студентъ, пріъхавшій въ Парижъ въ эпоху терроризма, находитъ у себя въ квартиръ женщину, съ которою встрътился

ночью на площади. По утру оказывается, что женщина эта была еще наканунъ гильотинирована, и когда студентъ развязываетъ черную бархатную ленточку, стягивавшую шею трупа, голова, отдъленная отъ тъла топоромъ гильотины, катится къ его ногамъ. Дюма вздумалъ съ чего-то разсказать, что событие это случилось съ Гофманомъ, знаме нитымъ нъмецкимъ писателемъ, приплелъ къ этому множество постороннихъ обстоятельствъ, впрочемъ довольно върно характеризующихъ гнусную эпоху 1793 года, ввелъ въ разсказъ фантастическаго доктора, прекрасную актрису и составилъ, однимъ словомъ, очень занимательную исторію, которая по русски читается также легко и съ удовольствіемъ, не смотря на то, что въ переводъ пропущены всъ побочныя обстановки разсказа. Въ повъсти г. Котляревскаго «Капеллія», замъчательны нъкоторыя черты, живо рисующія малороссійскую природу, но содержаніе ея очень пусто, и сверхъ того, она наполнена выраженіями, которыя авторъ считалъ можетъ быть натуральными, но которыя читатель назоветъ гораздо проще — тривіяльными. Вотъ образчики этихъ фразъ:

- Вы вѣрно гороху сегодня поѣли, что чушь такую заводите! говоритъ одинъ герой.
- Сорока-бъ вамъ накапала за это, Козьма Демьянычъ, говоритъ другой

Для кого и для чего вставляются въ разсказъ подобныя любезности? Для приданія мѣстнаго колорита малороссійскимъ повѣстямъ? Но послѣ этого, отчего не допустить въ печати и перебранку пьяныхъ мужиковъ, можетъ быть еще болѣе живописную.

Въ отдълъ «Наукъ и Художествъ» помъщены двъ статьи г. Дружинина «Джонсонъ и Боссвель», картина британскихъ дитературныхъ нравовъ во второй половинъ восемнадцатаго столътія. Въ двухъ статьяхъ этихъ описывается путешествіе по Шотландіи извъстнаго англійскаго писателя и его друга. Мы говорили уже, что статьи, составляемыя русскими авторами объ иностранныхъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ, всегда интереснъе переводовъ подобныхъ критическихъ оцънокъ, въ которыхъ переводчикъ не можетъ высказать своего взгляда на разбираемаго имъ автора. Но намъ кажется въ то же время, что публику нашу слъдуеть знакомить съ разборами писателей и произведеній, болье интересныхъ и извъстныхъ, нежели Джонсонъ и его пріятель. Соглашаемся, что заслуги Джонсона велики, какъ лексикографа и писателя, но единственно въ отношении къ его родинъ, — на остальную Европу онъ имълъ очень мало вліянія. Не мъшало, пожалуй, познакомить съ нимъ русскихъ читателей, но не следовало растягивать на несколько статей малоинтересную біографію писателя и еще менъе интересныя

похожденія его по Шотландіи. Авторъ обращаеть въ особенности вниманіе на то, что говориль Джонсонь во время этой поъздки, но и самыя цитаты эти мало занимательны и легко могутъ возбудить возраженія. Такъ Джонсонъ совътуеть брать съ собою въ дорогу книги, требующія умственной работы, потому - что романъ прочтется философская или математическая занять на долго. Не чистый - ли это парадоксъ? спрашиваемъ мы. Можно-ли вь дорогъ заниматься математикой, требующей особеннаго умственнаго напряженія? Кто мъшаетъ взять съ собой въ дорогу вмъсто одного романа — два или три? Далъе Джонсонъ не соглашается, чтобы арабы были честиве европейцевъ и въ отвътъ на разсказъ, что арабъ, взявшисъ проводить путника въ степи, скоръе самъ погибнетъ, нежели позволить его ограбить, — говорить: «Всякій солдать, котораго вы дадите мив въ провожатые — сдвлаетъ тоже». Конечно, но лексикографъ забываеть, что араба, ограбившаго путника, не только не накажуть его соотечественники, но даже оправдають его поступокь. Въ числъ непонятныхъ вещей, не основанных вни на какой доступной намо мысли, какъ выражается Джонсонъ не совстмъ ясно — онъ относитъ ръшение слъдующихъ вопросовъ: почему яйцо, при извъстной степени жара, производить цыпленка? отчего дерево растеть кверху, когда всякая вещь тянется книзу, вслъдствіе закона притяженія? Если-бы лексикографъ занимался естественными науками, то не сдълалъ-бы подобныхъ вопросовъ: изъ яйца развивается цыпленокъ, потому что онъ уже заключенъ въ немъ въ зародышъ, и для совершеннаго развитія его не нужно ничего, кромъ теплоты. Другое дъло, еслибъ опъ спросилъ, какъ развивается въ курицъ яйцо, вслъдствіе оплодотворенія. Что-же касается до втораго вопроса — почему дерево растетъ кверху — намъ даже странно незнаніе Джонсона, что центростремительной силъ подчиняются на землъ только неодушевленныя тъла, а растительное царство природы слъдуетъ напротивъ центробъжнымъ законамъ и растетъ не только кверху, но и книзу корнями и во всъ стороны. Также странно мнъніе его о томъ, что продукты изъ царства растительнаго гораздо чище продуктовъ, выдълываемыхъ изъ царства животнаго. «Если древесный сокъ попадется на руку, говорить онъ, мы не испытываемъ непріятнаго чувства, но запачкавъ палецъ жиромъ, неуспокоимся, пока не вытремъ его». Неужели по этому въ дегтъ пріятнъе выпачкать руки, чъмъ въ жиръ? Подобныя мнънія очень смъшны — и мы не видимъ ни малъйшей надобности упоминать объ нихъ. Они конечно не принадлежатъ автору статьи — но къ чему онъ приводитъ ихъ. Если для того, чтобъ показать ихъ неверность и странность, то для этого следуеть сделать оговорку. Мы-бы могли найти много подобныхъ мѣстъ въ статьяхъ г. Дружинина. Нѣкоторыя изъ его цитатъ до того темны и неостроумны, что ихъ странно встрѣчать. Просимъ объяснить, напримѣръ, для чего приведенъ подобный разговоръ:

Дэсонсонъ. Всѣ ваши пѣсни сѣверныхъ народовъ напоминаютъ мнѣ одну хорошую пѣсенку, сочиненную во время королевы Елисаветы; вотъ изъ нея отрывокъ:

Всъ лондонскіє парни, толстые и высокіе, стали кричать, что они готовы сражаться за Эссекса; радарату, радарата, радара, тадара, тадара, тадара.

Мистръ Макъ-Квинъ. Однако вы не желаете, докторъ Джонсонъ, отрицать красоты Оссіановыхъ твореній?

Джонсонъ. (смъясь). Да, да. Дадарату, радарата, радора, тадора.

Непостижимое остроуміе, съ которымъ можетъ сравниться развѣ другая острота Джонсона, казвавшаго герцогиню Арчайлъ — mpexv-буи-иунсною, потому—что она имѣла три титула, и на англійскомъ явыкѣ слова: titles — титла и tails слова почти—однозвучныя. (Чего мы, впрочемъ, не видимъ, потому—что гласныя втораго слова ai выговариваются какъ e, а i перваго—какъ $a\ddot{u}$, и сверхъ того въ первомъ словѣ есть буква t, которую никакъ нельзя проглотить).

Г. Дружининъ очевидно увлекается героемъ своихъ статей; онъ называетъ лучшею страницею изъ Джонсоновыхъ записокъ пустой и риторическій отрывокъ, котораго мы не приводимъ, боясь утомить читателей. Зачитавшись Джонсона, авторъ статьи начинаетъ самъ по временамъ выражаться напыщеннымь языкомъ à la Джонсонъ, писать вмъсто: шот ландцы — сыны Каледоніи и тому подобное, и наконецъ разсказывать такіе анекдоты, которые остаются совершенною тайною для читателей, нанримъръ:

«Вальтеръ-Скоттъ разсказываетъ забавный анекдотъ про сэръ Оллена. (Этотъ сэръ Олленъ имълъ дъла съ судебными лицами, и бывши въ гостяхъ у одного изъ своихъ друзей, спросилъ во время прогулки по берегу ръки, кому принадлежали расположенные на нейтри красивые домика. Оказалось, что хозяева ихъ были судьи или писцы). Мой другъ, сказалъ гость, повернувшись задомъ къ ръкъ, — ландшафтъ хорошъ, но сосъдство самое негодное, d—d neighbou hood! И вслъдъ за тъмъ онъ устремился прочь.»

Приглашаемъ всъхъ читатетей разгадать этотъ анекдотъ, и оканчиваемъ разборъ статей о Джонсонъ сожалъніемъ, что авторъ этихъ статей, обладающій дарованіемъ занимательнаго разскащика, выбралъ такой неинтересный предметь для бесёды съ читателями и находить сверхъ того необходимость растягивать этотъ разсказъ такими пустыми подробностями.

Въ февральской книжкъ «Вибліотеки для Чтенія», въ отдъль Наукъ, помъщена статья о Робертъ Броунингъ и англійской поэзіи послъ Байрона, извлеченная изъ «Revue des deux mondes», въ которой есть много интереснаго, но самая замъчательная статья этого отдъла (въ январской и мартовской книгахъ) — «Русская историческая литература въ первой половинъ девятнадцатаго въка», А. Старчевскаго. Мысль автора представить оцънку трудовъ всъхъ писателей о русской исторіи заслуживаетъ полнаго уваженія. Въ этихъ двухъ статьяхъ видна большая начитанность и самая похвальная, трудолюбивая дъятельность. Въ первой статьт разобраны сочиненія Муравьева, во второй: Сестренцевича - Богуша, Іоганна Буле и Ходаковскаго (Чернецкаго). Въ особенности интересны три послъднія біографіи. Въ первой части намъ кажется только, что авторъ уже слишкомъ распространился о литературныхъ заслугахъ Муравьева и дълаетъ изъ него очень много выписокъ. Такъ одинъ разборъ сочиненія Муравьева, сдъланный Батюшковымъ, занимаетъ девять страницъ мелкой печати, оцънка Виргилія — почти семь. Гораздо любопытиве было бы намъ прочесть выписки изъ сочиненій Сестренцевича, Буле и Ходаковскаго.

Въ отдълъ *Критики* разобрана «Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ», Неволина. Статья, раздъленная на три книги, написана г. Михайловымъ съ совершеннымъ знаніемъ дъла.

Аитературная Льтопись «Библіотеки для Чтенія» составляется тщательно и добросовъстно. Нъкоторые разборы блестять остроуміемъ и живостью, какъ напримъръ, разборъ книгъ: «Бытъ русскаго дворянина въ разныхъ эпохахъ и обстоятельствахъ его жизни,» «Юрій Милославскій,» «Хронологическій сводъ достопримъчательныхъ на земномъ шаръ событій,» «Законы о сохраненіи человъческой жизни.» Къ серьознымъ и замъчательнымъ разборамъ относится оцънка книгъ «Берегъ Понта Эвксинскаго» и «Начальныя основанія Физіологіи» Валентина.

Смъсь «Библіотеки для Чтенія» разнообразна и занимательна. Къчислу интересныхъ отнесемъ статьи: Гаррикъ, «Исторія дамы объ одной нерчаткъ,» «Майнасскій Индъецъ», «Историческій очеркъ Сербской Литературы, (двъ статьи, очень любопытныя, и къ сожальнію короткія), Рембрантъ и разборъ «Извъстій, издаваемыхъ отдъленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ». — Не можемъ сказать того — же о «Бюффонъ,» котораго очеркъ очень неполонъ и «Францискъ Маріи-Гроссе,» который уже черезъ чуръ

подробенъ. Для русскихъ читателей мало интереса въ біографіи второ степеннаго живописца, особенно, когда біографія эта разсказывается на двадцати двухъ страницахъ.

Мы не очень довольны также «Музыкальными Извъстіями, » помъщаемыми въ каждомъ номеръ «Библіотеки для Чтенія» и подписываемыми г. Ахматовымъ. Не знаемъ музыкальныхъ произведеній этого критика, но находимъ; что обо многихъ композиторахъ и операхъ онъ имъетъ совершенно превратныя понятія, противоръчащія общепринятымъ мнъніямъ. Конечно, охужденіе и похвала того или другаго музыкальнаго произведенія бывають часто діломъ вкуса и большей или меньшей музыкальной образованности и наслышанности (если можно такъ выразиться); но есть общія правила въ искусствъ, противъ которыхъ трудно возставать, особенно бездоказательно. Такъ г. Ахматовъ приходить въ совершенный восторгъ отъ оперы Верди «Нино» (Nabucco), называетъ ее превосходнъйшимъ производеніемъ, chef d'oeuvre, — и говоритъ, что у насъ эта опера имъла блестящій успъхъ. Между-тъмъ эта опера нигдъ не имъла блестящаго успъха; всъ музыкальные критики почти единогласно называють ее самымъ плохимъ изъ всъхъ произведеній Верди, а у насъ театръ не наполнялся и вполовину, когда давали эту оперу, и третій абонименть, которому ее довелось слышать нъсколько разъ, приходилъ отъ нея въ совершенное уныніе. Г. Ахматовъ, можетъ пожалуй находить, что «Свадьба Фигаро» — верхъ совершенства; въ этомъ случат у него есть, по крайней мтрт, авторитеть такт называемых классическихъ, ученыхъ музыкантовъ, но говорить, что «Линда» одно изъ лучшихъ произведеній Доницетти, въ этомъ онъ не увъритъ никого, кто сколько-нибудь знакомъ съ итальянской музыкой. Г. Ахматовъ выражается также иногда довольно странно въ своихъ музыкальныхъ критикахъ; такъ дъвицу Неруду онъ называетъ скрипачихой. Отчего же ужъ за одно не скрипачкой или скриписткой? Иногда также онъ передълываетъ довольно оригинально слова итальянскихъ арій. Не надо быть большимъ знатокомъ итальянскаго языка, чтобы не видъть въ фразъ: Assisa d'un pie salice — ровно никакого смысла. Это уже не опечатка, потому что здёсь переставлены слова самымъ забавнымъ образомъ.

Намъ очень жаль также, что въ Смиси «Библіотеки для Чтенія» не пом'вщаются бол'ве изв'встія о новыхъ ученыхъ открытіяхъ, которыя красовались постоянно столько л'втъ въ самомъ начал'в Смиси, и составлялись такъ популярно и занимательно.

Мы не упоминали еще о стихотвореніи, помѣщенномъ въ февральской книгъ «Библіотеки для Чтенія». Очень любопытно было бы узнать, по-

чему именно это стихотвореніе одно удостоилось чести быть пом'вщен ным'ь въ этомъ журналь? Неужели въ редакцій нівть ничего лучше «Амура-Игрока?» Или нівть ли туть какой-нибудь шутки, къ которымъ такъ привыкли читатели «Библіотеки для Чтенія.» В'вдь ув'тряль-же когда-то этоть журналь, что поэзій нівть на світть и, втроятно въ доказательство этого наполняль цілыя страницы стихотвореніями Гг, Бернета, Тимовеева Траума, Кропоткина и тому полобныхъ поэтовъ, давно позабытыхъ неблагодарными читателями. Сознаемся, что и теперь насъ сильно интригуетъ стихотвореніе г. Долина, поэта, столь-же мало-изв'єстнаго, какъ и выше приведенныя нами имена. Содержаніе этого стихотворенія состояніе въ томъ, что

На поцълуи въ кребсъ съ красавицей играя, Распреигрался купидонъ.

Результатъ игры вышелъ все тотъ же: простякъ проигралъ даже свою красоту. Красавица еще больше похорошъла, — неизвъстно отчего, а Амуръ подурнълъ

> И размышляючи сказаль: Ахъ! для чего съ красавицей играя. Повязки на глазахъ своихъ не удержалъ....

И все тутъ. Съ боку написано; Бессарабія 18... Послѣднія двѣ цифры года скрыты изъ предосторожности. Мы думаемъ, что за восьмью должны слѣдовать два нуля. Судя по предмету и по языку стихотворенія, предположеніе наше справедливо, и то если стихи написаны дѣйствительно въ Бессарабіи; тамъ еще можно допустить подобную версификацію. Не будь подъ нею подписи г. Долина, мы даже готовы были держать пари, что этотъ удивительный мадригалъ написанъ кн. Шаликовымъ и взятъ цѣликомъ изъ «Дамскаго журнала». Но тогда какой интересъ можетъ имѣть въ наше время это патріархальное стихотвореніе?...

Наконецъ, въ заключение нашего обзора «Библіотеки для Чтенія», мы должны поговорить и о «Письмахъ иногороднаго подписчика о русской журналистикъ» Признаемся, что мы исполняемъ эту обязаность не совсъмъ охотно. Иногородный подписчикъ уже оказалъ, какъ самъ увъряетъ, столько услугъ журналистикъ: съ тъхъ поръ, какъ онъ началъ присылать свои письма сначала въ редакцію «Современника,» а потомъ «Библіотеки для Чтенія», (о причинахъ такого переселенія изъ одного журнала въ другой подписчикъ, словоохотливый во всъхъ другихъ случаяхъ, упорно умалчиваетъ), съ тъхъ поръ русскіе журналы замътно улучшились, смъсь въ нихъ группируется гораздо лучше и проч. и проч. Онъ говоритъ между прочимъ самъ: «Не хорошо считать себя

выше своихъ братій по ремеслу — а иногда такое вредное убъжденіе надъляетъ писателя мягкостью, деликатностью и терпимостью. В Изъ этихъ словъ мы почему-то заключаемъ, что подписчикъ этотъ, несмотря на свою мягкость, деликатность и терпимость, очень самолюбивъ и пожалуй найдетъ, что нашъ Въстникъ прямое подражение его Письмамъ. Конечно, въ прошломъ нумеръ «Пантеона» мы говорили, что въ нашемъ журналъ нечатались обзоры русской журналистики, когда еще не быль изобрътень иногородный подписчикъ, - но иное самолюбіе ничъмъ не убъдишь, точно такъ, какъ насъ ничъмъ не уговоришь, напримъръ, что иногородный подписчикъ дъйствительно иногородный подписчикъ. Что онъ не иногородный, - это мы можемъ доказать тъмъ, что онъ часто разбираетъ наши журналы, въ то время, когда они не могли еще дойти ни въ какую провинцію; что онъ даже и не подписчикъ на журналы-этого мы не можемъ доказать оффиціально, но вполнъ убъждены въ этомъ. Впрочемъ, кто бы онъ ни былъ, пусть не думаетъ, что мы имъемъ желаніе завести съ нимъ полемику. Весьма во многомъ не согласны мы съ нимъ, а болбе всего въ его черезъ чуръ легкихъ, фельетонныхъ толкахъ о русскихъ журналахъ; но это не мъшаетъ намъ отдавать справедливость занимательности его писемъ и ихъ оживленному слогу. Но мы должны также разбирать его разборы и будемъ дълать это потому, что положили себъ за правило не пропускать ни одной журнальной статьи, замъчательной въ какомъ-бы то ни было отношении и высказывать объ ней все, что думаемъ. Авторъ Писемъ упоминаетъ, напротивъ, только о замъчательномъ. Посмотримъ теперь, о чемъ бесъдуетъ онъ съ читателями въ трехъ письмахъ, папечатанныхъ имъ въ нынѣшнемъ году.

Февральское письмо начинается весьма справедливыми сужденіями объ объщаніяхъ журналовъ вообще и «Сына Отечества» въ особенности. Похваливъ потомъ статью того-же журнала о пребываніи Говарда въ Херсони, подписчикъ — (мы оставляемъ за нимъ это званіе, не зная, какъ иначе назвать его), — переходитъ къ декабрьской книгъ «Пантеона» и недовольный пьесою—«Шалуны или Еще бъдовая дъвушка», осуждаетъ за одно почти всъхъ нашихъ драматурговъ, говоря, что они не имъли ни удачи, ни одобренія, ни славы, ни привъта. Ошибаетесь, господинъ подписчикъ. И Григорьевъ, и Кони, и Каратыгинъ, и Федоровъ, и Владиміръ Зотовъ, и другіе названные вами писатели имъли и привътъ, и удачу, и одобреніе и даже, если хотите, славу—конечно не при каждомъ произведеніи, но при очень многихъ. За что же вы такъ ръшительно и одиногласно осудили ихъ всъхъ? Никто не виноватъ, если вы не посъщаете русскаго театра и собираете

въсти объ немъ отъ людей, презрительно улыбающихся при имени каждаго драматическаго писателя, если это не Шекспиръ и не Гоголь. Можемъ увърить васъ, что если названные вами авторы не Шекспиры и не Гоголи, то по крайней мъръ каждый изъ нихъ трудился по мъръ силъ для сцены, и труды ихъ не забываетъ внимательная и благодарная публика.

Посл'в ръшительнаго приговора нашимъ драматургамъ, подписчикъ входитъ въ свою сферу, толкуетъ о романъ, который написанъ имъ въ сотрудничествъ съ другими джентльменами и который самъ подписчикъ называетъ шалостью, помня, въроятно, что уничижение паче гордости; разсказываетъ о Просперъ Мериме, о Шекспиръ, первой книжкъ «Москвитянина», стихотвореніяхъ г. Щербины и въ заключеніе нъсколько словъ объ отчетахъ за прошлый литературный годъ. Все это написано легко, легко читается, легко забывается, наполнено лишними цитатами и отступленіями, вовсе не относящимися къ русской журналистикъ, но вообще довольно оживлено.

Мартовское письмо начинается разсуждениемъ, совершенно не идущимъ къ дълу-о красотъ героинь романа. Вооружаясь противъ мнъній одного фельетониста, авторъ доказываетъ необходимыя красоты въ героинъ романа, на что, впрочемъ, не зачъмъ было тратить много красноръчія, какъ на предметъ, который было бы даже странно оспаривать. Потомъ подписчикъ дълаетъ нъсколько легкихъ, но совершенно справедливыхъ замѣчаній г-ну Панаеву по поводу его повъсти: «Львы въ провинціи»; туть-же, кстати, следуеть длинное разсуждение о Бальзаке и не совсъмъ кстати — объ англійскомъ путешественникъ Филипсъ. Далъе слъдують выписки изъ «Москвитянина» съ анекдотами о Потемкинъ, и наконецъ переходитъ къ «Пантеону». Отдавая справедливость его наружному виду, подписчикъ разбираетъ комедію «Гдв медъ тамъ и мухи». Разборъ этотъ довольно страненъ по своему топу. Такъ авторъ говоритъ, «что старуха посреди бала падаетъ безъ чувствъ, можетъ быть въ летаргическое усыпленіе, непомню въ подробности». Но кто-же мъшалъ подписчику заглянуть въ книгу, чтобы узнать эти подробности? Не думаемъ, чтобы подобные разборы можно было назвать критикой. Гораздо внимательнъе и добросовъстиъе разобраны «Согденскія скалы», хотя объ нихъ подписчикъ уже очень распространился. Черезъ чуръ подробный разсказъ о содержаніи какой-нибудь статьи иногда доказываеть только желаніе наполнить побольше страниць въ печати. Излишняя плодовитость также неумъстна въ критикъ, какъ и излишняя сжатость. Письмо оканчивается длинными толками по новоду Тикноровой исторіи испанской литературы

О январскомъ письмъ мы скажемъ только нъсколько словъ: намъ ръшительно не понравилось, потому-что въ немъ авторъ толкуетъ болъе всего о самомъ себъ. Конечно, ему было очень пріятно путешествовать и нить воду Нарзана, пріятно даже разсказывать объ этомъ, но вопросъ въ томъ, пріятно ли это знать и слушать читателямъ? Въ этомъ письмъ личность автора проглядываетъ на каждомъ шагу. Заговоритъ ли онъ о повъсти г. Григоровича «Мать и дочь», и тутъ тотчасъ переходитъ къ тому, что зналъ одного медика, собиравшаго секреты знахарей, который разсказаль двъ любопытныя исторіи автору, потомъ онъ познакомился съ человъкомъ, хорошо знавшимъ покойнаго Лермонтова; даже горцевъ авторъ называеть безъ церемоніи своими друзьями. Все я, да я! Въ концъ письма-разборъ «Комика» г. Писемскаго и нъсколько варьяцій на тему, «что журналистовъ и литераторовъ давно уже обскакала и сбила съ ного лучшая часть публики», метафора, пающая развъ глубокомысленно-утомительнымъ разсужденіямъ о красотъ стихотворенія «Кондукторъ и Тарантуль», помѣщенномъ въ этомъ же письмъ.

Мы потому распространились о «Письмахъ иногороднаго подписчика», что въ послъднее время объ нихъ возникло нъсколькотолковъ. Они имъли успъхъ въ извъстной части публики; ихъ живой слогь, безпрестанныя отступленія, переходы отъ одного предмета къ другому, фейерверкъ фразъ, — все это, особенно въ первое время, могло понравиться. Въ авторъ видны были начитанность, мъстами веселость и юморъ. Другіе находили, конечно, въ этихъ письмахъ одну болтовню, частыя повторенія одного и тогоже, ольдныя мысли, разбавленныя въ океань лишнихъ словъ, фразы громкія, но пустыя, недостакокъ зрѣлости сужденій и знанія литературы. Не принадлежа къ числу подобныхъ слишкомъ строгихъ судей, мы однако-же не можемъ умолчать, подписчику отчасти справедливы, также какъ и похвалы его поклонниковъ. Мы не отрицаемъ въ немъ ни дарованія, ни интереса въ его нисьмахъ. Намъ кажется только ложнымъ избранный имъ родъ, полуфеля етонный, себялюбивый, небрежный, съ большими претензіями, безъ уваженія къ литератур'в и къ своему занятію. Авторъ страшно субъективенъ, говоря языкомъ философскихъ школъ. На каждомъ шагу кажется, что онъ воздвигаетъ себъ монументъ тверже металловъ и превыше пирамидъ, что иншетъ авто - біографію. Авторъ много читаетъ — но неужели необходимо въ разборъ русскихъ журналовъ втискать во что бы-то ни стало-все, что когда-нибудь прочелъ и гдв-нибудь услышаль? Очень рады, что авторъ знаетъ англійскій языкъ, но неужели для этого необходимо въ каждое письмо вклеивать неизбъжнаго Джеффри, Маколея, Адлисона, Эммерсона, толковать каждую минуту о джентльменствъ, называть дамъ — не иначе какъ леди, ихъ гостиныя — drawing-room, хорошо воспитаннаго человъка а well-bred gentleman. Право, въ наше время знаніе англійскаго языка вовсе не такая ръдкость, чтобы на ней выъзжать, какъ на любимомъ конькъ, въ каждомъ изъ двадцати семи писемъ, противъ господъ, не имъющихъ счастья понимать гармоніи великобританскаго діалекта. Мудрено ли послъ этого, что авторъ по временамъ и на русскомъ языкъ впадаетъ въ энглищизмъ, а цитируя французскіе стихи, дълаетъ ошибки противъ версификаціи, переставляя слова въ извъстныхъ стихахъ Гюго:

Quelques uns en haine, et le reste en mépris.

BMBCTO:

En haine quelques-uns-et le reste en mépris.

Но довольно объ этихъ письмахъ. Авторъ ихъ видимо доволенъ ими, — и всъ наши слова будутъ напрасны. Мы напоминаемъ ему только, оканчивая нашу статью, тоже, что сказали въ началъ ея объ успъхъ Житейской Школы..

Теперь перейдемъ къ нашимъ музыкальнымъ новостямъ.

Должно согласиться, что концертный сезонъ этого года гораздо разнообразные прошлогодняго: вы прошломы году быль одины фокусникь—
г. Сеймуры-Шифы, а вы настоящемы ихы столько, что и не перечтешь! Германы, Беккеры, Молдуано ... и всё они морочаты публику, право, не хуже ныкоторыхы артистовы. Фокусники и микроскопическіе артисты убили окончательно концерты вы Петербургы! Концерты потеряли кредить; самое это слово представляется уму петербургскаго жителя не иначе, какы вы формы трехы-рублевой бумажки, вытягиваемой изы вашего кармана посредствомы разнаго рода новоизобрытенныхы инструментовы и пріемовы. Вы прощальномы концерты Вьетана, — театры пусты; выконцерты талантливаго Рубинштейна — тоже; юбелей Филармоническаго Общества — встрычены равнодушіемы. «Быда, быда! кричаты артисты: фокусники губяты насы, жить не даюты!

Холодность публики къ музыкъ, однако, не избавляетъ насъ отъ обязанности упомянуть о замъчательнъйшихъ концертахъ настоящаго сезона. Мы должны начать довольно издалека — именно съ концерта Серве, бывшаго зимою, на короткое время, въ Петербургъ. Репутація Серве, твердо установлениая во всей Европъ, не подлежитъ нынъ спорамъ. Это доведеное до совершенства пъніе на віолончели, преодольніе трудностей самыхъ поразительныхъ, страстная, драматическая игра, невольно завладъвающая вашимъ вниманіемъ, — слишкомъ извъстны публикъ,

чтобъ распространяться о нихъ. Скажемъ только, что — вопреки мнънію нъкоторыхъ критиковъ — мы ръшительно не замътили, чтобы талантъ Серве въ чемъ-нибудь понизился: ero Concert militaire, съ этими превосходными стаккатными нассажами, и двъ фантазіи въ романтическомъ характеръ, — оригинальны до нельзя и были исполнены имъ съ обычнымъ совершенствомъ. Нътъ! Серве все-таки единственный въ своемъ родъ віолончелисть и не имфеть, сколько намъ извфстно, соперниковъ. Если нападать на Серве за его романтическія выходки, — то мы зам'тимъ, что романтизмъ съ классицизмомъ помирить -самая трудная задача въ міръ. Если ультра-романтическія выходки называть шарлатанизмомъ, то должно замътить, что и спокойствіе классическаго исполненія нынъ не внолить удовлетворяетъ. Вините въ этомъ направление времени и музыки, которая постоянно стремится къ драматизму. композиторы стараго времени гораздо спокойнъе и чевозмутимъе новыхъ, переходъ къ которымъ составляетъ Моцартъ, а кульминаціонную точку — Веберъ и Бетховенъ. Гендель и Гайдиъ еще не знаютъ тъхъ сильныхъ порывовъ души, тъхъ общеныхъ страстей, тъхъ мрачныхъ и разочарованныхъ мечтаній, въ изображеніи которыхъ такъ искусны Бетховенъ и Веберъ. Воть почему первые требують отъ исполнителей меньше драматизма въ акцентуаціи, меньше ръзкихъ переходовъ, меньше сильныхъ контрастовъ и, напротивъ, болъе спокойствія, мягкости, наивности, добродушія: не станете же вы декламировать греческую трагедію на манеръ трагиковъ, образовавшихся въ романтико-драматической школъ Шиллера. Это относится къ исполнению стараго стиля, но оглянитесь кругомъ, что это за сила, сила непреодолимая, которая влечетъ музыку по нути драматизма? Она выразилась вполнъ въ Бетховенъ, Веберъ и Мендельсонъ-Бартольди, создала Мейербера и истощила себя въ Берліозъ и ... Верди. Такое постоянное, изъ поколънія въ покольніе переходящее стремленіе, должно быть необходимо закономъ искусства: въ этомъ отношеніи исторія развитія музыки тождественна съ исторіей развитія всъхъ искусствъ вообще; — всъ начинали съ лиризма, чтобы придти въ свое время къ драматизму. Въ поэзін, въ ваянін, въ живописи, всюду одно и тоже явленіе и всюду одинъ и тотъ-же результатъ. Искусство идетъ впередъ: одно начало его, — начало развитія — романтизмъ, другое — начало statu quo — классицизмъ — и до сихъ поръ никто еще не помирилъ ихъ. Беріо пытался, въ сферѣ скринки, сочетать широкій стиль Віотти съ романтическими выходками Паганини и не успъль въ этомъ. Ученикъ его, Вьетанъ, сдълалъ болъе, чъмъ ктолибо на этомъ пути, но и то, по натуръ своей, онъ болъе спокоенъ, холодень: въ игръ его есть душа, но душа, такъ-сказать, механи-

ческая, пріобрътенная внъшнимъ упражненіемъ, но не внутреннимъ побужденіемъ У Вьетана изъ-за строго-спокойной фигуры Віотти часто выглядываетъ щеголеватый, поверхностный, въчно-одътый въ бълыя перчатки учитель его. На второй недаль поста Вьетанъ даваль свой прощальный концертъ, о которомъ мы поговоримъ далъе; здъсь же должны, по старшинству времени, упомянуть по концерт' въ пользу г. Алари, въ которомъ была исполнена значительная часть «Stabat-Mater » Россини. Большая часть артистовъ Итальянской Оперы участвовали въ этомъ концертъ, данномъ въ Большомъ-Театръ: весь итальянскій репертуаръ промелькнулъ передъ нами въ быстрой пано рамъ, но — займенся сперва «Stabat-Mater», — замъчательнымъ во многихъ отношеніяхъ созданіемъ, на которомъ однако видна печать новаго стиля музыки. По нашему мнівнію «Stabat-Mater» Россини служить самымъ лучшимъ доказательствомъ упадка церковной музыки Художникъ положилъ къ подножію религіи всв изящныя искусства и сочеталь ихъ въ одной общей идев. Поэтому, немудрено, что Италія произвела лучшія произведенія церковной музыки. Въ лицъ Палестрины церковный стиль достигь своей апогеи и всъ, нъсколько знакомые съ произведеніями этого великаго маэстро, согласятся, что выше его не было ничего произведено въ этомъ родъ. Но періодъ процвътанія итальянской церковной музыки скоро прекратился; драматическая музыка начала вторгаться въ капеллы, строгій стиль смінился опернымъ и скоро за Палестриной, Аллегри и другими, остался одинъ историческій и эстетическій интересъ. Знакомые съ внутреннимъ бытомъ Италін XVII и XVIII стольтій, поймуть, какъ естественно могла совершиться эта перемъна. Въ то время, какъ въ Италін совершалось распаденіе единства и концентрированія убъжденій, германская церковная музыка вошла въ стезю чистоты и строгости, въ которой привлекла къ себъ сердца. Въ Германіи, посреди конечнаго упадка церковной музыки, возникла эта музыка съ новой силой, энергіей и жизнью. Гайднъ и Моцартъ совершили это возсозданіе. «Если дѣло нейдетъ на ладъ, то я беру четки, прохаживаюсь по комнать и начинаю молиться; тогда мит снова являются мысли;» — «Никогда не быль я такъ счастливъ, какъ въ это время, когда писалъ мое «Сотвореніе Міра», каждодневно падалъ я на колена передъ Господомъ и молилъ дать мив силы, для счастливаго окончанія предпринятаго творенія». Эти слова принадлежать Гайдну и, конечно, никто въ современной ему Италіи не имълъ такой теплой въры. Церковная музыка Гайдна проникнута любовыю; другому чувству въ ней нъть мъста. И такъ возсоздание церковной католической музыки въ Германіи достаточно объясняется личными

характерами, индивидуальностью Гайдна и Моцарта. Но эта возсозданная музыка получила особенную силу и мощь отъ столкновенія съ протестантской. Въ протестантизмѣ недоставало всегда содержанія для искусства и средоточія для церковной музыки. Вотъ почему духовная музыка лютеранъ искала себѣ жизни внѣ церквей: она проявилась въ кантатахъ и ораторіяхъ, и столпы ея—Бахъ и Гендель. Тогда протестанстская музыка ухватилась за фугу и разработала ее до той степени художественности, на которой мы видимъ ее въ произведеніяхъ Генделя и Баха. Стиль этотъ можно сравнить съ стилемъ готической архитектуры, въ которомъ вся разработка мелочныхъ частностей ведетъ къ приведенію въ рельефность, къ развитію главной мысли, главной задачи. Изъ соединенія этого стиля съ стилемъ Палестрины возникъ церковный стиль Моцарта, образецъ котораго можно видѣть въ его безсмертномъ «Реквіемѣ».

Въ то время, какъ Германія созидала снова католическую музыку, Италія все болье и болье уничтожала ее, замьняя строгій стиль — опернымъ. Въ настоящее время усилія ея на этомъ поприщь увънчались полнымъ усивхомъ. Россини, какъ и всь, покорился требованіямъ вкуса. Нечего и говорить, что исполненіе его въ концерть Алари было прекрасно.

Теперь переходимъ къ прощальному концерту *Вьетана*. Этотъ великій скрипачь составилъ первую часть его изъ новаго (манускритнаго) концерта en $r\acute{e}$.

Начало концерта — чисто виртуозное. Такъ понималъ его Корелли, давшій ему ту форму, которая держалась до 1760 года. По этому опредъление Сульцера совершенно справедливо въ нъкоторомъ отношеніи: «форма концерта, говорить онь, должна стремиться дать искусному исполнителю возможность показать себя, то есть, обнаружить механическое проворство, такъ, что концертъ въ сущности можетъ быть названъ публичнымъ упражненіемъ, въ которомъ играющій и слушатель докучаютъ другъ другу». Слова эги были справедливы въ свое время, но съ тъхъ поръ сфера концерта разширилась: Віотти открылъ новое поприще, по которому смело пошель Бетховень въ своихъ чудныхъ концертахъ для фортеньяно. Съ тъхъ поръ, какъ въ XVIII стольтіи возникло фортеньяно, какъ инструментъ виртуозный, композиторы пришли въ затрудненіе: скрипичные концерты имѣли опредѣленную физіономію; скринка выводила мелодію и дълала мелодическіе пассажи при акомпаньеманъ оркестра; но, что прикажете дълать оркестру при инструментъ, уже по себъ акомпанирующемъ? Ничтожные въ симфоническомъ отношеній концерты Клементи и Дюссека показали, что

должно пробить новый путь. Съ первыхъ своихъ фортепьянныхъ концертовъ, Бетховенъ указалъ этотъ путь и стоитъ только просмотръть коллекцію его концертовъ въ изданіи Мошелеса, гдѣ они собраны вмѣстъ, чтобы понять всю опредъленность новаго направленія. Уже въ концертахъ Дюссека виртуозность начала подчиняться музыкальности: Бетховенъ поставилъ музыкальность во главу или, точнъе, дивно сочеталъ ихъ между собою. У Бетховена оркестръ вышелъ изъ нассивной роли акомпаньятора: солисть передаеть ему свои ощущенія; тоть или сочувствуетъ имъ въ коротенькихъ имитативныхъ фразахъ, усиливаетъ выраженіе, или противорѣчить имъ. Задача драматическая окончательно вытъснила одно виртуозное направленіе. Очевидно, что этотъ новый родъ концерта имъетъ много сходства съ трагедіей древнихъ, въ которой актеръ выражаль свои ощущенія не партеру, а хору, вмъшивавшемуся въ дъйствіе и одобрявшему или хулившему, по произволу автора. Въ настоящее время, это направление достигло своего крайняго предъла, преимущественно въ сферъ фортеньяно, и новъйшіе композиторы сообщили концерту строгое единство симфоній. Слово «концертъ» уже не шло къ произведеніямъ этого рода и Листъ, генію котораго предназначено все пересоздать въ сферъ фортепьянной игры и музыки, -назвалъ свое оркестровое произведение съ концертирующимъ фортеньяно-«Fantaisie symphonique».

Это-то современное направление фортеньяннаго концерта внесъ Вьетанъ въ концерты скриничные. Первый изъ своихъ концертовъ этого новаго рода, Вьетанъ назваль симфоніей съ облигатной скрип-Уже самое заглавіе обозначаеть ръдкую у виртуозовъ кой (1840). заботу о сочетаніи виртуозности съ музыкальностью и величественная роль, которую онъ далъ здёсь скринкт, вполнъ достойна похвалы и ува Настоящій концерть (en $r\acute{e}$) крайне замѣчателень т \rlap тми-же самыми достоинствами. Музыкальныя идеи его возвышенны, довольно развиты, на сколько позволяла форма концерта, и всѣ виртуозные пассажи музыкальны. Если нельзя назвать Вьетана изобрътателемъ этого рода («Gesangscene» Шпора и G-мольный концертъ Мендельсона-Бартольди имъютъ старшинство), то должно сказать, что ему обязана музыка развитіемъ его. Вьетанъ покидаетъ насъ, но, надъемся, не навсегда.

Къ концертамъ нынѣшняго года надо причислить и появленіе двухъ дѣвушекъ, сестеръ Дулькенъ, которыя возбуждали удивленіе англичанъ п теперь дивятъ петербургскую публику. Инструментъ одной изъ нихъ порусски называется гармоникой, а повѣжливѣе концертиномъ. Это тотъ самый ящикъ съ клапанами и мѣхомъ, на которомъ наше простонародіе на

всёхъ перекресткахъ наигрываетъ Комаринскаго и «Какъ у нашихъ у воротъ». Надо действительно дивиться совершенству, до котораго младшая Дулькенъ довела игру на этомъ снарядъ, но не менъе того, снарядъ оттого не становится музыкальнымъ инструментомъ и игра на немъ не можетъ быть сочтена виртуозностію. Поэтому мы концерты Дулькенъ причисляемъ также къ фокусамъ и болъе къ зрълищамъ, чъмъ къ музыкъ.

Старшая сестра Дулькенъ, Софія, пьянистка, не выходящая изъ ряда вседневныхъ явленій; она играетъ бойко, смѣло, но и только. Меньшая, Изабелла, лѣтъ шестнадцати, упражняется на гармоникъ съ клапанами, инструментъ, употребляемомъ въ пашемъ простонародіи и, для большей важности, названномъ на афишкъ — концертиною. Слушая игру Изабеллы, невольно жалѣешь, что она не избрала другаго, болѣе благодарнаго музыкальнаго поприща. Теперь на нее смотрятъ, какъ на диковинку, тогда ей дивились бы, какъ музыкальному генію, потому-что геній этотъ въ ней есть и даже въ неуклюжемъ, неполномъ и антигармоническомъ ея инструментъ просится наружу. Въ игръ видна душа теплая, увлекающаяся. Само собою разумѣется, что появленіе подобной концертистки возбудило у насъ удивленіе — въ артистахъ, и восторгъ въ немузыкальной части слушателей, но и то и другое не можетъ быть продолжительно и никогда не послужитъ основою прочной славы артистки.

Изъ новыхъ музыкальныхъ изданій, мы спѣшимъ указать на прекрасный романсъ «Богъ съ вами!» соч. О. Дютча. Поводомъ къ этому романсу послужили простыя слова Н. П. Грекова:

Я такъ любилъ васъ, ангелъ мой прекрасный,
Что душу всю былъ вамъ готовъ отдать;
Я думалъ, что люблю васъ не напрасно,
И начиналъ о счастьи ужъ мечтать!
Но осужденъ я былъ жестоко
За исповъдь безумную мою,
Увы! съ тъхъ поръ я понялъ васъ глубоко...
Богъ съ вами! я васъ больше не люблю.

Г. Дютчъ написалъ музыку граціозную, полную чувства и драматизма, съ самыми оригинальными переходами. Вообще дъятельность этого композитора изумительна! Въ теченіе прошлаго мъсяца, кромъ упомянутаго нами романса, онъиздалъ «Немполитанскую Тантареллу», прекрасную большую пьесу для фортепьяно; мастерски составленный «Вальсъ изъ цыганскихъ пъсенъ»; «Кадриль» изъ лутчихъ мотивовъ новой оперы «Андорская долина» и граціозную «Sophie-Polka». Всъ эти пьесы носять на себъ яркую печать таланта оригинальнаго и живаго и всъ указываютъ на техническое совершенство въ авторъ.

Очень пріятное также явленіе романсь: О будь опять, какъ ты былъ прежде!» соч. молодой пъвицы, Въры Францовны Вителяро Сколько намъ извъстно, это первый опытъ артистки на поприщъ лирической композиціи, но опыть до того удачный, что можно пожелать, чтобы последовали за нимъ многіе другіе. Братъ ея, известный уже композиторъ и одинъ изъ лучшихъ нашихъ учителей пънія, Н. Ф. Вителяро подариль публику также романсомь: «Вопль души». Знатоки находять въ немъ значительныя музыкальныя достоинства. Одинъ изъ любимъйшихъ нашихъ романсеро - г. Дерфельдъ, въ сочиненіяхъ котораго всегда такъ много простоты и задушевности, также выпустилъ въ свътъ три романса: «Ты не жди меня, моя милая!» «Пъснь цыгана», и «Разлюбила красна дъвица». Всѣ три написаны въ русскомъ народномъ стилъ и составлены съ большимъ вкусомъ. Г. Константинъ Аядовъ, уже такъ извъстный нашей публикъ по своимъ танцамъ, которые, еслибъ ихъ всъ собрать вмъстъ, одни могли бы наполнить цълую музыкальную библіотеку, никогда не упустить случая воспользоваться современностію и схватить каждую прихоть моды за какой-нибудь кончикъ, не смотря на самый быстрый ея полеть. Давно ли у насъ давали балеть «Веръ-ВЕРЪ» — и вотъ уже услужливый К. Лядовъ подаетъ вамъ изъ него «Вальсъ, Кадриль и Польку!» Excusez du peu! Онъ надълаль бы вамъ изъ этого балета, который уже промелькиулъ въ ръку забвенія, еще десять мазурокъ, галопповъ, редовъ, но его влекутъ другіе минутные интересы — бенефисъ Пальмиры Анато, восторгъ, возбуждаемый Пальмирою, грація Пальмиры, ему надо же выразить все это музыкальнымъ наръчіемъ и вотъ онъ подносить вамъ «Радмуке-А мато-Кадриль» самую свъженькую, животрепещущую, съ иголочки, такъ и отзывающуюся литографическимъ станкомъ и другими, болъе существенными, признаками крайней поспъшности. Г. Лядовъ, несомнънно, талантъ; это артистъ, отъ котораго Россія виравъ была бы ожидать много хорошаго, дёльнаго, послё многихъ явныхъ свидётельствъ его дарованія, полнаго силы и воспріимчивости; но глядя на эту страсть гоняться за маленькими прихотями моды, за миленькими бездёлушками минутнаго увлеченія, мы серьозно начинаемъ опасаться, чтобъ эти ожиданія не были обмануты. Таланть, который размельчается на игривые пустячки, съ быстротой и поспѣшностью, не допускающими ни обдуманности, ни технической отдълки, подъ конецъ непремънно долженъ утратить свою энергію и способность къ созданіямъ болье важнымъ и значительнымъ. Отъ души желаемъ, чтобы выплясывая подъ модные звуки кадрилей и полекъ г. Лядова, мы обманулись въ нашихъ грустныхъ для искусства предположеніяхъ и вскор'в нашли бы случай прив'ьтствовать композитора съ серьезнымъ усивхомъ, потому-что глубоко уважаемъ его творческое дарованіе, которому безпрерывныя легкія заимствованія изъ чужаго, мёшаютъ развиться самобытно и проявить свои собственныя силы. Вотъ, г. Шнецингеръ совсёмъ не таковъ: это солидный нёмецъ, мечтатель по природё и поклонникъ красоты — по вкусу. Онъ не гоняется за чужими усибхами, онъ восибваетъ свои кумиры, подъ видомъ Каролинъ, Эрнестинъ, Жозефинъ, Серафинъ и восибваетъ ихъ самыми уноительными вальсами. Въ нынёшнемъ мёсяцё онъ издалъ «Ѕекарнімем-Walzer» и «Јоѕернімем-Walzer» и оба они цёлыя поэмы любви, нёги, упоенія, восторговъ и самыхъ сладостныхъ мечтаній. Г. Шнецингеръ — явный подражатель Штрауса, Ланнера и Лабицкаго, но подражатель сёверный, съ свойственными ему гиперборейской тяжелой подвижностію и меланхолією. С'est dansant et c'est joli. *

Къ этимъ музыкальнымъ новостямъ присоединимъ «Арію, написанную г. Оберомъ для знаменитой Альбони», которую мы только-что выписали изъ Парижа и спѣшимъ приложить къ «Пантеону», съ русскимъ переводомъ. Оберъ неистощимъ въ своихъ мелодіяхъ, это единственный изъ современныхъ композиторовъ, который всегда умѣетъ быть свѣжимъ и оригинальнымъ — въ легкой музыкъ. Арія, о которой мы говоримъ, имѣла огромный успѣхъ въ Парижѣ и дѣйствительно принадлежитъ къ числу самыхъ блистательныхъ твореній плодовитаго автора. Туть есть все: и мелодія, и вкусъ, и чувство и главное — эстетическая простота.

Между тыть, какъ концерты пустыють, — нашь прекрасный Циркъ наполняется публикой и разнообразить свои представленія до нельзя. Бенефись г. Каропа, одного изъ искусныйшихь берейторовь и изъ лучшихь учениковь знаменитаго Боше, доставиль намъ случай отдать еще разъ дань справедливаго удивленія чудному искусству, съ которымь онъ объызжаеть лошадей. Г. Каронъ — человыкъ, посвятившій себя вполить своимъ занятіямь и выполняющій свое дыло добросовыстно: Быюти, Взаимпое обученіе (Полька и Джауръ) и Волоитеръ, — не говоря уже про другихъ лошадей, знакомыхъ публикъ, — показали, до какихъ утышительныхъ результатовъ доводить лошадей выйздка но той методъ, которую создаль Боше. Въ самомъ дыль должно-же быть что-нибудь хорошее въ методъ, которая, въ какія-нибудь двадцать лыть, перемынила радикально убъжденія старой берейторской науки! Прежде

^{*} Вев эти новости продаются у издателя ихъ, г. Деноткина, на Невскомъ Проспектъ, въ домъ Демидова.

вы вздка кровных в лошадей для высшей школы взды считалась двломъ невозможнымъ; нынъ-же — берейторы, по методъ Боше, отчасти измъненной въ практическомъ примъненіи, преимущественно себъ для выъздки именно кровных пошадей, потому-что находять въ нихъ силу и упругость мускуловъ, необходимую для взды. Вся метода ихъ основана на раціональныхъ началахъ, которыхъ нътъ никакой возможности поколебать. Лошадь, владъя всъми своими средствами защиты (сопротивленія), всегда сильнъе человъка; поэтому первое дъло объъздчикалишишь лошадь возможности сопротивленія. Сопротивленіе какого-бы то ни было тъла уничтожается, отнявъ у него точку опоры; точка опоры лошади, въ сопротивлении ея набаднику, находится въ мускулахъ шеи и отчасти въ нижней челюсти; отсюда очевидно вытекаетъ заключеніе, что навздникъ лишитъ лошадь совершенно способовъ защиты, смягчивъ, посредствомъ сгибаній (flexions) шейныхъ мускуловъ. Результатъ изъ этого будетъ такой: во первыхъ, уничтожение защиты и сопротивления, черезъ которое наъздникъ получить правственное вліяніе на лошадь, и во вторыхъ, возможность быстро управлять лошадью, передавая ей свою волю. Мы сказали-правственное вліяніе: оно велико и въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, инстинктъ лошади необыкновенно тонокъ: стоитъ ей только разъ нересилить навздника, — и лошадь испоресли не навсегда, то на долгое время. Здъсь всъхъ дурныхъ привычекъ лошади: это такъ справедливо, что $oldsymbol{E}_{bio}$ mu, такъ поразившая насъ своей превосходной вы \mathfrak{s} здкой, — была забракована какъ испорченная и ни къ чему не годная. Лошадь, находится во власти навадника, но онъ защить своихъ, еще можетъ заставлять ее исполнять всв движенія и это по очень простой причинь: попробуйте заставить человька, тяжесть корпуса котораго лежить на какой-нибудь одной сторонь тьла, - поднять ногу, соотвътствующую этой сторонъ. Для произведенія этого движенія, ему нужно будетъ предварительно перенести тяжесть корпуса на другую сторону, а это перемъщение можетъ совершаться гораздо быстръе и удобиће, если тъло обыкновенно находится въ равновъсіи, не налегая ни на ту, ни на другую сторону. Ръдкія лошади имъють отъ природы правильное положение тела и равномерное размещение силь и тяжести, позволяющее имъ свободно производить всъ движенія. Находя такихъ лошадей, — берейторы старой школы вызажали ихъ; въ противномъже случат забраковывали, не зная, что всякой лошади можно сообщить, посредствомъ соотвътствующихъ упражненій, правильное положеніе тъла. Это достигается посредствомъ собиранія (ramassé). Когда лошади дано естественное положение и тяжесть ея и силы уравновъшены и собраны

въ центръ, — такъ-что могуть быстро переноситься на всъ пункты, — то объъздчикъ можетъ требовать отъ лошади всевозможныхъ движеній, ставя ее, перенесеніемъ тяжести тъла, въ такое положеніе, чтобы она физически не могла произвести другаго движенія, кромъ того, которое требуется. Это уравновъщиванье тяжести тъла приводитъ къ изумительнымъ результатамъ: такъ, напримъръ, вы можете вдругъ заставить лошадь произвести такія движенія, о которыхъ она до минуты вашего требованія не имъла ни малъйшаго понятія.

И такъ, уничтожение точки опоры, сопротивления и уравновышиваные тяжести тыла лошади - воть два простыя, основныя правила, къ которымъ приводится вся новая метода. Тъмъ не менње практическое примљнение этихъ правилъ требуетъ ума опытнаго, наблюдательнаго, хладнокровнаго, терпъливаго и большой энергіи и силы воли, - качества, необходимыя для того, кто пожелаеть дрессировать лошадей по новой методъ. Этими-то качествами обладаетъ въ высшей степени г. Каронъ. Существенная польза новой методы вывздки заключается, во первыхъ, уже въ томъ, что то, на что, по старой методъ, требовались годы, — производится ею въ нъсколько мъсяцевъ. Но это — польза второстепенная; главная-же польза методы, заслуживающая вниманіе — заключается воть въ чемь: по этой методы, всякая лошадь, неимпющая какого-нибудь кореннаго порока организаціи, —вывъзжается для всякой взды. Такимъ образомъ, бракт въ лошадяхъ, назначаемыхъ для вытядки — совершенно почти уничтожается. Извъстно, какъ дорого обходилась Наполеону всякая выдрессированная для него лошадь: иногда до сорока лошадей покупались за большія деньги и продавались за безцінокъ, прежде, чімь добивались одной, съ правильнымъ положеніемъ тёла, способной къ вытадкт подъ него.

Блестящіе результаты новой методы видъли мы въ бенефисъ г. Карона. Новыя штуки лошади Бьюти, изумили всъхъ своей трудностью: эти курбеты, лансады, капріоли, стягиванье четырехъ ногъ къ центру и растягиванье ихъ, — превосходятъ всякое въроятіе. Двъ лошади — Джяуръ и Полька — дрессированныя на свободъ и исполняющія самыя сложныя движенія, также замъчательны: особенно трудна и опасна скачка ихъ въ противномъ движеніи, когда, при встръчъ, каждая перепрыгиваетъ барьеръ. Но Волонтеръ — охотничья лошадь, какъ она названа на афишъ, — превзошла всъ ожиданія. Лошадь пяти съ половиною вершковъ, принадлежавшая прежде барону Штиглицу, которымъ сбыта за невозможностью съ нею справиться, и обученіе которой началось только съ поздней осени, — производитъ теперь слъдующія изу-

мительныя вещи: г. Каронъ подъвзжаетъ на ней изъ конюшни къ запертому барьеру вольта (вышиною около полутора-аршина); лошадь трогаетъ почти грудью барьеръ и вдругъ, скачетъ черезъ него съ мъста и, перескочивъ, останавливается. За тъмъ ставится барьеръ, который разсткаетъ вольтъ цирка на двт части. Лошадь идетъ шагомъ, прыгаетъ барьеръ черезъ и, и не сбиваясь продолжаетъ идти шагомъ. Тоже самое производится на рыси и на прибавь-рыси; въ заключение, она скачетъ чрезъ барьеръ выше человъческого роста: должно согласиться, что этого еще никогда не было видано! Галоппъ съ перемъною ногъ производится Волонтеромъ очень отчетливо. Въ бенефисъ-же г. Карона мы любовались хорошенькой русской заводской лошадкой (дрессированной и принадлежащей Н. С. М-ву, любителю вытадки лошадей и отличному навзднику), на которой вздила г-жа Федорова. Н. С. М-въ принадлежить къ партизанамъ новой методы, улучшенной имъ въ практическомъ примънени, и достигъ, съ помощью ея и своего искусства, замъчательныхъ результатовъ, чему доказательствомъ служить его Тити, которую онъ началъ обучать еще очень недавно: хотя, изъ скромности, лошадь и не названа высшей школы, но она делаетъ прекрасно и отчетливо перемъну ногъ на галопъ и лансады. Граціозный и оригинальный костюмъ навадницы и прекрасная музыка, сопровождавшая коротенькую, но замъчательно хорошо исполненную работу лошади, — обратили также на себя вниманіе публики.

Мы говорили выше, что музыку въ нынѣшнюю концертную пору (saison) замѣнэли у насъ фокусники и акробаты. И дѣйствительно, никогда еще въ Петербургѣ не бывало такого стеченія этихъ героевъ современнаго волшебства за наличныя деньги. Афиши ежедневно возвѣщаютъ намъ новые секреты магіи, идійскія тайны, египетское чародыйство, волшебныя превращенія, изумительныя и непостижимыя дивеса силы, нередъ которыми самъ Геркулъ долженъ признать себя груднымъ ребенкомъ, а ресловутый докторъ Фаустъ—школьникомъ. Въ наше время всѣ эти обманы сдѣлались до того обыкновенными, что трудно удивить публику чѣмъ нибудь новымъ по этой части. Боски и Молдуаны встрѣчаются на каждомъ шагу и престижіаторство обратилось въ ремесло самое вседневное. Не даромъ-же въ водевилѣ мосье Регенти воспѣваетъ:

Фокусъ-покусы на свътъ Завсегда играютъ роль... и проч.

Надо имъть однако-же громадный таланть или уже совсъмъ не имъть никакой ловкости въ такого рода проворствъ, чтобы обратить на себя всеобщее вниманіе. Глазъ и воображеніе привыкають ко всему и, если

въ свъть иногда не удивляетъ никого, что иной фокусникъ изъ ничего вдругъ возводить каменный домъ, или быстрымъ вольтомъ переводитъ капиталы изъ чужаго кармана въ свой собственный, то еще труднъе удивить на сценъ мелкимъ примъненіемъ проворства къ ескоматерству балаганному. Мы имъемъ теперь въ Петербургъ гг. Германа, Молдуано, Беккера и еще изсколькихъ фокусъ-покусныхъ мастеровъ, которыхъ именъ даже не припомнимъ, но отъ всехъ ихъ резко отличается Германъ, который довелъ свое ремесло до художественности и совершенства. еще здъсь невиданнаго. Есть штуки у Германа, которыя ставять въ тупикъ людей, самыхъ опытныхъ въ этомъ искусствъ и не поясняются никакими уже извъстными данными физики и механики. Таковы, напримъръ, отвъты ребенка, сидящаго на сценъ съ завязанными глазами, на вопросы самаго Германа и публики о подробностяхъ разнаго рода вещей и даже предметовъ невещественныхъ, какъ-то, времени на разныхъ часахъ, возраста разныхъ лицъ, и тому подобное. Эти отвъты намекаютъ даже немножко на магнетическое ясновидъніе. Лучшая изъ штукъ Германа состоитъ въ его неистощимой бутылкть, изъ которой онъ, по желанію каждаго, разливаеть до двухсотъ рюмокъ разнаго рода ликеровъ, пуншевъ и водокъ. Эта штука особенно всъмъ нравится.

Гг. Карлъ Рашио и Людвигъ Келлеръ показываютъ, такъ называемыя, мимическія картины. Это ничто иное, какъ группы изъ античныхъ женщинъ и мужчинъ, вертящіяся на довольно обширномъ кругѣ. Надо отдать полную справедливость Рашио, сказавъ, что картины его столько-же похожи на картины, какъ лукошко похоже на корабль. Въ составъ этихъ группъ, заимствуемыхъ по большей части изъ Греческой миеологіи, вътъ ни граціи, ни истины, ни античной простоты; это самыя обыкновенныя, натянутыя нъмецкія театральныя позы (steife Figuren), безъ жизни и выраженія, не говоря уже объ отсутствіи исторической и археологической върности въ вымыслъ и костюмахъ. Притомъ эти картины не имъютъ того, что составляетъ сущность каждой картины, именно, должнаго освъщенія, образующаго свътъ и тънь. Свътъ падаетъ на нихъ со всъхъ сторонъ и изъ фигуръ картины дълаетъ какъ-бы восковыя фигуры.

Картины г. Келлера поизящите, во всъхъ отношеніяхъ, но и онъ не удовлетворяютъ эстетическаго чувства. Зато акробатическія представленія Раппо — верьхъ совершенства въ своемъ родъ.

Отъ артистовъ, -фокусниковъ и акробатовъ обратимся къ настоящимъ артистамъ.

На этотъ разъ мы должны начать нашу ръчь печальнымъ извъстіемъ.

Февраля 21-го скончался актеръ здёшняго театра Козьма Васильевичъ Третьяковъ. Онъ принадлежалъ къ торговому сословію и по страсти избралъ сценическое поприще, въ эпоху, когда директоромъ Московскаго театра быль Ө. Ө. Кокошкинь, этоть незабвенный знатокъ и двигатель искусства. Третьяковъ, если не обманываетъ насъ намять, поступилъ на московскую сцену въ 1826, не то 27 году, на роли драматическія. Подъ руководствомъ Кокошкина, онъ съ усибхомъ выдержалъ первые свои дебюты, но особенно сталь замътенъ на сценъ съ 1829 года, когда выступилъ въ ролъ старика Каласа, въ драмъ Дюканжа «Смерть Каласа». Простота и чувство были отличительными качествами его игры. Гдъ въ роли выражалось благородство и возвышенность чувствъ, гдъ надо было высказать ихъ съ силой и простотой, тамъ Третьяковъ бывалъ прекрасенъ. Въ игръ его не было никакой искусственности и натяжки, онъ быль чисто актеръ природы. Еслибъ этотъ актеръ имълъ постоянно хорошаго руководителя, еслибъ, вскоръ по вступленіи на сцену, онъ не былъ предоставленъ самому себъ, и вслъдствіе того, за недостаткомъ собственныхъ познаній въ искусствъ и очищеннаго вкуса, не увлекся образцами, поражавшими его еще въ первой юности, образцами, вовсе не эстетическими, изъ него вышель-бы артисть чрезвычайно замъчательный. У него быль довольно върный драматическій инстинктъ и много природной воспріимчивости, которые, при хорошемъ образованіи, могли - бы повести его далеко. Къ сожальнію - эти основные элементы его дарованія не развились. При переход'є своемъ на Петербургскую сцену, Третьяковъ долженъ былъ вступить въ фалангу второстепенныхъ актеровъ, на долю которыхъ рѣдко выпадаютъ значительныя характерныя роли. Но и на этомъ мъстъ Третьяковъ былъ актеръ очень полезный и, во многихъ случаяхъ, умълъ выказать свои природныя достоинства. Во всякомъ случав, театръ потерялъ въ немъ дъятельнаго члена, а что еще важите, члена, который не охладълъ еще къ искусству и служилъ ему съ любовію и рвеніемъ. Въ гражданской жизни Третьяковъ былъ образцовый семьянинъ и человъкъ неподкупной правоты и честности: это лучшая похвала, которую можно произнести надъ его свъжею могилою. Онъ похороненъ на Митрофаньевскомъ кладбищъ.

Въ то время, какъ нашъ русскій актеръ покинулъ сцену жизни, не разрѣшивъ заданной себѣ задачи, другой артистъ — европейскій — также покинулъ сцену, но только съ другими результатами своихъ многолѣтнихъ трудовъ и стараній. Недавно мы прочли во всѣхъ оффиціальныхъ газетахъ, что г. Тамбурини, оставляя совсѣмъ сцену, которой служилъ такъ долго украшеніемъ, удостоился получить, въ воздаяніе

заслугъ его искусству, Высочайшую награду: золотую медаль съ портретомъ Государя-Императора, осыпанную брилліянтами, для ношенія на шев на Андреевской лентв.

Антоніо Тамбурини родился въ Фазнцъ, въ 1800 году. Отецъ его быль учителемъ музыки и назначаль сыну тоже самое поприще, для чего обучалъ его играть на скрыикъ и на флейтъ. Съ десятилътняго возраста Тамбурини принималь уже участіе въ оркестрахъ города. Но съ первыхъ юношескихъ лѣтъ онъ почувствовалъ непреодолимое призваніе къ пѣнію и наконецъ успѣлъ добиться чести пропѣть въ театральномъ хоръ. Здъсь необыкновенно-чистый и сильный голосъ его поразиль знаменитую иввицу Пизарони. По девятнадцатому году онъ дебютировалъ уже въ Болоньъ, въ Мирандолъ и Піаченцъ, гдъ его услышаль Меркаданте и пригласиль въ Неаполь. Здъсь многіе композиторы нарочно для него писали партін въ своихъ операхъ. Вскорѣ имя его стало извъстно по всей Италіи. Съ 1820 по 1830 онъ пъль поперемънно во Флоренціи, въ Ливорно, Туринъ, Миланъ, въ Тріестъ, Венеціи, Римъ, Палермо и Неаполъ. Въ 1830 году, Имераторъ Австрійскій, слышавшій Тамбурини въ Венеціи, во время свиданія своего съ Александромъ I, пригласилъ прославленнаго пъвца въ Въну, гдъ еще недавно была блистательная опера, составленная изъ первоклассныхъ талантовъ: Зонтагъ, Унгеръ, Мэнвіель, Рубини и Лаблаша. Два года Тамбурини пожиналъ лавры въ столицъ Австріи и, награжденный Іосифомъ почетной медалью, отправился въ Лондонъ. Здъсь успыхь его быль такъ великъ, что тогдашній директоръ Парижской Итальянской Оперы счелъ необходимымъ тотчасъ-же ангажировать его на нарижскую сцену. Въ октябръ 1832 года, онъ выступилъ въ первый разъ въ роли Фигаро, въ «Севильскомъ цирюльникъ» и съ тъхъ поръ, слился съ блистательнымъ созвъздіемъ талантовъ — Рубини, Лаблашъ, Гризи, Персіяни, Брамбилла, и въ теченіе одинадцати лътъ былъ постояннымъ любимцемъ французской публики и удивленіемъ диллетантовъ. Въ 1843 году Тамбурини прівхаль къ намъ, правда, уже на склонъ своего голоса, но все еще великимъ пъвцомъ и еще величайшимъ актеромъ, и пълъ у насъ до окончанія нынъшняго сезона, который быль его лебединою пъснью.

Продолжительный и блестящій усивхъ Тамбурини на сцент вполнт оправдывается необыкновеннымъ его дарованіемъ, какъ актера, такъ и итвиа. Въ этомъ артистт встртвается ртдкое сочетаніе природныхъ способностей съ опытностію и рутиною, вдохновенія съ методою, дивный инструментъ голоса съ полномъ искусствомъ владіть этимъ инструментомъ. Тамбурини собственно баритонъ, то есть, одинъ изъ ттхъ бассовъ, для

котораго крайніе предълы высокихъ и низкихъ нотъ возбранены самою природою. Несмотря на то, но особенному свойству и густотъ своего голоса. Тамбурини можеть пъть даже басовыя партіи, въ случат надобности. Голосъ его заключаеть въ себъ регистръ тринадцати звуковъ, отъ нижняго la до верхняго fa, онъ полонъ, звученъ, чисть, хотя въ настоящее время утратиль уже свой металль. Онъ владветь голосомь съ мастерствомъ, для басса изумительнымъ, и придаетъ пънію своему особенную прелесть и колорить то аксентуаціей, то интонаціею. Надо замътить, что каждый, кто слышаль Тамбурини въ первый разъ, ждаль, что онъ удивить его силою голоса, и обыкновенно бываль пораженъ самымъ пріятнымъ образомъ: вмъсто силы онъ встръчалъ грацію, изящество и легкость - почти баснословныя въ свойствахъ такого рода голоса. Въ комическихъ партіяхъ Тамбурини неподражаемъ. Подобнаго Фигаро никогда не бывало и не будеть. Но сколько онъ игривъ и тонокъ въ роляхъ комическихъ, столько-же онъ могучь и драматиченъ въ партіяхъ патетическихъ. Въ «Пуританахъ», въ «Лучіи», въ Ассурть въ особенности, онъ является великимъ драматическимъ пъвцемъ и актеромъ. Бываютъ у него минуты, которымъ позавидуютъ величайшіе трагическіе актеры цілаго міра. Такова, наприміть, минута проклятія въ «Линдъ де Шамуни», которая заставляетъ содрогнуться весь театръ; такова минута отравленія въ «Лукреціи», отъ которой у всёхъ волосъ становится дыбомъ. Къ этому совершенству музыкальной техники и драматическаго исполненія, надо прибавить то різдкое достоинство, которое етавить артиста нашего еще выше въ глазахъ знатока и свидътельствуетъ о его любви и уваженіи къ искусству. Тамбурини, съ ръдкимъ самоотверженіемъ, способствуеть вокальнымъ массамъ на сценъ, какъ въ совокупныхъ мъстахъ (morceau d'ensemble), такъ и въ хорахъ. Никогда не замътите вы въ немъ, какъ во многихъ другихъ пъвцахъ, желанія все подавлять въ пользу своего голоса, и въ общемъ дълъ обращать на себя исключительное вниманіе; онъ исполняеть свою партію съ скромностію главнаго хориста, им'я ввиду одинь общій усп'яхь многоголосаго нумера. Отличительныя черты Тамоурини на сценъ, были: благородство и непринужденность. Довольно ръзкія черты его лица и стройное сложеніе много способствовали его выразительной мимикъ. Разнообразіе таланта его замъчательно: онъ перерождался такъ сказать со всякой ролью и совершенно воплощался въ характеръ представляемаго лица: сегодня вы видите живаго, веселаго илута Фигаро, развязнаго до нельзя, хитраго и ловкаго итальянца, завтра этотъ Фигаро превращается въ другаго итальянца, герцога Борджіо, надміннаго и лукаваго по своему, съ жгучей ревностію въ груди и саркастической улыбкой на устахъ,

въ волка въ овечьей шкуръ. Вчера старикъ, отецъ Линды, своей простотою, своей искренней, честной печалью трогаль вась до слезь, завтра этотъ непретендательный хлібопашець превратится въ мрачнаго, величественнаго властолюбца Ассура! И вездъ оконченное совершенство исполненія, везді натура непринужденная, неподдільная, какъ въ фарсі, въ родъ «Любовнаго Напитка», такъ и въ трагедіи, въ родъ «Пуританъ». Смотря Тамбурини, въ чемъ-бы то ни было, вы всегда выносите впечатлъніе, или пріятиое, или сильно-потрясающее. Но безъ внечатленія онъ васъ не отпустить изъ театра. Вотъ, въ краткомъ очеркъ, тъ ръдкія достоинства, которыя доставили Тамбурини европейскую славу и подъ конецъ его поприща заслужили Высочайшую награду, какой еще ин-одинъ артистъ не удостоивался. Рубини окончилъ свое поприще на русской сценъ и на ней былъ увънчанъ золотыми лаврами; Тамбурини — тоже; значитъ, если Франція создаетъ таланты, то Россія ихъ достойно награждаеть, и въ этомъ наше великое преимущество.

моды въ петербургъ — занимаютъ теперь дамъ болъе, чъмъ когдалибо. Это предметъ важныхъ заботъ. Зима сходитъ, весна еще не при шла. Раннее наступление Свътлой недъли ставитъ въ затруднение самыхъ опытныхъ щеголихъ. Святая продлитъ еще на нъкоторое время зимній сезонъ. Будутъ спектакли, будутъ балы, потому о верхнемъ платьт, о палто и бурнусахъ еще мало заботятся, все внимание обращено на костюмы — для вытадовъ. Вотъ главные наряды, которые намъ удалось подсмотръть. Передаемъ ихъ въ натуръ. 1-й нарядъ. Головной уборъ изъ атласныхъ лентъ, переплетенныхъ съ косою; креповое платье въ двъ тюники, объ вышиты, на верхней шитье богаче и на бокахъ доходить до самаго корсажа, самая тюника съ фестонами. Корсажъ гладкій. съ широкой кружевной бертою, прихваченной напереди бантами изъ лентъ. Рукавчики едва замътные. 2-й нарядъ. Головной нарядъ изъ мелкихъ розъ безъ листьевъ, обвитыхъ вокругъ всей косы. Платье изъ бълаго гласе, отдъланное внизу нъсколькими рядами буффовъ, по которымъ разбросаны маленькія розы. Корсажъ съ очень длиннымъ мыскомъ, обшитый, равно какъ и рукавчики, въ два ряда кружевомъ. На груди также букеть изъ мелкихъ розъ безъ листьевъ. Кругомъ всего корсажа ниспадають на платье широкія полосы, обшитыя кружевомъ. Перчатки полудлинныя. — 3-й нарядъ. Сборчатая шляпка изъ розоваго моара, прикрытая блондою и украшенная перомъ подъ-цвътъ. Платье изъ тяжелой шелковой матеріи. Кофточка, обхватывающая талію, сверху открытая, внизу выръзанная фестонами, и кругомъ общитая гофренною лентою подъ цвътъ. Такою же лентою убрано и самое платье. Шемизетка вышитая, батистовая. Подрукавники кружевные. — 4-й нарядъ. Испанская мантилья изъ бълаго гласе, съ широкимъ бордюромъ изъ бълаго-же моара, и кругомъ обшитая широкимъ кружевомъ. Сзади капишонъ изъ кружевъ, который накидывается на голову. Платье изъ шелковой матеріи façonné съ разводами, съ одного бока до другаго че резъ все платье струится широкая бълая лента, что придаетъ полному наряду видъ оригинальный и фантастическій.

Матерія для весеннихъ шляпокъ и фасонъ ихъ еще неустановились. Но мы видѣли огромый выборъ отличныхъ шляпокъ, чепцовъ и наколокъ, самаго изящиаго вкуса, заготовленныхъ къ Святой въ магазинѣ мадамъ Аттъ, на Невскомъ Проспектѣ, за Аничкинымъ мостомъ, въ домѣ Кожевников.

Мадамъ Аттъ извъстна, какъ мастерица этаго дъла и ранъе другихъ умъетъ пользоваться прихотливыми изобрътеніями Парижа. Мы замътили только, что тульи у шляпокъ нынче будутъ очень маленькія, а поля открытыя.

Мужчины въ своемъ костюмъ ръшительно доказываютъ, что вообра женіе ихъ истощилось: кромъ старины, они ничего новаго выдумать не умъютъ. Теперь въ модъ — прежніе синіе фраки, съ свътлыми пуговицами и предлинными воротниками; прежніе панталоны, на подобіе двухъ дудочекъ, и прежніе бълые галстухи. Ну, я васъ спрашиваю: на что это похоже?

o ren l'autorie i la complete de l'action de l'action de l'action de la complete de l'action de l'acti

accepted to the entropy of them is the entropy assessed in the entropy of the ent

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Nº 3.

комедія безъ названія,

въ одномъ дъйствии.

Княвя Г. В. Кугушева.

RESEASERA ATREADESE

дъйствующіе:

АКТЕРЫ:

ГРИГОРІЙ НИКОЛАНЧЪ ТИПИЦКІЙ	Г. Максимовъ 1.
ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА, его жена	Г-жа Самойлова 2
леонидъ иванычъ восадулинъ, недавно верпувнийся	
изъ-за границы франтъ	Г. Мартынов 1.
ӨРДОРЪ, лакей Типицкихъ, недавно взятый изъ деревни	Г. Фальевъ.

Дъйствіе въ Петербургъ.

marcong i, a monto a a

Гостиная. Главная дверь въ серединъ и по двери съ каждой стороны. Всъ драпированы. Направо отъ зрителей два окна, между ними зеркало съ подстольникомъ. Налъво отъ зрителей, не далеко отъ двери, каминъ, на которомъ стоятъ вазы, часы и канделабры. Ближе, вдоль стъны, піанино и диванъ; передъ нимъ столъ, около стола три или четыре кресла, На правой сторонъ, ближе къ аван-сценъ, подлъ окна, мужское письменное бюро, передъ нимъ стулъ съ высокой спинкой.

ACTION OF THE PROPERTY OF THE

STREET, STREET

THE RESERVE OF THE PROPERTY OF

I.

ТИПИЦКІЙ стоить у бюро и пишеть. ТИПИЦКАЯ, передъ веркаломъ, потомъ ОЕДОРЪ.

типицкая. Мнъ кажется, что эта прическа миъ нейдетъ.

типицкій (пишеть). Вследствіе отношенія вашего ...

тиницкая (перебивая). Вследствіе чего?

типицкій (продолжая). Всявдствіе отношенія ваш.

типицкая (живо). Какого отношенія? что ты говоришь?

ТИПИЦКІЙ (оставя писать). Лизанька! Скоро-ли этому будеть конець? Я занимаюсь дёломъ, спёшу кончить нужную бумагу, а ты туть съ пустяками какими-нибудь ... Ну, что тебё надобно? ... говори скорёе ... просьба какая нибудь? лошадей нужно? вели заложить ... Въ театръ хочется? пошли за ложей ... Дёлай что хочешь: вотъ тебё заране мое разрёшеніе, только посиди смирно, дитя мое...

типицкая. Долго сидъть смирно?

типицкій. Часъ.

типицкая. Много.

типицкій. Ну, полчаса...

типицкая. И это много...

типицкій. Ну меньше, гораздо меньше...

типицкая. Пять минутъ?

типицкій. Хорошо ... хорошо ... помолчи, хоть пять минутъ.

типицкая. Въ самомъ дълъ, не станемъ мъшать человъку, (ст амфозомъ) занимающемуся важными дълами! (Переходить сцену, садится въ кресло около стола очень важно и сидитъ совершенно спокойно, не шевелясь, но по временамъ показывая нетерпъніе).

типицкій (продолжая писать). А тому следують пункты ... (просматривая) гмь ... да ... (Взяве перо ве роте, читаете). Доставшееся мне оть покойнаго дяди, отставнаго ротмистра Якова Николаича Типицкаго, родовое именіе, состоящее такой-то губерніи, такого-то уезда, сельцо Георгіевское, ве коемь по последней ревизіи состоить сто двадцать одна душа мужескаго пола и тысяча десятинь удобной земли, сь усадьбою, господскимь домомь...

типицкая. Жоржъ!...

типицкій. Годной земли ... съ усадьбою ... господскимъ домомъ .. службами ... надворнымъ строеніемъ.

типицкая. Пять минутъ прошло...

типицкій (брося перо). Ніть, это просто наказаніе!.

ТИПИЦКАЯ. Ужасно весело ... читаетъ себъ тамъ что-то подъ носъ..

типицкій. Что-то!.. хорошо что-то... Вотъ какъ проиграю процессъ, такъ будетъ штука.

типицкая. Дъло правое ... да ты и безъ того богатъ, слава Богу! типицкий. Удивительно богатъ! нужды не знаешь только ... Нътъ, въ Петербургъ жить, чего нибудь да стоитъ ... Вотъ еслибъ у меня было состояніе, какъ у того ... какъ его? ... этого франта ... странный такой ... что, помнишь, годъ тому назадъ, бывалъ у васъ въ домъ очень часто, и которому я почти обязанъ, что ты моя...

типицкая. Восадулинъ?

типицкій. Ну, да ... мнъ показалось, что онъ за тобой ухаживаетъ и я ръшился отбить тебя у богатаго франта. Дали-бы мнъ его состояніе, я бы и не подумаль объ этомъ процессъ.

типицкая. И быль бы гораздо любезнье. Кстати, о Васадулинь ... Въдь ты угадаль: онъ точно быль въ меня влюбленъ и мамаша была не прочь отъ этой свадьбы, но я...

типицкій. Ты?

типицкая. Я любила другаго, который сидить все за своими бумагами ... а жену не любить ... забываеть.

типицкій. Я не люблю тебя?

типицкая. Развъ я про тебя говорю?... A, а! знаетъ, что виноватъ!

типицкій. Послушай, Лизанька! что я люблю тебя много и сильно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, ты это знаешь... но дѣла и обязанности службы иногда удерживаютъ меня за работой долѣе, не-

жели бы я хотълъ... и я ... мнъ самому не весело ... и я переношу это для тебя-же, для будущности ... можетъ быть, Богъ насъ благословитъ, и у насъ...

типицкая. (зажимай ему роть). Тев!..

ТИПИЦКІЙ. Богъ насъ благословить ... и для этого отецъ долженъ трудиться, чтобы къ тому времени, когда сынъ нашъ потребуетъ воспитанія...

типицкая. Дочь...

типицкій. Когда сынъ потребуеть воспитанія, чтобы состояніе, если не увеличилось, то было бы въ томъ-же цвътущемъ видъ. Цъль жизни отца, его отрада — это сынъ...

типицкая. Это дочь...

типицкій. Или дочь ... но лучше, еслибъ сынъ...

типицкая. Мальчикъ ... да, мальчикъ хорошо ... а дъвочка ... нътъ лучше, дъвочку.

типицкій. У насъ то будеть мальчикъ ... (Цълуеть жену).

ведоръ (входить и уходить всегда въ главную дверь). Григорій Николаичъ! (Останавливается).

ТИПИЦКАЯ (замьтивъ Оедора). Жоржъ!.. довольно ... довольно, довольно!..

типицкій (обарачивается и видить Оедора, строго ему). Что теб'в надобно? (Всторону). Вотъ попался! (Женть тихо). Онъ, кажется, видълъ, какъ я...

типицкая. Разумъется.

ТИПИЦКІЙ ($\Theta e dopy$). Вы въчно суетесь, когда васъ не спрашивають.

өедоръ. Виноватъ-съ, я не зналъ!...

ТИПИЦКІЙ (женть). Опять ты хохочешь ... право, не хорошо ... (Gedopy). Каминъ-то вотъ не затопленъ ... дрова не принесены ... все отъ вашей лъни ... Поди, сейчасъ дровъ принеси и затопи каминъ

ФЕДОРЪ. Слушаю-съ; записку только извольте получить.

типицкій. Отъ кого?

овдоръ. Отъ Варвары Ивановны.

типицкая. Отъ маменьки?

ТИПИЦКІЙ. Давай. (Взявт записку.) Что-то она пишетъ? (Ему.) Пошелъ за дровами, а то я тебя самаго плясать заставлю.

ӨЕДОРЪ. Слушаю-съ. (Уходить).

типицкая. Давай, я прочту.

типицкій (торжественно). Прочтемъ вмѣстѣ! (Обнявъ ее, чи-

тает»). «Cher George! Прівзжай комнь сію минуту; у меня объдаль графь Обдуминь, отъ котораго зависить твое дъло ... миль и любезень, до нельзя. Что Lise?... Какъ ея здоровье?» (Кличет».) Эй!

типицкая. Читай дальше.

типицкій. Не буду.

типицкая. Какъ, не будешь?

типицкій. Потому что все прочиталь.

типицкая. Это другое дело! (Оедорг входить съ дровами).

типицкій (вставая, Оедору). Шляну и перчатки!

оедоръ. Слушаю-съ.

типицкій. Я теб'є сов'єтую пойти, да и провалиться:

ведоръ. Слушаю-съ. (Идетъ).

типицкій. Дуракъ! у тебя все слушаю-съ ... гдѣ надо и не надо ... (Женгь). Ну, я къ матушкѣ пойду пѣшкомъ, потому что лошади вечерочъ нужны ... Мѣ ѣдемъ на вечеръ ... да ужъ ѣхать-ли тебѣ?

STATE OF THE STATE OF

типицкая: Отчего же?

типицкій. Мостовая то, мнѣ кажется, не хороша ... толчки такіе... кучеръ не сдержитъ ...

типицкая. Ты точно ребенокъ, Жоржъ!

типицкій. Нътъ, право, будь ты осторожна. (Оедоръ приносить шляпу и перчатки и держить пока онъ не возьметь; потомъ отходить къ камину). Право ... (надъвая шляпу).

типицкая. Кланяйся маманъ! Скажи ей, что я сама къ ней завтра завду.

типицкій (надывая перчатки, слугь). Шубу.

ведоръ. Слушаю-съ. (Бижить въ двери).

типицкій. Однакожъ, прощай, душа моя! Графъ можетъ увхать, и я его не увижу.

типицкая. Только возвращайся скорбе. Мнъ скучно безъ тебя.

типицкій. Я въ одну минуту. (Идуть ко дверямь).

типицкая. Прощай, мой другъ!... поцълуй maman! (Оедоръ въ дверяхъ съ шубой).

типицкій. Ну, скажите, пожалуйста ссть ли толкъ въ этомъ человъкъ? Ты бы и при комъ-нибудь не посевъстился внести въ гостиную... я тебъ совътую и свою шинель принести, за одно ужъ...

оедоръ. Слушаю-съ.

типицкій. Скажите, пожалуйста і. Ну, ужъ давай, коли принесъ! (Надъваеть шубу).

типицкая (подымясь на цыпочки). Давай я тебя застегну. типицкій. Нътъ, нътъ, помилуй! (Цюлуеть ее). Прощай-же. типицкая. Adieu, Жоржъ! (Онь уходить, она ему вслыдь:) Adieu! (Идеть къ окну, клаплется и киваеть мужу головой).

THE STOREST OF STREET, MAKE THE STREET STREET, STREET, STREET, STREET, STREET, STREET, STREET, STREET, STREET,

ТЪ ЖЕ, кромъ ТИПИЦКАГО.

Она въ деревит, безъ меня ... какъ вспомню ...

типицкая (отходя от окна). Что ты тамъ?

оедоръ. Дрова въ каминъ подкладываю, сударыня.

типицкая. Не нужно ... довольно ... тепло ...

ФЕДОРЪ. Барину холодно ...

типицкая. Нужды нътъ.

ведоръ. Слушаю-съ. (Слышена звонока).

типицкая. Что это? кажется, звонятъ?

овдоръ. Не слыхалъ-съ.

типицкая. Я слышала.

бедоръ. Ничего-съ. И два и три позвонять, тогда отпереть можно, а то иной разъ позвонять, выйдешь, глядь — нътъ никого. А это мальчишки забавляются. (Звонокъ сильнъе).

типицкая. Опять звонять!...Поди-же, отопри.

ФЕДОРЪ. Теперь можно. Что-то больно голосисто. (Идетъ къ двери и отворивъ половинку). Дъвка отперла.

THERE WHERE A STORPHERIES AND

типицкая. Кто-же это?

ведоръ. Мужчина-съ.

типицкая. Да кто?

ов доръ. А кто его знаетъ.

типицкая. Незнакомый?

оедоръ. Кажись и не русскій; борода тычкомъ, носъ крючкомъ, глазъ одинъ стеклянный, на ниточкъ держится.

типицкая. Върно къ мужу; скажи, что барина дома нътъ. (Уходить нальво от зрителей). менток порт в

III.

ведоръ и восадулинъ.

ОЕДОРЪ (смотря въ дверь). Экой прыткій! безъ доклада въ гостиную валить!... (Отходить кь камину).

восадулинъ (входить). Никого? таинственно! хорошо. Звоню, не отпирають: еще звоню - отперли. Кто? кухарка. Дома? - Да-съ. Просто. естественно. Но что-то будеть? Вхожу, взошель-никого! Хорошо! гдъ я? то есть, я знаю, гдв я . . но предметы? (Осматриваясь). А!... не дурно ... хорошо.

ӨЕДОРЪ (всторону). Баринъ неразговорчивый. Нѣмецъ, долженъ быть Портной или сапожникъ какой ни на есть. Правда, я и того и другаго знаю; да почемъ знать: можетъ баринъ и другаго сапожника нашелъ, подешевът ... Подойти къ нему ... гмъ!

восадулинъ (увидя Өедора). Что это? А! нъчто въ родъ лакея ... хорошо!

ведоръ. Вы, мусьё, съ саногами?

восадулинъ. Что такое?

Нътъ? такъ вы портной? оедоръ.

восадулинъ. Какъ? ... я портной? ... я портной?

өедоръ (всторону). По-русски чисто говоритъ.

Что ты съумасшедшій, или дуракъ? восадулинъ.

ОЕДОРЪ. Богъ миловалъ.

ВОСАДУЛИНЪ. Какъ-же ты смълъ?

Виноватъ-съ ... не разсмотрълъ!... ведоръ.

восадулинъ. Болванъ!

По-русски чисто говорить. А по бородь, хоть побожиться, ОЕДОРЪ. не русскій!

MANESERY

восадулинъ. Твоя барыня дома?

У себя-съ.

восадулинъ. А баринъ дома?

еЕДОРЪ. Нъту-съ.

восадулинъ. Одна ... хорошо! Поди, доложи, что прівхаль Леонидъ Иванычъ Восадулинъ.

ӨЕДОРЪ. Восадулинъ?

Да, Восадулинъ ... ступай!

өедоръ (возвращаясь от двери). Изъ какого магазина?

восадулинъ. Опять? Пошелъ, докладывай!

ӨЕДОРЪ. Слушаю-съ. (Всторону). Неужели онъ русскій баринъ? (Уходить нальво).

восадулинъ. Отсталые люди!... чуть что-нибудь ихъ поразитъ, они, не понимая, несуть такую ералашь! Что-то будеть, что-то будеть! а начало хорошо. Кажется, я наконецъ достигну своей цъли, и буду темь, чемь быть хочу ... хорошо. (Оедорь входить). Доложиль?

ФЕДОРЪ. Доложилъ-съ.

Ну, что жъ? восадулинъ.

Ничего-съ.

Какъ ничего? восадулинъ.

Ничего-съ; просили подождать.

восадулинъ. Да ты какъ сказалъ?

ФЕДОРЪ. Сказалъ, что, молъ, прівхалъ Восадулинъ.

восадулинъ. Ну, что жъ?

обдоръ. Ничего-съ.

восадулинъ. Странно! Когда ты вошелъ, барыня твоя что дълала? **ОЕДОРЪ.** Стояли у трюмы.

with the same of t

восадулинъ. Да, хорошо ... ну, ты сказалъ: Восадулинъ! и она върно вскрикнула ... вотъ такъ: А!.. или сказала: онъ!...Да?... хорошо. 12.33.162.1640 17年出版 20年至12.16年 17 《黄色新闻传》

ОЕДОРЪ. Никакъ нътъ-съ.

восадулинъ. Странно!... хорошо... Что-же она сдълала? Time and present to the

овдоръ. Съла-съ.

восадулинъ. Воображаю, какъ она, встревоженная, едва дошла, не съла, а упала на кресло.

ФЕДОРЪ. На стулъ-съ.

восадулинъ. Это все равно. Упала на стулъ, вотъ такъ ... (Трагически опускается на стуль).

Никакъ нътъ-съ: съла себъ такъ-таки чиннехонько, какъ люди садятся.

восадулинъ. Странно!.. хорошо!. Пошелъ вонъ!

ӨЕДОРЪ. Слушаю-съ! да вотъ и барыня!

восадулинъ. Она?.. хорошо! Пошелъ вонъ! Она... вотъ будетъ сцена!... Ей, ты! чтобъ вода была подъ рукой! ступай!.. Ей, холодная.

 $egin{array}{lll} egin{array}{lll} egin{arr$

IV.

восадулинъ и типицкая.

восадулинъ. Тамъ, при лакев, она могла воздержаться ... но здъсь, глазъ на глазъ ... ужасно!.. я за нее боюсь, и вмъстъ съ тъмъ радуюсь, какъ высоко поставила меня судьба. Я буду великодушенъ ... бъдная женщина! Идетъ!.. страшная минута! (Типицкая входитъ очень спокойно и натурально. Онъ бросается къ пей). Лизавета... (видя, что она спокойна, останавливается въ изумлении и пограженный, тихо и другимъ тономъ произноситъ) Александровна...

типицкая. Мосьё Восадулинъ! Вотъ не ждали то васъ. Давно ли? когда? (Всторону). Не ловко спросить, зачъмъ?.. (Ему.) Садитесь... но что съ вами? Вы точно прикованы къ мъсту. Сядьте, прошу васъ.

ВОСАДУЛИНЪ (всторону). Какова актриса!.. какъ собой владъеть! **ТИПИЦКАЯ**. Меня немного удивляетъ ваше молчаніе, Мосьё Восадулинъ, а посъщеніе еще болье.

восадулинъ. Удивляетъ? (Всторону.) Наконецъ-то стала измънять себъ.

типицкая. Удивляетъ потому, что съ тъхъ поръ, какъ вы увхали за границу...

восадулинь (скоро). Вы успъли выйти замужъ ... перемънить имя и квартиру ... забыть...

типицкая (равнодушно). Какъ вы узнали нашъ адресъ?

восьдулинь. Очень просто: я быль вчера у вашей матушки.

типицкая. Странно, что она миз этого не сказала,

восадулинъ. Я просилъ ее не говорить вамъ.

типицкая. Вы? для чего-же?

восадулинъ. Хотълъ попасть въ расплохъ ... удивить васъ ... поразитъ...

ТИПИЦКАЯ. Напрасно! а я бы удержала и мужа дома. Хоть вы уже его видали, но я возобновила бы ваше знакомство, сблизила бы васъ съ нимъ.

восадулинъ. Какъ! вы хотите насъ солизить? Вы хотите меня ему представить?

типицкая. Конечно! я надъюсь, вы будете у насъ, какъ старинный знакомый.

восадулинъ. Миъ? быть у васъ часто? Вы этого хотите?

типицкая. Я васъ прошу, надъюсь...

восадулинъ (всторону). Актриса! (Ей). Мнъ очень пріятно, но, право, я не знаю ... подумайте ... Вы не боитесь послъдствій?

типицкая. Последствій?. Я вась не понимаю.

восадулинъ. Я человъкъ ... я не ручаюсь ... во мнъ столько драматизма ... столько души, силы, энергіи... я боюсь за наши отношенія...

типицкая. Наши отношенія? вы меня удивляете.

восадулинъ. Страдать въчно ... ежеминутно ... при людяхъ, при немъ ... это ужасно! Мнъ жаль васъ, право!.. Вынесете-ли вы эту семейную, драму?

типицкая, Вы говорите загадками ... вы меня пугаете ... объяснитесь, ради Бога ...

восадулинъ. Я скажу прямо. Злая судьба свела васъ напрасно съ такимъ человъкомъ, какъ я ... Вынесете ли вы эту борьбу? Ахъ, мнъ жаль, мнъ очень жаль васъ!

типицкая. Что съ вами? (Всторону). Не сошель-ли онъ съ ума? восадулинъ. Послушайте! Наше положение съ вами исключительное. Вы помните, что вы были для меня... но вы не знали меня... Теперь я вамъ скажу, что я такое. Я съ самой колыбели былъ гонимъ судьбою. Съ первымъ моимъ крикомъ, по словамъ старухи взяли ко миъ кормилицу. Она питала меня не долго, и занебъдный младенецъ, чуть не умеръ съ голоду, пока могла. Я, заболъвшей сыскали мнъ бабу, здоровую которая продолжала питать меня, малютку. Рось я больной, хилой; ласкъ матери не зналъ. Она умерла. Меньшой братъ отнималъ у меня, слабаго дитяти, вет мон игрушки. Пяти лътъ братъ изръзалъ у нянки ченчикъ въ мелкіе кусочки и сказалъ, что я виновникъ преступленія; няня, не разобравъ, кто правъ, кто виноватъ, высъкла меня, — она и теперь жива. Поздиће, въ школћ, сколько разъподвергался явзысканіямъ, сколько объдовъ я не ълъ! Сколько съълъ хлъба, смачиваемаго одною водою. Да, вся жизнь моя была, и есть и будеть, самая сильная, самая слезная, самая раздирающая душу драма.

типицкая. Къ чему это? Что мнв за двло? поговоримъ лучше о другомъ!

восадулинъ. Нътъ! сегодня или никогда! Поздиъе, я познакомился съ однимъ милымъ семействомъ. Въ немъ думалъ я найти участіе, сочувствіе, счастіе въ лицъ милой, дивной дъвушки, которую полюбилъ за ея душу. Время и мать дъвушки сближали насъ. Дъвушка любила меня...

типицкая (догадываясь и съ удивленіемь прерывая). Какъ?

восадулинъ. То есть, она мит этого сама не говорила, но глаза ея говорили мит ясно ... и наконецъ итсюлько записочекъ подтвердили мит, что я могу надъяться. Вдругъ я занемогаю. Ревматизмъ чуть не сводитъ меня въ могилу; ревматизмъ — следсвіе долгихъ страданій. Доктора шлютъ меня къ водамъ. Я еду съ дорожной сумкой на груди, съ образомъ этой дъвушки въ груди, съ ея письмами въ кармант. Небо и вода возстанавливаютъ мое здоровье ... я возвращаюсь въ отчизну ... и что-же? коварная за-мужемъ! Опять драма! и какая драма! какой эфектъ! потрясающій!

типицкая. Не знаю, къ чему вы все это говорите, но все-таки мнѣ васъ жаль.

восадулинъ. Вамъ жаль? теперь поздно!... Надо было жалъть ранъе!... Эта дъвушка были — вы!...

типицкая (притворно.) Я? неужели?

восадулинъ. Вы, которая сгубили мое существованіе, убили молодость, самую жизнь. Я говорю и дъйствую прямо... Здѣсь, въ лѣвомъ карманъ, у разбитаго сердца, цѣлы ваши письма. Они мое оружіе, и какое оружіе! Понимаете-ли вы, что у мужчины съ этимъ талисманомъ, замужняя женщина въ рукахъ, что она раба его, игрушка, которою онъ вертитъ по произволу.

типицкая. Вы съ ума сошли? я писала съ согласія маменьки.

восадулинъ. Тъмъ хуже! и она въ драмъ.

типицкая. Содержание этихъ писемъ такъ ничтожно!

восадулинъ. Нужды нътъ!... Эти письма у меня. Я ихъ не покажу... я объ нихъ только намекну мужу.

ТИПИЦКАЯ. Онъ будетъ смъяться надъ ними; и не только надъ ними ... но ...

ВОСАДУЛИНЪ. Я понимаю вашу мысль: узнавъ ихъ содержаніе, да ... но не зная, трудно смѣяться. Онъ васъ любитъ и ревнивъ; а кто ревнивъ, съ тѣмъ шутить опасно! Слѣдствіемъ этого можетъ быть дуэль!...

типицкая. Дуэль?...

ВОСАДУЛИНЪ. Кровавая! какъ и самое наше положение. И я убью его непремънно. Онъ никогда не бралъ въ руки пистолета, а я только и учился одной стръльбъ.

типицкая. Возможно-ли? Вы на эго способны?

восадулинъ (всторону). Пучнемъ порядкомъ! (Eй.). Я этого только и хочу. Что жизнь? что свътъ? что люди? что такое? Все пустое!

Да, я проведу васъ по гаммъ страстей, заставлю васъ проливать потоки слезъ, я познакомлю васъ съ отчаяніемъ, я поселю здъсь раздоръ, страхъ, смятеніе, можетъ быть — смерть!

типицкая. Вы меня ужасаете!

восадулинъ. Я вамъ сказалъ, что мой элементъ драма. Наконецъ-то я наслажусь этой семейной катастрофой. Наконецъ-то я буду двигателемъ этихъ раздирающихъ сценъ. Потому-то мнъ и жаль васъ.

типицкая. Но чего-же вы отъ меня хотите?

восадулинъ. Многаго и ничего. Я хочу драмы, сильныхъ ощущеній ... я люблю васъ!...

типицкая. Леонидъ Иванычъ!...

восадулинъ. И вы меня полюбите ... иначе, одинъ намекъ мужу... дуэль, смерть, погибель!...

типицкая. Неужели въ самомъ дълъ?

восадулинъ. Ну, право, смерть!

типицкая. Вы ужасный человъкъ!

восадулинъ. Я?... О!... Что съ вами?

типицкая (садясь и едва удерживаясь от смпха). Мнъ чтото не хорошо.

восадулинъ. Дурно?... хорошо! Не прикажете-ли воды?

типицкая. Нътъ! это пройдетъ!

восадулинъ. Я понимаю ваше положеніе. Но покаряюсь судьбъ. Это ея предназначеніе ... мнѣ жаль васъ ... я добрый, великодушный человѣкъ. Я облегчу ваши страданія ... сопротивленія напрасны. Вы въ моей власти, хорошо; но я ее не употреблю во зло, если вы безропотно покоритесь моей волѣ.

ТИПИЦКАЯ (вставая). Вы только возвратились ... сдёлали визить... и я должна просить любезнаго гостя извинить меня: у меня есть очень нужное дёло ... это для меня самое ужасное положеніе ...

вамъ надо успокоиться ... прощайте, я скоро вернусь. Черезъ часъ я опять буду у васъ. Видъть васъ для меня необходимо. Но только прошу васъ, при мужъ будьте осторожны; иначе, вы понимаете, какія могуть произойти послъдствія ...

типицкая. Ахъ, вы мнѣ такъ много насказали, такъ смутили меня что я и не нахожу словъ.

восадулинъ. Зачёмъ слова? Мы и безъ словъ поймемъ другъ друга. Глаза наши будутъ говорить за насъ. Прощайте ... я понимаю, какъ тяжело вамъ сказать: до свиданія ... Но что-же дълать? судьба!

Прощайте!... (Всторону). Бъдная женщина! въ какое драматическое положение я ее поставилъ. Богъ знаетъ, чътъ кончится эта скрытная, задушевная драма ... Бъдная женщина! (Уходить въ среднія двери).

V.

ТИПИЦКАЯ, одна.

Дуракъ! (Хохочетъ). Чего мив стоило, чтобъ при немъ не расхохотаться!... Однакожъ ... эти записки ничтожныя, я знаю ... А все maman! Его состояніе вскружило ей голову. Но Жоржъ?... какъ-то онъ это приметъ? О! вврно также, какъ и я ... и мы вмъстъ посмъемся надъ этимъ драматическимъ героемъ. Звонятъ! не Жоржъли?... (Подбилаетъ къ окну). Онъ и есть ... Постой! благо я настроена ... прикинемся!...

VI.

типицкій (входя). Зачымь ты у окна? отойди!... простудишься!..

ТИПИЦКАЯ (задумчиво у окна). Ахъ!

тиницкій. Лизанька! слышить ли? отойди отъ окна! дуеть ...

типицкая (также). Ахъ!

ordizione de a dare de lacade establicada de .

типицкій. Что-же это такое? ты комедію играешь, что-ли? или это капризъ. Ну, хорошо... капризничай, душа моя, капризничай! Я быль у маменьки, видъль графа.. ты меня не слушаешь?

типицкая. Ахъ!

типицкій. Лизанька! да полно дурачиться; что за вздохи такіе, что за горе?...

типицкая (подходить къ мужу такъ, какъ въдрамахъ подходять жены въ страхъ къ мужьямъ-мстителямъ). Жоржъ!

типицкій. Что съ тобою? ты вся дрожишь... не глядишь на меня?...

типицкая (прерывающимся голосомъ). Я не смъю.

типицкій. Что такое?

типицкая (nadaя nepeds ниме на кольна). Жоржь! прости меня! я у ногь твоихь!

типицкій (хочеть поднять ее). Ты съума сошла, кажется?...

типицкая. Не поднимай меня. Я этого не стою! Я преступница!... типицкій. Лизанька! что съ тобой? Върно у меня въ кабинетъ что-нибудь накуралъсила? Нужную бумагу на выкройку изръзала? Нужды нътъ; только встань, ради Бога.

типицкая (вставая). Ты меня не знаешь, несчастный! Ты не знаешь, съ какимъ существомъ связана жизнь твоя!... Мнъ жаль ... мнъ жаль тебя!

типицкій. Господи! не послать-ли за докторомъ?

типицкая. Слушай! въ то время, когда ты ѣздилъ въ домъ, гдѣ нашелъ дѣвушку, которую любилъ и думалъ назвать ее женою; въ то время, въ этотъ домъ, и до тебя еще, ѣздилъ другой, богатый молодой человѣкъ, котораго мать дѣвушки хотъла назвать сыномъ.

типицкій (рышительно). Пошлю за докторомъ!

типицкая. Ты сдълаль этой дъвушкъ предложение въ то время, когда твой соперникъ быль уже за границею. Дъвушка эта приняла твое предложение съ восторгомъ и сдълалась твоею женою. Но ты не зналъ, несчастный, что она еще до свадьбы была съ твоимъ соперникомъ въ перепискъ ...

типицкій. Она бредить! какое несчастіе! Эй!

типицкая. Теперь ... этотъ соперникъ здѣсь. Вооруженный этими письмами, онъ поведетъ жену твою къ погибели: слѣдствіемъ этого можетъ быть дуэль ... безчестіе ... позоръ и поношеніе!...

типицкая. Горячька! горячька! Ей!... никогда никого въ передней! типицкая. И я, преступница, буду причиьою твоей смерти... твоей погибели... Нътъ, я не перенесу этого... я умру у ногъ твоихъ, прося пощады и помилованія. Видишь, я у ногъ твоихъ. (Падаетъ на кольна.) Жоржъ! сжалься, сжалься надъ несчастной!

типицкій (сильно). Опять! Лизанька, что-же это такое?

типицкая (на кольнахъ, перемъняя трагическій тонъ на натуральный). Драма, другъ мой! самая слезная, раздирательная драма!

типицкій. Опять-таки! что-же это значить — эта драма?

типицкая (вставая). То, что я съ тобой сію-минуту разыграла сцену, которую безъ тебя разыграль со мной Восадулинь.

типицкій. Какъ? такъ этотъ бредъ ...

типицкая. Истинная правда. Онъ былъ здёсь. Угрожалъ, если я не соглашусь отвёчать на его страсть, провести меня чрезъ цёлую гамму страданій. Однимъ словомъ, стращалъ драмой!

типицкій. Однакоже, письма ...

типицкая. Сущій вздоръ! Ихъ много два, три; я писала ихъ подъ диктовку, только не сердца, а страсти.

типицкій. Какъ, страсти?

типицкая. Боялась маменьки! Въ нихъ вотъ что заключалось: «Мосьё такой-то! Сегодня у насъ ложа въ оперѣ, надъ бель-этажемъ № 14. Пріъзжайте, если можете, maman васъ ждетъ» ... И всѣ въ этомъ родѣ (смъется).

типицкій. И дуракъ думаетъ ...

типицкая (хохочеть). Разыграть здёсь драму.

типицкій (хохочеть). Драму? Ахъ, какая мысль! Постой, любезный, я тебя отучу отъ драмъ! Когда онъ будеть?

типицкая. Сейчасъ.

ТИПИЦКІЙ. Ну, постой, другъ сердечный! я тебѣ покажу, какъ драмы-то разыгрываются ... только ты, смотри, мнѣ помогай ...

типицкая. Я постараюсь.

типицкій. Судя по этой сценъ, которую ты сыграла со мной, тебя хоть сейчасъ на театръ! Вторая Самойлова!

ТИПИЦКАЯ (взглянувъ въ окно). А! къ подъвзду нашему подъвзжають сани.

типицкій. Сани? не онъ-ли?

типицкая. Онъ!...

типицкій. А! позвони, пожалуйста!

типицкая (звонить). Что тебъ?

типицкій. Такъ ... отдать приказаніе!

ФЕДОРЪ. Чего изволите?

типицкій. Чудо, что скоро пришель ... (Слышень звонокь).

refusemation on carried trees.

ӨЕДОРЪ. Звонятъ-съ!... я сію минуту (хочеть идти).

ТИПИЦКІЙ. Постой!... накрой вотъ этотъ столикъ и подай сюда чайный приборъ на подносъ. Скоръе.

ведоръ. Слушаю-съ. (Опять звоиять).

типицкій. Ступай, отпирай и проси, кто бы ни быль ... (Оедоръ уходить).

типицкая. Давай играть комедію.

ТИПИЦКІЙ. Идетъ!... мы съ тобой на сценъ, занавъсъ поднятъ, явленіе второе, тъ же и онъ.

VII.

ТВ ЖЕ и ВОСАДУЛИНЪ.

восадулинъ (входя). Мужъ! хорошо!

ТИПИЦКАЯ (сидя). А! мосьё Восадулинь! Здравствуйте! (Онг подходить къ ней и кланяется).

ТИПИЦКІЙ (всторону). О! какая козлиная наружность! Онъ высохъ на водахъ!

типицкая (ему, тихо). Я васъ представлю мужу!

восадулинъ. Гмъ!... (Всторону). Хорошо!

типицкая (вставая). Жоржъ! Вотъ мосьё Восадулинъ, тотъ самый, съ которымъ ты, кажется, встръчался у насъ, годъ тому назадъ.

ТИПИЦКІЙ (подавая руку). Мнѣ очень пріятно возобновить съ вами знакомство.

ВОСАДУЛИНЪ. Я считаю за честь ... (Всторону). Какое драматическое положение!

ТИПИЦКІЙ. Я такъ много объ васъ слышалъ, что уважалъ васъ, еще не бывъ съ вами знакомымъ.

восадулинъ. Я также съ моей стороны (Всторону). Завязка, завязка!

типицкій. Мнъ такъ много говорила про васъ жена моя.

восадулинъ. Ваша жена! (Спожватясь). Очень естественно, натурально ... давнишнее знакомство ... привычка ... дружба ... І'мъ! гмъ! (Всторону). Какъ она должна страдать въ эту минуту.

типицкій. Но что-же вы стоите? садитесь, прошу васъ. Я надъюсь, что, по старой памяти, вы будете нашимъ гостемъ, и узнавъ меня короче, удълите и мнъ частичку той привязанности, которой пользовалось семейство жены моей.

ВОСАДУЛИНЪ. Очень пріятно! (*Всторону*). Жалкій мужъ! онъ ничего не подозрѣваетъ!

ТИПИЦКАЯ. Жоржъ! что ты не предложишь Леониду Ивановичу папиросъ?

типицкій. Ахъ, въ самомъ дълъ. Не хотите-ли вы сигару? восадулинъ. Я бы охотно ...

ТИПИЦКІЙ. У меня настоящія гаванскія. Я принесу сію минуту. Онт у меня въ кабинетт ... самъ я не курю, а нельзя не имъть для друзей ... (эксметт ему руку) я сію минуту. (Уходитт направо от зрителей).

ВОСАДУЛИНЪ (всторону). Друзей!... какая драма! но мы одни, удобная минута! (Eii). Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ, мнѣ кажется, вы еще похорошѣли!

типицкая (входя во роль). Тише, ради Бога! Онъ услышитъ!... восадулинъ. Пусть онъ слышитъ; пусть слышитъ целый светъ! типицкая. Вы меня губите, жестокій!

восадулинъ. Я только люблю васъ!

типицкая. Тише, умоляю!..

восадулинъ (всторону). Хорошо! ($E\dot{u}$). Завтра, здъсь ... будьте однъ ... удалите мужа.

типицкая (всторону). Дерзкій! (Ему). Чего вы хотите?

восадулинъ. Вечеромъ, въ шесть часовъ, я буду у васъ.

типицкая. Сжальтесь! сжальтесь!

восадулинъ. Иначе, я покажу ваши письма.

типицкая (съ притворнымъ ужасомъ). Боже!... я жду васъ! восадулинъ. Однъ?

типицкая (задыхаясь). Одна!

восадулинъ. О! чудная женщина! (Схватываетъ ея руку и цълуетъ; входитъ Типицкій).

типицкая (отталкиваеть его). Мужь! мужь!

восадулинъ (отходя). Гмъ, гмъ! (Всторону). Вотъ это драма, такъ драма.

типицкій (всторону). Браво! да она точно, какъ на сценъ. (Ему). Вотъ и сигары!

восадулинъ (закуривая, идето на аван-сцену). Благодарю! типицкая (проходя мимо мужа). Что это чаю не дають! Каково? типицкій. Чудно!

ВОСАДУЛИНЪ (всторону). Шепчутся! какъ она мужа-то дурачитъ. А славныя у него сигары! (Оедоръ входить съ подносомъ, на которомъ два чайника, одинъ съ кипяткомъ, а другой съ чаемъ; два стакана и чашка и всъ принадлежности къ чаю).

типицкая. « А! воть и чай! Поставь сюда. Хорошо, ступай! (Идетъ къ столу передъ диваномъ, на которомъ поставленъ чай).

ӨЕДОРЪ (отходя). Слушаю-съ. (Уходитъ).

типицкій (переходя сцену). Лизанька! дай я налью!

типицкая. Что за фантазія?

типицкій. Такъ мнѣ вздумалось!

типицкая. Пожалуй, если съумвешь.

типицкій. Какое самолюбіе, вотъ увидишь!

типицкая. Посмотримъ!

восадулинь (слыдя издали за нею): Великая актриса!... Воть бы нашимъ драматургамъ куда заглянуть. Вотъ гдъ раки-то зимують. (Въ это время Типицкая отошла къ пьянино, и машинально беретъ ньсколько аккордовъ).

ТИПИЦКІЙ (наливая чай). Скажите, Леонидъ Иванычъ! Какъ вы за границею проводили время?

восадулинъ (медленно идя къ дивану). Мнѣ было вездѣ грустно, вездѣ скучно; даже подъ свѣтлымъ нео́омъ Италіи, сердцу было колодно, на душѣ мрачно, какъ въ могилѣ.

типицкій. Скажите, пожалуйста, отчего-же это?

восадулинъ. Ахъ, это цълый романъ; или лучше сказать: драма, страшная, кровавая драма.

типицкій. Что вы!

ВОСАДУЛИНЪ (все подходя ближе, сталь за спинкой кресла Типицкой). Да, вся моя жизнь есть непрерывная нить сценъ самыхъ драматическихъ!

ТИПИЦКАЯ (наклонясь къ нему). Молчите, ради Бога! Онъ мо жетъ догадаться; вы меня ногубите!

восадулинъ (ей, тихо). Будьте покойны! (Ему). Я вамъ когданибудь раскажу мое прошедшее!

типицкій. Очень вамъ буду благодаренъ! Я самъ такъ люблю все странное, драматическое, я чувствую, что самъ способенъ быть героемъ какой нибудь драмы ... Ненавидъть, напримъръ, какъ пріятно! Мстить кому—нибудь, какое наслажденіе! или напримъръ, за бездълицу, за вздоръ ... изъ ревности что—ли, за одинъ взглядъ ... за одну двусмысленную улыбку — убить на повалъ своего соперника? ... Какая драма! какое наслажденіе!

восадулинъ (отходя, всторону). Ахъ, чортъ возьми! тутъ надо держать ухо востро.

типицкая (всторону). Браво, Жоржъ!... хорошо!

типицкій. Я вамъ тоже раскажу когда-нибудь, въ какихъ я бываль драматическихъ положеніяхъ въ жизни!

восадулинъ. Очень радъ! очень радъ! (Всторону). Однакожъ, пожалуй, съ нимъ у насъ такимъ манеромъ дойдетъ и до трагедіи.

типицкій. Воть и чай готовь. Lise, на твою чашку. (Подаеть съ дивана чашку).

типицкая (взявъ). Мегсі!

типицкій (подаеть стакань). Леонидъ Ивановичь, прикажете?

восадулинъ (взявъ). Благодарю!

типицкая. Не хотите-ли лимону, или сливокъ?

типицкій. Варенья можеть быть?

восадулинъ (попробовавъ). Ни того, ни другаго, ни третьяго. Всв приправы портять чай. Особенно этотъ.

типицкій. Я счель бы это за комплименть, еслибь его наливала жена моя; но чай точно хорошъ. (Пьеть).

восадулинъ. По всему видно, что вы охотникъ ... сами наливаете. типицкая. Напротивъ, никогда. Это только нынче такъ ему пришла фантазія! SOME THE THEFTHE SAME SOME DEPARTMENT OF THE PART OF THE PART.

Это потому, что я такъ радъ нашему гостю, что не типипкій. зналь, какъ угостить его.

восадулинь. Помилуйте! (Типицкая подаеть мужу чашку). типипкій. Хочешь еще?

типицкая (отходя на другую сторону сцены). Нътъ; когда же я пью больше одной?... Faun annal Bunkania

восадулинъ (выпивъ стаканъ). Чай такъ хорошъ, что я безъ всякой совъсти, попрошу ещенстаканъ Став Стави постави попрошу

типицкій (взявь у него стакань). Съ удовольствіемъ!... Впрочемъ (встаеть) минуты дороги!.. (переходить къ жень, тихо). Теперь я занимаю сцену. (Становится посреди сцены и, принимая трагическій видь, говорить Восадулину). Молитесь!

восадулинъ. Что это значитъ?

типицкій. А то, что я все знаю!... А! вы какъ новый Донъ-Жуанъ, втираетесь въ мирное семейство и, вооруженные сильнымъ талисманомъ въ карманъ, поселяете въ немъ слезы, раздоръ и отчаяніе!... Вы разыгрываете драмы? Вы играете добрымъ именемъ женщинъ? Вы собпраетесь стръляться съ мужемъ ... вамъ жизнь не дорога? Такъ умирайте-же на здоровье!

восадулинъ. Что вы хотите сказать?

типицкій. А то, что и говорю: ложись и умирай!

восадулинъ. Понимаю. Вашъ часъ, ваше мъсто, ваше оружіе? (Всторону.) Она меня выдала!

ТИПИЦКАЯ (вскрикивая, становится между ними). Дуэль! Сжальтесь! сжальтесь!

типицкій. Небезпокойся: онъ одинъ умретъ. A Care Discourse and the second of the second

Какъ одинъ? восадулинъ.

типицкій. Также! и не выходя отсюда.

восадулинъ. Помилуйте!... это насиліе!

The tree man against man being

типицкій. Вы скончаетесь безъ мальйшаго насилія: тихо, покойно! и великольпная выйдеть драма изъ вашей кончины: молодой чело въкъ, худой по наружности, но полный жизпи, объехавшій всё трактиры за границей, возвратившійся въ отечество съ огромной, но довольно отвратительной козлиной бородкой, вдругъ, въ чужомъ домъ, приглазахъ любимой женщины, отдавъ ея письма, умираетъ скоропостижно отъ удара ...

восадулинъ (отскочивъ). Какъ?

ТИПИЦКІЙ. Не бойтесь, я не ударю, — хоть вы стоите и порядочныхъ ... но я предпочелъ дъйствительное средство: вы умрете сію минуту.

восадулинъ. Я?... караулъ!

типицкій. Крикъ напрасенъ. Я кончилъ вашу драму!... Въ этомъ стаканъ ...

восадулинъ. Я боюсь понять васъ.

типицкій. Былъ ядъ!

восадулинъ (въ ужасномъ стражь). Ядъ ... ядъ ... доктора ... ради Бога, доктора! Какъ? ядъ? О! умираю! поддержите! доктора!... да, да! это ядъ!... я давно ужъ чувствую какую-то лихорадку, жаръ, ознобъ ... что мнъ дълать? Помогите! спасите! (Падая на диванъ). Ахъ! умираю!

типицкій. Хотите жить?

восадулинъ. Хочу! хочу! ужасно хочу! спасите!

типицкій. Письма!

восадулинъ. Вотъ они! (Ището во бумажникъ). Гдъ? нътъ... доктора!... эй!... вотъ, кажется, они ... Они-ли?

типицкій. Они!

восадулинъ. Охъ!... сжальтесь!... противоядія!... Ахъ!... (Увидя чайный приборт). Молоко! Я спасенъ! (Схватываетъ большой кувшинъ со сливками и выпиваетъ ихъ противъ силы).

типицкій (хохочеть). Забудеть драмы!

типицкая. И жалко и смѣшно! (Громкій, продолжительный хохотг).

восадулинъ (приходя въ себя). Что это?... смъются?... чему вы это смъетесь? и у васъ достаетъ духу?

типицкій (хохочеть еще громче). Тому, что все это комедія... и яду, разумъется, не было.

восадулинъ. Какъ не было?... возможно-ли! .. и я буду живъ? я не умру?

типцикій. Ніть, ніть! Вы еще долго проносите эту бороду... мнъ только нужны были письма.

восадулинъ. Вотъ что ... да ... (Всторону). Какое глупое положеніе! (Вслухъ, смъясь притворно). Какъ вы меня поняли!... въдь и я шутилъ тоже .. я тоже шутилъ!

типицкій. Въ самомъ дълъ?

восадулинъ. Право!... это была моя шутка, которую вы продолжали. A CONTRACTOR OF THE PROPERTY O

типицкій (всторону). Бъдный!

ne de Aberla de Marchadol de Legione восадулинъ. Только вы не расказывайте никому.

Нътъ! и я очень радъ, что изъ всего этого вышла типицкій. комедія.

восадулинъ. Которую вы назовете?

типицкій. Комедіей безъ названія ... (Ко публикть). Что-то вы намъ скажете?

water in march on the special countries and the second

A MANAGER AND A MANAGEMENT OF THE STATE OF T

Server Street, or an enterior languagement as you \$240.58.498.0

OF JABJEHIE MEPBATO TOMA.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ:

ГДВ МЕДЪ, ТАМЪ И МУХИ. Комедія въ пяти дъйствіяхъ. Сочин. С. Одинской. (Псевдонимъ). — (Кн. 1, стр. 1 — 88.)

шихъ-мансуръ. Восточный романъ, въ 4 частяхъ. Части 1 и 2.

В. И Савинова. — (Кн. 1, стр. 1 — 72.)

УМНАЯ ЖЕНЩИНА. Повъсть С. П. Калошина. — (Кн. 1, стр. 1—34.) ДОЧЬ КАРЛА СМЪЛАГО. Драма въ трехъ дъйствіяхъ, въ стихахъ. соч. В. Р. Зотова. — (Кн. 2, стр. 1 — 78.)

ШИХЪ-МАНСУРЪ. Восточный романъ, въ 4 частяхъ. Части 3 и 4. В. И. Савинова. — (Кн. 2, стр. 1 — 64.)

пустопорожнее мъсто. Повъсть Мери. Переводъ А. Н. Николаева. (Кн. 2, стр. 1 — 54.)

ПУЛЯ-ДУРА. Разсказъ И. С. Юрьевой. — (Кн. 2, стр. 1 — 34.) П. ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

СПОНТИНИ И ЕГО МУЗЫКА. Статья A. H. Спрова.—(Кн. 1. стр. 1—42.) ЖАНЪ-ЖАКЪ РУССО, КАКЪ МУЗЫКАНТЪ. Статья $Adoль \phi a \ Adana.$ —(Кн. 2, стр. 1—20.)

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ. РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГВ.

- 1. Деньщикъ, историческая драма. Н. В. Кукольника.
- 2. Безденежье, сцены изъ Петербургской жизни. И. С. Тургенева.
- 3. Разлука также наука. Комедія въ стихахъ. П. И. Гри-
- 4. Такъ и Этакъ или Всякій за себя. Сцены изъ домашняго быта.
- 5. Утка и стаканъ воды. Водевиль И. Оедорова.

(Бенефисъ г. Максимова 1). Статья Ө. А. Кони. —(Кн. стр. 1—14.)

- 6. Соломенная шляпка. Комедія водевиль въ пяти дъйствіяхъ, передъланная съ французскаго П. С. Федоровымъ.
- 7. Сборы на Крестовскій въ Чухонскую деревию. Шутка-водевиль въ одномъ дъйствіи, соч. воспитанника Театральной Дирекціи г. Чернышева.
- 8. Старичекъ-женишокъ или и сватался, да не женился. Комедія съ куплетами, въ одномъ дъйствіи, переводъ съ французскаго. С. Соловьева.
- 9. Сцена изъ поэмы: Мертвыя души. *Н. Гоголя*. (Бенефисъ г. Мартынова).

- 10. Продавецъ дътскихъ игрушекъ. Драма въ одномъ дъйствии, переводъ съ французскаго.
- 11. Домашнее уложение. Комедія въ одномъ д'йствін, соч. гр. Е. П. Ростопчиной.
- 12. И дружба и любовь. Разговоръ для сцены, составленный г-жею Тальцевой.
- 13. Женихъ. Оригинальный водевиль, въ одномъ дъйствіи.
- 14. Тарантелла. Лирическая сцена, съ хорами и танцами, соч. И. И. Мятлевой.
- 15. Дивертисманъ. (Бенефисъ г-жи Самойловой 2). Статья Ө. А. Кони. — (Кн. 2, стр. 1 — 16) русская опера въ петербургъ.
- «Эсмеральда», опера въ 4 дъйствіяхъ, соч. А. С. Даргомыжскаго. Статья Ю. К. Арнольда.Кн. 1, стр. 1—28.) итальянская опера въ петербургъ.
- Донъ-Жулнъ Моцарта; Сорока-Воровка, Севильскій Цирульникъ и Отелло — Россини. Статья Капельмейстера Крейслера. (Кн. 1, стр. 1—23).

IV. ОБОЗРЪНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ. Письмо изъ Парижа, отъ 1-го января.

Толки и пренія объ учрежденіи народнаго Лирическаго Театра. Несообразность такого предпріятія. — «Колдунья Москита», опера Скриба и Густава Вазза, музыка Буасло.-«Мурдокъ-разбойникъ; комическая опера Левена и Неве, музыка Готье. «Бразильская Жемчужина», опера Габріеля и Сенто-Этьена, музыка Фелисьеня Давида. Дебюты півицы Тедеско и танцовщицы Надежды Богдановой. — «Веръ-Веръ,» балеть Левена, Мазилье и Сенъ-Леона. — Появление Океанійской првицы Ореи, съ острова Отаити. - Возобновленія въ Комической опере. — Певицы Барбіери и Нини и Софія Крувелли; баритонъ Белетти, теноры Кальцолари и Граціани. — «Послъдній Абенсерагъ,» драма Бовале. - «Послъднее прости», комедія Карре и Барбье; —«Школа мъщанъ,» комедія Даленваля; —«Семейство», комедія Сарре; — «Подъ виноградъ!» комедія Ларена: — «Книга III, глава I,» комедія Пьерона и Лаферьера;— «Прав'я мужчины, » комедія Жюля де Премаре. — «Свадьба Викторины,» комедія Жоржь Зандь; — «Беттина» — Альфреда Мюссе; — «Дельфина и Лаура,» водевиль Баяра; «Ивонна и Лоинъ,» сельская картина Карре и Наррея. - «Китай въ Парижъ»-китайщина, представляемая настоящими

китайцами. — Исторія Панкинской розы. — Шестильтняя актриса Марія Дальби. — Кошечья комедія въ театрь Конта. — «Миньона,» комедія Гастона де Монто. — «Атаманъ разбойниковъ» — фарсь Варена и Марше. — «Два отца.» — «Давай колотить жену!» водевили Сироденя и Лефранка. — «Закатъ звъзды» и «Бълыя платья» — Гозлана. — «Гортензія де Серни», — комедія Бояра и Боплана. — «Съ бою!» водевиль Декурселя и Барьера. — «Превращенная крестьянка,» драма Деннери и Дюмануара. — Марта и Марія,» драма Анисе Буржуа и Мишеля Массона; «са рели де снадкій,» драма Жудисиса. (Кн. 1, стр. 24 — 46.)

I. Франція. (Письмо изт Парижа, отъ 1/15 февраля 1852). Разныя возобновленія на Парижскихъ театрахъ. — Дебюты г-жи Тедеско — въ «Кипрской королевв» и «Пророкв», Пріора — въ «Верверв» и г-жи Надежды Богдановой — въ «Маркитанткъ». — Новый басъ Депассіо; необычайный успъхъ его въ «Робертъ». — «Замокъ Синей - бороды» — комическая опера, соч. Сен-Жоржа, музыка Лимнандера. — «Нина или сумасшедшая отъ любви», опера Далайрака. — Новая пъвица Андреа Фавель. — «Мельничный холмъ», опера Габріеля и Дефоржа, музыка Адріана Боэльдые. — Итальянская опера и мистеръ Лумлей. — Пъвица Фіорентини и пъвецъ Ферлотти. — Гуаско. — Рашель. — Новая комедія Эмиля Ожье. — «Супружеская дипломація» — пословица г-жи Бертонъ. — «Колебанія Розетты», комедія Эрнеста Серре. — «Синяя борода» водевиль Баяра. — Черкешенка», водевиль Сент-Илера и Бордье. — «Сны Матеуса», водевиль Мелесвиля и Кармуша. — Черная Малибранъ. — «Паша и негритянка» пьеса Клервиля и Кордье. — «Ночная росписка, — оперетка Комерсона и Ремонъ - Деланда. - «Погоня за удовольствіємъ» — гг. Мишеля Делапорта, Теодора Мюре и Гастона де Монто. — Неумирающія жабы», годовое обозрѣніе Клервиля и Дюмануара. — «Вампиръ», драма А. Дюма и ком. — «Замокъ Грансье», драма Огюста Маке. — «Прядильщица» — драма Жюля Барбье и Мишеля Карре. — Театръ Petit Lazary — «Возстаніє въ преисподней» — пьеса Блонделе и Вине. — Статья Апполинарія Бонавентуры.

П. Америка. Театры и актеры въ соединенныхъ Штатахъ. (Письмо изъ Нью-Іорка, отъ ²/₁₄ января 1852).—Кн. 2, стр. 1—20.) V. СМЪСЬ.

согденскія скалы и еврейская община въ горахъ абхазій. Статья В. Натужайскаго.

- к. т. соленикъ, замъчательнъйшій провинціальный актеръ. Статья Г. Рымова.
- **ДЕРЕВЕНСКІЙ СОСЪДЪ.** Разсказъ Евгенія Гино.—(Кн. 1, стр. 1—47.)
- 1. Stabat mater. 2. О летаній птицъ. Изъ теорій и наблюденій Левальяна. 3. Драматическія и библіографическія рѣдкости. 4. Невольный бракъ. 5. Одинъ концертъ въ трехъ залахъ. 6. Обязательный директоръ. 7. Провинціальные театры въ Россіи. Ярославскій театръ. Письмо къ редактору, Н. И. Филимонова 8. Встрѣча Ламартина съ Россини. 9. Музыка въ Индіи. 10. Жозефина Грассини. 11. Мавры въ Испаніи и въ Африкъ. Изъ наблюденій русскаго путешественника. (Кн. 2, стр. 1 52.)

VI. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВЪСТНИКЪ.

Опредъленіе Петербурга. — Новые его памятники: Благовъщенскій мость, Эрмитажная Галлерея, Станція Жельзной Дороги. — Первенство Петербурга въ артистическомъ отношеніи. — Новости литературныя. — Новости музыкальныя. — Бюсты и статуэтки Степанова. — Общественныя увеселенія. — Мистрисъ Блумеръ и затьянный ею перевороть въ модахъ. — Какъ Петербургъ слъдуетъ модъ. — Благородное Собраніе и его швейцаръ. — (Кн. 1, стр. 1 — 12.)

Фельетопные счастливцы. — Назначеніе Петербургскаго В'ьстника и его горе. —О руссихъ журналахъ и о свойствахъ ихъ. — Музыкальныя новости: оперы: «Сарданапалъ» — Аллари, «Андорская долина» — Галеви; новыя музыкальныя пьесы. Изданія художественныя: «Описаніе Новаго Московскаго Дворца», А. Ө. Вельтмана; Хромо-литографіи Дрегера. — Портреты півицы Медори-Вельмотъ и скрыпача Аполинарія Контскаго. — Нісколько словъ о циркахъ вообще и о наїздниці Пальмирть Аннато въ особенности. — Моды въ Петербургі. — Пять дамскихъ повыхъ нарядовъ. — Необходимые отвіты на нікоторые важные вопросы объ соучастникахъ Пантеона и о прочемъ-иномъ. — (Кн. 2, 1 — 18.)

- VII. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. М. Л. 1 и 2.
- БЪДА ОТЪ СЕРДЦА И ГОРЕ ОТЪ УМА. Комедія водевиль въ одномъ дъйствіи, θ . А. Копи. (Кн. 1, стр. 1 38.)
- утка и стаканъ воды. Водевиль въ одномъ дъйствіи, передъланный съ французскаго П. С. Өедоровымъ. (Кн. 2, стр. 1 40.)

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ

DESIGNATED SEPTEMBER SEPTEMBER OF A SEPTEMBER OF THE SEPT

de plantage and the antimorphism of the common of the comm

въ с. петербургъ,

на Невскомъ Проспектъ, въ домъ Казанскаго Собора.

продаются слъдующія книги:

(Цпны означены на серебро).

- **ТАМАРИНЪ.** Романъ *М. Авдъева*. 2 части. Спб. 1852. Цѣна 2 р. 50 к. съ перес. 3 р.
- ДВА ГОДА ВЪ ПЛЪНУ У ГОРЦЕВЪ. Воспоминанія о жизни и похожденіяхъ въ Кавказскихъ горахъ штабсъ-канитана Новоселова, разсказанныя В. Савиновымъ. Спб. 1851. Цъна 1 р. съпересылкою 1 р. 30 к.
- миссъ мери или гувернантка. Романъ Евгенія Сю. 2 части. Спб. 1852. Цівна 1 р. съ пересылкою 1 р. 50 к.
- охотникъ за шутками, остротами и разными анекдотами. Собраніе всего любопытнъйшаго въ этомъ родъ. Изданіе К. Е. Сомогорова. Книжка вторая. Спб., 1851. Цъна 50 к., съ перес 75 к.
- ЧТЕНІЯ КЪ СЕЛЬСКИМЪ ПРИХОЖАНАМЪ, протоїерея Тульской губерніи, Ефремовскаго уфада, села Благодати, Іоанна Пискарева. Изданіе 2-е. Спб., 1852. Цёна 40 к., съ пересылкою 60 к.
- черный тюльпанъ. Романъ Александра Дюма. Въ 4-хъ частяхъ. Москва, 1852. Цъна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.
- СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ изъ ненапечатанныхъ водевилей, сочиненіе Альфреда фонъ-Юнка. Кіевъ, 1851. Цъна 1 р., 50 к. съ пересылкою 1 р. 75 к.
- РИСУНКИ ЭКИПАЖЕЙ, съ планами, деталями и объяснительнымъ текстомъ Составилъ и рисовалъ Стоке. Тетради 1-я и 2-я, въ каждой по 5 раскрашенныхъ рисунковъ

Цыганскій таборъ. Собраніе пъсенъ и романсовъ, пътыхъ московскими Цыганами. Съ акомпаниментомъ фортепіано. 2 тетради. Спб, 1851. Цъна 6 р., съ пересылкою 7 р.

COMPOSITION DE S. SCHULHOFF. Pour le Piano-Forte. 1 volume. Album. Цъна 5 р., съ пересылкою 6 р.

ECHO (L') DES BALS. Album de danses. Цтна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к. ALBUM DES PIANISTES DE ST. PÉTERSBOURG. Цтна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. ALBUM DE L'OPÉRA ITALIEN. Collection choisie d'airs, de cavatines et romances. Цтна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к

ТОЛСТЯКЪ И ТОЩІЙ. Шуточная сцена, въ стихахъ. О. А. Кони. Цъна 25 к., съ пересылкою 40 к.

«ХРИСТОСЪ НА ГОЛГООБ»

великолѣнный эстампъ, съ знаменитой картины Штейбена, большаго формата, превосходно отпечатанный на китайской бумагѣ. Цѣна 10 р. съ пересылкою 11 р.

Кто выпишеть этоть эстамих черезь Контору Пантеона— за пересылку ничего не прилагаеть

Кромъ здъсь означенныхъ книгъ, можно выписывать изъ Главной Конторы журнала ПАНТЕОНЪ вообще всъ книги и литетатурныя и учебныя пособія, — гдъ и къмъ-бы они изданы или публикованы ни были. Порученія исполняются немедленно съ возможнымъ соблюденіемъ выгодъ Гг. корреспондентовъ.

Адресъ: Въ Главную Контору журнала ПАНТЕОНЪ, въ С. Петербургъ, на Невскомъ Проспектъ, въ домъ Казанскаго Собора.

THE WEST TOUGHTAND OF COMMISSION IN THE PROPERTY OF THE PARTY OF THE P

where it assessmention and the transfer of said the

and the surrown rape or rapasement and all on thousand

da net in net manyal manyal manyal network in the network

Sinks are of the fine of examine registers were RTRIVE E. RICHTORETO

новыя музыкальныя сочиненія

BIPLIER H APPARENCHEN AM MORTANIANA IL HULLIGA

м. БЕРНАРДА,

на Невскомъ проспектъ, противъ Малой Морской въ домъ Цаскаля № 11.

школы и этюды для фортепіано.

- BERTINI. Méthode complète et progressive de piano. Vollständige Pianoforteschule oder Anweisung zum Pianoforte-Spiel 13 rbl. 72 c.
 - -- 48 Etudes composées pour ceux qui veulent se préparer pour les célèbres études de Cramer, op. 29, 32; 2 livr. chaque 1 rbl. 72 c
 - -- Etudes faciles, op. 100 liv. 1, 2, chaque 85 c.
- -- 12 petits morceaux précédés chacun d'une prélude. Liv. 1, 2, chaque 60 c.
- CHOPIN. 12 grandes études, op. 10 liv. 1, 2, chaque 2 rbl.
 - -- 12 études, op. 25 liv. 1, 2, chaque 2 rbl. 58 c.
- CRAMER. Pianoforte-Schule. Neue Ausgabe 1 rbl. 72 c.
 - -- 42 études. Liv. 1, 2, chaque 1 rbl. 72 c.
 - -- 42 études. 2-de Suite, liv. 1, 2, chaque 1 rbl. 72 c.
- CZERNY. Der Wiener Clavierlehrer. Лучшій фортепіанной учитель или новъйшая школа нынъщней игры на фортепіано 2 р.
 - Etude de la vélocité (Die Schule der Gelaufigkeit) ou 30 exercices, calculés à développer l'agilité des doigts, op. 299 2 rbl. 85 c.
 - -- Exercices journaliers (40 tägliche Studien) op 337 3 rbl.
 - -- Le Style. 25 études de salon, op. 756 6 rbl. 85 c.
- HERZ. Méthode complète de piano. Vollständige Clavier-Schule, op. 400 10 rbl. 30 c.
- HUEBTEE. Méthode de piano. Nouvelle édition 4 rbl.
- гинтинъ. Школа для фортеніано на русскомъ и французскомъ языкахъ. Новъйшее изданіе 4 р.
 - -- 18 exercices progressifs, op. 80 1 rbl. 43 c.
 - -- 12 études mélodiques, op. 81 2 rbl.
- KALKBRENNER. Méthode pour apprendre le piano. Pianoforte-Schule, op. 108 6 rbl. 85 c.
- MAYER. Trois études, op. 50 (1 p. 70 k.) Six études, op. 55 (1 p. 70 k.) Trois grandes études, op. 61. Nouvelle édition (1 p. 50 k.) Trois nouvelles études, op. 91 (3 p. 43 k.) 12 études mélodiques, op. 93 liv. 1 à 4, chaque 1 rbl. 15 c.
- MOSCHELES. Etudes. Studien zur höhern Vollendung bereits ausgebildeter Clavierspieler, op. 70 liv. 1 (4 p.) liv. 2, 3 rbl 70 c.!
- -- 50 Préludes, op. 73 2 rbl. 30 c.
- ROSELLEM. Méthode de piano, contenant les principes de musique, un grand nombre d'éxercices etc op. 116 6 rbl. 85 c.
- WOLFF. L'art de l'éxécution. 24 grandes improvisations ou études, op. 100 liv. 1 à 3, chaque 2 rbl. 30 c.

ВАРІАЦІИ И АРРАНЖИРОВКИ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО НА ЛЮ-БИМЫЯ РУССКІЯ ПЪСНИ И РОМАНСЫ.

AZAREYITSCH. Fantaisie et variations sur l'air bohêmien-russe «Koca» 1 rbl.

BERNARD. Варіаціи на гимнъ «Боже Царя храни!» (75 к.) Ты не повърнить. Air bohé. mien varié (85 к.) Variations brillantes sur «Черный цевть» (1 р.) Русская пъсня «Не одна во полъ дороженька» съ варіаціями (1 р.) Собраніе русскихъ народныхъ пъсенъ съ варіаціями, 7 тетрадей, по 60 к. W(3).((1)

- Trois romances favorites de Warlamoff transcrites en pièces de salon 1 rbl
- Любимые романсы А. Варламов а, переложенные для фортеніано. Тетр. І 1 р.
- Скажи, зачъмъ. Air bohêmien varié 60 с.
- Ты душаль моя. Air bohêmien varié 85 с.
- BEYER. Hommage à la Russie. Douze fantaisies élégantes sur des chansons russes, op. 100 № 1 à 12, chaque 75 c.
 - Fleurs mélodiques de la Russie. Nouvelles fantaisies élégantes, op. 102 № 1 à 12, chaque
 - Bluettes du nord. Amusements pour la jeunesse sur des airs russes favoris, op. 103. En deux suites, chaque 1 rbl.
 - Trois airs russes variés 60 c.

Arabesque sur l'air russe «Тройка» op. 27 1 rbl. DAMCKE.

Arabesque sur un air de l'opéra «Olga» op. 28 1 rbl.

Trio de l'opéra «Жязнь за Царя« varié 85 с. DOEHLER.

Соловей. Air russe d'Alabieff varié 85 с.

Бывало. Romance du C-te Wielhorsky transcrite 85 с.

ELKAMP. Romance de Glinka transcrite 60 c.

GLINKA. . Colobeil. Air russe d'Alabieff varié 1 rbl.

HENSELT. Deux romances du C-te Wielhorsky transcrites. Nouvelle édition 1 rbl. KULLAK. Illustrations russes:

№ 1. Мит грустно потому. Romance de Dargomijsky transcrite 75 с.

№ 2. Я помню чудное мгновенье. Romance de Glinka transcrite 1 rbl.

№ 3. Благодарность. Romance de Warlamoff transcrite 75 с

LANGER. Air bohêmien «3a Урадомъ» transcrit et varié 75 c.

LEWY. Les bohêmiens. Mélodies russes transcrites, op. 27 1 rbl.

Соловей. Air russe d'Alabieff transcrit (85 к.) Le même facilité par Tscher-LISZT. litzky 60 c.

MEYER. (L.) Air bohêmien-russe transcrit et varié 75 c.

— Caprice sur l'air bohêmien «Ты не повърншъ».

SCHILLER. Матушка голубушка. Fantaisie brillante (1 р. 15 к.) Не былы сивги. Fantaisie 1 rbl.

WARLAMOFF. Сэловьемъ залетнымъ. Chanson favorite variée par Henselt, Schiller, Frackmann, Lewy etc. 1 rbl. 50 c.

Вынисывающіе ноть на сумму не менье трехъ руб. сер. получають двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающие на десять руб., кромъ того ничего не прилагають за пересылку. Выгодою этой пользуются только тв, которые обратятся съ требованіями непосред-

ственно въ магазинъ Бернарда.

Въ томъ же магазинъ вышла 1 Марта 3-я тетрадъ музыкальнаго журнала «Нувеллистъ», (годъ XIII), которая содержить въ себъ между прочими: Schulhoff, Souvenir de Moscou. Chant du pêcheur—Kullak, Благодарность. Romance de Warlamoff transcrite — Field, Andante inédit - Willmers, Les adieux. Romance sans paroles -Портреть Фильда, — Музыкально-литературное прибавление № 3. (Годовая цена за Нувеллисть 10 р. сер.; съ пересылкою 11 р. 50 к.сер.)

музыкальныя новости,

ВЪ МАГАЗИНЪ В. ДЕНОТКИНА,

коммиссіонера Двора В. П. Вел. Кн. Марін Николаевны.

на Невскомъ Проспектъ, въ домъ Демидова.

ПВНЫ НА СЕРЕБРО

для форте-пьяно:

	2012年1月1日 《建筑社社·建设》,2012年2月1日 6日,2013年2月1日 2月1日 2月1日 2月1日 2月1日 2月1日 2月1日 2月1日	
DUTSCH, O.	Sophie-Polka de a de	50 к.
a 00	Tarantella neapolitana pari and the OTAL	85 к.
n 00 0	Le Val d'Andor; Quadrille	60 к.
Santa de la companya	Zigeuner-Lieder-Walzer 1 p.	·
ия до руб, ан	Domino-Polka. OLIGIBLE MARCOCOMI	50 к.
	Zigeuner-Polka	50 к.
	Véra-Polka	60 к.
	La Dame de Pique; Quadrille	60 к.
	Galop fantastique	75 к.
455	Cato-Polka-Mazurka	60 к.
100 mm	Alexander-Marsch	60 к.
	Deux Romances pour Piano et Violon . 1 p.	_
LIADOFF, C.	Valse 60 к. Quadrille 60 к. и Polka 50	
	новаго балета «Веръ-Веръ»; вмисти въ тетради 1 р.	
	Palmyra-Anato-Quadrille ,	75 к.
	Najadel-Polka-Mazurka	40 к.

KRAMER. Антипка-балалайка-Кадриль	60	
Julius-Polka	50	K.
GUNG'L, JOH. Najaden-Polka	75	K.
—— Najaden-Quadrille	75	K.
JOSSE, M. Mila-Polka	50	
La dame aux trois couleurs-Polka	50	к.
—— Polka de l'Elisée	60	ĸ.
SINGER. Impromtu sur Wanka-Tanka	75	K.
PUGNI, C. Les Bohemiens de Isler Quadrille	75	K.
La jolie fille de Gand-Quadrille	75	ĸ.
Talon-Magneka	75	K.
—— Tyrolienne di Brenta	75	к.
манана пред Романсы и пъсни:	101	0.71
ДЮТЧА, О. Богъ съ вами, я васъ больше не люблю	60	K.
— Одинъ лишь мигъ	75	K.
— Отъ женскихъ сплетенъ нътъ спасенья.	75	K.
—— Звъзда любви моей сокрылась	75	к.
ДЕРФЕЛЬДТА, А. Три Романса:		
. — 1, Ты не жди меня, моя милая .	60	К.
—— 2, Пъснь Цыгана	60	K.
— 3, Разлюбила красна дъвица .	40	K.
Всъ вмъстъ въ одной тетрадкъ 1 р.	DET	ud
ВИТЕЛЯРО, Н. Вопль души		к.
О будь опять, какъ былъ ты прежде	4	к.
Гг. Иногородные, выписывающие не менте какъ на 10	руб.	3a

: The Equipment and of the car work and the continued of the

Highest with the Articles

Police of a Condition of the second of the color of the colors of the co

ar (3)